

The background of the cover is a painting in a warm, golden-yellow color palette. It depicts a historical scene. In the upper part, there is a large, multi-story stone building with several windows. A boat with a green canopy is positioned in the foreground on the left, partially obscuring the view of the building. The lower part of the painting shows a body of water with several small boats and a rocky shoreline. The overall style is that of a historical painting.

ОТ СМУТЫ К ИМПЕРИИ

**НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В ОБЛАСТИ
АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ
РОССИИ XVI–XVIII вв.**

Часть 1

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

**при поддержке
РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**

HISTORICAL AND PHILOLOGICAL BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
INSTITUTE OF HISTORY

FROM THE TIME OF TROUBLES TOWARDS THE IMPERIUM

RECENT DISCOVERIES IN ARCHAEOLOGY AND HISTORY OF THE 16TH – 18TH-CENTURIES RUSSIA

The proceedings of the conference
(Moscow, November 20–22, 2013)

MOSCOW – VOLOGDA

«DREVNOSTI SEVERA»

2016

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ОТ СМУТЫ К ИМПЕРИИ

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ РОССИИ XVI–XVIII вв.

Материалы научной конференции
(Москва, 20–22 ноября 2013 г.)

МОСКВА – ВОЛОГДА

2016

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4
О-80

Утверждено к печати Учеными советами
Института археологии РАН,
Института российской истории РАН

Ответственные редакторы:
Л. А. Беляев, А. В. Юрасов

Редколлегия:
*П. Г. Гайдуков, И. И. Елкина (отв. секретарь), Д. В. Лисейцев,
Н. А. Макаров, А. В. Малов, С. М. Шамин (отв. секретарь), А. В. Энговатова*

В оформлении обложки использованы
фрагменты акварелей Л. Ланцмана «Вид раскопок Казанского собора», 1991 г.

В оформлении шмуцтитлов использованы:
*Карта: Западная Сибирь, XVII в. (с. 12); фрагмент листа «Новая и предивная карта о перекопе...»
из атласа К. Крюйса, раскрашенная гравюра на меди, 1704 г. (с. 46); фото надгробной плиты с могилы
третьего настоятеля Воскресенского монастыря на р. Истре архимандрита Акакия (1670 г.), обнаружен-
ной Ново-Иерусалимской археологической экспедицией Института археологии РАН (2009–2016 гг.) (с. 136);
«Кремлевский замок», гравюра из немецкого издания книги: Mallet A. M. Beschreibung des gantzen Welt-Kreises.
Frankfurt am Main, 1719 (первое парижское издание – 1684 г.) (с. 188); «Рыцарство 1588–1632 гг.»,
литография из альбома Яна Матейко «Польский костюм» («Ubiory w Polsce»), 1875 (с. 246);
антиминс церкви Константина и Елены в Москве, 1637 г. (с. 398).*

О-80 От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. : материалы науч. конф. = From the Time of Troubles Towards the Imperium. Recent discoveries in archaeology and history of the 16th – 18th-centuries Russia: The proceedings of the conference / Рос. акад. наук, Отделение историко-филологических наук, Институт археологии, Институт российской истории; [редкол. : Л. А. Беляев, А. В. Юрасов (отв. ред.) и др.] – Москва ; Вологда : Древности Севера, 2016. – 520 с. : ил.

ISBN 978-5-93061-104-5

В издании публикуются материалы научной конференции, прошедшей 20–22 ноября 2013 г. в Москве. В докладах участников конференции поднимались вопросы экономики, хозяйства, военной истории, духовной и материальной культуры России XVI–XVIII вв.

Книга предназначена историкам, археологам, студентам исторических специальностей и всем интересующимся историей России.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4

From the Time of Troubles Towards the Imperium. Recent discoveries in archaeology and history of the 16th – 18th-centuries Russia : The proceedings of the conference / Historical and philological Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology, Institute of History, Russian Historical Society; [eds.: Belyaev L. A. and Yurasov A. V.] – Moscow ; Vologda : Drevnosti Severa, 2016. – 520 p. : ill.

Publication of the Conference papers, held in Moscow (20.10–22.10.2013). At the proceedings there are presented the problems of the history of economy, agriculture, crafts and early industry, military history, spiritual and material culture of the 16th – 18th-centuries Russia.

For researchers and students in history, art and archaeology.

Перевод на английский язык резюме статей – И. Б. Григорян, О. А. Леонидова

ISBN 978-5-93061-104-5

© Отделение историко-филологических наук РАН, 2016
© Институт археологии РАН, 2016
© Институт российской истории РАН, 2016
© Авторы статей, 2016
© Оформление. ООО НИЦ «Древности Севера», 2016

Изразцовое панно «Двуглавый орел».
Найдено в церкви Воскресения Христова в Пленцах
(Андреевский монастырь, Москва).
1690-е гг. Собрание МГОМЗ

Предисловие

Позднее Средневековье и начало Нового времени в России: рождение историко-археологической версии

Вопрос о выделении древностей эпохи Средних веков и Нового времени в особое направление – один из ключевых в современной археологии России. Первое обсуждение возможности включить их в общеисторические исследования прошло десятилетие назад на страницах журнала «Российская археология»¹. Отдельные попытки серьезно изучать памятники конца XVII–XIX вв. как археологические в «поздних» городах делали уже в середине XX в.², а в конце 70-х гг. предлагались первые научные программы такого изучения, прежде всего в Санкт-Петербурге (Г.С.Лебедев)³. Но сейчас это направление *de facto* распространилось так широко, что его институализация – только вопрос инициативы. На Всероссийских археологических съездах в Суздале (2008 г.) и Новгороде (2011 г.) работали специальные секции; аналогичная была запланирована для съезда в Казани (2014 г.). Результаты обширных полевых работ докладывают на многих конференциях и публикуют в ежегодниках и сборниках, востребованных в среде археологов⁴, вышли методические рекомендации

по археологическому изучению некрополей XVII–XIX вв.⁵. Более того – «поздняя археология» встала на прочную легальную почву. Принятые поправки к закону Российской Федерации об археологическом наследии⁶ законодательно подняли границу археологии до Первой мировой войны, а первый Национальный стандарт (ГОСТ)⁷ археологических изысканий при работах на объектах культурного наследия вообще не ставит временных рамок, подразумевая необходимость археологии при реставрации архитектурных сооружений любой эпохи. Вошла в состав методических требований обязательная сдача на экспертизу и централизованное хранение отчетов по работам на объектах XVIII–XIX вв. (в 1980-х гг. Отдел полевых исследований их попросту не принимал).

То же самое давно происходит на Западе, где включенность памятников археологии, в том числе поздней, в состав охраняемого культурного наследия не вызывает сомнения, а сама археология всё больше признается частью не только науки, но и современной культуры и искусства, ее потенциал эксплуатируется как часть туристического и шоу-бизнеса, развиваются волонтерские движения и содружества исторической реконструкции, экспедиции используются молодежными общественными движениями, возрастает роль археологии в форми-

¹ Археология позднего периода истории: материалы круглого стола, проведенного редколлегией и редакцией журнала «Российская археология» // РА. 2005. № 1. С. 81–99.

² Грач А.Д. Археологические раскопки в Ленинграде: к характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 92 с.

³ Специальный номер журнала «Адреса Петербурга. Археология», 2004, 15/27. URL: http://www.adresaspb.ru/arch/adresa_15/15_005/15_05.htm (дата обращения 01.05.2014).

⁴ Региональные конференции «Археологии Подмосковья», с 2004 г.; «Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья», с 1996 г. и др. За Уралом периодических конференций и их изданий меньше: томские «Интеграция археологических и этнографических исследований» и «Культура русских в археологических исследованиях»; в прошлом – неперіодический сборник «Русские первопроходцы на Дальнем Востоке». Но сами работы ведутся очень активно.

⁵ Беляев Л.А. Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии. М.: ИА РАН, 2011. 54 с. (Методика полевых археологических исследований. Вып. 5).

⁶ Федеральный закон от 23.07.2013 № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии».

⁷ Фатин В.Н., Куликов С.Б., Кондрашев Л.В., Энговатова А.В., Беляев Л.А. Археологические изыскания в составе работ по реставрации, консервации, ремонту и приспособлению объектов культурного наследия. М., 2013. (Национальный стандарт Российской Федерации – ГОСТ).

ровании национальной и религиозной идентичности и так далее. Эти процессы идут в России, хотя не на всех направлениях одинаково активно⁸.

Итак, научно-организационные вопросы и охрана археологического наследия XVII–XIX вв. развиваются с заметным успехом. Но становление новой области науки идет медленнее. По-прежнему редки целенаправленные длительные раскопки, а научные плановые темы и диссертации по поздней археологии скорее являются исключением. Действительно ли это отдельный раздел археологии, и каково его место в общем, традиционном процессе исторического исследования?

Существует мнение, что археология нужна исследователям тех периодов истории, где достаточно много письменных источников, прежде всего как поставщик ярких иллюстраций к описываемым событиям, причем иллюстраций, постоянно обновляющихся. Действительно, исключительная наглядность археологии, в том числе археологии последних столетий, выводит публикацию на очень высокий уровень психологической убедительности, делает ее частью современной политической риторики и общественной дидактики (могилы с длинными рядами скелетов в военной форме на полях сражений I Мировой войны – убедительный аргумент пацифизма⁹).

В прошлом в фундаментальной археологии материала Нового и Новейшего времени отводилось почти исключительно пространство эксперимента в области методики или реконструкции явлений, мало доступных на основе традиционных источников¹⁰. Сейчас ее проявления исключительно разнообразны, а роль в общем процессе движения гуманитарных наук, в истории и философии науки, в поисках «смысла истории» всё очевиднее. Открывается путь к анализу становления, трансформации, самой природы современного мира.

Конечно, археология не сможет коренным образом изменить историю последних столетий. Ее привлекательность для раскрытия событий XVII–XX вв. несомненна, но она не в научном анализе, а в самом

драматизме процесса раскрытия животрепещущих, кровоточащих (в прямом и переносном смысле) свидетельств. Можно сравнить потребность таких раскрытий с потребностью ранних христиан вобретении и переносе реликвий. Иногда совпадения не относительные, а прямые – например, идентификация костяков, найденных под Екатеринбургом, как останков царской семьи представляет собой одновременно научно-исследовательский процесс и удовлетворение психологической потребности народа (не только верующих) в восстановлении исторической справедливости или осуществлении (пусть посмертном) милосердия в отношении невинно пострадавших.

С нарастанием возможностей фальсифицировать и прошлое, и даже окружающую реальность (ср. *Generation «П»*) возросла потребность в получении информации аутентичной, выраженной в неопровержимых материальных свидетельствах. Современный человек, тонущий в океане непроверенных или просто подтасованных данных, теряет свойство доверчивости и обретает вкус к подлинности, требует данных из первых рук. В идеале это сведения, добытые при его личном участии. Простейшая формула: с экрана рассказывают об ужасах сталинских лагерей и геноциде в Европе; возможно, что рассказывают неправду; чтобы получить истинное знание, нужно войти в лагерные бараки, причем не «музеефицированные», а только что открытые археологами. Объекты и процесс их изучения служат уже не иллюстрациями (как иногда думают), и они более чем свидетели. Это пробирные камни социальной психологии, показывающие человеку прошлое, так сказать, в рабочем состоянии.

Многие современники делают и следующий шаг. Они приходят (пусть неосознанно, интуитивно) к абсолютно верному пониманию истории не как готового текста, а как *процесса его создания*. Они готовы принять участие и требуют для себя места в этом процессе; да им уже и навязывают участие – хотя бы путем опросов. Современный человек полагает, что он может быть творцом собственной истории. Причем в обоих смыслах: творцом истории как будущего и творцом письменной истории, ее концепции и нарратива. К чему такой самостоятельный творец прибегнет: к объективному изучению источника или к произвольной интерпретации, конструированию и фальсификации прошлого – очень серьезный вопрос.

Отсюда – роль поздней археологии как инструмента формирования исторического пласта в социальной психологии, в общественном сознании, в процессе личной и общенациональной идентификации. Этот политико-пропагандистский ресурс уже используют и государственные структуры, и общество. Отчасти поэтому столь чувствительны стали к археологии те страны, где картина прошлого до

⁸ См. о некоторых сторонах соотношения археологии, искусства и культуры: Беляев Л. А. Археология как катализатор в процессе познания древнего и создания нового искусства // Искусство и наука в современном мире: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: Творческая мастерская, 2011. С. 57–69; Его же. Археология позднего Средневековья и Нового времени в России: заметки о самоопределении // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 11–18.

⁹ Demoule J.-P. La France archéologique: vingt ans d'aménagements et de découvertes, Paris: Éditions François Hazan, 2004. P. 207–209, 218–221.

¹⁰ Это была очень узкая ниша – историю массовой культуры, быт низших слоев общества, их ремесла и не отраженные в источниках обычаи можно представить и без археологии – скажем, по «Энциклопедии» Д'Аламбера.

конца не устоялась, в том числе в России¹¹ и у ее соседей. Борьба за право контроля над прошлым в области истории Нового и Новейшего времени особенно жестока: Хатынская трагедия включает многочисленные «археологические» эпизоды и их эксплуатацию в пропаганде; при раскопках в Батурине только методическая строгость ряда украинских ученых позволила объективно представить картину спокойного развития «гетманской столицы» в конце XVII – начале XVIII в. и не скатиться к очередному этюду на тему «зверства русских оккупантов на захваченной территории».

Таков бегло очерченный контур поздней археологии как одного из важнейших ресурсов современной работы в области культуры, социальной психологии и национальной политики. Впрочем, признание за ней прав специфической области культуры не должно закрывать от нас того, что права эти будет невозможно реализовать без развития ее как области строгой науки. Именно эту, едва формирующуюся, область даже мелкие отклонения от научного метода могут привести к катастрофе, столкнуть в паранаучное пространство. К счастью, научные достижения в поздней археологии последней четверти века всё нагляднее, ее вклад в информационную базу истории всё весомее. И не только в России. Выше упоминалось о бурном развитии «исторической археологии»¹² на Западе¹³. Заметно

¹¹ Борьба за памятники археологии в современной России имеет, конечно, и другие, не менее драматические составляющие. Это часть борьбы за собственность в области земельных ресурсов, борьба с нелегальным разрушением объектов в практических сферах и другие. Но в данном эссе речь не о них.

¹² Это сочетание заимствовано из словаря западной науки и годится, скорее, при переводе на английский. В русской науке, где археология не существует вне истории, оно звучит тавтологией или перекрывает чуть не весь период цивилизации (антитеза – «доисторическая археология»). Моя попытка ввести его в русский текст не особенно удачна (см.: Беляев Л. А. Историческая археология России Нового и Новейшего времени: шаг к формированию // 1150 лет российской государственности и культуры: материалы к Общему собранию РАН, посвящ. Году рос. истории (Москва, 18 дек. 2012 г.). М., 2012. С. 307–320). Но адекватного названия для обозначения места поздней археологии в культурном развитии России еще нет. Нейтральное хронологическое определение привычно и, с точки зрения периодизации, удовлетворительно. В Сибири широко используют термин «русская археология», что естественно для субконтинента, где редукция фразы «археология русского периода» привязывает этноним к историческому этапу, позволяя разделить археологию первопроходцев и автохтонного населения. Но для России в целом она не годится. Не лучше «национальная археология», апеллирующая к понятиям XIX в., где национальные (= средневековые) древности стремились отделить от античных. Стоит обсудить варианты «археология государственности: древности России XIV – начала XIX в.», «Московской Руси и Российской империи» и подобные.

¹³ Литература этой области выглядит сегодня солидно даже на фоне общей археологической. См.: Orser Ch.E. Historical Archaeology. Upper Saddle River, NJ:

единство методических подходов, проблем и самого материала по всему пространству Земли. В России, в городах и селениях Европы, обеих Америк, приморских областей Азии, Африки и Австралии археолог встречается объекты и артефакты, образующие звенья сети, брошенной на мир цивилизацией¹⁴. Убедительная в своем предметном однообразии выставка два десятилетия назад объединила в единое целое культурные слои Нового времени в Амстердаме, Лондоне, Нью-Йорке, Эдо и Нагасаки¹⁵.

Особенно развита поздняя археология в США, Англии и Австралии – странах, сосредоточенных на своем индустриальном прошлом (отсюда термин «археология индустриальной эпохи»). Интерес к поздним материалам для США объясним и тем, что их история как политической нации укладывается в хронологию Нового времени и предшествующие культуры автоматически начинают рассматриваться как экзотические или связанные с «доисторическим» периодом через этноархеологию; во многом это верно и для Австралии¹⁶. А также для тех областей России, путь освоения которых близок к континентам и архипелагам, открытым в XVI–XVIII вв. Прежде всего это, конечно, пространство за Уралом, но также Приуралье, Нижнее и Среднее Поволжье, степи, Причерноморье, Кавказ.

В области археологической теории хронологический порог как норма снят примерно полвека назад – на смену ему пришли как определяющие археологию характеристики метода. Еще в 1976 г. за это решительно высказался один из отцов поведенческой археологии Майкл Шиффер: «Археология переопределяется как изучение человеческого поведения и материальной культуры *независимо от времени* (курсив мой. – Л. Б.)»¹⁷. И действительно: на фоне экспериментов *срочной археологии* и *археологии современного мусора* выглядят уже классическими этноархеология и промышленная (индустриальная) археология. Но поздняя архео-

Pearson, Prentice Hall, 2004. 366 p.; Historical Archaeology / Hall M., Silliman S., eds. Oxford: Blackwell, 2006. 341 p.; The Cambridge Companion to Historical Archaeology / Hicks D., Beaudry M. C., eds. N.Y.: Cambridge University Press, 2006. 420 p.; International Handbook of Historical Archaeology / Majewski T., Gaimster D., eds. N.Y.: Springer, 2009. 194 p.

¹⁴ Кроме фактов, необходимых для науки, в этой сети много добычи, радующей традиционные музеи и служащей стимулом развития современных художественных концепций. Достаточно напомнить о раскопках во дворах Лувра и открытии мастерской Бернара Палисси в Париже.

¹⁵ Unearthed Cities: Edo, Nagasaki, Amsterdam, London, New York. Tokyo: Tokyo Metropolitan Edo-Tokyo Museum, 1996. 256 p.

¹⁶ Connah G. "Of the Hut I builded": The Archaeology of Australia's History. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 176 p.

¹⁷ Schiffer M. B. Behavioral archaeology. N.Y.: Academic Press, 1976. P. IX (цит. по: Клейн Л. С. История археологической мысли. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. Т. 2. С. 322).

логия стремится маркировать нижний порог исследований, «оттолкнуться» от него и выступить на равных с подразделами археологии, имеющими строгие хронологические рамки. В России верхней гранью археологии служил рубеж XVII и XVIII вв. – то, что следовало далее, в археологию не входило. В сегодняшнем мире она имеет фактически только нижнюю грань – в разных странах и профессиональных сообществах обычно конец Средневековья: 1400 г.; 1492 г.; 1500 г. и другие более или менее условные даты.

В России поздняя археология сделала значительные успехи и уже не третируется профессиональным сообществом как нечто второсортное и маргинальное. Но ее потенциал существенно недооценен, на нее продолжают смотреть как на своего рода «техническое обременение». До конца не осознано, что путь, пройденный Россией, наполовину лежит в границах поздней археологии, а Московская Русь – прямая предшественница современного государства, во многом близкая ему даже по очерку границ, помещена в эти хронологические пределы просто целиком, подобно Соединенным Штатам. Не все согласятся с тем, что Россия принадлежит к «молодым» странам, но в дореволюционной культуре сравнение с Америкой и восприятие этих двух восходящих звезд небосклона истории казались уместными (да и в советский период молодость страны воспринималось как аксиома – хотя по иным, идеологическим, установкам).

За два десятилетия стало ясно, что зарождение нового раздела истории как научной дисциплины идет быстрее, а главное – уходит глубже, чем ожидалось, разветвляясь на несколько потоков. Среди них: общая проблема взаимоотношений археологии и истории (источниковедения и нарратива); ее роль в борьбе с фальсификацией источников; участие в развитии знаний об экономике, производстве, военном деле; реконструкция городской и сельской культуры, включая формирование национальной памяти (изучение исторических некрополей) и архитектуры; вопросы соотношения археологии с современной культурой. Эти направления обозначены и отчасти исследованы в серии работ последних лет¹⁸.

¹⁸ Беляев Л.А. От Ивана III к Петру Великому: «московская культурная модель» в эпоху ранней глобализации (архитектурно-археологическая версия) // Вопросы истории, литературы и искусства. М.: Собрание; Наука, 2005. Т. 1. С. 185–197; Его же. Археология дворцов и парков: вклад в цивилизационное самоопределение // Археология парка Царицыно: по материалам исследований экспедиции Института археологии РАН 2002–2008 гг. М.: ИА РАН, 2008. С. 12–16; Его же. Новое в археологии Москвы: раскопки и культурно-исторические проблемы // Вопросы истории, литературы и искусства. М.: Собрание; Наука, 2008. Т. V. С. 40–56; Его же. Зачем Москве археология? Исследования средневекового города и проблемы истории культуры // Труды Отделения историко-фило-

Сдвиг к взаимопониманию с источникововедами и историками уже наметился и зафиксирован конференцией «От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.», проведенной Институтом археологии и Институтом российской истории РАН (20–22 ноября 2013 г.), материалы которой представлены в настоящем сборнике. На ней ясно продемонстрирован потенциал археологии и ее готовность формировать собственное поле дискуссии, источниковедческой и общеисторической. Показаны и новые возможности внешней критики картографии и письменных источников, чертежей и описей XVIII–XIX вв. Их верификация зачастую становится возможной исключительно методами натурного наблюдения объектов, которые для сравнительно близкого нам времени можно изучать не только раскопками, как фундаменты Казанского собора на Красной площади, но и с помощью анализа культурного ландшафта (разведки И. Н. Юркина и А. Н. Наумова в районе Епифани).

Конференция помогла увидеть огромное пространство, разнообразие научных методов и богатство живых красок прошлого, возвращаемых усилиями археологии Позднего Средневековья и двух последующих столетий. Их поле простирается, почти без лакун, от европейского Калининграда / Кёнигсберга и земель Ливонии до Прибайкалья, Албазинского острога и тихоокеанского побережья, от русско-шведской границы 1710-х гг. в Ингерманландии до крепостей России и Турции в Приазовье того же периода. «Количественные» сдвиги исключительны. С момента осознания ценности материальных объектов XVII–XIX вв. для российской истории их ввод в научный оборот стал лавинообразным. Сказалось одно из коренных свойств поздней археологии: даже в такой сравнительно слабо заселенной стране, как Россия, ее объекты есть буквально везде. Они не обладают свойственными археологии ранних эпох качествами «редкости» и «скрытости», искать их зачастую не приходится – они, так сказать, сами находят ученого, ведущего натурные исследования.

Взрывным образом растет и объем получаемых при работах артефактов. И за этим не только логических наук, 2007. М.: ОИФН РАН, 2009. С. 433–446; Его же. Археология и большой нарратив русской истории: от основания Москвы к Петровским преобразованиям // Историко-культурное наследие и духовные ценности России: программа фундаментальных исследований Президиума РАН. М.: Наука, 2012. С. 179–191; Чёрная М. П. Русский город как новый символ в картине мира сибирского общества // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. № 3 (19). С. 121–126; Её же. Русская археология как новое направление в сибиреведении // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. М.: ИА РАН, 2008. С. 482–515; Её же. Русская археология Сибири: концепции, результаты, перспективы // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Омск. ин-т (филиал) РГТЭУ, 2008. С. 5–26 (см. также и весь сборник).

расширение вскрытий, но более высокая насыщенность культурного слоя, качественно меняющегося именно с XVII в., особенно со второй его половины. Изделия из черного и цветного металла и стекла перестают быть редкостью; возрастает монетный объем; делается устойчивым производство и массовое использование строительных материалов; возникают и переживают расцвет новые формы и технологии изготовления. Всё это рисует не только возможности производства, но и потребления, рисует новую ступень в оформлении быта.

В области традиционной бытовой керамики пройден важный порог: гончар потеснил на рынке (а значит, в кухне и столовой) изготовителя деревянной посуды, объем качественной керамики в слоях начал приближаться к показателям, свойственным классическим «керамическим» цивилизациям Средиземноморского круга. Дать точную количественную оценку трудно (в практике всё еще не стало обязательным взвешивание керамических фрагментов, хотя бы самого суммарного, по слоям) – но на эмпирическом уровне принципиальное отличие объема керамики в слоях XVII–XVIII вв. отмечают все работающие в русских городах Нового времени. Уже это, самое общее, наблюдение позволяет говорить о существенном вкладе археологии в понимание хода развития Российского государства начиная с Нового времени: появилась возможность наблюдать цивилизационный скачок в ключевых областях торговли, производства, комфорта быта (хороший пример – формирование «национального бренда» культуры Московского государства – искусства изразца, изучение которого поднято на совершенно новый уровень¹⁹).

Однако представление о том, что «поздняя археология есть всего лишь самый дорогой способ узнать о том, что нам и так известно»²⁰, сохраняется в науке, отчасти опираясь на неписаную иерархию периодов: чем древнее, тем важнее. Необходимо не только развивать полевые работы. Важно перейти к системным исследованиям, которые позволят уверенно говорить об археологии Московского государства и Российской империи как о сложившейся области, сравнимой по значению с традиционными сферами фундаментальной науки²¹.

¹⁹ См.: Баранова С. И. Русский изразец: записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ, 2011. 432 с. и другие ее работы.

²⁰ Выражение теоретика современной исторической археологии, специалиста по колониальному освоению Северной Америки Джеймса Дитца, см.: Deetz J. In *Small Things Forgotten: An Archaeology of Early American Life*. N.Y.: Anchor, Doubleday, 1996. 284 p. (1st ed.: 1977); Idem. *American Historical Archaeology: Methods and Results* // *Science*. AAAS. 1988. Vol. 239. P. 362–367; Deetz J., Deetz P. S. *The Times of Their Lives: Life, Love, and Death in Plymouth Colony*. New York: W. H. Freeman, 2000. P. 362–367.

²¹ См., напр.: Ершов И. Н. Михаил Пришвин и российская археология. М.: ИА РАН, 2012. С. 12–28.

Среди исследований уже выделяются системные долговременные проекты, в рамках которых складываются самостоятельные научные коллективы, заинтересованные в развитии археологии от позднего Средневековья до конца Российской империи. Особенно важно продвижение в изучении товарного производства (ремесленного, мануфактурного, раннего индустриального), о характере которого в России мы знаем до второй половины XVIII в. недостаточно. Прогресс достигнут в картографировании и исследовании быстро исчезающего класса солеварниц (М. И. Ворожейкина) и следов производства селитры, производства кож и изготовления обуви (Д. А. Осипов), археологического текстиля (И. И. Елкина), изготовления орудий из железа и стали (В. И. Завьялов) и других. Развивается «военная» археология, изучение оружия и пространства исторических битв (О. В. Двуреченский, М. И. Гоняный и др.), начиная от сражений на Куликовом поле и при Молодях и кончая полем Бородина (его пытались исследовать еще на рубеже 1970–1980-х гг.). Выработана оригинальная методика разведок на полях сражений – планшетная съемка. Особая зона постепенно складывается для изучения архитектурных ансамблей XVII–XIX вв. – крепостей и ранних дворцов, парков и иных комплексов в Москве (дворцы в Коломенском, Царицыно), Центральной России (Борисов городок), в Санкт-Петербурге с его пригородами, крепостей Приазовья, острогов Сибири.

Методическое продвижение заметно и на таком важном традиционном направлении, как изучение исторических некрополей – хорошо известных, как усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевском монастыре Суздаля XVII в. и кладбище московского Данилова монастыря XVIII–XIX вв.²², и вновь открываемых, как братское кладбище наполеоновской эпохи в Кёнигсберге (А. Н. Хохлов, антропологические исследования под руководством члена-корреспондента РАН А. П. Бужиловой), погребения эпохи Смуты в Ярославле и «академическое кладбище» Троице-Сергиевой Лавры (А. В. Энговатова). Памятники этого типа особенно часто изучают в последние годы в связи с лавинообразным процессом возврата церковных и монастырских участков в ведение РПЦ и активным церковным строительством. При этом развиваются и традиционные археологические методы, и естественнонаучные методы, и новационные формы электронной фотограмметрии.

Совершенно особое место занял проект археологических исследований при восстановлении Воскре-

²² См.: Беляев Л. А. Некрополь Данилова монастыря в XVIII–XIX веках: историко-археологические исследования (1983–2008). М.: Даниловский благовестник, 2012. 504 с.; Его же. Усыпальница князей Хованских и Пожарских в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре: 150 лет изучения. М.: ИА РАН, 2013. 264 с.

сенского Ново-Иерусалимского монастыря. Он обещает стать «локомотивом археологии» на рельсах, ведущих от конца Средних веков в эпоху Российской империи (см. ряд статей в настоящем сборнике). Но важность его не только в этом. Ново-Иерусалимский проект – один из тех, что не только отвечают на вопросы, оставленные почему-либо не раскрытыми исторической наукой. Он предоставляет материал, который при правильном подходе позволяет выдвигать новые вопросы и предлагать историко-культурные интерпретации, ранее в пространстве традиционного дискурса не существовавшие.

Подобные вопросы были сформулированы и после работ в Зачатьевском (Алексеевском) монастыре в Москве²³. На те из них, что были поставлены в 1990-х гг. (хронология собора Высоко-Петровского монастыря²⁴; история Казанского собора на Красной

площади²⁵), даны ответы. Важнейшим вкладом в археологию Московского периода стали исключительно проработанные Н.А. Кренке участки Опричного дворца Иоанна Грозного и Новый Монетный двор середины XVII в.²⁶. Всё это позволяет в целом ряде случаев перебросить мост от начала XVI в. к началу XVIII в., от эпохи русско-итальянских контактов к раннепетровскому времени.

По сути дела, ту же задачу мы решаем, рука об руку с коллегами-историками, и в настоящем сборнике.

См.: Беляев Л. А. Древние монастыри Москвы (конец XIII – XV вв.): по данным археологии. М.: Ин-т археологии РАН, 1994; 2-е, стереотип. изд.: 1995. 458 с.; 3-е, электронное расширенное изд.: 2010.

²⁵ В истории Казанского собора XVII в. после работ 1989–1991 гг. почти не осталось белых пятен. См.: Беляев Л. А. Казанский в честь Казанской иконы Божией Матери собор на Красной площади в Москве // Православная энциклопедия. М., 2012. Т. 29. С. 288–289, 291–292; Его же. Образ, Храм и Город: раскопки участка Казанского собора на Красной площади в Москве // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия / [под ред. чл.-кор. РАН Н. А. Макарова]. М., 2009. С. 464–473.

²⁶ Кренке Н. А. Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы / Кренке Н. А., авт.-сост. М.: Наука, 2009. 525 с.

²³ Идут с 2003 г. См.: Беляев Л. А. Из глубины веков // Наука в России. М., 2010. № 6 (ноябрь–декабрь). С. 58–67; Беляев Л. А., Юлиания (Каледа), игуменья. Зачатия праведной Анной пресвятой Богородицы женский монастырь // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XIX. С. 715–728 [подробная библиография].

²⁴ Дата собора Петра Митрополита в Высоко-Петровском монастыре изменена с конца XVII в. на начало XVI в.

Л. А. Беляев

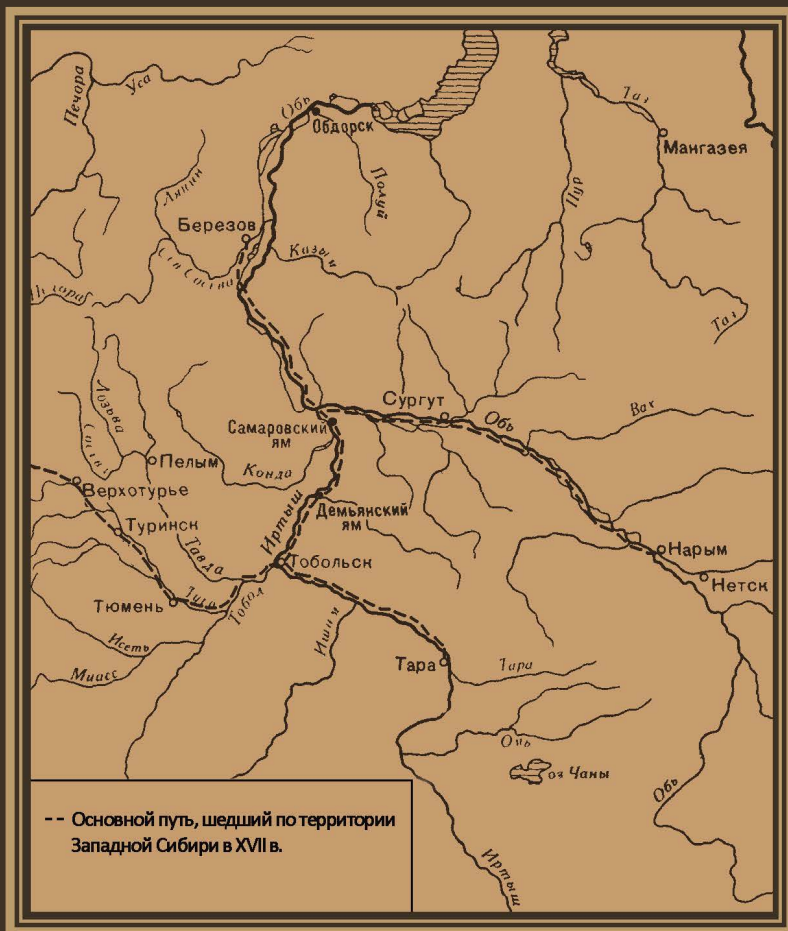
History of the Late Medieval and Early Modern Times in Russia: the Emergence of Archaeological Version

Key words: Late Middle Ages, Modern Age, Russian Empire, perversion of history, archaeology as a sphere of culture, archaeology of warfare

Abstract: Development of archaeology in the 17th – 19th centuries within the bounds of modern Russia put the highlighting of this period as a special approach on the agenda. There is no doubt about its importance as a phenomenon of the 21st-century world culture: it plays a special role in communication in the social and cul-

tural space, in national and political identification and in other social processes. At the same time, it is necessary to identify more clearly the process of its development as a field of fundamental science. The article gives a brief review of the modern situation in “Russian historical archaeology”. The problems of terminology and methodology are discussed. The meaning of the late period of archaeology for historical studies and the necessity of its separating into a special division are clarified.

L. A. Belyaev

Часть I

ОСВОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА: ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

Сибирский опыт освоения пространств в историко- археологическом контексте*

Колонизация Сибири как расширение этнокультурной и государственной территории стала кульминацией процесса освоения Россией пространств – основного факта ее истории, «с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие факты»¹. Первостепенную роль в выполнении социально-экономических и геополитических задач освоения Сибири и ее интеграции в Российское государство сыграли города. За 18 лет – с 1586 г. по 1604 г. – в Сибири появилось 12 городов², в разгар Смутного времени – один Туруханск (1607 г.). Однако приток переселенцев в Сибирь в этот сложный для России период не иссякал, а уже существовавшие города, «прорастая» в окружающем пространстве поселениями сельского типа, выступали полифункциональными центрами осваиваемых земель. Постройкой Охотского острога в 1649 г. Россия закрепила свой выход к Тихому океану. К концу XVII в. была создана сеть из 73 городов и острогов³ и сотен гнездящихся вокруг них разнотипных поселков. Вместе они представляли, несмотря на большие дистанции и еще не заселенные «пустоты», систему опорных пунктов колонизации, свя-

завших Сибирь и Россию в единый организм, евразийский по территориальным и имперский по государственным масштабам.

В Сибири, пусть неровно, более или менее ощутимыми «импульсами», но раньше, чем в Европейской России, происходило изменение отношения к поздней археологии. В отличие от европейской части, богатой на русское археологическое наследие широкого хронологического диапазона, в Сибири появление памятников русских землепроходцев относится к последней четверти XVI – началу XVII в. Даже эпизодические и ограниченные по объему раскопки давали столь необычный для сибирских археологов, занимавшихся аборигенной культурой, массовый и выразительный материал, что это вызывало профессиональное признание его научного потенциала и историко-культурной значимости, несмотря на традиционно-стереотипный приоритет письменных источников. Отличие «европейского» и «сибирского» взглядов на перспективность поздней археологии демонстрирует, с одной стороны, мнение А. В. Никитина – крупного специалиста по русской археологии, приглашенного в конце 1950-х гг. для раскопок Братского острога. Он утверждал, что «в работе над поздними памятниками нельзя рассчитывать на открытия первостепенной важности»⁴. Противоположное мнение о значимости «планомерного» изучения памятников Сибири XVII века по материалам раскопок Красноярского острога в это же время высказала И. Б. Николаева⁵. Еще раньше – в начале

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии» (проект №14-50-00036). В статье также использованы результаты, полученные в ходе выполнения научного проекта № 8.1.19. 2016 в рамках Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.

¹ Ключевский В. О. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 1. Ч. 1: Курс русской истории. С. 3, 32.

² Резун Д. Я. К истории заселения Сибири и Северной Америки в XVII веке: (историко-сравнительные параллели) // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное / Резун Д. Я., Ламин В. А., Мамсик Т. С., Шиловский М. В. Новосибирск: ИДМИ, 2001. С. 19–20.

³ Там же. С. 20–22.

⁴ Никитин А. В. Братский острог // СА. 1961. № 2. С. 217–226.

⁵ Николаева И. Б. Раскопки на территории бывшего Красноярского острога // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск: Кн. изд-во, 1963. С. 115–123.

1950-х гг. – была сформулирована задача проведения квалифицированных раскопок средневекового Томска⁶. А уже в 1960 г. в пленарном докладе на конференции по истории Сибири и Дальнего Востока академик А.П.Окладников поставил вопрос о необходимости археологического изучения русской культуры XVII–XVIII вв.⁷.

В археологическом отражении процесс этнокультурного расширения границ представлен комплексно: в поселениях и некрополях, форпостах оборонительных линий, артефактах мирного и военного быта. Русская археология как новое направление сибиреведения принципиально расширила возможности изучения не только собственно городов, но характера и содержания колонизации края⁸.

Начало проникновения в Сибирь русских, следовавших Северным морским путем, вещественно зафиксировано яркой находкой остатков промысловой экспедиции на о. Фаддея и в заливе Симса. Археологическое открытие стоянок на Таймыре, сделанное на рубеже 1940–1950-х гг., свидетельствует о приоритете русских полярных мореходов в освоении путей на холодных просторах Арктики. Своим будничным героизмом, «неустрасимой предприимчивостью» оставшиеся безымянными землепроходцы внесли вклад в дело Великих географических открытий⁹.

Многочисленные судовые детали, использовавшиеся для возведения построек на Крайнем Севере ввиду недостатка строительного леса, не только подтвердили существование судов разных типов, что известно из других источников, но позволили предложить различные варианты реконструкции их внешнего вида, особенностей конструкции и технического оснащения¹⁰.

⁶ Петров Н.М. Опыт восстановления плана Томского города и острога начала XVII в. // Труды Томск. обл. краевед. музея. Томск, 1956. Т. 5. С. 75.

⁷ Матющенко В.И. Сибирская археология в 1940–1950-е годы: учеб. пособие. Омск, 1994. С. 86.

⁸ Черная М.П. Русская археология как новое направление в сибиреведении // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. М.: ИА РАН, 2008. С. 482–515.

⁹ Окладников А.П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М.; Л., 1948. 158 с.

¹⁰ Белов М.И. Арктические плавания и устройство русских морских судов в XVII веке // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века: (археологические находки на о. Фаддея и на берегу залива Симса). Л.; М.: Изд-во Главсевморпути, 1951. С. 63–80; Данилевский В.В. Русские навигационные приборы первой четверти XVII в. // Там же. С. 53–62; Шедлинг Ф.М. Остатки судна // Там же. С. 81–84; Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазей. Л.: Гидрометеиздат, 1980. Ч.1: Мангазейский морской ход. С. 122–126, 164, прил. XXXV, рис. 2; Старков В.Ф. Очерки истории освоения Арктики. М.: Науч. мир, 2001. Т. II: Россия и Северо-Восточный проход. С. 53–82; Его же. Русское мореплавание и освоение северо-запада Западной Сибири в XVI – начале XVII в. // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении:

Археологический поиск и фиксация основных широтных и меридианальных маршрутов (дорог), переправ, укрепленных линий не просто иллюстрирует и дополняет письменные/картографические данные, но в ряде случаев дает основание для пересмотра некоторых схем освоения территории, как, например, в Среднем Прииртышье, где в ходе археологического обследования обнаружилось неверное обозначение в письменных источниках месторасположения Тарской дистанции Ишимской оборонительной линии в 1740-х гг. Различные типы форпостов (на Ишимской линии их около 20), в том числе классической четырехугольной формы с пятиугольными бастиями на углах, мало и вовсе неизвестные укрепления, поселки, захоронения и другие археологически зафиксированные объекты маркируют трассы продвижения и оборонительные линии, физически воплощают архитектуру, элементы жизнеобеспечения, формы контактов русских переселенцев¹¹.

Археология дает представление о многообразии построек – от надворных до оборонительных, – о технических и конструктивных приемах строительства, планировке усадеб, композиционной структуре поселений, что позволяет воссоздать архитектурный облик русского присутствия в крае.

Строительная культура, которую несли с собой переселенцы, будь то служилые, крестьяне или посадские, наиболее активно и наглядно встраивается в новую среду и одновременно подстраивает осваиваемое пространство под себя, создавая свою среду. Вывод историков архитектуры и этнографов, сделанный в основном по материалам XIX – начала XX в. по сохранившимся натурным памятникам, об общей для Европейской России и Сибири строительной основе подтверждается данными раскопок, объем которых год от года увеличивается и, что важно, заполняет хронологическую лакуну по меньшей мере в 100–150 лет, позволяя проследить непрерывную

Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2001. С. 78–80; Кухтерин С.А. Традиционное северорусское судно – коч: Проблемы изучения и реконструкции. Реконструкция по материалам археологических исследований на Мангазейском городище 2001–2009 гг. // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омск. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 206–213.

¹¹ Матвеев А.В. Археологические исследования форпостов Ишимской (Старо-Ишимской) линии XVIII века и реконструкция передвижений русского населения Прииртышья // Русские старожилы: материалы III Сиб. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11–13 дек., 2000 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 421–423; Его же. Переправы через р. Иртыш в свете изучения сибирских оборонительных линий XVII в. // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2001. С. 52–54; Его же. Дороги Верхнего и Среднего Прииртышья в XVII–XVIII вв.: (попытка исторической реконструкции) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 82–88.

линию развития строительных традиций со времен Древней Руси до империи включительно¹².

Единство строительных традиций в деревянном зодчестве (а архитектурный облик Сибири воплощала деревянная застройка, за исключением каменных кремлей в Тобольске, Верхотурье и ряда каменных церквей, сменивших своих деревянных предшественниц) проявлялось в технике рубки: «в обло» (в большинстве случаев), «в лапу», с выборкой чашки и паза в нижнем бревне, смешанной срубно-столбовой технике соединения, а также различной технике набирки стен – вертикальной и горизонтальной. Деревянные постройки ставились преимущественно без фундамента, столбы-стулья, камни под углами или стенами, часто песчаные или глиняные подсыпки выполняли нивелирующую и влагоизолирующую функцию. В более редких случаях археологически фиксируются опоры-фундаменты, например, под башней Умревинского острога¹³.

Для сохранения тепла вокруг жилых (иногда животноводческих) построек возводили завалинки разных конструкций, внутрь которых насыпали землю, глину, укладывали обрезки плах, досок, как например, выявлено в Таре или при раскопках поселений Крайнего Севера Сибири¹⁴. Сооружались завалинки и для изоляции от влаги, сырости. Завалинки или двойные срубы вокруг ледников предназначались для поддержания низких температур.

Перенос и адаптация строительных традиций в Сибири находит отражение в приемах обустройства порогов, дверных проемов, самих дверей и окон, способах настила полов, дворовых вымосток и мостовых, в конструкциях разнообразных хозяйственных построек.

Раскопки городских и сельских жилищно-хозяйственных комплексов (Мангазея, Верхотурье, Томск, Иркутск, Изюк) обеспечили источниковой базой реконструкцию планировки, состава построек и облика сибирской усадьбы в целом¹⁵.

¹² Черная М.П. Историко-архитектурный облик средневекового сибирского города: методика сравнительно-исторического анализа // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. С. 423–428.

¹³ Бородавский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог // Археологические исследования 2002–2009 гг. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, НГПУ, 2009. С. 49–52, рис. 25, 26.

¹⁴ Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Археологические исследования Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Апелсин, 2008. С. 171; Их же. Мангазея: новые археологические исследования: (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. С. 58; Визгалов Г.П., Рудковская М.А. Первые результаты археологических раскопок Старотуруханского городища (Новой Мангазеи) // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омск. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 182.

¹⁵ Овсянников О.В. Дом и усадьба в сибирском городе XVII в. // КСИА. М., 1973. Вып. 136. С. 41–46; Корчагин П.А.

Археологическое изучение домостроительства в широком хронологическом и пространственном диапазоне, включая Сибирь, показывает целостность русской архитектуры на всем протяжении ее развития. Устойчивость и стандартность основных приемов и техники строительства сочетаются с гибкостью и вариативностью их использования. Вместе с тем, археологические данные демонстрируют постепенность формирования архитектурно-строительных особенностей, которые на памятниках конца XVIII – начала XX в. воспринимаются как давние, традиционные, а на самом деле 100–300 и более лет назад еще только начинали складываться. Это относится к усадебной застройке и ее типам, внутренней планировке жилища, постройкам на подклете, который как бы «вырастал» из земли, превратившись со временем в нижний ярус дома, и т.д.¹⁶.

Археологическое изучение усадьбы конца XVII века в г. Верхотурье // Интеграция археологических и этнографических исследований: материалы VI Всерос. науч. семинара. М.; Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. С. 146–149; Его же. История Верхотурья (1598–1926): закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург: Банк культ. информации, 2001. 180 с.; Черная М.П. Роль воеводской усадьбы в формировании социального облика средневекового города // Факторы формирования духовного мира и социального облика населения Западной Сибири. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. С. 223–232; Ее же. Археологический Томск в контексте культурного освоения Сибири // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы: матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Полацк, 22–23 мая 2012 г.). Мінск: Беларус. навука, 2012. С. 492–504; Белоненко В.В., Кукулина Н.П. Раскопки Иркутской усадьбы XVIII века в историческом центре Иркутска // Дуловские чтения 1997 года (секция археологии и этнографии). Иркутск, 1997. С. 117–122; Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-1. Омск: Апелсин, 2010. Рис. 21; Черная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция / М.П. Черная – Томск: ИД «Д Принт», 2015. – 276 с.

¹⁶ Ащепков Е.А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М.: Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1950. 140 с.; Его же. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М.: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1953. 280 с.; Ганцкая О.А. Строительная техника русских крестьян // Русские: историко-этнографический атлас (земледелие, крестьянское жилище, крестьянская одежда середины XIX – начала XX в.). М.: Наука, 1967. С. 166–187; Громов Г.Г. Жилище // Очерки русской культуры XVI века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. Ч. 1. С. 182–201; Его же. Жилище // Очерки русской культуры XVII века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. Ч. 1. С. 134–201; Даркевич В.П. Усадьбы XVII века в Старой Рязани // РА. 1994. № 1. С. 180–190; Засурцев П.И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. М., 1963. № 123: Жилища древнего Новгорода. С. 5–165; Кутовой А.И. Усадьбы как основные элементы градостроительства структуры древнерусского города // Древнерусский город: материалы Всесоюз. археол. конф. Киев: Наук. думка, 1984. С. 65–67; Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища (Северное и Верхнее Поволжье). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 338 с.; Его же. Деревянное зодчество Среднего Приангарья (XVII–XX вв.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1971. Ч. 1: Приангарье. С. 106–143; Милослав-

Важную информацию о разнообразных сторонах жизнедеятельности носителей русской культуры наряду с поселенческими комплексами несут погребальные памятники. Повсеместное распространение некрополей является показателем прочного освоения территорий. Сибирь становилась своей землей и держала не только повседневными нуждами, но и могилами предков, сородичей, земляков, в чем проявлялась диалектика обживания пространства: при постоянных поселениях формировались и стационарные кладбища, что отражало круговорот жизни-смерти.

Анализ материалов ряда обширных городских и сельских некрополей, прослеженный в динамике и на широком сравнительном поле, выявил особенности погребальной практики русских сибиряков. Выяснилось, что основные признаки погребального обряда: расположение и глубина могил, ориентация, положение умершего и его рук, выбор внутримогильной конструкции и сопроводительных вещей – менялись во времени, пространстве и в зависимости от ситуации.

Выявление таких дополнительных черт, как коллективные погребения (например, минимум 3–4 человека в одном гробу), вторичное захоронение останков из разрушенных могил, частое ярусное расположение захоронений, использование бересты для подстилки или обертывания умершего, подсыпка земли в колоду, случаи несоответствия размеров тела и домовины, когда в головах оставалось свободное пространство либо, напротив, покойника втискивали в заведомо тесный гроб, подрезая сухожилия на ногах, клали на бок, подгибая ноги, или поднимали плечи¹⁷, ставит

ский М. Г. Техника деревянного зодчества на Руси в XVI–XVII вв. // Труды ИИЕТ. М., 1956. Т. 7. С. 44–111; Мильчик М. И., Ушаков Ю. С. Деревянная архитектура Русского Севера. Страницы истории. Л.: Стройиздат, 1981. 128 с.; Рабинович М. Г. Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.: Наука, 1975. С. 156–244; Раппопорт П. А., Колчин Б. А., Борисевич Г. В. Жилище // Древняя Русь: город, замок, село. М.: Наука, 1985. С. 136–154; Шелегина О. Н. Жилище русских крестьян Западной Сибири, конец XVII – первая половина XIX в. // Культурная жизнь Сибири XVII–XX вв. Новосибирск: Наука, 1981. С. 114–118; и др.

¹⁷ Бердников И. М. Некрополи Иркутска XVIII–XIX вв. Результаты археологических исследований // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омск. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 275–282; Его же. Сибирский православный некрополь XVIII–XIX веков как археологический источник (по материалам исследований в Иркутске): дис. ... канд. ист. наук: 0.00.06. Новосибирск, 2012. С. 53, 84, 154–157; Бородавский А. П., Воробьев А. А. Некрополь на территории Умревинского острога // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 191–202; Бородавский А. П., Горохов С. В. Указ. соч. С. 60–82; Воробьев А. А. Из опыта первых исследований погребальных памятников российского освоения Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 169–178;

проблему критериев «православного» обряда погребения, соотношения канонических / неканонических признаков.

Безусловный научный интерес представляют содержательный анализ роли нательного креста в историческом контексте погребального обряда и его семантики, а также типология крестов-тельников, разработанная на материалах Илимского некрополя¹⁸ и ставшая образцом для типологической характеристики коллекций из других памятников¹⁹.

До 1621 г. не было правила, обязывающего носить крест, как и сопровождать им покойного. Однако и после указа патриарха Филарета это далеко не сразу и не просто внедрялось в практику. Поэтому в погребениях XVII – начала XVIII в. тельников

Васильевский Р. С., Молодин В. И., Седякина Е. Ф. Исследования Илимского острога // Древние культуры Приангарья. Новосибирск: Наука, 1978. С. 215–232; Погорелов С. Н., Святлов В. Н. Захоронения первопоселенцев г. Верхотурья и г. Каменска-Уральского // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 118–121; Пугачев Д. А., Воробьев А. А. Стекланные изделия из погребений Нагорного кладбища г. Барнаула // Там же. С. 122–127; Тарасов А. Ю. Исторические некрополи Красноярска XVII–XVIII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск: Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 192–194; Его же. Археологическое изучение исторических некрополей Красноярска // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. II. С. 262–263; Татауров С. Ф. Город Тара – с чистого листа // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омск. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 245; Татаурова Л. В. Погребальный обряд русских...; Ширин Ю. В. Погребальный обряд христианских кладбищ Притомья XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омск. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 416–422; Чугунов С. М. Антропологический состав населения города Томска по данным пяти старинных православных кладбищ // Материалы для антропологии Сибири. Томск, 1905. Т. XV. 264 с. (Известия Томск. ун-та; кн. XXVII); и др.

¹⁸ Молодин В. И. Кресты-тельники Сибири как объект научного изучения // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002. С. 96–102; Его же. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. 248 с.; Его же. Очерки по ставрографии. Красноярск: КГПУ, 2008. 164 с.

¹⁹ Аношко О. М. Кресты-тельники из культурного слоя Тобольска // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омск. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 259–267; Бердников И. М. Сибирский православный некрополь... С. 58–74, 78–81, 88–102, 109–112, 125–131, 136–143; Скобелев С. Г. Особенности отношения к предметам религиозного культа у русских первопроходцев в Южной Сибири в XVIII в. (по материалам Саянского острога) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 238–246; Татаурова Л. В., Кромм И. Д. К вопросу о типологии крестов-тельников из русских памятников Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 284–285.

не очень много даже с учетом того, что некоторые кресты могли не сохраниться из-за тленности материала. Но и в XVIII–XIX в. до 30 % захоронений сибирских православных некрополей не содержат нательных крестов²⁰. Сибирские материалы в какой-то мере отражают отмеченную для северных окраин Древней Руси XI–XIII вв. тенденцию исчезновения крестов и образков из погребений по мере упрочения и распространения ортодоксального христианского обряда и исчезновения необходимости внешней демонстрации крещения²¹. Определенную роль играло отсутствие в «мирском чине погребения» правила сопровождения умерших крестами, что подтверждают и археологические данные²².

В литературе также дискутируется вопрос о признаках, отличающих старообрядческий тельник от креста официального православия, и шире – проблема критериев для атрибуции официально православного, старообрядческого или языческого погребений²³.

Из сказанного следует, что строгой регламентации погребального обряда не было, в зависимости от местных обычаев, конкретных обстоятельств практика осуществления обряда в той или мере отклонялась от официальных канонов. Да и сложение самих канонов шло постепенно, а их закрепление в виде более-менее сформировавшихся признаков происходит уже в этнографической современности. Еще больше на это влияли языческие пережитки в среде носителей народного варианта православия. Языческие элементы в погребениях археологически документируются находками монет, в том числе и во рту умершего как платы за переход на тот свет, случаями намеренной порчи нательных крестов, остатками тризн и ритуального битья посуды, следами окуливания умершего и гроба, экску-

мацией и частичным расчленением трупа как акта охранительной магии²⁴.

Отмеченные для русских сибиряков особенности погребального обряда были принесены переселенцами из Европейской России. С Древней Руси и до Нового времени от северо-западных окраин, памятников поморов на Шпицбергене до Приуралья практиковались ярусные захоронения, различная глубина и ориентация могил, вариации в расположении рук, синхронное бытование разных типов крестов и частое их отсутствие в захоронениях, использование бересты, монет и проч.²⁵.

Одним из перспективных направлений работы по материалам некрополей является пластическая реконструкция облика по черепу. Благодаря этим исследованиям мы можем увидеть лица ушедших людей, в том числе известных в истории деятелей, чей облик, казалось, утрачен навсегда. Неожиданный и, в определенном смысле, сенсационный результат был получен при восстановлении облика капитан-командора Витуса Беринга, погибшего на Командорских островах. После реставрации предстало лицо, совершенно отличное от ставшего хрестоматийным портрета, на котором, как выяснилось в ходе специальных изысканий, изображен дядя капитан-командора²⁶. Недавно по данным городских кладбищ XVIII–XIX вв. создана галерея портретов иркутян²⁷.

Следующая проблема – содержательная характеристика города. Углубленное изучение источни-

²⁰ Бердников И. М. Сибирский православный некрополь ... С. 82, 105, 118–122.

²¹ Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М.: Скипторий, 1997. С. 155.

²² Воробьев-Исаев А. А. Духовная сторона православного обряда погребения по археологическим источникам // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Апельсин, 2008. С. 199.

²³ Черная М. П. Проблемы русской колонизации и христианизации Сибири (опыт комплексного анализа) // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск, 1996. С. 129–143; Ее же. Роль христианизации в русской колонизации Сибири // Русский вопрос и современность. Омск, 1998. С. 199–201; Самигулов Г. Х. К вопросу о погребальном обряде русских Урала и Сибири XVIII в. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 154–168; Его же. Еще раз о литых крестах-тельниках конца XVII – середины XIX века: (к вопросу о старообрядческих крестах) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Апельсин, 2008. С. 202–221; Бердников И. М. Сибирский православный некрополь ... С. 117–118, 131–133.

²⁴ Бердников И. М. Сибирский православный некрополь ... С. 55, 58, 114–117, 122–124; Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога ... С. 87; Татаурова Л. В. Погребальный обряд русских ... С. 96–97.

²⁵ Беляев Л. А. Родовая усыпальница князей Пожарских: 150 лет изучения. М.: ИА РАН, 2013. С. 53–54, 62, 153–156, 169; Векслер А. Г., Беркович В. А. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы. XVII век. М.: Наука, 1999. С. 181–225; Макаров Л. Д. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 6. С. 192–233; Панова Т. Д. Царство смерти: погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI вв. М.: Радуница, 2004. 184 с.; Степанов С. В. Исследования на территории некрополя Спасо-Елеазаровского монастыря // АИППЗ: материалы 56 заседания. М.; Псков, 2011. С. 95–105; Торопова Е. В., Колосницын П. П., Воронков И. А. Археологические исследования у церкви Святого Великомученика в Старой Руссе в 2007 г. // АИППЗ: материалы 54 заседания. Псков, 2009. С. 270–272; Хохоровский Я. Православные нательные кресты из поморских захоронений южного Шпицбергена: (по результатам польских археологических исследований) // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омск. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 396–415; и др.

²⁶ Исторические памятники Второй Камчатской экспедиции. М.: Науч. мир, 2002. С. 97–125.

²⁷ Лица первых иркутян: альбом графических реконструкций / Н. Е. Бердникова, И. М. Бердников, Р. М. Галеев, Н. А. Батракова, Н. В. Харламова, М. М. Герасимова. Иркутск: Амтера, 2011. 84 с.

ков привело историков к важному выводу: русские города Сибири подчинялись в своем становлении и развитии общим закономерностям, с момента возникновения были полифункциональны, одновременно выполняя обязанности военных, административных, хозяйственных, финансовых, культовых, культурных центров. В определенный отрезок времени какие-то функции или функция становились главными и определяли облик конкретного города²⁸.

Заключение о многопрофильности городской экономики находит убедительное археологическое подтверждение (находки орудий труда, производственно-предметного комплекса, деталей промышленного снаряжения, специализированных построек и др.). Это справедливо не только для ведущих городских центров, расположенных в относительно благоприятных по природным условиям районах, таких как Тобольск, Томск, но и для поселений на Крайнем Севере. Как показало археологическое обследование, Алазейский и Стадухинский остроги в Заполярье при очевидной «пушномобилизующей» направленности хозяйствования обнаруживают четкие признаки многофакторного развития, сочетавшего рыболовство, скотоводство, кузнечное, плотницкое, столярное, кожевенное, обувное, косторезное дело, торговлю²⁹. В свете масштабных археологических данных Мангазея предстает городом с развитой экономикой, сочетавшей промыслы (охоту, рыболовство), животноводство, ремесла (керамическое, портняжное, обувное, косторезное, металло- и деревообработку) и торговлю. Мангазея обладала характерным городским обликом и застройкой, бытовой и досуговой культурой, постоянным контингентом жителей, которые воспитывали и обучали грамоте детей и сами были в значительной части грамотными³⁰.

В исторической конкретике полный комплекс функций был присущ не каждому городу. Взаимо-

обусловленный синтез функций был свойственен городской сети – системе взаимосвязанных поселений. Сложная и дифференцированная система городов существовала в Древней Руси уже в X в., и ее развитие было связано со становлением древнерусской государственности³¹. Территориальная экспансия Московского государства в Сибири разворачивалась по веками отработанному «сценарию» – созданию иерархической сети поселений, в которой города, по выражению Б.А. Рыбакова, выступали «точками роста». Каждый крупный город возглавлял взаимосвязанную систему более мелких острогов, которые, в свою очередь, окружала сеть земледельческих, торговых, ремесленных, ямщицких слобод, а к ним тяготели заимки, погосты, деревни, села. Все вместе они составляли устойчивый территориально-демографический, социально-хозяйственный и этнокультурный комплекс поселений, воспроизводящий целостную структуру общества³².

Эффективное функционирование города обуславливалось его расположением, что учитывалось с момента основания и должно было отвечать стратегическим задачам освоения края. Место, значение и перспективы развития поселения могли меняться в зависимости от конкретно-исторической ситуации, тогда город переносили, и неоднократно (Нарым не менее семи раз), или он прекращал свое существование, как Лозвинский городок после открытия Бабиновской дороги. В связи с этим перед исследователем встает проблема локализации поселения, успешное решение которой (и не только этой проблемы!) определяется как состоянием источниковой базы, так и необходимостью научной критики источников, что обеспечивает методическую аргументированность пространственной привязки³³. Богатство источни-

²⁸ Вилков О.Н. Сибирский город конца XVII – первой четверти XVIII века в современной русской советской историографии // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 1: Сибирь в эпоху феодализма и капитализма. С. 39–42; Вилков О.Н., Башкатова З.В. Общее и особенное в возникновении и развитии городов Сибири конца XVI – начала XVIII в. // Феодализм в России. М.: Наука, 1985. С. 132–137; Квецкая Т.Е. Город Верхотурье в XVII – начале XVIII в. в отечественной историографии // Историография городов Сибири конца XVI – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1984. С. 61–68; Люцидарская А.А. Колонизация Сибири: человек и пространство // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск: Наука, 1997. С. 154; и др.

²⁹ Алексеев А.Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии СО РАН, 1996. 152 с.

³⁰ Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея... Ч. 1; Их же. Мангазея. М.: Наука, 1981. Ч. 2: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. 147 с.; Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования ...

³¹ Ильин П.М. Функции городов и развитие сети городских поселений СССР. Киев, 1978; Куза А.В. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // Русский город. М.: Наука, 1983. Вып. 6. С. 4–36; Его же. Древнерусские поселения // Древняя Русь: город, замок, село. М.: Наука, 1985. С. 39–94; Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск: Русич; М.: Гнозис, 1995. 320 с.; и др.

³² Резун Д.Я. К характеристике документов приказного делопроизводства как источника по историографии сибирского города XVII в. // История городов Сибири до советского периода (XVII – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1977. С. 11–26; Его же. Эволюция понятий «город» и «острог» в приказном делопроизводстве XVII в. // ВИ. 1979. № 10. С. 172–176; Его же. Русские в Среднем Причулымье в XVII–XIX вв.: проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. С. 3–5; Его же. Современная урбанистика и сибирское городоведение XVIII – первой половины XIX в. // Источниковедение и история городов Сибири конца XVI – первой половины XIX в. Новосибирск: Наука, 1987. С. 230–231.

³³ Черная М.П. «О строении Нарыма с некоторыми до сих пор мест касающимися прежних времен приключениями» // Тобольск и вся Сибирь. Нарым. Тобольск, 2009. № 11. С. 21–29; Ее же. Методико-источниковедческие под-

ковой базы дает преимущество в изучении поздних периодов истории. Разные виды источников – археологические, письменные, картографические, изобразительные – по-своему отображают исторические реалии. Их синтез без противопоставления и сомнительного мотива «состязательности», но репрезентативное сочетание источников, обязательный критический перекрестный анализ данных³⁴ повышают уровень достоверности и полноты исследовательских реконструкций.

Традиционный уклад жизни отражается в наборе привычных для обихода предметов, в деталях оформления интерьера дома, двора и служит предметным воплощением обустройства «своего» мира на обживаемых территориях.

Досуговая культура отражена в атрибутах детских и взрослых игр. Эта сторона жизни представляет немалый исследовательский интерес. Игра является естественным и необходимым компонентом культуры. Функции игры были многообразны, и ее значение в жизни общества, в основе своей, позитивно. Об этом свидетельствуют и обучающие игры, посредством которых с детских лет приобщали к традициям, миру взрослых, развивали определенные навыки, что археологически документируется находками игрушек в городских и сельских поселениях³⁵.

Одним из наиболее ярких атрибутов досуговой культуры являются шахматы – деревянные и костяные, изготовленные профессионалами-ремесленниками, и самоделки. Повсеместное, «от Москвы до самых до окраин», увлечение шахматами выявляло тяготение народа к интеллектуальным играм, что показывает высокий уровень развития культуры русского средневекового города, в том числе и сибирского. Богатейшие археологические шахматные коллекции Мангазеи и Алазейского

острога, стоянок промысловиков-поморов³⁶ или скромные по количеству игральные наборы из Томска и других городов являются материальным воплощением интереса к умственным забавам людей, которые в тяжелейших, подчас предельно опасных условиях прокладывали дороги в Сибирь и осваивали суровый край, не теряя ни присутствия, ни силы духа.

Силовую составляющую колонизации нагляднее всего фиксируют предметы вооружения и оборонительные сооружения. Археологические памятники представляют богатый набор вариантов оборонительных конструкций, что является реализацией строительного, военно-инженерного опыта применительно к конкретно-исторической ситуации.

Разнообразие конструктивных приемов отличает как простейший тип оборонительных стен – острог с одно-, двух- и более рядными стенами с дополнительными укреплениями и без них, – так и рубленый тип крепостных стен из приставленных друг к другу городен или же тарас в виде двойной стены с перерубами и жестким сочленением звеньев-клетей. Включение в оборонительную систему городов башен, раскатов, бастонов (с середины XVII в.), а также подземных ходов, тенденция к геометрически правильной, «регулярной» планировке позволяли вести эффективную защиту и демонстрировать мощь России. Фортификация на осваиваемых землях продолжала традиции русского оборонного зодчества и являлась ее неотъемлемой частью³⁷.

Силовая составляющая была необходимым, но недостаточным и не главным фактором освоения Сибирского края. Города с их военно-оборонительной функцией создавали «силовые линии» безопасности или «ребра жесткости», стабилизирувавшие общую структуру расселения и мирной хозяйственной деятельности³⁸.

Показательна судьба «воровского» Албазинского острога, поставленного в 1665 г. не по цар-

ходы к решению проблемы локализации исторических объектов // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. Томск, 2013. № 3 (23). С. 81–90.

³⁴ Беляев Л. А. Некрополь Данилова монастыря в XVII – начале XX века: историко-археологические исследования (1983–2008). М.: Даниловский благовестник; Ин-т археологии РАН, 2011. С. 83–86.

³⁵ Розенфельдт Р. Л. Игры детей // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 114–119, табл. 80, 81; Черная М. П. Азартные игры в досуге томичей: предварительные замечания к социально-психологическому анализу // Традиционное сознание: проблемы реконструкции / Байбурин А. К., Березовая Л. Г., Балакин Ю. В. и др. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. С. 286–296; Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования... С. 104–105, рис. 166, 167; Татаурова Л. В. Игры и игрушки русского населения Среднего Прииртышья в XVII–XIX вв.: по данным археологии // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 197–200; и др.

³⁶ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Ч. 2. С. 4; Пархимович С. Г. Мангазейские шахматы // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 300–314; Алексеев А. Н. Указ. соч. С. 41; Замятин С. Н. О старинных русских шахматах // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века: археологические находки на о. Фаддея и на берегу залива Симса. Л.; М. Изд-во Главсевморпути, 1951. С. 147–152; Старков В. Ф. Духовная культура северорусского населения: по данным археологии // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2005. С. 337–339.

³⁷ Черная М. П. Оборонительная система Томского кремля середины XVII – XVIII в.: перенос и адаптация традиций // Оборонительные сооружения и монументальное зодчество Древней Руси. СПб., 2014. (В печати).

³⁸ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике, XVI–XX века. М.: Наука, 2004. С. 33–34, 278, 294.

ву указу, а бежавшими на Амур казаками. Заложив острог, они взяли на себя функцию сбора ясака, исправно высылая его через Нерчинск в Москву, и настолько преуспели в этом, что по настоянию сибирских властей были в 1672 г. прощены и поверстаны на государеву службу. Так «воровской» острог стал государственным. Необычно не только начало, неординарна дальнейшая судьба Албазина, которому выпало отстаивать государственные интересы на дальневосточных рубежах сначала в 1685 г., когда тыновые стены Албазина не могли противостоять пушечному бою маньчжуров, поэтому уже через несколько дней осады острог был сдан. Раскопанные остатки фортификации Албазина 1686–1689 гг. состояли из земляной насыпи, усиленной плетнем, такой тип укреплений назывался со времен Древней Руси «китай-городом». Дерево-земляные сооружения были дополнены «бастеями» (бастионами) – выступающими за линию валов платформами, которые обеспечивали более эффективный фланкирующий огонь орудий, чем пушки на башнях, стоявших в линии таких валов. В 1686 г. защитники Албазина держали многомесячную осаду против восьмикратно большей маньчжурской армии. Раскопками обнаружено страшное свидетельство тяжелейшей для албазинцев последней осады города. В полуземлянке нашли останки 57 тел, среди них несколько детей и женщин. Как свидетельствуют многочисленные находки, все они были положены одетыми. Только один погребенный лежал в гробу. По источникам выяснено, что осенью – зимой 1686–1687 г., когда в крепости умер священник, руководивший обороной после гибели воеводы А. Л. Толбузина, казачий голова А. И. Бейтон запретил хоронить албазинцев без церковного отпевания и велел складывать в опустевшие полуземлянки «поверх земли». Сколько было таких полуземлянок, неизвестно. Погибших было много больше: из 826 человек в живых осталось только 66 «осадных сидельцев»³⁹. В 1992 г. останки погибших перезахоронили, отслужили торжественный молебен и произвели воинский салют. Ежегодное поминовение павших их праправнуками, как и сама героическая оборона Албазина, представляется проявлением национально-государственного самосознания и исторической памяти, связывающей прошлое и настоящее.

Назову еще одну проблему, которая вплетена в контекст колонизации, – взаимовлияние аборигенной и русской культур. Это сложная и многоплановая тема. Археологические данные отражают не столько событийный ряд, сколько взаимную

заинтересованность сторон в обмене культурными потенциалами. Диалог культур, носители которых, выстраивая свои взаимоотношения, вступали в разнообразные контакты, раскрывает широкий ассортимент изделий русского импорта в аборигенных и предметного комплекса автохтонов в русских памятниках.

Русская культура в этом диалоге продемонстрировала свою устойчивость и мощный адаптационный потенциал в специфических и разнообразных природных условиях края, в полиэтнической и поликультурной среде, сохраняя свое внутреннее единство и облик. Обратное воздействие русской культуры было более сильным, особенно в усвоении автохтонами хозяйственных навыков в земледелии и даже охоте и рыболовстве, но влияние проявилось больше во внешних, чем внутренних изменениях.

В пестроцветье культур и народов Сибирского региона при разных формах и интенсивности контактов не было жесткого культурного противостояния, но оставалась возможность сохранения и развития этнокультурной идентичности как для аборигенного населения, так и русских переселенцев, вполне укоренившихся на освоенных землях.

Археологические данные документируют также значение Сибири как важнейшего звена в развитии и укреплении культурных связей России с Востоком и Западом. Предметным воплощением связей был наплыв разнообразного импорта, представленного монетными жетонами, украшениями (бусы-одекуй, перстни и др.), металлическими колокольчиками, наперстками, фарфоровой, фаянсовой, стеклянной, оловянной посудой и проч. В том или ином составе и объеме импортные вещи находят на всех русских памятниках Сибири и в могильниках аборигенов, к которым они попадали через посредничество русских. Заметный процент служилой «литвы», представленной выходцами из Речи Посполитой, и прочие «иноземцы», хотя и в меньшем числе, тоже являются отражением этих связей. Больше всего было поляков, что объясняется историческими обстоятельствами не только Смутного времени, но и последующими военно-политическими конфликтами. Многие поляки, будучи грамотными и имея военный опыт, оказывались в привилегированных слоях служилого сословия и обретали в Сибири вторую родину. Материальным свидетельством польского присутствия являются католические кресты-тельники, обнаруженные, подчеркну, на православных некрополях. Археологически зафиксировано помещение креста в руку покойного – деталь погребального обряда, до сих пор бытующая в польской культуре⁴⁰.

³⁹ Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII в. / РАН, Дальневост. отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток, 1999. С. 104, 107–108, 113–114.

⁴⁰ Бердников И. М. Сибирский православный некрополь ... С. 66, 71, 99–102, 112, 130–131, 133, 139–141; Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога ... С. 84–85.

Приведу выразительные примеры переноса и переработки западных традиций уже в саму русскую культуру. В одном случае – это большеформатные муравленные изразцы из облицовки печи в хоромах томского воеводы. На лицевой пластине изразцов – одноглавый орел с короной над головой и высоко поднятыми распростертыми крыльями, держащий в лапах опущенный лук с натянутой тетивой. В другом случае – это печать Албазина, время создания которой относится примерно к 1682 г., с изображением одноглавого орла с короной и распростертыми крыльями, держащий в левой лапе лук, в правой – оперенную стрелу острием вниз. На печати круговая надпись: «ПЕЧАТ[Ь] ВЕЛИКИХ Г[ОСУ]ДАРЕЙ СИБИРСКИЕ ЗЕМЛИ АЛБАЗИНСК[О]ГО ОСТРОГУ». И на изразцах и на печати отражена символика государственной власти. Не вдаваясь в подробный ее разбор, подчеркну, что, на мой взгляд, эти официальные по своему назначению вещи несут на себе черты западного влияния. Известно, что в 1672 г. Алексей Михайлович проводил геральдическую реформу, в Россию хлынул поток художников и геральдистов из Речи Посполитой, трудившихся над модернизацией русского герба в духе западных традиций. Несколько ранее – в середине XVII в. – патриарх Никон в связи со строительством в Ново-Иерусалимском монастыре и организацией изразцового производства приглашает так называемых белорусских мастеров-изразечников, которые были выходцами все из той же Речи Посполитой. Мастера изразцового дела и геральдисты несли с собой западные идеи и образы, определенный стиль их воплощения. В рассматриваемых случаях это проявляется не только в прорисовке такой заметной детали, как поднятые крылья, тогда как до Алексея Михайловича крылья у орла изображались опущенными. Художественное выражение идеи государственной власти перекликается с образом одноглавого орла на польском гербе. Восприятие этого образа, пусть и творчески переработанного, было тем легче, что одноглавый орел как символ верховной власти князей известен в русской традиции XII–XV вв., пока в конце XV в. не произошло его превращение в двуглавого орла⁴¹.

Пример показателен в плане отражения культурного взаимодействия с окружающим миром, когда привозные новшества не просто перенимались. Они накапливались и постепенно усваивались через собственное преломление и «искажение» воспринимаемого. Так в творческом «искажении» рождался «свой» продукт, органично вписанный в местную среду и выражавший духовные и власт-

ные претензии державы на языке символов, понятном как своему народу, так и иноземцам⁴².

Археологический контекст колонизации Сибири как социокультурной адаптации русских на осваиваемых землях важен с точки зрения предметно-объективного отображения действительности. Обогащение источниковой базы археологическими материалами открыло новую страницу в изучении конкретно-исторической практики освоения пространств. Русская археология Сибири стала новым этапом в исследовании культурно-цивилизационного потенциала колонизации края.

Вместе с тем опыт, наработанный археологами в области методики изучения и критики источников (не только археологических!) и исторических реконструкций, служит основой объединения наших исследовательских потенциалов с историками для достижения общей цели – восстановления исторического прошлого. Конкретным шагом в ее реализации стала конференция «От Смуты к Империи: новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII веков» (Москва, 20–22 ноября 2013 г.)⁴³. Плодотворная работа археологов и историков показала, что мы стремимся и можем понимать друг друга, это нужно развивать в совместных проектах и разных формах исследований. Особо подчеркну, что ее организаторы – Институт археологии и Институт российской истории РАН – включив сибирскую тему в проблематику конференции, проявили понимание значения Сибири для России.

Сибирь не стала новым, оторванным от исторической родины центром русской жизни, но стала «частью России, передвинувшейся за Урал»⁴⁴, «тем огромным монолитом, который удержал в равновесии Московское царство в смутах начала XVII в. и помог впоследствии своей огромной тяжестью уравновесить государственный наш корабль»⁴⁵.

Противопоставление понятий «мирное «освоение»» и «присоединение» (=завоевание)⁴⁶ представляет позицию с искусственно введенным

⁴¹ Баранова С. И. Русский изразец: записки музейного хранителя. М., 2011. 432 с.; Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. М.: Высш. шк., 1974. С. 132; Соболева Н. А. Русские печати. М.: Наука, 1991. С. 199, 200; Хорошкевич А. Л. Символы русской государственности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. С. 30–31, 41–42.

⁴² Некрасов А. И. Русское народное искусство. М.: ГИЗ, [1924]. С. 11; Беляев Л. А. От Ивана III к Петру Великому: «московская культурная модель» в эпоху ранней глобализации: архитектурно-археологическая версия // Вестник истории, литературы и искусства. М.: Собрание; Наука, 2005. Т. I. С. 187, 193–194.

⁴³ От Смуты к Империи: новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII веков. М.: ИА РАН, 2013. 52 с.

⁴⁴ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. 2-е изд. СПб., 1886. [Кн. 1–2]. С. 281 (1-я паг.).

⁴⁵ Цит. по: Азиатская Россия ... С. 548.

⁴⁶ Зуев А. С. О характере присоединения Сибири к России (постановка проблемы) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 1998. С. 39; Его же. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. Новосибирск: НГУ, 2002. С. 166–168.

конфликтом терминов. Военная составляющая колонизации исторически неизбежна и обусловлена сложной, нестабильной военно-политической ситуацией, в которую были вовлечены этнически разнообразные сибирские автохтоны и пришлые.

В отличие от английских поселенцев в Америке, не только отделенных океаном, но и отделявших себя от метрополии, русский человек обустривал «сибирскую Украину» как дальнюю государеву вотчину под патронажем государства, и ощущая себя в той или иной мере носителем суверенитета царской власти⁴⁷. Осваивая Сибирь «трудом и куль-

⁴⁷ Резун Д. Я. О некоторых моментах осмысления значения фронта Сибирь и Америки в современной отече-

турой» (С. В. Бахрушин), русские переселенцы и государство действовали как взаимозаинтересованные партнеры, объединенные целью обосноваться на новых землях всерьез и навсегда.

ственной историографии // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное / Резун Д. Я., Ламин В. А., Мамсик Т. С., Шиловский М. В. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001. С. 43–44; Лерсарян Т. Г. Бескрайняя равнина конца времен // Отечественные записки. 2002. № 3. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=4&article=201> (дата обращения: 15.05.2016); Черная М. П. Роль русского города в освоении Сибири: диалектика возможностей и исторической практики // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омск. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 7–16.

М. P. Chernaya

Development of Territories: Siberian Experience in the Context of History and Archaeology

Key words: developing of Siberia, pioneering explorers, historical and cultural adaptation, history and archaeology of the 16th – 18th cc.

Abstract: The colonization of Siberia is the culmination of the process of the developing the territories by Russia, as a result of which Siberia and Russia “grew together” in one body, Eurasian from the territorial point of view and imperial on a state scale. In the archaeological reflection the process of ethno-cultural

expanding of borders is presented in an integrated manner: in settlements and necropolises, the outposts of defense lines and artifacts of the peaceful and military life. Russian archaeology as a new branch of Siberia science has also become a new stage in studying cultural and civilization potential of the region’s colonization. The article contains the review of surveys of so-called “Russian archaeology” of Siberia as a separate scientific course, which solves a big historical and cultural problem.

Параметры социально-политической идентификации коренных народов Сибири в Московском государстве XVII в.: к вопросу о семантике соционима «иноземцы»*

Объектом данного исследования является универсальный соционим «иноземцы», применявшийся по отношению к аборигенам Сибири в деловом и бытовом языке Московской Руси XVII в. В указанное время это слово было очень популярно – его активно использовали центральные и местные органы власти, церковные иерархи и представители разных слоев русского населения, прежде всего служилые люди.

В поле исследовательского интереса историков данный соционим, как в целом и многие другие слова, словосочетания и речевые конструкции, составлявшие социально-политический дискурс Московской Руси, вошел только в самом конце XX в. Хронология и семантика соционима «иноземцы» применительно к коренным сибирским народам вплоть до настоящего времени оставались почти не изученной. Проведенный нами анализ историографии изучения данного соционима в его «сибирском» варианте, а также выявление времени введения его в делопроизводственный оборот и его первоначальной семантической нагрузки позволили определить, что для обозначения аборигенного населения Сибири данный соционим стал использоваться во второй половине XVI в. представителями высших церковных кругов и служащими центральных государственных учреждений, позамышлявавшими его из практики наименования иностранцев – выходцев из других стран¹.

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 13-01-00027.

¹ Игнаткин П. С. Соционим «иноземцы» применительно к народам Сибири в деловой письменности Московской Руси (вторая половина XVI – начало XVII в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 92–94.

Вопрос же относительно значений, передаваемых указанным соционимом за все время существования Московского государства, остается до сих пор открытым, а источники в этом направлении почти не привлечены и не проанализированы. Выводы исследователей относительно природы изучаемого соционима весьма разнообразны, и опираются они, что важно отметить, на анализ лишь отдельных случаев его употребления без учета разнотипности, встречающейся в источниках. В целом все авторы отмечают полисемантность соционима «иноземцы» и основные его значения сводят к культурно-религиозным отличиям аборигенов Сибири от русских и их неполной политической подчиненности русским властям. Однако каждый из них делает акценты на разных значениях, содержащихся в этом слове. По мнению одних, указанный соционим в большей степени отражал представления русских о культурно-политической (Е. П. Ковалышкина, Е. П. Мартынова)² или культурной (А. А. Люцидарская)³ инаковости

² Ковалышкина Е. П. «Инородческий вопрос» в Сибири: концепции государственной политики и областническая мысль. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. С. 50; Мартынова Е. П. Народы Северо-Западной Сибири: дефиниции и научно-политический дискурс // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 13–14.

³ Люцидарская А. А. От «иноземцев» к «инородцам»: один из аспектов колонизации Сибири // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: тез. Междунар. науч. конф. Новосибирск: ИАиЭТ СО РАН, 1995. Т. 2: Археология. Этнография. С. 165–169; Её же. Стереотипы поведения служилых людей в отношениях с аборигенным населением Сибири, XVII – начало XVIII века: к постановке вопроса // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этногра-

сибирских аборигенов. По мнению других, он нес преимущественно политическую (Л.М. Дамешек, С.В. Соколовский, В.В. Пестерев)⁴, культурно-географическую (М.А. Демин)⁵, конфессиональную (Т.А. Опарина)⁶ либо конфессионально-культурную (Ю.Л. Слезкин)⁷ смысловые нагрузки. Наконец, третьи (А.С. Зуев, А.Ю. Конев) пошли по пути учета и синтеза всех вышеназванных значений⁸.

Понять и осмыслить всю полноту и гамму значений, а также смысловых оттенков и понятийных нюансов, вкладывавшихся русскими в соционим «иноземцы», можно только путем изучения большего массива источников. Этот соционим в русско-сибирском делопроизводстве применялся одинаково как для описания подданных и объясаченных, так и воинственных и непокоренных сибирских народов. Причем в одном и том же документе он может встречаться многократно, употребляясь по отношению к аборигенам при описании как мирных, так и военных ситуаций. Всё это усложняет процесс установления значений данного слова. Поэтому обнаружить и зафиксировать ключевые семантические ядра в его смысловом поле, а также значения, находящиеся на его периферии, возможно только путем выявления как можно большего по объему и хронологии количества контекстов его употребления, учета частотности его использования, изучения происхождения источников, содержащих его, а также анализа принципов его лексической сочетаемости с другими словами.

фий СО РАН 2008 г. Новосибирск: ИАиЭТ СО РАН, 2008. Т. 14. С. 332–333.

⁴ Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1983. С. 3; Его же. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв.: сб. науч. тр. Барнаул: Аз Буки, 2005. С. 257; Соколовский С.В. Образы других в российской науке, политике и праве. М.: Путь, 2001. С. 48; Пестерев В.В. Организация населения в колонизируемом пространстве: очерки истории колонизации Зауралья конца XVI – середины XVIII в. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2005. С. 53.

⁵ Демин М.А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. СПб.; Барнаул: Изд-во Барнаул. пед. ун-та, 1995. С. 102–103.

⁶ Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв.: очерки ист. биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция, 2007. Кн. 1. С. 5–7.

⁷ Слезкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М.: Новое лит. обозрение, 2008. С. 56, 57, 58.

⁸ Зуев А.С. Российское государство и народы Сибири: характер и этапы взаимоотношений во второй половине XVI – начале XX в.: учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 2011. С. 82–85; Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века): сб. правовых актов и документов / ред.-сост. А.Ю. Конев. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. С. 19; Конев А.Ю. Народы Западной Сибири в социальной структуре России XVII–XIX веков // Сословия, классы, страты российского общества: история и современность: труды Междунар. науч.-теорет. конф. СПб.: Нестор, 2002. С. 74–76.

Цель данного исследования – выяснить семантику соционима «иноземцы» применительно к аборигенам Сибири, выявить и установить его основные и периферийные смыслы и значения, а также определить границы употребления. Всё это позволит нам понять, как русские в обозначенный период времени воспринимали автохтонное население Северной Азии, какой пласт представлений связывался у них с сибирскими народами, какие эмоционально-оценочные чувства и состояния порождал у властей и колонистов диалог культур, осуществлявшийся в ходе присоединения Сибири.

Для достижения цели мы, опираясь на методологические разработки по изучению семантики слов, словосочетаний, предложений и нарративов (курс, интен- и контент-анализ), на наблюдения и выводы, сделанные в историографии, изучили широкий круг разнообразных источников (делопроизводственных, дипломатических, законодательных, нарративных и летописных), относящихся ко второй половине XVI – началу XVIII в. и опубликованных в конце XVIII – начале XXI в.

Проведенное исследование дало интересные и новаторские результаты, демонстрирующие географическую специфику употребления и семантики соционима «иноземцы» по отношению к народам Сибири. Удалось выделить две географические зоны, в которых он употреблялся по-разному: Западная Сибирь в рамках территории от Урала до Енисея и Восточная Сибирь в рамках территории Приенисейского края и далее на восток до Тихого океана. Эти зоны отличались хронологическими рамками бытования данного соционима, его семантическим наполнением и характером лексических коннотаций, а также кругом авторов. Изложим последовательно основные сопоставимые отличия для той и другой зоны.

Западная Сибирь

1. Соционим «иноземцы» к местным народам стал применяться со второй половины XVI в., что в целом соответствует времени распространения этого слова в делопроизводственных, в первую очередь дипломатических, документах Московской Руси⁹. Самый ранний выявленный нами случай его употребления по отношению к аборигенам Сибири датируется 1565 г., причем с акцентом, явно поставленным на его конфессиональном значении: в грамоте митрополита Московского и всея Руси Афанасия к Г. Строганову иноземцами обозначены татары, вогулы и югричи: «И нынеча – деи приходят к ним (к Строгановым, в их приуральские владения. – А.З., П.И.) иноземцы татарове, и гогоуличи, и югричи некрещенные люди, и помышляют креститься в нашу

⁹ Сергеев Ф.П. Формирование русского дипломатического языка. Львов: Вища школа, 1978. С. 128.

православную христианскую веру»¹⁰. Вторым случаем его употребления, известный нам, относится к 1588 г. и представлен в форме «нововыезжий иноземец» – так был маркирован Б. Карамышев, представитель элиты Сибирского ханства, выехавший в Россию в 1586/87 г.¹¹. В конце XVI – начале XVII в. западносибирские аборигены еще несколько раз идентифицировались в документах как «иноземцы». Однако несмотря на то, что частота употребления данного соционима к началу XVII в. возрастала, народы Западной Сибири обозначались «иноземцами» крайне редко. Более активно их стали так называть только с середины XVII в. В основном же для их описания использовались другие соционимы (напр., «ясашные») и этнонимы.

2. Соционим «иноземцы» применялся к аборигенам Западной Сибири на протяжении всего XVII в., но делалось это гораздо реже, чем по отношению к коренным жителям Восточной Сибири.

3. На протяжении конца XVI – начала XVIII в. интересующий нас соционим использовался почти исключительно в языке официальной государственной документации центрального и местного уровня. Причем его чаще и последовательней употребляли представители центральных (московских) органов власти. Рядовое же русское население, и то начиная примерно со второй четверти XVII в., применяло его крайне редко.

4. Формы употребления изучаемого соционима применительно к западносибирским автохтонам, начиная с наиболее ранних случаев, отличались однотипностью, а также ограниченностью лексических коннотаций, порождавших лишь ограниченный комплект речевых конструкций. Стандартным набором оборотов, использовавших соционим «иноземцы» и описывавших народы Западной Сибири, являлось употребление слова «иноземцы», снабженного либо политическими (напр., «ясашные люди»), либо этническими (напр., «у иноземцев у татар и остяков») словами-указателями. Но чаще всего в отношении этих народов применялась формула «иноземцы» без конкретизирующего слова-пояснителя, и лишь из содержания текстов становилось ясно, какие конкретно народы обозначены «иноземцами». Исключение составляют только ненцы, которых в отличие от других коренных народов Западной Сибири изредка обозначали словосочетаниями «воровские/немирные иноземцы».

5. Соционим «иноземцы» в адрес большинства народов Западной Сибири (татар, вогулов, остяков, селькупов) на протяжении конца XVI – начала XVIII в. в языке центральных и местных органов

власти¹², а также русского населения¹³ употреблялся преимущественно в контексте, описывающем мирное русско-аборигенное взаимодействие (сбор ясака с аборигенов, запрещение притеснять их, принятие крещения).

Восточная Сибирь

1. Хотя многие этнотерриториальные группы Средней и частично Восточной Сибири были известны русским уже с рубежа XVI–XVII вв., соционим «иноземцы» по отношению к ним фиксируется лишь с 1620-х гг. К примеру, енисейские кыргызы и тунгусы, а также буряты стали известны русским уже в 1600-е гг., и начиная с этого времени их этнические названия регулярно упоминались в документах. Однако вплоть до 1620-х гг. отсутствуют случаи применения к ним соционима «иноземцы», несмотря на то, что он уже задолго до этого вошел в русско-сибирскую делопроизводственную лексику.

2. По сравнению с Западной Сибирью в Восточной Сибири резко выросла частотность употребления в источниках соционима «иноземцы» применительно к местным аборигенам. Можно говорить о том, что с 1620/30-х гг. соционим входит в массовое употребление и к середине XVII в. становится нормой делопроизводственных документов. Причина

¹² См., напр.: Собрание государственных грамот и договоров. М.: тип. С. Селивановского, 1819. Ч. 2. С. 201; 1826. Ч. 4. С. 337, 354; АИ. СПб.: тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. Т. 1. С. 466; 1842. Т. 5. С. 8, 364, 526; ААЭ. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. 3. С. 84; СПб.: тип. Э. Праца, 1857. Т. 6. С. 46, 298; 1862. Т. 8. С. 156, 197; Русская историческая библиотека. СПб.: тип. бр. Пантелеевых, 1875. Т. 2. Стб. 184; ПСЗ. Собрание 1-е. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 2. С. 7, 176, 663, 738; Т. 3. С. 377; Т. 4. С. 60; Кузнецов-Красноярский И. Исторические акты XVII столетия (1633–1699). Материалы для истории Сибири. Томск: типо-лит. Михайлова и Макушина, 1890. [Вып. 1]. С. 45, 54; Его же. Томского уезда служилые и подводные татары и выезжие калмыки, что берут Великого Государя денежного и хлебного жалования // Сибирский архив. 1915. № 12. С. 586; Лопарев Х. Самарово. Село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: тип. Импер. акад. наук, 1896. С. 153; Тобольский архиерейский дом в XVII веке / подгот.: Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1994. С. 148; Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII в. / авт. вступ. ст. и коммент., сост. М. О. Акишин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. С. 177, 181; Сибирские переселения. Новосибирск: Параллель, 2010. Вып. 3: Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVI – начале XX вв.: сб. док. / отв. ред. М. В. Шилловский. С. 40.

¹³ См., напр.: Памятники Сибирской истории XVIII века. СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1882. Кн. 1. С. 119; Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. М.: Картография, 2003. Т. 2: Исследования. Перевод. Комментарии. Указатели. С. 64, 84; Таможенные книги сибирских городов XVII века / гл. ред. Д. Я. Резун. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2004. Вып. 6: Томск, Нарым, Березов. С. 73.

¹⁰ Введенский А. А. Торговый дом XVI–XVII веков. Л.: Путь к знанию, 1924. С. 153.

¹¹ Лихачев Н. Библиотека и архив Московских Государей в XVI столетии. СПб.: тип. В. С. Балашева и Ко, 1894. С. 32–33 (Приложения).

этого нам видится в следующем: по мере продвижения на восток Сибири русские землепроходцы и администраторы сталкивались со всё возрастающим количеством разных этнотерриториальных / этнокультурных групп коренного населения, имевших разные названия (этнонимы), и это обстоятельство потребовало введения для них всех одного совокупного обозначения, фиксирующего явное отличие от пришлых русских колонистов.

3. Более разнообразным стал состав авторов тех текстов, в которых встречается данный соционим. Его активно, помимо властных государственных инстанций разного уровня, стали употреблять служилые и прочие русские люди. Причем они, равно как и местные приказчики и воеводы, использовали слово «иноземцы» в своих отписках, сказках, челобитных, наказных памятях и другого рода документах более интенсивно, чем составители указов, грамот и наказов, работавшие в центральном учреждении, ведавшем Сибирью, – Сибирском приказе.

4. К середине XVII в. в Восточной Сибири увеличился и усложнился набор речевых конструкций, включавших слово «иноземцы». В это время палитру синтаксической связи изучаемого соционима обогатили обороты «непослушные», «немирные неясачные», «неясачные воровские / воровские неясачные», в последней четверти XVII в. – «новопризывные». С начала XVIII в. к ним еще добавляются такие классификаторы, как «неприятельские», «непокорные неприятельские» и «неприятельские немирные».

Кадастризация восточносибирских этносов с помощью соционима «иноземцы» осуществлялась как посредством самого этого слова, так и с помощью чрезвычайно разнообразных этнических, политических, географических, социальных, культурных, хозяйственных указателей, объединявшихся с ним. Прикрепляется к нему и определитель «люди», характерный именно для этого региона и населяющих его народов. В результате на протяжении всего столетия (в основном начиная с 1630-х гг.) складывались и кодифицировались специальные речевые обороты, использовавшие слово «иноземцы», которые с помощью географических («боунтовские / закаменные / ильпейские / Каменного и Косухина острогов / камчадалские / колымские / курильские / охотские» и т.д. «иноземцы»), этнических (племенных и родовых) («иноземцы кыргызы / люторцы / тунгусы / юагири / чукчи / якуты», «иноземцы брацкие / корятские люди», «брацкие / даурские / чондонские иноземцы» и т.д.), политических («великого государя / верные ясачные / воровские / государевы / иноземцы ясачные вечные царского величества / мирные / немирные / непокорные неприятельские / непокорные неясачные / непослушные / неприятельские немирные / неясачные / новоприисские / подданные / царского величества / ясачные» и т.д. «иноземцы»), статусных («нововы-

езжие иноземцы», «крещенные / некрещенные иноземцы»), культурных («иноземцы люди дикие») и хозяйственных («скотиньи / скотные иноземцы») указателей и их комбинаций уточняли, какие конкретно аборигены имеются в виду. Наиболее распространенными были этнические, политические и географические указатели, а также идентификаторы, в той или иной степени объединявшие их.

5. Соционим «иноземцы» применительно к аборигенам Восточной Сибири употреблялся как в мирном контексте (в основном в официальных документах, исходивших из Сибирского приказа, и в той их части, где нормировались правила поведения русских в отношении аборигенов), так и, причем более интенсивно, в контексте, описывавшем конфликтное (военное) русско-аборигенное взаимодействие (в делопроизводственном языке местных русских администраторов, камботантов и колонистов).

Семантика слова «иноземцы», как уже говорилось выше, по отношению к разным коренным народам Сибири сильно варьировалась. Расстановка акцентов на том или ином смысле, содержащемся в данном слове, зависела от места и статуса, занимаемого сибирскими народами в социально-политическом пространстве Российского государства, и от характера их взаимодействия с русской властью.

В употреблении этого слова в территориальных рамках Западной Сибири отчетливо прослеживается акцентирование внимания на политическую неадаптированность местных народов, уже являвшихся подданными-ясачными, к русской государственности, на их потенциальную склонность к измене. Но при этом в официальных документах центральных правительственных учреждений соционим «иноземцы» по отношению к местным аборигенам на протяжении всего XVII в., как уже указывалось, последовательно употреблялся в нейтральном значении, обозначая ясачно-плательщиков. Примечательно, что многие этнотерриториальные группы Западной Сибири в тех случаях, когда они выходили из повиновения русским властям и начинали военные действия против русских, «иноземцами» не номинировались. Можно привести в пример многочисленные факты «измен» барабинских и тарских татар (в основном в связи с их откочевками за пределы России – во владения черных калмыков), а также участие части тобольских и тюменских татар в набегах Кучумовичей и черных калмыков на русские владения в Южной Сибири и на Урале. Самыми характерными номинациями в таких ситуациях являлись «изменники», «государевы изменники», «воры». Но слово «иноземцы» в этих случаях к указанным народам не применялось¹⁴. Ненцев в случае их частых «из-

¹⁴ См., напр.: Русско-монгольские отношения, 1636–1654: сб. док. / отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М.: [Наука], 1974. С. 64, 67, 149, 173–174, 181–182, 202, 206, 249;

мен» и «воровства», если и называли «иноземцами», то весьма редко.

Западносибирские аборигены неоднократно обозначались «иноземцами» также из-за своего неправославного вероисповедания. Это отчетливо выявляется путем как изучения контекста документов, так и анализа сочетаемости и заменяемости данной номинации лексемой вероисповедального характера. В уже упоминавшейся грамоте московского митрополита Афанасия от 1565 г. татары, вогулы и югричи были отнесены к «иноземцам» в связи с тем, что они не являлись православными христианами. В этой же грамоте соционим «иноземцы» коррелировал со словами «неверные» и «некрещенные», что весьма уверенно позволяет судить о конфессиональном характере одного из его значений¹⁵. В царской грамоте 1621 г. тобольским воеводам при оговаривании условий добровольного крещения в православие татар, остяков, самоедов и вогуличей, они также были названы одним общим словом – «иноземцы»¹⁶. Религиозная нагрузка данного соционима прослеживается в отписке 1627 г. кузнецкого воеводы в Москву: в ней «иноземцами» обозначены как язычница – кузнецкая юртовская татарка Тоибика, так и католики – «литовские люди», служившие в кузнецком гарнизоне; все они пожелали принять православие¹⁷. О религиозной составляющей изучаемого слова говорят и правительственные распоряжения 1685 и 1686 гг., в которых тобольские татары – при указании на их иноверие – были названы «иноземцами»¹⁸.

Значения, актуализируемые в социониме «иноземцы» применимо к Восточной Сибири (в обозначенных нами рамках), заметно отличались от западносибирского варианта. Контексты употребления здесь данного соционима свидетельствуют о том, что русскими в большей степени упор делался на его политический аспект – на значения независимости, сопротивления, противоборства и неокончательной подчиненности русской власти. На это явно указывает высокая частота использования соционима при описании военной опасности, исходящей от аборигенов данного региона, а также процедур их замирения. Гамма оттенков, наполняющих этот соционим семантикой конфликтности, устанавливается и его сочетаемостью с лексемами и словосочетаниями, передающими чувства враждебности и угрозы: «воровские», «непослушные», «неясачные», «немирных земель люди» и др.

Сибирские переселения. Вып. 3. С. 18; Шишонко В. Н. Пермская летопись с 1263–1881 г. Пермь: тип. Губ. земск. управы, 1884. Третий период: С. 1645–1676 гг. С. 690.

¹⁵ Введенский А. А. Указ. соч. С. 153.

¹⁶ Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 148.

¹⁷ Русская историческая библиотека. СПб.: тип. Ф. Г. Елковского и Ко, 1884. Т. 8. Стб. 468, 469.

¹⁸ ПСЗ. Собрание 1-е. Т. 2. С. 663, 738.

Акцент на значении неподчиненности, содержащемся в социониме «иноземцы», также отчетливо заметен в ряде справочно-географических произведений, созданных в конце 1660-х – начале 1670-х гг. Так, в частности, в росписи Чертежа Сибири 1667 г. при описании р. Бии и Телецкого озера указывается, что «около тех мест кочуют многие иноземцы: саянцы, мундусцы, кайманцы, таутелеуты, яумундуссы, учюги, карагайцы, а ясаку великим государем не платят»¹⁹. В целом, по нашим подсчетам, в источниках XVII в. не менее чем в половине случаев употребления соционима «иноземцы» он применялся к аборигенам Восточной Сибири именно при описании конфликтных ситуаций.

Еще одной специфической особенностью восточносибирского варианта использования соционима «иноземцы» являлось маркирование им народов, слабо известных или совершенно незнакомых русским. Между тем, по наблюдению О. В. Скобелкина, «для русских людей иноземцами были только те иностранцы, которые оказывались на территории Московского государства. Жители “иных земель”, пока оставались на территории своей “земли”, для русского человека XVII в. иноземцами не были»²⁰. В русском политическом и «этнографическом» дискурсе они обозначались лексемами, фиксировавшими принадлежность к какой-либо «земле» (государству) («немцы свейской земли», «немцы шкоцкия земли»), к подданному какому-либо правителю («богдойские люди», «немцы цесарской земли»), к каким-либо этносоциумам («литва», «черкасы», «мунгалы» и т. д.). Учитывая этот факт, можно уверенно полагать, что, называя не только неподчиненные, но даже еще неизвестные народы Восточной Сибири «иноземцами»²¹, русские

¹⁹ Гольденберг Л. А. Подлинная роспись Чертежа Сибири 1667 г. // Труды ИИЕТ. М., 1962. Т. 42, вып. 3. С. 267. Аналогичное описание см.: Титов А. Сибирь в XVII веке: сб. старинных рус. статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М.: тип. Л. и А. Снегиревых, 1890. С. 50; Книга Большому Чертежу / подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. С. 188.

²⁰ Скобелкин О. В. Иноземские роты в 1625 г.: вопросы терминологии и критерии формирования // Столица и провинция: история взаимоотношений: материалы 6-й регион. науч. конф. / под общ. ред. В. Н. Глазьева. Воронеж: Истоки, 2012. С. 13.

²¹ К примеру, в отписке якутских воевод В. Пушкина и К. Супоневы в Москву от 1646 г. сообщается, что в бассейнах рек Северо-Восточной Сибири обитают многочисленные необъясненные группы «тунгусов и юкагирей, и ковымцов, и шерембойцов и иных розных родов иноземцов» (Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии: сб. док. / сост. Н. С. Орлова; под. ред. А. В. Ефимова. М.: Географгиз, 1951. С. 216). В наказной памяти тех же якутских воевод сыну боярскому В. Власьеву, откомандированному на Колыму в 1647 г., предписывается приводить «под государеву, царскую высокую руку» «новых немирных земель неясачных юкагиров и тунгусов и всяких иноземцев розных языков, которые по тем рекам и по иным по сторонним рекам живут» и «ясаки и поминки с тех с новоприисных всяких иноземцев збирать» (Там же. С. 236–237).

a priori рассматривали их как потенциальных подданных московского царя. В таком случае, кроме значения неинкорпорированности в состав России, следует признать, что соционим «иноземцы» также отражал идею о политической «ничейности» аборигенов и открытости прав на их присвоение. Нельзя исключать, что в Восточной Сибири в ситуации завоевания данный соционим наполнялся и географическим зарядом, передававшим представление о далеком и неизвестном (загадочном) народе, который предстояло подчинить.

Конфессиональный подтекст соционима «иноземцы» в Восточной Сибири также читается, но он выражен слабее, чем в Западной Сибири: случаев, где он представлен, явно не так много. К примеру, в наказе 1681 г. сибирского митрополита Павла игумену Феодосию о строительстве нового монастыря на р. Селенге, тамошние «иноземцы» (скорее всего, буряты и тунгусы), еще не обращенные в православие, были определены им как «иноверцы всяких вер»²². В его же грамоте к Феодосию от 1683 г. аборигенки, с которыми сожительствовали местные русские, были обозначены «некрещеными иноземками»²³.

Следует отметить, что обозначение «иноземцами» как аборигенов Западной, так и Восточной Сибири наполнялось также и правовым содержанием. О том, что сибирские народы воспринимались как особая социально-правовая группа, свидетельствует постановка акцента на их особом статусе в структуре российского общества – он осуществлялся с помощью лексем «иноземство» / «иноземчество» и «братья иноземцы», которые подчеркивали их особое правовое положение. К примеру, в случаях предоставления государственных льгот или каких-либо финансовых или правовых послаблений в отношении коренного населения Сибири часто употреблялось выражение «для их иноземства / иноземчества»²⁴. Соответственно, в употреблении слова «иноземцы», помимо выражения прочих чувств и отношений, заметно стремление отграничить аборигенов как представителей одной политико-правовой реальности от членов других социальных групп, проживавших в России. Данную мысль дополнительно подтверждает тот факт, что русские уравнивали между собой этнически совершенно неродственные народы Сибири. Так, в 1629 г. вышедшим из повиновения тубинским князьям

Соту и Каяну было предложено «принести» «великому государю вину» и выплачивать «ясак противу иных своих братьев иноземцев, твоих государевых ясачных людей»²⁵, под которыми явно понимались не просто кровные родственники тубинцев, а в целом ясачное население Сибири, подчиненное московскому царю. В свою очередь, непокорным бурятам – представителям монголоязычной языковой семьи, не платившим ясак, русские в 1647 г. привели в пример «их братьев иноземцев киргизов и тубинцев»²⁶, являвшихся соответственно тюрками и тюркизированными самодийцами.

Подытоживая вышесказанное, можно констатировать, что соционим «иноземцы» применительно к аборигенам Сибири вошел в русскую деловую лексику во второй половине XVI в., с 1620/30-х гг. он начал широко распространяться и приобретать популярность, а к середине XVII в. стал нормой делопроизводственных документов. Анализ контекстуальных связей, в которых находился данный соционим, свидетельствует о равнозначности его использования как по отношению к подданным и объясаченным, так и к неподчиненным аборигенам Сибири. Однако для многих из них он употреблялся преимущественно в ситуациях их непокорности и неповиновения.

Подтверждается уже сделанное в историографии наблюдение о полисемантичности соционима «иноземцы». Наше же исследование позволяет заключить, что его смысловое поле включало в себя три основных представления: 1) о степени подчиненности / неподчиненности аборигенов русской власти и их адаптированности к ней; при этом применительно к Западной Сибири акцент делался на неокончательную политическую адаптированность, а к Восточной – на слабую подчиненность или же на неподчиненность и на готовность к сопротивлению; в этом смысле под «иноземцами» подразумевались либо «иные» народы / люди, которые находились в начале процесса превращения в «своих» – «настоящих» подданных русского царя (общесибирский вариант), либо «иные», которые, будучи «чужими» и даже врагами, в перспективе могли начать превращаться в «своих» (восточносибирский вариант); 2) об особом политико-правовом статусе сибирских этносоциумов в структуре российского общества; 3) об их этнокультурно-конфессиональной инаковости. Соционим также выполнял функцию слова-обобщения для обозначения уже известных и еще неизвестных этнотерриториальных групп коренного сибирского населения. Важно также отметить, что с продвижением русских в Восточную Сибирь соционим «иноземцы» стал активно использовать-

²² Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726) и сведения о Даурской миссии, собранные миссионером архимандритом Мелетием. Казань: Университет. тип., 1875. С. 11.

²³ Там же. С. 12.

²⁴ См., напр.: Документы Печатного двора (1613–1615 гг.). М.: Наука, 1994. С. 372; Кузнецов-Красноярский И. Томского уезда служилые и подводные татары ... С. 586; Павловский В. Вогулы. Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1907. С. 56; Первалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 57.

²⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М.: Вост. лит., 2000. Т. 2. С. 422–423.

²⁶ Там же. М.: Вост. лит., 2005. Т. 3. С. 320.

ся в русско-сибирской деловой письменности как компонент для образования сложных речевых конструкций. Интенсивное пополнение группы определителей, сочетавшихся с этим соционимом, произошло к середине XVII в.

В целом обозначение «иноземцами» этносоциумов Сибири во многом зависело от их культурных

(в широком смысле этого слова) характеристик и параметров взаимодействия с русскими, что вызывало у последних ту или иную гамму чувств, эмоций и представлений, а это, в свою очередь, заставляло ставить акценты на тех или иных семантических аспектах данного соционима, которые подходили к каждой конкретной ситуации.

A. S. Zuev, P. S. Ignatkin

**Social and Political Identification
of the Siberian Native Tribes in the 17th-century Muscovy:
Semantics of the Socionym “Outlanders”**

Key words: Siberia, Russian – aboriginal relations, social and political identification, “outlanders”, socionym, 17th century.

Abstract: The article is devoted to the study of semantics of the socionym “outlanders” in relation to the indigenous peoples of Siberia in the 17th century. Based on a con-

siderable amount of sources and data from historiography, main and peripheral uses and meanings of the socionym are revealed, also its use boundaries are defined. Defining of two zones of its use – Western and Eastern Siberia – is proved. They differ in chronological frames of the existence of this socionym, its semantics, the character of its lexical connotations and the circle of addressants.

О роли ямщиков в освоении Сибири (конец XVI – XVII в.)

С конца XVI в. «за Камнем» складывается организованная система сообщения. Ее оформление было вызвано потребностями Москвы установить более прочную и качественную связь с далекими, обширными и недавно присоединенными землями. На основном пути, шедшем по территории Западной Сибири, последовательно возникают поселения русских ямщиков: в 1600 г. Верхотурский и Туринский ямы, в 1601 г. Тюменский ям, в конце 1620-х – начале 1630-х гг. Демьянский и Самаровский ямы¹. Процесс создания профессиональной ямской гоньбы ускорили многочисленные жалобы аборигенного населения на обременительность подводной повинности². В ответ на них правительство принимало решения об учреждении ямов.

Основание сибирских ямов происходило по общей схеме. Центральными или местными властями назначалось особое должностное лицо – «приборщик» (обычно из детей боярских), который в уездах Европейской России или (и) на месте осуществлял набор добровольцев. По прибранным ямщикам взималась «крепкая порука». Им предоставлялась денежная «подмога»³, бесплатные подводы до места назначения и лошади с необходимым «гонимым припасом». На первых порах ямских охотни-

ков могли также снабжать провиантом и семенным хлебом. Любопытно, что утвердившийся «за Камнем» порядок верстания в ямщики представителями государственной администрации в европейской части страны во второй половине XVI – начале XVII в. являлся исключением. Там ответственность по выставлению для отправления гоньбы людей и их содержанию зачастую ложилась на население. Лишь после окончания Смуты, в связи с резким падением уровня платежеспособности тягловцев и потребностями государственной централизации, ямщиков стали повсеместно переводить на казенное обеспечение. По прибытии на место насельники будущего яма поступали в распоряжение назначенного воеводой «стройщика», который занимался их поселением: отводил места под дворы, огороды, пашни, сенокосы и т. д.

Каждый сибирский ям состоял из 50 паев (вытей)⁴. В обязанность ямщиков входила круглогодичная (за исключением периода весенней и осенней распутицы)⁵ транспортировка казенной документации и грузов, а также следовавших по государственным нуждам лиц. Для этого они держали лошадей с «гонимой рухлядью» (санями, телегами, седлами и т. д.), а для передвижения по воде – суда «с веслы и з бечевами и со всякою судовою снастью». На Демьянском и Самаровском ямах зимой использовались также нарты с собаками. Гоньба осуществлялась по нескольким направле-

¹ Демьянский ям (современное с. Демьянское Уватского района Тюменской области) начал функционировать с 1635/36 г., Самаровский ям (ныне г. Ханты-Мансийск) – с 1636/1637 г. (см.: Семенов О. В. Демьянские против самаровских // Родина: рос. ист. журн. 2012. № 7. С. 88).

² В Сибири до появления профессиональных ямщиков казенные перевозки в большинстве случаев ложились на плечи аборигенов. Это объяснялось нехваткой русских насельников. Непривычная и обременительная подводная повинность вызывала недовольство ясачных людей, не обеспечивая качественной связи: татары, остяки и вогуличи отправляли ее нерадиво и разбегались.

³ При основании ямов верхотурским ямщикам предоставлялась «подмога» в размере 20 рублей на пай, туринским и тюменским по 15 рублей, демьянским и самаровским по 5 рублей.

⁴ Паи (выти, жеребья) – служебные и хозяйственные единицы, из которых состояла ямская община. С одного пая могли гонять от 1 до 8 ямщиков.

⁵ Впрочем, нередко ямщики были вынуждены гонять даже «по последнему» зимнему и летнему пути «в самой пущей роспоп». Это вызывало с их стороны многочисленные жалобы (см., напр.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 354. Л. 39, 159; Стб. 496. Л. 56–58; Стб. 731. Л. 154–159; Стб. 990. Л. 110; Оп. 4. Стб. 94. Л. 30–33; СПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 6. Л. 165 об.–166).

ниям. Со временем, ввиду дальнейшего освоения края, их количество, а также общая интенсивность перевозок увеличивались⁶.

За службу ямщики получали государево жалование. При учреждении ямов его размеры составляли: для верхотурцев, демьянцев и самаровцев по 20 рублей на пай, для туринцев и тюменцев по 15 рублей. В дальнейшем оклады изменялись и к концу XVII в. достигли 28 рублей на выть для верхотурских ямщиков, 20 рублей – для всех остальных. Первоначально им также предоставлялось хлебное обеспечение⁷. Однако вскоре, с целью экономии казенных средств, его ликвидировали, а ямщиков перевели «на пашню»⁸. Только самаровцы (в районе проживания которых из-за суровых климатических условий полноценное занятие земледелием было невозможно) сумели сохранить за собой оклады натурального жалования. Наделялись ямщики и определенными – чаще кратковременными – льготами. К примеру, в 1600 г. жители Верхотурского яма (до момента окончательного обустройства) получили отсрочку от уплаты долгов частным лицам⁹. В 1607 г. по указу Василия Шуйского туринским и тюменским ямщикам была дана «подмога» на приобретение лошадей (по 5 рублей на пай)¹⁰.

В литературе укоренилось представление о том, будто ямщикам жилось лучше, чем многим другим категориям населения Московской Руси. Безусловно, в каких-то моментах ямской статус давал своему обладателю преимущества. В частности, хозяйство ямщика лучше было обеспечено тягловой силой – лошадьми. Выше уже отмечались предоставляемые властями привилегии. Однако в целом положение сибирских ямщиков было тяжелым и со временем ухудшалось. Это объяснялось многими факторами: трудностями пути, суровыми природными условиями, злоупотреблениями со стороны проезжающих лиц и представителей местной администрации. Бедственную ситуацию усугубляла правительственная поли-

тика, нацеленная на строгую экономию финансовых средств. Несмотря на рост интенсивности гоньбы, государство отказывалось от увеличения численности паев. Небывалый наплыв людей и грузов приводил к острой нехватке средств передвижения и вынуждал ямщиков за свой счет арендовать их на стороне. К примеру, в 1644/45 г. самаровцы на найм подвод потратили свыше 855 рублей¹¹. Жалования не хватало, и выплачивалось оно не всегда регулярно. Так, туринские ямщики получили половину причитавшихся им за 1654/55 г. окладов обеспечения только в 1656 г. К этому времени они находились в таком плачевном состоянии, что воевода М. М. Мусин-Пушкин вынужден был признать, что «вперед» они гонять не смогут, поскольку у них «лошадей нет и купити им нечем и не на што»¹². Ввиду нехватки наличных средств часть денежного жалования могли выдавать разнообразными товарами (сукнами, пушшиной «худого» и «среднего» качества и т. д.), которые, вследствие отсутствия на них особого спроса, ямщики сбывали за бесценок¹³. К тому же за пределами Уральско-го хребта долгое время отсутствовала такая форма вознаграждения, как прогонные деньги¹⁴. Не имели сибирские ямщики и уставных грамот, предоставлявших населению многих ямских слобод европейской части страны широкие льготы (такие, как неподсудность местной администрации, освобождение от несения повинностей и уплаты основных налогов, торговые послабления и т. д.). Их активно привлекали к «службам» неямского характера (возведение оборонительных укреплений, погрузке на судоверфи хлебных запасов, строительству и обслуживанию казенных судов и т. д.) и платежу общегосударственных налогов («пятой» и «десятой» деньги). Всё это объясняет, почему в большинстве сибирские ямщики были людьми скромного имущественного достатка¹⁵. На протяжении XVII в. ямы периодически пустели¹⁶, а при их пополнении власти сталкивались с трудностями, связанными с «прибором» добровольцев¹⁷.

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 990. Л. 140.

¹² Там же. Стб. 499. Л. 141–142, 144, 145–146.

¹³ См., напр.: Там же. Стб. 884. Л. 419–420; Стб. 936. Л. 409; Стб. 959. Л. 168–170; Стб. 990. Л. 119; Оп. 4. Стб. 94. Л. 44.

¹⁴ О введении «за Камнем» прогонных денег см.: Семенов О. В. Организация профессиональной ямской гоньбы в Зауралье и Сибири в XVII в.: введение прогонов // Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска: материалы Всерос. науч. конф., 17–18 июня 2013 г. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2013. С. 200–207.

¹⁵ Попадались среди ямщиков и люди состоятельные, например, верхотурцы Переваловы и Голомолзины или туринцы Коркины. Впрочем, таких было немного.

¹⁶ Имелись случаи, когда беглые сибирские ямщики «поряжались» даже в крестьяне (см., напр.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 983. Л. 340; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 127. Л. 370; Оп. 4. Кн. 1. Л. 85, 87, 87 об.).

¹⁷ См., напр.: Там же. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 593. Л. 22; Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 55. Л. 6.

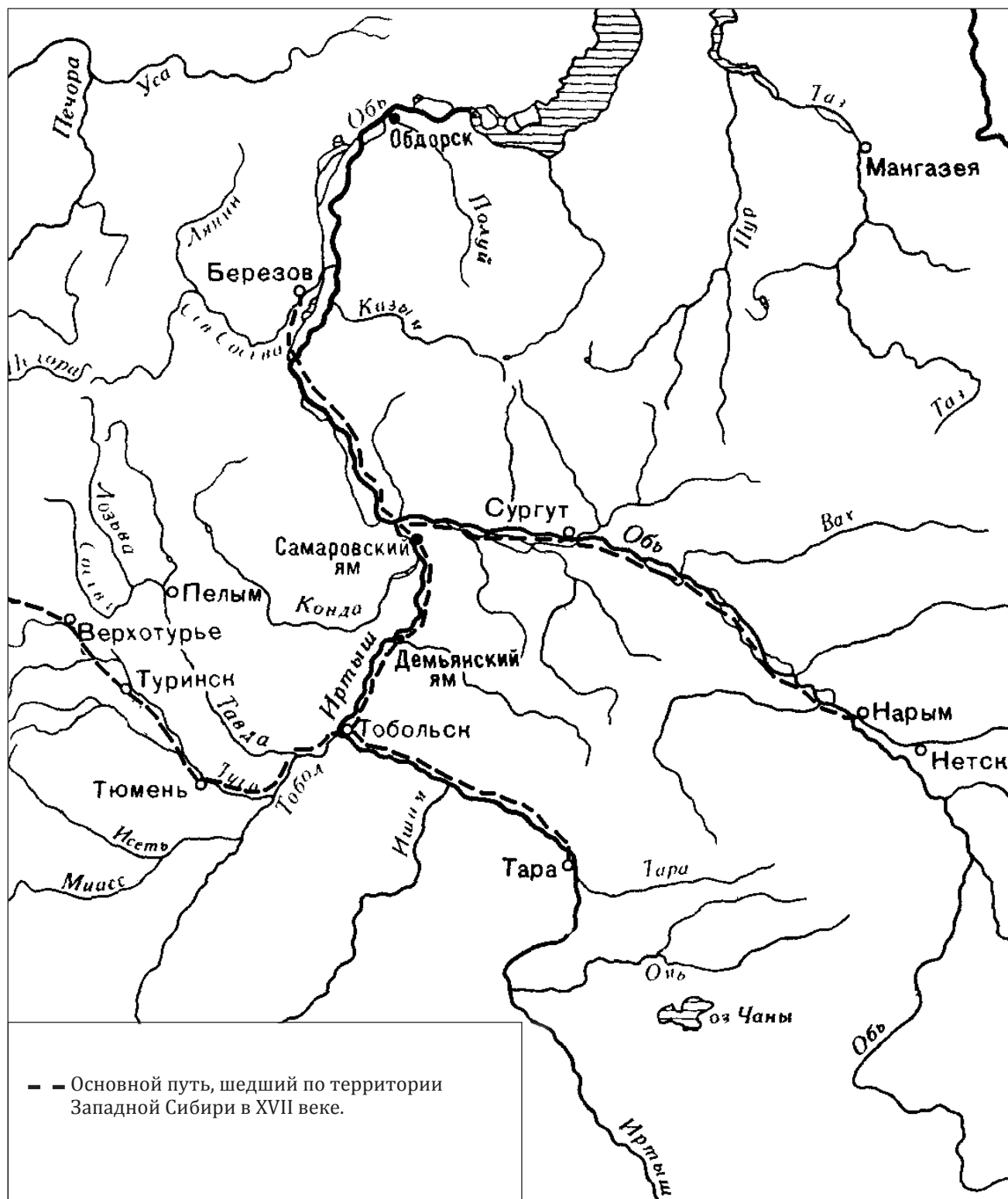
⁶ Верхотурские ямщики гоняли от Верхотурья до Соликамска, Туринска, Пельма, в инородческие юрты и к слободам; туринские – от Туринска до Верхотурья, Тюмени, Пельма, в ясачные волости, к слободам и деревням; тюменские – от Тюмени до Туринска, Тобольска и вглубь уезда; демьянские – от Демьянского яма до Тобольска, Самаровского яма и в ясачные волости; самаровские – от Самаровского яма до Демьянского яма, Сургута и до Сухо-руковых юрт (по направлению к Березову).

⁷ Верхотурские ямщики первое время получали по 12 четьей ржи и овса на пай, демьянцы и самаровцы – по 20 четьей ржи и 20 четьей овса.

⁸ В начале XVII в. размеры окладных пашен верхотурских, туринских и тюменских ямщиков составляли 20 четьей «в поле, а в дву потому ж» на пай. В последующем они неоднократно изменялись, однако к концу столетия были возвращены к исходному уровню.

⁹ АИ. СПб., 1841. Т. 2. С. 33.

¹⁰ Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. М.: ИИ СССР, 1982. Вып. 2. С. 185.

Карта. Западная Сибирь XVII в.

Настоящему испытанию система ямской гоньбы подверглась в годы Смуты, когда Сибирь, вследствие перебоев хлебных поставок из Поморья, оказалась под угрозой голода. Тем не менее, в отличие от Европейской России (где большинство ямщиков разбежалось, а дороги пришли в упадок)¹⁸, «за Камнем» ямы продолжали функционировать. Основная причина этого заключалась в том, что в силу ряда особенностей (отдаленности от основных эпицентров гражданской войны, угрозы антирусского восстания коренного населения и т.д.) воеводская администрация края сумела сохранить в своих руках реальные рычаги управления, обеспечив бесперебойную деятельность основных государственных институтов¹⁹.

Значительные изменения в положении ямщиков произошли при тобольском воеводе Ю.Я. Сулешеве (1623–1625 гг.). Этот «прибыльщик» намеревался сформировать в Сибири собственную продовольственную базу, благодаря которой край смог бы целиком отказаться от поставок зерна из других регионов. Он всеми силами расширял запашку и стремился к увеличению объемов поступающего в казенные житницы хлеба. Выяснив то, что с ямских сверхокладных пашен не взимались налоги, разрядный администратор в 1624 г. обложил насельников Верхотурского и Туринского ямов натуральным оброком – «пятым снопом». Здесь ямщики оказались в менее выгодном по сравнению со служилыми людьми положении, с «лишних» земель которых государство взыскивало десятую часть урожая. Одновременно были сокращены размеры окладной пашни: для верхотурцев она стала составлять 7 четей, а для туринцев 10 четей «в поле, а в два потому ж» на пай. Помимо этого, верхотурские ямщики были лишены земельных участков у Ямской слободы, которые к этому времени выпахались и фактически не обрабатывались. На их месте устроили государеву десятинную пашню²⁰. Что касается Тюменского яма, то его в 1623 г. упразднили: ямщиков перевели в категорию посадских людей, а их земли обложили натуральным оброком.

Сулешев добился существенной экономии казенного зерна и улучшения хлебоснабжения Сибири²¹. Поначалу его деятельность получила одобре-

ние в Москве. Однако она поставила верхотурских и туринских ямщиков на грань разорения. После некоторых колебаний власти вынуждены были это признать и пошли на увеличение размеров ямских окладных пашен и денежного жалованья²². Особенно тревожная обстановка сложилась в Тюменском уезде. Здесь после ликвидации профессиональных ямщиков гоньбу возложили на отдельные категории аборигенного населения. Данное обстоятельство привело к резкому ухудшению качества функционирования системы связи и серьезному недовольству среди ясачных людей. Поэтому в 1630 г. Тюменский ям восстановили²³.

Серьезные по своим последствиям правительственные эксперименты предпринимались и в последующее время. К ним можно отнести финансовые мероприятия эпохи царя Алексея Михайловича. В ходе денежной реформы ямщики добились некоторого увеличения окладов обеспечения: верхотурские – до 28 рублей на пай, туринские, тюменские, демьянские и самаровские – до 23 рублей. Однако на фоне резкого падения покупательной способности медных денег и роста цен всё это не слишком облегчило их положение. С окончанием же в 1663 г. реформы ямщики, как и остальные категории населения страны, понесли убытки от осуществленного казной обмена медной монеты. Что касается жалованья, то его (за исключением жителей Верхотурского яма) сократили до прежних размеров – 20 рублей на выть²⁴.

Впрочем, в целом, несмотря на тяжелую ситуацию, сибирские ямы справлялись с возложенными на них функциями. Скорость перевозок (за исключением периода распутицы) оставалась довольно высокой, а состояние транспортных коммуникаций было не столь безнадежным, как порою представляется в литературе. Об этом свидетельствуют и многие посетившие Россию иностранцы²⁵, и актовый

вое освоение Сибири (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1985. С. 18.

¹⁸ РГАДА. Ф.1111. Оп.1. Стб.304. Л.478–479; Ф.214. Оп.3. Стб.46. Л.5, 8; Стб.593. Л.65; СПФА РАН. Ф.21. Оп.4. Кн.2. Л.149 об.; Семенов О.В. Система регулярного сообщения в Сибири и «прибыльная» деятельность тобольского воеводы Ю.Я.Сулешева // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 2011. Вып.9: Россия и Запад в переходную эпоху от Средневековья к Новому времени. С.132–133.

¹⁹ Подробнее об этом см.: Его же. Восстановление системы регулярного сообщения в Тюменском уезде в конце 20-х гг. XVII в. // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2010. №3 (79). С.63–72.

²⁰ РГАДА. Ф.214. Оп.3. Стб.817. Л.1, 2; Стб.818. Л.52, 53, 54, 510, 511, 513, 514–514 об., 523–524, 529.

²¹ См., напр.: Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г. // Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках / пер. В.Любич-Романовича. СПб.: тип. штаба воен.-учеб. заведений, 1843. С.10, 37; Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в

¹⁸ Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль: Тип. губ. правления, 1900. С.206–207.

¹⁹ Подробнее о ситуации в крае в эпоху гражданской войны см.: Семенов О.В. К вопросу о положении городов и уездов Зауралья накануне и в годы Смуты // Мининские чтения: труды науч. конф., Нижегород. гос. ун-т им.Н.И.Лобачевского (20–21 окт. 2006 г.). Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. С.61–76.

²⁰ РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.5. Л.201 об., 217–217 об; Оп.3. Стб.46. Л.6; Ф.1111. Оп.1. Стб.304. Л.477–478.

²¹ Леонтьева Г.А. Пашня служилых людей Сибири в XVII – начале XVIII вв. // Земледельческое и промысло-

материал. К примеру, более чем 600-километровый путь от Тобольска до Верхотурья зимой обычно преодолевался за 7–8 дней (75–86 км в день). Встречались и более высокие показатели. Отправленные 21 декабря 1687 г. из Тобольска в Москву отписки уже 15 января 1688 г. находились в Сибирском приказе²⁶. В 1685 г. следовавший на енисейское воеводство С. А. Собакин расстояние между Демьянским и Самаровским ямами осилил за 3 дня (13–15 июня)²⁷. Столько же времени понадобилось на преодоление дороги между Верхотурьем и Тюменью соборному дьякону Г. Кириллову в 1697 г. (22–24 февраля)²⁸. Во всех приведенных случаях скорость гоньбы достигала 100 км в день, а в последнем даже превышала ее. Между тем, по замечанию С. М. Каштанова, рекорд передвижения в средневековой Франции составлял 86,9–90,12 км, а средняя скорость колебалась в пределах 32,18–53,1 км в день²⁹.

Ямщики составляли особую группу населения, близкую к приборным служилым людям (стрельцам и городовым казакам) или занимавшую промежуточное положение между ними и тяглецами (посадскими и крестьянами). Каждый ям и располагавшая при нем слобода формировали отдельную административную единицу, существование которой основывалось на традициях общинного самоуправления. В случае необходимости собирався сход: на нем решались важнейшие вопросы жизни «мира». Здесь же избирались должностные лица, размещавшиеся в «ямской (земской, мирской) избе». Органы самоуправления возглавлял староста. Он представлял слободу перед внешним миром (в частности, мог подать челобитную «во всех ямских охотников место»), судил насельников яма по мелким правонарушениям, принимал участие в процедуре выдачи им жалованья, контролировал очередность отправления гоньбы, выделял под проезжающих лиц подводы, заботился о пополнении вакантных паев и т. д. Источники донесли до нас имена некоторых старост. На Верхотурском яме их обязанности выполняли: М. Глазунов (1605 г.), С. Путников (март 1613, 1614, март 1615 г.), С. Чураков (1620 г.), К. И. Ентальцев (ноябрь 1624, 1625/26 г.), Т. Чирухин (март 1636, октябрь 1641 г.), Л. И. Кобелев (1644/45 г.), С. Васильев (декабрь 1645 г.), А. Рублев (сентябрь 1646 г.), В. С. Литовский

(1646/47, 1647/48, 1649, 1650/51, октябрь 1659, январь 1660, декабрь 1672 г.), К. Зиновьев (1661/62, июнь 1662 г.), В. Казанец (1663/64, июнь 1664, март 1674 г.), К. Шелепов (февраль 1665, 1688/89, 1690/91, 1691/92 г.), А. Долгополов (май 1665 г.), Т. Лукиных (1675/76, 1686/87, декабрь 1691, март 1692 г.), Н. Сурихин (1676/77, 1677/78 г.), Ф. Самков (1678/79 г.), И. Казанец (март 1669, конец 1680 – начало 1681, 1695/96 г.), М. Логинов (январь 1681 г.), А. Перевалов (март 1683 г.), А. Яковлев (март 1684 г.), Я. Порываев (1685 г.), Г. Черемисинов (июнь, сентябрь 1685 г.), К. Седунов (1687/88 г.), В. Чиреншиков (1689/90, октябрь 1690 г.), И. Ларионов (конец 1692 – начало 1693 г.), И. Мухлынин (1693/94 г.), П. Турляков (1696/97 г.), П. Паламошный (1697/98 г.), А. Бутыгин (1698/99, февраль – март 1700, декабрь 1700, 1700/01 г.)³⁰. Туринскими ямскими старостами были: Б. Терентьев (1622/23 г.), И. Савельев (февраль 1640 г.), П. Денисов (февраль 1641 г.), С. Котоса (1654/55, 1655/56, 1658/59 г.), С. Курмач (конец 1657 г.), М. Ушаков (1659/60 или 1660/61, конец 1675 – начало 1676 г.), В. Бурдуков (Бурдаков) (сентябрь 1665 – начало 1666 г.), В. Кудашев (март 1668 г.), А. Урванов (конец 1670 г.), В. Осколков (1673 г.), Я. Хлызов (конец 1676 – начало 1677 г.), Т. Нифанов (Нифантов) (начало 1678 г.), Н. Елфимов (июль 1680, 1686, август 1692 г.), Д. Чечевин (конец 1681 г.), С. Елфимов (начало 1680-х гг., ноябрь 1686 – май 1687, сентябрь 1690, 1698/99, январь 1700 г.), Г. Данилов (конец 1685 – начало 1686 г.), К. Елфимов (март 1693 г.), Н. Кизылов (конец 1693 г.), П. Хлызов (ноябрь 1699 г.)³¹. Во главе мирской организации Тю-

половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским / пер. с арабск. Г. Муркоса. М.: Университет. тип., 1897. Вып. 2. С. 115, 121, 182; Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии (Падуя, 1680 г.) / пер. А. И. Станкевича // ЧОИДР. 1906. Кн. 3. С. 134 (Отд. 3).

²⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1015. Л. 11, 11 об.

²⁷ Там же. Оп. 1. Кн. 801. Л. 60; Кн. 1208. Л. 81 об.

²⁸ Там же. Кн. 1130. Л. 263 об.–264.

²⁹ Каштанов С. М. К истории ямской гоньбы в XVI в. // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2000. Вып. X. С. 24.

³⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Стб. 28. Л. 1–2; Стб. 43. Л. 1–2; Стб. 808. Л. 1; Стб. 844. Л. 2; Стб. 976. Л. 1; Стб. 1172. Л. 6; Стб. 1490. Л. 1; РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Стб. 4262. Л. 1–5; Ф. 214. Оп. 1. Кн. 10. Л. 80; Кн. 487. Л. 31, 73; Кн. 845. Л. 337; Кн. 953. Л. 1, 71; Оп. 3. Стб. 134. Л. 88; Стб. 170. Л. 58; Стб. 263. Л. 13, 15, 133, 134, 391; Стб. 593. Л. 7; Стб. 897. Л. 152; Стб. 959. Л. 166, 167, 177; Стб. 1038. Л. 211; Стб. 1071/1. Л. 46, 87; Стб. 1071/3. Л. 93; Стб. 1195. Л. 61; Стб. 1402. Л. 155, 171; Стб. 1603. Л. 10; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 65. Л. 2; Стб. 74. Л. 131; Стб. 86. Л. 19 об., 77, 82, 86; Стб. 88. Л. 109; Стб. 97. Л. 105; Стб. 125. Л. 26; Стб. 127. Л. 370; Стб. 128. Л. 179, 240 об.; Стб. 139. Л. 115; Стб. 148. Л. 291; Стб. 159. Л. 200; Стб. 164. Л. 212; Стб. 167. Л. 287; Стб. 215. Л. 154; Стб. 284. Л. 44; Стб. 302. Л. 131; Стб. 304. Л. 375; Оп. 2. Стб. 55. Л. 1; Стб. 58. Л. 13 об.; Стб. 122. Л. 147; Стб. 129. Л. 25; Стб. 224. Л. 49; Стб. 347. Л. 72; Стб. 442. Л. 137; Стб. 481. Л. 3; Стб. 518. Л. 48; Стб. 531. Л. 46; Стб. 542. Л. 66; Стб. 546. Л. 62; Стб. 608. Л. 36; Оп. 4. Кн. 4. Л. 20; СПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 4. Л. 208 об.; АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 41, 85; Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. Вып. 2. С. 173; ДАИ. СПб., 1859. Т. 7. С. 272; Дмитриев А. А. Пермская старина. Пермь: тип. н[аследни]ков П. Ф. Каменского, 1897. Вып. 7. С. 180; Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Вост. лит., 2000. Т. 2. С. 264, 594, 618; Шишонко В. Н. Пермская летопись с 1263 по 1881 г. Пермь: тип. Губ. земск. управы, 1884. Период третий: С 1645–1676. С. 788.

³¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1010. Л. 129; Кн. 1240. Л. 104–118; Оп. 3. Стб. 94. Л. 245; Стб. 102. Л. 297; Стб. 348. Л. 180; Стб. 480. Л. 199; Стб. 496. Л. 60; Стб. 560. Л. 70, 276, 417;

менского яма находились: Б.Афанасьев (1603 г.), Е.В.Бытиков (1630 г.), Т.Григорьев (1633/34 г.), Ш.Еремеев (март 1636 г.), И.Дворников (1651/52, ноябрь 1657 г.), С.Максимов (март 1653 г.), М.Леонтьев (1658/59 г.), Е.Перевалов (лето 1667 г.), М.Плеханов (март 1674 г.), А.Ржаников (1677/78 г.), Г.Мехонин (конец 1680 – начало 1681 г.), Н.Помигалов (1685/86 г.), В.Агеев (сентябрь 1687 – начало 1688, ноябрь 1696 – март 1697 г.), М.Плеханов (конец 1699 г.)³². Должность демьянских ямских старост занимали: И.Аникиев (1642/43 г.), Я.Васильев (1647/48 г.), Е.Борисов (1650/51 г.), Т.Андреев (Адрианов) (1661/62 г.), И.Иванов (весна 1668 г.), С.Васильев (1686/87 г.), С.Крылов (1690 г.)³³. Наконец, органами самоуправления Самаровского яма руководили: С.Т.Ерш (1636/37, октябрь 1642 г.), В.Терентьев (1643, 1656 г.), Б.Лукьянов (весна 1645 г.), И.Прялицын (1647/48, 1660/61 г.), И.Овчинников (сентябрь 1649 г.), С.Н.Змановский (ноябрь 1649 г.), К.Васильев (1650/51 г.), А.Прокофьев (1653/54 г.), И.Ф.Егишев (конец 1657 – начало 1658 г.), И.А.Серебрянников (Серебряников) (1667 (?), 1685/86, 1691/92, 1696/97 г.), Е.Захаров (начало 1681 г.), Д.Логинов (1684/85, 1690/91, 1695/96 г.), И.В.Погадаев (1686/87, 1689/90 г.), И.И.Хозяинов (1688/89, 1695/96 г.), К.Д.Мухин (1692/93 г.), Т.Самойлов (1693/94 г.), З.В.Пачганов (1694/95 г.), Л.С.Корепанов (1697/98 г.), Г.С.Дягилев (1698/99 г.)³⁴.

Помощниками старосты были десятники (до 5-ти человек на ям). Обычно их избирали на год. Неясно, предоставлялись ли мирским должностным лицам какие-то льготы. Однако они не обяза-

Стб.593. Л.59; Стб.712. Л.30; Стб.731. Л.32, 72; Стб.817. Л.289; Стб.818. Л.521; Стб.897. Л.350; Стб.900. Л.255; Стб.936. Л.278 об., 293, 296, 298, 304, 409; Стб.983. Л.315, 480; Стб.1260. Л.7, 292; Стб.1409. Л.1, 15; Ф.1111. Оп.1. Стб.7. Л.6; Стб.93. Л.176; Оп.2. Стб.389. Л.45; СПФА РАН. Ф.21. Оп.4. Кн.6. Л.263 об.; АЮБ. СПб., 1884. Т.3. Стб.258.

³² РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.21. Л.2 об., 6; Кн.1130. Л.336 об.; Оп.3. Стб.46. Л.24; Стб.170. Л.85; Стб.354. Л.184, 242; Стб.505. Л.30, 172; Стб.593. Л.29; Стб.611. Л.283; Стб.701. Л.99; Стб.818. Л.52; Стб.884. Л.412; Стб.936. Л.299; Стб.990. Л.37, 78; Стб.1015. Л.1, 192; Стб.1056. Л.160, 673; Оп.4. Стб.94. Л.26, 30; Стб.166. Л.1; Ф.1111. Оп.1. Стб.264. Л.229; СПФА РАН. Ф.21. Оп.4. Кн.6. Л.243 об.; АИ. СПб., 1842. Т.5. С.37; Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т.2. С.210.

³³ РГАДА. Ф.214. Оп.3. Стб.448. Л.23, 83, 120; Стб.593. Л.79, 99; Стб.632. Л.189; Стб.818. Л.512; Стб.990. Л.131, 145, 148–149, 164; Стб.1015. Л.134; Оп.4. Стб.94. Л.5.

³⁴ Там же. Оп.1. Кн.801. Л.264; Кн.1208. Л.52, 90, 133, 178, 233, 286, 325, 368, 410, 448, 494, 533, 595, 654; Оп.3. Стб.354. Л.30; Стб.448. Л.23, 40, 41, 78, 80, 85, 113, 120, 140; Стб.496. Л.137; Стб.560. Л.64; Стб.593. Л.97, 103, 120; Стб.884. Л.419; Стб.990. Л.2, 131, 137, 172, 181; Стб.1015. Л.134; Оп.4. Стб.94. Л.17, 56; Стб.164. Л.1; Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроники, воспоминания и материалы о его прошлом. Тюмень: СофтДизайн, 1997. С.150; Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т.2. С.582, 634; Шашков А.Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут: Диорит, 2004. С.71, 75.

тельно происходили из людей состоятельных. Так, будущий верхотурский ямской староста К.Ентальцев в 1621 г. не имел даже двора. За ним числились 2 чети «в поле, а в дву потому ж» «худой» пашни и сенные покосы на 42 копны. Промыслами и торговлей он не занимался³⁵. Отправлявший в 1622/23 г. обязанности туринского ямского старосты Б.Терентьев в 1623/24 г. владел 1 четью «доброй» пашни, 1 четью перелога «в поле, а в дву потому ж» и сенными покосами на 40 копен³⁶. Должностные лица общины не всегда пользовались авторитетом среди рядовых собратьев. В 1687 г. верхотурский ямской охотник В.Перевалов «на Тагиле, в Кокшарове деревне... бранил... при многих людех всякою непристойною матерною бранью неведамо за что» ямского старосту Т.Лукиных³⁷. В октябре 1690 г. в «земской избе» верхотурский ямщик И.Шестоперов публично оскорблял и бил «по щекам» старосту В.Чиреншикова³⁸. Текущее делопроизводство находилось в руках ямского дьячка, который занимался и содержался на средства «мира». Его значение усиливалось благодаря тому обстоятельству, что нередко староста и десятники были людьми неграмотными.

Ямская община была образованием искусственным, созданным по воле государства. В отличие от Европейской России, «за Камнем» ямское дело находилось под прямым надзором и непосредственным контролем со стороны воеводской администрации. Сибирские воеводы следили за исправным функционированием ямов, при необходимости пополняли их, являлись для ямщиков более высокой судебной инстанцией, зачастую предоставляли им жалованье, защищали от притеснений сторонних лиц и т.д. Вдобавок во главе Демьянского и Самаровского ямов стояли располагавшие широкой компетенцией ямские приказчики – непосредственные представители разрядного центра (своеобразные «воеводы в миниатюре») ³⁹. Усилению зависимости «мира» от администрации способствовали сами же ямщики, обращавшиеся к властям за помощью и посредничеством в решении внутриобщинных споров.

Впрочем, несмотря на ограниченность автономии и самостоятельности, ямские общины принимали активное участие в общественной жизни края. В XVII в. обыденной являлась практика отстаивания ими своих интересов, причем не только в отношениях с другими корпоративными сообществами, но и с государством, которое, в силу бытовавших

³⁵ РГАДА. Ф.1111. Оп.4. Кн.1. Л.83 об.

³⁶ Там же. Ф.214. Оп.1. Кн.5. Л.561, 584 об.

³⁷ Там же. Ф.1111. Оп.2. Стб.347. Л.72.

³⁸ Там же. Стб.370. Л.39.

³⁹ Подробнее о ямских приказчиках см.: Семенов О.В. Ямские приказчики в Западной Сибири в XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2011. № 1. С. 7–10.

на «восточной уkraine» условий⁴⁰, пока еще прислушивалось к голосу «земли». К примеру, в 1692 г. ямщики, посадские люди и пашенные крестьяне Туринска составили коллективную челобитную на воеводу Б.А.Челищева. Население обвиняло его в непомерных злоупотреблениях и просило «переманить», дабы «вконец не погнать и з домишками не раззоротца и врознь не разбрестись». В частности, администратор задержал выплату ямщикам жалования (часть которого присвоил себе), «напрасно» избивал и заключал их в тюрьму (с целью получения взяток), широко использовал для личных нужд подвод и т.д.⁴¹. По итогам проведенного сыска Сибирский приказ принял решение о смещении ненавистного корыстолюбца.

Ямщики содействовали хозяйственной колонизации Сибири. В свободное от гоньбы время они занимались земледелием, животноводством, промыслами (мукомольным, охотничьим, рыболовным, кузнечным и т.д.) и торговлей. По данным дозорной книги Н.Н.Беглецова (1623/24 г.), туринских ямщиков вместе с братьями и детьми мужского пола насчитывалось 57 человек. В основной массе они проживали в Ямской слободе, включавшей 43 двора. Еще 9 ямских дворов находились в уезде. В общей сложности ямщики владели 163 четями с осьминой пашни, 63 четями с третником перелога «в поле, а в

дву потому ж» и санными покосами на 3730 копен⁴². Более многочисленным был Тюменский ям. К середине 1623 г. он состоял из 81 ямщика (вместе с детьми, братьями и племянниками – 162 человека). Из них только 47 ямщиков постоянно проживали на посаде и в Ямской слободе, тогда как остальные прочно осели в деревнях. Им принадлежало 725 четей пашни, 135 четей без третника перелога «в поле, а в дву потому ж» и санных покосов на 4410 копен⁴³. Что касается верхотурских ямщиков, то в 1624 г. их насчитывалось 55 человек (с детьми, братьями и племянниками – 86 человек). Они владели 411 четями пашни, 410 четями перелога «в поле, а в дву потому ж» и санными покосами на 6300 копен⁴⁴. По размерам угодий верхотурские ямщики превосходили посадских и служилых людей, уступая только крестьянам. К концу 1680-х гг. за насельниками Верхотурского яма числилось более 880 четей «в поле, а в дву потому ж» пашни⁴⁵.

Таким образом, ямщики играли важную роль в истории Сибири конца XVI–XVII в. Благодаря профессиональной деятельности, а также социальной и экономической активности, они способствовали закреплению отдаленных и обширных территорий за Москвой и их развитию.

⁴² Согласно нашим подсчетам, итоговая цифра перелога туринских ямщиков составляла 80 четей с третником «в поле, а в дву потому ж» (Там же. Ф.214. Оп.1. Кн.5. Л.559 об.–562 об., 575 об.–586).

⁴³ Там же. Л.540–541 об.

⁴⁴ Там же. Ф.1111. Оп.1. Стб.141. Л.14.

⁴⁵ Там же. Ф.214. Оп.1. Кн.5. Л.194–201 об.; Оп.3. Стб.1071/3. Л.101.

⁴⁰ См.: Его же. Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй половине XV – первой половине XVII в. Екатеринбург: Банк культ. информации, 2006. С.224–228.

⁴¹ РГАДА. Ф.1111. Оп.2. Стб.389. Л.45–46, 49–50.

O. V. Semyonov

On the Role of Yamschiks in the Development of Siberia (Late 16th – 17th cc.)

Key words: yam; yam driving; Siberia; community; waywode.

Abstract: On the basis of a wide circle of archive and published sources the history of creating and function-

ing of the organized system of communication in Siberia at the end of the 16th – 17th centuries is shown. The characteristics of professional, social and household activities of yamschiks is given. The conclusion of their big role in the region development is made.

Особенности структуры населения и организации управления в Центральном Черноземье России в XVII в.

Центральное Черноземье – экономический район современной России, включающий пять областей (Белгородскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую, Тамбовскую). В XVI в. эта территория составляла часть Поля – обширного малозаселенного пространства, через которое проходили пути вторжений отрядов из Крымского ханства. На Поле Российское государство создавало систему оповещения о неприятельских набегах – станичную и сторожевую службу. Центральное Черноземье было местом промыслов (охоты, рыбной ловли, бортничества) для населения прилегающих территорий.

Анализ письменных источников стал основанием для вывода о постепенном запустении основной части Центрального Черноземья в годы ордынского господства и до конца XVI в. В документах и повествовательных памятниках не отразились сведения о сельских поселениях и городах на этой территории. Археологические материалы не опровергают тезиса о запустении региона в XV–XVI вв.: археологических памятников XV–XVI вв. известно немного. Возможно, это связано со слабой степенью заселенности лесостепного Подонья в данный период¹.

Единственным в Центральном Черноземье городом с заселенной округой, где жизнь не прерывалась до рубежа XV–XVI вв., был Рыльск, расположенный в

пределах современной Курской области. В 1568 г. на Поле на берегах верхнего Дона был построен город-крепость Данков, расположенный на территории современной Липецкой области. В конце XVI в. на Поле возводятся новые российские города-крепости: Воронеж (1585/86), Ливны (1585/86), Елец (1592), Курск (1596), Белгород (1596), Оскол (1596), Валуйки (1599), Царев-Борисов (1599)². В 1612 г. Царев-Борисов был разрушен и впоследствии не восстановлен³, с 1613 г. к числу городов-крепостей на Поле стала относиться Лебедянь⁴.

Как можно судить по елецким (1592–1593) и воронежским (1594) документам, в конце XVI в. новопостроенные города-крепости на Поле находились в судебно-административном подчинении Посольскому приказу. Вместе с тем к управлению новыми городами в Черноземье в конце XVI в. имел отношение Разрядный приказ как орган, ведущий учет служилых людей. В Разрядном приказе на основе текущего делопроизводства составлялись разрядные книги, содержащие сведения о службе воевод и голов в городах на Поле и имеющие местническое значение. В ведении Разряда находилась организация станичной службы, о чем свидетельствует память из Разряда в Посольский приказ за приписью разрядного дьяка С. Аврамова⁵.

¹ Тропин Н. А. Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв. Елец: Елецкий гос. ун-т, 2006. С. 286, 297. Археологам хорошо известен характер археологических памятников XIV – начала XV в. в Воронежской и Липецкой областях (см.: Цыбин М. В. Периферия Золотой Орды в Подонье // КСИА. М., 2007. Вып. 221. С. 166–175). Выделены археологические материалы конца XVI – начала XVII в. (см.: Ковалевский В. Н., Цыбин М. В. Археологические поиски крепости Воронеж конца XVI – XVII века на южных рубежах Московского государства // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. М.: Ин-т археологии РАН, 2013. Вып. 9. С. 226–229).

² Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1991. С. 16, 105, 188–236.

³ Фоминов А. В. Нерешенные вопросы истории «польских» городов Московского государства: основание Валуйек и гибель Царева-Борисова // Очерки феодальной России. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. Вып. 16. С. 223.

⁴ Гамаюнов А. И. Лебедянь в начале XVII в. // Исторический квартал: иллюстрир. науч.-попул. альманах ист.-культ. наследия Липецкого края. Липецк: Древлехранилище, 2013. Вып. 3. С. 69.

⁵ Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца

После Смуты в XVII в. города Черноземья в судебно-административном и податном отношении находились в подчинении Разрядному приказу. В компетенции Посольского приказа остались вопросы, связанные с проводами турецких и крымских послов через территорию Черноземья, выплатой жалования донским казакам.

В конце XVI – первой половине XVII в. города-крепости на Поле назывались «польскими». С 1635 г. в этом пограничном регионе велось крупное оборонительное строительство, возводились новые города-крепости, часть из них была соединена непрерывной оборонительной линией – Белгородской чертой. С 1658 г. после образования новой административно-территориальной единицы – Белгородского разряда – область называлась «городами Белгородского полка».

В XVII в. этот район был расположен на окраине России, осваивался русскими и черкасами в условиях острой внешней опасности. Внешний фактор определял специфику социальной структуры населения – высокий удельный вес служилых людей.

Одну из основных сословных групп служилого населения в XVII в. на юге России составляли дворяне и дети боярские. Схожее с детьми боярскими правовое положение занимали поместные атаманы и казаки, эта группа сформировалась в последние годы Смутного времени. Основная функция дворян, детей боярских, поместных атаманов и казаков – полковая и городова служба. Дворяне и дети боярские, поместные атаманы и казаки были помещены в уездах. Объединенные в корпорации – служилые «города», – дворяне и дети боярские обладали сословным самоуправлением⁶. Они же играли заметную роль в местном управлении в своих уездах⁷.

Основная часть детей боярских Центрального Черноземья в XVII в. по социально-экономическому положению была близка к крестьянам и посадским людям. Служилые люди не имели крестьянских и бобыльских дворов, жили «одним двором», в их хозяйствах были заняты они сами или их родственники⁸. Из массы помещиков и вотчинников выделялась служилая верхушка, которую отличали более

высокие чины, должности, поместные оклады и «дачи», наличие крестьянских и бобыльских дворов. Именно к служилой элите уезда применялось наименование «дворяне».

Провинциальные дворяне и дети боярские были разделены на три чина: выборные, дворовые и городовые. По десятиям за 1621/22 г. в Ельце было записано 4 дворовых сына боярских, в Воронеже – 2. Все остальные – городовые дети боярские. Дворян, служивших по выбору, ни в Воронеже, ни в Ельце в 1621/22 г. не было⁹. А.А.Новосельский показал, что чин выборного дворянина жаловался на основании сочетания родовитости, выслуги и хозяйственной состоятельности¹⁰. Боярская книга 1627 г. отмечает появление выборных дворян в Курске: И.А.Анненков, Б.О.Виденев¹¹. В курской десятине 1636 г. уже четыре выборных – И.А.Анненков, С.Б.Виденев и К.Б.Виденев, В.А.Анненков¹². К концу XVII в. в Курске не только увеличилось число выборных дворян, но и появились лица, записанные в московские чины.

В середине XVII в. выборные дворяне появились в Воронеже: Т.И.Михнев, В.М.Струков. К 1689 г. наблюдается дальнейшее продвижение верхов воронежского дворянства по лестнице чинов: в годовой сметной книге 1689/90 г. отмечено четыре служилых человека, помещенных в Воронежском уезде и записанных в московский список. Четверо дворян служили по выбору, по дворовому было записано как минимум 12 человек¹³.

С 1653 г. в связи с образованием полков нового строя в Центральном Черноземье появляются новые категории служилых людей: завоеводчики, есаулы, копейщики, рейтары, солдаты. В их состав включали дворян и детей боярских, казаков и других ратных людей традиционных служб.

В интересах обороны южных рубежей российское правительство ограждало землевладение местных помещиков и вотчинников от проникновения столичных чинов: члены Боярской думы, московские чины и крупные монастыри могли владеть землями в Центральном Черноземье лишь в виде исключения. В 1670-е гг. центральная власть фактически перестала защищать интересы мелких землевладельцев на

XVI – начала XVII в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. С. 373.

⁶ Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII в.: (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль: Изд-во Ярославского пед. ун-та им. К.Д.Ушинского, 2000. 206 с.; Ляпин Д.А. Дворянство Елецкого уезда в конце XVI–XVII вв. (историко-генеалогическое исследование). Елец: Типография, 2008. 420 с.

⁷ Глазьев В.Н. Воронежское дворянство XVII в.: роль в местном управлении // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2000. Вып. 8. С. 14–30.

⁸ Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в России в XVII в.: по материалам южных уездов России: учеб. пособие к спецкурсу для студентов ист. фак-тов пед. ин-тов. Воронеж, 1974. 119 с.

⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4 (Дела десятиен). Ед. хр. 87; Сторожев В.Н. Воронежское дворянство по десятиям XVII в. // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г. Воронеж: Воронежский губ. стат. ком., 1894. С. 83–110 (Отд. 3).

¹⁰ Новосельский А.А. Правящие группы в служилом «городе» XVII в. // Ученые записки / Институт истории РАН ИОН. М., 1928. С. 318.

¹¹ Боярская книга 1627 г. М.: [Ин-т истории СССР АН СССР], 1986. С. 144.

¹² Танков А.А. Историческая летопись курского дворянства / сост. член Имп. С.-Петербург. археолог. ин-та А.А.Танков. М., 1913. Т. 1. С. 77 (Приложения).

¹³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д (Кн. Белгородского стола). Кн. 155. Ч. 1. Л. 279 об.–280 об., 281–283 об., 371.

юге страны и встала на сторону московских чинов. С осени 1673 г. московская знать стала получать земли в бывших «казазных городах»¹⁴.

Соотношение крестьян и служилых людей в Центральном Черноземье зависело от географического расположения уезда и менялось на протяжении столетия. В расположенных у южной границы городах – Валуйках, Старом Осколе, Белгороде – служилые люди преобладали. Они численно доминировали и в построенных во второй трети XVII в. городах и уездах по Белгородской черте и «за чертой». В расположенных ближе к центру Ливенском, Елецком, Курском, Лебедянском, Воронежском уездах в первой половине XVII в. доля крестьянского населения была выше по сравнению с южными уездами¹⁵. С 1635 г. крестьяне пополняли гарнизоны вновь построенных крепостей, становясь служилыми людьми. Часть крестьянского населения перешла в новую категорию служилых людей – поселенные драгуны.

Основную часть городского населения крепостей на Поле составляли служилые люди «меньших чинов» (по терминологии Соборного уложения 1649 г.) – станичники, стрельцы, пушкарки, городовые (полковые) казаки, затынщики и другие, более малочисленные категории, владевшие пашенной, а не поместной землей¹⁶. Служилые люди «по прибору» выбирали из своих рядов стрелецких, казачьих, пушкарских пятидесятников и десятников.

Посадские люди проживали в 10 из 40 городов, стоявших на Белгородской черте и «в черте». Крупные посады сложились только в Воронеже, Курске и Ельце. Небольшие, но стабильные посады были в Белгороде, Козлове, Коротояке и Острогоске. В Урыве, Епифани и Землянке число посадских людей не превышало 15 человек. Курский посад в 1646 г. имел 270 дворов, в 1670–1680-е гг. – 538 посадских дворов. Составители воронежской переписной книги 1646 г. насчитали в городе 85 посадских дворов¹⁷. На протяжении XVII в. воронежский посад численно

вырос, в конце XVII в. в него было записано более 300 дворов. Посадские люди ежегодно выбирали из своей среды земских старост¹⁸.

Незначительная в сравнении со всем населением численность южнорусского духовенства отнюдь не соответствовала значению святителей в местном обществе. К их голосу прислушивались, они активно влияли на формирование общественного мнения. Авторитет священников и монахов был связан, в том числе, с их грамотностью. Процент грамотных людей среди духовенства был самым высоким.

С конца XVI в. ведущей формой в местном управлении Центрального Черноземья являлось воеводское. Воеводы назначались из Москвы Разрядным приказом. В города юга России в качестве воевод, как правило, определяли стольников или московских дворян¹⁹. Учреждение, которым руководили воеводы, где хранились документы, принимались челобитчики, допрашивались задержанные лица, называлось съезжей или приказной избой. В приказных избах городов Центрального Черноземья на протяжении XVII в. работало от 2 до 4 подьячих²⁰.

В последние годы Смуты и сразу после нее в районе «полевых» крепостей возникали органы губной власти – губные избы. В Курске это произошло не позже 1612 г., в Ливнах – не позже 1622 г., в Ельце – не позже 1621/22 г., в Воронеже – не позже 1625 г.²¹. Основное назначение губных учреждений – борьба с уголовной преступностью. Руководство губными избами осуществлял Разбойный приказ. В 1620–1630-х гг. не известны губные старосты в Валуйках, Старом Осколе, Белгороде. В уездах без крестьян или с незначительным крестьянским населением дела о разбоях, убийствах и татбе были возложены на воевод. Эта практика продолжилась после 1635 г. – губными делами в большинстве новых городов и в уездах по Белгородской черте занимались воеводы.

Губной староста – выборная должность. Выборы поручались воеводам, которые должны были собрать в городе в определенный день представителей всех категорий населения уезда: дворян и детей боярских, духовенства, посадских людей, служилых людей «по прибору», крестьян. Собравшиеся называли имя губного старосты из числа местных дво-

¹⁴ Новосельский А.А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // Исторические записки. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1938. Т. 4. С. 21–40; Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 229.

¹⁵ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. С. 161–166.

¹⁶ Скобелкин О.В. Структура служилого населения Воронежа и Воронежского уезда в XVII в. // Из истории Воронежского края. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. Вып. 18. С. 78–81.

¹⁷ Кондратьева С.К. Посадские люди юга России в XVII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Воронеж, 2012. С. 16–17; Раздорский А.И. Торговля Курска в XVII веке: (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 97–98; Переписная книга Воронежского уезда 1646 г. / подготовка текста, вступ. ст. и примеч. В.Н. Глазьева. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1998. С. 161.

¹⁸ Кондратьева С.К. Земские старосты г. Воронежа в XVII в. // Страницы российской истории: сб. науч. ст. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. С. 38–45.

¹⁹ Глазьев В.Н. Воронежские воеводы и их окружение в XVI–XVII вв. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2006. 168 с.

²⁰ Камараули Е.В. Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII в. Воронеж: Истоки, 2009. 302 с.

²¹ Глазьев В.Н. Губные учреждения в городах юга России в XVII в. // Города Европейской России конца XV – первой половины XIX в.: материалы Междунар. науч. конф., 25–28 апр. 2002 г., Тверь – Кашин – Калязин: в 2 ч. Тверь, 2002. Ч. 1. С. 227–235.

рян и детей боярских. На выборах требовалось единогласие; при его отсутствии правительство могло утвердить выбор одной из сторон. С точки зрения правительства, выборы в XVII в. являлись повинностью населения. Исследователи не раз приводили факты, свидетельствующие о безразличии людей к исходам выборов.

Но было бы неверным утверждать, что население всегда равнодушно относилось к выборам губного старосты. Следует иметь в виду следующее обстоятельство. Внутри российских городов и уездов происходило соперничество отдельных групп, родов, лиц. Если говорить о дворянах и детях боярских, то их представители стремились к более высоким чинам, окладам, «дачам». Шла борьба и за влияние на местное управление. В Курске в 1630–1640-х гг. возникло соперничество Анненковых и Виденевых, в Новосили в последней трети XVII в. – Головиных и Шатиловых, в Воронеже также в разные годы шла внутригородская борьба. В этих условиях равнодушия к исходу выбора быть не могло.

С точки зрения населения, о выборах губного старосты должно было знать большинство жителей города и уезда. В противном случае выборы считались незаконными, ложными. В 1640 г. козельские священники и служилые люди «по прибору» заявили, что челобитная об утверждении в городе одного губного старосты (с упразднением воеводской власти) была «ложной», поскольку ее составили родственники и «советники» губного старосты (десять дворян и детей боярских) и никольский поп Иван – духовный отец губного старосты. В челобитной сообщалось, что составлена она «от всего города», на самом же деле документ писался без ведома горожан²².

В 1642/43 г. в Курск была прислана грамота из Разбойного приказа с указанием выбрать губного старосту «всем городом». По словам курского сына боярского Ф. Молютина, Воин Анненков, «умысля с своими советниками, написал на себя выбор и отписку у себя во дворе, без городского ведома и без воеводского. И звал меня к тому выбору руку прикладывать, и я к тому его воровскому выбору руки не приложил, потому что не всем городом его выбирали»²³.

Для «правлящей группы» служилого «города» и верхов духовенства выборы губного старосты и пребывание на этом посту было формой участия в местном управлении, возможностью влиять на важнейшую его сферу – борьбу с разбойниками, опорой в конфликтных ситуациях с воеводами²⁴. Для дво-

рян и детей боярских должность губного старосты была более «спокойной», чем полковая служба. В то же время она означала определенное признание, престиж в рамках городского и уездного «мира». Обязанности губных старост не ограничивались борьбой с разбоями, убийствами и татьбой, им поручались и дела иного характера: отвод и размежевание земель, сыск беглых холопов.

Выбор в губные старосты «лучших» дворян наносил ущерб полковой службе, особенно в период войн. По Соборному уложению 1649 г. в губные старосты следовало выбирать только отставленных от службы дворян и детей боярских или же тех, вместо кого служат сыновья. Однако служилые люди находили способы обойти эту норму, и в губные старосты нередко избирались лица, вполне способные к полковой службе. Губные старосты принадлежали к служилым верхам «города». Об этом свидетельствуют их чины и оклады, наличие крестьянских и бобыльских дворов, пребывание на других должностях местного управления, родственные связи²⁵. Служилая элита могла занимать и другие должности местного управления: городовых приказчиков, осадных, стрелецких, казачьих голов, таможенных и кабацких голов.

В конце XVI – начале XVII в. дворяне и дети боярские Черноземья выбирали из своей среды также городовых приказчиков. В их ведении находились городовые укрепления, артиллерия и боеприпасы. Постепенно городовых приказчиков сменили назначаемые из Москвы осадные головы. В отсутствие воевод на осадных голов возлагалась оборона крепости, отделение земель в поместья и вотчины. Осадным головой мог стать как местный сын боярский, так и иногородний. Подобным же образом назначались казачьи и стрелецкие головы и сотники. Назначение иногородних дворян в осадные, казачьи и стрелецкие головы вызывало протесты населения. В 1644 г. курские монастыри и дети боярские подали в Разрядный приказ жалобу на осадного голову воронежского сына боярского Л. Петрова. Они напоминали: «При государе ... Федоре Ивановиче и при царе Борисе Федоровиче всеа Руси в Курске наезжих осадных голов не бывало, а бывали ... при прежних государях городовые приказчики курчаны дети боярские, ведали они твою государеву казну, и погреб казенной, и житницы, и ключи городовые». Челобитчики просили, чтобы в Курске в городских приказчиках были курские дети боярские. Грамотой от 29 сентября 1644 г. Л. Петров был смещен с поста курского осадного головы. Курянам предлагалось выбрать «всем городом» осадного голову – курского

²² РГАДА. Ф.210. Оп.9. Столбцы Московского стола. Ед.хр. 153. Л.78–79.

²³ Там же. Оп.12. Столбцы Белгородского стола. Ед.хр. 190. Л.514.

²⁴ Глазьев В.Н. Воеводы и губные старосты в городах юга России в XVII в.: разграничение полномочий // Русь, Россия: Средневековье и Новое время: 2-е чтения памяти акад. Л.В.Милова. М., 2011. С.98–101.

²⁵ Его же. Опыт генеалогического изучения служилого «города» XVII в.: коллективный портрет воронежских губных старост // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы. М.: РГГУ, 2001. С.80–82.

сына боярского – и выбор на него прислать в Разрядный приказ²⁶.

Приведенное распоряжение носило частный характер. До 1646 г. в Курске осадным головой служил курский сын боярский М. Белов, замененный затем на иногороднего П. Брусилова. На место П. Брусилова претендовал курский выборный дворянин С. Г. Колугин. Обосновывая свою просьбу, он ссылался на «заручную» челобитную жителей южнорусских (северских и «польских») городов и уездов, поданную в связи с подготовкой Соборного уложения 1649 г. В ней сообщалось, что в тех городах «от стрелецких, и от козачих, и от осадных голов от московских и от иногородцев чинится ссора, и смута, и всякое воровство, и городским людям продажа великая». За «многия службы и смертныя раны» С. Колугин был назначен на этот пост²⁷.

Местные дети боярские выбирались в головы ужитниц. В ряде уездов Черноземья из числа местных детей боярских выбирали таможенных и кабацких голов. Если в городах центра и севера страны таможенно и кабацк (кружечный двор) возглавляли посадские люди, то на юге в отсутствие или при слабости посада таможенными и кабацкими головами становились местные служилые люди. Исполнение обязанностей головы представляло собой не только повинность, но и возможность влиять на важную сферу жизни города и уезда – торговлю и организацию кабацкого дела²⁸.

Значительными событиями в общественной жизни южной окраины России были выборы на Земские соборы и участие в их работе. Выборы организовывал воевода, но он не всегда мог влиять на состав избранных. Как показывает анализ состава выборных от южнорусских городов на Земские соборы середины XVII в., эти лица обладали реальным авторитетом в своих городах²⁹.

Для борьбы с татарами назначались сотенные головы из числа местных дворян и детей боярских. Сотенные головы во главе конных отрядов выступали в походы и преследовали неприятеля далеко в степи. Сотенными головами становились самые опытные местные служилые люди, обладающие реальным влиянием в городе и уезде³⁰.

²⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ед. хр. 157. Л. 29–31.

²⁷ Акты Московского государства. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1894. Т. 2. С. 196 (№ 315). В публикации назван «Жолугиным».

²⁸ Жиброва Т. В. Организация таможенного и питейного управления в Воронежском уезде в XVII в. Воронеж: Истоки, 2011. С. 28–43.

²⁹ Глазьев В. Н. Выборные на Земские соборы середины XVII в. от городов юга России // Сословное представительство в России в контексте европейской истории, вторая половина XVI – середина XVII вв.: Междунар. науч. конф., 7–10 окт. 2013 г.: тезисы докл. М., 2013. С. 36–39.

³⁰ Андреев И. Л. Сотенные головы в России XVII в. // Исторические записки: науч. труды ист. фак-та ВГУ. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. Вып. 5. С. 6–17.

Во второй трети XVII в. в связи с крупным оборонительным строительством число городов, сел и деревень в Черноземье увеличилось. В новых уездах возникли объединения детей боярских. В негласной иерархии служилых «городов» они уступали корпорациям, возникшим в конце XVI в. Для верхов дворянства Центрального Черноземья появились новые возможности участвовать в местном управлении. Местных детей боярских назначали воеводами, стрелецкими и казачьими головами в новые города Центрального Черноземья.

К 1658 г. сформировался Белгородский разряд как административно-территориальная единица. Его центр находился в Белгороде. Возглавлял разряд воевода Белгородского полка, как правило, в чине боярина или окольничего. Одна из крупных фигур на этом посту – князь Г. Г. Ромодановский. Ему подчинялись воеводы городов по Белгородской черте, городов к северу и югу от черты. Главной функцией воевод Белгородского разряда была военная – «бережение от прихода татар». Одновременно белгородский воевода обладал административной и судебной властью в отношении территории Черноземья³¹. «Гражданские» функции воевод Белгородского разряда недостаточно изучены, но без их характеристики невозможно понять процессы в местном управлении на юге России во второй половине XVII в.

В городах Белгородского разряда воеводы назначались из Разрядного приказа, как правило, сроком на два года. Назначение рассматривалось как награда за длительную полковую службу, раны, пребывание в плену, гибель родственников. Служба в качестве воевод, стрелецких и казачьих голов, приказных людей «пригородов» считалась «корыстной», то есть позволяла улучшать материальное положение служилого человека. В Разрядном приказе возникали своеобразные «конкурсы» претендентов на должности в системе местного управления³².

С середины XVII в. на юге России возникло деление административных центров на «города» и «пригороды». «Город» – главный административный центр, возглавляемый воеводой. «Пригород» имел подчиненное по отношению к городу значение. «Пригородами» командовали, как правило, лица рангом ниже городских воевод – приказные люди

³¹ Загоровский В. П. Изюмская черта. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. С. 28–40; Глазьев В. Н. Формирование Белгородского разряда как административно-территориальной единицы в середине XVII в. // Население и территория Центрального Черноземья и Западной России в прошлом и настоящем. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. С. 116–119; Дудина О. В. Судьи в Белгородском разряде во второй половине XVII в. // Вестник ВГУ. Серия: «История. Политология. Социология». 2010. № 2. С. 85–87.

³² Глазьев В. Н. Порядок назначения городских воевод южного пограничья в конце XVII в.: (по материалам Разрядного приказа) // Вестник Тамбовского университета. Серия: «Гуманитарные науки». 2013. Вып. 10 (126). С. 86–90.

или головы. Например, Воронеж имел два «пригорода» – Костенск и Орлов; Козлов – Челнавский, Бельский остроги; Коротояк – Урыв.

На протяжении второй половины XVII в. происходила борьба руководителей «пригородов» за повышение своего статуса. Позицию приказных людей «пригородов» усиливала поддержка населения. Жители «пригородов» также стремились освободиться от подчиненности воеводам «городов», если местные приказные люди их устраивали. В ряде случаев правительство шло навстречу пожеланиям с мест. К концу XVII в. самостоятельность «пригородов» возросла, о чем свидетельствует расширение объема компетенций их руководителей³³.

Население русских городов и уездов в XVII в. не являлось лишь пассивным объектом управления, оно активно влияло на состав и деятельность должностных лиц. Одним из средств воздействия на власть выступали коллективные челобитные. В Воронеже во второй половине XVII в. существовала традиция составления коллективных челобитных с просьбами или продлить время пребывания в должности воевод, стрелецких и казацких голов, подьячих, или, наоборот, отстранить их от должности. Подобные челобитные составлялись и в других городах. В наказах воеводам среди прочего предписывалось: «людям обид, и насильств, и никаких налог не делать, и всяким служилым и жилецким людям на себя изделья всякого делать не велеть». За различные притеснения, «посулы и поминки», несправедливый суд воеводе грозила «великая» опала и наказание: «велим на тебе доправить все сполна»³⁴. Подобные указания носили, в целом, декларативный характер и не прекращали злоупотреблений местных властей. Но характеры и методы действий должностных лиц резко различались, что вызывало неоднозначное отношение к ним со стороны местных «миров».

25 марта 1655 г. воронежским воеводой был назначен торопецкий дворянин В.Я.Непейцын, получивший тяжелое увечье в боях – «сечен саблей в четырех местах да переломлена нога ис пищали». Воевода страдал от недугов в период двухлетнего воеводства: «и ныне из раны кости идут». Обид местным жителям он не причинял, и судебных исков к нему от воронежцев не поступало. Через два года об определении на его место подал челобитную другой торопчанин И.Я.Кушелев. Если Непейцын не вызвал против себя исков со стороны воронежцев, то Кушелев представлял собой иной тип местного руководителя. За первый год воеводства он совершил столько злоупотреблений, что затмил все прегреше-

ния предшественников. Возмущению воронежцев не было предела. Воеводе Белгородского полка кн. Г.Г.Ромодановскому была передана челобитная дворян, атаманов и беломестных казаков с обвинениями против Кушелева. Челобитчики сообщали, что с каждого воронежского дворянина и сына боярского, атамана и казака воевода собрал по 25 коп. для себя. С тюремных целовальников и сторожей он взял по 1 руб. 50 коп., не считая хлеба и вина. Приведенного с поличным вора воевода отпустил без наказания, взяв за это 15 рублей. Убийц сына боярского А. Столповского И. Кушелев отпустил из тюрьмы за взятку в 13 рублей. Челобитную кн. Ромодановскому передали видные представители воронежского дворянства Т.И.Михнев и П.К.Толмачев, находившиеся на службе в Белгороде, и тот направил из Белгорода в Воронеж белгородца А.Иевлева с предписанием принять дела у И.Кушелева и произвести сыск про его злоупотребления.

В Разряд были присланы материалы сыска, произведенного А.Иевлевым. На этом сыском деле была поставлена резолюция одного из руководителей приказа: назначить на место И.Кушелева в Воронеже С.Хрущева, послать нового сыщика для проведения очных ставок между челобитчиками и воеводой. 27 марта 1659 г. в Разряд поступили две новые коллективные челобитные воронежских дворян, детей боярских, поместных казаков и беломестных атаманов. Их составители подчеркивали, что И.Кушелев смещен с должности по их челобитью. Но сыщик для очных ставок между истцами и Кушелевым в Воронеж не прислан, а С.Хрущев не имел оснований задерживать бывшего воеводу в городе. В документе содержалась просьба передать Кушелева на поруки, чтобы он не уехал из Воронежа до окончания судебного разбирательства³⁵.

Новый воевода С.Хрущев, как и его предшественник, оказался не угоден местному «миру». Против него в Белгороде в 1660 г. воронежскими служилыми людьми была подана очередная коллективная челобитная. В ответ на нее кн. Г.Г.Ромодановский послал в Воронеж сыщика, а С.Хрущева приказал выслать в другой город. 20 сентября 1660 г. на место С.Хрущева из Разряда был послан новый воевода³⁶.

Но «мир» мог не только бороться против воевод, стрелецких и казацких голов, подьячих. Известен целый ряд совместных обращений в столицу воронежцев (как, впрочем, и жителей других городов и уездов) с просьбой о назначении или продлении пребывания в должности тех или иных лиц. В декабре 1680 г. в Разряд поступила коллективная челобитная из Воронежа. В ней содержались похвалы воеводе

³³ Его же. «Город» и «пригород» как административные категории юга России XVII века // Страницы российской истории: сб. науч. ст. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. С. 15–19.

³⁴ РГАДА. Ф.210. Оп.12. Ед. хр. 1908. Л.33; Ед. хр.333. Л.114–115 об.; Ед. хр. 606. Л.34–35.

³⁵ Там же. Ед.хр.449. Л.30–34, 48–50; Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. С. 289–292.

³⁶ РГАДА. Ф.210. Оп.12. Ед.хр. 449. Л.60, 60 об.

М. Вырубову, пребывавшему на своем посту второй год и не допускавшему обид местным жителям. Прежде при царе Алексее Михайловиче, отмечали авторы прошения, воеводы находились в городе по три и по четыре года. Они просили продлить воеводство Вырубова, чтобы им «от частых переменных воевод в лишние тягости и в разорении не быть». Челобитная была заверена 35 рукоприкладствами, часть из которых представляет лично подписавшегося, часть – иных лиц или группы населения. Поименно названо 65 человек, попросивших поставить подпись вместо себя. Среди подписавших челобитную лично – настоятели монастырей, священник, дворяне и дети боярские, ротмистр, земский староста, грамотные посадские люди. Вместо стрельцов, части полковых казаков, посадских людей (в том числе второго земского старосты) подписались их духовные отцы из числа священников. Приложили руки представители беломестных и полковых казаков, пушкарских десятников и рядовых пушкарей. Таким образом, обращение к царю поддерживали все основные сословные группы города и уезда, исключая крестьян и бобылей. Руководство Разряда оказалось в затруднительном положении, так как на место Вырубова, двухлетний срок пребывания в должности которого истек 25 марта 1681 г., был назначен кн. И. С. Шаховской. На челобитной нет окончательной резолюции, но, предположительно, просьбу воронежцев в данном случае не удовлетворили. 3 июня 1681 г. кн. Шаховской находился в Воронеже в качестве воеводы.

10 августа 1687 г. в Разрядном приказе рассматривалась новая коллективная челобитная из Воронежа, поданная от имени «всяких чинов городских и уездных людей всем городом». В ней отмечалось, что воевода В. И. Лаговчин с радением выполняет правительственные поручения, а в отношении местных жителей не допускает обид, судит «в правду», «бескорысно и безволокитно». Стольник Лаговчин должен был находиться на должности воеводы с 3 октября 1685 г. по 3 октября 1687 г. Составители бумаги хотели оставить его воеводой на третий год. Челобитная была заверена 69 рукоприкладствами, которые представляют лично подписавшихся или других лиц и группы населения. Грамотные поставили подписи вместо 606 воронежцев, перечисленных по именам. Как и в предыдущем случае, обращение к правительству поддерживали все категории населения (от имени крестьян и бобылей выступали дети боярские). В отличие от 1680 г., в данной челобитной более широко представлен город и уезд. Дети боярские названы с указанием их сел и деревень. Выделено низшее управленческое звено города и уезда: перечислены по именам становой голова Борщевского стана, сельские заказчики и десятники, казачьи пятидесятники, стрелецкие пятидесятники, пушкарские десятники.

На место В. И. Лаговчина еще 22 декабря 1685 г. за смерть отца и за собственные службы был опре-

делен стольник Н. Л. Головкин. Он заплатил в Печатном приказе пошлину и ждал указанного срока. Известие о коллективной челобитной воронежцев заставило его обратиться в Разряд за подтверждением принятого ранее решения. По его мнению, Лаговчин сам организовал составление документа в свою поддержку. Но в Москве не могли игнорировать столь внушительного волеизъявления воронежцев. Поэтому было принято компромиссное решение. Срок пребывания в должности Лаговчина продлили, но не на год, как просили челобитчики, а на 2 месяца и 28 дней. Н. Л. Головкину предписывалось переменить В. И. Лаговчина 1 января 1688 г. и быть в воеводах до 1 января 1690 г.

Инициаторами мирских прошений, как правило, выступали авторитетные с точки зрения правительства представители местного дворянства, духовенства, посада, стрелецкие и казачьи пятидесятники, что прослеживается по подписям на челобитных. Совместные прошения отражали мнение политической активной части местного «мира».

Арбитром в решении спорных вопросов, связанных с местной властью, выступал Разрядный приказ, в чьем ведении находились города Белгородского полка, в частности, Воронеж. Основными задачами провинциальной администрации столичное учреждение считало поддержание обороноспособности города-крепости на необходимом уровне, сбор налогов, решение части судебных дел. Разрядный приказ был заинтересован в сохранении стабильной социальной обстановки, стремился к разрешению конфликтных ситуаций мирным путем с учетом требований местного населения. В кадровых вопросах Разрядный приказ должен был учитывать и интересы дворян, добивавшихся назначения на воеводства и другие административные должности, и мнение общества, выражаемое в коллективных челобитных. Для достижения необходимого компромисса руководители столичного ведомства принимали во внимание различные условия. С одной стороны, изучались заслуги просителя должности, его рвение в полковой службе, материальное положение. С другой – имели значение содержание и форма коллективных челобитных населения. Особую значимость приобретали заверенные подписями («заручные») челобитные. В приказе вели подсчеты, сколько человек поставили подписи лично или попросили сделать это вместо себя, определяли, к каким сословным группам населения относятся «приложившие руки». Всё это оказывало влияние на принятие решения.

Для московских учреждений совместная петиция считалась веским аргументом в пользу или против того или иного администратора. С точки зрения центральных ведомств, наиболее значимой являлась коллективная челобитная, поддержанная населением города и уезда – «всем городом». Понятие «весь город» оставалось неопределенным. Кол-

лективные челобитные активно использовались в борьбе противоборствующих внутригородских групп. Доводом одной из сторон служило то обстоятельство, что совместная челобитная их соперников подана не от всего «города», о ней не слышали люди, а писалась она «на дворе» одного из жителей «немногими советниками». Такие челобитные называли «затейными», «воровскими», «составными». Для проверки обоснованности предъявленных в коллективной челобитной обвинений московские власти могли назначать повальный обыск, то есть опрос представителей различных категорий населения, оформленный соответствующим протоколом. В ходе повального обыска выяснялось отношение населения к тому или иному администратору.

Коллективные челобитные свидетельствовали о сохранении влияния общества на местное управление во второй половине XVII в. Параллельно шел процесс бюрократизации и централизация местного управления. Важное значение для понимания изменений в местном управлении России в XVII в. имеют выводы Н.Ф.Демидовой, отметившей, в частности, «известное отставание на местах» процесса бюрократизации по сравнению с центром страны³⁷. Тем не менее, приказное начало усиливалось и в провинции – численность аппарата съезжих изб к концу XVII в. возросла. Крупной вехой в правительственной политике стал указ от 27 ноября 1679 г., согласно которому власть на местах сосредоточивалась в руках воевод. Другие должности местного управления – губных старост, горододельцев, сыщиков, ямских приказчиков, осадных голов, пушкарских голов, засечных голов, голов у житниц, присылаемых из Москвы сборщиков денег и хлеба – отменялись. Губных старост и других упомянутых должностных лиц разборщикам предлагалось записать в службу. В качестве обоснования такой меры называлась потребность освободить городских и уездных людей от необходимости содержать за свой счет упомянутых должностных лиц. Губные избы во всех городах надлежало сломать; губное дело передавалось в ведение

воевод, губные подьячие переводились в съезжие избы³⁸. Другой указ от 27 ноября 1679 г. среди прочих ликвидировал губную повинность населения³⁹.

Отношение к губным старостам, осадным головам, головам у житниц на местах было неоднозначным. Тем не менее, реформа 1679 г. ущемляла интересы местного дворянства. Правительство Софьи Алексеевны в 1684 г. восстановило институт губных старост и другие отмененные в 1679 г. должности местного управления. В коллективных челобитных служилых людей Белгородского полка в конце XVII в. высказывались диаметрально противоположные мнения относительно губных старост. Мценские служилые люди добивались упразднения воеводской власти в своем городе и сохранения только губного старосты. Ефремовские помещики, напротив, просили ликвидировать пост губного старосты и оставить одного воеводу. Многие зависело от личности губного старосты или воеводы. В столице по этому вопросу велась борьба ведомств – Разряда, выступавшего за сосредоточение всей власти в руках воевод, и Разбойного приказа, стремившегося сохранить власть губных старост на местах. Петр I поддержал Разряд – в 1698 г. в городах Белгородского полка должность губных старост была упразднена, а в 1702 г. это произошло по всей стране⁴⁰.

В XVI–XVII вв. государство еще не имело возможности решать задачи местного управления, опираясь исключительно на бюрократический аппарат. Эти задачи возлагались на сословия. В местном управлении на разных уровнях принимали участие представители сословий. Они не только выполняли задачи, поставленные центром, но и сами оказывали воздействие на власть, высказывали свои требования и активно отстаивали их, используя доступные им легальные средства.

³⁸ ПСЗ. Собрание 1-е. СПб., 1830. С. 219–220 (№ 779).

³⁹ Там же. С. 220 (№ 780). Указы от 27 ноября в более подробной редакции, чем опубликованные в ПСЗ, изложены в грамоте обоянскому воеводе, составленной в декабре 1679 г. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ед. хр. 939. Л. 349–351.

⁴⁰ Глазьев В.Н. Осуществление реформ местного управления 1679 и 1684 гг. на юге России // Клио: журн. для ученых. СПб., 2002. № 2 (17). С. 135–140.

V. N. Glazjev

Peculiarities of the Population Structure and Governance in the Russian Central Black Earth Belt in the 17th Century

Key words: Central Black Earth Belt; the 17th century; population structure; governing; collective petitions.

Abstract: The article lists the estates groups of the population of the Russian Central Black Earth Belt of the

17th century. The governing bodies of the region, possibilities of the population to affect the governing power, efficiency of collective petitions of the main groups of the population of the southern suburbs of Russia are characterized.

Schacke worden

Поля и прилежа Къта О Переконі Чтѣ
или Понаніа Кърабаламо Илалѣ река д
Камышенки а Камосшенкоѣ рекоѣ а Иволу
Итрахланскію реку в Капѣскоѣ Морѣ в
какъ вѣ Кате оклазе мѣ да То

Промыслъ Прѣды Уборотѣ в
Мѣстѣ Посемѣ Приназлем
чтоздѣлано Бѣде тѣ

в мѣстѣ да ч Генарика
Полово Брѣ (тѣ Мѣстѣ Прина
Amsterdam by Hendrick Dou
in de Afdeling van de

Часть II

ЭКОНОМИКА РОССИИ И АРХЕОЛОГИЯ ХОЗЯЙСТВА

Иммунитетная политика в первые годы правления Бориса Годунова

Борис Годунов утвердился на троне в течение восьми месяцев: 17 февраля 1598 г. он был избран на Земском соборе, 21 февраля «наречен на царство» в Новодевичьем монастыре, 30 апреля переехал на жительство в Кремль¹. Поскольку до марта 1598 г. многие акты принимались от имени царицы Ирины и патриарха Иова с боярами, следует признать безусловной начальной точкой отсчета его правления именно март. Хронологические рамки настоящей статьи – март 1598 г. – март 1600 г.

Иммунитетная политика этого времени предметному анализу не подвергалась. Составивший каталог иммунитетных грамот конца XVI – начала XVII в. Д. А. Тебекин сделал предварительные замечания, указав на освобождения от податей, данные на вотчины патриарха, новгородского и казанского митрополитов, Успенского собора в Москве, Новодевичьего монастыря². Р. Г. Скрынников привел общую статистику новых грамот, выданных до мая 1599 г., и подтверждений Годунова на ранее выданные жалованные грамоты³. Между тем исследование иммунитетной политики правительства в 1598–1600 гг. даст материал для суждений как по истории финансов, так и по политической и культурно-антропологической истории России.

Иммунитетная политика царя Бориса до сентября 1598 г. выглядит крайне неуверенной. С 22 марта царь дает указные грамоты, содержащие распоряжения о невзимании оброка или подвод с монастырских

владений, однако сохранившиеся акты фрагментарны и свидетельствуют об осторожности правительства в столь остром вопросе. Лишь 23 августа был освобожден от налогов двор Соловецкого монастыря в Холмогорах; акт с соответствующим распоряжением стал, по сути, первым «тарханом» правительства нового царя⁴. 3 сентября Борис был венчан на царство, что, несомненно, развязало ему руки для более явной демонстрации намерений в расширении своей социально-политической опоры.

15 сентября 1598 г. тарханную грамоту с запрещением содержания кабаков на посаде и освобождением от ряда косвенных налогов получают посадские люди Новгорода. Это был беспрецедентный акт в сравнении с финансовой политикой предшествующих великих князей и царей. Посады всегда были главным источником доходов для казны, что отметил в своем трактате Дж. Флетчер⁵. Теперь же, вопреки вековым традициям государственного управления, жители посада получили существенные льготы: «...с их дворов, со всего посаду наши всякие денежные доходы, и с их лавок, и с прилавков, и с скамей и с анбаров и с восков лавочные денежные оброки сложили, и мелкие промыслы, извоз водяным и сухим путем и дрягильскую пошлину, и сусло и квас для промыслу молодчих посадских людей никому в откуп давати и оброку с тех мелких промыслов на посадских людех имати не велели, и нашу отчину великое государство Великий Новгород во всем отарханили»⁶.

¹ Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М.: Мысль, 1986. С. 212.

² Тебекин Д. А. Хронологический перечень иммунитетных грамот за 1584–1610 гг. // Археографический ежегодник за 1978 год. М.: Наука, 1979. С. 193–194.

³ Скрынников Р. Г. Россия накануне Смутного времени. М.: Мысль, 1980. С. 147, 201.

⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 2. № 136. Л. 95–97 об.

⁵ Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб.: А. С. Суворин, 1906. С. 45; Середонин С. М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe common wealth» как исторический источник. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1891. С. 331–335.

⁶ ДАИ. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1846. Т. I. С. 249 (№ 146).

Это пожалование следует рассматривать в контексте с более поздним, относящимся к 1 ноября 1598 г., пожалованием посадским людям и крестьянам Корелы и Корельского уезда, возвращенным Швецией в состав России. Жители посада и уезда получили право беспошлинной торговли в Новгороде, Пскове и Москве и были освобождены от выплаты всех налогов на 10 лет⁷. В дальнейшем правительство начало «посадское строение» в Кореле, предписав грамотой в Новгород дьяку Алябьеву от 14 декабря 1599 г. выводить в Корелу бывших посадских людей, живших в захребетниках в церковных и помещичьих землях, но не выводить их из черных волостей, где они платят подати вместе с тяглецами⁸.

В то же время более благополучные посады и уезды северо-востока меняли свой фискальный статус в сторону ужесточения. В Пермской земле с 1582/83 г. «дань, оброк, присудные, кабацкие и таможенные деньги» оставались в распоряжении местного мира, который использовал их для отправки «отпусков» (транспортов) в Сибирь. Но со 108 (1599/1600) г. жители Пермской земли платили эти налоги в казну⁹.

Несмотря на то, что в ходе посадского строения Годунова многие монастыри утратили свои городские дворы или иммунитетные привилегии на них¹⁰, одновременно осуществлялась раздача новых грамот. 30 сентября несудимую и тарханно-проезжую грамоту получил новгородский митрополит. Царским пожалованием управленцы Софийской вотчины получили права беспошлинной закупки и провоза товаров для нужд кафедры¹¹. Еще одним бенефициаром после воцарения Бориса стал Успенский собор Московского Кремля, в котором проходила коронация избранного царя. 24 декабря 1598 г. собор получил тарханно-несудимую грамоту на свои вотчины в Московском, Дмитровском и Ярославском уездах, которые освобождались от всех видов налогов: «тем их людям и крестьяном не надобе наша никоторая дань, ни ям, ни подводы, ни ямские деньги...»¹².

Сыгравший исключительную роль в борьбе Годунова за трон Новодевичий монастырь и его игуменья Евдокия первоначально получили подтверждение тарханно-проезжей грамоты на беспошлинный

провоз товаров с астраханских промыслов (31 декабря 1598 г.). 30 января 1599 г. монастырь получил исключительные привилегии: тарханно-несудимую грамоту, освобождавшую монастырскую вотчину от всех основных налогов: «священники, и дьяконы, и дьячки церковные, и слуги и люди и крестьяне наши дани, и ямских и приметных денег, и иных великих пошлин в нашу казну не платят»¹³. Интерпретация этого акта затруднительна, поскольку теоретически в это время продолжалось действие постановления церковно-земского собора 1584 г. о запрете тарханов. Считается доказанным, что, несмотря на продолжающуюся выдачу тарханных грамот, их действие в 1580–1590-х гг. прекратилось. Так, выплачивал налоги со своих вотчин, несмотря на наличие тарханных грамот 1587 г., Иосифо-Волоколамский монастырь¹⁴. Чудов монастырь по причине исключительности своего положения, по мнению С. Н. Богатырева, добился в 1586 г. права не платить налоги с наиболее старых сел, перешедших в монастырь еще по духовной его основателя митрополита Алексея¹⁵. Освобождение Новодевичьего монастыря от уплаты основных налогов следует рассматривать в контексте общей тарханной политики правительства Годунова.

В феврале 1599 г. массовое подтверждение прежних грамот получил Симонов монастырь. Без всяких изменений подтверждались несудимые и оброчные грамоты, грамота на беспошлинную варку соли, тарханно-проезжая, тарханная грамота с освобождением от основных налогов на сельцо Коровничье, население которого состояло из беспашенных ремесленников¹⁶. Однако тарханно-несудимая грамота Ивана IV 1567 г. на вотчину в Можайском уезде была подтверждена Борисом Годуновым 28 февраля 1599 г. с существенным ограничением: «опричь наших денежных доходов»¹⁷. Тарханно-несудимые грамоты на села в Вышегородском и Дмитровском уездах, на двор на посаде Ярославля, а также льготная грамота с освобождением всех монастырских вотчин от налогов на 15 лет до 1600 г. не были подтверждены¹⁸. Таким образом, очевидно, что большая часть вотчины Симонова монастыря и после воцарения Годунова продолжала платить основные налоги.

Патриаршая вотчина получила две жалованных грамоты 27 февраля 1599 г. Одной из них подтверж-

⁷ Там же. С. 253 (№ 149).

⁸ ААЭ. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. II. С. 62–63 (№ 13).

⁹ Там же. С. 123 (№ 54).

¹⁰ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. Т. I. С. 170–180.

¹¹ ДАИ. Т. I. С. 252 (№ 148).

¹² Акты Российского государства: архивы московских монастырей и соборов, XV – начало XVII в. М.: Ладомир, 1998. С. 24 (№ 6).

¹³ Там же. С. 337–342 (№ 140, 141).

¹⁴ Колычева Е. И. Аграрный строй России в XVI в. М.: Наука, 1987. С. 162–167.

¹⁵ Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. М.: Археогр. центр, 1996. С. 19–20.

¹⁶ Акты феодального землевладения и хозяйства: акты московского Симонова монастыря. М.: Наука, 1983. С. 56, 134, 177, 179, 209 (№ 51, 121, 146, 147, 162).

¹⁷ Там же. С. 211 (№ 163).

¹⁸ Там же. С. 187 (№ 152); С. 191 (№ 153); С. 245 (№ 199).

далось право патриаршего Благовещенского монастыря провозить для собственных нужд запасы к Москве. Вторая грамота освобождала патриаршие владения от служб по конюшенному и ловчему ведомствам, но не давала освобождений от основных налогов¹⁹.

Тарханские грамоты суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю 1576 г. и 1580 г. были подтверждены 1 сентября 1599 г. с существенным ограничением, фактически упразднявшим тархан: «наши денежные доходы с монастырских вотчин платят по книгам сполна, а иные подати и посохи и целовальников с своих вотчин дают по нашем указу»²⁰. Большая часть льгот правительства Бориса Годунова касалась мелких монастырей, как например, Палеостровского в Обонежской пятине, чья запашка

¹⁹ Акты феодального землевладения и хозяйства. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. Ч. III. С. 69 (№ 36); С. 70 (№ 37).

²⁰ Акты суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1505–1613 гг. М.: Памятники ист. мысли, 1998. № 194.

не превышала 6 четвертей и который по грамоте от 5 марта 1600 г. освобождался от оброка²¹.

Изложенные наблюдения позволяют сделать предварительный вывод о том, что, невзирая на принципы своего посадского строения, правительство Годунова продолжало выдавать иммунитетные грамоты монастырям и церквям. Большинство церковных корпораций не смогло в полной мере воспользоваться дарованными привилегиями по причине одновременных запретов и продолжающегося действия постановления 1584 г. об упразднении тарханов. Однако ряд мелких монастырей, а также обладавший крупными вотчинами Новодевичий получили иммунитетные привилегии, выделявшие их из числа других обителей. Нуждавшийся в поддержке церкви, Борис Годунов не мог не быть продолжателем иммунитетной политики своих предшественников.

²¹ АИ. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1841. Т. II. С. 28 (№ 31).

V. A. Arakcheev

Immunity Policy in the First Years of Boris Godunov's Reign

Key words: immunity, monaster, fiscal policy.

Abstract: The immunity policy of Boris Godunov in 1598–1599 was notable for its inconsistency. On the one hand, the government began the “trading quarter

construction”, as part of which a lot of monasteries lost their town yards. However, some small monasteries and some large ones like the Novodevichy Convent, for example, had managed to keep the immunity privileges including the risk zone.

Археологическое исследование Нового Торга Пскова

В настоящей статье отражен начальный этап работы по введению в научный оборот новых археологических материалов, связанных с историей псковского Нового Торга. Нам представляется, что пример интерпретации открытого при раскопках комплекса «Мясных рядов» и точной локализации этого объекта писцовой книги на современном плане города может послужить определенным толчком для возвращения к загадкам внутренней топографии Торга, остававшимся не разрешимыми при прежнем состоянии базы данных.

Новый Торг Пскова – один из важнейших элементов топографической системы города XVI–XVIII вв. Это огромное богатое торжище, во многом обеспечившее расцвет региона, занимало обширное пространство меж стенами Среднего и Окольного города. Перенесенный Новый Торг находился в той же части города, куда после «Взятия Псковского»¹ были переселены псковичи, проживавшие до этого в Среднем городе. В некотором роде Новый Торг остался, таким образом, средоточием «старопсковской» городской жизни. Одновременно с этим значительное увеличение торговых площадей при отсутствии конкуренции со стороны других центров торговли превратило Псков в крупнейший транзитный рынок на Северо-Западе.

Письменные исторические источники содержат обширную информацию о Новом Торге Пскова. Псковские летописи сообщают дату его создания – 1510 г., год окончательного присоединения Пскова к Москве. Торг был перенесен из центра, от стен Кремля, в Окольный город, где великий князь Василий Иванович «...даша место где торг ставити новои, вон стены, противои Лужьских ворот за рвом, на Юшкове огороде Носохина, да на Григорьеве посадникове садники Кротова...»². На этом участке го-

рода Новый Торг просуществовал до 1778 г., когда в связи с перепланировкой города торговая площадь была возвращена на прежнее место³.

Описание Нового Торга содержит «Подлинная писцовая книга № 355», составленная в 1585–1587 гг.⁴. Работы историков, посвященные псковскому Новому Торгу, во многом базируются на этом источнике. Согласно выводам разных авторов, Торг локализуется в северо-восточной части Окольного города, в микрорайоне современных улиц Пушкина, Маркса, Свердлова, Некрасова; с двух сторон его границами являлись стены Среднего и Окольного города, на юго-западе площади Торга распространялись до Трупеховской улицы (современный Октябрьский проспект), северную границу Торга, возможно, следует искать в районе Михайловской улицы (современная ул. Спегальского). На Новом Торгу исследователями реконструируется около пятидесяти специализированных торговых рядов, включавших в себя более 1300 лавок. Здесь же находились гостинные дворы, таможенная изба, дежневый, льняной и соляной дворы⁵.

Изучая этот источник, важнейший для реконструкции Нового Торга Пскова, невозможно не признать, что при всей подробности описаний он не содержит топографической картины Торга. В книге собраны данные о суммах оброка с лавок, клетей и амбаров на Новом Торгу, названы имена и «адреса»

³ Козюренко О. В. Новый Торг Пскова: (вопросы топографии) // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии: сб. ст. к 75-летию В. Д. Белецкого. СПб.: ART-CONTACT, 1994. С. 122.

⁴ Писцовая книга № 355 (1585–1587 гг.) // Сб. МАМЮ. М., 1913. Т. V. С. 12–73.

⁵ Колосова И. О. По историческим местам Пскова (XIV – начало XVIII вв.) // Псков через века. СПб.: ФЕРТ, 1994. С. 42–45; Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. 196 с.; Чистякова Е. В. Псковский Торг в середине XVII в. // Исторические записки. М., 1950. Т. 34. С. 198–235.

¹ ПСРЛ. М., 2003. Т. 5. Вып. 1: Псковские летописи. [Псковская 1-я летопись]. С. 92.

² Там же. С. 96; Там же. М., 2000. Т. 5. Вып. 2: Псковские летописи. [Псковская 3-я летопись]. С. 258.

са» многочисленных владельцев, но информация о местоположении улиц, о размерах «церковных мест», о взаиморасположении и длине торговых рядов – только косвенная. Интерпретация многих микротопонимов остается спорной, многие применяемые составителями топографические термины неоднозначны в толковании.

Как правило, с описанием писцовой книги 1585–1587 гг. сопоставляется городской план 1740 г.⁶, однако исследователям пока приходилось признавать, что для аргументированной реконструкции внутренней топографии Нового Торга привлекаемых данных недостаточно. Время составления таксационной описи Торга в писцовой книге и время появления наиболее подробного из исторических планов Пскова отстоят одно от другого более чем на 150 лет, и картина, которую характеризуют эти два памятника, несколько различна. Определенные опорные точки, облегчающие сопоставление источников, в таком случае способна предоставить археология.

История археологического изучения псковского Нового Торга в 1955–2005 гг.

Археологические исследования участка Нового Торга Пскова начаты еще в середине XX в. (рис. 1). Однако раскопки в большинстве случаев оказывались сопряженными со сложностями, не позволявшими завершить начатые работы.

Первые раскопки на Новом Торгу в локации, изначально указанной в летописи, – это работы Г.П. Гроздилова в 1955 г.⁷ На раскопе площадью 190 кв. м был изучен участок двух мощеных трасс, пересекавшихся под прямым углом, зафиксированы остатки столбовой постройки, интерпретированной автором как «мясная лавка»⁸. Раскоп 1955 г. не удалось довести до материка, работы были остановлены из-за начавшегося строительства. Неисследованным осталось около метра культурных отложений.

Менее чем в 20 м к северо-востоку от раскопа 1955 г. был заложен раскоп 1987 г. (руководитель Т.Е. Ершова). В раскопе площадью 400 кв. м в юго-восточной части был раскрыт деревянный настил, который автор раскопа соотнесла с мостовой, зафиксированной Г.П. Гроздиловым⁹. Исследования

на этом раскопе также были вынужденно остановлены, причиной стала погодная катастрофа и последовавшее за ней прекращение финансирования работ¹⁰. После нескольких безуспешных попыток продолжить раскопки котлован был засыпан.

Чтобы буквально сорвать работы на раскопе Е.А. Яковлевой и А.В. Михайлова в 2005 г.¹¹ (Новоторговский IV раскоп, расположен в 20 м к северо-востоку от раскопа 1987 г.), потребовался ряд тенденциозных экспертиз, декларирующих опасность продолжения раскопок для близлежащей застройки. Несмотря на очевидное несоответствие этих экспертиз истинному положению дел¹², раскопки были прекращены, и новое здание было выстроено на бетонной плите. В верхних археологически исследованных слоях раскопа площадью около 280 кв. м было выявлено несколько ярусов деревянной застройки, существовавшей в XVI–XVIII вв., открыта трасса мощеной улицы, исследованы четыре срубные постройки, интерпретированные авторами как нежилые хозяйственные сооружения Торга – лавки, клетки, амбары. Под засыпкой на поверхности раскопа остались расчищенные только в верхней части и заглубляющиеся в нижние слои лаги уличного замощения, настилы, срубы.

Изучалась также окраинная территория Торга. В 1967 г. в раскопе И.К. Лабутиной на площади 416 кв. м на углу улиц Пушкина и Карла Маркса были зафиксированы остатки небольших построек торгово-ремесленного назначения, датированных XVI в. Руководитель раскопа считает, что постройки использовались для изготовления и ремонта изделий из цветных металлов, и интерпретирует изученную территорию как периферийный участок Нового Торга¹³.

Достаточно активно исследовалась городская территория в восточной части реконструируемого Торга. Археологические раскопки (Новоторговские V–X раскопы) под руководством Т.Е. Ершовой, Р.Г. Подгорной, В.В. Фролова, А.В. Яковлева открыли на площади более 2200 кв. м остатки довольно плотной деревянной застройки XVI–XVIII вв., но – в большей степени жилого «усадебного», чем «обще-

⁶ Окулич-Казарин Н.Ф. Новые данные по топографии и истории Пскова // Труды Псковского археологического общества, 1914–1915. Псков, 1915. Вып. 11. С. 91–124; Ушаков Ф.Л. Описание к Сборному плану г. Пскова, составленному по летописям, актам и по планам и чертежам 1581, 1694, 1740, 1787, 1821 и 1859 гг. Псков: тип. т-ва «Труд и Знание», 1901. 16 с.

⁷ Гроздилов Г.П. Раскопки древнего Пскова // АСГЭ. 1962. Вып. 4. С. 38–42.

⁸ Там же. С. 39.

⁹ Ершова Т.Е. Новоторговский-5 раскоп на Полонище // АИППЗ: тез. докл. науч.-практ. конф. Псков: Псковский гос. ист.-арх. и худож. музей-заповедник, 1988. С. 148–149.

¹⁰ Отчет о раскопках Псковской археологической экспедиции в г. Пскове в 1987 г. / Седов В.В., Александров А.А., Волочкова О.К., Ершова Т.Е., Закурина Т.Ю., Колосова И.О., Лабутина И.К., Плоткин К.М., Харлашов Б.Н. // Архив ИА РАН. 1988. Ф. 1. Р. 1. № 12161. Т. 1. Рукопись.

¹¹ Михайлов А.В., Яковлева Е.А. Археологические исследования на Новоторговском IV раскопе // АИППЗ: семинар им. акад. В.В. Седова: материалы 52 заседания, посвящ. памяти проф. А.Р. Артемьева. Псков: ИА РАН, 2007. С. 29–44.

¹² Там же. С. 44.

¹³ Лабутина И.К. Раскоп 1967 г. в Окольном городе Пскова // АИП. Псков: Псковский гос. науч.-исслед. археол. центр, 1994. Вып. 2. С. 6–43.

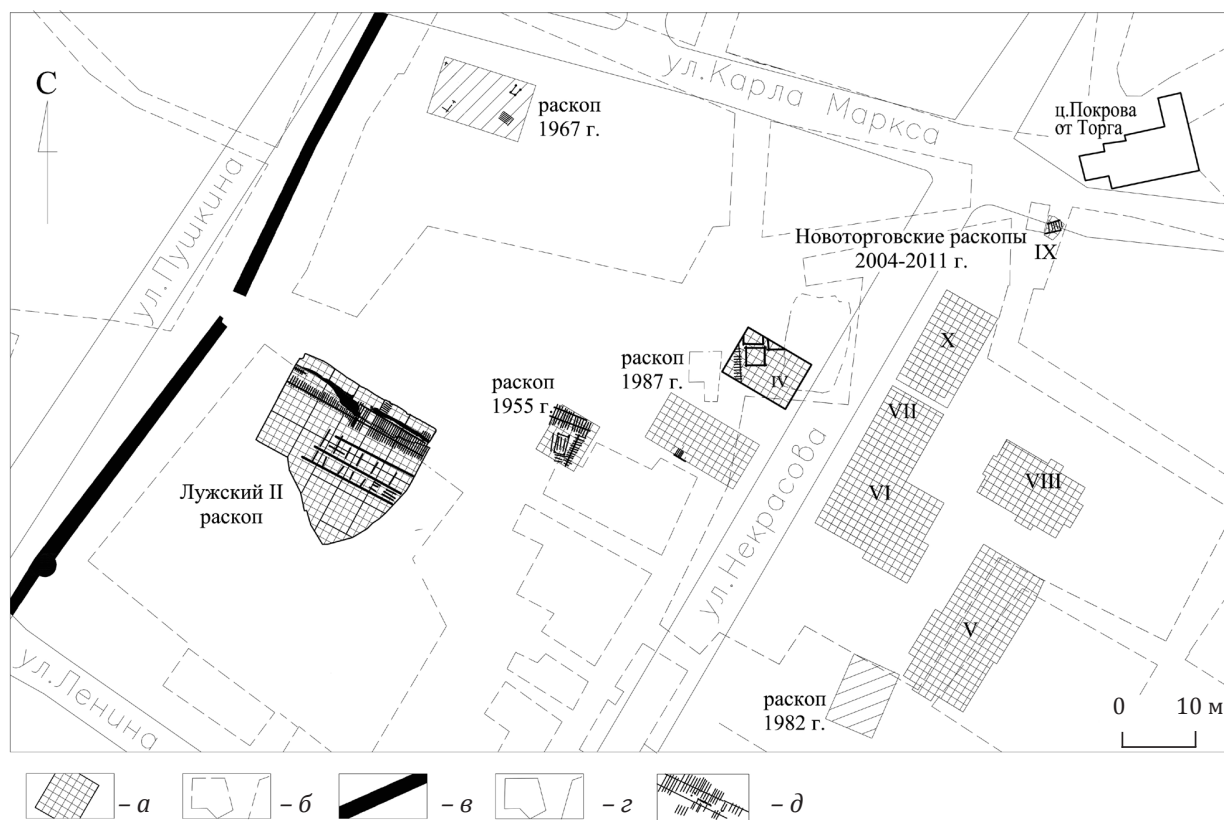

Рис. 1. План расположения раскопов 1955–2012 гг. на Новом Торжке в Пскове, совмещенный с планом 1740 г.:
а – раскопы, б – объекты плана 1740 г., в – стена 1374/75 г., скрытая в толще культурного слоя,
г – сохранившиеся исторические и современные здания,
д – наиболее значительные деревянные сооружения, раскрытые при раскопках

ственно-торгового» характера¹⁴. Материалы этих раскопок введены в научный оборот в очень малой степени, но, безусловно, содержат ценную информацию об уличной сети и об особенностях планировки нерегулярной части Нового Торга¹⁵.

¹⁴ Подгорная Р. Г., Френкель Я. В., Яковлев А. В. Исследование отложений XVIII века в Новоторговском V раскопе // АИППЗ: семинар им. акад. В. В. Седова: материалы 58 заседания (15–17 апр. 2008 г.). Псков: ИА РАН, 2009. С. 42–58; Яковлева Е. А. Псковский археологический центр в 2007 году // Там же. Материалы 54 заседания (15–17 апр. 2008 г.). Псков: ИА РАН, 2009. С. 15; Её же. Археология в Пскове в 2008 году // Там же. Материалы 55 заседания, посвящённого юбилею проф. И. К. Лабутиной (13–15 апр. 2009 г.). Псков: ИА РАН, 2010. С. 13–14.

¹⁵ Авторы благодарят Т. Е. Ершову и А. В. Яковлеву за плодотворный обмен мнениями по поводу неопубликованных материалов Новоторговских раскопов и надеются на продолжение сотрудничества.

Раскопки псковского Нового Торга в 2011–2012 гг. (Лужские раскопы)

Долгожданное исследование Нового Торга, когда культурные отложения наконец были исследованы полностью до материка на большой площади, состоялось в 2011–2013 гг. на Лужских II, III, IV раскопах (руководители работ – Р. Г. Подгорная, Е. В. Салмина, С. А. Салмин). Работы были проведены на площади более 1500 кв. м при мощности культурных отложений более 3 м.

Важнейшим результатом раскопок 2011–2012 гг., во-первых, стало раскрытие большого участка хорошо сохранившихся сооружений Нового Торга XVI–XVII вв.¹⁶ (рис. 2, 3, 4, 5, 6). Во-вторых,

¹⁶ Подгорная Р. Г., Салмина Е. В. Исследования Нового Торга в Пскове в 2011 г.: (предварительный обзор) //

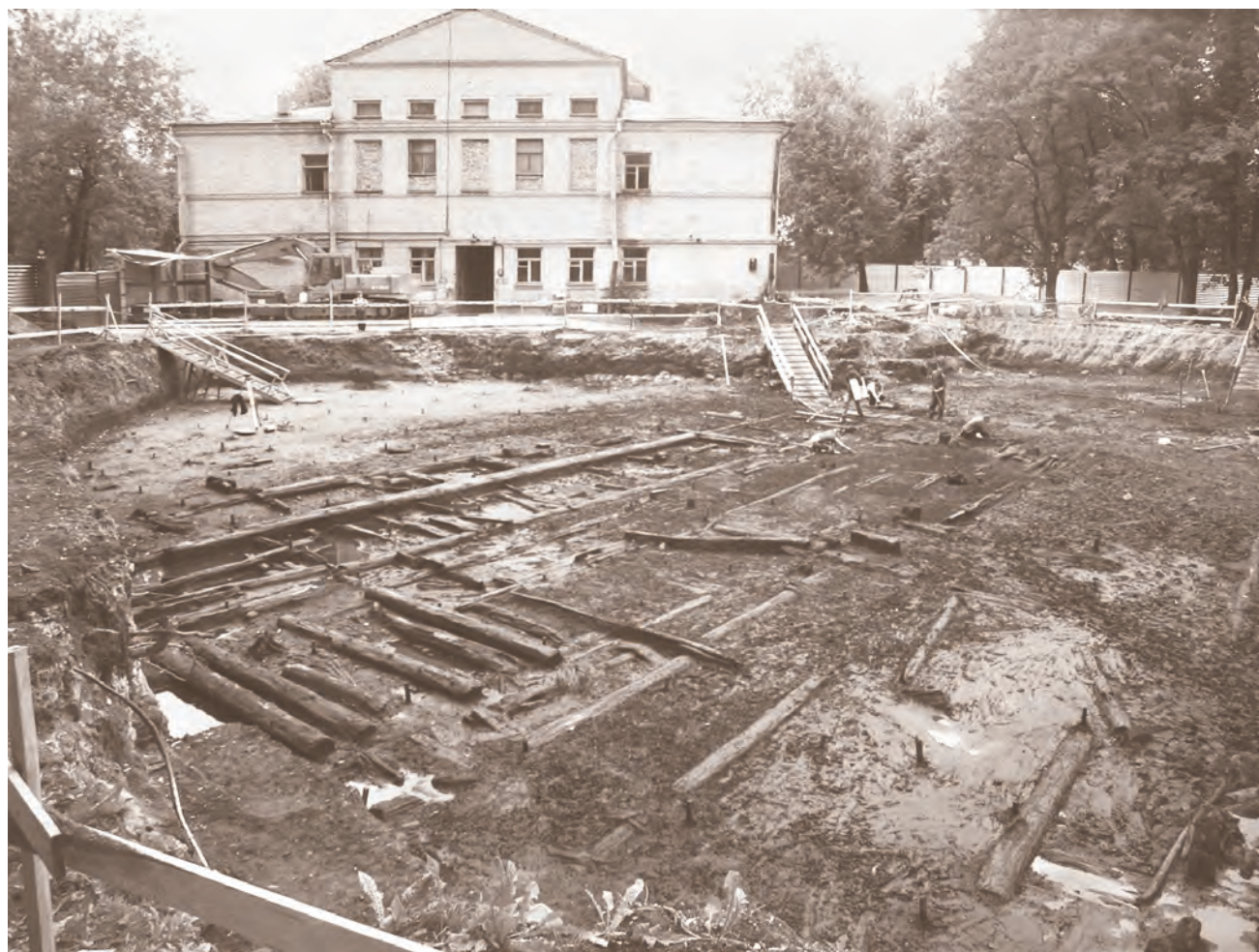

Рис. 2. Сооружения Нового Торга в центральной части раскопа, «верхний горизонт». Вид с северо-востока. Общий план

при раскопках были зафиксированы участки стены 1374/1375 г., что позволило соотнести западную границу Нового Торга с данными современной топосъемки¹⁷. Третьим результатом стало обнаружение в предматериковых отложениях на большой площади отложений XII–XIII вв., сохранивших остатки первоначальной застройки и планировки участка, существовавших задолго до переноса на этот участок псковского Торга¹⁸.

Под слоем отложений XX в., сформировавшихся, главным образом, в процессе послевоенного строи-

тельства и в результате демонтажа зданий первой половины XX в., а также под отложениями паркового благоустройства начала XX в., на глубине около 160–180 см от современной дневной поверхности был раскрыт горизонт системы деревянных сооружений Нового Торга¹⁹.

В раскоп вошли остатки торгового ряда и замощение междурядного прохода. Максимальные промеры всего пятна, занятого остатками сооружений торгового ряда, – до 26×14 м в пределах раскопа (рис. 2, 3, 4, 6). Блок сооружений образован массивными бревнами, уложенными на перпендикулярно ориентированные подкладки таким образом, что вся конструкция образует единую «сетку», состоящую из прямоугольных ячеек. Длина продольных, ориентированных по оси 3–В бревен достигает 14,5 м; максимальный диаметр бревен 50–60 см. Длина поперечных бревен – от 2 до 4 м. Не вызы-

АИППЗ: семинар им. акад. В.В.Седова: материалы 58 заседания (17–19 апр. 2012 г.) М.; Псков: ИА РАН, 2013. С. 24–35; Их же. Раскопки Нового Торга в Пскове в 2011 году: предварительные обобщения // НИИЗ: история и археология: материалы науч. конф., посвящ. 1150-летию российской гос. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2012. Вып. 26. С. 127–149.

¹⁷ Исследование стены продолжалось и составляло основное содержание археологических работ в 2013 г.

¹⁸ Подгорная Р.Г., Салмина Е.В. Исследования Нового Торга в Пскове в 2011 г. ... С. 36–37.

¹⁹ Показательно, что на плане 1740 г. участок раскопа показан пустующим.

Рис. 3. Сооружения Нового Торга в центральной части раскопа, «верхний горизонт». Вид с востока

Рис. 4. Сооружения Нового Торга в центральной части раскопа, «нижний горизонт». Вид с востока

вает сомнений единство планировки комплекса. «Клетки-отсеки» имеют почти типовой размер: «поперечник» в среднем тяготеет к 1,8 м, «длинник» – к 2,35 м, то есть усредненные промеры «клетки» – маховая сажень на косую сажень. «Стандартизация размеров» сооружений Торга известна, например, для московского Торга XVII в. (однако столичные лавки имели почти вдвое больший размер)²⁰. Факт осуществления общей разметки торговых рядов при переносе Торга известен также для Новгорода, где при переустройстве 1507–1508 гг. великий князь Василий III Иванович велел боярину Василию Бобру «урядити в Новгороде торги, ряды и улицы розмерити по Московский»²¹, что и было сделано: «ряды торговые переведе по своему обычаю не яко прежде было»²².

Стратиграфические наблюдения позволяют предположить, что комплекс сооружений торгового ряда развивался в два этапа, причем интервал, разделяющий их, был невелик²³. Вполне возможно даже, что мы наблюдаем единый, но протяженный во времени процесс устройства Торга. В таком случае в археологических материалах фиксируются не «два этапа» или «два горизонта», а «начало» и «конец» единого долговременного процесса.

Сооружения нижнего, более раннего горизонта, возникшего на начальном этапе обустройства участка под сооружения Торга, не настолько едины, как в охарактеризованном «верхнем» горизонте (рис. 4), но вместе с этим все постройки, составляющие «нижний» горизонт, имеют одинаковую ориентацию, расположены плотно, компактно, единой площадью.

Одна из построек «нижнего» горизонта, не входящая в основной единый массив рядов, может быть интерпретирована как металлообрабатывающая мастерская (ср. также обнаруженные в раскопе 1967 г. производственные постройки, связываемые руководителем работ с ремонтом и изготовлением изделий из цветного металла²⁴). В постройке зафиксирован развал печи. Предположительно, постройка была связана с изготовлением (сборкой) замков. Это подтверждается многочисленными находками деталей замков, отходов металлообработки (обрезки медного листа, использовавшегося для обтяжки

Рис. 5. Замошение в северной части раскопа (в границах 2011 г.). Вид с востока

замочных корпусов). Здесь же собрана коллекция инструментария: напильники, зубильца, стамески, молоток-гвоздодер, точильные камни (в том числе точильный круг стационарной (?) установки).

Зафиксированные постройки представляют собой настилы из досок и плах, срубные и каркасно-столбовые сооружения. Дерево, из которого сооружены постройки нижнего горизонта, нередко не очень тщательно обработано, зачастую с необрубленными сучками, не полностью окоренное и т.п. Зафиксировано присутствие деревянных деталей во вторичном использовании. Возможно, здесь можно видеть материальное выражение «имущественного неустройства» при присоединении Пскова к Москве, последствия разборки и повторной сборки клеток перенесенного Торга, использование деталей сооружений, разрушенных при обстоятельствах выселения и внутригородского переселения горожан.

²⁰ Шокарев С.Ю. Повседневная жизнь средневековой Москвы. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 320–321.

²¹ ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1: Новгородская 4-я летопись [Список Дубровского]. С. 536.

²² Там же. [Список Никольского]. С. 612.

²³ Сохранность археологической древесины позволила взять более 140 образцов, переданных в настоящее время канд. ист. наук М.И. Кулаковой для дендрохронологической датировки. До получения дендродат реконструкция последовательности сооружений Торга носит реконструктивный, предварительный характер.

²⁴ Лабутин И. К. Раскоп 1967 г. ... С. 38.

Рис. 6. Мостовые и конструкции торговых рядов в раскопах 1955 и 2011 гг.:
а – выявленные в раскопах мостовые и конструкции торговых рядов,
б – объекты плана 1740 г., в – современные здания

К северной границе массива остатков сооружений торгового ряда примыкает мостовая (рис. 5, 6). Длина раскрытого участка межрядного замощения составляет более 40 м, ширина вымостки не менее 8,5–9 м. Зафиксирован также небольшой отрезок перпендикулярного замощенного проулка (длина в пределах раскопа 2,4 м, ширина 3,2–3,3 м).

Покрытие составлено плахами шириной до 30 см, толщиной до 22 см. Подтесанные сверху плахи уложены плотно одна к другой, практически без зазора, на массивные лаги. В плахах с нижней стороны вырублены специальные пазы для плотного соединения с лагами. Лаги под плахами мостовой представляют собой массивные бревна, сплошной длиной до 20,5 м и диаметром до 60 см. В конструкции были использованы также вспомогательные плахи-подкладки, песчаная подсыпка.

Возведенный уже после устройства замощения частокол ограничил его ширину с южной стороны

почти на 3 м. Подчеркнем, что частокол был сооружен таким образом, что кольца оказались «вбиты» непосредственно в мостовую и в слой грунта, сформировавшегося на мостовой. Колья были дополнительно укреплены жердями, уложенными на настил в прокопанных для установки частокола канавках. Вполне возможно, что частокол был необходим для маркировки проезда, мощение которого со временем уже покрылось грунтом.

Возведение сооружений Торга происходило в условиях повышенной обводненности. Массивный дренажный канал, заглубленный в материковые отложения, скорее всего, был сооружен до появления конструкций Торга, но может быть, и непосредственно при установке первых клеток на новом месте. Канал отводил воды в направлении предстенного рва стены 1374/1375 г. Усугубление сложностей гидро-режима территории, по которой проходила «речка Зрачка», могло быть обусловлено деградацией и

замусориванием этого рва, начавшимися после возведения стен Окольного города в начале XVI в.²⁵. Неблагоприятная гидрологическая ситуация сохранялась здесь до конца XIX – начала XX в.²⁶.

Мясные ряды псковского Нового Торга: археология, исторические планы, письменные источники

Впервые о том, что «раскопки на Новом Торге дают возможность установить расположение лавок мясного ряда», написал Г.П.Гроздилов, интерпретируя таким образом найденную столбовую постройку как «мясную лавку» на основании «находки нескольких тысяч коровьих челюстей и осколков костей»²⁷.

При раскопках 2011–2012 гг. на Лужском 2 раскопе в слое под охарактеризованной выше мостовой и на ее поверхности (в меньшем количестве), в довольно плотном грунте, также были собраны несколько сотен тысяч коровьих челюстей.

Мощность массива костей в слое составляет не менее 60 см, его формирование выглядит результатом целенаправленной, но не «одномоментной» деятельности. Одновременно с этим нельзя не заметить, что челюсти располагались в уплотненном, практически спрессованном слое бессистемно, «не горизонтально», не образуя единой прослойки с выраженными границами, которые могли бы быть, например, зафиксированы в разрезе в стенках раскопа. Более того, интенсивные включения челюстей присутствуют и на значительной площади за пределами мостовой – на территории построек торгового ряда.

Аналогичные новгородские комплексы с территории Торга охарактеризованы в работах А.В.Арциховского²⁸ (позднее также на другом участке Новгорода их обнаруживает В.Н.Гусаков²⁹) и интерпретированы как целенаправленное замощение, род «строительного покрытия». Г.П.Гроздилов не согласился с этим предположением и высказал версию о том, что эти массивы челюстей – отходы мясной торговли. Он соглашается также с суждением А.А.Строкова и В.И.Богусевича, связавших эти костные отходы с варкой клея³⁰.

²⁵ Яковлева Е.А. Предстенные рвы Псковской крепости как элементы первоначального рельефа // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура. Псков: обл. тип., 2011. Вып. 2. С. 325–326.

²⁶ Окулич-Казарин Н.Ф. Спутник по древнему Пскову. Псков: Светоносец, 2001. С. 64, 142.

²⁷ Гроздилов Г.П. Указ. соч. С. 39.

²⁸ Арциховский А.В. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде // МИА. М.; Л.: ИА РАН, 1949. № 11. С. 160.

²⁹ Гусаков В.Н. Исследования в Новгородском кремле в 1989 г. // НИИЗ: тез. науч. конф. Новгород, 1990. Вып. 3. С. 18–21.

³⁰ Строков А., Богусевич В. Археологическое исследование Новгорода. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1939. С. 14.

Выводы Л.В.Яворской, сделанные на основании археозоологического анализа материалов раскопок на Ярославовом Дворище в Великом Новгороде (2008 г.) и на территории Нового Торга на Лужском 2 раскопе в Пскове (2011 г.), объединяют версии Арциховского и Гроздилова. Автор полагает, что «костные вымостки» действительно использовались для благоустройства территории (в виде уплотняющей подсыпки под деревянные мостовые) в общественно значимых местах. Одновременно с этим, установив, что в анализируемых материалах присутствуют только те части, на которых практически нет мяса, Л.В.Яворская пришла к выводу, что «такие костные отбросы могли оставаться на мясном торге после продажи мясных частей... в городские усадьбы». Второсортные части туш могли использоваться для приготовления бульона в «харчевных избушках». В результате кости обеззараживались, накапливались и использовались впоследствии в качестве подсыпки при мощении³¹.

Обращение к Писцовой книге №355 (1585–1587 гг.) дает все основания, чтобы довольно уверенно определить комплекс деревянных сооружений, открытый при раскопках 2011–2012 гг., как конструкции мясного ряда.

Мясной Полонисский ряд, согласно писцовой книге, начинается у Лужских (Луцких) ворот: «отъ Середнево города от Луцкихъ воротъ идучи къ Большому ряду к Гостинымъ дворомъ на правой стороне...», «отъ Середнева города идучи къ Оксинье святой, по левой стороне...». На время составления писцовой книги здесь (на правой стороне от прохода, где и располагаются открытые нами остатки сооружений) названы 21 владелец 29 амбаров и лавок, названы места их проживания в городе, суммы оброков и т.д.³².

Лужские II, III, IV раскопы получили название именно по Лужским воротам крепостной стены 1374/1375 г., являющимся ближайшим историческим фортификационным объектом. При совмещении плана 1740 г. с современной топоосновой можно видеть, что возле западной границы Лужского II раскопа на историческом плане обозначен свободный проход (пролом?) и открытая в раскопе мостовая довольно точно соотносится с ним.

Одновременно с этим при археологическом наблюдении за заменой труб теплосети в 2012 г. (извлекались трубы 60–70-х гг. и в пределах тех же траншей заменялись на новые) в этой локации было отмечено отсутствие каких бы то ни было поврежденных, нарушенных каменных сооружений в месте пересечения стены 1375 г. Это позволяет высказать

³¹ Яворская Л.В. «Костные вымостки» в древнерусских городах: «анатомия» одной археологической загадки // Зоологический журнал. 2013. Т. 92. № 9. С. 1179–1189.

³² Сб. МАМЮ. М., 1913. Т. V. С. 27.

предположение, что трасса теплосети в 60–70-е гг. удачно (по меньшей мере, не разрушив крепостных сооружений) прошла через Лужские ворота.

Кроме того, при раскопках 2011 г. в западном профиле раскопа были зафиксированы деревянные остатки, входившие в конструкции, которые можно с осторожностью интерпретировать как род «моста через ров»³³. В центре раскрытого в раскопе фрагмента края рва (?) были зафиксированы восточные концы нескольких плах и бревен (диаметр 28–33 см, в раскоп вошли не более чем на 45–80 см), ориентированных параллельно мостовой. В северо-западном углу раскопа, фактически в стене котлована, были раскрыты два массивных столба (диаметром более 50 см), находящихся на расстоянии 2,2 м один от другого. Однако в раскоп характеризуемые сооружения вошли слишком малым фрагментом, чтобы можно было говорить об уверенной интерпретации.

Открытая в раскопе мостовая достаточно точно ориентирована на ворота и векторно направлена на безымянную улицу на плане 1740 г., ведущую от Лужских ворот вглубь территории Нового Торга. Интересно, что точно так же описывается в летописи «Пустая улица», по которой определяется новое место для Торга: «за Средним городом, против Лужских ворот... <где> церковь постави князь великий, преподобную Ксению, в которой день Псков взял, на Пустой улицы въ Ермолкине в саднике Хлебникова, а потому та улица пустая слыла, что меж огородов, а дворов на ней не было»³⁴. Этот факт также дает нам возможность еще одной версии интерпретации раскрытой нами мостовой, не исключающей, впрочем, предыдущую, – «пустая улица» в процессе устройства Торга могла быть задействована как замощенный междурядный проход.

Храм Св. Ксении, разрушенный при пожаре 1590 г., затем вторично отстроенный, но просуществовавший недолго, неоднократно упоминается в качестве одного из ориентиров Торга в писцовой книге 1585–1587 гг. Местоположение храма локализуется на достаточно большом участке – на территории нынешнего Кутузовского парка³⁵. Нам представляется, что открытая в раскопе мостовая вместе с улицей с плана 1740 г. достаточно точно указывает вектор, ведущий к церкви Св. Ксении.

В описании Торга за перечислением гостиных дворов следует раздел, условно определяемый как «Большой Торг» («Торгъ болшей»³⁶). Если мы признаем порядок перечисления рядов «Большого Торга» от юго-западной границы (от Трупеховской

улицы) регулярным, то «Мясной Полонисский ряд» назван там пятым по счету, а сразу за ним назван «другой Мясной Запсковский ряд»³⁷. Представляется резонным признать, что постройки и настил, открытые в раскопе Гроздилова в 1955 г., являются именно этим «другим» рядом.

К тому, что это именно мясные Полонисский и Запсковский ряды, мы приходим также, анализируя некоторые детали их описания в писцовой книге и сопоставляя их с тем, что фактически открыто в раскопах. Для торговых рядов в районе Лужских ворот только в одном единственном случае упомянуты два переулка, разделяющих ряд (во всех остальных случаях – по одному переулку). Именно Мясной Запсковский ряд пересекают два переулка. Первый – меж лавками «пречистенского попа зъ Завеличья Михаила Михайлова» и «ямщика Марка Иванова», второй – переулок у лавки «Панкратка Иванова яблочника»³⁸. С этим описанием можно сопоставить два перпендикулярных основным мостовым нешироких переулков – в раскопе Г. П. Гроздилова 1955 г. и в Лужском раскопе 2011–2012 гг.

Коллекция находок, полученных при раскопках «мясных рядов» в 2011–2012 гг., многочисленна и оригинальна по составу. На сегодняшний день работа с коллекцией далеко не закончена, однако некоторые яркие черты уже могут быть выделены.

Состав коллекции в целом говорит об отсутствии на исследованной территории заметных следов ведения традиционного домашнего хозяйства – количество предметов печной керамики, домашней утвари и инвентаря необычайно мало в сравнении с традиционно большим количеством подобных находок из слоя городской застройки периода позднего Средневековья – Нового времени.

Обращают на себя внимание преобладающие малые размеры многочисленных находок (рис. 7). «Коммунальное» пространство Торга могло содержаться в порядке, относительно регулярно убираться – возможно, именно с этим связано отсутствие сравнительно крупных находок при насыщенности культурного слоя на участке торгового ряда мелкими артефактами (бусы, пуговицы, печати, монеты). Аналогии такому явлению известны и по раскопках торговых площадей в других городах³⁹.

Большое количество находок можно связывать с деятельностью охарактеризованных выше мастеров: обрезки бронзовых и латунных пластин,

³³ Подгорная Р. Г., Салмина Е. В. Исследования Нового Торга в Пскове в 2011 г. ... С. 36.

³⁴ ПСРЛ. Т. 5. вып. 1: Псковские летописи [Псковская 1-я летопись]. С. 96.

³⁵ Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову. С. 142.

³⁶ Сб. МАМЮ. М., 1913. Т. V. С. 15.

³⁷ Полонище и Запсковье – исторические районы Пскова, предположительно, в названиях торговых рядов связаны с местом проживания хозяев торговых и складских мест в этих рядах.

³⁸ Сб. МАМЮ. М., 1913. Т. V. С. 28–29.

³⁹ Курбатов А. В. Раскопки 2003–2004 гг. у Торговых рядов в г. Владимире // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. М.: Нестор-История, 2007. Вып. 1. С. 93.

Рис. 7. Находки из цветных металлов, стекла, камня и кости с территории Нового Торга:
1–3 – вислые печати; 4 – плomba; 5–6 – кресты нателные; 7, 9, 12–15 – бусы; 8, 17, 23, 30, 35, 36 – монеты; 10 – браслет; 11 – подвеска с христианской символикой (дорник?); 16 – монета с заточенным краем (инструмент карманника?); 18–22, 24–29, 31–34 – пуговицы; 1–4, 18–22, 25–28 – свинец; 5–6, 11, 31, 32, 34 – бронза; 7, 9, 12, 14, 15 – стекло; 10 – стекло, латунь;

13 – сердолик; 8, 16, 17, 23, 30, 35, 36 – медь; 29 – кость; 33 – бронза, железо

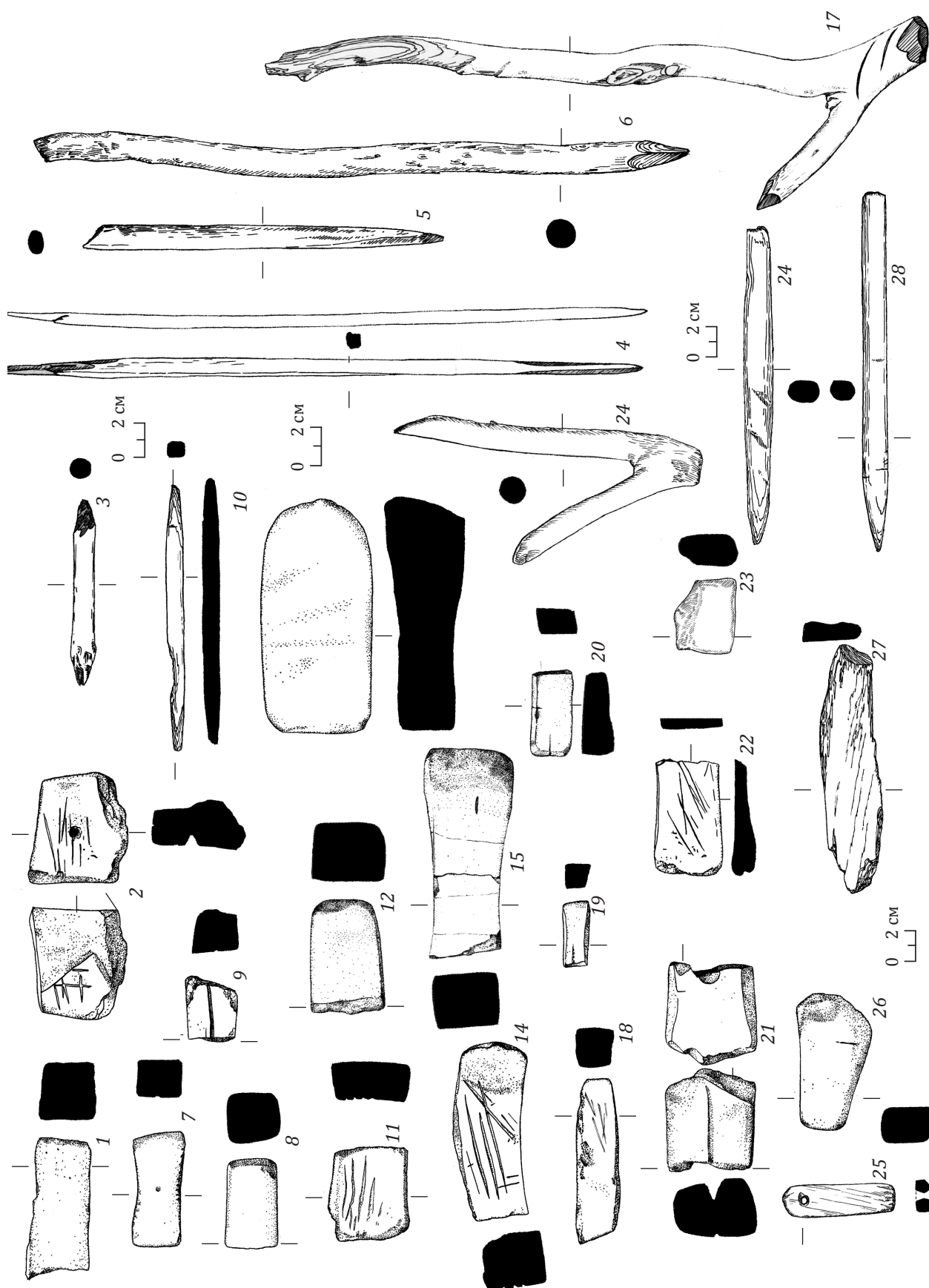

Рис. 8. «Торговый инструментарий» из раскопок Мясных рядов Нового Торга: 1-2, 7-9, 11-15, 18-23, 25-27 – оселки; 3-6, 10, 24, 28 – «мясницкие спицы»; 16-17 – «мясницкие крючки»; 1-2, 7-9, 11-15, 18-23, 25-27 – камни; 3-6, 10, 16-17, 24, 28 – дерево

обломки бронзовых сосудов. Было высказано также предположение, что скопления бронзового лома могут быть связаны с деятельностью Денежного двора, местоположение которого по сей день является предметом дискуссии, основная версия связывает его с Лужской (Куричьей) башней, расположенной неподалеку от раскопа 2011–2012 гг.⁴⁰

Общественный, открытый характер использования территории в некотором смысле подчеркивают находки игральные бабки, костяных коньков, обрывков обуви, сумок, ножен. Заслуживает упоминания своеобразная находка – стертая до полной неразличимости номинала медная монета с зато-

ченным заостренным краем, обнаруженная между плахами мостовой. Как нам представляется, это «инструмент» вора-карманника.

Довольно нетрадиционный комплекс находок мы можем связывать со спецификой «материальной культуры мясного ряда». Сюда входят железные ножи и их обломки (более 70 единиц), многочисленные оселки с явными следами использования (более 90 единиц) и специфическая категория предметов, также многочисленных и распространенных в мясном ряду, – это палочки и прутья, заостренные с двух концов (их найдено около 100), а также специфические крючья. И палочки-распорки (так называемые «мясницкие спицы», «спички», «шпильки»), и деревянные крючки используются при краткосрочном хранении, краткосрочном складировании, разделке, вялении, вывешивании на продажу мясных туш. Типологически и функционально сходные предметы применялись и применяются в этнографической современности или в недавнем прошлом в охотничьем быту и в рыночной торговле, однако определение древности этой традиции пока затруднено.

⁴⁰ Гайдуков П. Г., Сергина Т. В. Монетный штемпель первой трети XVI века из Пскова // СА. 1982. № 1. С. 255–259; Лабутина И. К. Историко-топографические и археологические данные для изучения района размещения Денежного двора XVI–XVII вв. в Пскове // 10-я Всероссийская нумизматическая конференция, Псков, 15–20 апреля 2002 г.: тез. докл. и сообщ. М., 2002; Мельникова А. С. Определение русских средневековых монет: на материалах псковского клада XVI–начала XVII в. // Советский музей. 1984. № 4 (78). С. 41–44.

E. V. Salmina, S. A. Salmin, R. G. Podgornaya

Archaeological Survey of Novy Torg (New Market) at Pskov

Key words: Pskov, organization of trade, written sources and archaeology, internal topography of the 16th–17th cc. market.

Abstract: Novy Torg is one of the most important elements of the topographic system of Pskov of the 16th–18th cc. Archaeological examination of this part of the town has been carried out from the mid-20th cen-

tury, but only excavations of 2011–2012 were carried out on a large area. The structures of merchant rows and inter row paving were documented. Using the data from the cadaster of the 16th century and the historical plan of Pskov of 1740, the complex was interpreted as “Polonissky Meat Row” on Torg. Besides, comparison of new data with earlier received ones allowed to go back to general questions of the internal topography of Torg.

Текстиль в Московском государстве XVI–XVII вв. по археологическим данным

Во время проведения археологических работ наряду с предметами из керамики, металла, кости изредка обнаруживается текстиль. Текстиль – широкое понятие, которое включает тканые, плетеные и вязаные изделия, выполненные из волокон различной природы. Это ткани, ленты, тесьмы, шнуры, из которых изготавливаются одежда, бытовые вещи, церковная утварь и др. В XVI–XVII вв. текстиль в Московском государстве Руси был довольно разнообразным по природе волокон, способу изготовления, использованию орнаментики и, конечно, по качеству – от грубых, изготовленных в домашнем хозяйстве вещей до изящного и очень дорогого импорта.

Сегодня, несмотря на массу литературы по теме, все еще нет цельной картины бытования текстиля на Руси XVI–XVII вв., техники изготовления изделий и способов украшения. В центральных государственных музеях памятники средневекового текстильного производства редки. В основном это царская и боярская одежда, дорогие иноземные ткани. Практически нет музейных образцов, дающих представление о текстиле, используемом в одежде и быту простого горожанина и людей среднего сословия. Очень мало предметов женского костюма и головных уборов. Письменные источники XVI–XVII вв. также содержат недостаточно информации о тканых, плетеных и вязаных изделиях. Почти нет сведений о конструкции и покрое одежды. Так что изучение археологического текстиля и введение его в научный оборот дает возможность ответить на многие вопросы. Текстиль при раскопках на территории Центральной России встречается нечасто. Это связано с климатическими условиями и характеристиками почвы, которые не способствуют сохранности органики. Но есть ряд факторов, обеспечивающих сохранность даже в неблагоприятных условиях.

Известно, что идеальными условиями для сохранности являются постоянная температура и влажность. В замкнутых пространствах, вне доступа воздуха (внутри каменного саркофага, кирпичного склепа) складывается микроклимат с относительно стабильной температурой и влажностью. Предметы из органики можно обнаружить в них практически целыми, сохранившими даже первоначальный цвет. Однако быстрое окисление из-за доступа воздуха, резкая смена температуры и влажности приводят к тому, что текстиль начинает разрушаться прямо на глазах.

Другим важным фактором сохранности является наличие горелых слоев. Слой пожара – стерильная прослойка, препятствующая развитию бактерий и грибов, вызывающих процесс гниения, и обеспечивающая хорошую сохранность органики. Поэтому под горелым слоем есть большая вероятность найти сохранившийся текстиль.

Помогают сохранять ткани и окислы металлов. Проникая в текстильные волокна, они их армируют, благодаря чему ткани, лежащие в грунте на предметах из металла и рядом с ними, а также текстиль, при изготовлении которого использована металлическая пряденая нить (золотная или серебряная), меньше подвержены распаду. Как правило, это фрагменты парчи и золотной вышивки – в некоторых случаях ткань изделия сохраняется только непосредственно под золотной вышивкой.

Следует указать и на то, что окислы металлов способны, проникая в текстильные волокна, полностью их заместить. В этом случае, хотя предмет из текстиля уже утрачен, мы получим, благодаря сохранившимся отпечаткам, информацию о его наличии в прошлом и даже о его структуре.

Помимо условий залегания, сохранность текстильных изделий в грунте сильно зависит от

использованного при их изготовлении сырья. Растительные волокна содержат целлюлозу и разрушаются в земле очень быстро, исчезая практически бесследно. Текстиль из шерстяных и окрашенных шелковых волокон устойчивее к разрушению, нежели сделанный из растительных (лен, хлопок, конопля) или неокрашенных шелковых. Лучшая сохранность окрашенных волокон объясняется тем, что процесс крашения экстрактами растений проводится по металлической протраве (медной, железной).

Наибольший процент текстильных находок приходится на захоронения в белокаменных саркофагах и кирпичных склепах. Часть предметов обнаруживается в грунтовых захоронениях и переотложенном слое кладбища. Текстиль в культурных городских слоях, если нет дополнительных факторов сохранности (например, слой пожара, наличие металлических предметов), относительно редок. Обычно это разрозненные фрагменты тканей, лент, тесьм, шнуров из шерсти или растительных волокон домашнего изготовления, так называемый «массовый материал», реже – остатки одежды. Подобного рода фрагменты можно найти в хозяйственных ямах. И в слоях, и в ямах изредка встречаются находки из шелка и металлических нитей.

Редкость текстиля в городских слоях объясняется не только неблагоприятными условиями сохранности, но и тем, что он оставался дорогим, а импортные ткани (особенно итальянские, турецкие, а также золотные ленты и тесьмы) были доступны прежде всего состоятельным людям, и относились к ним очень бережно. Их хранили, передавали по наследству, а нередко использовали повторно (и даже неоднократно). Особое место занимала также вышивка золотными и цветными шелковыми нитями.

Как правило, археологические текстильные предметы обнаруживают во фрагментах, неказистыми, потерявшими первоначальный цвет. Часть их не станет экспозиционными даже после проведения реставрации; к тому же фрагмент, взятый из земли, при неправильном хранении и без соответствующей обработки нередко разрушается. Поэтому археологи не всегда включают текстиль в состав индивидуальных находок. Однако каждый фрагмент – важный, емкий источник, хранящий информацию о типе текстиля, технологии, технике изготовления, особенностях кроя, способах украшения. Первой задачей является сохранение найденных фрагментов путем своевременного проведения полевой консервации.

Дальнейшее исследование имеет целью максимально полное извлечение информации. Для этого применяются такие методы, как материаловедческий и структурный анализы, анализ на красители, макрофото съемка, фотофиксация в косых лучах света, рентгенография. На основе полученных данных возможно воссоздание первоначального облика предмета (рис. 1).

С каждым годом география находок расширяется, увеличивается их количество и разнообразие. Археологические раскопки позднесредневековых памятников дали нам разнообразный средневековый текстильный материал из Москвы, Суздаля, Кириллова, Твери, Нижнего Новгорода, Нового Иерусалима, Переславля-Залесского, Вязьмы и других местностей. Наибольший процент археологических текстильных находок составляют фрагменты светских одежд из богатых захоронений, особенно склепов и саркофагов. Как правило, это элементы русского традиционного костюма: женские головные уборы, фрагменты мужских рубаш, декоративные элементы верхней одежды. Каждый найденный предмет одежды выполнен в определенных традициях кроя, украшен вышивкой и плетением золотными и шелковыми нитями.

Следует отметить, что русский городской традиционный костюм очень самобытен. Его формы, крой и расположение декоративных элементов были устойчивы и практически неизменны на всей обширной территории Московской Руси. Русский костюм формировался на протяжении многих веков под влиянием традиций народов Востока и Запада. На развитие одежды влиял довольно суровый климат Руси с холодными снежными зимами и сложившийся особый уклад жизни русского человека. Помимо основных функций защиты от ненастья и эстетической стороны, одежда выполняла защитно-охранительную функцию и, конечно, указывала на статус владельца. Поэтому одежда была многослойной и длиннополой, характеризовалась особой декоративностью и солидностью, тяжеловесностью и малой подвижностью. Традиционная форма русского костюма полностью сформировалась к концу XV – началу XVI в. и просуществовала как основная до начала XVIII в. Несмотря на то, что проникновение европейского костюма в Россию отмечается еще в царствование Михаила Федоровича, а ряд указов Федора Алексеевича о смене старых «старобытных» одежд на «служилое платье» изменили облик двора¹, всё же повсеместная смена русского традиционного костюма городских жителей на европейский тип одежды произошла под влиянием реформ Петра I². Традиционные формы костюма сохранились отчасти в быту сельского населения и просуществовали в некоторых областях до начала XX в.

Среди археологических находок наиболее яркие – женские волосники из средневековых захоронений. Они были известны ранее только по письмен-

¹ Шамин С.М. Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1. С. 23–38.

² Пармон Ф.М. Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества. М.: Легпромбытиздат, 1994. С. 21; Захаржевская Р.В. История костюма: от античности до современности. М.: РИПОЛ классик, 2004. С. 240–241.

Рис. 1. Московский Новоспасский монастырь, усыпальница бояр Романовых. Волосник Анны, первой жены Д. Р. Юрьева (†1554 г.). Шелк, золотое шитье:
 1 – волосник в момент обнаружения в раскопе; 2 – волосник после реставрации;
 3 – графическая реконструкция ажурного верха волосника; 4 – рентгенограмма золотной вышивки
 очелья волосника; 5 – графическая реконструкция очелья волосника; 6 – копия-реконструкция волосника,
 выполненная художниками-реставраторами ЗИАУХМ Н. В. Бабушкиной и Н. И. Христофоровой

ным источникам, но ни одного предмета не дошло до наших дней в первозданном виде, их форма и конструкция восстановлены исключительно по археологическим данным. Волосник – обязательный элемент, входивший в комплекс многосоставного головного убора замужней женщины. Он надевался непосредственно на прическу и полностью скрывал волосы, чтобы ни одна прядь не выбивалась наружу. На волосник надевали плат (убрус), а сверху, выходя из дома, в обычные дни – кичу, а в праздничные – кокошник³. В литературе отмечаются и другие варианты ношения этого головного убора: волосник «надевался поверх повойника и платка, повязанного на повойник и закрывавшего затылок»⁴, мог носиться вместе с убрусом, под убрус или поверх него⁵.

К настоящему моменту собрано уже 32 волосника, целых и во фрагментах. Больше всего в Москве, где они найдены на некрополях кремлевского Вознесенского⁶, Симонова⁷ и Новоспасского монастырей (усыпальница бояр Романовых)⁸; церковью Знамения⁹ и Покрова на Рву¹⁰. Вне Москвы волосники зафиксированы в усыпальнице Годуновых в Троице-Сергиевой Лавре¹¹, в Покровском и Спасо-Евфимиевском монастырях в Суздале¹², в Благовещенском

женском монастыре в Бежецке (Тверская область), кладбище при Верхнепосадской Никольской церкви Нижнего Новгорода¹³.

Средневековый волосник – род шапочки или чепца, состоящей из шелкового очелья с ажурным кружевным или сетчатым верхом. Надевая на прическу, его стягивали сзади шнурком, так что он плотно облегал голову. Очелье обычно делали из шелковой ткани красного цвета с вышивкой золотными нитями. Иногда для очелья использовали широкую орнаментированную тканую золотную ленту. К очелью практически каждого волосника подшивалась подкладочная ткань, также красного цвета. Ажурный верх волосника в большинстве случаев выполняли при помощи плетения на раме в технике «спрэнг» (sprang) или вышивкой по сетке-филе¹⁴. В некоторых случаях встречено плетение на коклюшках.

Волосник был самым значимым из апотропеических элементов костюма русской замужней женщины, где цвет и орнамент имели важное символическое значение. Наибольший интерес вызывают вышитые очелья волосников. Как правило, вышивка выполнялась на красном шелке металлическими нитями в технике золотного шитья в прикреп. Иногда наряду с металлическими нитями использовали цветные шелковые нити. Вышитый орнамент состоял из определенных орнаментальных элементов, несших символическую смысловую нагрузку. Композиция довольно устойчива. Почти всегда ее основной и центральный элемент – «древо жизни» («мировое древо»), древнейший символ, отождествление жизненной силы природы, плодородия¹⁵, символ семьи и продолжения рода в народном сознании. Чаще всего на очельях помещают только древа (обычно их семь) или древа, чередующиеся с изображениями животных и птиц, движущихся к центру композиции (как правило, пять древ и четыре символа живых существ). Чаще всего на очельях вышивали агнцев (символ искупительной жертвы Иисуса Христа¹⁶); оленей (душа, обновляемая добрыми делами, символ чистой любви¹⁷); голубей (символ Святого Духа¹⁸); горлиц (знак супружеской верности); павлинов (аллегория человека, обратившегося от грехов к Богу¹⁹). Эти символические изображения имеют глубокую христианскую традицию

³ Рабинович М. Г. Одежда русских XIII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы: материалы к ист.-этнogr. атласу. М.: Наука, 1986. С. 80–82.

⁴ Соснина Н., Шангина И. Русский традиционный костюм. СПб.: Искусство-СПб., 2001. С. 48.

⁵ Там же. С. 48; Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М.: тип. В. Грачева и Ко, 1869. С. 600.

⁶ Панова Т. Д., Синицына Н. П. Волосники из погребений бывшего Вознесенского монастыря в Московском Кремле // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология, 1986: ежегодник. Л.: Наука, 1987. С. 338–341.

⁷ Ефимова Л. В., Алешина Т. С., Самонин С. Ю. Костюм в России, XV – начало XX века. М.: Арт-Родник, 2000. С. 21, рис. 15; С. 228.

⁸ Елкина И. И. Одежда, головные уборы и погребальные облачения из усыпальницы рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре // Усыпальница рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2006. С. 98–107.

⁹ Латышева Г. П., Рабинович М. Г. Москва в далеком прошлом. М.: Наука, 1966. С. 228–229.

¹⁰ Работы под руководством Л. А. Беляева, С. З. Чернова в 2005 г. См.: Беляев Л. А., Капитанова М. А., Чернов С. З. Археологические раскопки у храма Покрова Богородицы на Рву (собор Василия Блаженного) в Москве // АО 2005 года. М., 2006. С. 114–117.

¹¹ Спирина Л. М. Неизвестные произведения искусства и исторические документы, связанные с погребальным комплексом Годуновых // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология, 1980: ежегодник. Л.: Наука, 1981. С. 461.

¹² Елкина И. И. Текстиль из усыпальницы князей Пожарских и Хованских. Спасо-Евфимиев монастырь, 2008 г. // Беляев Л. А. Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М.: ИА РАН, 2013. С. 230–238 (Прил. 5).

¹³ Орфинская О. В., Голиков В. П., Елкина И. И. Женский головной убор – волосник из Нижнего Новгорода // Нижегородская старина. Н. Новгород, 2012. Вып. 33–34. С. 79–86.

¹⁴ Елкина И. И. Одежда, головные уборы и погребальные облачения ... С. 105–107.

¹⁵ Манушина Т. Н. Шитье Древней Руси в собрании Загорского музея. М.: Сов. Россия, 1983. С. 36.

¹⁶ Белова О. В. Славянский бестиарий: словарь названий и символики. М.: Индрик, 2001. С. 48.

¹⁷ Там же. С. 106–107.

¹⁸ Там же. С. 88.

¹⁹ Там же. С. 199.

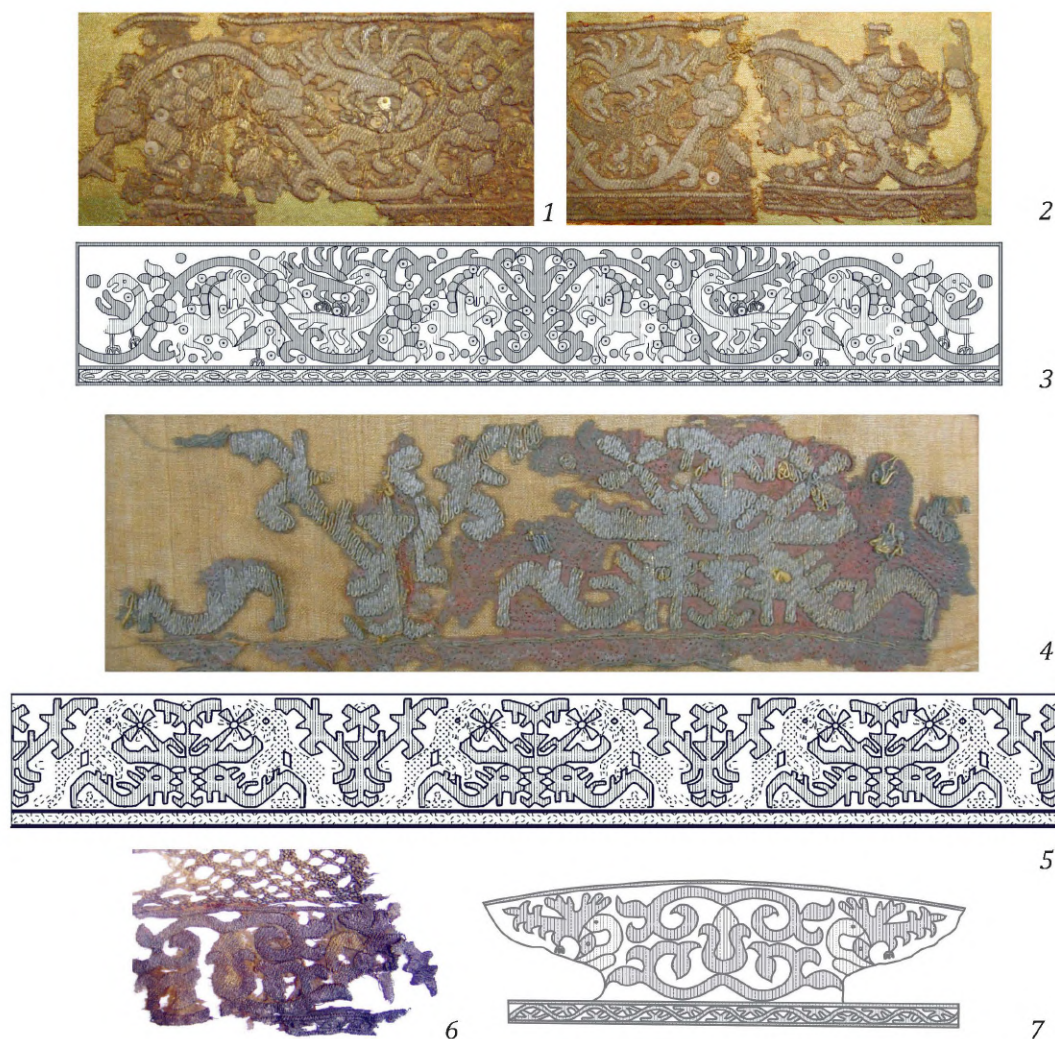

Рис. 2. Московский Зачатьевский монастырь. Очелья волосников:

1–2 – фрагменты очелья волосника № 1. Шелк, золотное шитье;

3 – очелье волосника № 1. Графическая реконструкция;

4 – фрагмент очелья волосника № 2. Шелк, золотное шитье;

5 – очелье волосника № 2. Графическая реконструкция.

Рисунок в местах утрат вышивки частично восстановлен по проколам от иглы;

6 – фрагмент волосника № 3. Шелк, золотное шитье;

7 – частичная графическая реконструкция очелья волосника № 3

и в церковном изобразительном искусстве исключительно многочисленны. Нередки на волосниках изображения широко распространенного в Средние века фантастического существа, единорога (символизирует женское целомудрие и духовную чистоту, а также человека, не забывающего о Боге и возносящего молитвы²⁰).

Среди известных на сегодняшний день орнаментов наиболее интересны, пожалуй, орнаменты волосников из грунтовых захоронений в женском Зачатьевском Алексеевском монастыре²¹. Несмотря

на крайне неудовлетворительную степень сохранности, проведенные реставрационные работы и предпринятая графическая реконструкция позволили частично восстановить орнамент их очелей, композиция которых не характерна для большинства известных нам волосников (рис. 2).

Для вышивок очелей традиционна композиция из одиночных фигур животных или птиц, обращен-

С. 142–149. Раскопки под руководством Л. А. Беляева регулярно ведутся с 2003 г. См. общие обзоры: Беляев Л. А. Из глубины веков // Наука в России. М., 2010. № 6 (ноябрь – декабрь). С. 58–67; Беляев Л. А., Юлиания (Каледа), игуменья. Зачатия праведной Анной пресвятой Богородицы женский монастырь // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XIX. С. 715–728.

²⁰ Там же. С. 100.

²¹ Елкина И. И. Волосники XVI–XVII вв. из погребений Зачатьевского монастыря в Москве // РА. 2008. № 2.

ных к центру и чередующихся с «древями». Это типичная фризная композиция, восходящая к ранне-византийским мозаикам и рельефам. Все элементы даются раздельно, как самостоятельные, связанные только общим участием в шествии. На волосниках же Зачатьевского Алексеевского монастыря представленные фигуры сплетены в едином действии, включены в некую сюжетную сцену. На трех очельях (из пяти), кроме традиционных «древ», уверенно читаются динамичные тератологические композиции. В одном случае изображена схватка единорога с фантастическим животным («драконом») и водоплавающей птицей. Орнаментальный рисунок другого очелья (графически восстановлен по имеющимся на ткани следам от проколов иглой и частично утраченной вышивки) также представляет сцену борьбы. Центральный элемент здесь также «древо», с семилепестковыми цветками. Под его ветвями парно расположены ползущие змеи (?) с загнутыми хвостами, которых единороги побивают копытами.

Сцены схваток на этих очельях нужно, видимо, трактовать как борьбу добра (добродетели) со злом (грехом). Единорог – традиционный в Средневековье символ добра и духовной чистоты. Фантастическое животное, змеи и водоплавающие птицы служат здесь олицетворением злых дел, привычек, черт характера, грехов. Символика змея в народном воображении обычно вмещает всё нечистое, злое, лукавое, вредоносное²². Водоплавающая птица, один из древнейших символов человечества, в ряде легенд и поверий связана с нечистой силой (у западных славян – гусь; в Тульской и Харьковской губерниях в обличье утки могли видеть дьявола, кикимору, водяного)²³.

На уцелевшем крошечном фрагменте очелья третьего волосника сохранилась вышивка, представляющая часть сцены терзающих друг друга птиц (лебедя и кречета?). В фольклоре известен мотив терзания соколом лебедушки, имеющий, вероятно, и свадебный подтекст (как известно, свадебная и погребальная символика тесно переплетены). Несмотря на то, что сюжет терзания птиц в золотном орнаментальном шитье этого периода использовали довольно часто (примерами могут служить образцы шитья, хранящиеся в ГИМе²⁴), на волоснике подобное изображение встречено впервые.

В средневековых мужских захоронениях нередко обнаруживаются остатки рубах. Потому что рубахи были льняными или шились из неокрашенного шелка, а эти материалы в грунте практически не

сохраняются, от них в захоронениях обычно остаются лишь декоративные элементы, выполненные золотными и цветными шелковыми нитями в технике вышивки или плетения. Это ворот (передец с окаймляющим разрез ожерелком и без него), вошва, шлица, манжеты. Помимо орнаментальных элементов вышивки и плетения, в погребениях находят окрашенные шелковые подкладки под декоративные элементы и шелковые полосы, оформлявшие конструктивные швы. Изредка под вышивкой декоративных элементов или внутри отделок обнаруживаются чудом сохранившиеся крошечные остатки тканей самих рубах.

Крой и оформление русской средневековой мужской рубахи были довольно консервативны, многие века они сохранялись практически неизменными. Это дает возможность реконструировать общий облик находимых рубах по уцелевшим декоративным элементам. В зависимости от достатка, рубаха шилась из льняной или шелковой ткани, имела туникообразный покрой с глубоким прямым или косым разрезом на груди без воротника и традиционно украшалась вышитыми или плетеными декоративными элементами. Под декоративные элементы с изнаночной стороны рубахи подшивали подкладки, обычно из красной шелковой ткани в размер декоративного элемента. Нередко узкими красными полосами из лент, ткани или тесьмы оформляли конструктивные швы. С изнанки на плечах и спине могла подставляться подоплека – еще один слой ткани, обычно льняной (рис. 3).

В музейной коллекции ГИМа имеются две целые средневековые рубахи, дошедшие до наших дней. Остальные рубахи получены при раскопках и только во фрагментах. Средневековые мужские рубахи известны по захоронениям XVI–XVII вв. из некрополей в Москве (некрополь Московского Кремля²⁵, Зачатьевского монастыря, усыпальница бояр Романовых Новоспасского монастыря²⁶, некрополь церкви Козьмы и Дамиана на Тверской), Сергиевом Посаде, Суздале (усыпальница князей Пожарских в Спасо-Евфимьевском монастыре²⁷ и некрополь Покровского монастыря), в Кирилло-Белозерском монастыре (усыпальница князей Воротынских²⁸), Нижнем Новгороде. Сейчас известно более 20 средневековых рубах (рис. 3, 4, 5).

²⁵ Кошлякова Т. Н. Мужские рубахи конца XVI – начала XVII в. из погребений царя Федора Ивановича, царевича Ивана Ивановича и князя М. В. Скопина-Шуйского в Архангельском соборе Московского Кремля // Древняя одежда народов Восточной Европы: материалы к ист.-этногр. атласу. М.: Наука, 1986. С. 248–253.

²⁶ Елкина И. И. Одежда, головные уборы и погребальные облачения ... С. 86–97.

²⁷ Ее же. Текстиль из усыпальницы князей Пожарских и Хованских ... С. 230–232 (Прил. 5).

²⁸ Работы под руководством И. В. Папина, 2010 г. Материал не опубликован.

²² Коринфский А. А. Народная Русь: круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М.: Моск. рабочий, 1994. С. 458.

²³ Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. С. 667.

²⁴ Ефимова Л. В., Белогорская Л. Р. Русская вышивка и кружево: собрание ГИМ. М.: Изобраз. искусство, 1982. Рис. 16, 17.

Среди рубах есть фрагменты, происходящие из детских погребений. Их крой, соразмерность и расположение декоративных элементов полностью совпадают с обликом рубахи взрослого человека – отличается только размер. Известны две рубашечки из Суздаля: младенца из гробницы, приписываемой сыну Соломонии Сабуровой, первой жены Василия III, в Покровском монастыре, и мальчика пяти лет из усыпальницы князей Пожарских в Спасо-Евфимьевом монастыре. В грунтовом захоронении Зачатьевского Алексеевского монастыря обнаружены остатки декоративных элементов рубашечки младенца. В двух случаях (детские захоронения XVI–XVII вв. в Новоспасском монастыре и церкви Козьмы

Рис. 3. Реконструкция средневековой рубахи

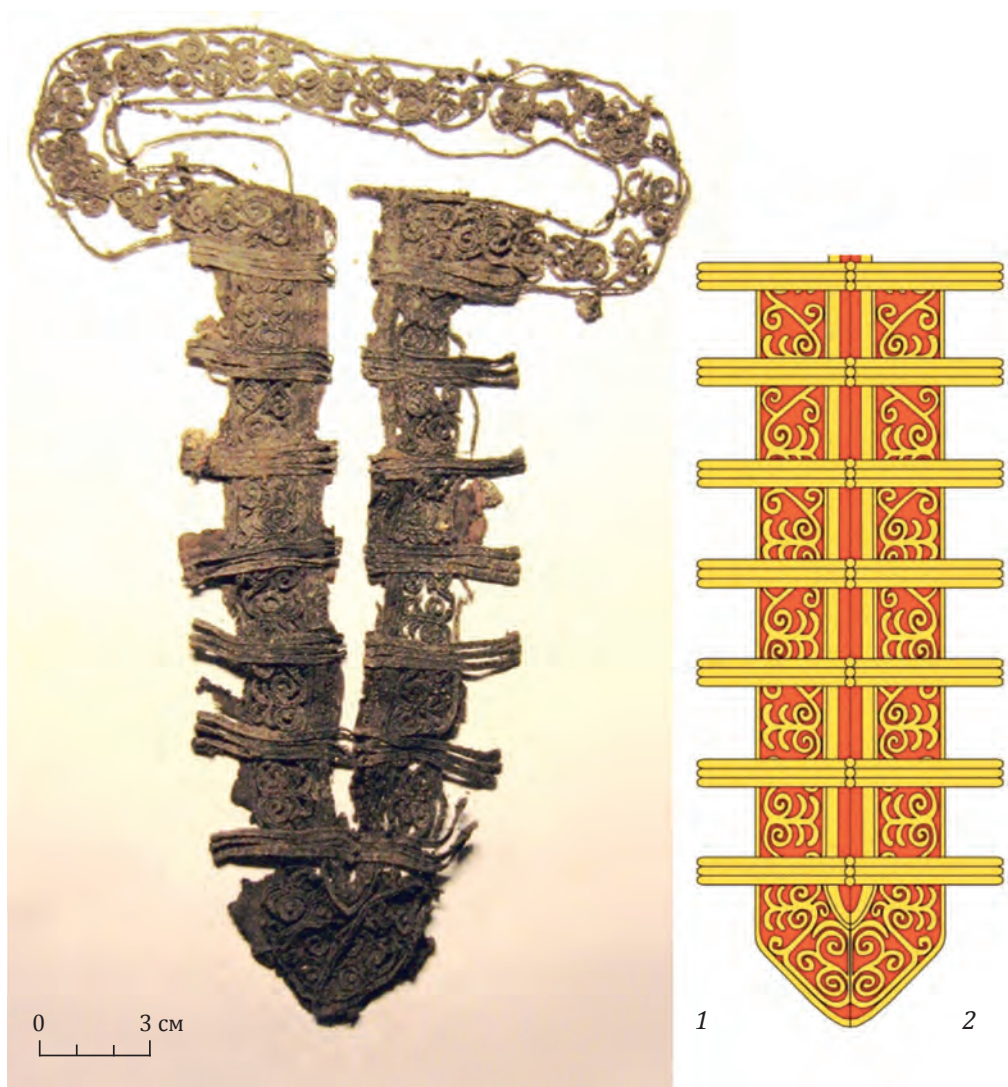

Рис. 4. Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь. Усыпальница князей Пожарских:
1 – декоративная отделка ворота рубахи. Шелк, золотное шитье, плетение;
2 – декоративная отделка ворота рубахи. Графическая реконструкция орнамента

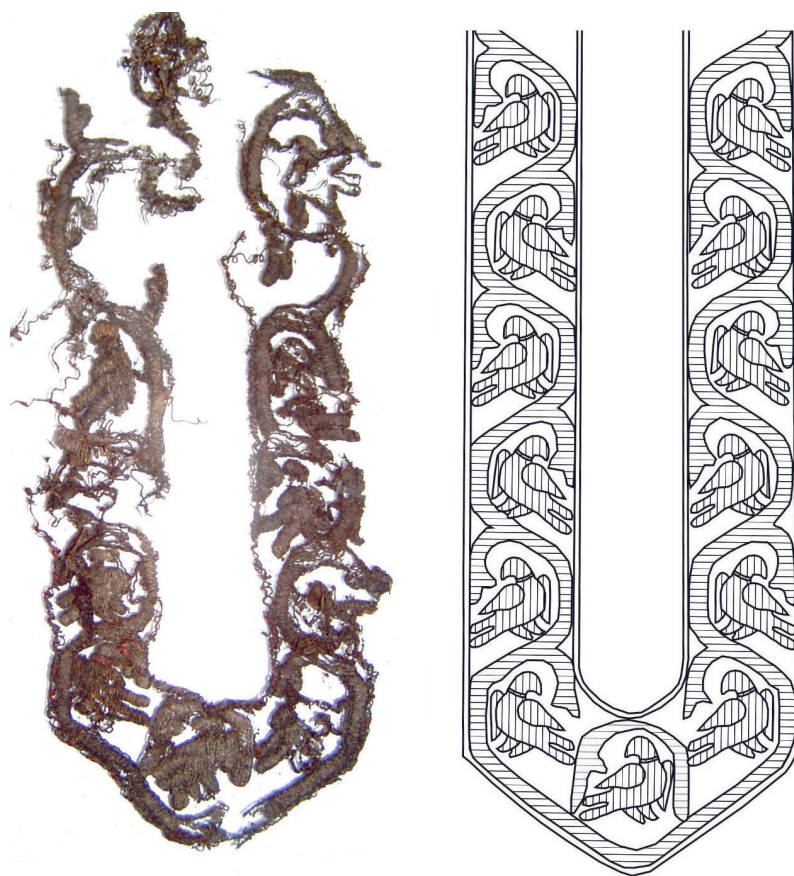

Рис. 5. Некрополь возле церкви Козьмы и Дамиана в Москве:
1 – декоративная отделка ворота рубахи. Шелк, золотное шитье;
2 – декоративная отделка ворота рубахи. Графическая реконструкция орнамента

и Дамиана на Тверской) встречены декоративные элементы рубах, которые были бы несоразмерны пропорциям рубахи ребенка. Вероятно, эти декоративные элементы спороты с пришедшей в ветхость рубахи взрослого, частично укорочены и вторично использованы для украшения детской рубахи.

Несмотря на устойчивость кроя и строго определенное расположение декоративных элементов, каждая рубаха неповторима. Средневековые мастерицы достигали своеобразия, варьируя декоративные элементы и способы их исполнения. Эти элементы выполнены в технике вышивки, с использованием плетеных тесьм и шнуров.

Почти все известные вышивки на рубахах выполнены золотными нитями в технике двойного тамбура. Основными элементами орнамента вышивки тамбуром, использованными для украшения рубах, обычно являются растительно-геометрические мотивы, завитки, S-образные фигуры. Довольно популярным мотивом для рубах является зеркально чередующийся орнамент из элементов «древа

жизни» с ветвями-завитками. Изредка на рубахах встречается исполнение декоративных элементов в технике золотной вышивки в прикреп. Наибольший художественный интерес представляет фрагмент декоративной отделки ворота рубахи из некрополя церкви Козьмы и Дамиана на Тверской в Москве. Основу орнамента составляет изображение зеркально чередующихся золотых птиц в красных ошейниках, сидящих на длинной волнообразной ветви²⁹ (рис. 5).

На сегодняшний день известны три типа оформления русских средневековых мужских рубах в зависимости от выбранного вида декоративных элементов: декоративные элементы со сплошными петлицами; орнамент с периодическими петлицами; орнамент без петлиц.

Археолог и этнограф XIX в. А. В. Терещенко, описывая декор русских рубах в послемонгольский период, заметил, что «воротник и края рукавов вы-

²⁹ Работы под руководством Л. А. Беляева, 2009 г. Материал ранее не публиковался.

Рис. 6. Некрополь возле церкви Покрова на Рву в Москве.
Фрагмент верхней мужской одежды с металлическими пуговицами

шивали красными нитками, шелком, серебром и золотом, смотря по состоянию и званию»³⁰. В публикации текстильных находок в гробницах Архангельского собора Т.Н. Кошлякова уточнила, что четыре известные на тот момент рубахи представителей царствующей династии имеют из декоративной отделки только петлицы, а рубахи высшей знати украшены вышивкой с периодическими петлицами³¹. При анализе рубах из Новоспасского монастыря выяснилось, что их владельцы с периодическими петлицами принадлежали к княжеской аристократии. Периодические петлицы отмечены на всех найденных рубахах из усыпальницы князей Пожарских в Спасо-Евфимиевом монастыре³² и на рубахе князя А.И. Воротынского, захороненного в родовой усы-

пальнице Кирилло-Белозерского монастыря³³. Ворот рубашечки из детского погребения в Зачатьевском монастыре также оформлен вышивкой с периодическими петлицами – возможно, погребенный ребенок принадлежал к княжеской аристократии. Вероятно, лица, не входившие в указанные категории, не имели права носить рубахи с петлицами³⁴.

Несколько погребений дали материал, касающийся декоративного оформления других видов одежды. Так, в мужском погребении возле церкви Покрова на Рву сохранились многочисленные текстильные фрагменты³⁵. Среди них выделялся длинный фрагмент застежки с частым рядом пуговиц (рис. 6). Реконструируя одежду на основе проведенных исследований фрагментов, можно сказать, что на по-

³⁰ Терещенко А.В. Быт русского народа. Репр. изд.: СПб., 1848. М.: Рус. книга, 1997. Ч. I. С. 175.

³¹ Кошлякова Т.Н. Указ. соч. С. 165, 172.

³² Елкина И.И. Текстиль из усыпальницы князей Пожарских и Хованских ... С. 230–233 (Прил. 5).

³³ Работы под руководством И. В. Папина, 2010 г. Материал не опубликован.

³⁴ Работы под руководством Л.А. Беляева, 2008 г. Материал не опубликован.

³⁵ Работы под руководством Л.А. Беляева, 2007 г. Материал не публиковался.

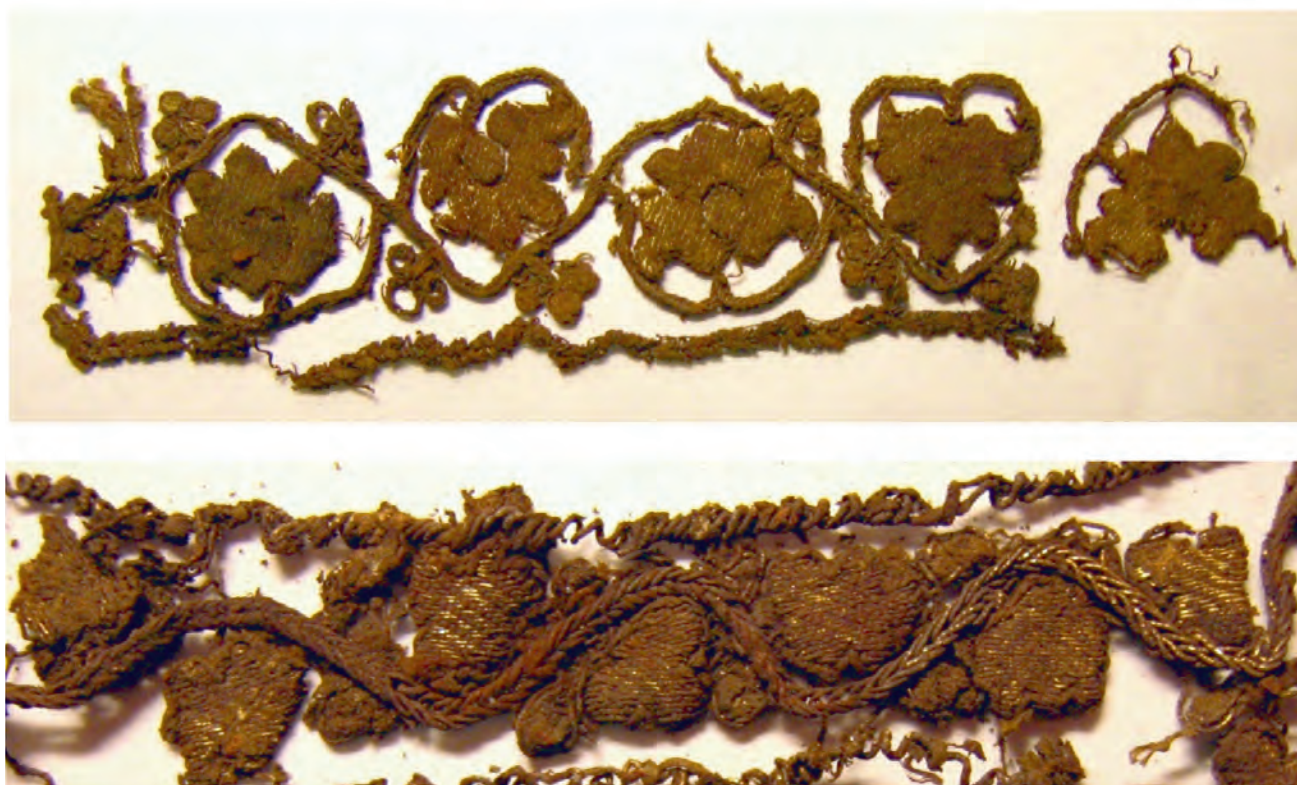

Рис. 7. Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь. Усыпальница князей Пожарских.
Декоративная отделка подола женской одежды. Шелк, золотное шитье

1

2

Рис. 8. Московский Новоспасский монастырь, усыпальница бояр Романовых:
1 – остатки шелкового погребального покрывала Михаила Васильевича Яковля-Захарьина (†1556 г.);
2 – графическая реконструкция орнамента ткани

гребенном была двухслойная распашная мужская одежда, вероятно кафтан. Кафтан шит из плотной шелковой ткани-камки с растительным орнаментом, предположительно окрашенной в красный цвет. Для подкладки была использована тонкая неокрашенная шелковая ткань. Одежда была длиннополая и застегивалась на пуговицы. По краю правой полы шел частый ряд шаровидных позолоченных пуговиц диаметром 1,2 см (как минимум 26 пуговиц), находящихся на расстоянии 1,5 см друг от друга. Пуговицы предварительно были нанизаны на шнур, шитый из той же ткани-камки, что и основная ткань одежды. Шнур потайной. Он был проложен внутри между лицевой тканью-камкой и подкладкой. По краю левой полы находились петли застёжки, выполненные из плетеного в восемь концов четырехгранного шнура. На полы одежды были нашиты вошвы – декоративные элементы, выполненные из светлой ткани с вышитым на них орнаментом. В основе орнамента – ветви с листьями. Вышивка выполнена темными нитями. Форма нашивок (вошв) не реконструируется.

При исследовании усыпальницы князей Пожарских в двух женских захоронениях зафиксированы фрагменты декоративной отделки женской длиннополой одежды (возможно, летник)³⁶. Декоративная отделка представляла собой различной ширины (от 1,5 до 4,5 см) орнаментальные полосы золотного шитья. В основе орнаментов – растительный побег, представляющий собой выющийся стебель с трилистниками и цветами. Для выполнения золотного шитья использовали несколько разновидностей швов: двойной тамбур, шитье в прикреп, стебельчатый шов. Орнаментальные полосы украшали подол одежды и, возможно, манжеты. Сама одежда была шита из светлого шелка (рис. 7).

Помимо фрагментов одежд, в светских захоронениях встречаются текстильные принадлежности погребального обряда: погребальные венчики, погребальные покрывала и саваны. Погребальные венчики в основном изготавливали из полосы тонкой шелковой ткани, чаще всего однотонной, полотняного переплетения или камки, на которой выполнялась вышивка стебельчатым или тамбурным швом. В характере вышивки присутствует некоторая небрежность, указывающая на то, что венчики выполняли наспех, на скорую руку. На большинстве известных венчиков имеются пять или семь изображений голгофского креста, выполненных золотными нитями. Определенный интерес заслуживает погребальный венчик из погребения усыпальницы князей Пожарских. По всей его поверхности вышита надпись молитвы Трисвятое («Святы Боже, Святы крепкий, Святы безсмертный, помилуй нас»). Между словами надписи вышиты три круглых клейма, и

в каждом – голгофский крест с орудиями страстей³⁷.

Погребальные покрывала и саваны представляли собой отрезки тканей. Зафиксированные нами в различных средневековых захоронениях, как правило, в саркофагах, остатки покрывал и саванов в подавляющем большинстве дошли до нас в виде разрозненных фрагментов. Как правило, это части тонких шелковых тканей, чаще всего узорной камки. Наиболее показательный пример – отрез дорожной венецианской камки, погребальное покрывало Михаила Васильевича Яковля-Захарьина (†1556 г.) из усыпальницы бояр Романовых Новоспасского монастыря³⁸. В результате проведенных исследований текстильных остатков орнамент на этой ткани удалось полностью реконструировать (рис. 8). Узор представляет собой симметричную композицию, состоящую из вазонов с растительными кольцеобразными гирляндами. Контур вазонов образованы двумя обращенными друг к другу дельфинами, между которыми помещена стилизованная раковина. Кольца соседних гирлянд в местах пересечения соединены декоративными перехватами в виде корон. Внутри гирлянд и между вазонами расположены кольца меньшего размера, в которых находятся стилизованные плоды. Орнаментальные изображения корон и вазонов, тщательная проработка деталей, а также использование чешуйчатых (треугольники) и шашечных элементов характерны для венецианских тканей. Прямые аналоги – подкладки покрывал на царские гробницы Архангельского собора из собрания Оружейной палаты³⁹.

Еще одним ярким примером из той же усыпальницы является погребальное покрывало Татьяны Федоровны княгини Катыревой-Ростовской (†1611 г.)⁴⁰. Покрывало дошло до нас практически целым и представляет собой отрез турецкой золотной парчи рубежа XVI–XVII вв. длиной 167 см и шириной 69 см. Ткань имеет крупный раппорт (50×70 см), характерный для восточных тканей того времени. Узор составлен из золотых островальных клейм, образующих регулярную решетку на малиновом фоне. В одном клейме расположен большой стилизованный тюльпан, на фоне которого изображен букет с тремя маленькими тюльпанами, в другом – плод граната с маленькими цветками гвоздик, анемонов, листьями и бутоном шиповника. Контур решетки в местах переплетения украшены декоративными перехватами. В древнерусском быту рисунок получил наименование «купы»

³⁷ Там же. С. 234, 237.

³⁸ Елкина И. И. Одежда, головные уборы и погребальные облачения ... С. 110.

³⁹ Клейн В. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII века, и их терминология // Сборник Оружейной палаты. М.: Оружейная палата, 1925. С. 57–58.

⁴⁰ Елкина И. И. Одежда, головные уборы и погребальные облачения ... С. 111.

³⁶ Елкина И. И. Текстиль из усыпальницы князей Пожарских и Хованских ... С. 233–234, 236–237 (Прил. 5).

Рис. 9. Московский Новоспасский монастырь, усыпальница бояр Романовых. Погребальное покрывало Татьяны Федоровны, княгини Катыревой-Ростовской (†1611 г.)

(аналогичный рисунок решетки архитектурных сооружений называли «купчатым»⁴¹). Внутри решетки проходит цветной линейный орнамент в виде гирлянды цветов (рис.9).

Изученные нами погребальные покрывала в основном происходят из захоронений зажиточных

⁴¹ Восточные и европейские ткани в собрании Государственного исторического музея. М.: ГИМ. С. 4.

людей, это остатки дорогих шелковых и парчовых тканей. Можно предположить, что представители небогатого сословия использовали в качестве погребальных покрывал и саванов более дешевые ткани из растительных волокон. Возможно, такие покрывала в захоронениях не фиксируются из-за полного разрушения таких тканей в грунте. Отмечены несколько случаев использования шерстяной ткани в качестве савана, но такие примеры единичны (видимо, и это связано с факторами сохранности). Так, в деревянной колоде некрополя Кирилло-Белозерского монастыря обнаружен погребенный, замотанный в саван из шерстяной ткани полотняного переплетения⁴².

Другой категорией текстильных предметов из средневековых погребений являются части монашеских облачений. Остатки таких облачений XVI–XVIII вв. сравнительно хорошо сохранились в захоронениях Моисеевского⁴³ и Зачатьевского Алексеевского монастырей (Москва), собора Ново-Иерусалимского монастыря, Савватьевского монастыря Тверской области, где на принадлежность погребенный монашествующим подчас дополнительно указывают: кирпич под головой⁴⁴, четки и остатки монашеской кожаной обуви (калиги).

В грунтовых монашеских захоронениях иногда сохраняются фрагменты грубой темной ткани или следы органического тлена от одежды; в одном из захоронений Зачатьевского Алексеевского монастыря следы ткани зафиксированы в виде окислов на железных веригах. В целом текстильные остатки из монашеских захоронений дают следующую картину: ткани монашеских риз ткали из грубой неокрашенной шерсти темной (черной) овцы, на горизонтальном ткацком стане, в домашних условиях. Ткань полотняного переплетения, плотность нитей колеблется от 8 до 12 н/см. Нити Z крутки, неравномерные по толщине.

Из категории монашеского облачения выделяются великосхимнические одежды. В состав одежды великосхимника, в отличие от одежд малосхимников и новоначальных, входили аналав (плат с изображением креста в ширину плеч и длиной от шеи до носков обуви) и куколь. Только эти детали монашеского облачения украшали цветной вышивкой или нашитыми цветными изображениями крестов.

Захоронения монахинь-схимниц обнаружены при археологических исследованиях Моисеевского мона-

⁴² Работы под руководством И. В. Папина, 2010 г. Материал не опубликован.

⁴³ Векслер А. Г., Беркович В. А. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы. М.: Наука, 1999. С. 213–217.

⁴⁴ Библиография: Беляев Л. А. Камень под головой и лестница в небо: археология, иконография, источник // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. М., 2011. Вып. 2 (5). С. 72–84.

стыря на Манежной площади в 1995 г.⁴⁵ (рис. 10). В восьми дубовых гробах-колодах прекрасно сохранились принадлежности облачений великосхимниц, в том числе аналавы. Найденные аналавы выполнены из грубой шерстяной ткани черного цвета. Поверхность заполнена широкими стежками (до 2,5–3,0 см) вышивки толстыми некручеными цветными шелковыми нитями. Композиция изображений на всех аналавах канонична. В центре изображен голгофский крест, по обеим сторонам которого расположены архангелы. В подножии креста – глава Адама, а под ней условное изображение лежащей в гробу схимницы (?). Над крестом херувимы и символическое изображение Храма Небесного. По краям аналава в виде четырехугольной рамы вышита надпись молитвы «Свят, свят, свят. Святой Боже, Святой крепкий, Святой бессмертный, помилуй нас». На одном из аналавов вместо надписи дан зигзагообразный орнамент.

Одно захоронение великосхимника в белокаменном саркофаге изучено в храме Савватьевского монастыря Тверской области⁴⁶. В момент открытия саркофага на всей поверхности костяка фиксировались многочисленные текстильные остатки. К сожалению, сохранность текстиля была крайне неудовлетворительной. Это длиннополая одежда с длинными рукавами (не исключено наличие нескольких одежд, как минимум двух, надетых одна на другую, но шитых из одной и той же ткани). По верхнему слою ткани (аналав?) в центральной части одежд местами отмечена вышивка цветными толстыми некручеными нитями шелка. Рисунок вышивки реконструируется частично: в центральной части аналава (грудной отдел позвоночника) виден фрагмент верхней части голгофского (?) креста в ореоле (?). Фрагменты вышитых равноконечных крестов были видны в районе тазовых костей. Вышивка выполнена крупными стежками толстыми цветными некручеными нитями шелка.

Вышивка толстой цветной нитью по темной шерстяной ткани с использованием швов «гладь», «перекрещенный русский шов», «тамбур» с характерными длинными стежками применялась для украшения аналавов великосхимников всего периода Средневековья и в более позднее время (аналогии: схи́ма Ивана Грозного, аналав св. Анны Кашинской, аналав от схимы преп. Сергия).

Захоронения двух поименно известных монашествующих XVII в. изучены в Ново-Иерусалимском монастыре⁴⁷. В захоронении архимандрита Варсо-

Рис. 10. Московский Моисеевский монастырь.
Аналав великосхимницы.
Шерсть, вышивка шелком

⁴⁵ Векслер А. Г., Беркович В. А. Указ. соч. С. 213–217.

⁴⁶ Савватьевский монастырь, д. Савватьево, Калининский район Тверская область. Раскопки 2009 г. под руководством А. Н. Хохлова. Материал не опубликован.

⁴⁷ Раскопки Л. А. Беляева, 2012 г. Материал не опубликован. Общие обзоры по работам: Беляев Л. А. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь: археология и вопросы реставрации // Реставрация и исследования па-

нофия, при котором завершалось строительство Воскресенского собора (†1680 г.), обнаружены многочисленные текстильные фрагменты – остатки церковного облачения. На черепе находился очень плохой сохранности шерстяной клобук (головной убор из двух предметов – камилавки и покрова, или мафория, он же кукуль, с тремя длинными концами-воскрилиями), шитый из плотной шерстяной ткани. По конструктивным швам проходит дополнительно двойная строчка шелковыми нитями. Край очелья окантован плетеным шнуром. Несмотря на фрагментарность, можно уверенно определить форму клобука как древнюю, сферическую, имевшую символическое значение «шлема спасения» и «покрывала послушания». Нижняя часть покрывала, разделяющаяся на три длинных конца, знаменует Троическую благодать, которая покрывает помыслы монаха. Использование плотной ткани было вызвано необходимостью защиты головы во время ненастья. У монахов издавна существовал обычай завязывать концы мафория (кукуля) под подбородком в холодную и ветреную погоду, а также для того, чтобы клобук, снимаемый в определенные Уставом моменты богослужения, не занимал рук. Современная форма монашеского головного убора состоит из цилиндрической камилавки, обтянутой шелком, и из легкого мафория – позднего происхождения, она принята русской Церковью от греков в эпоху патриарха Никона.

В момент захоронения архимандрита боковые воскрилия мафория (кукуля) были сложены над лицом. При изучении текстильных остатков мафория под воскрилиями обнаружили остатки вышитого цветным шелком параманда (принадлежности облачения монаха) с изображением креста и орудий страстей. Параманд покрывал непосредственно лицо погребенного. Погребенный был облачен во власяницу – темную одежду из довольно грубой ткани, сотканной из шерсти овцы. Об этом свидетельствуют ее многочисленные остатки на костяке погребенного. Над власяницей находилась сильно фрагментированная епитрахиль, шитая из рытого бархата (в орнаменте которой угадываются мотивы «восточных огурцов») и шелковой камки. Нижний край епитрахили был украшен цветными шелковыми кистями. На руках сохранились поручи, шитые (аналогично епитрахили) из бархата и шелковой камки. На груди погребенного помещался деревянный наперсный крест на плетеном шелковом шнуре. Сохранившаяся кожаная обувь была надет на онучи, шитые из темной шерстяной ткани.

В погребении архимандрита Германа (†1682 г.), любимого ученика архимандрита Никона, из тек-

стильных предметов сохранился лишь параманд – прямоугольный плат с вышитым изображением голгофского креста и орудий страстей. По контуру параманда проходит текст молитвы. Вышивка выполнена в технике золотного шитья в прикреп. Параманд покрывал лицо погребенного (рис. 11: 1).

Остатки подобного параманда в виде фрагмента центральной части с изображением восьмиконечного креста с орудиями страстей был обнаружен на лицевой части черепа погребенного в одном из захоронений усыпальницы князей Пожарских в Суздале⁴⁸. Он выполнен в аналогичной технике золотного шитья в прикреп цветными шелковыми нитями. Под крестом изображена глава Адама, в левой части, возле копия, сохранились буквы IC и NIK.

В городских культурных слоях XVI–XVII вв. при археологических исследованиях в центре Москвы получен ряд текстильных находок, в основном представляющих собой разрозненные текстильные фрагменты. Подавляющее большинство таких находок (фрагменты тканей, тесьм, лент) относятся к остаткам одежды и бытовых предметов простых горожан, это продукция домашнего ремесла. Чрезвычайно показателен простой текстиль, выявленный между двумя пожарными прослойками Романова двора в Москве (что, видимо, и обеспечило сохранность предметов)⁴⁹ (рис. 11: 2–3).

Эти небольшие бесформенные фрагменты обогащают знания о текстиле, бытовавшем в среде простых горожан, о его разновидностях по типу волокон, цвету, структуре, способам украшения. Среди фрагментов есть шерстяные светлые и темные неокрашенные ткани, а также ткани, волокна которых были окрашены растительными красителями в желто-зеленый и красновато-коричневый цвета. На некоторых фрагментах сохранились ровные края от ножниц и следы проколов иглой. Это, вероятно, фрагменты одежды ремесленников.

Помимо фрагментов тканей, в слоях встречаются остатки тканых поясов и лент, тесьм, плетеных и витых шнуров. В основном это продукция домашнего ремесла, выполненная в различных техниках: технике тканья на бердечке или на квадратных дощечках, в технике полутканья или плетения.

Довольно часто в городских слоях встречаются фрагменты вязаных изделий, обычно рукавиц и чулок. Для их изготовления использовали очень древнюю технику вязания по спирали костяной иглой с отверстием. В Средние века вязали чулки – «копытца» в виде мешка без пятки, такие как фрагмент чулка из Зарядья.

⁴⁸ Елкина И. И. Текстиль из усыпальницы князей Пожарских и Хованских ... С. 238 (Прил. 5).

⁴⁹ Ее же. Текстильные находки и плетеные изделия // Археология Романова двора. Предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках М.: ИА РАН, 2009. С. 151–161. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12).

мятников истории и культуры. М., 2012. Вып. 5. С. 23–30; Его же. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь как памятник археологии начала Нового времени // РА. 2013. № 1. С. 30–41.

0 3 см

Рис. 11. Монашеские параманды:

1 – Ново-Иерусалимский монастырь. Захоронение Германа. На лице погребенного остатки параманда.

Шелк, золотное шитье;

2–3 – Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь. Остатки параманда (2 – in situ, 3 – после реставрации).

Шелк, золотное шитье

Рис. 12. Москва, Романов двор.
Шерстяной чулок. Вязание

Археологические текстильные находки не только корректируют, но порой и опровергают устоявшиеся мнения. К примеру, считалось, что чулки с пяткой появились только на рубеже XIX–XX вв.⁵⁰. Но среди найденных вязаных изделий на территории Романова двора встречен чулок с высоким голенищем. Это доказало, что пятка на чулке вывязывалась уже в XVII в. (рис. 12). Считалось также, что техника вязания спицами и крючком пришла в Россию с Запада не ранее XVIII в. Но небольшой вязаный спицами фрагмент с того же раскопа убеждает, что такой техникой вязания в Москве владели уже в XVII в.

Романов двор дал еще один интересный текстильный предмет. Возле одной из обнаруженных печей конца XVI в. был найден бесформенный комок земли, в котором угадывались текстильные остатки с сильным голубым налетом медных окислов. В ходе реставрации удалось установить, что остатки эти – фрагменты декоративных нашивок-петлиц с пуговицами, ранее украшавших верхнюю мужскую одежду (кафтан?). Сама одежда истлела, но петлицы сохранились, так как сделаны на ленте, сотканной из металлических нитей. Лента шириной 10 мм выполнена на ремизном устройстве и имеет геометрический орнамент. Уцелело 11 фрагментов петлиц с застежкой и 8 фрагментов петлиц с петлей. Сохранившиеся пять пуговиц диаметром 8 мм изготовлены путем обмотки округлой деревянной (?) болванки золотной нитью. Образец декоративной отделки верхней мужской одежды с петлицами получен при археологических работах впервые.

Изучение нового текстильного материала в будущем при археологических раскопках даст новую информацию и пополнит наши знания о поздне-средневековом текстиле.

⁵⁰ Соснина Н., Шангина И. Указ. соч. С. 352–353.

I. I. Elkina

Textile in Muscovy of the 16th – 17th cc. According to the Archaeological Data

Key words: textile, fabric, preservation, garments, decorative trimming, ornaments, technique, reconstruction, Muscovy, monastery.

Abstract: Archaeological textile is an important and wide source of information. The textile material from the archaeological excavations of the late medieval sites on the territory of Moscow, Suzdal, Kirillov, Tver,

Nizhny Novgorod, New Jerusalem, Pereslavl-Zalessky, Vyazma and many other places gave us a chance to supply our knowledge of the existed types of textile; of domestic weaving, knitting, embroidering and plaiting techniques; textile items production process; make-up of temporal and monastic garments; status of the buried; the unknown earlier types of ornaments; decoration styles of clothes and other textile items of clerical and domestic purposes in Muscovy.

Процесс европеизации русского коженно-сапожного ремесла

Одной из основных тем современной медиевистики является повседневная жизнь средневекового города, одежда горожан, их быт, материальная культура. По мере накопления изделий из кожи, массово встречающихся в городах с «мокрым слоем», совершенствуется методика изучения этой категории археологических находок, что делает ее ценным историческим источником для характеристики быта, повседневной жизнедеятельности, норм городского общежития, вопросов демографии и т. д.

При возрастании объема и интенсивности обработки коллекций кожаных предметов на смену эмпирическому подходу приходят аналитические разработки, полученные методом комплексных исследований, учитывающих данные письменных источников, этнографического материала, образцов реалистических изображений и данных физико-механических и химических анализов коженного сырья.

Существенно расширившаяся за последнее время география находок и хронологические рамки археологических коллекций позволяют делать определенные историко-культурные обобщения. Однако отдельные положения, в частности периодизация процесса развития русского коженно-сапожного ремесла, оценивается отечественными исследователями неоднозначно¹. Так, в ряде работ А. В. Курбатова утверждается, что европеизация начинается не с реформ Петра Великого, а, по крайней мере, на столетие раньше². Усиление влияния западной техники, технологии и моды на русское коженно-обувное производство исследователь прослеживает уже со второй половины XVI в. Именно тогда, по его мнению, начинается выделка новых сортов кож (сафьян), изменя-

ется техника раскроя и пошива обуви, появляются новые модели, распространяется европейская мода³.

С такой периодизацией развития коженно-обувного ремесла трудно согласиться, поскольку одни положения, на мой взгляд, нуждаются в пересмотре, а другие отражают специфику археологических коллекций отдельных памятников, не характерную для всей остальной территории Русского государства. Рассмотрим представленные выше положения по порядку.

1. Выделка сафьяна⁴

Одним из признаков нового этапа развития коженно-сапожного ремесла, который начинается со второй половины XVI в., А. В. Курбатов считает расширение сортамента кож за счет появления сафьяна. Однако в письменных источниках самое раннее упоминание этого термина относится к первой половине XVI в. «А что есми взять у Ивана жъ саблю да съедло сафьян жолт...»⁵. Позднее в дворцовом хозяйстве Алексея Михайловича появляется первый сафьянный завод: «По указу великого государя сафьянного дела двор со всякими заводи и с мастерами...»⁶. Однако из-за низкой рентабельности и плохого качества кож государевы мастерские были закрыты, поэтому на протяжении всего XVII в. сафьяны в России были преимущественно привозными⁷.

³ Его же. Коженно-сапожное ремесло в средневековой России: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06. СПб., 2012. С. 215.

⁴ В настоящее время под этим термином понимается козлиная кожа, дубленая сумахом и окрашенная в яркий цвета.

⁵ Владимирский сборник: материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / сост. К. Н. Тихонравов. М., 1857. С. 130. 1535 г.

⁶ Крепостная мануфактура в России. Л., 1932. Ч. 3. С. 63 (№ 23). Акты Кадашевской слободы. 1676 г.

⁷ Книги Московской большой таможни – Новгородская, Астраханская, Малороссийская, 1693–1694 // Труды ГИМ. М.: Сов. Россия, 1961. С. 65, 67.

¹ Осипов Д. О. Коженно-сапожное ремесло Великого Новгорода X–XVII вв.: (комплексное исследование): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06. М., 2012. С. 38.

² Курбатов А. В. Коженное сырье, техническое обеспечение его выделки и сортамент кож средневековой Руси // Stratum plus, 2010. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2010. № 5. С. 211–213.

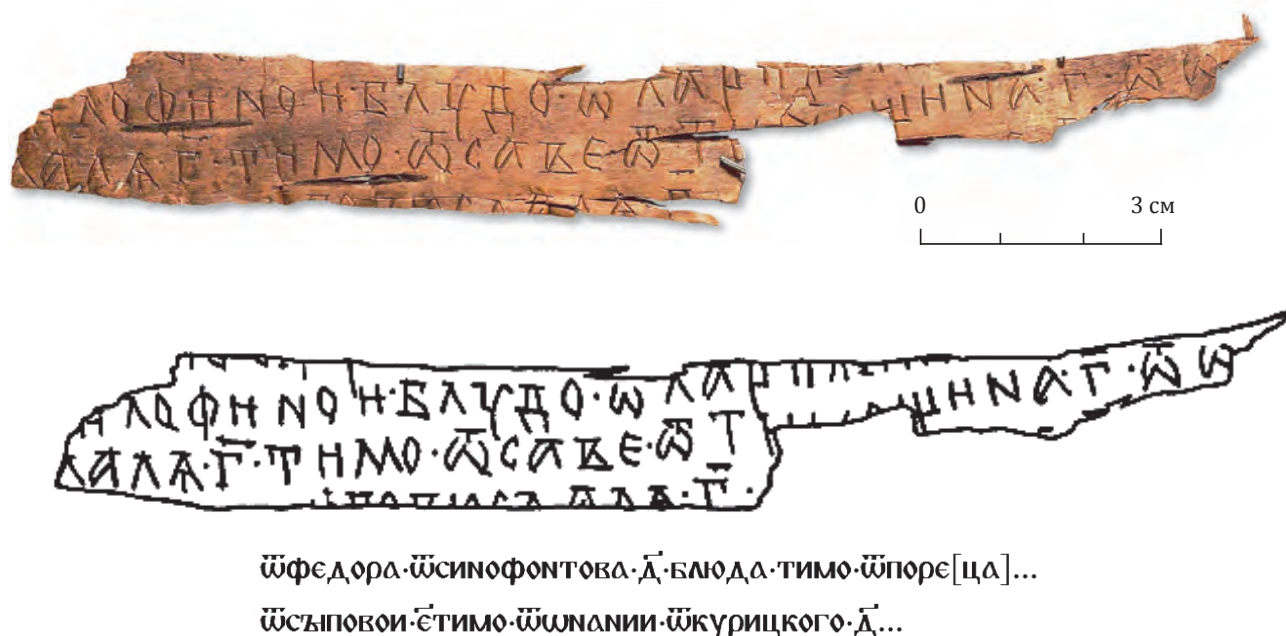

Рис. 1. Берестяная грамота № 261

В то же время аналогичный товар, именуемый «тим» (тимо), изготавливался русскими кожевниками, по крайней мере, со второй половины XIV в. В новгородских берестяных грамотах № 261–264⁸, со стратиграфической датой – 70–90-е гг. XIV в.⁹, термин «тим» обозначает тонкую мягкую кожу с гладкой лицевой поверхностью, окрашенную в яркие цвета (рис. 1).

Согласно новгородским писцовым книгам, в 80-е гг. XVI в. в городе работало не менее восьми тимовников, а также существовали мастера, шившие тимовую обувь. В значении сорта кожи «тим» употребляется в расходной книге Софийского дома 1601 г.: «Дано Вешняку звонцу за тимъ и за подошвы за приклад шесть алтын две денги, а делал он митрополиту войлочные сапоги»¹⁰.

Первым идентифицировать русского «тима» и персидского «сафьяна» отметил А.В.Арциховский¹¹, впоследствии об этом же писали В.Л.Янин¹² и А.А.Зализняк¹³. Кроме тима, в это же время быто-

вал аналогичный товар, именовавшийся «кордуан» (в древнерусской форме кондуван). Такое название, по мнению М.Фасмера, произошло от испанского города Кордовы, где он производился¹⁴. Появление этого термина И.С.Вахрос относит к XV в.¹⁵. В XVIII в. тисненый сафьян в русском языке фигурирует как «Марокен ... из Прованса»¹⁶.

Таким образом, на основании анализа письменных источников становится очевидным непрерывное бытование одного и того же кожевенного товара, известного на протяжении четырех столетий (XIV–XVIII вв.) под разными наименованиями, зависящими от места его производства. Благодаря длительному и обширному экспорту этого товара из Персии в русском языке окончательно закрепляется термин сафьян (перс. сахтийян).

Нельзя исключать, что технологии изготовления тима, сафьяна, марокена или кордуана имели незначительные отличия. Однако из этого никак не следует, что появление сафьяна в России можно датировать второй половиной XVI в. Еще менее с этим связано усиление влияния западной технологии, тем более что конкретно сафьян, как было отмечено выше, привозился из Персии.

⁸ Все три грамоты происходят с усадьбы «Е» Неревского раскопа и являются частью одного документа.

⁹ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Языки рус. культуры, 1995. С. 510, 511.

¹⁰ Актовые книги Государственной археографической комиссии // Архив СПбИИ РАН. № 36. Л. 19.

¹¹ Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1956–1957 гг. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 89.

¹² Янин В.Л. Я послал тебе бересту... Изд. 2-е, испр. и доп. новыми находками. [М.]: Изд-во Моск. ун-та, 1975. С. 140–142.

¹³ Зализняк А.А. Указ. соч. С. 510–511.

¹⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 3-е изд., стереотип. СПб.: Азбука; Терра, 1996. Т. 2. С. 324.

¹⁵ Вахрос И.С. Наименования обуви в русском языке. Хельсинки, 1959. С. 114.

¹⁶ Савари де Брюлон Ж. Экстракт Савариева Лексикона о коммерции / По требованию Государственной Комерц-коллегии с французского на российский язык переведена сия книга, Академии наук секретарем Сергеем Волчковым ... [СПб., 1747]. С. 804.

2. Появление европейской обуви

Европейское влияние на русское кожевенно-сапожное ремесло было прослежено А. В. Курбатовым при подготовке им кандидатской диссертации, где исследователь обобщил материалы ряда археологических памятников, расположенных на территории северо-запада России¹⁷. Для того чтобы выявить субъективность такого подхода, следует понять, на каких же конкретно памятниках А. В. Курбатовым было зафиксировано внедрение западных технических приемов и появление обуви европейских фасонов. Это Ивангород, Орешек, Полоцк и Псков – крупные города и города-крепости, расположенные в приграничных территориях. Одни из них (Ивангород, Полоцк и Орешек) меняли свою политическую подчиненность, а другие (Псков) испытывали сильное западноевропейское влияние, которое прослеживается во всех сферах материальной культуры.

¹⁷ Курбатов А. В. Кожевенное производство в городах северо-западной России XV–XVII вв.: дис. ... канд. ист. наук.

Список городов, где вместе с изменением политической подчиненности происходит смена культурных традиций, дополняет Смоленск. Именно это демонстрируют коллекции «археологической кожи», собранные экспедицией ИА РАН на территории Пятницкого конца Смоленска в 2011–2012 гг.¹⁸. Если обувные модели XII–XIV вв. никак не отличаются от обуви аналогичного времени из Владимира, Великого Новгорода, Москвы или Ярославля, то в напластованиях первой половины XVII столетия доминирует низкая обувь европейского типа (рис. 2, 3). В этот же период появляются новые технические приемы, обусловленные влиянием Великого княжества Литовского. Получение городом по указу короля Сигизмунда III магдебургского права способствовало развитию цеховых организаций, деятельность которых маркирует обширная коллекция обувных клейм, появившихся в других русских городах на полстолетия позже (рис. 4).

¹⁸ Осипов Д. О., Соболев В. Е. Коллекция кожаной обуви из раскопок в Смоленске // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2014. Вып. 10. С. 345–361.

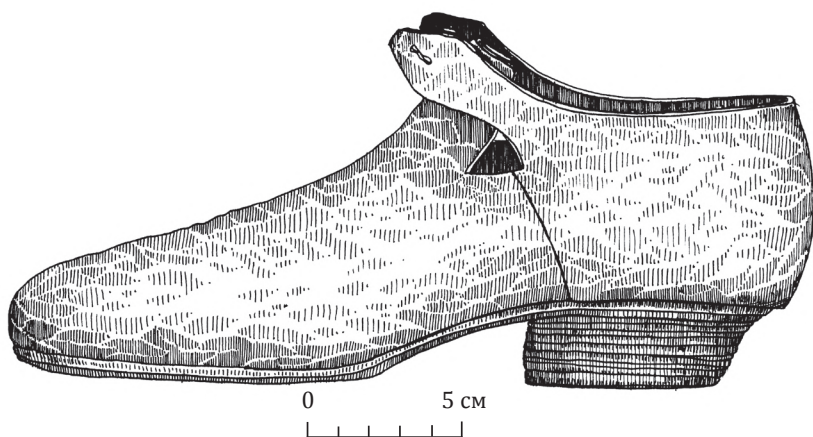

Рис. 2. Туфля с узким длинным язычком. Смоленск, первая половина XVII в.

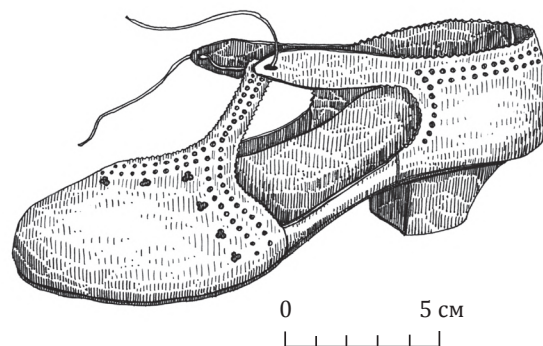

Рис. 3. Туфля с язычком и черезподъемными ремешками. Смоленск, первая половина XVII в.

Рис. 4. Обувные клейма. Смоленск. 30–40-е гг. XVII в.

На остальной территории России материалы археологических коллекций XVII в. демонстрируют продолжение развития традиционных русских моделей и технологий. Следы каких-либо массовых инноваций там не прослеживаются, а разнообразие обувных фасонов (форма носка, новые виды декора) можно отнести к течениям моды, не затрагивающим основных принципов технологии раскроя и сборки. Не происходит в это время и качественного изменения кожаного товара, как это случается в конце XIII в., после того, как Русь становится частью Улуса Джучи. На рубеже XIII–XIV вв. под влиянием контактов со странами Востока русские кожевники осваивают новые технологии киселевания и залички, благодаря которым была освоена выделка толстых кож.

Таким образом, в XVII столетии на большей части российской территории не происходит каких-либо существенных изменений в технике раскроя и сборки обуви, вызванных появлением новых видов кожаного товара, как это было на рубеже XIII–XIV вв.

3. Изменения моды

Обувные коллекции, собранные при раскопках русских городов, наряду с данными письменных источников указывают на то, что в XV–XVI вв. проникновение западноевропейских черт в costume было эпизодическим или опосредованным и затрагивало лишь верхушку общества, никак не сказываясь на внешнем облике широких слоев населения.

В частности, обувь с заостренным и сильно вытянутым, так называемым копьевидным носком, являющаяся репликой на французские *poulaine*, была зафиксирована только в коллекциях названных выше Пскова, Полоцка, Ивангорода (рис. 5). На

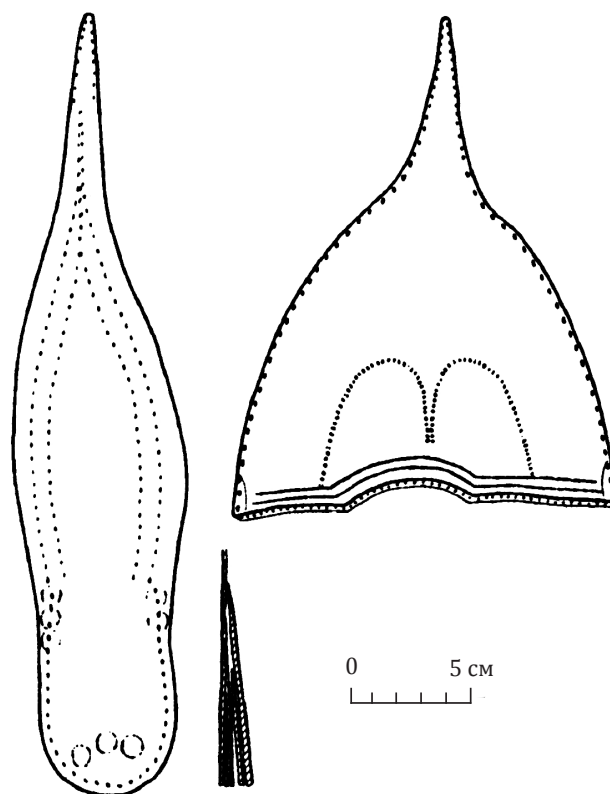

Рис. 5. Детали сапог с копьевидным носком. Псков, конец XV в.

Рис. 6. Сапоги с заостренным и вытянутым носком. Москва, рубеж XV–XVI вв.

Рис. 7. Ван Эйк. Портрет Джованни ди Николао Арнольфини с женой. 1434 г.

остальной территории России сапожные головки имеют гораздо меньшую (в сравнении с *poulaine*) длину носка, не превышающую 2,5 см (рис. 6). Такая обувь, несомненно, появившаяся под влиянием французско-бургундской моды позднеготического времени, распространялась в среде небольшого количества состоятельных горожан. Подобные фасоны не получили широкого распространения в России. Просуществовав не более одного поколения, они окончательно исчезают к началу XVI в.

Если бы влияние европейской моды на формирование русского костюма в допетровскую эпоху было значительным, как это видится А. В. Курбатову, то в обувных коллекциях русских городов XVI–XVII вв. присутствовали бы образцы так называемой внешней или предохранительной обуви (*patterns, clogs, galoshes*). В частности, деревянные патины широко были широко распространены в Европе с середины XV в. В это время пробковая подошва-платформа повышается к заднику, образуя каблук. В Северной

Европе подобная обувь отражена на портрете Джованни ди Николао Арнольфини (рис. 7) кисти Якоба ван Эйка (1434 г.). То же можно сказать и об обуви с тканевым верхом, широко распространенной в странах Западной и Северной Европы в XVI в. Однако о существовании в указанный период подобных моделей в русских городах никаких сведений нет.

Европейское влияние испытывало мощное сопротивление даже среди верхушки русского общества. И хотя отдельные представители столичной знати при Борисе Годунове могли носить польский или венгерский костюм, их многочисленные противники видели в этом угрозу для независимости государства и православной веры.

Лишь после воцарения Романовых движение в сторону Запада становится более уверенным, но и тогда оно сдерживалось определенными ограничениями. Так, будущий царь Алексей Михайлович, с детских лет носивший короткие (немецкие) епанчи и кафтаны, вступив на престол, был вынужден

уступить требованиям духовенства и вернуться к традиционной русской одежде¹⁹. Пресечению возобновившихся попыток следования европейской моде посвящен и один из последних царских указов Алексея Михайловича от 1675 г.: «...стольникам, стряпчим и дворянам московским и жильцам повелено было... чтоб они иноземских, немецких и иных избычаев не перенимали, волосов у себя на голове не постригали, тако ж и платья, кафтанов и шапок с иноземским образцом не носили и людям своим потому ж носить не велели; а буде кто впредь учнет волосы постригать и платья носить с иноземного образца, или такое ж платье объявится на людях их, и тем от великого государя быть в опале и из высших чинов написаны будут в нижние чины»²⁰.

Еще одна попытка следовать европейской моде происходит в короткое правление Федора Алексеевича Романова, предусматривавшего, в частности, новый регламент кроя «служивого платья»: «В лето 7189 [1680] октября в 22 ... боярам, окольным, думным служилым людям и всякому чину древнюю одежду – однорядки и охабни – не носить, а указал носить всякому чину служивое платье: кафтаны на подъем [короткие]»²¹.

¹⁹ Рабинович М. Г. Одежда русских XIII–XIV вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М.: Наука, 1986. С. 108.

²⁰ ПСЗ. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 1. № 607.

²¹ Там же. Т. 4. № 1830.

Новые преобразования также столкнулись с серьезным сопротивлением, что подчеркивают высказывания Сильвестра Медведева, писавшего: «Иностранных обычаев, чинов председательства и чети званием, не слыханным в своем государстве, именовати, такожде в одеждах и в обувах, и в пищи и в питии отнюдь вновь и внезапно вводити не подобает»²².

Лишь во время правления Петра Великого лихорадочный рывок на Запад, названный исследователями «революционной вестернизацией», окончательно узаконил отказ от традиционных форм русской культуры. Костюму в системе проводимых в стране реформ отводилась особая роль. С 1701 по 1724 г. в России было издано семнадцать различных указов, регламентирующих правила ношения одежды европейского образца, что способствовало ее окончательному утверждению в быту российских дворян, чиновников и военных.

Результаты этих реформ подтверждает массовый археологический материал, где широко представлены модели низкой обуви (башмаки, туфли), изготовленные по европейским технологиям, что характеризует новый этап в развитии российского кожевенно-обувного производства.

²² Прозоровский А. Сильвестр Медведев (его жизнь и деятельность). М., 1896. С. 37–38.

D. O. Osipov

Europeanization of the Russian Leather and Shoemaking Crafts

Key words: household archaeology, shoemaking craft, costume history, European fashion in Russia in the 15th – 16th cc.

Abstract: The article reconsiders the hypothesis of early Europeanization of leather and shoemaking crafts in Russia, which was introduced by A. V. Kurbatov. Marked

by him increase in the influence of western techniques, technology and fashion on the Russian leather and shoemaking crafts was traced only in the borderline towns and does not expand on the most parts of Russia. Episodic penetration of the Western European features in the costume of the 15th – 16th cc. also affected only the top of the society with no impact on the look of people at large.

История в ремесленной традиции: керамическое производство Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря во второй половине XVII в.

В основу статьи легли материалы археологических раскопок Ново-Иерусалимской археологической экспедиции ИА РАН (руководитель Л. А. Беляев) в 2009–2013 гг. Они с удивительной наглядностью демонстрируют бурную деятельность патриарха Никона, менявшую облик материальной культуры России наряду с ее политической и духовной историей¹. В сущности, именно «проектам» патриарха Никона мы обязаны феноменом русского изразца². Цветные, яркие, удивительно многообразные по сюжетам, они быстро стали популярными, почти молниеносно распространились по всей стране, украсив фасады и внеся новые краски в интерьеры.

Для крупнейшей монастырской стройки полихромные изразцы готовили десятками тысяч. Их производство было налажено патриархом Никоном раньше, еще в Иверском Валдайском монастыре, но гораздо шире развернуто на Истре. Важно, что опала и ссылка патриарха не прервали деятельность основанного им производства, оно развивалось уже самостоятельно. Пик активности пришелся на время завершения строительства монастыря в 1680–1690-х гг. В начале XVIII в. Петр I присылает сюда пленных мастеров с целью наладить изготовление полюбившейся ему голландской кафли. В дальнейшем сложившийся производственный ресурс использовал при реставрации собора архитектор И. Ф. Мичурин, а первый исследователь монастыря

архимандрит Леонид (Кавелин) упоминает о том, что и в середине XIX в. в окрестностях монастыря³ крестьяне все еще продолжали делать изразцы.

Археологические раскопки последних лет позволяют восстановить процесс керамического производства в Воскресенском монастыре с большей полнотой, во всех деталях (рис. 1).

Так, в южной части монастыря (раскоп 4) обнаружены остатки складских помещений, которые использовали во второй половине – конце XVII в. Описи эти постройки известны: «казенной амбар, а в нем резные ценные образцы и формы»⁴. Здесь хранили подготовленные к установке архитектурные и печные изразцы, а также разнообразную глиняную посуду, в большинстве своем поливную. Среди найденных изделий нами выявлены целые серии архитектурных изразцов, так и не включенных в систему декора Воскресенского собора.

Не менее интересны зоны, где отложился керамический брак, особенно изразцы после первого обжига еще без поливы. Их завалы использовали для подсыпки под южную и восточную стены монастыря, а также как заполнение его старого восточного рва при строительстве новых каменных стен (1680–1690 гг.). Обнаружение здесь развалов можно было предполагать, так как опись 1679 г. отмечает: «против городских ворот... печь, что образцы обжигают»⁵.

³ Леонид (Кавелин), архимандрит. Ценное дело в Воскресенском Новом Иерусалиме именуемом монастыре // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1876. № 11–12. С. 84 (отд. IV).

⁴ ОР РГБ. Ф. 178. Д. 871 (Отписные книги Воскресенского, что на Истре, монастыря. Опись 1685 г.). Л. 193 об.

⁵ Опись 1679 г. (л. 191) цит. по: Зеленская Г. М. Использование строительных материалов в Воскресенском монастыре Нового Иерусалима по письменным источникам XVII в. // Русский мир в мировом контексте: сб. ст. и материалов всерос. заоч. науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». Рубцовск: Пермьяков, 2012. С. 115.

¹ См.: Беляев Л. А. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь как памятник археологии начала Нового времени // РА. 2013. № 1. С. 30–41; Его же. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь: археология и вопросы реставрации // Реставрация и исследования памятников истории и культуры. М., 2012. Вып. 5. С. 23–30. В этих же выпусках – серии статей по частным вопросам археологии Воскресенского монастыря.

² Баранова С. И. Русский изразец: записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ, 2011. 432 с.

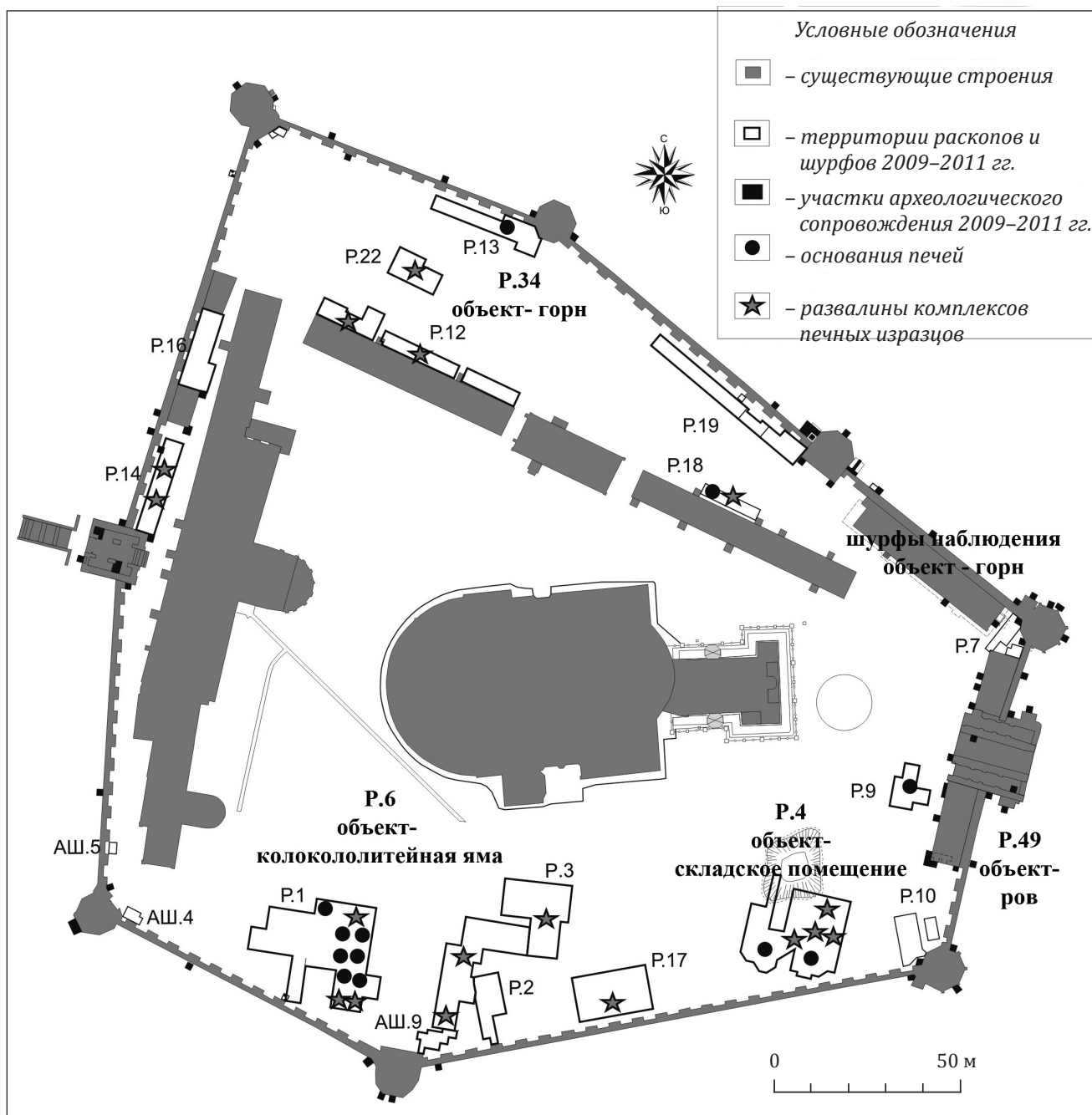

Рис. 1. Схема Ново-Иерусалимского монастыря с указанием открытых раскопками 2009–2013 гг. оснований печей, развалов печных изразцов, керамических горнов, наиболее крупных развалов керамического брака, остатков склада керамической продукции и скопления изразцов первоначального декора собора

В огромных развалах первого строительного периода мы находим не только обычный брак, но и отходы от многочисленных экспериментов по производству доселе неизвестных форм, лишь частично дублирующих найденные в складских помещениях с юга. Кроме изразцов, встречены: бракованные глиняные игрушки; свинцово-оловянистые шайбы (отходы производства поливы – остаток, образующийся при приготовлении свинцового глета); глиняная

форма для отливки нательных крестов. Исключительно интересна уникальная керамическая икона Спаса Вседержителя – прямоугольный изразец шириной 39,5 см и высотой 36,0 см. Помимо формовки изображение было доработано скульптурными методами – прочерчены пряди волос и т.д.⁶ По-

⁶ Предварительная публикация иконографического характера: Беляев Л. А. Керамические иконы Христа в Ново-Иерусалимском монастыре: предварительная публи-

видимому, при обжиге произошла деформация, приведшая к растрескиванию лицевой пластины; горизонтальная трещина прошла через весь изразец по краю верхнего века лика, справа налево.

Очень много изразцов от изначального декора собора получены внутри, в южной части монастыря – они были использованы как заполнение колоколотейной ямы, которую засыпали песком и завалили обломками керамического декора первоначального собора, вероятно, после обрушения шатра в 1723 г.

На памятнике обнаружены также десятки печных развалов, позволяющих реконструировать облик этих характерных деталей интерьера. Комплекты времени первого строительного периода демонстрируют признаки разного времени и стиля. Тут есть остатки архаичных «московских» красноглиняных широко-рамочных изразцов, а также комплекты муравленых узкорамочных (имеют прямые аналогии в культуре восточной части Польско-Литовского государства XVII в.); редкие в Московии изящные печи Северной Европы, выполненные в сине-белой гамме с изысканным ковровым узором зеркала и сложными многофигурными композициями фриз; яркие многоцветные печи в традициях южных стран Европы.

Сохранились и остатки керамических горнов XVIII в., открытые к настоящему времени в северо-восточной части монастыря⁷. Вокруг горнов найдены изразцы на разных стадиях изготовления, бракованные изделия (в том числе со значительными дефектами поливы), глиняные штампы для изразцов, многочисленные обломки технической посуды (плошек для варки поливы) и обломки глиняной формы для отливки металлической накладки. Керамические горны располагались здесь же и в XVII в. («К берегу реки Истры изба болшая, в ней делают мастера ценные образцы, а подле ея горнь болшой двое челной (то есть с двумя очельями. – О.Г.) с трубы»⁸). Слой второй половины XVII в. в этой части монастыря насыщен обломками заготовок печных и архитектурных изразцов первого строительного периода, бракованными изделиями. Здесь так же, как и в развалах из восточного монастырского рва, встречаются

остатки свинцово-оловянистого сплава, образующегося при варке поливы, и обломки глиняных штампов для изразцов и мелких металлических изделий.

Особое место среди находок занимают заготовки для первоначального декора Подземной церкви: обломки изразцов керамического креста, фрагменты белоглиняной скульптуры (Распятия), необычно крупные крылья и детали арочных пролетов, украшавших барабан. Одновременно в тех же печах обжигали посуду, глиняные грузила и керамические изделия неясного назначения, многие из которых встречены нами впервые или не получили распространения. Среди них – сосуды очень сложной конструкции с двойными стенками (несколько разновидностей), вероятно, это кадила, лампадки и множество чернильниц (разных форм и размеров). В Богоявленской пустыни обнаружено уникальное изделие – поливная керамическая фляжка в виде книги⁹.

В числе керамических изделий – поливные плитки сложносоставного пола, один раппорт которого составляли не менее восьми плиток разных цветов и форм. Их техника изготовления была чрезвычайно сложной: поверх красноглиняной шестиугольной плитки (толщиной 4,5 см) примазывалась тонкая пластина (толщиной около 2 см), выполненная из свернутых в своеобразный рулет пластов белой и красной глины (рис. 2).

Новая технология цветных эмалей использована и для посуды. Состав и метод был единым, но разнородность изделий неизбежно сказывалась: на крупном изразце огрехи поливы не так заметны, а на тонких стенках кружек и другой столовой посуды они воспринимаются как брак (рис. 3). Можно проследить, как мастера приравнивались к новому для них процессу и успешно решали возникающие задачи, благодаря интересному набору изделий, собранных только в одном, причем единовременном, комплексе (в основном в складских помещениях юга). Среди изготовленной, но не использованной поливной посуды выделяются тонкостенные сосуды, в основном из белой или светлой глины, покрытые тонким равномерным слоем поливы. Есть изделия из местных красножгутистых глин хорошего качества, с малым количеством примесей в тесте, ровными стенками и равномерным слоем поливы. Наконец, есть посуда с неравномерной толщиной стенок, большим количеством примесей в тесте, грубым орнаментом и толстыми затеками поливы, небрежно выполненная. Ясно, что для пополнения запасов склада трудились несколько гончаров с разным опытом работы, разными традициями. Эта посуда совершенно не похожа на изделия московских гончаров XVII в. Часть форм имеет аналогии в керамике

кация находок 2014 года // В созвездии Льва: сб. ст. по древнерус. искусству в честь Льва Исааковича Лифшица. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2004. С. 48–61.

⁷ Можно даже указать предположительный год постройки этого горна – 1710, так как известна переписка по этому поводу стряпчего Саввы Кудрявцева. См.: Леонид (Кавелин), архимандрит. Целинное дело ... С. 85. Кроме того, и сам горн и гончарную мастерскую в помещении Солодовых палат фиксируют монастырские описи 1727 и 1763 гг. (Опись 1727 года цит. по изданию: Его же. Историческое описание Ставропигиального Новый Иерусалим именуемого монастыря, составленное по монастырским актам. С приложением портрета патриарха Никона, писанного в 1650 г. М., 1876. С. 157; РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 81. (Опись Воскресенского Нова-Иерусалимского монастыря 1763 г.). Л. 6, об.

⁸ ОР РГБ. Ф. 178. Д. 871 (Отписные книги Воскресенского, что на Истре, монастыря. Опись 1685 г.). Л. 288–288 об.

⁹ Беляев Л. А., Глазунова О. Н. Вино и чернила: керамические «книги» из Подмоскovie: (предварительная публикация) // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости»: друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. М.: Индрик, 2014. С. 341–350.

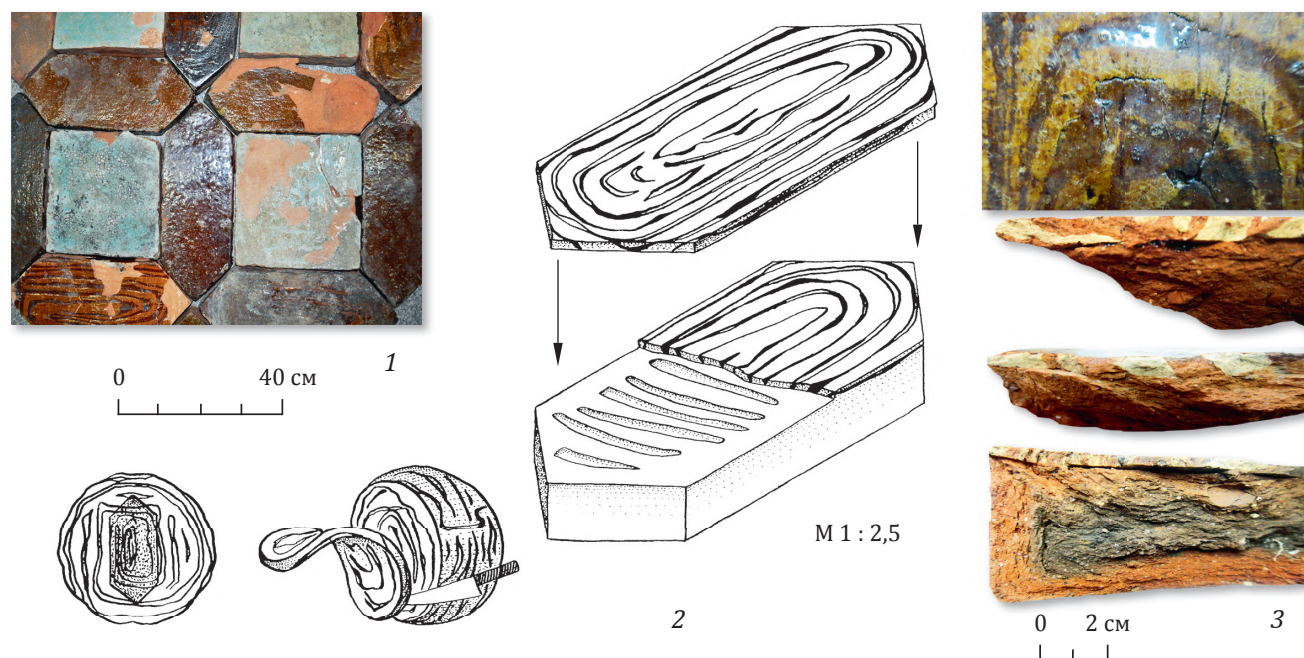

Рис. 2. Поливные плитки пола: 1 – фрагмент рисунка пола, собранный из найденных при раскопках плиток, 2 – технология производства плиток пола; 3 – отдельные части плиток пола

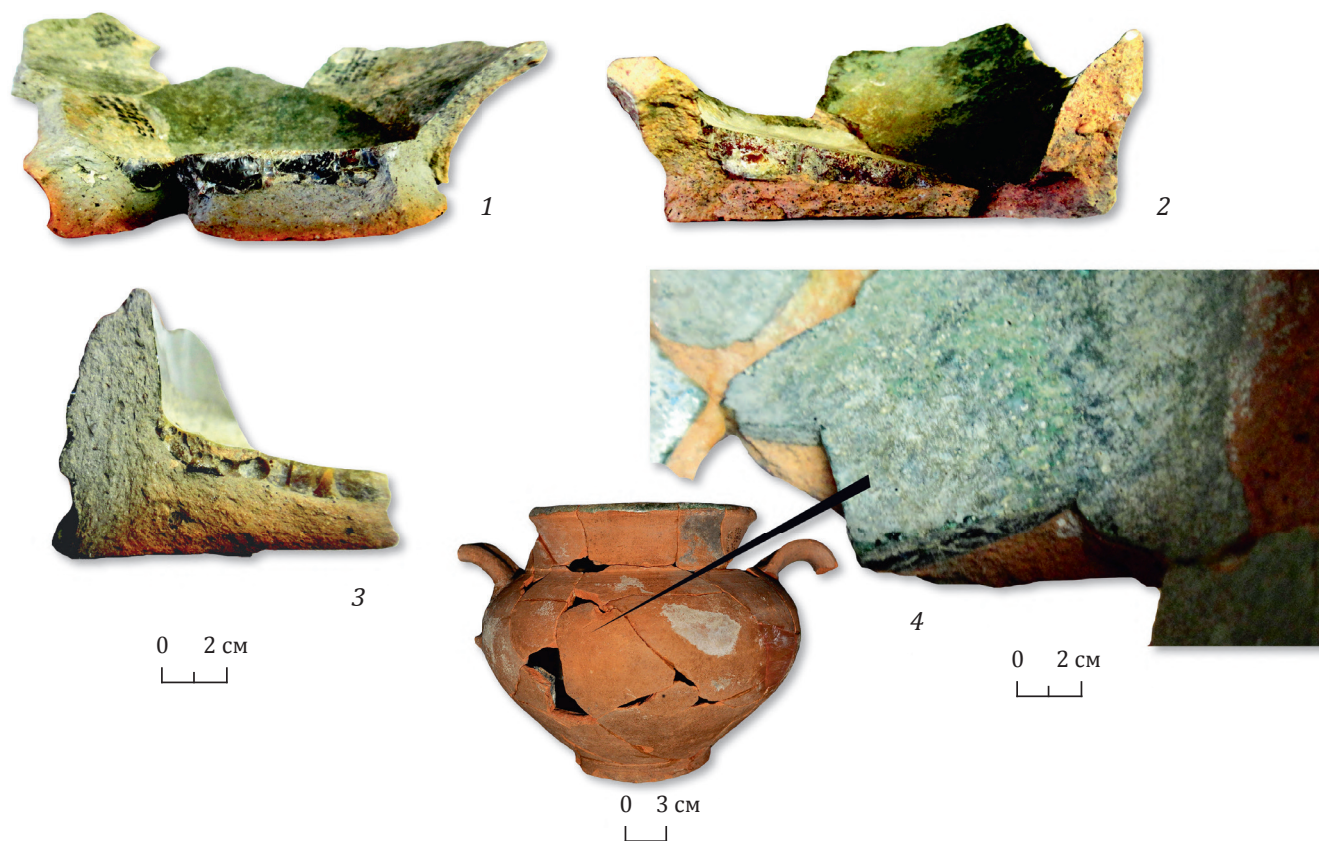

Рис. 3. Затеки поливы на сосудах: 1-3 – на донцах, 4 – на стенке

ке Запада (трехногие поливные сковородки, глиняные миски), другие берут начало на Востока (прямоугольные кружки с прямыми псевдозооморфными ручками, орнаментированные кувшины).

Социально-экономическая организация производства в Воскресенском монастыре повторяла царские (государственные) предприятия. Известно, что печные изразцы делали не только для самого монастыря, но и для подарков, а также на продажу. Видимо, это же относилось к сравнительно редкой еще и ценной тогда в России поливной посуде.

Удается в деталях проследить технологические приемы, усвоенные и разработанные ценинниками Нового Иерусалима. Цветные эмали не являются абсолютно глухими, поэтому для них нужна основа из белых (неожеелезных или слабожеелезных) глин. Вблизи монастыря месторождений таких глин нет. В слое раннего освоения территории встречены изразцы, изготовленные полностью из белой глины – но это единичные экземпляры. Интересно наблюдать, как пытались сэкономить белую глину, не жертвуя полностью цветом. Пробовали делать из нее только пластину изразца, вытягивая затем румпу из красной глины. Но столкнулись с технической проблемой: соединить детали из разных типов глины сложно, стык становится слабым местом, да к тому же белой глины всё равно шло слишком много, ведь изразцы в монастыре делали в промышленном масштабе (рис. 4). Методом проб и ошибок, результаты которых мы наблюдаем в отвалах бракованных изделий, была найдена новая методика. На раскатанный, приготовленный к оттискиванию ровный слой красной глины накладывали толстый семимиллиметровый слой ангоба, затем подсушивали. Полученный пласт вбивали в форму. Поверхность изделия становилась гораздо

Рис. 4. Изразец с белоглиняной лицевой пластиной и красноглиняной румпой

Рис. 5. Ангобирование изразцов: 1, 2 – примеры ангобирования, 3 – разные оттенки конечного ангоба, 4 – неравномерность слоя белой глины

светлее и уже не искажала цвет поливы, а глины плотно соединялись, как бы втекали одна в другую (при описании изделий этот метод называют ангобированием, но фактически это другая методика). Так изготавливали и печные, и архитектурные изразцы. Слой белой глины на поверхности архитектурных изразцов достигает толщины в 5–6 мм, хотя обычно колеблется в районе 2–3 мм. На части изделий он именно белый, на части имеет розоватый оттенок¹⁰ (рис. 5).

Хотя и для «ангобирования» требовались тысячи возов белой глины (документы фиксируют доставку ее в монастырь) – это, видимо, было осуществимо и позволяло успешно завершить грандиозное строительство. Заготавливали глину в издревле известном месторождении в Боровичах, приписанном в 1654 г. к Иверскому монастырю, с которого, как уже сказано, началась организации изразцового производства Никона. В 1655 г. там провели «отыскание глины, из коей началась выделка изразцов»¹¹. А в 1663 г. патриарх дал указ «накопать к церковному и каменному строению белой глины возов с тысячу»¹² и отпра-

¹⁰ Выражаю благодарность мастерам-изразечникам петербургского ООО «Образ», проверившим предложенную методику на практике.

¹¹ Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. СПб.: тип. М. Эттингера, 1878. Т. V. С. 146.

¹² Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706). Стб. 499 // Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. СПб.: тип.

вить в Воскресенский монастырь. Судя по грамотам Никона к архимандриту Иверского монастыря, глину отправляли регулярно по 100 телег, задержки при этом были крайне нежелательны. По крайней мере, в монастырской переписке встречаются грамоты «с требованием ответа, по какому случаю остановлено копание белой глины?»¹³.

Изразцы Воскресенского собора современникам казались просто чудом. Даже столь сухой документ, как опись 1685 г., приводит удивительно эмоциональную характеристику декора: «поясы и подзоры видением и красотою зело различны... поясы ценные зделано красоты ради в прибавку сверх росписи иерусалимской»¹⁴. Изразцовое убранство Нового Иерусалима до сих пор поражает воображение не только обилием, грандиозностью общего замысла, чистотой цветового решения – оно продумано до мелочей.

Однако всё сказанное касается только первого строительного периода. При внимательном рассмотрении изразцовых конструкций уже второго строительного периода становится очевидным, что стройность первоначального замысла утрачена. Композиции собирали грубо, без тщательной стыковки рисунка, из случайно подобранных изразцов. Видны подтеки, добавки, неправильно собранные участки. Местами вставлены печные изразцы, более или менее подошедшие по размеру. Интересно, что все использованные в декоре печные изразцы заготовлены в первый строительный период. В конце XVII в. в Новом Иерусалиме ставили уже совершенно другие печи. Скорее всего, использовались старые запасы строительной керамики, хранившиеся в монастыре, – конечно, не только печной, но и архитектурной (остатки такого склада на раскопе 4 мы уже упоминали). При этом, однако, производили и новые изразцы¹⁵.

Еще сильнее разнятся с первоначальным декором изразцовые чинки времен реставрации собора

И. Ф. Мичуриным. Производство специально возобновили, но отличие новопроизведенных изделий просто разительно – они небрежно сделаны, композиции значительно искажены, пропорции не соблюдаются. Совершенно иной стала цветовая гамма. Впрочем, в последнем Мичурина винить трудно. Тот чудный, глубокий кобальтовый фон, который отличает изделия времени Никона, нигде более не повторен. Дело, видимо, в конкретном рецепте, в отсутствии полного состава необходимых компонентов. В скобках отметим, что в Московской гончарной слободе, куда попали после опалы Никона мастера изразечники Нового Иерусалима, метод ангобирования поверхности изразцов не применялся, и глухие эмали клали непосредственно на красную глину. При И. Ф. Мичурине изразцы для реставрации собора делали именно по этой упрощенной технологии. При раскопках заготовки «мичуринских» изразцов обнаруживаются, и следов ангобирования белой глиной на них нет. Тем не менее, конечно, попытка сохранить и воспроизвести изразцовый декор симптоматична, это огромный шаг вперед в разработке подходов к реставрации памятников архитектуры в России: И. Ф. Мичурин явно воспринимал декор как важную, неотъемлемую особенность всего этого необычного памятника.

Собрав в монастыре мастеров Московии и Европы, поставив во главе них художника Петра Заборского, который смог поднять изразцовое производство на новый уровень, патриарх Никон определил одну из характерных черт культуры России, пережившую столетия. Традиция поливной керамики сохраняла (и сохраняет до сих пор) важную роль в строительстве, что отчетливо показано в работах С. И. Барановой и ее предшественников. Производство достаточно простой поливной посуды с опалой патриарха фактически прекратилось, оно не имело будущего в силу объективных цивилизационных и экономических обстоятельств: не за горами было массовое производство настоящего фаянса и фарфора. Однако производство из глазурованной керамики разнообразных жаропрочных (в том числе технических) сосудов (жаровен, противней, тиглей) и устройств, от которых требуется устойчивость к воздействию внешней среды (трубы подземных коммуникаций и т. п.), получит определенное развитие в XVIII, XIX и даже XX в.

М. Эттингера, 1878. Т. V. С. 325, 330; Зеленская Г. М. Указ. соч. С. 118.

¹³ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб.: тип. М. Эттингера, 1878. Т. V. С. 333.

¹⁴ ОР РГБ. Ф. 178. Д. 871 (Отписные книги Воскресенского, что на Истре, монастыря. Опись 1685 г.). Л. 201 об.

¹⁵ Зеленская Г. М. Указ. соч. С. 118.

O. N. Glazunova

History of Craft Tradition:

Ceramic Production of the Voskresensky (Resurrection) New Jerusalem Monastery of the Second Half of the 17th Century

Key words: a glazed ceramic tile, engobe, enamel, glaze, technology, New Jerusalem, Patriarch Nikon.

Abstract: The article discusses the establishing of ceramic (first of all tiles) craft of the New Jerusalem Mon-

astery and of some principles of its organization. The development of the technology of application of colored enamels on items made from red-burning clays with the help of special technique of engobing (by beating into the mould a thin layer of white clay) is described.

Слободы и их судьбы в XVII в. (на примере Суздальского уезда)

В Московском государстве получил довольно широкое распространение такой тип сельского поселения, как слобода или слободка. Вопросы их статуса, эволюции, генезиса в XVII в. представляются недостаточно изученными. Попробуем рассмотреть эти вопросы на примере поселений данного типа, входивших в рассматриваемый период в состав Суздальского уезда.

По подсчетам Д.А.Черненко, в первой трети XVII в. в Суздальском уезде насчитывалось шесть слобод и слободок. Это Холуй, Гавриловская слобода, Богоявленская, Шиповская, Решемская и Ивановская слободки. Правда, автор ошибочно полагает, что все они принадлежали монастырям или вотчинникам¹ (как минимум две из них – Гавриловская слобода и Решемская слободка – были дворцовыми). Шиповская слободка и Гавриловская слобода находились в Опольском стане. Ивановская слободка поначалу входила в Кохомскую волость, а затем, после ликвидации волости Кохма, также вошла в состав Опольского стана. Холуй и Богоявленская слободка входили в состав Стародуб-Ряполовского стана, а Решемская – в волость Юхма. Две из рассматриваемых слобод – Шиповская слободка и Гавриловская слобода – известны с первой половины XV в.

По мнению В.А.Кучкина, Шипова слободка отпочковалась от с.Шипова, находящегося на левом берегу реки Ирмес и, по данным археологии, возникшего в XI–XIII вв.² Судя по отрывочным сведениям, Шиповская слободка в середине XV в. была родовым владением князей суздальского дома, затем князем Иваном Можайским была продана боярину Петру

Константиновичу Добрынскому³. Как следует из докончания князя Дмитрия Юрьевича с суздальскими князьями, составленного в 1445 г., еще при князе Дмитрии Константиновиче слободка входила в удел суздальских князей⁴. В докончании великого князя Василия Васильевича с суздальским князем Иваном Васильевичем фигурирует Слободка на Ирмесе, которую суздальский князь вместе с прилегающей территорией уступает великому князю. Не подлежит сомнению, что речь идет о Шиповой слободке⁵. В феврале 1539 г. великий князь Иван Васильевич передал Шипову слободку Суздальскому Покровскому девичьему монастырю⁶.

Договор великого князя Василия Васильевича с князьями Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным, датированный 1434 г., свидетельствует, что князю Александру Ивановичу, зятю великого князя, происходившего из суздальско-нижегородских князей, принадлежало два села Гавриловских⁷. Одно из них, расположенное на р.Ирмесе, к середине следующего столетия стало называться дворцовой Гавриловской слободой. Гавриловская слобода уже в конце XVI в. располагала государевыми конюшнями⁸. Сохранилась челобитная крестьян дворцовой непашенной Гавриловской слободы Лжедмитрию I от 6 апреля

³ Назаров В.Д. Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой и судьбы Нижегородско-Суздальского княжества в середине XVI века // Архив русской истории. М.: Древлехранилище, 2002. Вып. 7. С. 55, 68.

⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVII вв. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. С. 120.

⁵ Там же. С. 156.

⁶ Антонов А.В., Маштафаров А.В. Об архиве Суздальского Покровского девичьего монастыря // Русский дипломатический архив. М.: Древлехранилище, 2004. Вып. 10. С. 278, 290.

⁷ Кучкин В.А. Указ. соч. С. 202.

⁸ Маштафаров А.В. Явочные челобитные 1568–1612 годов из архива Суздальского Покровского девичьего монастыря // Русский дипломатический архив. М.: Древлехранилище, 2003. Вып. 9. С. 303.

¹ Черненко Д.А. К характеристике сельских поселений центральных районов России первой трети XVII в.: по материалам писцовых книг // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2003. № 4. С. 64.

² Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV веках. М.: Наука, 1984. С. 202.

1606 г., из которой следует, что уже в то время в слободе проживало значительное количество непашенных крестьян, которые торговали различными товарами, прежде всего хлебом, в Суздале⁹. Лжедмитрий II отдал Гавриловскую слободу в «кормление» отрядам Я.П.Сапеги¹⁰. Сохранились сведения, что уже тогда в слободе были торговые люди. До нас дошла челобитная торгового человека Мишки Горохова гетману Сапеге на бесчинства пристава пана Яноша, датированная концом 1608 г.¹¹ В отписке воеводы Ф.Плещеева Сапеге, составленной в ноябре 1608 г., имеется прямое указание на то, что жители Гавриловской слободы обладали статусом посадских людей¹². К лету 1609 г. Гавриловская слобода была крайне разорена¹³. В начале 1610 г. она была освобождена от тушинских отрядов А.Лисовского и А.Просовецкого войском князя А.В.Лобанова-Ростовского¹⁴. В июне 1610 г. польский король Сигизмунд пожаловал с.Гавриловская слобода новая и старая с приселками и деревнями князю Юрию Дмитриевичу Хворостинину¹⁵. В ноябре – декабре 1611 г. ее занял отряд гетмана Каменского, направлявшегося в Замосковье для зимовки и пополнения запасов¹⁶.

Первое упоминание о слободе Холуй в документах относится к 1546 г. Уже к этому времени это был известный центр солеварения. Иногда он фигурировал под названием Холуйского Усолья и вместе с окрестностями принадлежал к дворцовым владениям¹⁷. Часть варниц принадлежала Суздальскому Спасо-Евфимьеву, Владимирскому Рождественскому и Киржачскому монастырям¹⁸. Через слободку Холуй в 1549 г. шел на Балахну, Нижний Новгород и далее на Казань царь Иван Васильевич¹⁹. К 1582 г. Холуй уже значится посадом, в котором была слободы Троице-Сергиева, Киржачского Благовещенского, Спасо-Евфимьева и Владимирского Рождественского

монастырей²⁰. В Смутное время посад Холуй был одним из центров сопротивления тушинцам²¹. Только в марте 1609 г. повстанцы в Холуе были разбиты²².

С. Даниловское (Решма), центр крупной волости Юхма, также известно с середины XVI в. Но Решемская слободка появляется уже в рассматриваемый нами период. К первой трети XVII в. относятся и первые известные нам сведения о Богоявленской и Ивановской слободках. Первая принадлежала князьям Ромодановским и возникла вокруг одноименного монастыря. Вторая появилась в волости Кохма, родовой вотчине князей Скопиных-Шуйских, рядом с с. Иваново. Несмотря на то, что слободы Суздальского уезда серьезно пострадали от событий Смутного времени, они в этот период служат убежищем для беглых крестьян Троице-Сергиева монастыря²³.

Следует в целом согласиться с оценкой Д.А.Черненко, который считает, что в первой трети XVII в. слобода Суздальского уезда – это либо земледельческое, либо ремесленно-земледельческое поселение. На общем фоне выделялась Холуйская слобода, в которой уже тогда были кузнецы, рыбаки, иконники, кирпичники, портные и сапожники. Кроме того, продолжали работать соляные варницы. Писцовые материалы конца 1620-х гг. фиксируют наличие «непашенных дворов» лишь еще в двух слободах – Гавриловской (17 дворов «непашенных» бобылей) и Богоявленской (2 двора кузнецов и 1 пастушеский)²⁴.

В 1613 г. посад (посадец) Холуй был пожалован в вотчинное владение боярину князю Д.М.Пожарскому и оставался в собственности Пожарских вплоть до пресечения их рода в 1682 г.²⁵. Затем «беспашенная» слобода Холуй была пожалована в вотчину дочерям князя Д.П.Голицына²⁶. Еще в период жизни Д.М.Пожарского из оборота исчезает термин «посад», и Холуй фигурирует в документах в качестве слободы или слободки. Из переписных книг М.Трусова и подьячего Ф.Витовтова 1627–1629 гг. известно, что в слободе Холуй было 23 крестьянских и 24 бобыльских двора, соляные варницы, кабак. Уже тогда в слободе было

⁹ Там же. С. 333.

¹⁰ Сборник князя Хилкова. СПб.: тип. братьев Пантелевых, 1879. С. 89.

¹¹ АИ. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1841. Т. II. С. 153–154.

¹² Там же. С. 191–192.

¹³ Там же. С. 276–277.

¹⁴ Акты Московского государства. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1890. Т. I. С. 111.

¹⁵ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб.: тип. Э. Праца, 1851. Т. IV. С. 355.

¹⁶ Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. СПб.: Печатня В.И.Головина, 1872. Т. I. Стб. 281–282.

¹⁷ Юрганов А.Л. О Стародубском «уделе» М.И.Воротынского и стародубских вотчинах в завещании Ивана Грозного // Архив русской истории. М.: Ред.-изд. отдел ЦГА, 1992. Вып. 2. С. 62.

¹⁸ Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М.: Памятники ист. мысли, 1998. С. 117.

¹⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Наука, 1977. Т. I, ч. II. С. 371.

²⁰ Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря ... С. 397.

²¹ Сборник князя Хилкова. С. 49; АИ. Т. II. С. 198; Новый летописец // Хроники Смутного времени. М.: Фонд С. Дубова, 1998. С. 328.

²² Сапега Я.П. Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611). М.; Варшава: Древлехранилище, 2012. С. 105. (Памятники истории Восточной Европы; т. IX).

²³ Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV–XVII вв. М.: ЦентрархАив РСФСР, 1929. Т. 1. С. 216, 243.

²⁴ Черненко Д.А. Указ. соч. С. 64.

²⁵ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М.: тип. С.Селивановского, 1822. Ч. III. С. 224–227; Эскин Ю.М. Завещание князя Дмитрия Пожарского // Отечественная история. 2000. № 1. С. 152–153.

²⁶ Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 214, 356.

два торгова: «на Введеньев и на Фролов дни»²⁷. Эти торги со временем трансформировались во Введенскую и Фроловскую ярмарки, к которым уже в XVIII в. добавились еще две – Тихвинская и Никольская²⁸. В XVII в. через Холуй проходила дорога из Владимира на Балахну и Нижний Новгород²⁹. Через Холуй проходил «струговой ход» от Шуи по Тезе в Клязьму, Оку и Волгу и вплоть до Астрахани. Теза была единственным левым притоком Клязьмы, по которому могли проходить суда. Уже во второй половине 1630-х гг. известны как минимум три жителя Холуйской слободы, имевшие свои струги и занимавшиеся доставкой товаров³⁰. Слобода находилась в самом центре распространения офенства – крестьянской мелочной торговли³¹. По мнению Ю. В. Готье, к этому времени он становится промышленным «центром» Суздальского уезда. Наряду с Мстерой и Палехом, Холуй составляет признанный центр русской иконописи³². Население Холуйской слободки в рассматриваемый период быстро растет, причем с преобладанием непашенных крестьян и бобылей. В 1646 г. в слободе насчитывалось 96 дворов и 263 человека мужского пола. А к 1678 г. число дворов возросло до 190, в них проживало 320 душ мужского пола³³. В следующем столетии Холуй был одним из центров приготовления суровых миткалей для ивановских мануфактур, но ни промышленным, ни городским поселением так и не стал³⁴. Из-за сокращения офенской торговли и изменения путей сообщения Холуй остался сельским населенным пунктом, будучи при этом центром лаковой миниатюры и иконописи.

В рассматриваемый период через Гавриловскую слободу проходила дорога, связывающая Москву, Переславль-Залесский и Ростов с Костромой³⁵. К концу рассматриваемого периода в Гавриловской слободе появилась довольно значительная Андреевская яр-

марка³⁶. К 1630-м гг. Гавриловская слобода в писцовых описаниях называется «непашенным селом». В это время в ней имелось 130 дворов, в которых было 183 непашенных крестьянина. Согласно писцовым книгам 1674–1677 гг., в с. Гавриловская слобода было 106 дворов, в которых значилось 293 непашенных крестьянина. К тому времени в слободе получил широкое развитие кузнечный промысел, имелось 13 кузниц. Были развиты также сапожный, сыромятный, овчинный и рукавишный промыслы. Кроме того, имелись калашники, мясники, хлебники, извозчики и разные торговые люди. Некоторые гавриловские крестьяне промышленяли продажей строительных материалов, в частности деревянных срубов. В слободе была церковь, двор приказчика и государева конюшня³⁷. Во второй половине XVII в. Гавриловская слобода целиком была населена непашенными крестьянами, которые в основном занимались торговлей³⁸. У слободы имелись приселки Володятин, Городище и Арышев³⁹.

К концу XVII в. Гавриловская слобода имела все признаки городского поселения, но оставалась дворцовым селом еще почти 100 лет. К концу XVIII в. в слободе действовало несколько крупных полотняных фабрик, проживало 314 лиц купеческого звания. И лишь в 1789 г. было удовлетворено ходатайство жителей об учреждении посада Гавриловская Слобода⁴⁰.

Богоявленская слобода в рассматриваемый период принадлежала князьям Ромодановским⁴¹. Еще в начале XVII столетия в Богоявленской слободе, как и в Холуе, начал развиваться иконописный промысел. К середине века иконопись и обучение иконописанию получили дальнейшее распространение. Население слободки быстро росло. Если в 1646 г. в ней имелось 86 дворов и 160 душ мужского пола, то к 1678 г. число дворов составляло 158, а душ мужского пола – 335⁴². Сегодня это известное с. Мстера.

Писцовые материалы 1640-х гг. фиксируют наличие Решемской слободки на Волге, относящейся к дворцовому с. Решма (Даниловскому), центру волости Юхма⁴³. В июле 1689 г. с. Решма и Юмохонская волость

²⁷ Владимирский сборник: материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / составил и издал К. Тихонравов. М.: Университет. тип., 1857. С. 27.

²⁸ Там же. С. 29.

²⁹ Петров В. А. Географические справочники XVII в. // Исторический архив. М.; Л., 1950. Т. 5. С. 113.

³⁰ Булгаков М. Б. Судовое торговое движение по реке Клязьме в 30-е годы XVII века // Российская реальность конца XVI – первой половины XIX в.: экономика, общественный строй, культура: сб. ст. к 80-летию Ю. А. Тихонова. М.: ИРИ РАН, 2007. С. 77, 93.

³¹ Владимирский сборник. С. 31.

³² Муравьева Л. Л. Материалы писцовых, переписных и приходно-расходных книг о торгово-промышленном населении русской деревни второй половины XVII века // Археографический ежегодник за 1962 год. М.: Наука, 1963. С. 182.

³³ Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII в. М.: [ИРИ РАН], 1996. С. 100.

³⁴ Нижегородский сборник. Н. Новгород: тип. Нижегородского губ. правления, 1867. Т. 1. С. 51.

³⁵ Петров В. А. Указ. соч. С. 104.

³⁶ Волков М. Я. Центры ярмарочной торговли в Европейской России в первой четверти XVIII в. // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М.: Наука, 1984. С. 165.

³⁷ Муравьева Л. Л. Указ. соч. С. 180.

³⁸ Индова Е. И. Дворцовое хозяйство России первой половины XVIII века. М.: Наука, 1964. С. 27.

³⁹ Каталог писцовых книг Русского государства. М., 2007. Вып. 3: Писцовые книги Восточного Замосковья. С. 304.

⁴⁰ Разгон А. М. Промышленные и торговые слободы и села Владимирской губернии во второй половине XVIII в. // Исторические записки. М., 1950. Т. 32. С. 162–165.

⁴¹ Каталог писцовых книг Русского государства. Вып. 3. С. 304.

⁴² Шватченко О. А. Указ. соч. С. 102.

⁴³ Каталог писцовых книг Русского государства. Вып. 3. С. 304.

были пожалованы ближнему боярину князю Василию Васильевичу Голицыну, но вскоре были конфискованы и вернулись в дворцовое ведомство⁴⁴. Жители Решемской слободки активно торговали, в том числе в Москве и Устюге Великом. Основным предметом торговли были масло животное, кожа, пушнина, холст⁴⁵. В следующем столетии с. Решма превращается в дворцовую слободу. Часть его населения занимается хлебопашеством, а около половины жителей занималось винокурением и торговлей хлебом и рыбой⁴⁶.

Весьма интересной представляется история Ивановской слободки. В челобитной княгини Е.В.Бахтеяровой-Ростовской царю Михаилу Федоровичу имеется выписка из Земляного списка 1617 г. о вотчине вдовы князя М.В.Скопина-Шуйского княгини Александры Васильевны: «Вотчины за нею в Суздале в Кохме село Семеновское да село Рождественское да село Ивановское да слободка с деревнями, 3106 чети»⁴⁷. После пресечения рода Скопиных-Шуйских эта вотчина досталась их ближайшему родственнику – князю И.И.Шуйскому. Сохранилась челобитная шуянина Григория Васильева царю Михаилу Федоровичу от 13 сентября 1636 г., в которой он обвиняет в поклепе шуянина Андрея Неупокоева и его братьев Илью и Артемия «вотчины боярина князя Ивана Ивановича Шуйского села Иванова бобыльскова малова»⁴⁸. Следовательно, Ивановская слободка в рассматриваемый период была заселена непашенными бобылями, а также беглыми посадскими людьми. Это косвенно подтверждается мировой отписью Леонтия Дмитриевича Кумашенка с шуйскими посадскими людьми, составленной 3 мая 1637 г. Кумашенок в этом документе именуется «государя своего

боярина князя Ивана Ивановича Шуйского, крестьянин, Суздальского уезду, отчины его Кохомской волости, села Иванова, посацкий человек». Причем в этом же документе содержатся сведения о вкладе Кумашенка в мельничный завод шуйских посадских людей значительной суммы в 40 р.⁴⁹. Согласно писцовым книгам, в 1647–1648 гг. в Ивановской слободке было 36 бобыльских дворов⁵⁰. Последний раз Ивановская слобода упоминается в 1660/61 г. в связи с ликвидацией там государева кабака⁵¹. К 1678 г. в Ивановской вотчине, которая принадлежала тогда князьям Черкасским, было 1029 дворов, в том числе 289 дворов непашенных крестьян. В них числилось 3099 душ крестьян. Далеко не каждый город Московского государства имел такое количество населения⁵². Но Ивановской слободки к тому времени уже не существовало. Она волилась в состав с. Иваново. Слободы вокруг него появились вновь, но уже в XIX в.⁵³.

Шипова слободка, находившаяся на протяжении всего рассматриваемого периода во владении Покровского монастыря, сохранила аграрную направленность. Население состояло из крестьян, специализировавшихся на выращивании зерновых культур – ржи, овса и пшеницы. Согласно приходно-расходной книге Суздальского Покровского монастыря, в 1698 г. в селе было 62 крестьянских двора⁵⁴.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что классическое определение слободы как большого села, населенного свободными непашенными крестьянами, освобожденными от налогов, к слободам Суздальского уезда XVII в. мало применимо. Имея серьезные предпосылки (быстрый рост населения, развитие ремесла и торговли, зачатки промышленного производства), большинство слобод не трансформировалось в поселения городского типа ни в рассматриваемый период, ни в дальнейшем.

⁴⁴ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М.: тип. С. Селивановского, 1828. Ч. IV. С. 605.

⁴⁵ Сакович С. И. Из истории торговли и промышленности России конца XVII в. // Труды ГИМ. М., 1956. Вып. 30. С. 88.

⁴⁶ Федоров А. Историческое собрание о граде Суздале // Временник Московского общества истории и древностей российских. М.: Университет. тип., 1855. Кн. 22. С. 106 (Разд. II).

⁴⁷ Лихачев Н. П. Документы о князьях Сицких // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1909. Вып. 3. С. 265.

⁴⁸ Борисов В. А. Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей. М.: тип. В. Готье, 1853. С. 67.

⁴⁹ Его же. Описание города Шуи и его окрестностей с приложением старинных актов. М.: тип. Ведомства Московской городской полиции, 1851. С. 280–281.

⁵⁰ Рождественский С. В. Роспись земельных владений Московского боярства 1647–1648 гг. М., 1913. С. 39–40.

⁵¹ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1857. Т. I. Стб. 280–285.

⁵² Шватченко О. А. Указ. соч. С. 107.

⁵³ Разгон А. М. Указ. соч. С. 171.

⁵⁴ Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край / под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1984. С. 40–41, 42–45, 48–49, 52, 72–74, 104, 120.

A. Yu. Kabanov

Slobodas (Trading Quarters) and Their Fate and Fortunes in the 17th Century (Through the Example of Suzdal Uyezd (District))

Key words: sloboda, slobodka, Suzdal Uyezd, non-plough peasants, tradespeople.

Abstract: The article examines the evolution of a sloboda as a type of a rural settlement in the 17th cen-

tury. The slobodas which administratively belonged to Suzdal Uyezd comprised the material for examination. The economic, social and demographical processes in slobodas are analyzed during the given period.

Использование картографического материала XVIII–XX вв. при полевых исследованиях гидротехнических сооружений Петровской эпохи (на материале Ивановского канала)

Введение. Исходные положения. Постановка задачи

Ганноверский (брауншвейг-люнебургский) резидент Ф.Х.Вебер охарактеризовал Россию, бурные перемены в которой лично наблюдал в 1714–1719 гг., словом «преображенная». Это определение казалось ему настолько важным, что он вынес его в заголовок книги, отразившей увиденное в России.

Одной из сфер, где наиболее отчетливо проявлялись поражавшие иностранцев изменения, было дорожное строительство – создание в петровской России по примеру стран Центральной и Западной Европы новых и совершенствование существующих транспортных путей. Отправляясь в феврале 1703 г. в Воронеж, царь специально выбрал маршрут, позволявший показать сопровождавшим его иностранцам достижения в этой области. Он вез их по новой дороге, сделанный на «европейский манер» – обсаженной деревьями и снабженной верстовыми столбами. А по пути завернул с гостями на Иван-озеро – в места, где строилась на тот момент крупнейшая в России искусственная водная дорога¹.

В этой статье речь пойдет о связанных с подобными воднотранспортными путями гидротехнических сооружениях – их поиске и локализации. Для нас наиболее интересны те из них, которые входили в состав сложных гидротехнических систем. Искусственные или шлюзованные естественные воднотранспортные пути включали такие объекты, как

искусственные земляные выемки-русла (каналы); дамбы с устройствами для регулируемой задержки воды в руслах; шлюзы – различной конструкции и различно вписанные в систему; береговые укрепления (валы); пристани; искусственные водоемы (водонакопители и акватории для маневра и стоянки судов); доки (площадки для строительства и ремонта судов) и другие сооружения. Некоторые из них будут рассмотрены ниже, при этом все – на материале одного комплекса, именуемого *Ивановским каналом*.

Другая задача, которую ставят перед собой авторы этой статьи, – анализ приемов работы с картографическими источниками, привлекаемыми для решения первой задачи; формулировка на этом материале обобщений методического характера, полезных при работе с типологически близкими объектами.

Ивановская водная система (Ивановский канал) – водная система, соединявшая Дон и реки бассейна Оки (то есть фактически Дон и Волгу). Ее строительство началось в 1701 г., продолжалось на протяжении 10 лет, далее замедлилось и наконец было свернуто. В начале XIX в. работы возобновили, несколько лет спустя остановили снова. Достроена система так и не была. Однако даже на том этапе, когда ее сооружение было прервано, общая протяженность искусственной и шлюзованной частей была весьма внушительной – составила около 210 верст.

Строили каналы работные люди, присланные по разнарядке из Разрядного приказа окрестными уездами (рис. 1).

У нас нет данных о предварительной инженерно-технической проработке этого проекта, но из-

¹ Бруин К. де. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 110, 112.

Рис. 1. Земельные работы на канале. Атлас К. Крюйса.
Фрагмент листа «Новая и предивная карта о перекопе...». Раскрашенная гравюра на меди. 1704 г.

вестно, что в феврале 1702 г., когда земляные работы шли полным ходом, руководившему работами на объекте стольнику князю М. П. Гагарину «к делу канала» был дан «галанец» инженер Е. Крафферт², а в сентябре на Иван-озеро приехали еще пять недавно прибывших в Россию иностранных «слюзных» мастеров. Впрочем, Гагарин в своих отписках царю утверждал, что «вышепомянутым присланным мастерам 5-м человеком никакова дела у работы делать нечего, для того, что управляются против ево великого государя указу сшлейзные дела, и перекопная работа, и росчистки рекам, помощью Божию русскими людьми, опричь иноземцов»³.

Обследование, проведенное в 1763 г., выявило 33 построенных в петровское царствование шлюза, из них два на р. Упе (приток Оки), 12 на Шате (приток Упы) и 19 на Дону. Большинство к тому времени были частично разрушены из-за «полой» воды и/или строительства мельниц.

Исследованию истории этого, одного из первых в России, опытов каналостроения посвящена единственная монография, принадлежащая перу А. И. Миловидова⁴.

Впрочем, Ивановская водная система, в дальнейшем – ИВС, часто именуемая Ивановским каналом, упоминается во многих исторических сочинениях

(книгах и статьях), но это именно упоминания, в лучшем случае – страницы текста, нередко вторичного. Ряд публикаций по истории ИВС принадлежит одному из авторов этой статьи⁵. Он же впервые детально проработал вопросы, касающиеся связей истории канала с личностью и деятельностью Петра Великого⁶.

Иван-озера – географической сердцевины этого комплекса – вот уже 80 лет не существует. Оно залито водами Шатского водохранилища. Остатков же Ивановской водной системы сохранилось немало. В настоящее время по ее трассе тянутся строго прямые участки искусственного русла и идущие вдоль него земляные валы. Меньше «повезло» шлюзам – они были разобраны во второй половине XIX в. Точное местоположение большинства из них на текущий момент неизвестно. Авторы статьи на протяжении нескольких лет проводят камеральные и полевые исследования, направленные на из-

² Юркин И. Н. Петр Железный: (Петр Великий и Тульский край: факты, гипотезы, документы). СПб., 2012. С. 80.

³ РГАДА. Ф. 185. Оп. 1. 1702 г. Д. 144. Л. 1 об.–2.

⁴ Миловидов А. И. Достопримечательные села Тульской губернии: (ист. очерки). Село Иван-Озеро и Ивановский канал, начатый Петром Великим. Тула, 1892. С. 1–64.

⁵ Юркин И. Н. «И того б учинил о том по сему...»: (Ивановский канал в канцелярской переписке 10-х–20-х годов XVIII века) // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия: труды науч.-практ. конф. «Куликово поле – уникальная культурно-историческая и природная территория. Проблемы изучения и сохранения военно-исторического и природного наследия Центральной России» (Москва–Тула, 25–27 окт. 1999 г.). Тула, 2000. С. 195–207; Его же. Изучение местности и фиксация информации о ней на начальном этапе создания Ивановской водной системы (по документам 1701–1702 гг.) // История наук о Земле: сб. ст. М., 2011. Вып. 4. С. 74–83; Его же. План Ивановского канала 1763 г. как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: материалы 25 Междунар. науч. конф., Москва, 31 янв.–2 февр. 2013 г. М., 2013. Ч. 2. С. 619–622.

⁶ Юркин И. Н. Петр Железный ... Гл. 4–8.

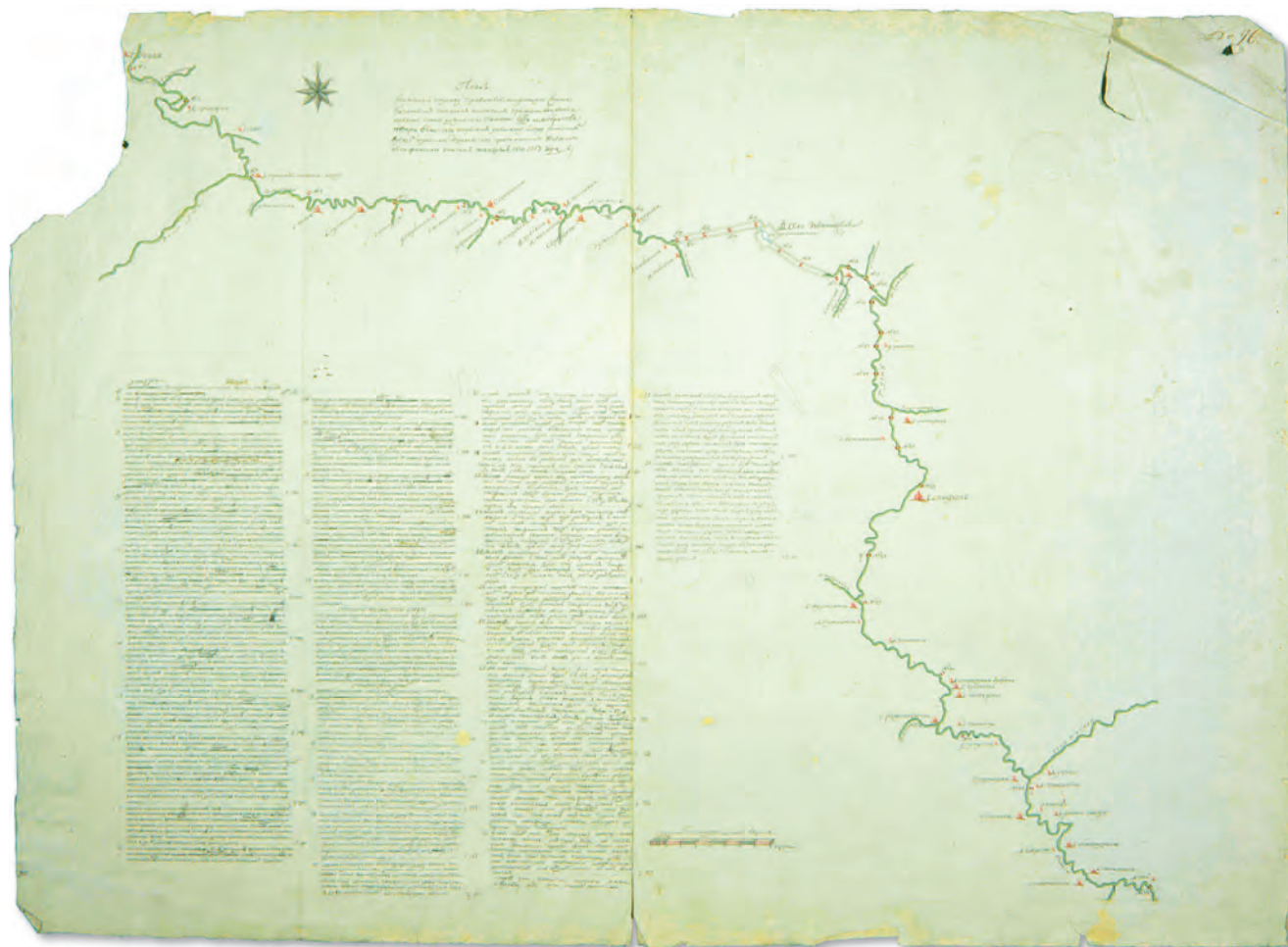

Рис. 2. Екатерининский план Ивановской водной системы (1763 г.)

учение этой системы: выявление сохранившихся гидротехнических ее сооружений (каналы, валы) и локализацию несохранившихся (шлюзы).

Заметим, что для археолога комплекс сооружений, связанных с Ивановской водной системой, в качестве объекта исследования особенно ценен тем, что не был завершен и по этой причине не реконструировался, – как следствие, позднейших гидротехнических сооружений, которые бы перекрывали сооружения первоначальные, здесь меньше. Единственное, что искажает картину, – позднейшие мельницы, иногда строившиеся точно по местам шлюзов. Тем не менее исследование этого объекта может сообщить полезную, а в ряде случаев и уникальную информацию в отношении приемов и технологии строительства воднотранспортных путей на этапе переноса этих технологий в Россию.

Поставить точку в вопросе локализации шлюзов способна лишь археология. Но «навести» археолога на перспективную площадку должны исто-

рические источники. Среди наиболее в данном случае потенциально информативных – источники картографические. Статья посвящена описанию типичных ситуаций, с которыми, обращаясь к таким источникам, сталкивались авторы, и выводам, к которым, анализируя эти ситуации, они пришли. Наряду с методического характера обобщениями, сообщаются и некоторые конкретные результаты, обогащающие знания по теме.

Версты и сажени плана 1763 г.

То, что было сделано за первые 10 лет строительства канала (то есть в петровский период его истории), отображено на документе несколько более позднего, а именно, екатерининского времени. Полное название документа – «План, сочиненной по указу Правительствующего Сената зачатый каналом и шлюзам при жизни блаженный и вечной славы достойныя памяти государя Императора Петра Вели-

каго по рекам Упе, Шату и Дону, состоящих в уездах Тульского, Дедиловского, Крапивенского, Веневского и Епифанского; описан и измерен сего 1763 года»⁷.

План (именуем его далее Екатерининским) представляет собой (рис. 2) рисунок гидросети, включающий избранные притоки, места шлюзов и ближайших населенных пунктов. На нем имеются масштабная линейка, указатель сторон света и весьма содержательная (0,35 авторского листа) экспликация. В последовательности с запада на восток в ней перечислены все шлюзы, описано их состояние, указано положение относительно русла, для канала сообщены его ширина и глубина. Приведено расстояние между шлюзами, названы ближайшие к ним населенные пункты с указанием их владельцев. Отмечено наличие при шлюзах строительных материалов.

Следует отметить, что географическое содержание этого плана (собственно рисунка) не всегда достаточно высокого уровня. Так, правобережный приток Дона, речка Люторич, изображена на нем как приток левобережный; с. Рождественское (Монастырщина) по отношению к другому его притоку, речке Непрядве, показано не на том его берегу и т. д.

Этими ошибками не исчерпываются погрешности плана. К сожалению, многое из того, что при первом ознакомлении с ним способно вызвать энтузиазм исследователя, при более внимательном рассмотрении столь же успешно этот энтузиазм охлаждает. Это касается и одного из наиболее привлекательных (для указанной цели) качеств плана: возможности (так, во всяком случае, кажется на первый взгляд) с помощью масштабной линейки что-то на нем измерить. При попытке реализовать эту возможность сталкиваемся с неожиданным препятствием, а именно значительными различиями рисунка русла и обусловленной этим трудностью нахождения на старом плане и на современной топографической карте точек, имеющих одинаковые географические координаты. При этом даже места впадения в Дон его притоков не могут считаться безусловно совпадающими, так как устья рек способны перемещаться. Рисунки русла Дона на старом и новом планах различаются на некоторых участках настолько сильно, что возникают сомнения, можно ли списать эти различия на естественное блуждание русла.

Еще одно потенциально ценное качество источника – наличие в экспликации к плану данных о расстоянии между шлюзами. При этом, начиная со шлюза № 17 (здесь и далее используется нумерация Екатерининского плана), в экспликации неизменно повторяется, что измерение производилось по прямой линии. Казалось бы, привязавшись к любой надежно определенной точке, отвечающей место-

положению шлюза, можно шаг за шагом определить положение их всех, по крайней мере для участка между шлюзами № 17 и № 33.

Попытка реализовать эту процедуру дает, однако, результаты настолько сомнительные, что проверки их на местности чаще всего даже не требуется. Так, согласно Екатерининскому плану, расстояние между шлюзами № 25 (у с. Люторичи) и № 29 (у с. Муравлянка), измеренное по ломаной линии, связывающей шлюзы, должно составлять 16–17 км⁸ (рис. 3). Кривая в данном случае аппроксимируется ломаной линией и расстояние подсчитывается как сумма линейных участков. Точно так же, опираясь на современную топографическую карту, поступить невозможно, поскольку точное местоположение точек перелома нам неизвестно. В то же время очевидно, что ошибка в их выборе при отсутствии значительных петель русла к большой ошибке при суммировании привести не должна. Однако тот же участок, измеренный по современной карте (с учетом предполагаемых мест расположения шлюзов), имеет

⁸ Число верст, соответствующее расстоянию между шлюзами № 26 и № 27, попадает в документе на сгиб листа. Цифра частично стерта: это может быть 5 или 6. В связи с этим в сумме возникает диапазон шириной в одну версту.

Рис. 3. Епифанский участок трассы Ивановской водной системы (от с. Люторичи до с. Муравлянка) на плане 1763 г.

⁷ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 24367. Л. 1.

протяженность около 20 км. Это возможно, только если отклонения русла от основного направления соизмеримы (имеют тот же порядок величины), что и математически сглаженная его линия, а этого на карте и космоснимках не наблюдается. Остается усомниться в достоверности сведений экспликации Екатерининского плана.

Подобная (в 15–20%) ошибка может значительно увеличиться при переходе к измерениям на малых участках. По экспликации к Екатерининскому плану расстояние между шлюзом № 27 (у с. Козлово) и № 29 (у Муравлянка) составляет 7,16 км. При измерении по прямой на плане новейшего времени можно ожидать, что оно окажется немного меньшим (поскольку заменяем ломаную прямой), а получается – порядка 12 км. Расхождение превышает 60%. Если же заменить прямую на ломаную, с переломом на шлюзе № 26 (предположив, что знаем, где он находится), расстояние, измеренное по ней, при любом расположении точки 26 окажется еще больше. Из сказанного заключаем, что цифры Екатерининского плана определялись, скорее всего, измерением не на местности, а циркулем и линейкой по некоему весьма неточному плану.

Не облегчает привязку к местности точек, соответствующих шлюзам, и тот факт, что в экспликации, как правило, назван населенный пункт, при котором находится конкретный шлюз, и имя (имена) владельца (владельцев) этого селения. Предположим, нам известно название дачи, где располагался объект. Но многие селения времени Генерального межевания перестали существовать, другие изменили границы и положение (расширились, сместились). Известие, что шлюз находился при селе таком-то, требует для использования (локализации шлюза) специального исследования по истории села. Кроме того, некоторые дачи были большими и, если шлюз привязан к даче, а не к селению (в Екатерининском плане это именно так), задача еще более усложняется. Решить ее без привлечения дополнительных источников невозможно.

Приведенный пример наглядно показывает (**рекомендация 1**): *не следует без проверки доверять количественной информации на ранних планах, даже если на них или в документальном конвое сказано, что эта информация – результат измерений на местности.*

Гидронимы на плане 1854 г.

Поскольку определить местоположение шлюзов – всех и сразу – «на кончике пера» не удастся, следует целенаправленно и упорно искать каждый из них. Это предполагает скрупулезное сопоставление сведений, извлекаемых из картографического материала, и наблюдений на местности. Такая работа, приближая к главной цели, немало неожиданно-

го может сообщить и об источниках. Покажем это на примере шлюза, на плане 1763 г. имеющего № 27.

Примерное представление о его местоположении дают Екатерининский план (с учетом сведений экспликации) и отчеты за 1895 г. гидротехнического и лесоводственного отделов Экспедиции для исследования источников главнейших рек Европейской России, работавшей под руководством генерал-лейтенанта А. А. Тилло. В последних, помимо упоминания об этом шлюзе в тексте⁹, содержатся карты¹⁰, составленные по планшетам съемки офицеров Генерального штаба 1854 г.¹¹ На этих картах шлюз не показан, но соотнесение их с текстом отчета позволяет прийти к тому же выводу, к которому приходим на основании анализа Екатерининского плана: шлюз № 27 следует искать в нескольких верстах к северо-западу от города Епифани (рис. 4).

Прежде чем углубиться в его поиск, укажем на два обстоятельства, важные для последующих умозаключений. Первое – то, что камерные шлюзы строились на сухом месте (либо изначально сухом, либо, что реже, на временно осушенном). Второе: для их функционирования требовалось наличие при каждом из них регулируемого деривационного («вешнякового») водовода. Перечисленное подсказывает самое распространенное проектное решение: шлюз строился неподалеку от действующего русла, к нему (шлюзу) и от него прокапывался канал, а на естественном русле устраивались запорные конструкции, необходимые, чтобы в дальнейшем использовать его для сброса избытка воды. Эффективность этой простой схемы возрастала, если канал и шлюз строились в районе, где русло петляло, – в этом случае канал через шлюз еще и стягивал петлю, то есть сокращал и спрямлял водный путь.

Вернемся к локализации шлюза № 27. «План уездного гор. Епифани с окрестностями, снятый инструментально в 1854 году по масштабу 1/21000»¹² содержит сведения об интересующем нас районе, как кажется, могущие быть полезными для решения задачи. На нем в двух километрах от городской соборной колокольни показана мельница, а от нее вверх по течению идет идеально прямой участок русла Дона, протяженностью приблизительно километр.

⁹ Бассейн Дона. Исследования Гидротехнического отдела 1895 г. под руководством нач. Отд. инж. Ф. Г. Зброжека. Бассейн верховьев р. Дона до устья р. Непрядвы, бассейн р. Непрядвы и бассейн верховьев р. Красивой Мечи до устья р. Гоголя. [Отчет Ф. Г. Зброжека]. СПб., 1897. [2], 61 с. (Труды Экспедиции для исследования источников главнейших рек Европейской России, издаваемые нач. Экспедиции, ген.-лейт. А. А. Тилло).

¹⁰ Никотин В. И. Бассейн Дона до слияния с Непрядвой. Исследования Лесоводственного отдела. 1895 г. С 2-мя карт. верховьев Дона. М., 1902. IV, 64 с. (Труды Экспедиции для исследования источников главнейших рек Европейской России).

¹¹ Там же. С. IV.

¹² РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 5289.

Рис. 4. Район шлюза № 27 на топографической карте 1925 г. Лист «Епифань»

Несколько выше его начала в Дон впадает верхний (северный) рукав левобережного притока – реки Лютой. Обращает на себя внимание показанное на плане название этого водотока – «Рукав Стар. Дон».

Соблазнительно попытаться согласовать эту картину с уже изложенными представлениями о том, как трансформировалась водная система при строительстве шлюза. Согласовать можно, предположив, что раньше Дон уходил через этот рукав к востоку, затем у нынешнего раздвоения Лютой поворачивал к югу и далее тек по руслу, которое сейчас является нижним ее рукавом. После построения канала со шлюзом на нем исчезла необходимость прохождения этого весьма протяженного участка – теперь суда могли идти по каналу. Русло же, по которому донские воды текли раньше, преобразовывалось в деривационный водовод.

Есть, однако, факты, плохо согласующиеся с подобным предположением.

Во-первых, близкий к прямому углу сопряжения русел Дона и верхнего рукава его притока реки Лютой. Если бы прежде вода из Дона уходила от этой точки в нынешнее русло Лютой, сопряжение имело бы значительно больший радиус.

Во-вторых, то, что прямолнейный участок нынешнего русла Дона (несомненно искусственный) начинается не сразу от устья верхнего притока, а несколько ниже. Если бы Дон первоначально уходил в

нынешнее русло Лютой, канал (разумеется, прямой) начинался бы сразу от этой точки.

Забегая вперед, скажем, что существует другое объяснение наблюдаемой картине – объяснение, в которое прекрасно вписываются все факты, исключая только название с плана Епифани 1854 г. «Рукав Стар. Дон», – его в этом случае придется считать ошибкой. Именно ошибкой мы его и считаем. Рискнем объяснить ее особенностями психологии восприятия информации в ходе съемки. Топографы, снимая план, наибольшее внимание уделяли точности изображения. Линии и точки в пространстве планшета опирались на показания геодезических инструментов. Топонимика же записывалась ими на слух, вероятность допустить ошибку была при этом больше. Так, элемент гидросети «рукав реки Лютой» приобрел на плане чужое ему название «рукав Старый Дон». По той же причине другие элементы подлинные названия часто теряли. Огромное количество оврагов на планах Генерального межевания названо на них «Безымянными». Не приходится сомневаться, что многие из них имели индивидуальные названия, но микротопонимика интересовала межевщиков меньше, чем углы и сажени.

Обобщим сказанное в **рекомендации 2**: *следует с осторожностью относиться к топонимической информации на планах и картах, особенно к микротопонимике.*

Выбор картографического материала при реконструкции утраченных элементов гидросети

Упомянутое выше наиболее правдоподобное решение задачи локализации шлюза № 27 дают уездные планы Генерального межевания (см., в частности¹³). Хотя точность этого источника во многих случаях оставляет желать лучшего, применительно к нашему участку местности наблюдаем картину, во-первых, на обоих сходную, во-вторых, находящую отражение в сохранившихся элементах гидросети.

Наилучшее соответствие с современной картой дает однолистовый план Епифанского уезда. На нем к востоку от села Козлова Слобода река Дон принимает левый приток речку Лютую, текущую через заболоченную пойму. Немного ниже ее устья русло Дона раздваивается. Рукава восточный и западный, приняв свои овраги и ручьи, соединяются между слободами Козловой и Алтабаевой (рис. 5). Изображение на двухлистовом уездном плане от картины, наблюдаемой в настоящее время, отстоит несколько дальше. Однако и здесь присутствует участок раздвоенного русла Дона, причем западный его рукав близок к прямолинейному, тогда как восточный имеет дугообразную форму. К точке раздвоения с северо-востока подходит водоток, питаемый речкой Лютой.

Это раздвоение хорошо просматривается на космоснимках, с той, однако, разницей, что восточ-

ное русло представляет на нем сухую старицу. Отдельные участки последней прослежены авторами доклада и при осмотре местности. Особенно отчетлива она в нижней ее части.

Таким образом, канал со шлюзом на нем действительно спрямил русло Дона, но прежнее русло располагалось, по-видимому, значительно к нему ближе, чем это можно было предположить, приняв за него оба рукава речки Лютой. Планы Генерального межевания помогли исправить неверное заключение, вынесенное из анализа плана 1854 г.

Рекомендация 3: *хотя метричность планов раннего времени часто невелика, для качественной реконструкции утраченных элементов гидросети они всё же предпочтительнее, чем позднейшие.*

Метаморфозы

«шлюз – мельница – шлюз»

Естественный водоток – всегда объект интереса для человека, причем не обязательно живущего поблизости. Цели, которые он, прикасаясь к воде, преследовал, были весьма разнообразны, однако создаваемые им гидротехнические сооружения могли иметь многочисленные черты сходства. Изучая карты, отображающие старинные водные пути, особое внимание следует уделять возможно находившимся на их трассе другим гидросистемам, прежде всего – мельничным.

О существовании на месте шлюза № 27 мельницы известно, по меньшей мере, с начала XIX в. – она изображена на относящемся к этому времени плане с проектом постройки на этом месте нового шлюза. Она также присутствует на плане Епифани 1854 г. и словесно описана в отчете гидротехнического отдела экспедиции Тилло (сезон 1895 г.). На планах советского времени мельница уже отсутствует.

Приведем цитату из отчета экспедиции Тилло, ясно указывающую на пространственную связь шлюза и мельницы:

«Ниже верхнего рукава реки Лютой до мельницы Козловской и несколько ниже, Дон почти на версту течет по искусственному каналу, сохранившемуся от времени бывшей постройки соединительного пути; на месте теперешней плотины был шлюз, от которого уцелел шпунтовый ряд и отдельно стоящие сваи (здесь и далее выделено нами. – И. Ю., А. Н.). Ширина канала 15 саж. и глубина 1,3 саж., размеры совершенно те же самые, какие имеет канал выше села Бобриков. ... Кроме того, в левом берегу Дона, несколько ниже мельницы, уцелели еще обломки известняка, залитые цементом: остаток от бывшей на этом месте головы шлюза»¹⁴.

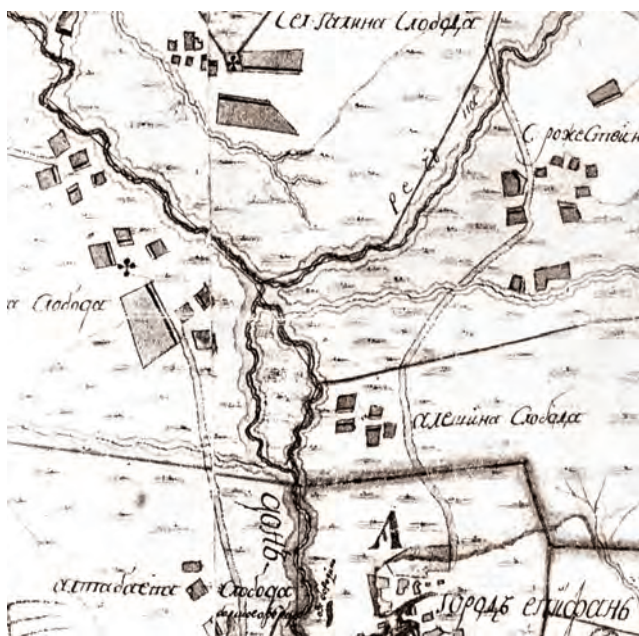

Рис. 5. Русло Дона в районе шлюза № 27 на плане Генерального межевания

¹⁴ Бассейн Дона. Исследования Гидротехнического отдела 1895 г. под руководством нач. отд. инж. Ф. Г. Зброжека. Бассейн верховьев р. Дона до устья р. Непрядвы, бассейн

Источник вполне определенно указывает на местоположение шлюза: он располагался на месте «теперешней» (то есть мельничной) плотины, его «голова» находилась немного ниже мельницы. А положение мельницы показано на картах.

Шлюзы и мельницы тяготели друг к другу в силу сходства гидротехнических их установок. Те и другие имели устройства, регулировавшие уровень воды. Именно поэтому так часты наложения друг на друга двух разновременных гидросистем: водно-транспортной и мельничной. Каждую устраивали, максимально полно используя подходящие элементы рельефа и, если на этом месте уже была гидросистема, – используя ее элементы. Судя по планам шлюзов александровского времени, проектанты привязывали их к существующим мельницам, к их насыпям и выемкам (рис. 6: 1, 6: 2). Козловский мельник руководствовался той же логикой: ставил мельницу по шлюзу, используя рельеф, сформированный петровскими каналостроителями. Полевые наблюдения на участках системы вблизи расположенных поблизости населенных пунктов Муравлянка, Лупишки, Ренево подтверждают это наблюдение.

Из сказанного следует обобщение методического характера, касающееся изучения остатков искусственных водных систем (**рекомендация 4**): *при локализации их объектов особое внимание должно быть обращено на места более поздних мельниц.*

Разумеется, это касается как полевых исследований, так и картографического изучения вопроса, предваряющего полевые обследования.

Конфликт «шлюз/мельница»

В отчете экспедиции Тилло содержатся сведения о том, как мельник преобразовывал доставшиеся ему остатки гидросистемы XVIII в. Во время дождей и сезонных разливов речка Лютая давала избыточно много воды, эпизодически размывавшей плотину мельницы. При этом «большая часть воды шла главным рукавом, лежащим выше мельницы», – она и «рвала плотину». Для предотвращения разрушений был «расчищен и углублен нижний рукав, благодаря чему большая часть высоких вод стала уходить в Дон, минуя мельницу». Но «так как дно верхнего рукава» осталось «все-таки ниже дна нижнего рукава (почему? – И.Ю., А.Н.), то «во время нормального горизонта вода идет лишь по первому рукаву и питает ... пруд мельницы Козловской»¹⁵. Последнее важно, поскольку, судя по планам, мельница не имела пруда-накопителя. (Небольшой пруд у нее был, но располагался он ниже мельницы.)

р.Непрядвы и бассейн верховьев р.Красивой Мечи до устья р.Гоголя. С.21. (Труды Экспедиции для исследования источников главнейших рек Европейской России, издаваемые нач. Экспедиции, ген.-лейт. А. А. Тилло).

¹⁵ Там же. С. 20.

Рис. 6: 1. Козловская мельница в начале XIX в.

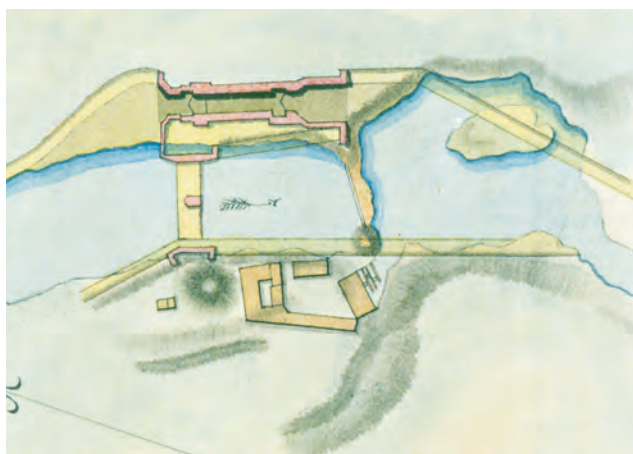

Рис. 6: 2. Пример использования рельефа, сформированного предшествующим гидротехническим объектом: наложенный на существующую мельницу проект нового шлюза

Таким образом, система водоснабжения мельницы включала три элемента: перегороженный плотиной петровский канал (нынешнее русло Дона), на котором стояла мельница, и два рукава левого притока (речки Лютой): один, верхний, обеспечивал ее водой, другой, нижний, спасал от ее избытка. Прочие русла в эту систему не вписывались и либо были бесполезны, либо мешали. Можно предположить, что с целью «отключить избыточный контур» старое русло Дона, которое в комплексе сооружений Ивановской водной системы должно было служить деривационным водоводом, было наглухо перекрыто насыпью. В пользу этого предположения говорит картина, которую рисуют космоснимки: единственный участок этого деривационного канала, который

на нем не прослеживается, это начальный участок, соединяющийся с Доном. Окончательно подтвердить или опровергнуть эту догадку помогут археологические исследования.

Как видим, создававшаяся для мельниц гидросистема не только использовала и этим консервировала отдельные элементы водной дороги-предшественника. Другие ее элементы она могла искажать, мешавшие ей – разрушить.

Отсюда **рекомендация 5:** *пытаясь по картам и натурным остаткам представить гидротехнические сооружения воднотранспортной системы, не следует стремиться связать с ними все элементы современного ландшафта. Задача исследователя – хронологически разделить эти элементы и установить их назначение.*

Элементы гидросистем, не отраженные на картах

К сожалению, подчас весьма привлекательные (с точки зрения логики реконструкции) элементы прибрежного ландшафта вообще не находят отражения на карте.

Пример – система валов у д. Михайловка (шлюз № 23 или № 24). Эти валы, канал между ними и вероятное место шлюза читаются на местности очень отчетливо. С неожиданностью сталкиваемся при анализе общего плана объектов. Судя по нему, у входа в ведущий к шлюзу канал должно было существовать довольно значительное залитое водой пространство (ныне сухое) – некое подобие пруда. Можно предположить, что его акваторию предполагалось использовать для маневра судов перед входом в канал и при необходимости для ожидания прохода. Ни на Екатерининском плане, ни на планах Генерального межевания отвечающих этому пруду аномалий вдоль русла выявлено не было.

Второй пример – ряжевые конструкции в русле Дона, обнаруженные при обследовании района шлюза № 18. Левый берег на этом участке, судя по обнажению, подсыпан. Учитывая, что река делает на этом участке поворот, можно предположить, что при строительстве канала берег был укреплен ряжами, но впоследствии укрепления размыло и ряжи оказались в русле реки. Подобного рода элементы в принципе не фиксировались планами, снятыми на законченном объекте, поскольку были скрыты насыпями. Единственное, где их можно было бы ожидать увидеть, – на проектных чертежах поздних, начала XIX в., сооружений этой системы, но такие для данного участка на настоящий момент также не выявлены.

Говоря о скрытых элементах, можно провести параллель с ситуацией, которая возникает при археологическом изучении остатков ранних, XVII в.,

доменных заводов. Сохранившиеся довольно подробные их описания¹⁶ создают обманчивую иллюзию, что все сколько-нибудь значимые элементы конструкций в них отображены. Однако описано было только то, что видели снаружи. Устройство рабочих ларей не описывалось – в декабре 1662 г. и в марте 1690 г., когда проходили описания, желающих лезть в мокрый ларь наверняка не нашлось, тем более что и особой необходимости в этом не видели. А дренажная система, обнаруженная при археологическом исследовании 3-го Городищенского завода в начале 1990-х гг.¹⁷, в указанных переписных и отказных книгах XVII в. даже не упомянута.

Рекомендация 6: *следует осознавать, что никакой источник, картографический в том числе, не отражает объект во всей полноте значимых для исследователя его черт. Многие важные для него детали не получали отражения на планах потому, что казались их составителям несущественными или были для них недоступны.*

Учет типологически близкого материала

Конечно, первостепенное место среди картографических источников должны занимать проектные и близкие по времени к завершению строительства обмерные чертежи.

Для Ивановской водной системы таковые (фиксировавшие построенное) существовали. Создание наиболее раннего из них было обусловлено в известной степени случайными обстоятельствами. Поскольку М. П. Гагарин выполнял личное распоряжение царя, в своих контактах с Разрядным приказом он не отягощал себя отчетностью перед ним. Разряд, направлявший на работу значительные материальные и людские ресурсы, естественно, беспокоился о том, насколько эффективно они расходуются. В сентябре 1701 г. он направил на Иван-озеро подъячего Петра Поликостицкого, которому предписывалось осмотреть работы и, приложив чертеж, доложить о положении дел в приказе. Чертеж, который, возможно, принадлежал к первым чертежам, изображавшим верховье Дона, был составлен. На сегодняшний день он не выявлен, но в документах Разряда имеется его описание¹⁸.

То же и с другими, несомненно, существовавшими чертежами Ивановского канала петровского времени – в распоряжении исследователей они отсутствуют.

¹⁶ Крепостная мануфактура в России. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. Ч. 1: Тульские и Каширские железные заводы. С. 8–40, 108–143.

¹⁷ См. фотографии в кн.: Юркин И. Н. Петр Железный... С. 63, 66.

¹⁸ Его же. Географический чертеж 1701 г. – первый план местности в районе истока Дона // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2010. М., 2011. С. 415–418.

Рис. 7. Поселения рабочих людей близ канала Камышенка – Иловля. Атлас К. Крюйса. Фрагмент листа «Новая и предивная карта о переконе...»

В подобных случаях представляет интерес привлечение картографического материала, хотя и относящегося к другим объектам, но типологически и хронологически являющегося аналогом изучаемого. В данном случае таковым является план канала между речками Камышенкой и Иловлей, имеющийся в Атласе К. Крюйса (1704 г.). Этот канал являлся попыткой соединить Волгу и Дон, которая непосредственно предшествовала Иванозерскому проекту¹⁹. Остановка работ на нем и начало работ на Иван-озере хронологически практически совпадают. Организационно и технически эти проекты были родственными. Поэтому вполне естественно ожидать параллелей в том, что и как делалось на Средней Волге и на Иван-озере.

На плане из Атласа Крюйса показаны поселения строивших его рабочих людей («шалаша работничьи»), причем двух типов – огороженные и не имевшие внешней ограды (рис. 7). Учитывая, что при создании Ивановской водной системы использовался тот же контингент рабочей силы, можно ожидать, что временные поселения строителей на Дону

и Шате были аналогичны показанным у Крюйса. К настоящему времени в районе шлюза № 31 (с. Моностырщина) на берегу Дона выявлено поселение, предварительно датированное концом XVII – началом XVIII века, то есть по формальным признакам подходящее для того, чтобы оказаться «рабочими шалашами». Археологическое его изучение еще предстоит.

Рекомендация 7: при отсутствии или нехватке картографических источников по конкретному объекту следует привлекать планы типологически сходных объектов, близких по времени к изучаемому.

Заключение

Перечисленные семь рекомендаций обобщают наиболее значимые для авторов наблюдения методического плана, сформулированные при изучении и использовании картографического материала XVIII–XIX вв. в ходе полевых исследований гидротехнических сооружений Петровской эпохи, конкретно, Ивановской водной системы. Полагаем, что они будут уточняться и дополняться.

Вместе с тем уже наработанный материал дает повод развернуть его в другом направлении – как проблему критики такого своеобразного источника, как планы и чертежи. Ее приемы для графических

¹⁹ См. о нём, например: Перри Д. Состояние России при нынешнем царе. В отношении многих великих и замечательных дел его по части приготовления к устройству флота, установления нового порядка в армии, преобразования народа и разных улучшений края ... // ЧОИДР. М., 1871. Кн. 1. С. I–VIII, 1–38 (4-я pag.).

источников, связанных с разными культурными практиками (например, для архитектурных обмерных чертежей и топографических карт), несомненно, будут различаться. Но столь же несомненно, что будут приемы и общие – в первую очередь, полагаем, те, которые определяются общностью способа отображения объекта и законами психологии восприятия. Тут есть и объект для размышлений, и эмпирический материал, необходимый, чтобы проверить на нем плоды рефлексии.

Проблемное поле исследования может быть еще более расширено за счет вовлечения в круг рассматриваемых источников новых их видов. Так, связанная с нашим каналом делопроизводственная документация довольно часто упоминает об использовании при проведении работ неких моделей. Ограничимся несколькими примерами, относящимися к 1702 г. В отписке, посланной в первой декаде марта, М.П.Гагарин уведомил, что ему «надобно... для дела мадели слюзной вскоре четыре человека сталяров»²⁰. Он же в отписке от 9 июня: нужно «8 мест медных литых, во что утвердить сшлейзные затворы, да 8 ж мест медных же небольших, которые надобны прикрепить к затворным пятам. И тем

²⁰ РГАДА. Ф.210 (Московский стол. Столбцы). Ед.хр. 797. Л.150.

обоим местам прислал мадели деревянные»²¹. 2 октября он сообщил, что «прислана к нему по ево великого государя имянному указу с Воронежа мадель сшлейзам»²². Первые два случая можно объединить, предположив, что под моделью понимается некий макет, изготовленный в другом, более удобном для обработки материале и передающий прежде всего форму будущего изделия. Тогда становится понятно, что столяры нужны для изготовления таких форм, по которым в Москве будет сделано изделие – в данном случае, основание для шлюзового затвора. Но что подразумевается в последней цитате – состоящая из уменьшенных элементов модель шлюза в целом? Насколько точно такие модели передавали детали будущего объекта? почему предпочтение отдавали им, а не чертежу? что за модельная мастерская, изготавливавшая их, действовала в Воронеже? – всё это можно, на наш взгляд, достаточно продуктивно обсуждать даже при отсутствии собственно моделей. И всё это чрезвычайно интересно для изучения законов взаимодействия систем «объект – его отображение» в период до широкого распространения современной инженерной графики.

²¹ Там же. Л.212.

²² Там же. Ф.185. Оп. 1. 1702 г. Д. 144. Л.1.

I. N. Yurkin, A. N. Naumov

Cartographical Material of the 18th – 20th Centuries

in the Field Researches of the Petrinian Hydrotechnical Constructions as Revealed by the Study of the Ivanovsky Canal

Key words: the Ivanovskaya water system, cartographical material, hydrotechnical facilities, canal, sluice.

Abstract: The peculiarities of the use of cartographical material of the 18th – 20th cc. are considered on the material of the researches of the Ivanovskaya water sys-

tem (Ivanovsky canal) which are being carried out by the authors. Methodological generalization, considering the experience of working with such sources to fulfill the task of localization of the lost objects, has been made. The possibility of using sources of different types is being under discussion. The critical methods of the source are shown in the appendix to the solution of practical tasks.

Аметисты XVI в. с Романова двора (Москва)

Рис. 1. Павильон над раскопом у церкви Знамения на Шереметевом дворе. Апрель 2002 г.

Настоящая публикация посвящена аметистам, найденным в 2002 г. во время археологических исследований во дворе старого здания МГУ имени М.В.Ломоносова. Это участок территории, ограниченной улицами Моховой, Никитской, Воздвиженкой и Романовым переулком (рис.1). Раскоп, разбитый в 15 м от апсид церкви Знамения на Шереметевом дворе, получил название Романов двор-2¹.

¹ Работы велись под руководством Л.А.Беляева (Институт археологии РАН). См.: Беляев Л.А. Об особенностях изучения раскопа Романов двор-2 // [Кренке Н.А.,

Необработанные аметисты были найдены в слое, соотношенном с функционированием здесь Опричного двора Ивана Грозного. По индивидуальным находкам и массовому керамическому материалу этот слой датирован второй – третьей четвертью XVI в.

Общий вес найденных образцов составил около пяти килограммов. Большая их часть обнаружена на

авт.-сост.]. Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.: ИА РАН, 2009. С.96–98. (Материалы охранных археологических исследований; т.12).

Рис. 2. Аметисты в расконе *in situ*

полу постройки и в заполнении небольших ям рядом с ней (рис. 2). Необычно большое количество необработанного камня вызвало неизбежные вопросы: с какой целью и откуда попал сюда аметист? Известно, что для технических целей этот камень не использовали: он не годился в качестве присадки или флюса. Поэтому аметист мог предназначаться исключительно для ювелирных целей, хотя ни одного изделия из него или камней со следами обработки найдено не было. Единственная каменная бусина голубого цвета из этого же слоя оказалась *кордиеритовой*².

Для ответа на поставленные вопросы авторы этой работы обратились к методам геологии, минералогии и кристаллографии, а также к историческим методам исследований. Но прежде чем приступить к поискам источника найденного камня, рассмотрим общие сведения о нем.

Аметист – фиолетовая разновидность кварца, имеющая оттенки от бледно-сиреневого до пурпурного. По химическому составу этот минерал представляет собой двуокись кремния – SiO_2 с постоян-

² *Кордиерит* (уст. дихроит, иолит, водяной сапфир) – минерал, алюмосиликат магния и железа с формулой $\text{Al}_3(\text{MgFe})_2[\text{Si}_5\text{Al}_{0,18}]$. Кристаллы наблюдаются редко и большей частью в неяснообразованных призматических формах, имеющих псевдогексагональный облик. Минерал окрашен в различные оттенки синего и фиолетового, редко бесцветен. Твердость 7.0–7.5. Хрупок. Встречается в гнейсах, кристаллических сланцах и изверженных породах. Применяется как ограночное сырье.

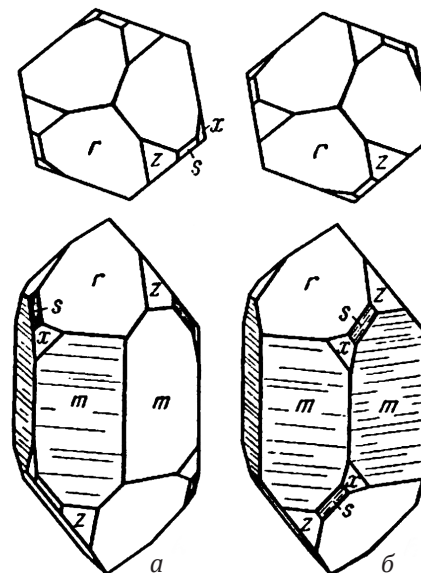

Рис. 3. Форма идеальных кристаллов кварца (так называемый левый (а) и правый (б) кварц).

Грани обозначены латинскими буквами:
m – грани призмы, *r*, *z* – грани ромбоэдров,
s – тригональная дипирамида,
x – тригональный трапецэдр.
 По А. Г. Бетехтину, 2010

ной примесью окиси железа (Fe_2O_3). С увеличением содержания Fe_2O_3 растёт интенсивность окраски. В меньших концентрациях присутствуют алюминий (Al), литий (Li), калий (K), кальций (Ca), магний (Mg), хром (Cr), марганец (Mn), титан (Ti), медь (Cu)³. Форма идеальных кристаллов – шестигранная призма с шестигранными головками, которые сложены гранями ромбоэдров, присутствуют также грани тригональной дипирамиды и тригонального трапецэдра (рис. 3). В природе идеальные кристаллы редки и пропорции граней часто нарушены. Чаще всего аметист встречается в виде друз, сложенных тесно сросшимися кристаллами близкого размера, наросшими на общее основание. Нередко в природе встречаются друзы, сложенные разноориентированными кристаллами неодинакового размера. Кристаллы аметиста часто слагают стенки *жеод*⁴. В друзах и жеодах для него характерны *неидеальные*

³ Киевленко Е. Я., Сенкевич Н. Н., Гаврилов А. П. Геология месторождений драгоценных камней. М.: Недра, 1982. С. 217; Юргенсон Г. А. Типоморфизм и рудоносность жильного кварца. М.: Недра, 1984. С. 5–7.

⁴ *Жеода* (фр. *géode* от др.-греч. *γεοειδής* или *γεώδης* – «землеподобный») – замкнутая полость в осадочных (преимущественно карбонатных) или некоторых вулканических породах, заполненная минеральным веществом или агрегатами минералов. Форма жеоды может быть любая, но чаще она изометричная, округлая, эллипсоидальная и пр.

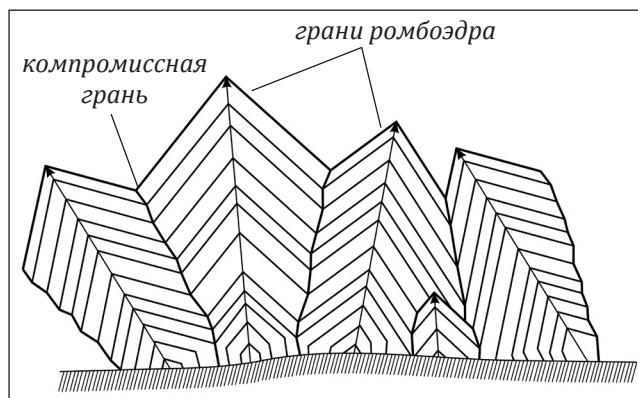

Рис. 4. Схема образования компромиссных граней с индукционной штриховкой при росте кристаллов аметиста в друзовой полости (жеоде). Стрелками обозначены длинные оси кристаллов

шестоватые⁵ кристаллы с зональной окраской, неровными гранями призмы и более ровными гранями вершин. Кроме того, в природе встречается так называемый жильный⁶ аметист.

Следует заранее отметить некоторые морфологические особенности кристаллов аметиста из жеод и друз. Несмотря на то, что кристаллы, расширяясь от основания к вершине, имеют субпризматический облик, собственно грани призмы на них отсутствуют. При росте кристаллов в полости возникает сразу множество центров кристаллизации, то есть рост индивидов в полости начинается во многих местах одновременно с образования мелких кристаллов. Постепенно кристаллы увеличиваются в размерах и начинают «мешать» друг другу, на контакте индивидов образуется так называемая компромиссная грань с индукционной штриховкой. То есть эта грань является разросшейся гранью ромбоэдра, а штриховка – не что иное, как «след» грани ромбоэдра соседнего индивида. Далее в тексте грани, дающие индивиду субпризматический облик, будут именоваться компромиссными (рис. 4).

Месторождения и проявления аметиста в мире имеют достаточно широкое распространение. На территории России они известны на Урале, Северном Тимане, Кольском полуострове, Камчатке. Бо-

гата фиолетовым кварцем территория Южной Африки, Зимбабве, Уругвая, Бразилии. Он встречается в Таджикистане, Узбекистане, Киргизии, Германии, Чехии и других странах.

К сожалению, кристаллы и выделения аметиста наряду с кварцем могут иметь сходные внешние особенности на совершенно различных месторождениях и проявлениях. Особенно это характерно для кристаллов, выросших в жеодах и друзовых полостях (наличие *индукционной штриховки*⁷, смена кварца аметистом от основания к центру кристалла и др.).

Химический состав аметиста из различных месторождений в целом достаточно близок, но набор элементов-примесей может отличаться. Однако даже в пределах одного месторождения, в зависимости от состава минералообразующего раствора, состава вмещающих кварцевые жилы пород и других особенностей геологического строения, он может изменяться качественно и количественно. Для выявления отличий между аметистами различных месторождений по набору элементов-примесей и уровням их содержаний требуется выполнение большого количества специализированных анализов. Подобная работа является темой самостоятельных исследований.

Несмотря на определенные сложности, существует ряд признаков, позволяющих иногда определить принадлежность образцов к генетическому типу месторождения. Важнейшая роль в определении типа принадлежит набору сопутствующих минералов (*парагенетические ассоциации минералов*⁸), морфологии и анатомии кристаллов, внешней симметрии и закономерностям их роста (*онтогении*⁹). Важными критериями являются размеры. Для аметистов, сформировавшихся в различных генетических условиях, характерными будут различные сопутствующие минералы, что будет детально показано ниже.

Рассмотрим теперь особенности образцов, найденных на Романовом дворе. Всего было изучено 1334 образца, среди них заметно преобладают кристаллы с различным количеством граней и их фрагменты. Незначительная часть образцов представляет собой жильные (лишенные граней) вы-

⁵ Неидеальные кристаллы – кристаллы неправильных, угловатых форм, характеризующиеся нарушением пропорций между гранями. Идеальные (или близкие к идеальным) кристаллы – кристаллы совершенной формы, в которой физически равноценные грани одинаково развиты.

Шестоватые кристаллы – кристаллы вытянутого, удлиненного облика, образующие в совокупности параллельно-шестоватые агрегаты кристаллов.

⁶ Жильный кварц (аметист) – данный термин применяется для обозначения стекловидного кварца без граней, из которого сформированы кварцевые жилы.

⁷ Индукционная штриховка – штриховка, проявленная в виде ступенчатых террас, возвышений, площадок, контуры которых отражают симметрию граней. Часто формируется на компромиссных гранях.

⁸ Парагенетические ассоциации минералов – закономерное сообщество одновременно образовавшихся минералов, возникшее в течение одной стадии минерализации или части стадии.

⁹ Онтогения минералов – раздел минералогии, посвященный изучению генезиса минеральных индивидов и агрегатов – их общему или индивидуальному развитию, включая возникновение (зарождение), рост и агрегацию на разных уровнях (формирование агрегатов), взаимодействие при совместном росте и изменение вплоть до разрушения или полного исчезновения (растворения).

деления или выделения с регенерированными гранями, обладающие микрогранным рельефом. Кристаллы аметиста имеют размеры от 5–20 мм до 50–60 мм по длинной оси. Преобладают сравнительно крупные образцы величиной 20–40 мм. Кристаллы, как правило, имеют шестоватый, суб-призматический облик, в поперечном сечении имеют неправильную, угловатую форму. На компромиссных гранях имеется обильная поперечная индукционная штриховка. Кристаллы иногда завершаются головками, где грани ромбоэдров представлены, как правило, только одной-тремя, редко присутствуют все шесть граней. Грани тригональной дипирамиды или тригонального трапеоэдра не наблюдаются. Соотношения длины и ширина от 1:1 (редко) до 2–3:1 (наиболее часто) и до 4:1 (редко). Кристаллы нередко расширяются от основания к вершине. Наличие интенсивной штриховки в сочетании с угловатой, неправильной формой и шестоватым обликом указывает на тесное срастание индивидов при кристаллизации в некоторой друзовой полости или жиле. Окраска образцов варьирует от бледно-фиолетовой до фиолетовой, редко – насыщенно-фиолетовая.

В ходе исследования большого количества образцов выборка была разделена на отдельные группы по наличию общих, характерных черт. Всего выделяется 12 групп. При этом для образцов групп 1–4 с высокой долей вероятности предполагается совместный рост в пределах одной аметист-кварцевой жилы¹⁰ или нескольких близрасположенных жил (полостей).

Онтогенические особенности роста кристаллов первых четырех групп хорошо видны на примере крупных выделений, где в полной мере проявлена стадийность их образования (рис. 5).

Стадийность образования кристаллов в группах 1–4

Зона Qtz-I¹¹. Рост кристаллов начался с образования зоны прозрачного светло-серого («льדיстого») кварца, иногда с бледным фиолетовым оттенком.

Зона Qtz-II. Данная зона представляет собой чередование полос молочного, почти непрозрачного кварца с полосами светло-серого прозрачного квар-

ца с бледным зеленовато-серым оттенком. При частом чередовании зона имеет «шевронный» облик. Иногда эта зона угнетена, представлена всего двумя полосами, иногда – только тонкой полоской молочного кварца.

Зона Qtz-III. Зона представляет собой плавный переход от светло-серого кварца различной прозрачности с бледным зеленовато-серым оттенком к аметисту. Аметистовая часть обладает различной прозрачностью и насыщенностью цвета. Как правило, аметист полупрозрачен, полностью прозрачных (ювелирных) кристаллов и зон в кристаллах не наблюдается. Аметистовая подзона слагает вершину кристалла, которая часто покрыта тонкой пленкой гематита¹² или же матовой коркой.

Зона Qtz-IV. Вершины кристаллов поверх пленки гематита покрыты тонким (1–2 мм) слоем непрозрачного серого, молочного, полупрозрачного серого с желтоватым оттенком кварца. В одном образце вершина кристалла, кроме полупрозрачного кварца, покрыта щеткой мелких (около 0,2 мм) кристаллов кварца.

В Qtz-III (аметист) на вершинах кристаллов и в привершинных частях на компромиссных гранях наблюдаются выделения пластинчатого барита¹³, размеры которого достигают 15–20 мм. Он имеет белый, бледно-розоватый, светло-серый цвет.

В кристаллах группы 1 проявлена наиболее полная (генеральная) последовательность, кристаллы остальных групп представляют собой менее полный набор генеральной последовательности (детально показано ниже). То есть изменяется лишь количество зон, участвующих в строении каждой группы, их толщина.

Кроме общей зональности, одним из важных признаков, позволяющих судить о принадлежности отдельных групп к одной жиле или нескольким сближенным жилам (полостям), является наличие тонкого, пленочного гематита мясисто-красного цвета, как правило, между Qtz-III и Qtz-IV. Также следует отметить, что многие кристаллы содержат выделения пластинчатого барита.

Группа 1. Кристаллы (11 образцов) размером от 35 до 67 мм. Характеризуются наличием полной последовательности, описанной выше (рис. 5).

¹⁰ Кварцевая (аметист-кварцевая) жила – протяженное в двух измерениях простое тело, образовавшееся либо в результате выполнения трещинной полости минеральным веществом, либо вследствие метасоматического замещения пород вдольтрецин минеральными веществами. По этим признакам выделяют жилы выполнения и жилы замещения. Формы жил весьма разнообразны. В жилах нередко встречаются пустоты (полости), выполненные кристаллами.

¹¹ Qtz – аббревиатура означает принятое в минералогии латинское сокращение кварца, римская цифра – номер зоны по порядку.

¹² Гематит – минерал класса оксидов, оксид железа с формулой Fe_2O_3 . Часто встречается в виде пластинчатых, ромбоэдрических и таблитчатых кристаллов, а также в виде плотных скрытокристаллических масс, листоватых и чешуйчатых агрегатов, налетов, пленок. Цвет от железно-черного до стально-серого, в тонких чешуйках – густо-красный. Широко распространен в природе в самых разнообразных породах.

¹³ Барит – минерал класса сульфатов, сульфат бария с формулой BaSO_4 . Образует таблитчатые кристаллы, пластинчатые выделения, сплошные зернистые и землистые массы. Бывает бесцветный, серый, желтоватый, буроватый, розоватый. Характерный минерал гидротермальных процессов.

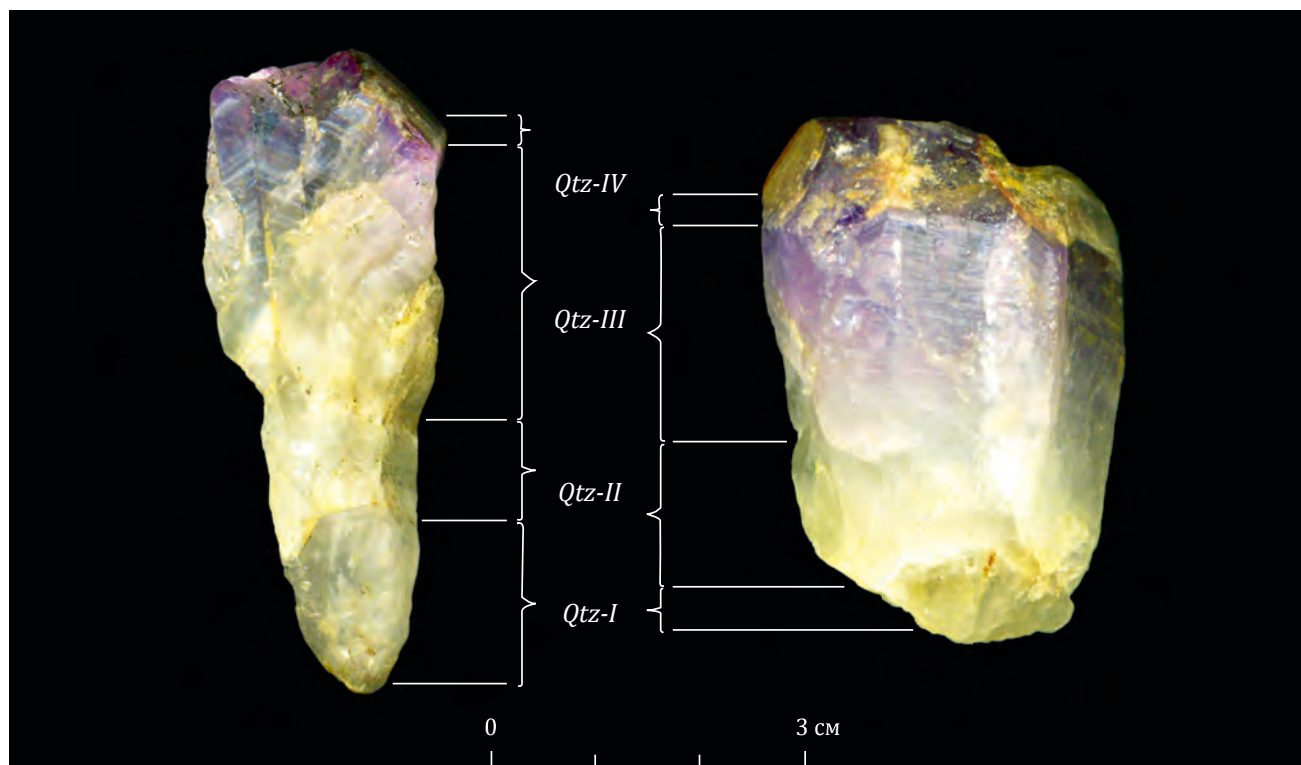

Рис. 5. Аметисты из раскопок Романова двора. Группа 1 (пояснения см. в тексте)

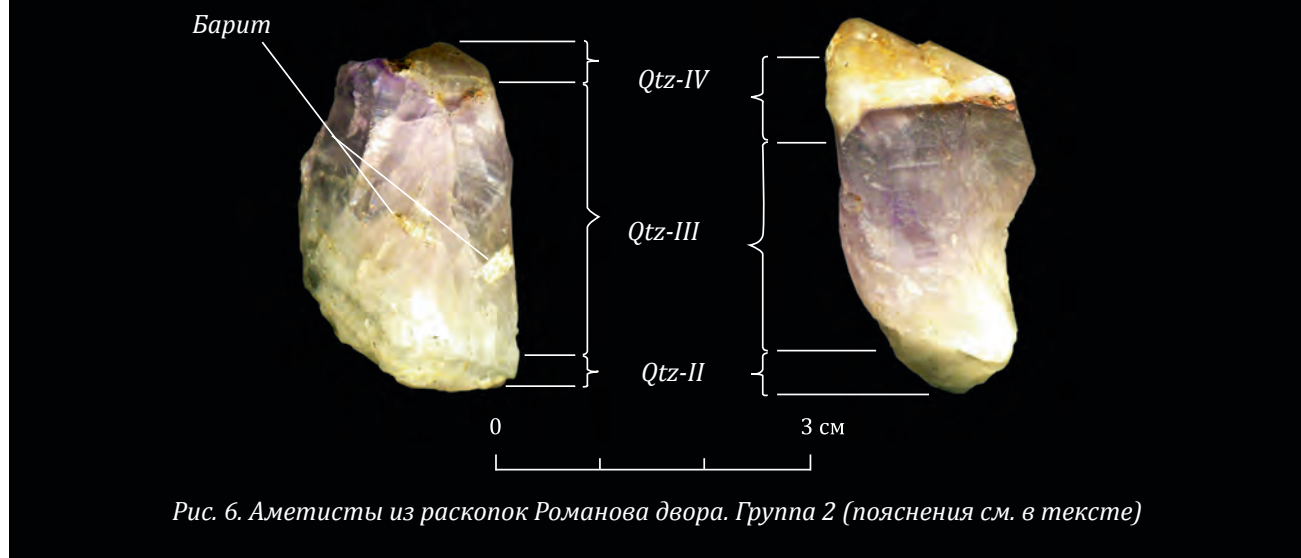

Рис. 6. Аметисты из раскопок Романова двора. Группа 2 (пояснения см. в тексте)

Группа 2. Кристаллы (9 образцов), обладающие сходным строением с группой 1, имеют размер от 22 до 40 мм. Компромиссные грани с индукционной штриховкой проявлены сильнее, чем в группе 3. Зона *Qtz-I* отсутствует. Зона *Qtz-II* представляет собой чередование полос молочного, слабо прозрачного кварца с полосами светло-серого более прозрачного кварца, иногда она проявлена только в виде тонкой

прослойки молочного кварца. Зона *Qtz-III* представляет собой переход от светло-серого кварца к аметисту. Зона *Qtz-IV* аналогична описанной в группе 1. На компромиссных гранях и на вершинах кристаллов иногда наблюдаются выделения пластинчатого *барита*. *Гематит* между *Qtz-III* и *Qtz-IV* развит сильнее, чем в группе 1. На одном из образцов он образует пленку даже на компромиссных гранях (рис. 6).

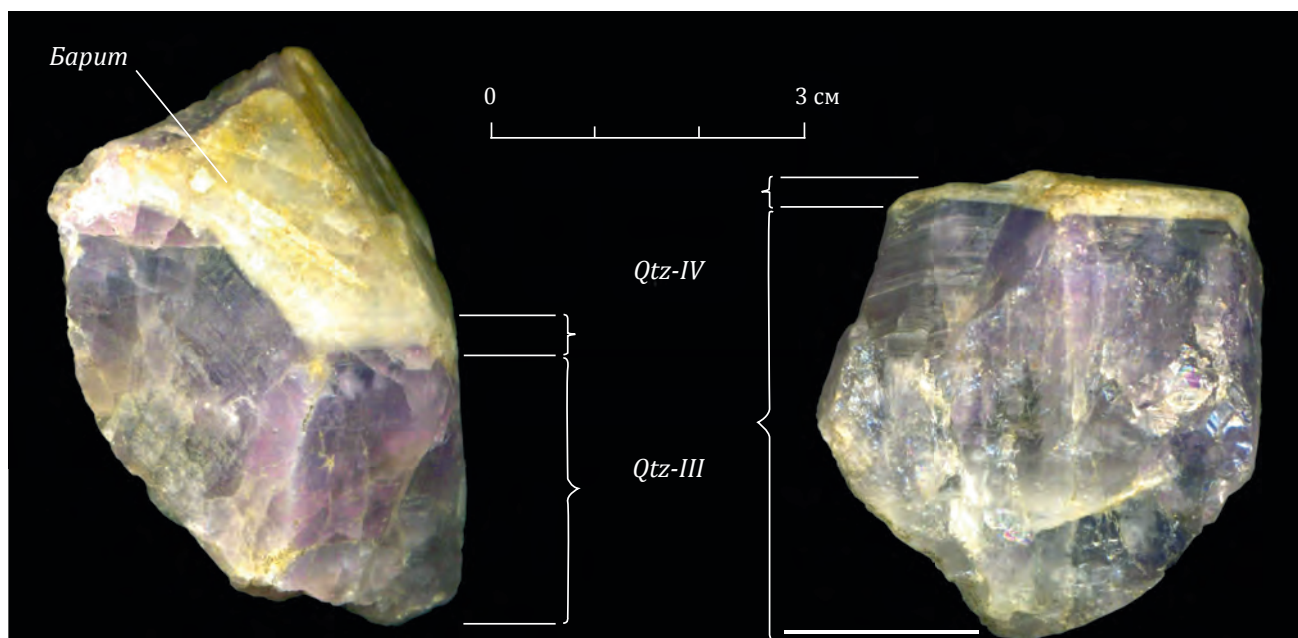

Рис. 7. Аметисты из раскопок Романова двора. Группа 3 (пояснения см. в тексте)

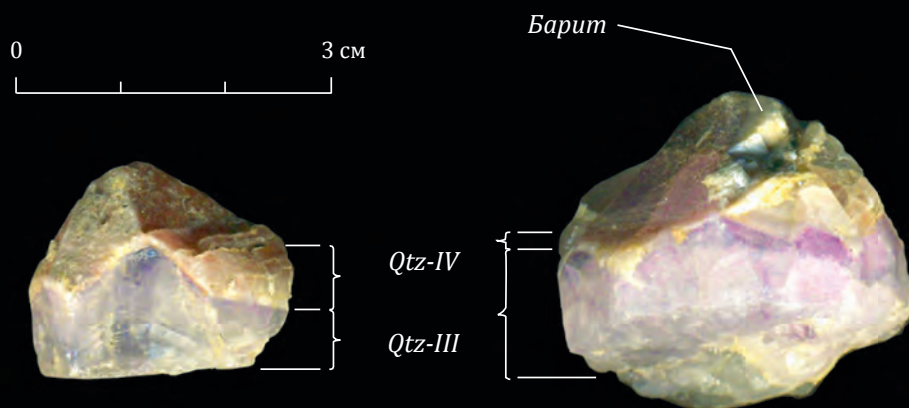
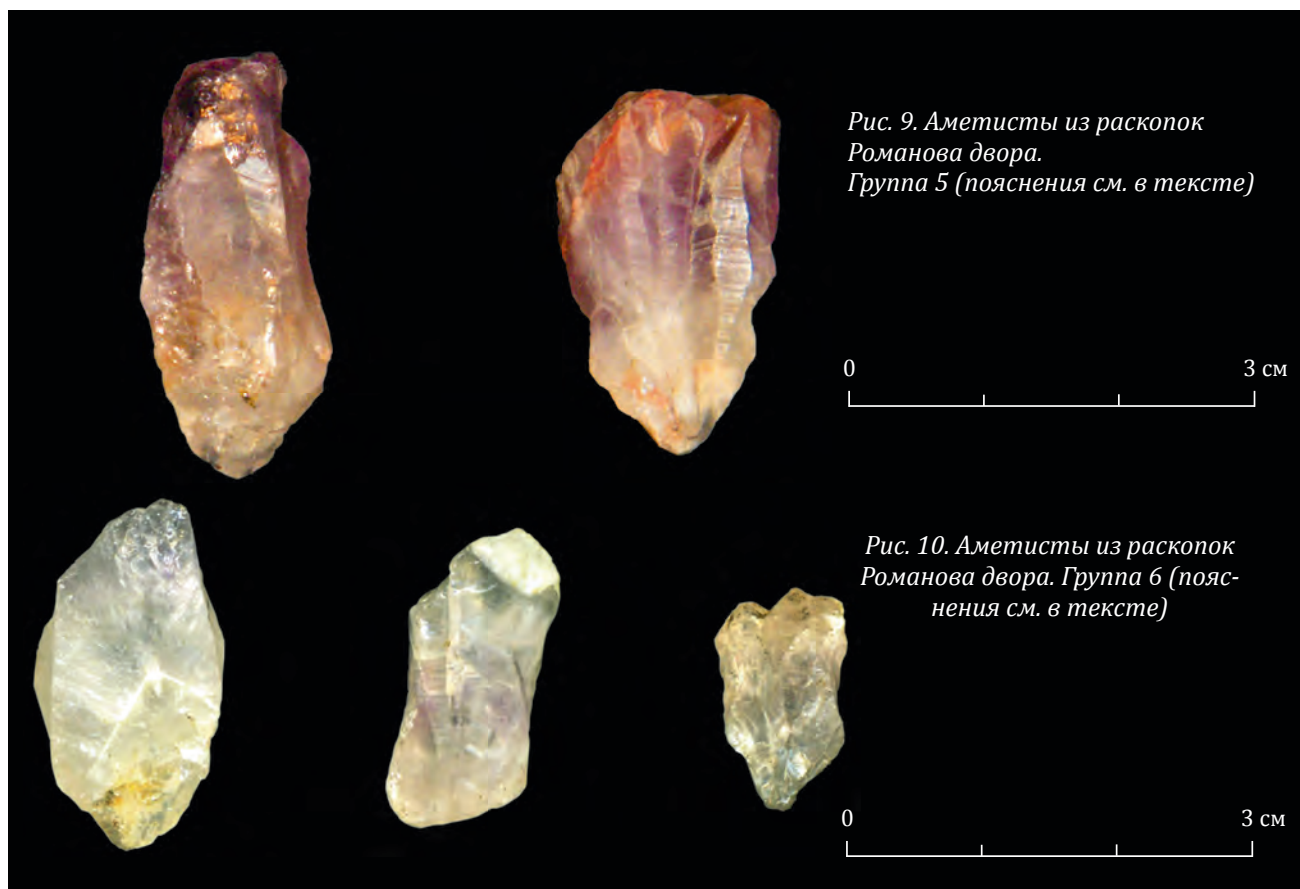

Рис. 8. Аметисты из раскопок Романова двора. Группа 4 (пояснения см. в тексте)

Группа 3. Крупные кристаллы (33 образца) с небольшим количеством компромиссных граней, размером от 35 до 54 мм. Грани ромбоэдров также проявлены слабо (как правило, часть одной грани, на одном образце – фрагменты трех граней). Группа характеризуется наличием зон *Qtz-III* и *Qtz-IV*. Зона *Qtz-III* представляет собой переход от серого кварца с бледным зеленовато-серым оттенком к ярко окрашенному аметисту. Зона *Qtz-IV* слагает вершины кристаллов, представлена серым малопрозрачным кварцем, иногда с желтоватым оттенком (рис.7). Пленка *гематита* между *Qtz-II* и *Qtz-IV* не наблюдается или проявлена слабо. На вершинах кристаллов, реже на компромиссных гранях наблюдаются выделения пластинчатого *барита*.

Группа 4. Кристаллы (64 образца) имеют размеры от 8–15 до 35 мм (преобладают 20–25 мм), характеризуются наличием только аметистовой части зоны *Qtz-III*. Зона *Qtz-IV* представлена серым прозрачным кварцем, в пяти образцах – цитрином, толщиной до 5 мм. Между *Qtz-III* и *Qtz-IV* наблюдается тонкая пленка *гематита*, за счет которой прозрачный *Qtz-IV* имеет красноватый оттенок. На одном образце *Qtz-IV* представлен светло-фиолетовым аметистом толщиной 4 мм. Вершины кристаллов, лишённые *Qtz-IV*, имеют шероховатую, матовую поверхность. Наоборот, имеющие эту зону обладают ярким стеклянным блеском (рис.8). На вершинах кристаллов наблюдаются выделения пластинчатого *барита*.

Таким образом, от первой группы к четвертой происходит уменьшение количества зон, участвующих в строении кристаллов. В группе 1 фиксируются зоны I–IV, в группе 2 – зоны II–IV, в группе 3 – зоны III–IV, а в группе 4 – только аметистовая часть зоны III, зона IV.

Группа 5. Кристаллы (4 образца) имеют размеры от 30 до 45 мм, характеризуются плавным переходом от светло-серого полупрозрачного кварца к аметисту, кристаллы трещиноватые, по трещинам развит гематит. Хорошо проявлены компромиссные грани с обильной индукционной штриховкой, грани ромбоэдра практически отсутствуют. Характерная особенность кристаллов – наличие иголок *гётита*¹⁴, преимущественно в кварцевой части. В двух образцах в кварцевой части видны мелкие *включе-*

*ния рудных минералов*¹⁵. В самом крупном образце на вершине кристалла слабо проявлена тонкая зона (менее 0,5 мм) серого полупрозрачного кварца, аналогичная *Qtz-IV* в группах 1–4, между этой зоной и аметистом имеется пленка *гематита* (рис. 9). Эта особенность сближает данную группу с упомянутыми выше группами 1–4.

Группа 6. Кристаллы и выделения кварца (279 образцов) имеют размеры от 5–15 до 27 мм (преобладают выделения размером 5–15 мм), различной степени идиоморфизма, от резко ксеноморфных до гипидиоморфных, почти на всех образцах имеются грани со штриховкой, но количество граней различно. Кварц прозрачный и полупрозрачный, бесцветный или светло-серый, бледно-сиреневатый, нередко – горный хрусталь (рис. 10).

Наиболее крупные образцы, как правило, соответствуют *Qtz-I*, иногда с зонами *Qtz-II*. В одном из них наблюдаются включения *гётита* (?) и редкие включения *рудных минералов*. Более мелкие образцы весьма сходны с кварцевыми зонами кристаллов группы 8.

¹⁴ *Гётит* – минерал подкласса гидрооксидов с формулой HFeO_2 . Образует кристаллы игольчатой, пластинчатой, столбчатой формы; землистые, порошкообразные массы; почковидные радиально-лучистые тонковолокнистые агрегаты; ноздреватые конкреции, почковидные корки. Цвет темно-серый, желтый, охряно-желтый, желто-бурый. Образуется при нормальных температуре и давлении из других железосодержащих минералов: сидерита, магнетита, пирита и др. Распространен широко.

¹⁵ *Рудные минералы* – в данном случае определение используется для обозначения непрозрачных минералов (пирит, халькопирит, галенит и др.).

Рис. 11. Аметисты из раскопок Романова двора. Группа 7 (пояснения см. в тексте)

Рис. 12. Аметисты из раскопок Романова двора. Группа 8 (пояснения см. в тексте)

Группа 7. Кристаллы аметиста (730 образцов) имеют размеры от 5–15 мм до 27 мм, компромиссные грани с индукционной штриховкой развиты в различной степени, грани ромбоэдра развиты редко. Окраска аметиста различной степени насыщенности, часто светло-фиолетовая (рис. 11). В двух кристаллах вершинные части сложены *дымчатым кварцем*. Два образца данной группы имеют слабую окатанность.

Группа 8. Кристаллы данной группы (71 образец) размером от 14 до 32 мм (преобладают кристаллы размером 15–20 мм), имеют хорошо развитые

компромиссные грани с обильной индукционной штриховкой и редкие грани ромбоэдра. Светло-серый прозрачный кварц в основании кристаллов резко, с четкой границей сменяется аметистом (рис. 12). Между кварцем и аметистом иногда наблюдается тонкий слой *кальцита*¹⁶, иногда – тонкая полоска

¹⁶ *Кальцит* – минерал класса карбонатов, одна из природных форм карбоната кальция с формулой CaCO_3 . Исключительно широко распространен на поверхности Земли, породообразующий минерал. Кальцитом сложены известняки, меловые породы, мергели, карбонатиты, часто образует кристаллы и зернистые агрегаты. Часто встречается в жилах. Окраска разнообразная.

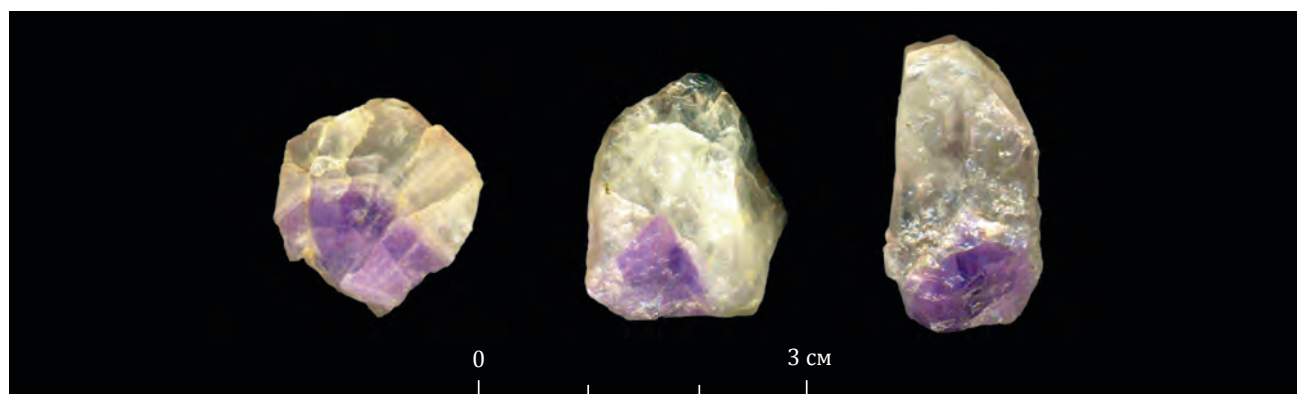

Рис. 13. Аметисты из раскопок Романова двора. Группа 9 (пояснения см. в тексте)

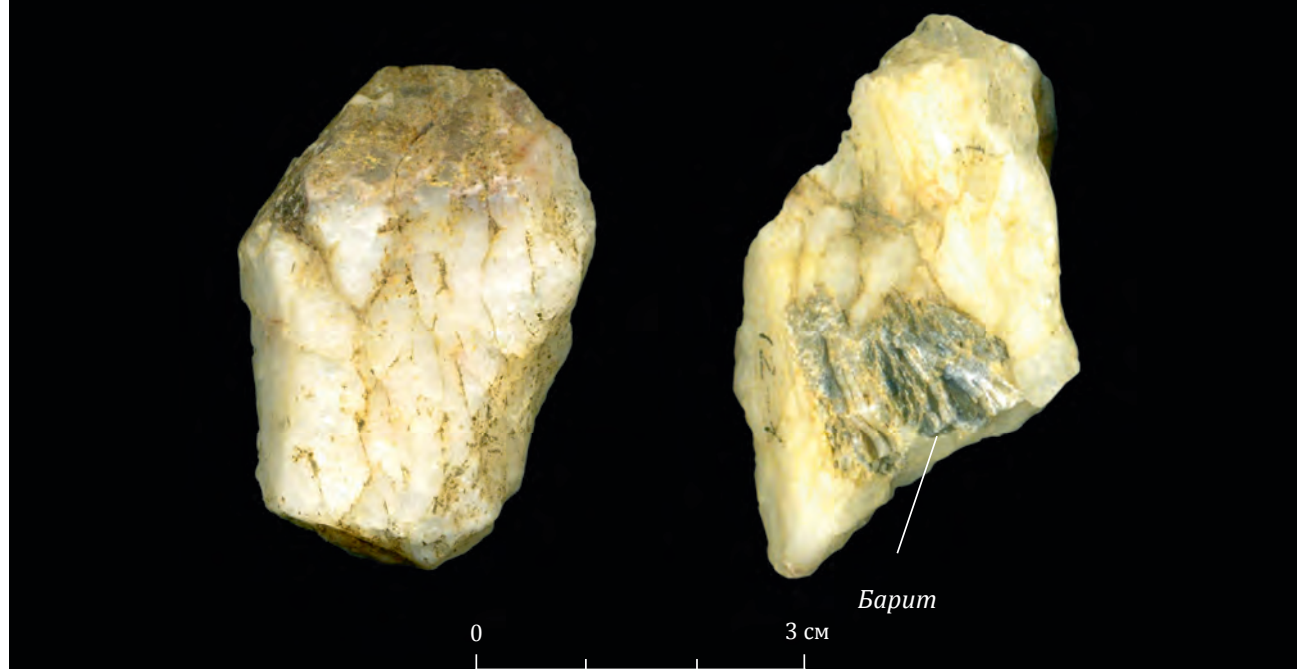

Рис. 14. Аметисты из раскопок Романова двора. Группа 10 (пояснения см. в тексте)

молочного кварца (характерно для угнетенной зоны Qtz-II в группе 2).

Группа 9. Кристаллы данной группы (84 образца) размером от 5–10 до 25–35 мм имеют хорошо развитые компромиссные грани с обильной индукционной штриховкой, иногда хорошо развитые грани ромбоэдра. Светло-фиолетовый аметист в основании кристаллов резко, с четкой границей, сменяется полупрозрачным светло-серым кварцем (рис. 13). На вершине одного из кристаллов отмечается пятнистая дымчатая окраска. На просвете в одном образце виден «шевронный» облик кристаллов. На другом образце на вершине кристалла наблюдается зона

кварца, аналогичная Qtz-IV, с тонкой пленкой гематита между кварцем и Qtz-IV.

Группа 10. Кристаллы и ксеноморфные выделения молочного кварца (24 образца) имеют размеры от 7–10 до 60 мм, кристаллы имеют хорошо развитые компромиссные грани с обильной индукционной штриховкой. На двух образцах наблюдаются грани ромбоэдра, имеющие шероховатую поверхность. Едва заметен гематит по трещинам в вершинах кристаллов, в их основании кварц более прозрачен. На просвет кристаллы кварца «шевронные». Между неровностями граней наблюдаются выделения пластинчатого серого барита (рис. 14).

Группа 11. Выделения ксеноморфного жильного аметиста и аметиста с регенерированными гранями (22 образца). Регенерированные грани¹⁷ имеют неровную поверхность, они заметны по характерному отблеску мельчайших граней, отражающих свет в единой плоскости или нескольких плоскостях. Редко встречаются единичные компромиссные грани со штриховкой. Окраска, как правило, равномерная, бледно-фиолетовая (рис. 15). Размеры от 27×16×16 мм до 43×27×22 мм. В некоторых образцах наблюдается бледно-зеленовато-серый кварц, аналогичный кварцу из кварцевых зон кристаллов группы 3. В наиболее идиоморфных образцах в зонах начала кристаллизации отмечается кварц, который резко сменяется аметистом, на границе между ними отмечается кальцит (аналогично группе 8).

Группа 12. Кристаллы розового кварца (3 образца) характеризуются развитием, преимущественно, граней ромбоэдра, имеют вид шестигранных пирамид с неровным основанием (рис. 16). Компромиссные грани на одном образце отсутствуют, на другом образце присутствуют только три грани, на третьем проявлены в полной мере. Размеры образцов (ширина основания на высоту кристалла) 28×19 мм и 18×12 мм. Прозрачность увеличивается от основания к вершине. Окраска бледная. Грани имеют яркий гляцевый блеск.

Таким образом, по особенностям зональности, морфологии, онтогенеза и цвета образцов можно заключить, что кристаллы групп 1–4 сформировались в пределах одной жилы или в пределах нескольких сближенных жил. На это указывает сходная форма кристаллов, сходная последовательность смены различных зон и характер их окраски, наличие выделений барита и пленочного гематита.

Кристаллы группы 5 близки к кристаллам групп 1–4, на что указывает наличие пленочного гематита, сходная окраска кристаллов и характер его смены от основания к вершине кристаллов.

Два образца кварца группы 6 также близки к зоне *Qtz-I*, на это указывает окраска образцов и характер смены цвета в некоторых из них.

Кристаллы групп 7–9 не имеют явных общих черт с кристаллами групп 1–4. Группа 9 имеет «обратную» зональность – аметист сменяется кварцем. Но некоторые ее представители в привершинных частях кристаллов имеют тонкую прослойку кварца, аналогичную *Qtz-VI*, с пленкой гематита. В группе 8 переход от кварца к аметисту очень резкий. Формирование кристаллов групп 7–9 в пределах одной жилы или сближенных жил совместно с кристаллами групп 1–4 (а также 5, 6) кажется возможным, но нельзя исключать их происхождения из других месторождений.

¹⁷ Регенерированные грани – грани, образовавшиеся в местах срывов и сколов в кристаллах. Характеризуются отсутствием гладких, ровных плоскостей и наличием форм микрогранного рельефа.

Кристаллы молочного кварца группы 10, судя по наличию барита, могли сформироваться совместно с группами 1–4.

Выделения жильного аметиста группы 11 могут маркировать периферические части жил или области пережимов, где нарушено условие свободного роста, могли сформироваться совместно с группами 1–4. На одном образце фиксируется кварц бледно-зеленовато-серого цвета, аналогично таковому в группе 3.

Кристаллы розового кварца группы 12 явно выделяются на фоне аметиста, общность их происхождения с группами 1–4, а также с другими группами явно не устанавливается.

Ближайшие к Москве места находок аметиста и кварца известны в карбонатных породах в окрестностях г. Железнодорожный (известняковые и доломитовые карьеры у дер. Русавкино)¹⁸, в карьерах близ Подольска¹⁹, в Щелковском доломитовом карьере²⁰. Здесь аметист заполняет стенки жезд в известняках. Кроме этого, аметисты в карбонатных породах известны в Вологодской области²¹ (валуны с жездами аметиста по р. Сухоне, известняки каменноугольного возраста между Кирилловом и Вологодой) и в Новгородской области близ Боровичей²². Проявления аметиста установлены в Архангельской области: здесь он встречается в виде друз в окремненных известняках и пустотах в желваках кремня²³. Однако находки крупных жезд, выполненных кварцем и аметистом, на указанных проявлениях сравнительно редки и распределены в карбонатных толщах неравномерно. Размер кристаллов в них редко превышает первые миллиметры, а обнаруженные при раскопках имеют размер до 6 см по длинной оси. Следовательно, подобные источники аметиста не имеют сейчас и не могли иметь ранее важного практического значения.

К сожалению, по имеющимся данным установление конкретного источника находок затруднительно. Во-первых, это связано с тем, что среди известных сейчас месторождений пока не удается найти визуальных аналогов, то есть образцов, которые были бы сходны с найденными в Москве. Во-вторых, аметист, как и кварц, не обладает яркими тиморфными особенностями.

¹⁸ Жезды с кристаллами аметиста в экспозиции минералов Подмосковья. Минералогический музей им. А. Е. Ферсмана, Москва; Ферсман А. Е. Избранные труды. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. Т. VII. С. 179–180.

¹⁹ Ферсман А. Е. Указ. соч. С. 179–180.

²⁰ Фекличев В. Г. Минералогическое разнообразие Подмосковья // Среди минералов: альманах. М.: Минералогический музей им. А. Е. Ферсмана, 1998. С. 103–112.

²¹ Артамонов В. С. Полудрагоценные камни Северо-Запада РСФСР (аметист, гранат-альмандин, лунный камень, солнечный камень) // Материалы по геологии и полезным ископаемым Северо-Запада РСФСР. Л.: Гостоптехиздат, 1962. Вып. 3. С. 199.

²² Ферсман А. Е. Указ. соч. С. 180; Артамонов В. С. Указ. соч. С. 199.

²³ Артамонов В. С. Указ. соч. С. 199.

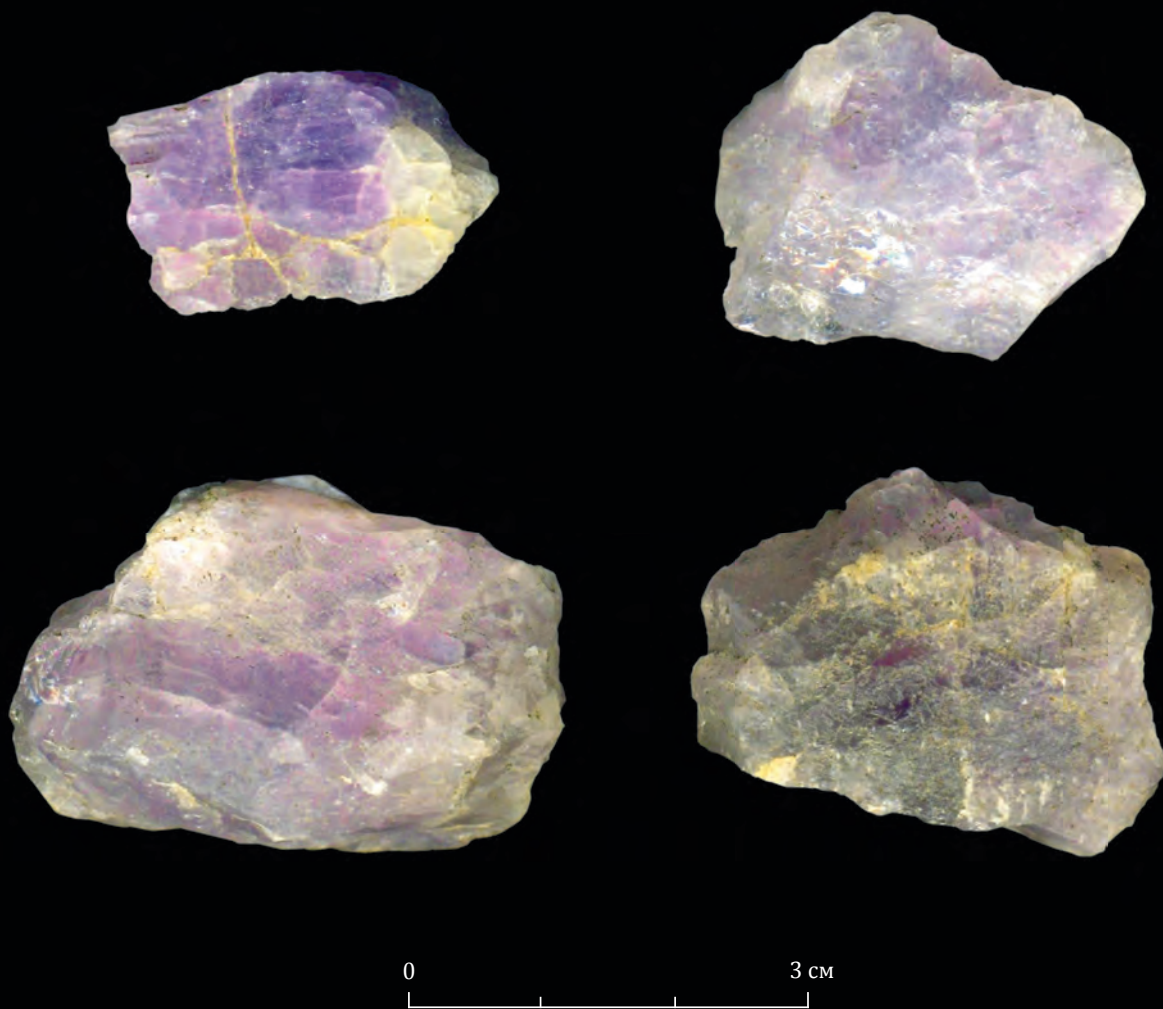

Рис. 15. Аметисты из раскопок Романова двора. Группа 11 (пояснения см. в тексте)

Рис. 16. Аметисты из раскопок Романова двора. Группа 12 (пояснения см. в тексте)

Однако в нашем распоряжении имеется достаточное количество материала, чтобы попытаться составить представление о генезисе (условиях образования) месторождения (или группы месторождений), где он был добыт. Для этого сначала обратимся к принятым генетическим классификациям известных месторождений. В настоящее время существует несколько классификаций, отличающихся степенью детальности выделения геологических обстановок формирования аметиста²⁴. В дальнейших построениях мы будем пользоваться классификациями Е. П. Куценко и Е. Я. Киевленко с соавторами, так как они отличаются наибольшей степенью детальности.

В соответствии с разработками авторов, выделяется *три главных морфолого-генетических типа месторождений*:

- 1) в гранитных пегматитах,
- 2) гидротермальные месторождения,
- 3) экзогенные месторождения²⁵.

Месторождения в гранитных пегматитах имеют совершенно другой набор, по сравнению с описанным выше, сопутствующих минералов (кварц, микроклин, альбит, олигоклаз, биотит, топаз, литиевые слюды)²⁶. Месторождения экзогенного типа связаны либо с аллювиальными россыпями, где аметист имеет или следы окатанности, или полностью превращен в гальку; либо связаны с корами выветривания, где этот драгоценный камень ассоциирует с глинистыми минералами. К экзогенному типу также относят аметист из зон окремнения в известняках, где он имеет лишь минералогическое значение²⁷. Поэтому типы 1 и 3 при поисках аналогий можно исключить.

Таким образом, описываемый материал относится к гидротермальному типу, в котором, в свою очередь, выделяется *три подтипа*:

- 1) аметистоносные штокверки в зонах жильных breccий,
- 2) кварц-аметистовые жилы и минерализованные трещины в зонах тектонических трещин,

3) аметистоносные полости в миндалекаменных базальтах.

К *первому подтипу* относятся месторождения среди полимиктовых железистых песчаников, а также среди глинистых сланцев, диабазов и гранитов. Аметист этих месторождений характеризуется незначительными размерами, как правило, 1–5 мм, но не более 1–2 см. Представителем этого подтипа является месторождение Мыс Корабль в Кандалакшском заливе (Мурманская область, рис.17), на котором встречается аметист в ассоциации с баритом, который зафиксирован и среди "московских" образцов. Однако на этом месторождении не встречаются столь крупные кристаллы, подобные описанным выше. В друзах и щетках помимо барита встречается флюорит, который в ассоциации с «московским» аметистом не обнаружен²⁸.

Месторождения *третьего подтипа* локализуются в пустотах и полостях среди базальтоидов. Сопутствующими минералами здесь являются агат, халцедон, горный хрусталь, минералы группы цеолитов и кальцит²⁹. Принимая во внимание размеры выделений аметиста и набор сопутствующих минералов, *месторождения первого и третьего подтипа* также можно исключить при дальнейшем рассмотрении.

Ко *второму подтипу* относится значительное количество месторождений, формирование которых происходило в различных геолого-генетических условиях.

Аметистовая минерализация среди *гранат-пироксеновых и рудных скарнов*³⁰ не несет крупные скопления камня. В этом случае аметист ассоциирует с минералами, типичными для скарновых процессов: эпидот, актинолин, гранат, магнетит и железистый карбонат³¹.

²⁸ Фришман Н. И. Аметистовый берег. Мурманск; СПб.: Рус. коллекция, 2007. 96 с. Примеры месторождений: Мыс Корабль, Волк-остров и др.

²⁹ Куценко Е. П. Указ. соч. С. 163–164; Киевленко Е. Я., Сенкевич Н. Н., Гаврилов А. П. Указ. соч. С. 222–223. Примеры месторождений: Идароберштейн (Германия), Сибирская платформа, Северный Тиман, Забайкалье.

³⁰ *Скарн* – контактово-метасоматическая порода, возникающая вблизи интрузии в случае, если вмещающие породы резко отличаются от интрузивных пород по химическому составу. Скарн является продуктом реакционного взаимодействия контактирующих между собой карбонатных и алюмосиликатных пород при участии высокотемпературных постмагматических растворов. Эти породы имеют разнообразный состав: гранат-пироксеновые (сложены гранатом и пироксеном) и др. Рудные скарны – породы, содержащие рудную минерализацию.

³¹ Куценко Е. П. Указ. соч. С. 162. Примеры месторождений: Дашкесан (Азербайджан), Ангаро-Илимские месторождения, Траварселла (Италия). Полагаем, что месторождения аметиста в агатоносных залежах миндалекаменных андезитов и порфиринов по условиям формирования следует относить не ко 2-му, а к 3-му подтипу.

²⁴ Киевленко Е. Я., Сенкевич Н. Н., Гаврилов А. П. Указ. соч. С. 220–231; Методическое руководство по поискам и перспективной оценке драгоценных и цветных камней (ювелирных, поделочных, декоративно-облицовочных). М.: М-во геологии СССР, 1974. Вып. 1: Аметист. 43 с.; Куценко Е. П. Типы месторождений аметиста и его ресурсы // Драгоценные камни как полезное ископаемое. М.: Наука, 1973. С. 155–166.

²⁵ Куценко Е. П. Указ. соч. С. 156–157.

²⁶ Там же; Киевленко Е. Я., Сенкевич Н. Н., Гаврилов А. П. Указ. соч. С. 222–223. Примеры месторождений: Мадагаскар, Адуйский массив (Средний Урал), Майдантальское (Узбекистан), Южно-Канское (Красноярский край).

²⁷ Куценко Е. П. Указ. соч. С. 164–165; Киевленко Е. Я., Сенкевич Н. Н., Гаврилов А. П. Указ. соч. С. 222–225. Россыпные месторождения: Шри-Ланка, Могок (Мьянма), Кочкарское (Южный Урал) и др. Месторождения в корях выветривания: Южная Африка, Уругвай, Бразилия.

Рис. 17. Обзорная карта месторождений, районов распространения аметиста и объектов, упомянутых в тексте. Цифрами обозначены: 1 – северная и западная часть Таджикистана, 2 – восточная и юго-восточная часть Таджикистана (Горный Бадахшан), 3 – Рудные горы (граница Германии и Чехии), 4 – самоцветная полоса Урала, в пределах которой развиты месторождения аметиста, 5 – Москва, 6 – Тверь, 7 – Великий Новгород, 8 – Кительское месторождение граната-альмандин, 9 – Селитренное городище, 10 – Булгар, 11 – месторождение Мыс Корабль, 12 – месторождение Хасаварка

Месторождения среди метаморфических сланцев и в связи с хрусталеносными кварцевыми жилами³², хотя и содержат иногда кристаллы аметиста размером до 4–6 см и даже до 20 см (месторождение Хасаварка, рис. 17), но сам минерал играет там

³² Хрусталеносные кварцевые жилы (жилы альпийского типа) – жилы, приуроченные к полым трещинам разрыва в метаморфических породах обычно вкрест сланцеватости. Характерная особенность жил – в них образуются те же минералы, которые слагают метаморфические породы. Считается, что образуются при участии флюидов и растворов, не связанных с магматическим источником.

подчиненную роль³³. Часто аметист нарастает на кристаллы горного хрусталя и дымчатого кварца, чего не наблюдается в найденном материале. Среди сопутствующих минералов здесь следует назвать кальцит, гематит, анкерит и сидерит³⁴. Характерной особенностью подобных жил является соответствие их минералогического состава составу вмеща-

³³ Куценко Е. П. Указ. соч. С. 162. Примеры месторождений: Хасаварка (Приполярный Урал), Джанги-Джол (Узбекистан).

³⁴ Киевленко Е. Я., Сенкевич Н. Н., Гаврилов А. П. Указ. соч. С. 222–223.

ющих метаморфических пород³⁵. Барий как элемент (а следовательно, и минерал барит) не характерны для метаморфических пород в целом³⁶.

Таким образом, по набору сопутствующих минералов аметистовая минерализация *скарнов* и *хрусталеносных жил* не может являться источником описываемого материала.

Наиболее близок имеющийся материал к образцам из месторождений в минерализованных зонах трещин в гранитоидных породах. В структурном отношении месторождения локализуются в эндо- и экзоконтактах гранитоидов и контролируются зонами трещиноватости. Месторождения этой группы являются самостоятельными объектами разведки и добычи камня, имеют значительное территориальное распространение. К этой группе относится значительное количество месторождений на Урале (около ста Мурзинских копей, Адуйские копи (Свердловская область, Средний Урал), Чуксинское месторождение (Челябинская область, Южный Урал), ряд точек минерализации в Кочкарском гранитном массиве (Челябинская область, Южный Урал)), а также аметистовые месторождения в гранитных массивах Средней Азии (Таджикистан, Узбекистан, Киргизия). Сопутствующими минералами здесь являются *гематит*, *пирит*, *кальцит*, *сидерит*, а также *барит*, *лимонит*, *гидрогётит*³⁷ и другие минералы.

Месторождения драгоценных камней Урала начинают вовлекаться в хозяйственные интересы России только со второй трети XVII в. Но и в это время известны, главным образом, отдельные факты находок цветного камня. Расцвет добычи драгоценных и поделочных камней на Урале приходится уже на XVIII–XIX вв.³⁸. Материал уральских месторождений

хорошо представлен в музейных собраниях и частных коллекциях. Среди находок из Москвы не было обнаружено аналогий материалу из известных месторождений Урала (набор сопутствующих минералов, размер, морфология кристаллов с учетом зональности). Кроме того, для уральских копей этого камня не характерен барит. Отсутствие аналогий также отметили исследователи уральского камня М. И. Попов и С. В. Колисниченко. Таким образом, месторождения Уральских гор представляются маловероятным источником «московского» аметиста.

Значительное количество месторождений и проявлений аметиста известно в Таджикистане. Аметист здесь обнаруживается в составе аметист-кварцевых жил различной мощности. Вмещающими породами для жил служат эндо- и экзоконтакты (терригенно-флишевые толщи, известняки и мраморовидные известняки, сланцы, песчаники) гранитоидов. Для многих месторождений характерны крупные размеры кристаллов, а также барит и гематит среди сопутствующих минералов. Аметист в ассоциации с *баритом* встречается на таких месторождениях, как Сарымазар, Кауфара (Каратегинский хребет, Центральный Таджикистан), месторождения Муджихаврского аметистоносного района, Канжол (Матчинский район Согдийской области, Северный Таджикистан), Канимансур (Кайраккумский район Согдийской области, Северный Таджикистан) (рис. 17). *Гематит* описан на месторождениях Муджихаврского аметистоносного района и на месторождении Канимансур. Размер кристаллов различен, от 0,5 до 5–8 см на отдельных месторождениях³⁹. К сожалению, в используемых нами источниках не всегда указываются размеры кристаллов, что не позволяет максимально сузить круг поисков. Следует отметить, что месторождения Канжол и Канимансур являются одними из древнейших источников серебра и свинца в Средней Азии, серебро этих месторождений служило, вероятно, для чеканки арабских дирхемов⁴⁰. Серебряно-свинцовая минерализация пространственно связана с аметистовой минерализацией.

Месторождения аметиста, связанные с гранитоидным магматизмом, известны в Узбекистане и Киргизии⁴¹, а также в Рудных горах Германии и Чехии.

Итак, среди образцов кварца и аметиста из раскопа Романов двор-2 наиболее типичны шестоватые зо-

³⁵ Бетехтин А. Г. Курс минералогии / под. ред. Б. И. Пирогова и Б. Б. Шкурского. М.: Кн. дом «Университет», 2010. С. 149.

³⁶ Там же. С. 426.

³⁷ *Пирит* – минерал класса сульфидов, дисульфид железа с формулой FeS_2 . Образует кристаллы кубической и пентагондодекаэдрической форм, распространен в виде сплошных масс, мелкозернистых агрегатов, в осадочных породах – в виде стяжений. Цвет – соломенно-желтый. Один из самых распространенных сульфидов. Большие его залежи сосредоточены в месторождениях гидротермального происхождения, особенно серноколчеданных залежах, осадочных и метаморфических породах.

Сидерит – минерал класса карбонатов, карбонат железа с формулой FeCO_3 . Цвет свежего сидерита белый, окисленных разностей – светло- и темно-коричневый. Широко распространенный минерал. Образует зернистые скопления, конкреции, иногда кристаллы. Широко развит в метасоматических, гидротермальных и осадочных породах.

Лимонит – высокодисперсная смесь гидроксидов железа: гётита, гидрогётита, лепидокрокита, гидрогематита и др.

Гидрогётит – разновидность гётита, содержащая молекулы воды: $\text{HFeO}_2 \cdot n\text{H}_2\text{O}$.

Другие минералы см. выше.

³⁸ Аринштейн М., Мельников Е., Шакинко И. Цветные камни Урала. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986. С. 14.

³⁹ Оймахмадов И. С. Минералогия и термобарогеохимические условия образования аметистовых месторождений Южного склона Гиссарского хребта и Юго-Западного Каратегина (Центральный Таджикистан): дис. ... канд. г.-мин. наук: 25.00.05 / [Акад. наук Республики Таджикистан, Ин-т геологии], Душанбе, 2005. 158 с.

⁴⁰ Максимов М. М. Очерк о серебре. 3-е изд. М.: Недра, 1981. С. 43–45.

⁴¹ Исмаилов М. А. Генезис аметистоносных трещинных зон Киргизии и Узбекистана // Записки Узбекстанского отделения Всесоюзного минералогического общества. Ташкент: ФАН, 1985. Вып. 38. С. 45–50.

нальные кристаллы с различным количеством комприсисных граней, редкими гранями ромбоэдра, демонстрирующие совместный рост кристаллов в пределах полости. Важным генетическим признаком являются обнаруженные минералы-спутники – барит, гематит, пирит, халькопирит. Весь комплекс приведенных выше типоморфных характеристик кварца и аметиста позволяет отнести их к месторождениям, связанным с гранитоидным магматизмом.

Ближайшие к Москве проявления аметиста в карбонатных породах не содержат столь крупных кристаллов. Аметист в ассоциации с *баритом*, известный на месторождении Мыс Корабль (Кольский полуостров), имеет незначительные размеры кристаллов в отличие от найденных на Романовом дворе. Включения *гетита* в аметисте известны на месторождении Волк-остров в Ладожском озере, но и там размеры камня невелики. К тому же все эти месторождения имеют другую геолого-генетическую принадлежность. Среди уральских источников аметиста не обнаруживается аналогий. Наиболее вероятными источниками московских камней представляются месторождения Средней Азии или Рудных гор. Возможным источником камня могут быть забытые в настоящее время месторождения на территории Карелии или Кольского полуострова.

Обратимся теперь к историческим сведениям.

Аметист был известен на Руси издревле, он не раз упоминается в письменных источниках. Однако отождествление этого драгоценного камня с его историческими названиями представляет понятные трудности. Не ставя целью провести анализ всех источников, приведем некоторые примеры. В сочинении Аль-Бируни аметист описан под именем джамаст⁴². Одним из первых упоминаний аметиста в древнерусской литературе является «Сказание о 12 драгоценных камнях» в Изборнике Святослава 1073 г.⁴³. Из Изборника описания двенадцати камней

были полностью перенесены в «Толковую Палею». Аметист в этих памятниках описан как «амефестон», здесь ясно видна преемственность от древнегреческого названия «αμέθυστος». С аметистом отождествляется «фатис», описанный в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина⁴⁴. А.Е.Ферсман видел аметист в «варенике» из Торговой книги 1585 и 1610 гг.⁴⁵: «А Вареникъ знати: хотя и красен, ино целое место светит бело, как и всякий хрусталь, а кой весом же тянет Вареникъ 4 золотника, и только бы таковы были велики, как Яхонты, и цветом в ту же краску, как Лалъ, купити 2 камня во 100 рублей и дороже; а один, как Яхонтъ купити на тот же образец в 50 рублей»⁴⁶. В пользу такого сопоставления говорит фраза: «хотя и красен, ино целое место светит бело, как и всякий хрусталь». Возможно, здесь имеется в виду зональность кристаллов аметиста, в которых кварц (горный хрусталь) часто сменяется непосредственно аметистом от основания к вершине кристалла. Цвет «вареника» сопоставляется с цветом яхонта⁴⁷. И.И.Макеева приводит сведения об аметистах из Травника Любчанина, известного по списку XVII в., но составленного ранее: «Тот амитистов камень, который привозят из ындейских стран, дражайши есть всех камении, которые сут[ь] цветом багряны». В этом случае в русском переводе употреблено название, созвучное латинскому. В другом указываются два варианта: «аметистус по латынски, серовик по руски»⁴⁸. В русских летописях, а также в духовных и договорных грамотах русских князей этот фиолетовый камень, по мнению исследователей, не упоминается⁴⁹. Трудности, связанные с узнаванием аметиста в средневековых терминах, суживают круг источников, из которых можно почерпнуть информацию о происхождении и путях поступления камня на Русь.

Судя по вышеприведенным цитатам и другим источникам, аметист считался на Руси дорогим

⁴² Аль-Бируни Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / под ред. И. М. Стеблин-Каменского, В. П. Никонова. 2-е изд. СПб.: Петербург. лингвист. о-во, 2011. С. 226–227, 536–537. Хотя в трактате приведены весьма подробные сведения о многих камнях, употребляемых в древности, в том числе со ссылками на других авторов, в главе, посвященной аметисту, есть ряд неточностей. Так, аль-Бируни пишет, что аметист «разрезается ножом», «корка, стружки и опилки его похожи на мраморные», «он ломается при незначительном усилии», «на огне расплавляется, как свинец», «в нем видны все цвета». Аметист имеет твердость 7 по шкале Мооса, и его никак нельзя даже поцарапать железным ножом, который имеет твердость около 5,5. Скорее всего, под именем аметиста у автора описан минерал флюорит. Как и аметист, он бывает фиолетового цвета, но для него также характерен зеленый, розовый, синий цвета, присутствующие даже в одном куске (так называемая полихромность, очень характерна для этого минерала). Твердость флюорита – 4 по шкале Мооса.

⁴³ Аксентон Ю.Д. Сведения о драгоценных камнях в Изборнике Святослава 1073 г. и некоторых других памят-

никах // Изборник Святослава 1073 г.: сб. ст. М.: Наука. 1977. С. 280–292.

⁴⁴ Там же. С. 128–129.

⁴⁵ Ферсман А.Е. Очерки по истории камня. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. Т. 1. С. 357. (Прил. 3: Старинные русские названия камней).

⁴⁶ Торговая книга 1585 и 1610 гг. // ЗОРСА. СПб., 1851. Т. 1. С. 121.

⁴⁷ Синими и красными яхонтами называли на Руси сапфиры и рубины (разновидности минерала корунда – Al_2O_3). Корунд, как и шпинель (древнерусское название «лал», $MgAl_2O_4$), имеет весьма разнообразную окраску, помимо синих и красных, эти минералы бывают и розовыми, и сиреневыми. См. также: Ферсман А.Е. Очерки по истории камня. Т. 1. С. 357–358.

⁴⁸ Макеева И.И. Минералогические сведения в русских памятниках XVI–XVII вв. // Естественнонаучные представления Древней Руси. М.: Наука, 1988. С. 143, 146, 149.

⁴⁹ Аксентон Ю.Д. «Дорогие камни» в культуре Древней Руси: (по памятникам прикладного искусства и литературы XI–XV вв.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / [Государственный ордена Ленина Эрмитаж]. Л., 1973. С. 128.

камнем. Об этом говорят и предметы, украшенные аметистовыми вставками, например, вещи из Старорязанского клада XII в., потир новгородского архиепископа Моисея XIV столетия и другие известные памятники прикладного искусства⁵⁰. Отдельные аметистовые бусы и вставки изредка находят при раскопках древнерусских городов в слоях домонгольского времени. М. Д. Полубояринова пишет о находках изделий из аметиста на территории Волжской Болгарии и в золотоордынских городах: это бусы, подвески, вставки. Но аметист там представлен в основном необработанными кусками (с Селитренного городища, например, происходят 42 экземпляра) и по частоте встречаемости уступает другим камням⁵¹. До московской находки на территории Руси необработанные аметисты найдены в Великом Новгороде: в 1938 г. А. В. Арциховский на Ярославовом Дворище обнаружил друзу кристаллов аметиста. Предположительно они происходили из древнерусских слоев. Находка большого количества камней на одном объекте, сделанная на Романовом дворе в Москве в 2002 г., оказалась первой, датированной временем Московской Руси.

Получить дополнительные сведения о происхождении аметиста из раскопок в Москве позволяет обращение к сюжету о другом популярном на Руси камне – гранате. В результате недавних археологических исследований на территории Твери были обнаружены кристаллы граната-альмандина и их фрагменты, всего 54 экземпляра. Все они происходят из слоев, датированных второй половиной XV – первой половиной XVI столетия. В отличие от аметиста, анализ этого камня позволяет установить его точное происхождение. Оказалось, что тверские гранаты-альмандины привезены из Кительского месторождения в Северном Приладожье (эта территория входила в состав Вотской пятины Новгорода Великого). Вне всякого сомнения, в Твери в то время существовала мастерская по обработке карельских гранатов⁵². Было бы логично предположить, что в Москву аметисты в XVI в. привозились вместе с гранатами с северо-западных территорий Русского государства. Олаф Магнус в сочинении «История северных народов», впервые опубликованном в 1555 г., упоминает об аметистах близ Колы⁵³. Но есть и другая версия.

Выше уже говорилось о необработанных аметистах из слоя Болгара и других золотоордынских городов. В Болгаре и на Селитренном городище археологи локализуют мастерские по обработке камня, в том числе аметиста, датируя их серединой XIV в. и позднезолотоордынским временем⁵⁴. При этом изделия из граната или его кристаллы пока при раскопках на этих памятниках не встречались. Очевидно, что в Среднее и Нижнее Поволжье аметист поступал из другого источника – из стран Востока. С присоединением Казанского и Астраханского ханств во второй половине XVI в. обработка аметиста могла оказаться в числе других «приобретений» Русского государства. Не случайно он найден в Москве в районе Опричного двора Ивана Грозного, страстного любителя драгоценных камней.

М. Д. Полубояринова, анализируя различные сведения, пишет, что этот камень вместе с другими мог поступать из стран Средней Азии или через них. Следуя за древними авторами, она склоняется к индийскому происхождению найденных аметистов, не исключая, правда, и других версий⁵⁵. Об этом же сообщают различные сочинения, известные в России в XVII в. и ранее⁵⁶. В связи с этим интересны данные М. Е. Масона. В работе 1934 г. он пишет о древней добыче аметиста в некоторых областях Таджикистана: «В северном Ходжентском районе, судя по следам прежних работ, были небольшие рудники, где добывали квасцы и аметисты». Со ссылкой на В. В. Григорьева (1861 г.) приводятся данные об аметистах Бадахшана (Горный Бадахшан занимает восточную и юго-восточную часть современного Таджикистана)⁵⁷. По данным И. С. Оймахмадова, в наши дни многочисленные месторождения и проявления аметиста известны в Северном и Центральном Таджикистане⁵⁸. В описаниях горных разработок в Таджикистане, составленных в начале XX в., сведения об аметистах практически отсутствуют. Вероятно, объем добычи этого драгоценного камня был невелик, со временем о нем забыли, а на первое место по важности вышли месторождения других полезных ископаемых⁵⁹.

Полностью принять в качестве единственной версию о преемственности обработки аметиста во второй половине XVI в. из городов Поволжья не по-

⁵⁰ Подробный перечень изделий с аметистами с территории средневековой Руси см.: Там же. С. 170–196.

⁵¹ Полубояринова М. Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: Наука, 1991. С. 30, 36, 50, 64, 66, 79, 86, 99.

⁵² Романова Е. А., Окулов А. В., Данилов В. В., Шкурский Б. Б. Гранаты-альмандины из раскопок в Твери // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф., посвящ. 1150-летию рос. государственности, Новгород, 24–26 янв. 2012 г. Новгород: Новгород. гос. объединенный музей-заповедник, 2012. Вып. XXVI. С. 313–315.

⁵³ Ферсман А. Е. Избранные труды. Т. VII. С. 179.

⁵⁴ Полубояринова М. Д. Указ. соч. С. 66, 101.

⁵⁵ Там же. С. 108.

⁵⁶ Макеева И. И. Указ. соч.

⁵⁷ Массон М. Е. Из истории горной промышленности Таджикистана. Былая разработка полезных ископаемых. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1934. С. 79, 88–89. (Таджикско-Памирская экспедиция 1934. Материалы экспедиции; вып. XX).

⁵⁸ Оймахмадов И. С. Указ. соч.

⁵⁹ См., например: Иванов П. П. К истории развития горного промысла в Средней Азии: краткий ист. очерк. Л.; М.: Гос. науч.-техн. геол.-развед. изд-во, 1932. 81 с.

зволюют другие тверские находки: там в одних комплексах с необработанными гранатами найдены отдельные кристаллы аметиста⁶⁰. Значит, этот камень поступал к русским мастерам ранее и, может быть, из других источников.

Подводя итог, можно сказать, что проведенное комплексное исследование найденных при раскопках в Москве в 2002 г. кристаллов аметиста указывает на возможное их происхождение из месторождений Таджикистана. К этому варианту склоняются авторы этой статьи. Судя по сходству минералогических характеристик, не исключено, что аметисты во второй половине XVI в. могли привозить также из Рудных гор Германии и Чехии (рис. 17). Учитывая данные раскопок и письменные источники, к этим двум вариантам нужно добавить неизвестные сегодня месторождения Карелии и Кольского полуострова. Возможно, что источники поступления аметиста в Россию менялись на протяжении XV–XVII вв.

⁶⁰ Авторы выражают признательность сотруднику Тверского государственного объединенного музея Е. А. Романовой за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

В вопросе о происхождении аметиста из раскопок Романова двора точку ставить рано. В настоящее время продолжается сбор каменного материала с указанных в этой статье потенциальных источников камня, а также изучение московских образцов на предмет минералов-включений в *барите*, *кальците* и в самом аметисте. Немаловажным, на наш взгляд, является поиск макроаналогий. Полагаем, что новые данные о качественном наборе минералов-включений, их химическом составе, а также данные об элементах-примесях в самом аметисте позволят впоследствии среди нескольких потенциальных источников найти максимально близкие. Кроме того, не исчерпаны возможности различных письменных свидетельств и археологических данных. Возможно, в ближайшее время будут сделаны находки, которые позволят прийти к окончательным выводам⁶¹.

⁶¹ Пользуясь случаем, авторы этой статьи благодарят за консультации и помощь в работе Должанскую Т. Ю., канд. г.-мин. наук, директора Минералогического музея МГРИ-РГГРУ, Москва; Шкурского Б. Б., канд. г.-мин. наук, доцента кафедры петрологии МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва; Пустырева П. В., председателя КРОО ПО «Подвиг»; Гурвича М. Ю., канд. г.-мин. наук, заведующего лабораторией физических методов исследования минералов и руд МГРИ-РГГРУ, Москва.

I. N. Kuzina, A. V. Okulov

The Amethysts of the 16th Century from Romanov's Courtyard (Moscow)

Key words: the Oprichny Courtyard, archaeology, trade, amethyst, precious stones, deposits, mineralogy, gold work.

Abstract: The article is devoted to amethysts which were collected in 2002 during the archaeological excavations in the courtyard of the old building of M. V. Lomonosov Moscow State University. The origin of some kilograms of the precious stones, connected with the functioning of Ivan the Terrible's Oprichny Courtyard

on the spot, is set by methods of mineralogy and archaeology. As a result of the multidisciplinary research the most possible origin of those stones is considered to be deposits on the territory of modern Tajikistan. According to the mineralogical characteristics, the amethysts could have appeared in Moscow also from the Erzgebirge of Germany and the Czech Republic. Historical sources do not exclude the existence of the forgotten amethysts' deposits in Karelia or on the Kola Peninsula.

Отливка и установка большого Успенского колокола в Московском кремле в 1650-е – 1670-е гг.

Главный благовестник Московского кремля, восхищавший иностранцев, был одним из символов Российского государства. В очередной раз отливка благовестника Успенского собора Московского кремля весом в 2450 пудов состоялась на рубеже XVI–XVII вв.¹ К началу 50-х годов XVII в. этот колокол оставался в наборе кремлевских колоколов главным. 20 января 1651 г. ключарь Успенского собора Кондрат и звонари извещали, что «у Большого де Успенского колокола матица железная переломилась ... и благовестить де в тот колокол не мочно». Московские пушкарки, осмотрев колокол, указали лишь на незначительные дефекты и выразили готовность их выправить². В.В.Кавельмахер обратил внимание, что в отношении этого благовестника, созданного при Борисе Годунове, впервые официально стали использовать термин «Царь-колокол» и привел пример такого именованья в источниках середины XVII в.³ Данное наименование не являлось именем собственным. Оно обозначало статус крупнейшего колокола. В первой трети XVIII в. так называли уже благовестник Алексея Михайловича⁴, пришедший на смену благовестнику Бориса Годунова. О благовестнике Алексея Михайловича и пойдет речь в настоящей статье.

¹ РГАДА. Ф.18. Оп.1. Д.145. Л.4, 13, 16 об., 18, 23 об., 26 об.; Кавельмахер В.В. Большие благовестники Москвы XVI – первой половины XVII в. // Колокола: история и современность, 1990. М.: Наука, 1993. С.82–83, 94–102.

² СББИИ. Ф.175. Оп.1. Д.43.

³ Кавельмахер В.В. Большие благовестники Москвы ... С.93, 95, 106, 115; Кавельмахер В.В., Панова Т.Д. Остатки белокаменного храма XIV в. на Соборной площади Московского Кремля // Культура средневековой Москвы, XIV–XVII вв. М.: Наука, 1995. С.75, 82, примеч. 24.

⁴ РГАВМФ. Ф.212. Оп.10. Д.4. Л.1255; ОДДАС. СПб.: Синод. тип., 1880. Т.4. Стб. 105 (1724 г.); СПб.: Синод. тип., 1901. Т.10. Примеч. стб. 1066; Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М.: Моск. гор. дума, 1891. Ч.2. Стб. 832 (1730 г.).

Первым его исследователем был И.Х.Гамель, неопубликованный труд которого включает авторский текст без подстрочных ссылок на документы, выписки из документов и приложенные подлинные столбцы. Гамель отмечает, что 3 апреля 1652 г. организаторы и исполнители отливки начали запастись гжельской глиной для формовки огнестойких кирпичей к литью колокола; 16 июня 1652 г. отпущено 16 пудов шведского железа на изготовление 20 кирок для копания литейной ямы у Успенского собора; 10 июля принято у гостя Василия Шорина 6066 пудов меди для литья колокола⁵.

Н.Померанцев в неопубликованной статье, посвященной Царь-колоколу, цитирует документ, точную ссылку на который не дал: «В прошлом во 160 году июля в 5 день великий государь... приказал... к соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы вылить колокол весом в 6000 пудов и в 162 году марта в 19 день в колокольной избе колокольному мастеру Ем...»⁶. Здесь, как отмечает Померанцев, склейка обрывается.

Краткая, но емкая запись содержится в сборнике из РНБ: «Того ж дни (17 июля 160 (1652) г. – Д.Д.) государь... изволил завод учинить лить колокол болшой в 6000 пуд. А завод почели делать и ямы копать где ему быть подле колоколни Успенского колокола не дале от Соборной церкви (Успенского собора. – Д.Д.). А вылит колокол 162-го ноября в 5 день. А из земли выняли того же месяца в (число не названо. – Д.Д.) день»⁷.

⁵ СББИИ. Ф.175. Оп.3. Д.27. Л.33. См. также: Там же. Л.165–166, 269–272, 309–332, 346–347 и др.

⁶ Померанцев Н. Московский Царь-колокол // ОПИ ГИМ. Ф.465. Оп.1. Д.113. Л.1, 2, 3. В.В.Кавельмахер без каких-либо ссылок датирует указ о вылитии к соборной церкви Успения колокола в 8000 пудов 5 июля 1652 г. (Кавельмахер В.В. Большие благовестники Москвы ... С.118, примеч. 49).

⁷ ОР РНБ. Q XVII.70. Л.45–45 об.; Платонов С.Ф. Московские волнения 1648 г. // Платонов С.Ф. Сочинения. СПб.:

О трагической судьбе благовестника повествует известный исследователям документ XVII в. из фонда Я.П.Гарелина в ОР РГБ⁸: «А лит тот колокол на Ивановской площади возле церкви Рождества Христова. И как после литья из ямы вынят, и тот колокол поставлен был против литеных печи на станах. И был в него благовест в господские праздники. И от того блавесту⁹ во 162-м году тот колокол розбили. И во 163-м (в документе исправлена дата. Первоначальная запись – во 162-м. – Д.Д.) году... велено вылить инои колокол колоколному мастеру Александру Григореву весом в 8000 пуд»¹⁰.

Недолгое существование Царь-колокола, отлитого в первой попытке, фиксирует и Павел Алеппский¹¹. В документе, пересказанном Померанцевым, говорится о каком-то деле от 19 марта 1654 г. в колокольной избе, связанном с колокольным мастером «Ем...». Исследователь решил, что речь здесь идет о распоряжении, поступившем Емельяну Данилову¹², перелить недавно разбитый колокол.

Вторая попытка отлития благовестника подробно изложена Павлом Алеппским: «Огромная яма была вырыта на этой площадке, и... с начала сего месяца февраля (1655 г.) мастер приступил к изготовлению колокола»¹³. Вероятно, 19 марта 1654 г. поступил указ Емельяну Данилову, а фактическому его исполнению приступили спустя почти год, в феврале 7163 (1655) г. Возможно, между мартом 1654 г. и февралем 1655 г. существенных работ по отливке колокола не велось; потому-то о них и умолчал документ из ОР РГБ, датировав начало очередного мероприятия 7163 (1654/55) г. Простой мог быть вызван моровой язвой, проходившей летом и осенью 1654 г.¹⁴, которая, согласно Павлу Алеппскому, унесла жизнь основного предполагавшегося исполнителя, каковым, как справедливо

решил Померанцев, был Емельян Данилов. Напомним, что документ, процитированный Померанцевым без ссылки, говорит о каком-то мероприятии от 19 марта 1654 г., связанном с колокольной избой и колокольным мастером «Ем...». Но Павел Алеппский говорит, что работы по отливке колокола в 1655 г. велись на «дворцовой площадке», под которой везоводчик резонно подразумевал Ивановскую площадь¹⁵. Вероятно, Царь-колокол во второй попытке предполагалось отлить в колокольной избе, а затем местом отливки была выбрана Ивановская площадь.

Согласно Павлу Алеппскому, работы по отливке колокола продолжались в течение 1655 г. с февраля и до праздника Николы зимнего, то есть до 6 декабря. Далее, «после величайших усилий и огромных... трудов по истечении трех дней совершили поднятие колокола и повесили его над ямой на высоту около роста человека при всевозможных хитрых приспособлениях. В воскресенье (9 декабря 1655 г., к приезду царя) после обедни стали звонить в новый колокол»¹⁶.

Окончание отлития благовестника осенью 1655 г. фиксируется в дневнике шведских послов¹⁷. Русские документы указывают, что в октябре – начале декабря 1655 г. делался язык к Успенскому колоколу, а до начала декабря от Большого колокола отсекали медь¹⁸.

Царь-колокол Алексея Михайловича изображен на известном рисунке из альбома А. Мейерберга (рис. 1). Сохранился и его чертеж из ВИМАИВиВС с воспроизведением текста надписи, недавно опубликованный Л.К.Маковской: «Божиею милостию повелением великаго государя царя и великаго князя

Склад изд. И.Я.Башмакова и К, 1912. Т.1: Статьи по русской истории (1883–1912). Изд. 2-е. С. 67, примеч. 2.

⁸ Упом.: Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. Изд. 2-е, доп. и переработ. М.: Машгиз, 1962. Ч.1. С. 106; Кондрашина В.А. Государев пушечный и колокольный мастер Александр Григорьев // Колокола: история и современность. М.: Наука, 1985. С. 80–82, примеч. 6, 10, 13; Кавельмахер В.В. Способы колокольного звона и древнерусские колокольни // Там же. С. 78, примеч. 53.

⁹ Так в документе.

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 67. К. 29. Д. 57. Л. 1.

¹¹ Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. М.: О-во сохранения лит. наследия, 2005. С. 340.

¹² ОПИ ГИМ. Ф. 465. Оп. 1. Д. 113. Л. 1, 2, 3. Справедливость мнения Н.Померанцева об авторе благовестника 1652–1653 гг. подтверждается изобразительным материалом, о чем мы скажем ниже.

¹³ Павел Алеппский. Указ. соч. С. 340–341. Далее идет описание технологии отливки колокола.

¹⁴ Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / собрал и изд. А. Попов. М.: тип. А.И.Мамонтова и Ко, 1869. С. 281–282.

¹⁵ Павел Алеппский. Указ. соч. С. 341, примеч. 1, 2.

¹⁶ Там же. С. 472–474.

¹⁷ Семенов В. К истории сношений со Швецией: отрывки из шведского дневника времен царя Алексея Михайловича // ЧОИДР. 1912. Кн. 1. С. 11–12.

¹⁸ СПбИИ. Ф.175. Оп.1. Д. 191; Д.156; Д.288. Л.5; ВИМАИВиВС. Ф.1. Д.134. Н.Н.Рубцов по ошибке смешал процесс отлития Воскресного колокола Емельяном Даниловым в 1651/52 г. и первую попытку отлития Большого Успенского колокола Алексея Михайловича (Рубцов Н.Н. Указ. соч. Ч.1. С.104–105 и др.). Причиной историографической ошибки, как указал В.В.Кавельмахер, было то, что И.Х.Гамель собрал в один том под названием «О большом колоколе» материалы, относящиеся к литью и Воскресного колокола 1651/52 г. и Большого Успенского колокола, случившемуся немного позднее (СПбИИ. Ф.175. Оп.3. Д.27). Столбцы, относящиеся к отливке Воскресного колокола 1651/52 г., оказались первыми. Поэтому Н.Н.Рубцов решил, что они фиксируют проблему отлития Царь-колокола Алексея Михайловича. (Разбор ошибки см.: Кавельмахер В.В. Большие благовестники Москвы ... С. 118, примеч. 49). Возможно, поэтому в литературе иногда проходит дата 1651 г. как время начала работ по Царь-колоколу Алексея Михайловича (Рубцов Н.Н. Указ. соч. Ч.1. С. 104; Кондрашина В.А. Московская школа колокольного литья в русской культуре второй половины XVII в.: дис. ... канд. культурол.: 24.00.03. М., 2000. С. 91).

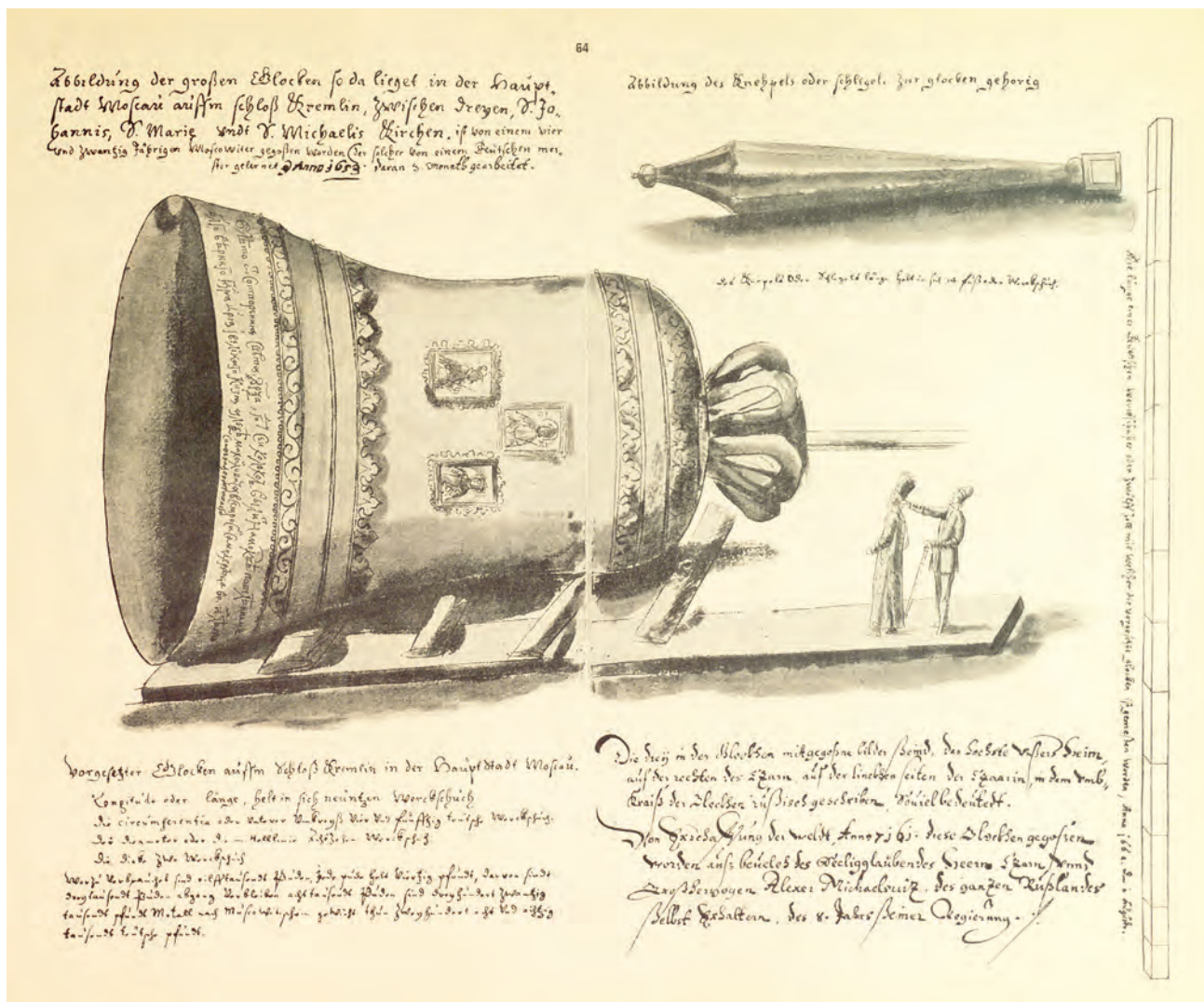

Рис. 1. Царь-колокол Алексея Михайловича. Рисунок из альбома А. Мейерберга. 1660-е гг.

Алексея Михайловича вся великия и малыя России самодержца и при ево государеве царице и великой княгине Марии Илиничне, и при их государеве сыне при благоверном цареве и великом князе Алексее Алексеевиче и при ево государевых сестрах при благоверной и великой княжне Ирине Михайловне и при благоверной царевне и великой княжне Анне Михайловне, и при благоверной царевне и великой княжне Татьяне Михайловне и при ево государевых дочерях при благоверной царевне Евдокее Алексеевне, и при благоверной царевне и великой княжне Марфе Алексеевне: и при их отце и богомольце Святейшем Кире Никоне Патриархе Московском и всеа Великия и Малыя России. И слит сей колокол к соборной церкви Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Успения и великих чудотворцев Петра и Ионы и Филиппа лета 7162-го году в 10 лето го-

сударства его, мастер Емелиан Данилов, весу в нем 8000 пуд»¹⁹ (рис. 2).

Бросается в глаза, что дата отливки колокола и имя мастера, зафиксированные в этой надписи, отличны от тех, которые называют приведенные выше письменные источники. Попробуем разрешить это противоречие.

¹⁹ ВИМАИВиВС. Ф. 27. Оп. 15. Д. 229; Маковская Л. К. Чертежи двух Царь-колоколов в документальном собрании ВИМАИВиВС // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 2006. Вып. 8. С. 414–415. Похожее воспроизведение надписи имеется у И. Х. Гамеля: СПбИИ. Ф. 175. Оп. 3. Д. 27. Л. 35, 48. Надпись подтверждает мнение Н. Померанцева, к которому склоняются и иные исследователи (Рубцов Н. Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 104–105; Бондаренко А. Ф. Московские колокола XVII в. М.: Рус. панорама, 1998. С. 136–137), об участии Емельяна Данилова в отливке колокола Алексея Михайловича.

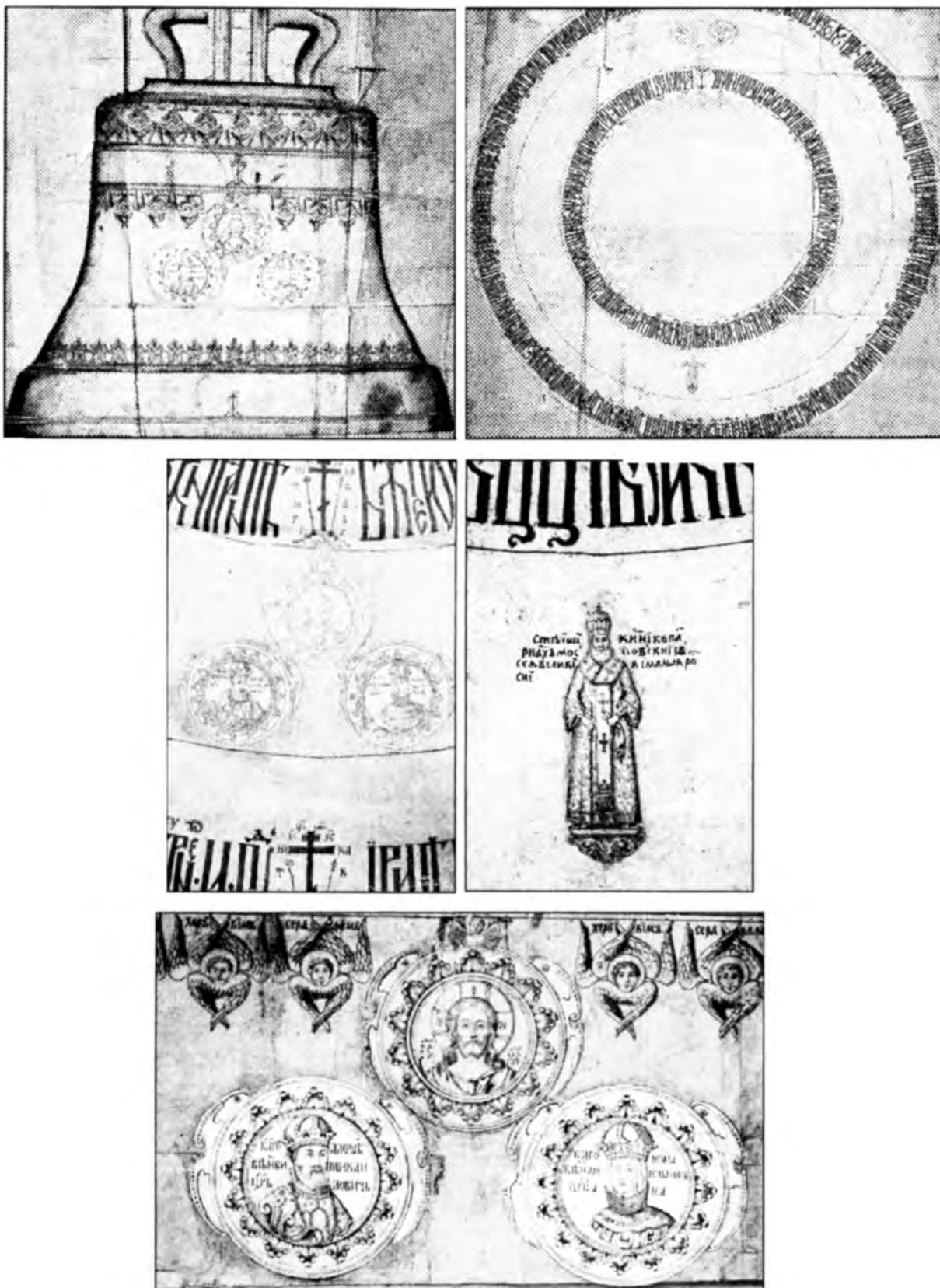

Рис. 2. Царь-колокол Алексея Михайловича. Чертеж (ВИМАИВиВС. Ф. 27. Оп. 15. Д. 229)

По наблюдению Маковской, надпись была отредактирована не ранее второй декады января 1654 г., после решения Переяславской рады о присоединении Левобережной Украины к России²⁰, то есть уже после окончания отливки колокола в первой попытке, которая, напомним, завершилась еще в начале ноября 1653 г. Очевидно, при редактировании надписи перед повторной отливкой, осуществлявшейся в 1655 г., были учтены недавние изменения в царском и патриаршем титулах (добавилась «Малая Россия»), в весе изделия (8000 пудов), как предполагалось при повторной отливке, вместо 6000 пудов, предполагавшихся при первичной отливке²¹. Но проставленные в надписи старые дата (7162 г., а не 7163 г.) и имя мастера (Емельян Данилов, а не сменивший его Александр Григорьев) наводят на мысль, что при вырезании текста на форме колокола перед отливкой 1655 г. в основе выступал текст аналогичного благовестника, отливавшегося с июля 1652 по ноябрь 1653 г., который в 1654 г. треснул и был обречен на переливку.

Павел Алеппский указывает, что когда на его глазах (то есть в 1655 г. – Д.Д.) создали верхнюю форму для колокола, «туда вошел мастер и вырезал письмена и изображения, какие было нужно: на одной стороне изображения царя и царицы и Господа Христа над ними, на другой – патриарха Никона»²². Как раз эти изображения Царь-колокола 1655 г. отразились на его чертеже из ВИМАИВиВС²³.

Надпись на существующем треснувшем Царь-колоколе 1735 г. также называет 7162 (1654) г. как дату отливки предшественника²⁴. Этот год мог быть заимствован из надписи на Царь-колоколе Алексея Михайловича, использованном как сырье для ныне существующего экземпляра 1735 г.

И на рисунке благовестника Алексея Михайловича из альбома А. Мейерберга, и в подрисовочной подписи с воспроизведением надписи на колоколе, и в самом тексте записок колокол датирован 7161 (1652/53) г.: «В лето от сотворения света 7161 году сей колокол вылит на Москве повелением Благоверного государя и великого князя Алексея Михайловича, всея России самодержца, в 8-е лето

скифетродержавства его»²⁵. Очевидно, здесь мы сталкиваемся с недоразумением – Мейерберг неправильно воспроизвел последнюю цифру²⁶.

Гамель и Померанцев прямо указывали, что Годуновский колокол рубежа XVI–XVII вв. не использовался как сырье при отливке благовестника Алексея Михайловича, то есть уцелел и сосуществовал с Большим Успенским колоколом 1655 г.²⁷. То же самое отмечал и Кавельмахер²⁸. Опись 1695 г., известная в списке XVIII в., фиксирует «колокол Воскресный Большой весу в нем 2450 пуд, вылит во 109-м году»²⁹, тем самым свидетельствуя о существовании Годуновского благовестника в конце XVII в. Очевидно, что отливавшийся в две попытки Большой Успенский колокол 1655 г. сменил по статусу Годуновский благовестник, отправив его на позицию ниже, но не уничтожил его как экземпляр и не съел его медь³⁰.

Павел Алеппский четко пишет, что в декабре 1655 г. звон осуществлялся именно в новый колокол. Русский перевод сочинения исключает возможность того, что речь идет о звоне в Годуновский благовестник³¹. По Павлу Алеппскому, в первый день своей работы, 9 декабря 1655 г., колокол висел на громадных бревнах³².

Однако в надписи на Царь-колоколе 1735 г. сказано, что Царь-колокол Алексея Михайловича стал звонить только лишь в 1668 г.³³. Согласно А. Мейербергу, новый колокол в 1661 г. еще лежал на земле³⁴.

²⁵ Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена Придворного совета, и Горацио Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1874. С. 67; Барон Мейерберг и его путешествие по России. С. 184–193.

²⁶ С другой стороны, А. Мейерберг достаточно адекватно описал изображения на колоколе.

²⁷ СПбИИ. Ф. 175. Оп. 3. Д. 27. Л. 40 об.–42 об.; ОПИ ГИМ. Ф. 465. Оп. 1. Д. 113. Л. 1, 2, 3.

²⁸ Кавельмахер В. В. Большие благовестники Москвы ... С. 82–83, 95–96 и др.

²⁹ РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 145. Л. 4 и др.; Кавельмахер В. В. Большие благовестники Москвы ... С. 96.

³⁰ Ошибочное утверждение, что Царь-колокол 1650-х годов вообрал в себя медь разбитого Годуновского Царь-колокола, иногда проходит в литературе (Рубцов Н. Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 104; Михайлов А. И. Колокольная Ивана Великого в Московском Кремле. М.: Искусство, 1963. С. 36; Оловянишников Н. Н. История колоколов и колоколотейное искусство. М.: Рус. панорама, 2003. С. 173, 460, примеч. 190).

³¹ Павел Алеппский. Указ. соч. С. 472–474.

³² Там же. С. 474.

³³ Эту же дату называет и В. А. Кондрашина: «москвичи впервые услышали его голос... в 1668 г.» (Кондрашина В. А. Государев пушечный и колокольный мастер Александр Григорьев. С. 83).

³⁴ Путешествие в Москву барона Мейерберга в 1661 г. С. 67.

²⁰ Маковская Л. К. Указ. соч. С. 416–419.

²¹ Напомним, что в указе от 5 июля 1652 г., процитированном Н. Померанцевым, речь идет об отлитии колокола в 6000 пудов. Тот же вес назван и в записи сборника из РНБ. Примерно такое же количество меди, согласно И. Х. Гамелю, поступило от Василия Шорина.

²² Павел Алеппский. Указ. соч. С. 341.

²³ Маковская Л. К. Указ. соч. С. 412–419. Как писал А. Мейерберг, «из трех на сем колоколе находящихся изображений одно представляет образ Спасителя нашего, по правую сторону лик царя, а по левую супруги его» (Барон Мейерберг и его путешествие по России / изд. Ф. Аделунгом. СПб., 1827. С. 188). Сохранившийся чертеж этого колокола показывает эти рельефы.

²⁴ Воспроизведение надписи см.: Костина И. Д. Колокола Московского Кремля. М., 2007. С. 12.

Переводчик Павла Алеппского Г.Муркос снимает противоречие следующим образом: «колокол был отлит в 1655 г. из обломков другого, в 8000 пудов, сделанного за год перед тем. Тотчас же после отливки он был поднят и повешен на незначительной высоте... над литейной ямой... Висел он... недолго: в промежутки от 1655 до 1661 года он был или спущен... или же сам сорвался... Разные причины, какими могли быть: затруднительное финансовое положение после первой польской войны, раздор царя с патриархом Никоном, вторая, не совсем удачная война с Польшей отсрочили вторичное поднятие колокола до 1668 года»³⁵.

Посмотрим, что говорят русские источники, которые для нас выступают в качестве контрольных. Согласно «Записной книге облачению и действию патриарха Никона», 2 января 1656 г. «был благовест в новой Большой колокол»³⁶. От 15 мая 1656 г. имеется интересная статья о звоне при отправке Алексея Михайловича на войну, на которую обратил внимание Кавельмахер тридцать лет назад: «... в 10 часу дня благовест был вестовой на Иване Великом в среднем поясу всполох в три колокола прибойных, переменяя часы на два, а потом велено благовестить в новой Большой колокол, и в Старой, и в Реут, и во Вседневной переменяя»³⁷. Новым Большим колоколом, очевидно, был Царь-колокол 1655 г., Старым – благовестник Бориса Годунова, отлитый на рубеже XVI–XVII вв. Запись еще раз подтверждает, что Царь-колокол Алексея Михайловича тогда уже функционировал.

Далее, судя по тексту Записной книги Никона, мы наблюдаем перерыв в его работе, зато часто проходит «старый Большой» колокол. Так, 25 мая (Троица), 15 августа (Успение) 1656 г., 14 сентября (Воздвижение), 21 ноября (Введение) 1657 г. использовался старый Большой колокол³⁸. В навечерии Богоявления 1658 г. «благовест был... в большой старой Успенской колокол»³⁹.

О работах по «Большому колоколу» летом 1656 г. свидетельствуют документы. В одном из них сказано, что «ноября с 29 числа прошлого 164 году июня по 27 число 164 году у Болшого колокола работы никому не было. Да... тот же колокол колоколные ученики и кузнецы... рядовые пушкарки учили делать

июня з 27 числа 164-го году»⁴⁰. В середине июля «делали у Болшого колокола стрелцы крыли лубьем над колоколом»; «В Большом же колоколе бьют молотами кузнецы... да у того ж колокола делали кузнецы... зубила и шип»⁴¹. Таким образом, Большой колокол мог функционировать какое-то короткое время с декабря 1655 г. (в пользу чего говорят и Павел Алеппский, и Записная книга патриарха Никона), а с лета 1656 г. работы по нему продолжились, обусловив перерыв в его функционировании.

О намерениях поднять Большой колокол летом 1657 г. говорит посылка «в Белев и в Белевской уезд к подъему большого колокола для прииску дубового лесу московских пушкарки Ермолку Константинова да Власку Невежина на ямских подводах»⁴². Сохранился документ, согласно которому, «в ... 165 (1656/57) году ... москов[ским] пушкарям Болшого колокола поде[мщи]ком Ивашку Овдокимову, Андрюш[ке] Деметьюеву, Ермолке Констянтинову за подъем нового болшого Успенского колокола, как они тот колокол вынимали из литейные ямы, и за иные многие подъемные дела к прежним их окладом прибавлено»⁴³. Можно думать, что извлечение колокола из литейной ямы состоялась летом 1657 г., то есть Новый Большой Успенский колокол мог побывать в литейной яме и во время отливки в 1655 г., и во время ремонта с середины 1656 по 1657 г.

Мейерберг, посетивший Москву в 1661 г., писал, как мы помним, о лежащем на земле и не обустроенном для звона большом колоколе, отлитом в 1653 г.⁴⁴. На рисунке, приложенном к его сочинению, колокол также показан лежащим (рис. 1).

В конце сентября 1663 г. «государь ... указал соборной церкви Успения Пречистыя Богородицы Большой колокол поднять полковнику и инженеру Густаву Вамкампену, а к тому подъему дубе и конаты и векши и всякие снасти что ему Густаву надобно указал великий государь давать из Пушкарского приказу»⁴⁵. Подъемом колокола должен был руководить иностранный специалист, однако очень скоро это поручили нашему соотечественнику. 3 октября 1663 г. было указано: «Соборные церкви Успения Пречистыя Богородицы колокол Болшой поднять Якову Ерохову и к тому подему люди и дубя и конаты и

³⁵ Павел Алеппский. Указ. соч. С. 406–407 (предисловие переводчика). С Г.А.Муркосом солидарен Б.Г.Курц (Курц Б.Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев: тип. И.И.Чоколова, 1915. С. 506). Подобного мнения придерживается Н.Н.Рубцов (Рубцов Н.Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 108).

³⁶ Голубцов А.П. Чиновники московского Успенского собора и выходы патриарха Никона. М.: Синод. тип., 1908. С. 256.

³⁷ Кавельмахер В.В. Способы колокольного звона ... С. 72.

³⁸ Голубцов А.П. Указ. соч. С. 263, 278, 281–282, 287.

³⁹ Там же. С. 294.

⁴⁰ СПбИИ. Ф. 175. Оп. 1. Д. 205. Л. 7. В делопроизводственных документах под Большим колоколом, вероятно, подразумевали Царь-колокол 1655 г. Он был только что отлит, и естественно думать, что работы шли именно по нему. Кроме того, цитируемый документ представляет собой сказку Александра Григорьева – литейщика Царь-колокола 1655 г.

⁴¹ Там же. Д. 220.

⁴² ВИМАИВиВС. Ф. 1. Д. 136.

⁴³ СПбИИ. Ф. 175. Оп. 1. Д. 253. Л. 4. Здесь колокол назван именно «новым большим», что снимает все сомнения в том, что речь идет об интересующем нас экземпляре.

⁴⁴ Мейерберг А. Указ. соч. С. 67.

⁴⁵ СПбИИ. Ф. 175. Оп. 1. Д. 236.

векши и что ему Якову надобно дать. И яму в которой тот колокол лит заровнять указал великий государь ис Пушкарского приказа»⁴⁶. Роспись по смете Якова Ерохова от 16 ноября 1663 г. отмечала, что «надобно к Большому колоколу для подему свинцу восемьсот пуд. А как колокол поднимут, и свинец отдать назад»⁴⁷. В записи расходной книги Сибирского приказа за 1664/65 г. сказано: «мая в 5 день в памяти ис Приказу Большого Дворца за приписью дьяка Андрея Селина написано: велено дать государево жалованья кашинцу Якову Ерохову за ево работу за колокольной подъем сорок соболей в пятьдесят рублей. И ис Сибирского приказа ему Якову против памяти дано сполна»⁴⁸. Таким образом, осенью 1663 г. собирались, а к весне 1665 г. подняли колокол с земли на какую-то точку.

Новое местопребывание колокола не устраивало, и позднее его в очередной раз переместили. В нашем распоряжении имеется документ, на который обратили внимание В. В. Кавельмахер и Т. Д. Панова в 1995 г. Это роспись материалов на строительство деревянной колокольни на каменном фундаменте «к новому Успенскому колоколу», составленная 29 января 1667 г. полковником Николем Фанцаленом⁴⁹.

Кавельмахер и Панова утверждают, что «на сей раз (то есть в 1667 г. – Д. Д.) колокольня построена не была, и для установки нового гиганта была приспособлена... церковь Рождества Христова, подвергшаяся в связи с этим капитальной перестройке»⁵⁰. Однако неясно, откуда у них уверенность в том, что проект 1667 г. не был реализован.

О предполагавшейся установке колокола на колокольницу, вероятно, ту, на которую составил смету Н. Фанцален, свидетельствует и память, данная головам А. В. Александрову и М. И. Трофимову 21 февраля того же 1667 г., на которую обратили внимание Кавельмахер и Панова. Документ предписывал «прислать тот час в приказ двоим возжи посконные для меры Большого колокола под колоколницу подшве»⁵¹. Сомнения в том, что колокол в 1667 г. был поднят на незначительную высоту, снимает челобитная московского пушкаря Василия Степанова, составленная 21 апреля 1668 г. Челобитчик говорит, что он «во

176 году... подымал болшой колокол. И я... тот колокол приподнял сколько мне холопу твоему сказано...». В деле также сохранилась выписка из расходной книги Пушкарского приказа 176 (1667/68) г.: «А в нынешнем же во 176-м году в декабре месяце... пушкар Васка Степанов новой болшой успенской колокол приподнял вверх на полторы сажени и за [п]одъем дано ему Васке в приказ сукно»⁵². Уточняется время подъема с точностью до месяца – декабря 1667 г., а также прямо говорится, что речь идет именно о новом Большом Успенском колоколе.

Чиновники Успенского собора свидетельствуют, что новый Большой колокол звонил на Богоявление 1668 г. («Во 176 году ко Святому Богоявлению к вечерни государь указал благовест за три часа, а благовест в новой Большой колокол, а звон с ним же»⁵³), несомненно, с устойчивой точки. Таким образом, есть основания полагать, что колокольня на каменном фундаменте, на материалы которой составил роспись Н. Фанцален 29 января 1667 г., была всё же устроена и спустя почти год, в декабре 1667 г., она вместила невысоко поднятый благовестник Алексея Михайловича.

Надпись на Царь-колоколе 1735 г. гласит, что его предшественник (то есть Царь-колокол Алексея Михайловича) «из места сего благовестить начал в лето Христова же Рождества Господня 1668»⁵⁴. Ее авторы при проставлении этой даты, возможно, обратились к чиновнику Успенского собора, записи которого (в том числе и о звоне нового Большого Успенского колокола) ведутся как раз с 1668 г.⁵⁵, а другие источники могли не привлекать.

Факт установки колокола в декабре 1667 г. на колокольню с каменным фундаментом вселяет надежду, что в ходе археологических исследований обнаружатся ее остатки. В 1913 г. при земляных работах на Соборной площади были открыты остатки каменного фундамента октагона диаметром примерно восемь метров с выделенной с востока экседрой (рис. 3). Эти фрагменты были частично задокументированы и сфотографированы. Кавельмахер и Панова, обнаружившие в архивах и опубликовавшие эти ценнейшие материалы, попытались связать выявленные в 1913 г. архитектурные остатки

⁴⁶ Там же. Д. 238. Указание заровнять яму, в которой выливался колокол, по-видимому, не выполнили. Ф. Х. Вебер в 1716 г. отмечал, что яму, в которой отливали Царь-колокол в 1650-е годы, не засыпали «в воспоминание об этом событии» (Вебер Ф. Х. Записки // Русский архив. 1872. № 7–8. Стб. 1363).

⁴⁷ СПбИИ. Ф. 175. Оп. 1. Д. 242.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 484. Л. 100.

⁴⁹ СПбИИ. Ф. 175. Оп. 1. Д. 250. В ней говорится и о необходимом количестве специалистов. См. также: Кавельмахер В. В., Панова Т. Д. Указ. соч. С. 76.

⁵⁰ Кавельмахер В. В., Панова Т. Д. Указ. соч. С. 76.

⁵¹ ВИМАИВиВС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 240. Л. 2; Кавельмахер В. В., Панова Т. Д. Указ. соч. С. 76, 82, примеч. 26. Исследователи считают, что возжи нужны были «для разбивки подошвы колокольницы».

⁵² СПбИИ. Ф. 175. Оп. 1. Д. 253. Л. 1, 3; Д. 255. Из другого документа мы узнаем, что «во 176-м году октября в 21 день... велено пушкарю Васке Степанову болшой новой колокол поднять от земли вверх на полтора аршину» (Там же. Д. 254. Л. 2). По третьей версии Васка Степанов «Болшой новой успенский колокол приподнял кверху на сажень» (Там же. Л. 10). Мы также знаем, что было взято «в Пушкарской приказ всякого розного лесу к успенскому большому колоколу для подему» (Там же. Л. 1).

⁵³ ДРВ. М.: тип. компании типографической, 1789. Ч. 10. С. 152.

⁵⁴ Костина И. Д. Указ. соч. С. 12.

⁵⁵ ДРВ. М.: тип. компании типографической, 1789. Ч. 10–11.

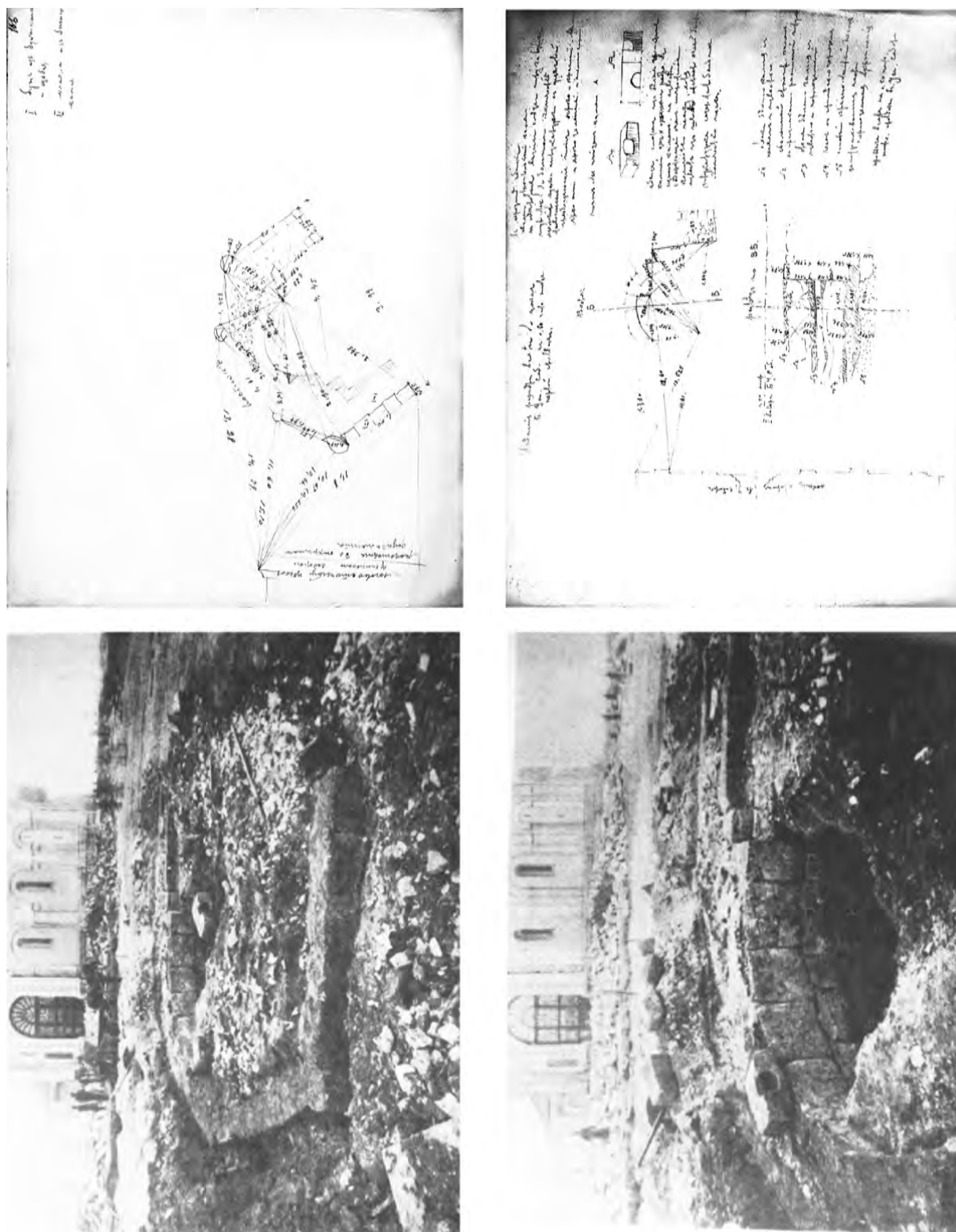

Рис. 3. Архитектурные фрагменты, найденные на Соборной площади Московского кремля в 1913 г.
 Фото – Музеи Кремля (ОРПГФ. Ф. 60. Д. 16. Л. 118–119); Зарисовки из альбома П.П. Покрышкина (Архив ИИМК. Ф. Р-1. Д. 46. Л. 102, 106)

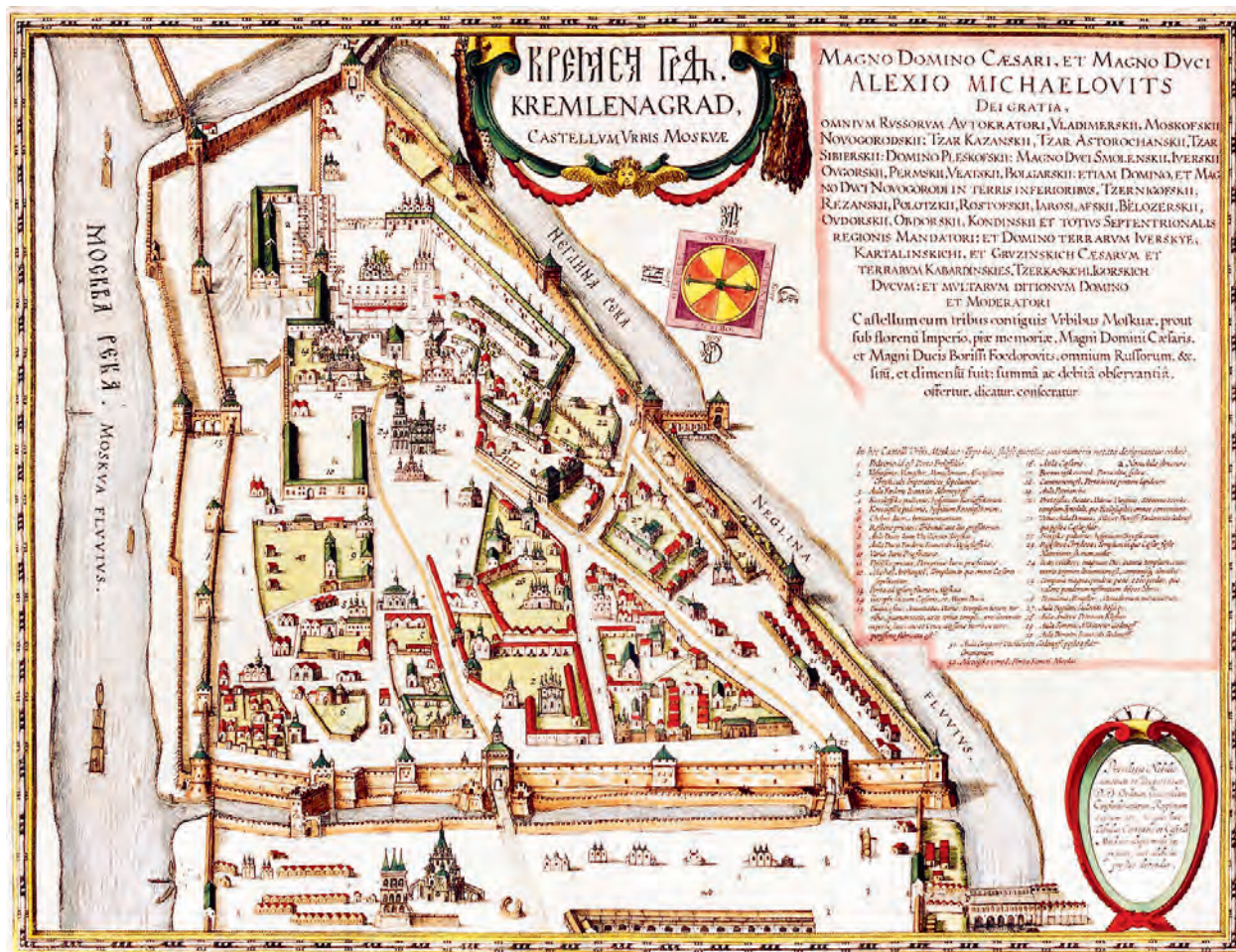

Рис. 4. «Кремленаград». План Кремля рубежа XVI–XVII вв.

с церковью Иоанна Лествичника «под колоколы» 1329 г. Специально обратив внимание на то, что на месте открытых в 1913 г. каменных остатков октагона в XVI – первой половине XVII в. была деревянная колокольня для тяжелых колоколов, исследователи атрибутировали эти фрагменты как остатки подколоколенной церкви, однако отрицали возможность их связи с колокольней XVI – первой половины XVII в.⁵⁶ Но изображение деревянной колокольни на миниатюре Лицевого летописного свода под статьей 1547 г., выполненной во второй половине XVI в., а также на «Кремленаграде» – плане Кремля

рубежа XVI–XVII вв. (на миниатюре Лицевого свода она показана центрической многогранной в плане постройкой, а на «Кремленаграде» – четырехгранной) (рис. 4), ее фиксация в письменных источниках XVI в.⁵⁷ и обнаружение в 1913 г. белокаменных остатков октагона как раз на том месте, позволяют поставить вопрос об их передатировке и связи либо с ней, либо с сооружением 1667 г., которое могло быть топографически ей тождественным, факт существования которого подтверждается наличием росписи материалов Н. Фандалена от 29 января 1667 г., поднятием Царь-колокола 1655 г. в декабре 1667 г. и его звоном в январе 1668 г. Иными словами, местоположение найденных в 1913 г. белокаменных фрагментов октагона, скорее, свидетельствует в пользу их принадлежности деревянной колокольнице на каменном фундаменте XVI – первой половины XVII в.

⁵⁶ Кавельмахер В. В., Панова Т. Д. Указ. соч. С. 68–71, 75–76 (особенно с. 76); Кавельмахер В. В. Большие благовестники Москвы ... С. 116, примеч. 3. Брусная колокольница для колокола-гиганта (имеется в виду колокольница 1616 г.), по мнению авторов статьи, не требовала каменных фундаментов (с. 67, примеч. 11). С другой стороны, они фиксируют наличие камня в ее нижних частях, которым заполнялся сруб для тяжести (с. 82, примеч. 11), тем самым допуская наличие каменных частей в основании деревянного здания. В таком случае их наличие тем более вероятно в деревянной колокольнице 1667 г.

⁵⁷ Подборку летописных статей см.: Кавельмахер В. В. Способы колокольного звона ... С. 46 и др.; Его же. Большие благовестники Москвы ... С. 89–91; Кавельмахер В. В., Панова Т. Д. Указ. соч. С. 75 и др.; ПСРЛ. М.: Наука, 1978. Т. 34. С. 202.

или сооружению 1667 г., а не белокаменной церкви Иоанна Лествичника «под колоколы» 1329 г., о точной привязке которой мы не имеем сведений.

Принимая во внимание активное строительство в центре Кремля в XIV–XVII вв., которое могло сопровождаться сносом имевшихся построек, а также гораздо меньшее внимание к этой точке архитекторов XVIII–XIX вв., логичнее думать, что сохранившиеся остатки относятся к последним этапам строительной активности на этой территории, а не к начальным. Материальные (в том числе и архитектурные) остатки более позднего времени обычно сохраняются лучше и, естественно, распространены шире, чем артефакты более раннего времени.

Центрические многогранные в плане каменные колокольни были распространены в русской архитектуре XVI–XVII вв., в то время как для Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. такие примеры церковной архитектуры не типичны⁵⁸.

С другой стороны, нет сведений о том, что сооружение 1667 г. предполагало апсиду, которая видна на остатках белокаменной кладки и, несомненно, была в каменном храме Иоанна Лествичника 1329 г. Другим фактом, указывающим скорее на XIV в., чем на XVI–XVII вв., может служить полное (судя по фотографиям) отсутствие кирпича в кладке, хотя по росписи Н. Фанцалена он полагался в большом количестве и вообще был основным строительным материалом каменного зодчества XVI–XVII вв. Но кирпичные части (как и верхние белокаменные ряды) могли быть разобраны, а нижние белокаменные ряды могли сохраниться под землей. Итак, не претендуя на окончательное решение вопроса, скажем, что атрибуция белокаменных фундаментов как фрагментов колокольни XVI – начала XVII в. или 1667 г. на сегодняшний день представляется не менее вероятной, чем связь их с храмом 1329 г. Надеемся, что археологические работы на Соборной площади дадут дополнительную информацию по этому вопросу.

⁵⁸ При раскопках в центральной части Твери в 1998 г. были обнаружены три белокаменные ротонды. При их строительстве применялся и материал вторичного использования; кирпич не прослеживается. Стратиграфически датируются рубежом XIV–XV – первой половиной XV в. и предположительно атрибутируются не как церковное сооружение, а как фрагмент парадной части ограды тверского княжеского двора. По мнению А. М. Салимова, белокаменные башни могли выполнять функции хранилища боеприпасов и казны, а прекратили существование в XVII–XVIII вв. (Хохлов А. Н., Нестерова М. Е. Белокаменные башни ограды двора великих князей тверских (конец XIV – первая половина XV вв.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 2003. Вып. 5. С. 271–272, 275, 286; Салимов А. М. Тверские ротонды // Там же. С. 299–300, 298–303, 305, 307–310, 312). В архитектуре Руси XII–XIV вв. (главным образом в южных и западных землях) ротонды встречаются в памятниках как культовой, так и крепостной архитектуры, хотя они не были ведущим ее типом.

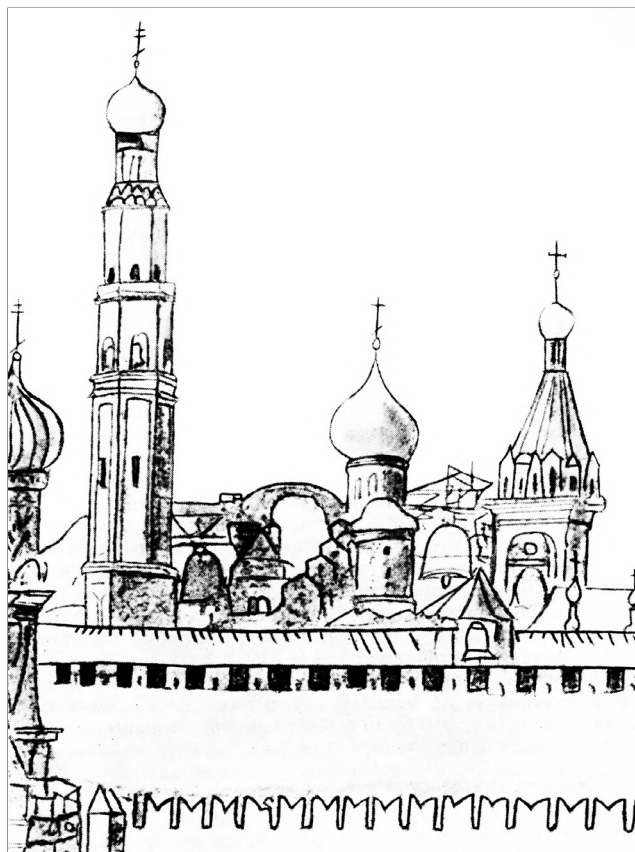

Рис. 5. Комплекс соборных звонниц Кремля. Рисунок из альбома А. Мейерберга. 1660-е гг.

Поднятие Царь-колокола 1655 г. «на церковные своды Рождества Христова» началось в 1672 г.⁵⁹ Престол Рождества Христова находился в комплексе соборных звонниц Кремля, поэтому подробнее остановимся на его архитектурном облике.

Он состоял из трех зданий: с юга – восьмигранный столп с храмом Иоанна Лествичника («Иван Великий»); с севера к нему примыкала храмовая постройка XVI в., венчавшаяся, если верить изображениям XVII в., сводом с барабаном и куполом. С севера к средней части комплекса примыкала так называемая Филаретова пристройка, возведенная в 1622–1623 гг. От средней части комплекса звонниц были перекинuty арки на столп Иоанна Лествичника и на Филаретову пристройку (рис. 5). В арке, перекинутой на храм Иоанна Лествичника, висел колокол Реут 1621/22 г. (1200 пудов); в арке, перекинутой на Филаретовскую пристройку, – Вседневный колокол 1651/52 г. (998 пудов); в проеме Филаретовской пристройки – благовестник Бориса Годунова. Меньшие колокола висели в арках столпа⁶⁰.

⁵⁹ ОР РГБ. Ф. 67. К. 29. Д. 57. Л. 3–4.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 145. Л. 4 об., 8; Павел Алеппский.

В средней части комплекса звонниц в 1543 г. появляется престол Воскресения Христова, а в 1554/55 г. – соборный престол Рождества Христова⁶¹. В 165 (1656/57) г. «церкви Рождества Христова что под колоколы престол выломан, а в то место учинена соборная церковь Воскресения Христова, а оклад им протопопу и попом и дьякону с причетники прежней Рождественской»⁶². Выломка престола состоялась вскоре после окончания отливки Большого Успенского колокола и, возможно, была продиктована желанием освободить пространство для его размещения. Забота оказалась преждевременной: он на эту точку был водружен только спустя двадцать лет⁶³.

О попытке подъема колокола писал И. Ф. Кильбургер, пребывавший в Москве с 31 декабря 1673 г. по 23 июня 1674 г.: «в 1674 г. в марте... в первый раз (колокол. – Д. Д.) поднят в замке возле большой церкви и колокольни Ивана Великого с помощью двух очень высоких новопостроенных столбов и хорошо выдуманного царским “сторожем”, или прихватником, перевеса... Употребив для поднятия этого колокола целых 9 месяцев большого усилия и труда, русские 2-го декабря так высоко его подняли, что следовало лишь опустить его с подмостков, которые при поднятии устраиваются всегда внизу, на определенное место церкви (вероятно, имеются в виду своды. – Д. Д.), но по недосмотру ему придали слишком стремительный ход, так что он на упомянутом месте получил размах и упал опять вниз к другой стороне церкви, уйдя ушами так глубоко в землю, что 1/3 всего колокола была зарыта; но это падение однако несколько не повредило». Очевидно, о неудаче 2 декабря 1674 г. Кильбургер написал с чужих слов, поскольку его самого тогда в Москве не было⁶⁴. Ин-

терес этого посольства к Царь-колоколу отразился и в русских источниках, на которые обратил внимание Б. Г. Курц, процитировавший записку об осмотре колокола послами 30 марта 1674 г.: «А как приехали поблиску Посольского приказу, и послы спрашивали приставов, в котором месте... устроен колокол Большой. И как приехав против Большого колокола, – и послом тот Большой колокол указали и говорили им, что тот колокол поднимает русской человек. И послы... говорили, что они такова колокола нигде не видали и не слыхали»⁶⁵.

Подобно Кильбургеру, первую попытку поднятия Большого Успенского колокола фиксирует документ из ОР РГБ: «И во 180 (1672) году июня в 2-й день бил челом... сторож Ортюшка, будет де великий государь укажет ему Большой колокол поднимать на церковные своды Рождества Христова, и он тот колокол на то место поднимет и к благовесту устроит. И августа в 12 день Ортюшке тот колокол на церковные своды Рождества Христова поднимать велено, а на подъем того колокола на покупку всяких запасов дано ему ис Пушкарского приказа 1600 рублей... (далее говорится о расходах на другие приспособления для подъема. – Д. Д.). И во 183 (1674/75) году Ортюшка колокол на церковные своды Рождества Христова поднял и переправке тот колокол спал на землю (год как раз соответствует 2 декабря 1674 г. – Д. Д.). И... тот колокол велено поднять по прежнему ему ж Ортюшке и поставить на те ж церковные своды и для подъему того колокола дано ему 700 рублей... И во 184 (1676) году июля в 4 день Ортюшка умре, а колокол стоял на земли на коволоках...»⁶⁶.

Процесс и технологию постепенного, но в конечном итоге неудачного поднятия Царь-колокола в 1674 г. фиксирует известный рисунок Э. Пальмквиста, посетившего Россию в этом году вместе с Кильбургером⁶⁷ (рис. 6).

Повторный подъем колокола имел место и в 1675 г. 10 марта 1675 г. Ортюшка «почал Большой колокол передвигать в столбы от собору своими денгами»⁶⁸. Возможно, фразу следует понимать так, что к собору Рождества (Воскресения) Христова были приставлены два мощных столба, внутри которых

Указ. соч. С. 339–340; Кавельмахер В. В. Большие благовестники Москвы ... С. 82–83 (табл.), 103–104, 107, 109, 115.

⁶¹ ПСРЛ. М.: Наука, 1965. Т. 13. С. 145.

⁶² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 14805. Л. 2. Однако в быту храм часто именовали по-прежнему – Рождества Христова.

⁶³ На миниатюре «Книге об избрании на царство Михаила Федоровича Романова», составленной в 1671–1673 гг., столп показан без примыкающих звонницы и Филаретовой пристройки. Возможно, это связано с условностью изображения, а возможно, миниатюрист изображал сооружение не в том виде, в котором ее наблюдал в 1670-е гг., а так, как оно ему представлялось на момент описываемого события – на 1613 г., полагая, что и средняя часть комплекса звонниц, и Филаретовская пристройка были сооружены во времена Михаила Федоровича. Во всяком случае, А. Е. Левшин в конце XVIII в. и среднюю часть комплекса, и Филаретовскую пристройку рассматривал как одно здание и приводил текст надписи на нем, упоминающий и Михаила Федоровича, и патриарха Филарета (Историческое описание первопрестольного в России храма Московского Большого Успенского собора ... / сост. А. Г. Левшин. М.: тип. Мейера, 1783. С. 241–257), очевидно, датируя эти части комплекса первой третью XVII в.

⁶⁴ Курц Б. Г. Указ. соч. С. 175–176. О пребывании И. Ф. Кильбургера в России см.: Там же. С. 2–4. Как предполагал Б. Г. Курц, И. Ф. Кильбургер писал свое сочинение в 1674 г. в Швеции (Там же. С. 15–17).

⁶⁵ Там же. С. 508–509, примеч. 1; РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 93. Л. 200–201.

⁶⁶ ОР РГБ. Ф. 67. К. 29. Д. 57. Л. 3–4. Последнее слово в документе написано с исправлением.

⁶⁷ Об Э. Пальмквисте см.: Курц Б. Г. Указ. соч. С. 6–9. Описание технологии см.: Данилевский В. В. Русская техника. Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Лениздат, 1949. С. 124–125 и др. В книгу вкрались ошибки по истории и хронологии отливки и перемещения колокола; Векслер А. Московское диво, или Монтаж в древней Москве крупногабаритного элемента огромного веса // На стройках России. 1977. № 2. С. 31.

⁶⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 113. Оп. 1. Д. 40. Л. 111 («от соборные церкви в новые каменные столпы»), 112.

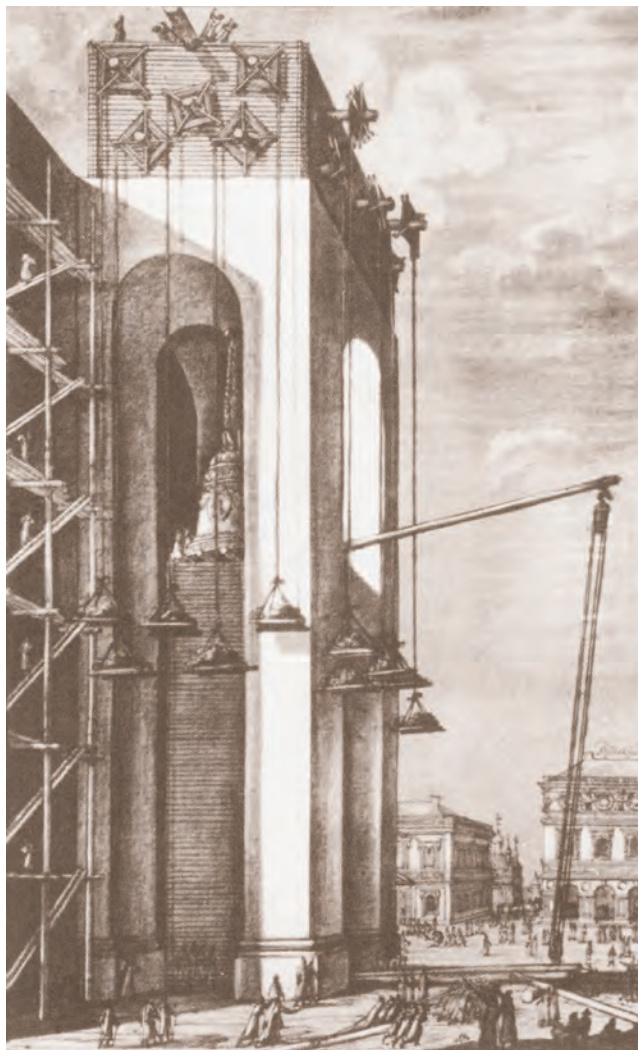

Рис. 6. Подъем Царь-колокола Алексея Михайловича в 1674 г. Рисунок из альбома Э. Пальмквиста. 1674 г.

колокол постепенно перемещался вверх, то есть использовался тот же механизм подъема, что и в 1674 г.

В день смерти Артюшки 4 июля 1676 г. колокол не был поднят, хотя подъем во второй попытке продолжался уже второй год. В феврале 1677 г. поступила «память... отпустить... остаточного вина садовнику Большого колокола подъемщику Ивашку Кузмину и плотником всего двадцати четырьмя человекам за подъем Большого Успенского колокола февраля 4 числа нынешнего 185 (1677) года»⁶⁹. Из документа неясно, на какой стадии находился подъем колокола, однако очевидно, что на смену умершему Артюшке Гладкову этим занялся другой наш соотечественник – Ивашка Кузьмин.

К 17 ноября 1677 г. «Ивашка тот колокол спустил на церковь Рождества Христова и поставил на

указанном месте»⁷⁰, то есть колокольный подъем уже состоялся. 8 ноября 1678 г. «на утвержденном каменном месте благовестили в самой большой колокол». Очевидно, это был первый случай эксплуатации Царь-колокола Алексея Михайловича на сводах церкви Рождества Христова⁷¹. Таким образом, если колокол был поднят к ноябрю 1677 г., то годным к эксплуатации он оказался спустя примерно год, который ушел на работы с колоколом на высоте⁷².

В этой связи интересен Устав о колокольной фамилии: «Указал Святейший Иоаким... в 188 (1679) году в сентябре месяце... как докладывать о благовесте, о прозвании колоколов, как их в докладе называют, что Новой Большой и тот в докладе называют Успенским, а Старой Успенской в докладе называют Воскресным, а Реут в докладе называют Полиелейным, а что всегда благовест в него бывает, и тот называют Вседневым»⁷³. К концу XVII в. в ансамбле соборных звонниц имелось как раз четыре проема для благовестников: три из них (с выделенным центральным) находились над средней частью, той самой, где размещался храм Рождества (Воскресения) Христова, а четвертый или, вернее, второй (по статусу колокола) – в проеме Филаретовой пристройки⁷⁴ (рис. 7).

Большой Успенский колокол 1655 г. был рекордным по своим размерам, на что обращали внимание даже приезжавшие иностранцы, и отливался он русским мастером. Работы по его установке вели как русские, так и иностранные специалисты, но в итоге эта задача была решена нашими соотечественника-

⁷⁰ СПбИИ. Ф. 175. Оп. 3. Д. 27. Л. 333–335.

⁷¹ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. С. 259. В. В. Кавельмахер без сносок пишет, что этот Царь-колокол был поднят «после нескольких неудачных попыток только в ноябре 1678 г.» (Кавельмахер В. В. События колокольного звона ... С. 71). Согласно В. А. Кондрашиной, в том же 1678 г. колокол «окончательно занял место на колокольне Ивана Великого» (Кондрашина В. А. Государев пушечный и колокольный мастер Александр Григорьев. С. 83); Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. М.: Москвская городская типография, 1884. Т. 1. Стб. 999; Снегирев И. М. Московский Царь-колокол // Русские достопамятности. М.: тип. Т. Рис, 1880. Т. 3. С. 4, примеч. 2; РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 17692; Оп. 2. Д. 254. Л. 33.

⁷² Давиденко Д. Г. Реконструкция соборных звонниц Московского Кремля в конце 1670-х – первой половине 1680-х годов // Московский Кремль XV столетия. Архангельский собор и колокольня «Иван Великий» Московского Кремля. 500 лет. М.: Арт-Волхонка, 2011. Т. 2. С. 320–321.

⁷³ ДРВ. М.: тип. компании типографической, 1789. Ч. 11. С. 254. При описании празднования новолетия 7199 г. (1 сентября 1690 г.) отмечено: «Благовест был в соборе в старой Успенской колокол, а ныне зовут воскресным». Здесь же упоминается «Большой новый колокол» (Дубровский Н. Патриаршие выходы // ЧОИДР. 1869. Кн. 2. С. 20–21), что подтверждает отождествление названий.

⁷⁴ О происхождении системы развески колоколов на комплексе соборных звонниц Кремля см.: Кавельмахер В. В. События колокольного звона ...; Его же. Большие благовестники Москвы ... С. 81–115.

⁶⁹ Там же. Л. 131–131 об.

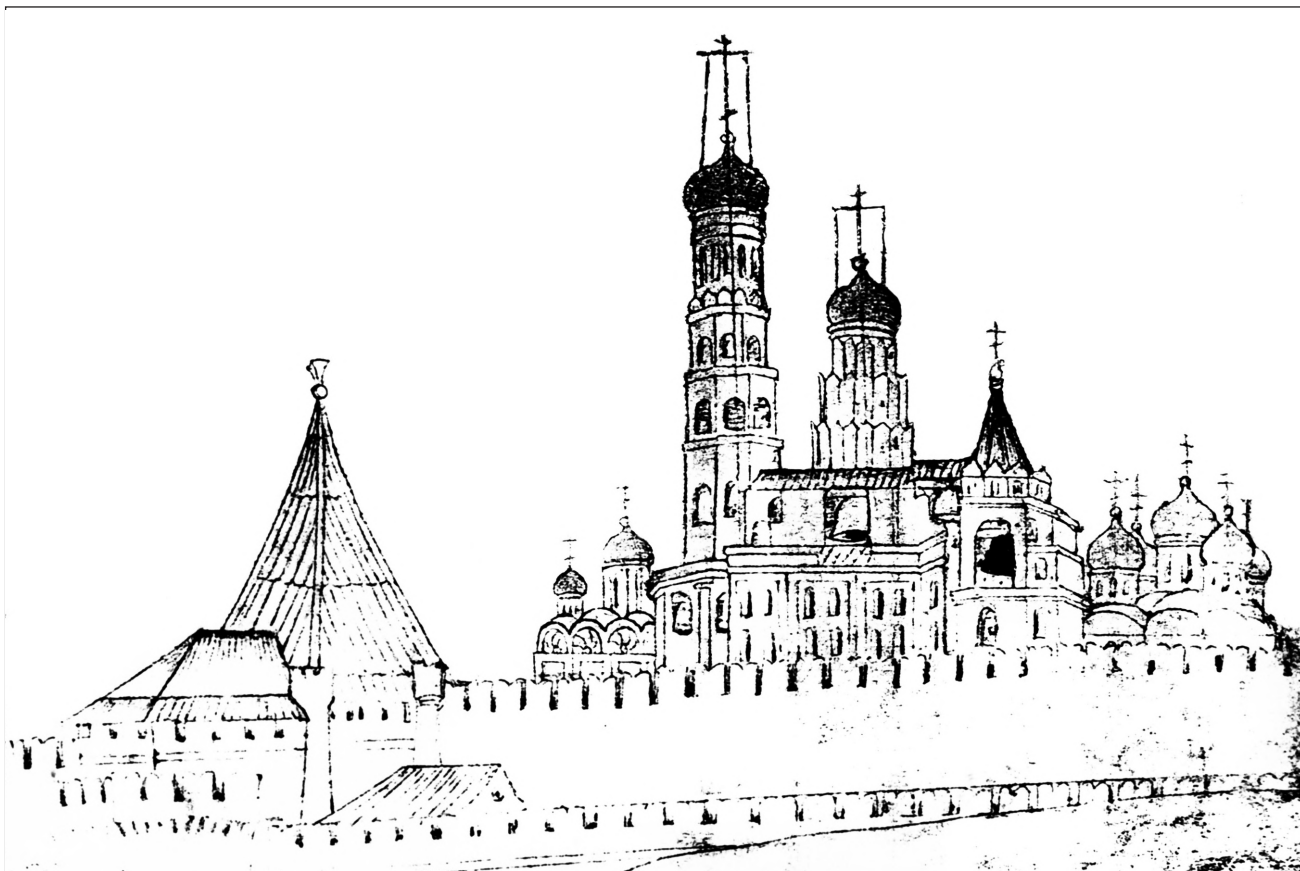

Рис. 7. Митрополит Алексей на фоне Кремля. Г. Зиновьев (?). Икона. 1690-е гг. Фрагмент. (ГТГ. Инв. 14955)

ми в 1670-е гг. Царь-колокол Алексея Михайловича, как и его предшественник – благовестник Бориса Годунова – треснул в пожар 19 июня 1701 г.⁷⁵ В описи колоколов 1749 г. про «новой Большой Успенской колокол», отлитый «во 162-м году» и весивший 8000 пуд сказано, что по указу 1730 г. велено «показанной колокол, который от пожару повредился, перелить вновь с пополнением». Отмечено, что отливка была окончена в 1735 г. «ноября з 24-е на

⁷⁵ РГАДА. Ф.396. Оп.1. Д.53720; Ф.18. Оп.1. Д.145. Л.4; ОР РНБ. Q.IV.142. Л.225.

25 число», а также, что «в 737-м году мая 29 дня во учинившейся... пожар оной колокол повредился и ныне лежит в литейной яме»⁷⁶. В 1836 г. он был извлечен оттуда и водружен на постамент. Этот экземпляр – Царь-колокол 1735 г., – действительно, не функционировал, но расхожее утверждение, что Царь-колокол не звонил, применимо только к экземпляру 1735 г., но не ко всем благовестникам, имевшим этот статус.

⁷⁶ РГАДА. Ф.18. Оп.1. Д.145. Л.3–4.

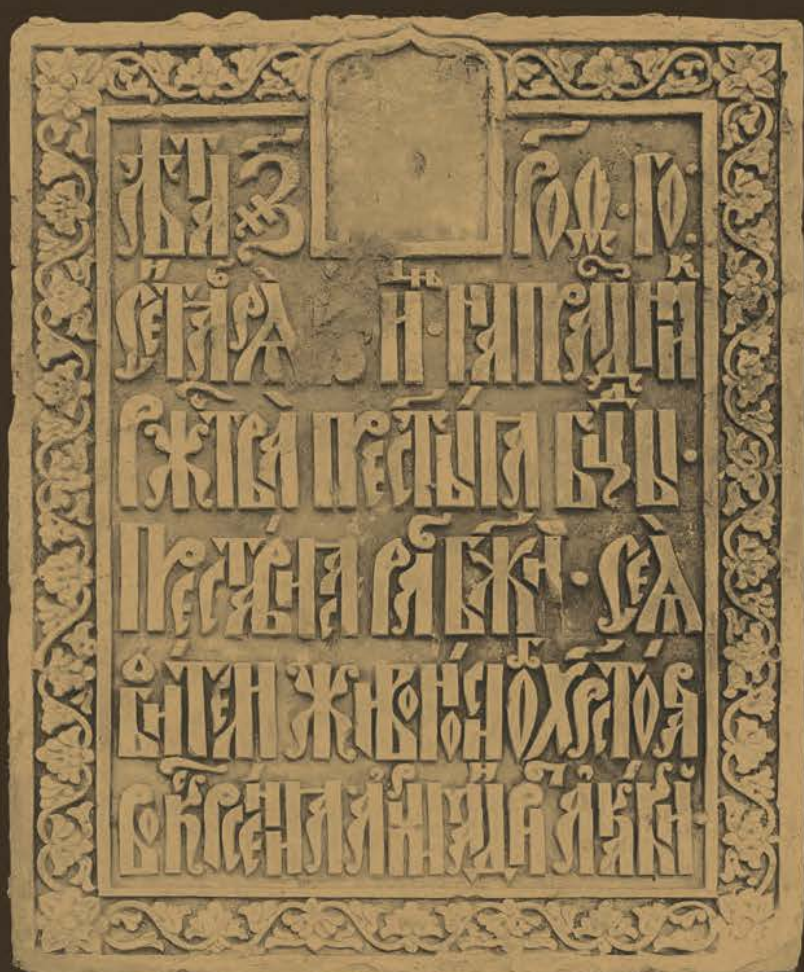
D. G. Davidenko

Casting and Installation of the Big Uspensky Bell in Moscow Kremlin in the 1650s – 1670s

Key words: bells; foundry, architecture, Moscow Kremlin.

Abstract: In 1655 the Russian master Alexandr Grigoryev cast the main blessed messenger of Moscow Kremlin, traditionally called the Tsar-Bell, weighing 8,000 puds. It was used episodically as its installment on the Kremlin complex of the cathedral bell gables took more than twenty

years. Both native mechanics and foreign ones were involved into this project. As a result, the problem was solved by the lifter Ivashka Kuzmin in 1677. The blessed messenger was functioning with intervals for forty five years until it cracked during the fire in 1701. In 1735 another copy was cast from its copper which inherited the high-status name of the Tsar-Bell that is now exposed on the pedestal in Kremlin.

Часть III

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Феномен игры в культуре допетровской Руси: от языческого обряда к театральному представлению*

Постижение значения игры как неотъемлемой части человеческой культуры остается актуальной проблемой как для обобщающих¹, так и для специальных социопсихологических², этнографических³ и лингвистических⁴ исследований. Данная статья посвящена конкретному и недостаточно исследованному аспекту указанной темы: описанию и осмыслению игровых феноменов древнерусской культуры. Несмотря на значительное число публикаций, посвященных отдельным сторонам игровой культуры русского Средневековья, задача определения места и роли игры в жизни древнерусского человека остается нерешенной, не в последнюю очередь из-за того, что интерпретации изучаемых феноменов построены во многом на экстраполяции в прошлое представлений об игре, свойственных культуре Нового времени⁵.

Согласно данным этнолингвистических исследований понятия «игра»⁶, в русской языковой кар-

тине мира могут быть выделены следующие классы игровых феноменов:

- природные феномены импульсивного типа: *солнце / река / ветер играет*;
- бытовые явления с семантикой хаотического движения и роста: сквашивание молока, теста, брожение пива⁷;
- выразительные психосоматические явления: *в лице румянец играет; в глазах играет* (рябит); «*яко десно око заиграе*» (дрожит, дергается – примета в древнерусских трепетниках); *селезенка играет* (о дыхании бегущей лошади); *в груди колоколец играет* (о предсмертных хрипах); *сердце играет* (екает); в том же ряду – *игрец* (паралич / судорожные припадки); рядом и особо – *игрец тебя избей, игрец тебя возьми, игрец его знает, игрец с ним* (о бесовской одержимости); в переносном значении – *кровь играет, «страстей моих играние»* (о душевных и духовных волнениях);
- пение / токование птиц;
- брачные игры и сам акт случки животных, нереста рыб;
- ухаживание / волочение, тактильные любовные игры и соитие людей;
- разные виды спонтанной двигательной активности детей и животных (младенческое играние

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00128.

¹ Хренов Н. А. «Человек играющий» в русской культуре. СПб.: Алетейя, 2005. 604 с.

² Игра со всех сторон / сост. Е. С. Жорняк. М.: Прагматика культуры, 2003. 432 с.

³ Народные игры и игрушки / отв. ред. Г. Н. Симаков. СПб.: МАЭ РАН, 2000. 183 с.; Игра и игровое начало в культуре народов мира / отв. ред. Г. Н. Симаков. СПб.: МАЭ РАН, 2005. 274 с.; Морозов И. А., Слепцова И. С. Круг игры: праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М.: Индрик, 2004. 920 с.

⁴ Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2006. 544 с.

⁵ Морозов И. А. «Игра» и «ритуал» в современном научном дискурсе // Традиционная культура. 2001. № 1. С. 20–28.

⁶ Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука, 1981. Вып. 8. С. 208–212; Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1979. Вып. 6. С. 80–84; Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1977. Вып. 12. С. 65–75; Венди-

на Т. И. Игра в языке русской традиционной культуры: этнокультурная интерпретация // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2006. С. 375–391; Толстая С. М., Толстой Н. И. Играть и гулять // Толстая С. М. Пространство слова: лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. С. 102–113.

⁷ О взаимодействии пищевого и игрового кодов традиционной культуры см. подробнее: Березович Е. Л., Пьянкова К. В. «Пищевой» код в дискурсе игры // Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. С. 341–403.

ручками, бесцельная детская беготня и «возня»; конское переступание ногами, брыканье телят и т.п.);

- силовые и состязательные игры спортивного типа подростков и взрослых;
- операционные детские игры с игрушками;
- спортивные игры с различными предметами;
- игра на музыкальных инструментах;
- пляска и пение;
- ролевые и сценарные игры детей, обрядовые (*ряжение, хоровод, свадьба*) и зрелищно-театральные действия взрослых;
- шутки, насмешки, издевки;
- интеллектуальные и азартные игры⁸.

Вопрос об этимологической «первородности» и взаимных отношениях природного, психосоматического и социокультурного рядов значений игры остается дискуссионным. Вместе с тем несомненно, что к моменту формирования славянских этносов и государств в Восточной Европе X–XI вв. смысловой доминантой игры стало значение «обрядовое пение с пляской», производными от которого выступали частные значения слова *«игра»* – «песня», «танец», «зрелище», «забава», «шутка» и т.п.⁹. Именно этот круг средневековых игровых феноменов будет детально рассмотрен в настоящей статье. Изучение данной проблемы осложнено тем, что в источниках одно и то же действие может быть названо игрой, а может и не сопровождаться таким определением. Кроме того, описание разных видов «игр» могут пересекаться.

Самую общую систематизацию типичных ситуаций, для которых характерно игровое поведение, дает один из исповедальных вопросников первой трети XVII в. Исповедующий интересовался: «в долони клескивал лы и плясывал лы, песни бесовския певал лы», а после этого уточнял: «а в пиру и на свадьбах и на игрищах»¹⁰. Таким образом, мы получаем три варианта наиболее типичных ситуаций, в которых практиковалось игровое поведение – свадьба, пир и игрища (народные обрядовые праздники). Рассмотрим конкретные данные источников в соответствии с этой структурой.

Игрища – обрядовые празднества

Данные о характере древнерусских *игрищ* извлекаются из свидетельств начального русского летописания, с одной стороны, и христианской проповеди, с другой стороны.

⁸ Ср. типологию игровых форм культуры: Хейзинга Й. *Homo ludens* / пер. В.В.Ошиса. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 40–60.

⁹ Этимологический словарь славянских языков. Вып. 8. С. 210. Ср. также: Бернштам Т.А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 273–274.

¹⁰ Корогодина М.В. Исповедь в России в XIV–XIX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 422.

В «Повести временных лет» в статье 1068 г. летописец, в числе причин, по которым Господь покарал русских людей нашествием половцев, отмечает, что русские люди по имени христиане, а ведут себя как язычники. Среди проявлений такого поведения было пристрастие к *трубам, гуслим, скоморохам и русалиям*. В них летописец видел инструмент, при помощи которого дьявол отрывал людей от Бога (этот фрагмент летописи текстуально ориентирован на «Златоструй»¹¹). Места, где проходили игрища, были утоптаны множеством людей, которые пихали друг друга «позоры деюще»¹². Здесь мы наблюдаем объединение понятий игрища как обобщенного именованного языческих действий с конкретным, дохристианским по своим корням праздником – русалиями и конкретными видами игрового поведения – игрой на трубах, гуслих и представлениями скоморохов.

Не позднее XIII в. в древнерусских текстах появляется мысль о том, что светская власть должна препятствовать участию людей в играх. К этому Иаков-черноризец призывал князя Дмитрия Борисовича: «Аще и чюдеса подражати апостолы хожеши, и се ти мощно: они хромым ходити створиша и руки сухым исцелиша, а ты храмлющая о вере научи, и нози текущих на игры к церкви обрати»¹³. Здесь понятие игры предстает наиболее обобщенно, без каких-либо пояснений по поводу того, в связи с чем эти игры проходили.

В появившемся в самом начале XVI в. «Послании» игумена псковского Елиазарова монастыря Памфила обличаются народные игрища, проходившие во Пскове накануне празднования отмечающегося 24 июня Рождества Иоанна Предтечи. Неприятие народного «Ивана Купалы» церковью вполне понятно, поскольку этот праздник наследовал языческому обряду почитания дня высшего солнцестояния. Однако к XVI в. абсолютное большинство псковичей были христианами. Да и сам игумен рассчитывал, что к его словам псковичи прислушаются именно как истинные православные. Вера в идолов поминалась в послании, однако основная мысль сочинения состояла в том, что празднование Рождества Иоанна Предтечи превращалось по людскому неразумию в поругание святого. В неправильном поведении псковичей Памфил выделял игру на музыкальных инструментах, «всякие неподобные игры сотонинские», «плескание и плясание». Далее делался акцент на эротическом компоненте праздничной гульбы: женщины и де-

¹¹ Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков: Епархиальная тип., 1916. Т. 1. С. 313–314.

¹² Повесть временных лет / подгот. текста, пер. и коммент. О.В.Творогова // БЛДР / под ред. Д.С.Лихачева, Л.А.Дмитриева, А.А.Алексеева, Н.В.Понырко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. С. 210.

¹³ Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу / подгот. текста, пер. и коммент. В.В.Колесова // Там же. М., 1997. Т. 5: XIII век. С. 390.

вушки кивали, издавали неприятные крики и вопли, пели скверные песни, извивались телом, подпрыгивали и притопывали. Эти песни и танцы соблазнили мужчин, вели к блуду между взрослыми и растлению девушек¹⁴. В послании нет указаний на конкретные виды «сатанинских игр», но в целом поведение псковичей в купальскую ночь можно описать как игровое, с выраженным эротическим подтекстом¹⁵.

От XVII столетия сохранился целый ряд документов (памятей, указов и др.), при помощи которых иерархи Русской православной церкви пытались унять от игрищ свою паству. «Память» патриарха Иоасафа (от 14 августа 1636 г.) интересна по целому ряду причин. Во-первых, в ней отмечено, что обличаемые и запрещаемые игрища приурочены не к какой-то конкретной дате, а характеризуют традицию отмечания самых разных церковных праздников. В документе перечислены «праздники Владычни и Богородичны и нарочитых святых». Во-вторых, дано сравнение подобающего и неподобающего праздничного поведения. Отмечено, что в праздник надо внимать духовным словам божественных писаний со страхом и благоговением, веселиться духовно. Однако люди «вместо радости духовной возделание творят радости бесовской», «вместо духовного торжества и веселия восприимше игры и кошуны бесовския». Эти «игры и кошуны» состоят в том, что скоморохи и медведчики творят сатанинские игры, играют в бубны и сурны, плещут руками, пляшут¹⁶. При этом происходит кулачные бои, доходящие до убийства. Бои отнесены именно к играм, поскольку ниже составитель документа уточнил, что «в тех играх многие и без покаяния пропадают». Особенно интересна помещенная после обличения народных празднеств приписка: «и всякого беззаконного дела умножилось, еллинских блядословий и кошун и игор бесовских»¹⁷. Здесь народные праздники соотнесены с античными играми.

¹⁴ Послание игумена Памфила / подгот. текста, пер. и коммент. В.И. Охотниковой // Там же. СПб.: Наука, 2000. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. С. 160–162.

¹⁵ О формах межполового общения молодежи на святыни, Масленицу и в купальский период во время посвященных игр, направленных на подготовку к будущим брачным отношениям и на частичное растрчивание эротического потенциала, – см. подробнее: Морозов И.А. Женильба добра молодца: происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой «свадьбы»/«женильбы». М.: Лабиринт, 1998; Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. М.: Индрик. 2002. С. 203–262, 465–539.

¹⁶ Ср. также свидетельства иностранных путешественников о таких игровых формах русской культуры XVI–XVII вв., как пение и пляски, качание на качелях, медвежья потеха, кукольный театр: Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск: Русич, 2003. С. 176–177, 199; Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии / сост. А. Либерман. М.: Рита-Принт, 1997. С. 425.

¹⁷ ААЭ. Дополнены и изд. Высочайше учрежд. комис. СПб: тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. 4: 1645–1700 г. 1836. С. 402 (№ 264).

Еще Н.В.Рожественский отметил связь данного документа с челобитной нижегородских священников, в том числе Ивана Неронова, сыгравшего заметную роль в реформах духовной жизни русского общества первых лет правления царя Алексея Михайловича. Неронов не только участвовал в составлении челобитных, но и пресекал игрища силой. Вместе с учениками он на святки устраивал по окрестностям города своеобразную охоту на игрецов, в ходе которой использовалась не только грубая сила, но и увещевания, почерпнутые из «Маргарита» Иоанна Златоуста¹⁸. Даже в конце XVII столетия патриарху Иоакиму пришлось продолжить дело обличения «бесовских игрищ»¹⁹.

Игра и пиры

Пир был неотъемлемой частью празднества, поэтому описания и порицания пиров пересекаются с обличительными характеристиками игрищ. Наиболее раннее свидетельство об играх на древнерусских пирах мы находим в житии Феодосия Печерского: посетив княжеские палаты Святослава, святой столкнулся там с музыкантами, игрой, весельем²⁰. На время бесед с праведником князь отлагал развлечения, но возвращался к застольным забавам по их окончании.

Одной из важных составляющих пира было потребление алкогольных напитков. Питье и связанное с ним расторможенное поведение часто становилось объектом бичевания для христианских авторов. В поучении жившего в конце XII в. Григория, епископа Белгорода, обличение игры вплетено именно в поучение против пьянства: «Егда бо упивается, тогда блудите и играете, плещете, поете, пляшете, в сопели сопете, завидите, рано пьете, объедаетесь, упиваетесь, блюете, льстите, злопоминаете, гневаетесь, лаетесь, хулите, осержаетесь, лжете, горьдите, кошуняете, срамословите, кличете, сваритесь, море вам до колена, смеетесь, крадете, бьетесь, деретесь, празднословите, смерти не поминаете, спите много, осуждаете, вадите, божитесь, укаряете, клеплете»²¹. Представляется, что слова «блудите и играете» не столько подразумевают разврат или какие-то конкретные виды

¹⁸ Рожественский Н.В. К истории борьбы с церковными беспорядками, отголосками язычества и пороками в русском быту XVII в.: (челобитная нижегородских священников 1636 года в связи с первоначальной деятельностью Ивана Неронова) // ЧОИДР. 1902. № 2. С. 1–31 (Смесь).

¹⁹ ПСЗ. Собрание 1-е. СПб.: тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 2. С. 647 (№ 1101).

²⁰ Житие Феодосия Печерского / подгот. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // БЛДР. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. С. 422.

²¹ Поучения к простой чади / подготовка текста, перевод и комментарий В.В. Колесова // Там же. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. С. 288.

игр, сколько дают общее определение поведения людей на пьяном празднике²². Сами «пьяные» действия – пение, пляска, игра на музыкальных инструментах – имеют параллели с тем, что происходило на языческих игрищах.

Более позднее по времени «Наставление в землемерии царям, если им угодно» Ермолая-Еразма – еще один текст, который включил осуждение игр в инвективу против пьянства, призывавшую полностью истребить этот порок. Автор раскрывал взаимосвязь пьянства с дальнейшими греховными действиями следующим образом: там, где люди сходятся пьянствовать, появляются «кошунницы» с гусями, скрипками, сопелями, бубнами и другими инструментами (в тексте они объединены под названием *бесовские игры*). «Кошунницы» играли, бесились, скакали и распевали скверные песни. Расслабленные пьянством жены теряли трезвую крепость нрава и начинали желать *сатанинского игrania*. Судя по дальнейшему развитию логических построений автора, под сатанинским игранием подразумевались внебрачные половые отношения. Их мужья в это время расслаблялись и начинали заглядываться на чужих жен. Чарки подносились с поцелуями, соприкосновениями, потаенными речами. Итогом становилась *связь дьявольская*. И вот стыдливая женщина, вкусив на пьяном сборище запретного, превращалась в блудницу²³. Фактически перед нами описание пира и его последствий. В сочинении хорошо прослеживается связь праздничного пира с игрой и с другими формами нехристианского поведения. При этом о каких-либо пережитках язычества в данном сочинении речи не шло. Для Ермолая-Еразма это просто обычное праздничное поведение неразумных людей.

Данная бытовая тема прослеживалась и в «Домострое» в разделе «Како кормити приходящих в дому з благодарением», посвященная тому, как надо устраивать пир для гостей. Здесь перечислялось то, что не должно происходить во время застолья. Запрет накладывался на скарденные речи и блудное срамословие, смех, шутки, игру на гусях, пляски, игры, песни. Всё это, по мнению автора, отгоняет ангелов, на место которых приходят бесы. Слуги нечистого же стараются, чтобы застолье продолжилось угодными им делами: зернью, шахматами²⁴, *бесовскими играми*. Как и множество его

предшественников, автор «Домостроя» подтверждал свое порицание игр известной библейской притчей о том, как выведенные из Египта евреи начали играть: «Егда жидове седоша ясти в пустыни и пити и, обьядшася и опившеся, и востаха играти и блуд творити, и тогда пожре земля их двадесят тысящ и три тысящи»²⁵.

Обличения, начавшиеся на заре русской культуры, продолжились и в XVII столетии. Авраамий Палицын в своем «Сказании» об осаде Троице-Сергиева монастыря в начале главы «Об умножении в крепости беззакония и неправды» поместил всё тот же рассказ о евреях, начавших играть. В «Сказании» библейским богоотступникам уподоблялись защищавшие монастырь военные, которые после битв начинали веселые пиры и не слушали увещевания братии. За пьянством последовало распространение блуда. В результате осажденные были поражены мором²⁶.

Пирь защитников Лавры сопровождалась музыкой. В главе «О неме и глухе пане, како обличи того Мартыаша измену» музыка планомерно завершает («начаша играти тонцы») обед, организованный монастырским слугой Пименом Теневым – руководителем русских отрядов во время вылазок против поляков²⁷. В былинах при изображении княжеских пиров регулярно упоминаются пение и игра на гусях: «Там вси скачут, пляшут оны, песенки поют, Во музыки да во скрипочки наигрывают»; «А в третьём терему-то гудки гудят, Игры играют Царьграда, Напевки выпевают Ерослима»²⁸.

В пир вплетались и другие, сомнительные с точки зрения морали действия, имевшие игровой характер. Застольная мужская беседа была немислима без соревновательного самовосхваления²⁹ и без уничижительной шутки по поводу угощения и сотрапезников. Некоторые из них сохранили двуязычные разговорники XVI–XVII вв.: «То пиво мне видит что кони счат»³⁰, «Ты нешибаш жареных да

²⁵ Домострой / подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // БЛДР. СПб.: Наука, 2000. Т. 10: XVI век. С. 126.

²⁶ Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря / подгот. текста Е. И. Ванеевой, пер. и коммент. Г. М. Прохорова // Там же. СПб.: Наука, 2006. Т. 14: Конец XVI – начало XVII века. С. 300.

²⁷ Там же. С. 316.

²⁸ Бобунова М. А. Онежские былины: частотный словарь. Курск: КГУ, 2003; Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Словарь языка русского фольклора: лексика былины. Курск: КГУ, 2006.

²⁹ Ср. былинное общее место: «Сильный хвастает своей силою, Богатый хвастает богатством, Иной хвастает добрым конем, А разумный отцом-матерью, А безумный хвастат молодой женой» (Смолицкий В. Г. Застолье в былинах // Традиционное русское застолье. М.: ГРЦРФ. 2008. С. 176).

³⁰ Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Copenhagen, 1970. Vol. II: Translation and Transliteration / ed. by L. L. Hummerich and R. Jakobson. P. 232.

²² Ср. характеристику стереотипного праздничного поведения в славянской народной культуре: Славянские древности: энциклопедический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2009. Т. 4. С. 237–240.

²³ Сочинения Ермолая-Еразма / подгот. текста, пер. и коммент. Р. П. Дмитриевой, пер. А. А. Алексеева и Л. А. Дмитриева // БЛДР. СПб.: Наука, 2000. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. С. 482.

²⁴ См. подробнее: Линдер И. М. Шахматы на Руси. М.: Наука, 1975. 207 с.

вареных гусей через тын»³¹. Мемуары иностранцев сохранили тексты застольных баек³² и свидетельства об импровизированных соревнованиях в силе отрывки / испускания ветров гузом³³. В свою очередь, по тщательно собираемым заморскими гостями слухам, закрытые женские пирушки содержали собственные игровые состязания: «во время пения они схватываются вместе, прыгают, то повернутся лицом, то задом друг к другу, остановятся и начнут повертывать задницей, точно мелют горчицу или чечевицу на ручной мельнице; та, которая поет и повертывает задом лучше всех, берет преимущество перед другими, той и больше славы»³⁴. Фольклорную версию застольного состязания монахов на пиру у Ивана Грозного (кушать ложками с длинными черенками) сохранила «Повесть о царе Иване и старце»³⁵. Впрочем, древнерусскому пиру не были чужды конные ристания, борьба и соревнования в стрельбе из лука³⁶. Застолье же ученой среды XVII в. предполагало интеллектуальные состязания в импровизированном построении остроумных силлогизмов³⁷.

Игра и свадьба

Свадебное торжество – одно из традиционных народных празднеств, встроенных в парадигму обрядов перехода во взрослый статус (особо отметим среди них застолье после венчания – «княжий пир», стереотипный образ которого отложился в свадебных песнях и былинах³⁸), с одной стороны, и в структуру годового цикла праздников-игрищ, с другой стороны. В «Повести временных лет» мы встречаем описание игрищ северян, радимичей и вятичей, которые включали пляски, песни, умыкание жен (по предварительной договоренности)³⁹. Подробностей летописец не привел, но из общего

характера сообщения очевидно, что на таких игрищах не обходилось и без игры на музыкальных инструментах. Основной же целью устраиваемых игрищ было создание семьи. Для нашей темы также важно, что в порицании этого языческого обряда общее понятие игрища объединено с конкретными видами игрового поведения.

Связь понятий *свадьба* – *игра* – *игрище* отчетливо прослеживается на уровне лексики: *свадьбу играли*⁴⁰. Сопровождала свадьбу и собственно игра музыкальных инструментов. «Чин свадебный» четко оговаривал моменты, когда музыкантам положено начать свою игру⁴¹. Скоморохи были непременно участниками свадеб⁴². С этим обычаем пытался бороться Стоглавый собор⁴³. Однако борьба эта долгое время оставалась безуспешной. Скоморохи присутствовали даже на царских свадьбах. Последний раз их приглашали на свадьбу Михаила Федоровича. Женитьба Алексея Михайловича проходила уже под дьяческие песнопения⁴⁴. В первой трети XVII столетия владение игровыми навыками свадебного обряда представлялось греховным. Исповедальный вопросник этого времени требовал выяснять у кающихся: «Слова свадебные игрищные и иные какие слова знаеши ли?»⁴⁵.

Таким образом, мы видим, что ситуации, подразумевавшие игровое поведение, имели между собой множество пересечений, что создавало единое семантическое поле обобщенного понятия игры.

Обобщенное представление об игре

Обобщенное представление об игре наиболее ярко представлено в обличениях. Из русских памятников в этом отношении наиболее интересно «Поучение Даниила, митрополита всея Руси» (годы пребывания на митрополичьей кафедре 1522–1539 гг.). Памятник особенно интересен тем, что обращен к духовенству и лишь попутно касается мирян. Иерарх опирался на византийские церков-

³¹ Falowski A. «Ein Rusch Boeck...»: Ein russisch-deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 1994. S. 90.

³² Ср. записанную в 1525 г. Павлом Иовием Новокомским от переводчика русского посольства в Риме Димитрия Герасимова небылицу: Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII века) / сост., вступ. ст. и коммент. Н. В. Новикова. Л.: Наука, 1971. С. 40.

³³ Олеарий А. Указ. соч. С. 192; Рейтенфельс Я. Сказание о Московии // Утверждение династии / сост. А. Либерман. М.: Рита-Принт, 1997. С. 350; Байбулин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета: этнографические очерки / отв. ред. Б. Н. Путилов. Л.: Наука, 1990. С. 147.

³⁴ Петрей П. Указ. соч. С. 426.

³⁵ БЛДР. СПб.: Наука, 2010. Т. 16. С. 31–33.

³⁶ Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь. М.: Наука, 1969. С. 267–292.

³⁷ Голубев И. Ф. Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием и их беседа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 294–301.

³⁸ Смолицкий В. Г. Указ. соч. С. 173–182.

³⁹ БЛДР. Т. 1. С. 70.

⁴⁰ «И виде свадьбу играюще, и восплакася». См.: Суды Соломона / подгот. текста, пер. и коммент. Г. М. Прохорова // БЛДР. СПб.: Наука, 1999. Т. 3: XI–XII века. С. 174; «И венчався в Торопце; и ту свадьбу игра, а в Новгороде другую». См.: Летописные повести о монголо-татарском нашествии / подгот. текста, пер. и коммент. Д. М. Буланина // БЛДР. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. С. 128.

⁴¹ Чин свадебный / подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // Там же. СПб.: Наука, 2000. Т. 10: XVI век. С. 230–234.

⁴² Власова З. И. Скоморохи и фольклор. СПб.: Алетей, 2001. С. 76–126.

⁴³ Гальковский Н. М. Указ. соч. Т. 1. С. 321.

⁴⁴ Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. М.: Языки рус. культуры, 2000. Т. I, ч. II: Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. С. 293.

⁴⁵ Корогодина М. В. Указ. соч. С. 422.

ные каноны, постановления Трульского, Лаодикийского, Карфагенского соборов. Разумеется, не были забыты и увещания против игр Ефрема Сирина и Иоанна Златоуста (см. подробнее ниже). При этом «Слово о недели» святого Ефрема в послании Даниила кратко пересказано. Общий посыл поучения состоит в том, что земная жизнь – это место временного изгнания человека. Пребывая здесь, необходимо заботиться о вечной жизни. Праведникам противопоставлялись «скомрахи, и плясци, и шахматы и тавлеемы», то есть профессиональные *веселые*, а также те, кто увлекается плясками, шахматами и шашками. Таким образом, играющие (в самом широком значении) противопоставляются обращенным к Богу.

Ниже митрополит перечислял по группам, в основном цитируя переводные памятники, игроков и игры: «глумятся и играют в гусли, в домры, в смыки, к сему ж и зернию, и шахматы, и тавлеемы, и в песнях бесовских, и в безмерном и премномом пианстве»; «также и мирским человеком, шахматы и пианьствы упражняющемся»; «возбранено есть причетником в корчемницу входить»; «ни единому от всех, или от клирик, или от простых человеков, играти зерню»; «Отнуду отменяет святой сей собор вселенский глаголемя глумотворци и позорища их. Также и ловления, и позорования, и плясания ни в домех, ни на торжищах не твори»; «тацем же запрещением покорити подobaет и водящих медведи или иные некия таковыя животныя на игране»; «Также глаголемя каланды, или глаголемя вота и нареченныя врумахия, и въ перьвый день марта месяца совершаемое торжество отнудъ от верных граженствъ отъяти хотящим. Также и женская пред людьми плясания, яко нечестивыя и мног вред и пагубу творити могутца, также и именем от еллин ложноименных боговъ или от мужей или от жен бывающая плясания и празднования по некакому древнему обычею и чюжему христианского жития отменяем, заповедающе и никоемуже мужеву в женскую одежду облачитися, ни жене в мужския достойно, но ни же в обличия игроков и ликовственников или козлогласования ходити, ни сквернаго Диониса имени, грозны топчюще в точилех, призывати»; «да не леть будет кому, во священническом причатаемых чину или мниху, на уристание конное ходити или бесовских игрищъ наслажатися»; «яко не подобает христианом, позваном бывшемъ на брак, плескати или плясати, но честно с говением вечеряти или обедати, якоже лепо есть христианом»; «не подобает священником или клириком неких видений позоровати на брацех и на вечерах, но прежде входа игроков встати им и отходити»; «чадом священническим позорищъ мирских не творити, ни же позорствовати»; «яко не подобает играти и глумитися, якоже и священныя правила глаголют,

яко ходяй на игрище со идолослужители имат часть»; «егда же диавол позовет гусльми, и плясци, и песньми неприазненными, тогда мнози събираются»; «и аще нарекутся пирове, или вечера, или гусли, или свирели, или песни неприазненныя, то вси готови будут, и убудятся и потекут, друг друга зовый, и стекутся на злый той путь»; «заповедало ти ся есть безпрестани Бога молити, а ты безпрестани смеешися и играеши»; «аще ли хочеши разумети, яко бесовскаа есть служба игра»; «всяка убо лютость и студодеание ото игранья и глумления бывает»⁴⁶. Таким образом, мы видим, что в представлении митрополита Даниила существовало некое общее понятие об игре как о недопустимом для христианина поведении. В его семантическое поле входили: игра как целостное явление, хлопанье в ладоши, пляски и песни, игра на музыкальных инструментах (гусли, домры, смыки, свирели), занятие скоморошеством и, в частности, вождение медведей, участие в позорищах (представлениях) в качестве актера или зрителя, участие в обрядовых празднествах, оставшихся с дохристианского времени, а также в свадебных игрищах, переодевание в одежду другого пола, конные состязания, игра в шашки, шахматы, зернь, пьянство, посещение корчмы. При этом комплексы неблагочестивых игр регулярно смешивались. Так обличение настольных интеллектуальных игр (шахмат и шашек) объединялось то со скоморошеством и плясками, то с зернью, песнями и пьянством, то просто с пьянством.

Как уже было отмечено выше, русские обличения игр опирались на византийскую учительную традицию, также рассматривавшую игру как некое целостное понятие. Среди древнейших переведенных на славянский язык слов Ефрема Сирина встречаем приписываемое святому «Слово о недели», предостерегающее от участия в играх. Сирийский богослов писал, что гуслями, плясками и песнями людей прельщает дьявол. Он противопоставлял заповеданные Богом молитвы смеху и игре, а отречение от мирских дел – глумлению неразумных людей. Святой рассматривал игру как бесовскую службу⁴⁷. Он предупреждал своих читателей, что насеявшие в этой жизни тернии смеха пожнут слезы и рыдание. Свои размышления он подтверждал рассказом из Ветхого завета о том, как выведенные из Египта Моисеем люди «сели есть и пить, а встали играть» и в том прогневали Бога и погибли⁴⁸.

⁴⁶ Поучение Даниила, митрополита всея Руси / подгот. текста, пер. и коммент. Н. В. Понырко // БЛДР. СПб.: Наука, 2000. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. С. 362–370.

⁴⁷ Ср.: «...Дияволя мудрованья, еже есть... пьянства, игры... смех» – Пандекты Антиоха, 297, XI в. (Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1979. Вып. 6. С. 79–80).

⁴⁸ НИОР РГБ. Ф. 304.1. № 7 (Ефрема Сирина Поучения).

В «Слове о покаянии и любви» сирийский подвижник утверждал, что во время крещения словами «отрицаюсь сатаны и всех дел его» человек отрицается от всех злых деяний, в том числе смеха, игры на свирели, пляски и пения⁴⁹.

Мысль о том, что играющий служит бесам, доносилась церковными сочинителями до людей и в более доступной форме. В Житие Нифонта Константинопольского, переведенное на Руси не позднее начала XII в., инкорпорировано «Слово святого Нифонта о русалиях». Позднее «Слово» было включено в «Измарагд». В этом фрагменте рассказывается о том, как святой увидел горюющих от победы Христа бесов. Адовых служителей утешал демон, который пообещал им, что скоро многие люди забудут Христа и будут славить их мирскими песнями и плясками. И действительно, вскоре богатый человек велел призвать музыканта для игры и пляски. Поданную музыканту монету бесы тут же отнесли показать в преисподнюю сатане. Этот дар от христианина обрадовал нечистого больше, чем жертвы идолопоклонников. Деньги же были возвращены в карман музыканта. Нифонт, видевший всё это, начал убеждать людей сторониться игр, поскольку как труба собирает воинов, а чтение книг – ангелов, так сопели и гусли собирают бесов. Читатель должен был понять, что любящий музыкальную игру славит сатану, а подающий монету музыканту одаривает вместе с игрецом бесов. Любопытно, что русский книжник опознал в этой бытовой сценке славянский языческий праздник – русалии⁵⁰.

Обличение игры как явления представлено в шестой «Беседе на евангелиста Матфея» святого Иоанна Златоуста. Перевод этого сочинения на славянский язык выполнил Максим Грек. В 1664 г. оно издавалось на московском печатном дворе. Печатное тиражирование текста позволяет не сомневаться в том, что проповедь отца церкви не осталась без внимания на Руси. Острие обличительного пафоса в этом сочинении направлено не на игру, а на смех. Исходной точкой размышления философа стал тезис о том, что Христос не смеялся. Святой противопоставлял смех и игру, с одной стороны, и слезы, с другой стороны. Желание всю жизнь смеяться и играть, а не плакать, в русском переводе называется детским – то есть незрелым и неразумным, поскольку играть учит не Бог, но дьявол. В «Беседе...» приведены примеры гибельности игры для людей из святого писания: выведенный из Египта Моисеем народ «сел есть и пить, а встал играть», после чего над играющими последовала расправа (этот

Л. 144–147. Цит. по: URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=1&manuscript=007> (дата обращения: 13.02.2016).

⁴⁹ НИОР РГБ. Ф. 304.1. № 7 (Ефрема Сирина Поучения). Л. 211.

⁵⁰ Из «Измарагда» / подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // БЛДР. СПб.: Наука, 2000. Т. 10: XVI век. С. 102.

пример использовал и Ефрем Сирий). Далее Иоанн напоминал, что также играли в Содоме и перед потопом. Златоуст не сомневался, что «сущие на игральнице» вместе с блудниками, тунеядцами и ласкателями обречены нечистому⁵¹.

Впрочем, некоторые игры святитель порицал особенно страстно. В «Слове Иоанна Златоуста о играх и о плясании», вошедшем уже в древнейшую редакцию «Измарагда»⁵², *плясание* особенно выделялось среди других игр: «Всех же игрании проклятое есть многовертимое плясание, то бо отлучает человеки от Бога, и во дно адово ведет. Пляшущая бо жена, невеста сатанина нарицается и любовница дияволя, супруга бесова. Не токмо сама сведена будет во дно адово, но и тии, иже с любовию позоруют, и в сластях разжизаются на ню похотью. Прелщающе святых мужи плясаннем яко же дщи Иродиада. Пляшущая бо жена, многим мужем жена есть, и тою дьявол многи прелщает во сне и на яве. И вси любящи плясание, со Иродиею в негасимый огонь осудятся. Грешно бо есть и скверно и скаредно и своему мужу с таковою женою совокуплятися»⁵³. Более кратко Златоуст касался темы обличения игры и в других словах. Так, в «Слове Иоана Златоустаго, како не ленится книги чести» (включено в «Измарагд») среди способов, при помощи которых дьявол улавливает человеческие души, в одной группе перечислены *позоры, игры и плясание*, а в следующей – *пьянство и блуд*⁵⁴. Находим в «Измарагде» и еще одно обличение игр и «плясаний» – «Слово Иакова, брата Господня, о недели»⁵⁵.

Игрецы от дьявола

В литературных памятниках встречается немало описаний неприятных *играющих* персонажей. Большими любителями поиграть выступали бесы и сам дьявол. Когда в 1071 г. в Киев пришел волхв и стал проповедовать, что Днепр потечет вспять, а

⁵¹ Иоанн Златоуст. Беседы на евангелиста Матфея. М., 1664. Ч. I. С. 69, 69 об.

⁵² В Древнейшей редакции № 27 начинается словами: «Поразумеем братие коль пагубно есть и се зло...». В Даниловском варианте № 15 начинается словами: «Земная вся отвергше лукавая умышления приидете слышим духовная учения...». См.: Пудалов Б. М. Литературная история 1-й («древнейшей») редакции «Измарагда» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2 (2). С. 84, 90. По Е. Э. Гранстрем № 48 и 74. См.: Гранстрем Е. Э. Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI–XV вв.) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 356, 361.

⁵³ Измарагд. Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры // НИОР РГБ. Ф. 304.1. № 202 (1573). Л. 15–15 об. Цит. по: URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=1&manuscript=202> (дата обращения: 26.01.2016).

⁵⁴ БЛДР. Т. 10. С. 100.

⁵⁵ Пудалов Б. М. К литературной истории сборника «Измарагд»: формирование 2-й («Основной») редакции // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 333.

Русская земля встанет на месте Греческой, благочестивые люди не усомнились в том, что волхвом *играет* бес⁵⁶. Бесам удалось хитростью обольстить Исакия, одного из монахов Киевского Печерского монастыря. Получив над Исакием власть, они стали *играть* на сопелях, бубнах, гуслях и заставили Исакия плясать до полусмерти⁵⁷. Нечистый дух, войдя в Иродиаду, добился казни Иоанна Крестителя, а потом ее руками *играл* головой святого как яблоком⁵⁸. Встречается в текстах идея о том, что мудрствующие, играющие мыслью люди становятся игрушкой бесов. Так, Максим Грек, обличая веру в фортуна, писал: «еллини же и египтяне баснями играюще, играеми от бесов»⁵⁹. Дьявол явно выступает в древнерусской книжности как сущность играющая, в отличие от Бога, который, испытывая человека, всё же ведет его прямым путем к спасению.

В этом контексте вряд ли стоит удивляться, что вовлеченность в игру (как в качестве играющего, так и в качестве зрителя) рассматривалась в качестве греха. Лучше всего это демонстрируют списки исповедных вопросов. Исследование М. В. Корогодиной показало, что, хотя вопросы об *игрищах* для исповедальных текстов не уникальны⁶⁰, присутствуют они далеко не во всех документах и группируются в связи с социальным и гендерным статусом исповедуемого. Исповедующего интересовали факты участия человека в игрищах: «Всяких игр непристойных сам не делаешь ли, и игрищ на святках слушать не ходишь ли, или на них смотришь с любовью»⁶¹. Были вопросы о том, не ходили ли исповедники на представления скоморохов, приглашали ли артистов к себе домой, платили ли им. Некоторые тексты явно подозревали в самом исповедуемом профессионального артиста: «Или игрецем старшим бывал еси, или свирели играл, или в смычец, или в гусли, или плясец еси, или корчемник»⁶²; «Аще самоборец, или пешии уристи-ния творя на позорех, или игрищам стареиша, или свирелец, или смычец, или гусельник, или плясец, или корчемник, да престанет от таковых»⁶³. Особо подчеркивалась тема получения удовольствия от созерцания игр: «И скоморохов слушала и в сладость и игры их смотърила?»⁶⁴.

⁵⁶ БЛДР. Т. 1. С. 214.

⁵⁷ Там же. С. 230.

⁵⁸ Слово о сошествии Иоанна Крестителя во ад / подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // БЛДР. СПб.: Наука, 1999. Т. 3: XI–XII века. С. 264.

⁵⁹ Сочинения Максима Грека / подгот. текста, пер. и коммент. Д. М. Буланина // Там же. СПб.: Наука, 2000. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. С. 308.

⁶⁰ Корогодина М. В. Указ. соч. С. 231–242.

⁶¹ Там же. С. 452.

⁶² Там же. С. 430.

⁶³ Там же. С. 431.

⁶⁴ Там же. С. 472.

Давление на любителей игр со стороны церкви, а позднее и государства постепенно усиливалось. Если в XI в. духовные лица лишь просили остановить игру из уважения к своему сану или же просто покидали пиры с появлением игроков, то в конце XIII в. раздалось первые требования к светской власти обратить ноги идущих на игры к церкви. В течение следующих трех столетий эти требования звучали всё настойчивее. В последней трети XV в. власти начали ограждать от насильственных вторжений скоморохов монастырские вотчины, а в середине XVII в. разразилась настоящая война с «игрецами». Вряд ли стоит сомневаться, что катализатором этого процесса стал духовный кризис Смутного времени, когда великое победоносное царство в считанные годы превратилось в легкую добычу для авантюристов всех мастей. Прошедшее через кризис общество стало строже спрашивать само себя за свой моральный облик, за чистоту веры. Мощные удары были нанесены по народным праздникам, скоморошеству, азартным играм. Исследователи уже давно составили летопись «скоморошьяго погрома». Последние данные о борьбе со скоморошеством обобщены З. И. Власовой. Из них видно, как тучи собирались над скоморохами постепенно. «Судным днем» для них стал 1648 г., когда скоморошество было полностью запрещено, а за несоблюдение указа о скоморохах в качестве наказания устанавливалось битье кнутом⁶⁵.

Игрецы от Бога

Приведенные в нашей статье данные позволяют утверждать, что с точки зрения ортодоксального средневекового мировидения игра была негативным явлением⁶⁶. Однако в качестве антипода дьявольской плотской игры существовала *игра духовная*. Ядром этого топоса древнерусской словесности и изобразительного искусства была игра псалмопевца Давида. Из литературных памятников следует отметить «Сказание о царе Давиде», в котором говорилось, что под его музыку «въси скоти играаху», «скоты и въся вещи играят»⁶⁷. Идея радостного игrania вселенной под музыку боговдохновенного музыканта нашла любопытное продолжение у русского дипломата конца XV – первой половины XVI в. Ф. И. Карпова. Он считал, что владыки государств должны представлять собой «подобие гуслей *игреца*

⁶⁵ Власова З. И. Указ. соч. С. 11–16.

⁶⁶ Психологическая и прагматическая мотивированность игрового антиповедения не отменяла для древнерусского человека его негативной духовной оценки. См. подробнее: Успенский Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Успенский Б. А. Избранные труды. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. С. 320–332.

⁶⁷ Сказание о царе Давиде / подгот. текста, пер. и коммент. М. Д. Каган-Тарковской и Р. Б. Тарковского // БЛДР. СПб.: Наука, 1999. Т. 3: XI–XII века. С. 162.

Давида», которые приводят в согласие жизнь подданных⁶⁸. Образ царя Давида, который, узрев рождение Богородицы, «бряцаа в гусли» играл духом, неоднократно встречается в русской книжности⁶⁹. Этот образ реабилитировал инструментальную игру, поскольку гусли Давида восхваляли божественные истины.

Духовная игра могла происходить и без музыкальных инструментов – в самом сердце человека. Митрополит Даниил, обличая плотскую игру, противопоставлял ей такую духовную игру: «И кто [...] приемля заповеди Господня и предания и учения святых апостол и преподобных и богоносных отец наших, и в сицевых *играет* и утешается, и радуется душа их»⁷⁰. Автор «Жития» святого Никона, ученика святого Сергия Радонежского, писал, что похваляющие добродетель «веселятся, и *играют* духовно, и радуются»⁷¹. Пример духовной игры в видении встречаем в «Житии Василия Нового». Служившая святому Василию Феодора, достигнув рая, увидела там облаченных огнем прекрасных юношей. Они «осклабляющеся и веселящеся *играаху*»⁷², выражая свою радость о спасении души Феодоры.

Святому могла быть доступна и словесная игра – шутка. Так, в «Житии Андрея Юродивого» рассказывается о том, как к Андрею, чтобы поддержать его, явился чудесный старец с пятью святыми женами. При этом старец шутил: «Рече же к жене пятеи к светлеишии, *играя*... И аз, госпоже, ведел есмь, но играя к тебе молвил есмь тако»⁷³. По «Житию архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия» несправедливо осужденный Дионисий «в железах стоя, смеяшеся и с толкущими его и с

плюющими на нь, яко з глумники ликуя или яко *играя*, отвещеваше к ним»⁷⁴.

В отдельных случаях и действия юродивого могли быть прямо определены как игра. Ярким примером этого является «Житие» ростовского чудотворца юродивого Сидора Твердислова, прожившего жизнь *играя*: «Твердислов вправду тезоименно наречеса, утверди бо ум и со словом вкупе, еже обеща к Богу. И, *играа*, Исидор житие се преиде и небеснаго царствия доиде»⁷⁵. Интерпретация жизни юродивого как игры может восходить к одному из древнейших славянских переводов византийских литературных памятников – «Житию Андрея Юродивого». Святой Андрей, играя, обличал грехи людей⁷⁶. Следует сразу отметить, что прямая характеристика действий юродивого как игры в житиях редка. Гораздо чаще юродивый выступает как нищий духом, безумный Христа ради, в действиях которого зримо читается Божья воля⁷⁷.

Таким образом, в древнерусской литературе понятие игры имело семантические полюса, где плюс и минус определились плотским или духовным характером игры.

Правление царя Алексея Михайловича: годы перемен

Период правления царя Алексея Михайловича вместил в себя процессы, которые кажутся взаимоисключающими. С одной стороны, власть нанесла серьезный удар по скоморошеству и народной игровой культуре в целом. С другой стороны, именно при Алексее Михайловиче появился придворный театр. Можно было бы предположить, что отношение Алексея Михайловича к развлечениям менялось с возрастом. Однако это верно лишь отчасти. Государев быт к концу его правления действительно стал менее строгим, однако в то же самое время, когда царь с упоением смотрел спектакли, гонения на скоморохов продолжались. Причину этого кажущегося парадокса следует искать в общих тенденциях развития русской культуры середины XVII столетия – в России постепенно развивалась светская культура Нового времени.

⁶⁸ Сочинения Федора Ивановича Карпова / подгот. текста, пер. и коммент. Д. М. Буланина // Там же. СПб.: Наука, 2000. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. С. 352.

⁶⁹ Слово похвальное честному Покрову пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии. Творение смиренного иеромонаха Пахомия / подгот. текста, пер. и коммент. М. А. Федотовой // Там же. СПб.: Наука, 2003. Т. 12: XVI век. С. 54; Повесть о явлении и чудесах Казанской иконы Богородицы / подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Панченко // Там же. СПб.: Наука, 2006. Т. 14: Конец XVI – начало XVII века. С. 28.

⁷⁰ Поучение Даниила, митрополита всея Руси / подгот. текста, пер. и коммент. Н. В. Понырко // Там же. СПб.: Наука, 2000. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. С. 362.

⁷¹ Житие и подвиги преподобного отца нашего игумена Никона, ученика блаженного Сергия чудотворца / подгот. текста, пер. и коммент. А. А. Савельева // Там же. СПб.: Наука, 2003. Т. 12: XVI век. С. 80.

⁷² Из «Жития Василия Нового»... / подгот. текста Ю. А. Грибова и А. В. Пигина; пер. М. Б. Михайловой и В. В. Семакова; коммент. А. В. Пигина // Там же. СПб.: Наука, 2003. Т. 8: XIV – первая половина XVI века. С. 514.

⁷³ Житие Андрея Юродивого / подгот. текста, пер. и коммент. А. М. Молдована // Там же. СПб.: Наука, 1999. Т. 2: XI–XII века. С. 336, 338.

⁷⁴ Житие архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия / подгот. текста, пер. и коммент. О. А. Белобровой // Там же. СПб.: Наука, 2006. Т. 14: Конец XVI – начало XVII века. С. 436.

⁷⁵ Память святого Сидора, юродивого Христа ради, по прозвищу Твердислов, ростовского чудотворца / подгот. текста, пер. и коммент. М. Д. Каган-Тарковской // Там же. СПб.: Наука, 2003. Т. 12: XVI век. С. 242.

⁷⁶ Житие Андрея Юродивого / подгот. текста, пер. и коммент. А. М. Молдована // Там же. СПб.: Наука, 1999. Т. 2: XI–XII века. С. 342, 344, 346, 352, 354.

⁷⁷ Иванов С. А. Блаженные похабы. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 231–264.

Очевидно, что Алексей Михайлович воспринимал театр иначе, чем скоморошество. Смена скоморошских представлений театральными – лишь один из аспектов проблемы.

Большую роль в происходящих переменах играло постоянно усиливающееся воздействие европейской культуры. Первым этапом укоренения театра в России было знакомство русской политической элиты с западными театральными представлениями через донесения послов и переводы европейской прессы, активно освещавшей светскую жизнь европейских владык. Краткая хронология событий выглядит следующим образом. В 1668 г. находившиеся во Франции члены русского посольства во главе с П. И. Потемкиным смотрели постановку комедии Мольера «Амфитрион»⁷⁸. Это событие было отражено в посольской документации. Четыре года спустя, 16 февраля 1672 г. живущие в Москве иностранцы разыграли перед царем любительский «балет» «Орфей» – шуточное представление с музыкой, танцами и короткими веселыми номерами⁷⁹. За ними последовали первые профессиональные постановки – «Июдифь» и «Артаксерксово действо», которые имели черты так называемых «английских комедий», где трагические сцены чередовались с комическими⁸⁰.

Театр был настолько новым явлением, что для его обозначения понадобилось новое слово⁸¹. В первые десятилетия XVII столетия в переводах иностранной прессы для обозначения комедий использовались слова «*игрище*», «*потеха*». Однако уже с самого начала царствования Алексея Михайловича в переводах появлялось слово «*комедия*». В 1646 г. встречается упоминание, что «и езовитенские отцы в той ноци комедию о небесном течение держали»⁸². Особенно интересно сообщение 1650 г. о времяпровождении знаменитого полководца Карла-Густава Шведского: «енералнои порутчик господин Пиколомини с полмили от сего города на поле в шатрах на енералиссима Карлуса и на иных начальных людех болшой пир сделали те-

шились тешью, которая слывет комедии»⁸³. При переводе этого текста переводчик явно испытывал сложности. Сначала он написал «тешились игрою» (именно так говорили о скоморохах). Однако разница между комедией и скоморошьими играми для него была очевидной, а скоморошьи игры в это время как раз истреблялись особенно упорно. Переводчик, стремясь передать смысл незнакомо-го слова, но боясь одновременно придать ему негативную окраску, заменил «игру» на «тешь» – лексему, не имевшую отрицательного оттенка. Именно слово «*комедия*» стало употребляться при подготовке представлений для Алексея Михайловича. Впрочем, для окончательного закрепления слова в русском языке понадобилось еще некоторое время. В 1679 г. в куранты было включено сообщение: «Арцух Лотаринской прислал сюда 2 тысячи золотых червонных на прокормление музыкантов, иже едут в Ыншпрук город для исправления некоторых игрищ или комедий о рождении княжича от цесаревы сестры, бывшее королевы польской»⁸⁴. Как видим, в переводе для слова «*комедия*» всё еще могло даваться пояснение. В более поздних переводах таких пояснений найти не удалось.

Попытаемся проанализировать культурные механизмы, которые позволили Алексею Михайловичу, не испытывая внутренних конфликтов, одновременно тешиться комедиями и бороться со скоморохами. Наиболее важной предпосылкой для этого представляется семантическая полярность, которую лексема *игра* имела в русском языке. Первые сыгранные перед государем комедии «Июдифь» и «Артаксерксово действо» были написаны на религиозные сюжеты, что сближало их с творениями псалмопевца царя Давида в гораздо большей степени, чем со скоморошьими представлениями. Значительную роль сыграло также то, что *игрища* представляли собой целый комплекс игрового поведения. Комедии же не имели такого контекста. В русской культуре они были «вещью в себе». Их западное происхождение и западные внешние формы позволяли (несмотря на критику со стороны ревнителей строгих нравов) игнорировать черты сходства с бичуемыми народными забавами. Комедии не только были изолированы от традиционной культуры, но и выделялись гораздо более высоким эстетическим уровнем. Всё это создавало культурную пропасть между комедией и игрищем, скоморохом и актером, открывая дорогу петровским преобразованиям русского игрового дискурса по новоевропейским образцам.

⁷⁸ Новоселов В. Р. Русское посольство во Францию 1668 г.: два отчета об одной миссии // Иноземцы в России в XV–XVII веках. М.: Древлехранилище, 2006. С. 355.

⁷⁹ Jensen C., Maier I. Orpheus and Pickleherring in the Kremlin: The «Ballet» for the Tsar of February 1672 // Scando-Slavica. 2013. № 2 (59). P. 145–184.

⁸⁰ Ранняя русская драматургия, XVII – первая половина XVIII в.: в 5 т. М.: Наука, 1972. Т. I: Первые пьесы русского театра / О. А. Державина и др. С. 43–44.

⁸¹ Берков П. Н. Из истории русской театральной терминологии, XVII–XVIII веков: («комедия», «интермедия», «диалог», «игрище» и др.) // ТОДРЛ. М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 11. С. 280–299.

⁸² Вести-Куранты, 1645–1646, 1648 гг. / изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов; под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1980. С. 125.

⁸³ Вести-Куранты, 1648–1650 гг. / изд. подгот. В. Г. Демьянов, Р. В. Бахтурина; под ред. С. И. Коткова. М., 1983. С. 185.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1 (1679 г.) Ед. хр. 5. Л. 268.

S. V. Alpatov, S. M. Shamin

**The Game Phenomenon in the Pre-Peter Russian Culture:
from Pagan Rituals to a Theatrical Performance**

Key words: game; ancient Russian culture; the culture of Modern Age; theatre, comedy.

Abstract: The authors carried out a systematic analysis of the phenomenon of a game in the old Russian culture, and made a conclusion that this notion included a whole complex of correlated cultural features of Ancient Rus. The church disapproved civil game practices, at the same time it chanted the praises of the game of the human spirit. The dualism of the medieval thinking enabled

keeping the balance between the clerical studies and the realia of the day-to-day life. However, in the period of forming the culture of the Modern Age this balance was disrupted: the civil power had started to fight against traditional game practices. The reverse side of the prosecution of the traditional culture was the appearance of the civil culture, including theatre. Isolation of the theatre from the popular game and a centuries-long tradition of acceptance of the game of spirit in the clerical environment contributed to its establishment in Russia

Русская юмористика XVII–XVIII вв. и жанры деловой письменности

XVII в. в истории России – не только период социально-политических трансформаций, но и время перестройки литературной системы. В XVII в. получают распространение жанры и даже роды литературы, которых древнерусская книжность не знала: это рыцарский роман, поначалу переводной, лирическая поэзия, драматургия; на русский язык переводятся басни Эзопа, сборники моралистических рассказов – «Великое Зерцало» и «Римские Деяния», западноевропейские политические памфлеты и пародии¹. Создаются и оригинальные юмористические, в том числе пародийные, произведения. Рукописная литература XVIII в. продолжает эту традицию: произведения XVII столетия бытуют в рукописях, и создаются новые, реализующие сходные жанровые тенденции.

Конструктивной и стилистической основой многих произведений ранней русской юмористики становятся жанры деловой письменности: челобитная, роспись приданого, завещание, рапорт, судебное дело и др.². Пародии воспроизводят их структуру, формулы, лексику и фразеологию деловой речи³. Та-

кие произведения, как «Калязинская челобитная», «Роспись о приданом», «Рапорт пронского воеводы в Сенат», «Духовное завещание Елистрата Шибаева», «Дело о побеге из Пушкарских улиц белого петуха от куриц», представляют собой пародии на документные жанры или включают пародийные элементы.

Характер комической трансформации делового жанра может быть различным: от точного следования ему в важнейших элементах текста до радикальной переработки, оставляющей от пародируемой формы лишь еле заметные следы, едва достаточные для того, чтобы опознать пародийный адрес. Различные типы пародийных трансформаций будут рассмотрены далее.

Примером точного воспроизведения пародируемого жанра в его основных формальных особенностях может служить «Калязинская челобитная», созданная, видимо, в последние десятилетия XVII в. (не ранее 1680 г.⁴). Традициям делопроизводства соответствуют элементы начального протокола – титул адресата: «Великому господину преосвященному архиепископу Симеону Тверскому и Кашинскому»⁵, челобитие и именование адресанта: «бьют челом богомольцы твои, Колязина монастыря крылошаня, черной дьякон Дамаско с товарищами»⁶; начало ка-

ней Руси. Л.: Наука, 1976. С. 14 сл.; Никитин О. В. Деловой язык и литературные тексты XV–XVIII вв. М.: Изд-во МГОУ, 2004. С. 123–176.

⁴ Русская демократическая сатира XVII века / подгот. текстов, ст. и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1977. С. 51–54. Вопрос датировки рассмотрен в работе: Пономарева И. Г. О возможной исторической основе сюжета «Калязинской челобитной» // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. XLVII. С. 269–275. О формуляре челобитных XVII в. см.: Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века: формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 164 с.

⁵ Русская демократическая сатира XVII века. С. 51.

⁶ Там же.

¹ См., например: Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых Ключей. М.: Наука, 1964. 355 с.; Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р. Эзоп на Руси. Век XVII: Исследования. Тексты. Комментарии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 543, [3] с.; Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М.: Наука, 1965. 439 с.; Ромодановская Е. К. Римские Деяния на Руси. Вопросы текстологии и русификации: исследование и издание текстов. М.: Индрик, 2009. 968 с.; Алпатов С. В., Шамин С. М. Европейский юмор в России XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 4 (54). С. 21–33.

² О документных жанрах см.: Качалкин А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. Ч. II: Филологический метод анализа документов. 119 с.

³ См.: Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937. 261 с.; Лихачев Д. С. Смех как «мировоззрение» // Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древ-

зусной части: «Жалоба, государь, нам, богомольцам твоим, того же Колязина монастыря, на архимарита Гавриила»⁷; начало просительной части с эпитетом *милостивый* при повторе именованного адресата: «Милостивый великий господин преосвященный Семион, архиепископ Тверской и Кашинский, пожалуй нас, богомольцев своих»⁸; наконец, формула конечного протокола: «Смилуйся, пожалуй!»⁹. Пародийный характер носят здесь не формулы, а рассказ о событиях, якобы ставших поводом для челобитной: «Да он же, архимарит, приказал старцу Уару в полночь з дубиною по кельям ходить, в двери колотить, нашу братью будить, велит часто к церкви ходить. А мы, богомольцы твои, в то время круг ведра с пивом без порток в кельях сидим, около ведра ходя, правило говорим»¹⁰, и соответствующая им просьба: «<...> вели, государь, архимарита счесть в колоколах да в чепях весом, что он ис колокол много меди иззвонил и с чепей много железа перебил, кладучи на нас, богомольцев твоих <...> и в той утерной казне отчот дать и свой милостивой указ учинить, чтоб наши виновати не были»¹¹.

Следует формуляру жанра-образца и пародия XVIII в. – «Духовное завещание Елистрата Шибаева»¹². Пародию открывает стандартная формула *intitulatio* с традиционным эпитетом: «Се аз, многогрешный Елистрат Иванов сын Шибаев»¹³. Далее следует *agenga*, где также используются формулы: «пишу в целом своем разуме, отходя сего света»¹⁴. Типичная для жанра-образца лексика и фразеология вводится в пародийный контекст: «тело мое грешное покрыть самым лехким и тонким воздухом»¹⁵ (в подлинных завещаниях обычен эпи-

тет *грешный* при слове *тело*¹⁶); «Жене моей Наталье Дмитриевне – в награждение все 24 часа в сутках»¹⁷ (в *награждение* – традиционная формула¹⁸).

Включаясь в комический контекст, формула может преобразовываться. Примером служит другое произведение XVIII в. – «Дело о побеге из Пушкарских улиц белого петуха от куриц»¹⁹. Оно представляет собой пародию на судебное дело: в его составе – «прошение», «помета», «билет», «сказка о объявлении петуха», «вопросные пункты», «резолуция». Во вступительной части «прошения» читаем: «Слезное прошение, просим учинить решение»²⁰.

Этот фрагмент восходит к формуле «Прошу Вашего Величества, о сем моем челобитье решение учинить», употребление которой в челобитных было предписано указом Петра I «О форме суда» от 5 ноября 1723 г.²¹. Видоизменение этой формулы, где слово *челобитье* заменяется на *прошение*, в челобитных XVIII в. встречается нередко²². Принципиальное отличие формулы в пародийном «Деле...» от данного образца определяется не столько введением эпитета *слезный* (этот эпитет может использоваться в подлинных челобитных и прошениях²³), сколько порядком слов, подчеркивающим рифму, которую образуют слова *прошение* и *решение*. Для подлинных документов такой порядок слов нехарактерен – вероятно, потому, что в деловой письменности XVIII в. рифма рассматривается как неуместная (хотя в челобитных XVII в. и более раннего периода рифма встречается²⁴).

¹⁶ Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы. С. 107 (№ 46); С. 118 (№ 57); С. 120 (№ 58); С. 129 (№ 63); С. 130 (№ 64); С. 152 (№ 77); С. 156 (№ 79); С. 315 (№ 185) и т. д.

¹⁷ Кузьмина В. Д. Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII века. С. 155.

¹⁸ Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы. С. 141 (№ 171); С. 175 (№ 87); С. 280 (№ 164) и др.

¹⁹ ОР РГБ. Ф. 218 (Собрание Отдела рукописей). № 900. Л. 144 об. – 149 об.

²⁰ Там же. Л. 144 об.

²¹ ПСЗ. Собрание 1-е. Т. VII: 1723–1727. [СПб.]: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 150 (№ 4344).

²² См., например: Ильиных В. А. Крестьянские челобитные XVIII – первой половины XIX в. (на материалах Западной Сибири) // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск: Наука, 1980. С. 91; Памятники московской деловой письменности XVIII века / изд. подгот. А. И. Сумкина; под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1981. С. 164–165 (№ 255–257); С. 168 (№ 260); С. 172 (№ 265) и др.

²³ См.: Волков С. С. Указ. соч. С. 39, 121; Архив князя Воронцова. М.: тип. А. И. Мамонова и К°, 1870. Кн. I: Бумаги графа Михаила Ларионовича Воронцова. С. 49, 51, 54, 56.

²⁴ См.: Данилов В. В. Некоторые приемы художественной речи в грамотах и других документах Русского государства XVII века // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. XI. С. 211 сл.; Тимофеев Л. И. Об истоках русского литературного стихосложения // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1956. Т. XV, вып. 6. С. 500 сл.; Его же. Очерки теории и истории русского стиха. М.: Гослитиздат, 1958. С. 208 сл.

⁷ Русская демократическая сатира XVII века. С. 51.

⁸ Там же. С. 54.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 51.

¹¹ Там же. С. 54.

¹² Кузьмина В. Д. Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII века // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. 1955. Вып. 17. С. 154–156. О формуляре завещаний см.: Козлова Н. В. Введение // Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / сост., ввод. ст. и коммент. Н. В. Козловой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. С. 5–38; см. также: Полежаев П. В. О завещаниях // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1858. Кн. I. С. 21–104; Кошелева О. Е. «Отходя от света сего...»: частная жизнь московской элиты XVII века через призму завещаний // Человек в мире чувств: очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени / отв. ред. Ю. Л. Бессмертный. М.: РГГУ, 2000. С. 341.

¹³ Кузьмина В. Д. Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII века. С. 154; ср.: Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы. С. 151 (№ 77).

¹⁴ Кузьмина В. Д. Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII века. С. 154.

¹⁵ Там же.

Однако в контексте пародийного «Дела...», написанного рифмованным стихом, она, напротив, оказывается в ряду средств, создающих эстетический эффект.

Еще один пример трансформации, которой подвергается формула делового жанра-образца, представляет название другого пародийного произведения XVIII в.: «В сотенную Глуховскую канцелярию слезно рыдающее доношение»²⁵. Как уже было отмечено, эпитет *слезный* в просительных документах употребителен; более того, наряду с выражением *слезно просить* встречается и другое – *слезно плакаться*²⁶. Однако комический эффект создает синонимическая замена *плакать* на *рыдать*, нарушающая целостность формулы.

Наряду с трансформацией формул возможно их замещение: сохраняется определенный нормами пародируемого жанра набор структурных позиций, но заняты эти позиции элементами, чуждыми деловой письменности. Так происходит в следующем памятнике пародийной литературы, сохранившемся в рукописи первой четверти XVIII в.²⁷ под названием «Список с челобитной»: «Господину моему суде свинье бьет челомь и плачетца и за печь прячетца ис поля вышел из лесу выползь из болота выбрел а не ведомо кто»²⁸.

Здесь обращение к «судье-свинье» занимает место, отведенное для именованного адресата, – перед челобитием, а после челобития в качестве именованного адресанта выступает комическая описательная характеристика. Формула челобития трансформирована: традиционный оборот «бить челом и плакаться» дополнен рифмующимся фрагментом.

Структура пародийной «Росписи о приданом» XVII в.²⁹ задана последовательностью типов имущества, составлявших приданое: земли, строения, домашний скот, запасы, одежда и украшения. Как и подлинные росписи³⁰, пародия представляет собой перечисление, но «имущество» названо такое:

«<...> московский двор загородной
на Воронцовском поле, позади Тверской дороги.
Во оном дворе хоромного строения:

два столба вбиты в землю, третьим покрыто...
Да с тех же дворов сходитца на всякой год
насыпного хлеба
8 анбаров без задних стен;
в одном анбаре 10 окороков капусты, 8 полтей
тараканьих
да 8 стягов комарьих, 4 пуда каменного масла»³¹.

В фольклоре «двумя столбами с переключиною» называется виселица³²; при этом в небылицах «постройка <...> четыре кола вбито, бороной покрыто»³³ – это комический образ бедного дома.

Пародируются в «Росписи...» и элементы конечного протокола рядной записи – subscriptio и datum: «А у записи сидели: с[ват] Еремей да жених Тимофей, кот да кошка, да п[оп] Тимошка, да сторож Филимошка. А запись писали в серую субботу, в рябой четверток, в соловую пятницу»³⁴. Комические указания на время находят соответствия в другом памятнике юмористической литературы – пародийной «Челобитной»: «дело у вас в месяце саврасе в серую субботу в соловой четверть в желтой пяток»³⁵, а также в фольклоре – в народной песне и загадке³⁶.

Иногда пародийный колорит создается и при изменении структуры жанра-образца. Это можно наблюдать на примере произведения, изданного В. Д. Кузьминой под названием «Рапорт пронского воеводы в Сенат» (датируется XVIII в.). В разных списках оно озаглавлено или так: «Копия. От старова воеводы в Сенат. Репорт ис Пронской воеводской канцелярии от воеводы», или так: «Копия с старинных канцелярских дел. Из Пронской Воеводской Канцелярии от старого воеводы в Сенат. Рапорт»³⁷. В подлинных рапортах XVIII в. порядок клаузул обратный: сначала указывается адресат, а затем адресант³⁸. Комический эффект возникает благодаря поддерживающей название стилизации делового

³¹ Русская демократическая сатира XVII века. С. 97.

³² Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Гослитиздат, 1957. С. 278.

³³ Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века / сост., вступ. ст. и коммент. Н. В. Новикова. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 246 (№ 60).

³⁴ Русская демократическая сатира XVII века. С. 98.

³⁵ Шляпкин И. А. Указ. соч. С. 400.

³⁶ См.: Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М.: типо-лит. С. П. Архипова и К°, 1878. Ч. 2: Народная словесность. С. 84 (№ 71); Садовников Д. Н. Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач. СПб.: тип. Н. А. Лебедева, 1875. С. 209 (№ 1686).

³⁷ Кузьмина В. Д. Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII века. С. 153.

³⁸ Новоселова Н. А. Формирование стереотипов делового письма в XVIII веке на Южном Урале. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006. С. 19, 74, 79–86; Майоров А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: Азбуковник, 2006. С. 37–38, 49.

²⁵ ОР РГБ. Ф. 299 (Собрание Н. С. Тихонравова). № 486. Л. 7/8–8/9 об.

²⁶ Волков С. С. Указ. соч. С. 39.

²⁷ Бычков И. А. Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева, ныне принадлежащих Имп. публичной библиотеке. СПб.: Синод. тип., 1897. С. 291 сл.

²⁸ Шляпкин И. А. Сказка об Ерше Ершовиче сыне Щетинникове // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Ч. CCCLIV, август. С. 400.

²⁹ Русская демократическая сатира XVII века. С. 97–99.

³⁰ См.: Калачов Н. В. Рядные // Древности: труды Московского археологического общества. М.: тип. Грачева и К°, 1867. Т. I, вып. 2. С. 67–72; образцы: АЮБ. Изданы Археографическою комиссиею под редакцию члена комиссии Н. Калачова: [в 3 т.] СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1884. Т. III. Стб. 266–270 (№ 328.IV–328.VI) (росписи приданого); см. также: Там же. Стб. 287–304 (№ 334) (рядные); Стб. 305–318 (№ 336–337) (сговорные).

языка: «Того ради Правительствующему Сенату представляю: не благоволено ль будет <...>»³⁹.

Особый случай представляет пародийный «Список глухого пашпорта»⁴⁰, также относящийся к XVIII в. В этом произведении пародийный эффект нарастает постепенно. Вслед за названием в начале текста о его комическом характере сигнализируют рифмы, находящиеся соответствия в фольклоре: «уезду горада Ростова села Талстова»⁴¹ (ср.: «В городе во Ростове, / У боярина Толстова, / На широком на дворе / Жили были два братенника, / Два складенника: / Ерема да Фома»⁴²). Имя героя – «крестьянина Разбегая Ивановича Прыткова»⁴³ – предваряет указание на его род занятий: «отпущен покормитца вработу для скудости и бедного его ремесла скорой

дабычи и лехкой шыбаевой работы»⁴⁴. Затем следует перечисление мест, куда он отправляется, – по словам И.Е.Забелина, названы «воровские и разбойные пути и пристанища»⁴⁵, и, наконец, дается развернутая характеристика «работы» персонажа: «Жить ему и кормитца в тех показанных местечках безпашпорту и воровать ему безпошлины, а краденава ему прадавать бес парук такимжа варам и машенникам шта свая братья шыбаи» и т.д.⁴⁶, а также наказания, которое его ожидает: «и где бы ево завидючи и хтоб знаючи, учиня, пагонею, ево одержать и в железныя аковы акавать и в горад отдать, и без всякава пощаду кнутом ево бить, чтоб ему впред по иным местам небродить и неволочитца»⁴⁷; далее следует призыв к раскаянию.

Используя рассмотренные выше приемы, авторы пародий XVII–XVIII вв. создают литературные произведения на основе нехудожественных жанровых форм. Структура и стилистика документа выступают в роли контрастного фона для комических мотивов, что производит сильное эстетическое впечатление.

³⁹ Кузьмина В.Д. Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII века. С. 153.

⁴⁰ Забелин И.Е. Заметка о памятниках простонародной литературы // Библиографические записки. 1892. № 2. С. 82–83.

⁴¹ Там же. С. 82.

⁴² Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях ... СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1898. Т.I, вып. 1. С. 266 (№ 950). См. также: Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 3 т. / изд. подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков; отв. ред. Э.В. Померанцева, К.В. Чистов. М.: Наука, 1985. Т.III. С. 140 (№ 412); Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века. С. 300 (№ 103).

⁴³ Забелин И.Е. Указ. соч. С. 82.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 83.

⁴⁷ Там же.

L. A. Trakhtenberg

Russian Humoristics of the 17th – 18th Centuries and Genres of Business Writing

Key words: the Russian literature of the 17th – 18th cc., humor, parody, business writing.

Abstract: The 17th century is an important stage not only in the social and political history of Russia but also in the history of Russian literature. It is a time when new literary forms gain popularity, and they continue to exist in the 18th century. Among them is humor literature,

including parody. Various genres of business writing are often parodied; these include petitions, wills, dowry lists, reports etc. The mode of their comic transformation ranges from the precise reproduction of basic textual elements found in source texts to their radical reworking. The paper shows how different literary techniques are used to create works of art on the basis of non-artistic texts.

Бытовой юмор в русско-немецком разговорнике Тённиса Фенне 1607 г.*

Юмор – одна из универсалий человеческой культуры, позволяющая маркировать, деконструировать и оценивать логические аномалии, поведенческие девиации, этнокультурные стереотипы, социальные противоречия¹. Однако – в противовес *функциональной универсальности* юмора – его *семантика и поэтика* весьма *специфичны* в своих социальных и историко-культурных проявлениях и должны рассматриваться и интерпретироваться на аутентичном языковом материале².

Рубеж позднего Средневековья и раннего Нового времени в русской истории – эпоха кардинальной перестройки этнического мировидения в целом и существенных изменений в частных аспектах повседневной жизни русского общества – представляет особый интерес для исследователей как с точки зрения богатства и разнообразия источников, так и в плане их формальной сложности и смысловой неоднозначности³.

Если полюсам смеховой культуры XVII в. – скоморошеству⁴, юродству⁵, смеху духовного сословия⁶

и придворному остроумию барочного типа⁷ – посвящены специальные работы, то юмор «средних классов» русского общества переходного времени, как правило, оказывался вне зоны исследовательского внимания, не в последнюю очередь из-за трудности идентификации комизма, специфичного для среды купечества и рядового дворянства⁸.

Такой тип источников, как записки иноземных путешественников, регулярно фиксирует элементы бытового комизма, не замечаемые русской литературной традицией в силу их привычности, но очевидные для отстраненного и более пристрастного взгляда иностранцев⁹. Двухязычные словари-разго-

XVII в. // ТОДРЛ. Л.; 1988. Т. 41. С. 241–267; Смилянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики: народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М.: Индрик, 2003. 462 с.

⁷ Голубев И. Ф. Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием и их беседа // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1971. Т. 26. С. 294–301; Панченко А. М. Указ. соч. С. 198–202; Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 894 с.

⁸ Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге Нового времени. Новосибирск: Наука, 1994. 228 с.; Лихачев Д. С. Историческая поэтика древнерусской литературы. СПб.: Алетей, 1997. С. 497–499; Демкова Н. С. Средневековая русская литература: поэтика, интерпретации, источники. СПб.: СПбГУ, 1996. С. 164–207; Демин А. С. О художественности древнерусской литературы. М.: Языки славянской культуры, 1998. С. 262–266; Малэк Э. Разыскания по русской литературе XVII–XVIII вв. Забытые и малоизученные произведения. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 5–219.

⁹ Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII века) / сост., вступ. ст. и коммент. Н. В. Новикова. Л.: Наука, 1971. 288 с.; Алексеев М. П. Юрий Крижанич и фольклор московской иноземной слободы // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1969. Т. 24. С. 299–304; Его же. К анекдотам об Иване Грозном у С. Коллинза // Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л.: Наука, 1983. С. 43–48; Николаев С. И. Новелла в «Дневнике путешествия в Московию» И. Г. Корба // Исследования по древней и новой литературе. Л.: Наука, 1987. С. 162–167; «Роман Вилимович в гостях у Петра Игнатьевича»: псковский архив английского купца 1680-х гг. / изд. подгот. Б. Н. Морозов, П. С. Стефанович. М.: Индрик, 2009. 174 с.

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00128.

¹ Козинцев А. Г. Человек и смех. СПб.: Алетей, 2007. 234 с.; Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007. 726 с.; Кошелев А. Д. О природе комического и функции смеха // Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 277–326.

² Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.; Аверинцев С. С. Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе: сборник в честь 75-летия Е. М. Мелетинского. М.: Наука, 1993. С. 341–345.

³ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. М.: Языки рус. культуры, 1996. Т. 3: XVII – нач. XVIII в. С. 11–263.

⁴ Власова З. И. Скоморохи и фольклор. СПб.: Алетей, 2001. 522 с.

⁵ Иванов С. А. Блаженные похабы: культурная история юродства. М.: Языки славянских культур, 2005. 448 с.

⁶ Росовецкий С. К. «Повесть об Иване Грозном и старце» как памятник демократической «смеховой культуры»

ворники XVI–XVII вв., непосредственно связанные с дневниками и записными книжками иностранных гостей¹⁰, обнаруживают специфику национального юмора, привлекаемого иноземцами как средство успешной коммуникации в России.

Вряд ли известных средневековых пособий по изучению русского языка стоит русско-нижненемецкий разговорник Тённиса Фенне, составленный около 1607 г. во Пскове. Он представляет наиболее развернутый корпус речевых контекстов, характеризующих быт и профессиональную деятельность псковской торговой среды начала XVII столетия, в том числе, ее юмористическую составляющую.

Согласно стереотипной логике разговорников XVI–XVII вв. речевая практика заморского гостя начинается с молитв на русском языке «Во имя Светая Троица я починал писать ту рускую книгу. Господи Исус Христос приди ко мне да пособи мне те русские речи прямо учиться да похватить и опосле прямо писать и дай мне свою милость здоровье в своем в страхе жити а те русские речи володеть. Амин» (с. 22)¹¹. В корпус разговорника входят также православный Символ веры (с. 507–509), Песнь Богородицы (с. 510), Отче наш (с. 527) и первые главы книги Бытия: «Перво сотворил Бог небо и землю...» (с. 497–506). При этом характерно, что изложение истории сотворения мира и человеческого грехопадения является фиксацией устного рассказа: «В ту пору ангел пришел да их обоих з раю выкинул вон да сказал: Бог не велел вам здесь быти» (с. 501)¹².

Большую часть разговорника Фенне составляют торговые диалоги о весе, цене, качестве товара, а также поведении продавца и покупателя. Любопытно, что «протестантская этика капитализма» (термин М. Вебера) находит адекватное отражение в формулах русских поговорок о посмертном уделе грешной души, заподанной бесу (утопающей в грехах), отягчающей чашу весов на Страшном суде: «Весец, весь прямо да не проведь души своей» (с. 282. 2);

«Не возьми ты на свою душу, отдай ты мое прямо да души твоей не потоши» (с. 292. 3); «Не еми посулу да бесу души не продай» (с. 299. 4).

Примеров профессионального купеческого юмора в разговорнике Фенне сравнительно немного. Это, прежде всего, просторечная экспрессивная лексика, выражающая ироническое пренебрежение к партнеру по торговой сделке: «Мне мой товар еще не напрокучил, что ты дешево ево от меня торгуешь. Пусть товар у меня лежит, даст Бог будет в людях» (с. 288. 1); «Добре ты звяглив человек, много ты отволочил мне в той цены, кабы я ведал, что ты был так звяглив, я бы цену прибавил» (с. 313). Во-вторых, это юмор, апеллирующий к гендерным стереотипам: «Тороплив ты человек, не смеешь ты торговать как инои люди. Поедь ты дому, да пришли свою женку сим торговать» (с. 318)¹³. Очевидно, что адекватному пониманию данного высказывания не как оскорбления, но как шуток служили распространённые в европейском фольклоре бытовые сказки сюжетного типа «Муж-наседка» (СУС = АТУ 1408), в которых попытка мужчины вести домашнее хозяйство оканчивается катастрофическим провалом, тогда как его супруга успешно справляется с мужской долей повседневной работы.

В-третьих, в разговорнике Фенне представлен гротескный юмор торговой рекламы: «У меня есть продажной: четыре бумажники да три хомутины да две рогажины да кожа угорина – тим товаром я великою купчина» (с. 393). Общим образно-поэтическим и понятийным фоном для русского и немецкого собеседников в данном случае несомненно выступал широкий круг фольклорных небылиц о Schlaraffenland – стране «роскошного жития и веселия» (сюжетные типы СУС 1930А*, 1932 = АТУ 1930), а также тексты рукописной сатиры типа «Азбуки о голом и небогатом человеке», «Фаболья о безместном дворе», «Росписи приданому»¹⁴.

Гораздо богаче представлены у Фенне юмористические и сатирические контексты, связанные собственно с домашним бытом. Это, прежде всего, обыгрываемые в застольной беседе пищевые этнокультурные стереотипы разных сообществ¹⁵: «Наши немецкой люди живи как осподари, свежи мяса да

¹⁰ См. подробнее: Алексеев М. П. «Книга русского языка» Т. Шrove 1546 г. и ее автор // Сб. ст. памяти акад. Л. В. Щербы. Л.: ЛГУ, 1951. С. 103–112; Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII вв. СПб.: СПбГУ, 2002. 684 с.

¹¹ Здесь и далее цитаты по изданию: Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian: Pskov 1607. Vol. II. Translation and Transliteration / ed. by L. L. Hummerich and R. Jakobson. Copenhagen, 1970. Нумерация страниц в ссылках соответствует нумерации страниц рукописи, воспроизведенной в издании.

¹² Ср.: «Perwoi Noi wyslal woronu da chotce popytati chotce li Boh pomilovati nas, da ne prisel opat. Druhoi radt Noi wyslal odnogo goluba da po semi den priletel opet da prinesla soboi schutzock. Inno Noi widel Boch chotzit nas pomilowat» (Bl. 5a) – Здесь и далее цитаты по изданию: Falowski A. «Ein Rusch Boeck...»: Ein russisch-deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 1994. Нумерация листов в ссылках соответствует нумерации листов рукописи, воспроизведенной в издании.

¹³ Ср.: «Toroqliw ty czoloweck nesmejesch torgowaty kack iny ludi podi domow pusti sena torguet» (Ibid. Bl. 75).

¹⁴ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Указ. соч. С. 214–220, 268–271; Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.; Uther H.-J. The Types of International Folktales. Helsinki, 2004. Pt. 1. 619 p. (Folklore Fellows Communications; Vol. 133, № 284); Pt. 2. 536 p. (Folklore Fellows Communications; Vol. 134, № 285); Pt. 3. 285 p. (Folklore Fellows Communications; Vol. 135, № 286).

¹⁵ О явлении языковой ксеномотивации см. подробнее: Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. С. 404–466.

свежи рыбы едя да вина и пива пью, да ваши люди как псы борзая рыжки (грибень) едя да пью вода и квас» (258.1)¹⁶; «То пиво мне видит как кони счат» (с. 232.4); «Wittbrodt horidt dy tho ehtenn wultu anders de wahrheidt wehten se geuen dy sunst voll kaff vnd dreck»¹⁷ (с. 14). Последний контекст отсылает к стереотипным представлениям жителей Европы о ржаном хлебе как глиноподобной субстанции.

Взаимной иронией проникнуты отношения иностранного гостя со слугой того дома, где он спит и столует: «– Малец, ставай, пора есть. О чем ты лежишь толь долге? – Я топерь проснулся / Я не долге лежал / Я в сеи ночь ничего не спал / Я в сю ночь больше десятиюжде обратился» (с. 193)¹⁸; «Малец поди да чеши конь. Поди да не пропади. Мне не больше ждать, мне завтра ехать буде ль ведро аль не будет» (с. 259)¹⁹.

Саркастическая пикировка иноземного гостя и слуги находит прямые соответствия в других пособиях по изучению русского языка иностранцами, в частности, в обширном разделе «Между хозяина и слуги» из «Русской грамматики» Г. Лудольфа (1696)²⁰: «– Кормил ты лошадь? – Кормил да еще не напоил. – Для чего ты не поране встал? – Твое здоровье знает, когда ты вчерась домои приехал» (с. 589); «– Вьпряги лошадь, надобе здвора ехать. – Грязно, санми ехать не можешь. – Так верхом еду, оседлаи лошадь! – Лошадь не подкована» (с. 590); «– Возбуди меня завтра в четвертом часу, и чисту воду принеси, севодни ты забыл. – Ты меня здвора послал. Не могу два дела вдруг зделать. – Как бы ты не замешкал, так бы ты назад был прежде я встал. – Я бежал бутто бешенна собака! – То я знаю, что всегда бутто дурак отвечаешь! – Луче дурачествовать неже красть» (с. 599).

Существенно, что и в интермедиях любительского театра XVIII в. («Шляхтич и херликин», «Шляхта и слуга», «Жид и шляхта»²¹), и в мизансценах фольклорного театра XIX в. («Афонька малой и барин голой»²²) представлен тот же стереотипный об-

раз архетип слуги-«наглеца» / слуги-«себе на уме», отвечающего на любые реплики хозяина двусмысленными согласиями и отказами: «– Малой, малой! – Что, шляхто одраной? – Разбестия, кушать собери! – Да коево пострела, дьявол побери! – Екай бестия, будто ничево нет. – Да вон в нужнике навалено, что и некуда дет. – Ин надо купить поскорья. – Да много ль сударь денег та? Давай пободря. – На вот, бестия, вот тебе целая полушка. – Да чорта ли-ста за нее купитца? Разве мерзлая лягушка»²³; «– Афонька-малый! – Что, барин голый? – Ах, как ты меня пристрашил! – Нет, барин добрый, я вас похвалил. – Афонька-малый, подай-ко нам полведра водки алой. – А где бы я ее взял? – В поставе. – А черт ее там поставил. – Посмотри в другом. – Я семь раз обежал кругом, нет ее ни в одном...»; «– Афонька-малый, поил ли ты моих коней? – Как же, барин, поил. – Почему же верхняя губа суха? – Не могли достать. – Дурак, ты бы корытце подрубил. – Я и так по колен ноги отрубил»²⁴.

Особую группу в разговорнике Фенне составляют ситуационно не закрепленные шутки, понимание и тем более употребление которых должно было продемонстрировать языковую компетентность и коммуникативную независимость иностранца в среде носителей языка: «Надобь жёнка в грозе держать да слушае да мужа не бьет» (с. 230.5); «Добрый ты человек да из лихого села» (с. 250.6); «Ты стоишь, галишься, как байбак» (с. 247.6); «Дай Господи тебе лететь ино конь не надобь» (с. 493.1); «Отступи от света, батька твой не поставил стекло в гузно, как день сквозь светит» (с. 491.2); «Натяни свои губы да стрели свой язык в мой гузна» (с. 491.4); «Пожалуй мне да принеси мне в своем рту своево говна: есть у меня свинья, неможет – сердце у нёво болит» (с. 492. 2).

Особый класс среди них образуют пародии на этикетные формулы, входящие в базовый формуляр разговорников: «– Что тебе в ночь грезилось? – Мне грезилось, я был корова, да ты был телята. Да я повалился назень в грязь, да ты ходиле назад да лизал мне чисто» (с. 486. 1–2); «Не молви перво, как стара баба срать, ино молви, бог на помочь, баба» (с. 491.3)²⁵.

В том же ряду находится некоторое число выражений, несомненно отсылающих к известным аудитории прецедентным смеховым текстам: «Дми мне в гузно, я тебе деньги кову» (с. 491.5); «Попадья ссыт с высока терема. Побегите, робяты, свежа [свята] вода каплет» (с. 492.2); «Во имя Божие сказал слепа да удари нем» (с. 475.5). Последний контекст непосредственно ассоциирован в разговорнике Фенне с пословицами «Старец старцу завидит» (с. 474.7) и «Блядь бляди завидит» (с. 474.6),

¹⁶ Ср.: «Nemesky ludy sywut po hospodarschky da wasy kak sobacku» (Falowsky A. Op. cit. Bl. 43 a).

¹⁷ «Требуи себе белого хлеба, иначе тебе дадут отруби пополам с глиной». – пер. С. А.

¹⁸ Ср.: «– Pospelo li jestvo? – Ne pospelo. – Koli ne pospelo ino ja idu w torg gulat da chorschich molodetz smotrit» (Falowski A. Op. cit. Bl. 27).

¹⁹ Ср.: «– Podi maletz posalui da sedelaj moj kon ja chotzu w gosty jechat. – Koli Bog daiet weddro ino ja s toboj chotzu jechat. – Ja ne chotzu bolsi sdati chotzu safftro jechat budy weddro ili ne bude» (Ibid. Bl. 33).

²⁰ См. подробнее: Ларин Б. А. Указ. соч. С. 511–658. Далее цитаты по этому изданию.

²¹ Пьесы любительских театров / подгот. изд. В. П. Гребенюк, А. Н. Робинсон. М.: Наука, 1976. С. 564–570, 620–624, 642–643, 685–693.

²² Народный театр / сост., вступ. ст. и коммент. А. Ф. Некрыловой, Н. И. Савушкиной. М.: Сов. Россия, 1991. С. 49–52, 101–103.

²³ Пьесы любительских театров. С. 621–622.

²⁴ Народный театр. С. 50–51.

²⁵ Ср.: «Ne govory presa kak stara baba perdnet» (Falowski A. Op. cit. Bl. 7).

а также отсылает собеседников к кругу фольклорных анекдотов (СУС = ATU 1577) и рукописных фаций²⁶ о спорящих слепцах-нищих.

Как фиксацию народного анекдота следует рассматривать и следующий контекст разговорника Фенне: «Седили стара баба да срала да вытерла гузну с крапива; вопеле вслух есть здесь бес в той трава» (с. 494. 4). Параллелью к нему выступает народный анекдот «Мужик и немец»: «Мужик говорит немцу: “Какая у вас цый-трава?” Немец ему показал: “Вот наша цый-трава!” Мужик-от и говорит: “Я в вашу цый-траву нас...!” Вот и нас... Немец спрашивает: “А где ваша цый-трава?” – “А вот погоди!” Доехал до кропивы и показал: “Вот где наша цый-трава!” – “И я в вашу также нас...” Снял портки, сел и обжогсы. И вся история»²⁷.

Фоновыми мотивировками шуток «крапива – русский чай» помимо вышеупомянутых этно-

культурных стереотипов (русские – «грибоеды» / «глиноеды») выступают название растения *Иван-чай* (= русский чай), известные practical jokes поводырей над привередливыми нищими-слепцами (заводят их в крапиву, объявляя, что надо идти по реке вброд)²⁸ и воспитательная угроза старших детей надоедливой и непослушной малявкам – «посадить в крапиву»²⁹.

Завершая рассмотрение образцов бытового комизма, представленных в разговорнике Т.Фенне, следует еще раз подчеркнуть не только значительное число и разнообразие содержащихся в нем аутентичных примеров языкового юмора начала XVII в., но и богатство интертекстуальных фольклорно-литературных связей, позволяющих адекватно оценить смысловой объем и функциональное назначение конкретных юмористических высказываний.

²⁶ Małek E. Указатель сюжетов русской нарративной литературы XVII–XVIII вв. Łódź, 2000. Т. 1. С. 303–304.

²⁷ Соколов Б.М., Соколов Ю.М. Сказки и песни Белозерского края. СПб.: Тропа Троянова, 1999. Кн. 1. С. 231.

²⁸ Максимов С.В. Бродячая Русь Христа ради. СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1877. С. 190.

²⁹ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. Л.: Наука, 1991. С. 322–323.

S. V. Alpatov

Domestic Humor in the Russian-German Phrase Book by Tönnis Fenne, 1607

Key words: merchantry; everyday life; humor; intercultural contacts; phrase books.

Abstract: The analysis of the samples of domestic humor, which can be found in a bilingual phrase book

of 1607 by Tönnis Fenne, allows to highlight the understudied aspects of the professional and leisure culture of the medieval Pskov merchants.

Архив стольника А. И. Безобразова: документ и памятник

Мое сообщение посвящено уникальному письменному источнику, который можно назвать и хорошо известным, и совершенно новым, только что введенным в научный оборот. Речь идет об архиве стольника Безобразова.

Андрей Ильич Безобразов родился в 1621 г. Он происходил из незнатного, но старинного рода, известного с XV в. Служебную карьеру Андрей Ильич начал в 20 лет в чине стряпчего (1642 /43 г.), через пять лет (1647/48 гг.) был пожалован в стольники и в этом чине оставался всю жизнь.

Андрей Ильич был воплощенным идеалом «Домостроя»: рачительный, даже скуповатый хозяин, страстно приверженный домоводству – в широком, разумеется, смысле, включавшем и московский двор, и любимое поместье Спасское-Курилово (Боровского уезда), и множество других поместий и вотчин, разбросанных по нескольким уездам. Именно эта черта характера А. И. Безобразова и привела к рождению архива: стольник предпочитал службе хозяйственную деятельность и большую часть времени проводил в вотчине, всеми возможными способами избавляя придворной и административной службы, а связь с родными, друзьями, знакомыми, приказчиками поддерживал перепиской. В 1689 г. А. И. Безобразов оказался замешан в деле фаворита царевны Софьи Алексеевны, Ф. Л. Шакловитого, и в январе 1690 г. был казнен. Грустный парадокс, но именно благодаря этому архив стольника и был сохранен для потомства – бумаги были конфискованы вместе со всем имуществом подсудимого и осели в государственных архивах, сначала Разрядного приказа, потом в Московском архиве Министерства юстиции и, наконец, оказались в Российском государственном архиве древних актов (бывший Центральный государственный архив древних актов). Так мы получили в свое распоряжение поразительный комплекс материалов – по объему, полноте и

разнообразию он не имеет равных среди частных архивов XVII в. На сегодняшний день в РГАДА обнаружено девять дел с частной корреспонденцией А. И. Безобразова объемом около 2500 листов-«склеек». Хронологические рамки комплекса – от начала 1660-х гг. до 1689 г.

Особую ценность архиву придает то обстоятельство, что это архив вотчины не царской или боярской, а вотчины служилого по отечеству человека «среднего звена», вотчины рядовой, так сказать, типичной. А ведь в XVII в. на значительной территории страны вотчина была своего рода «ячейкой общества», модулем его социальной и экономической структуры. Именно внутри нее вырабатывались элементы экономических, социальных, в том числе бытовых отношений (как внутри господствующего класса, так и в его взаимоотношениях с крепостным крестьянством и вольными людьми), которые определяли потом жизнь всего государства. В равной мере в жизни вотчины отражалось всё, что происходило в стране.

Еще одна характерная черта этого комплекса. Большинство документов составлено не профессиональными писцами, а потому едва ли найдется другое собрание, заключающее в себе такое обилие образцов обиходной русской речи XVII в., как в фонде А. И. Безобразова.

Такие документы, разумеется, не могли не привлечь к себе внимания. И конечно, делались попытки опубликовать этот комплекс. Но по какому-то роковому стечению обстоятельств каждый раз публикация срывалась. Выдержки из материалов архива (правда, весьма ограниченные) начали публиковаться еще в конце XIX в. И. Д. Беляевым¹ и

¹ Письма стольника А. И. Безобразова / сообщил И. Д. Беляев // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. IX. С. 52–61; М., 1853. Кн. XVII. С. 8–9; М., 1855. Кн. XXI. С. 1–20;

А.А.Востоковым². В начале XX в. почти все из обнаруженных к тому времени документов архива подготовил к публикации нижегородский историк А.К.Кабанов. Подготовка издания осуществлялась под патронатом Императорской археографической комиссии, а непосредственно курировал издание член Комиссии А.С.Лаппо-Данилевский. Документы были представлены на заседании Комиссии в декабре 1915 г. Дата говорит сама за себя – такая масштабная публикация не могла состояться во время мировой войны, а после революции А.К.Кабанов был арестован как член партии кадетов и погиб в тюрьме в 1922 г.

Через полвека «эстафетную палочку» принял А.А.Новосельский. К 1961 г. он вместе с лингвистом С.И.Котковым подготовил большую часть уже известных с XIX в. документов комплекса, а также вновь обнаруженные в архивах. Однако и на этот раз публикация по неизвестным причинам не состоялась. Небольшую часть из этого комплекса в лингвистическом издании опубликовал С.И.Котков³. И только в 2012 г. удалось издать первый из двух томов документов архива Безобразова, а в конце 2013 г. вышел и второй том.

Если попытаться охарактеризовать переписку Безобразова кратко, то можно сказать словами классика – это энциклопедия русской жизни XVII в. Что не удивительно, ведь в этих письмах, или, как их тогда называли, грамотках, подробно рассказывалось обо всем, что составляло весь уклад жизни русского народа в широком смысле, от крепостных крестьян до столичных служилых чинов.

Информация, содержащаяся в таком источнике, безмерно разнообразна. Это сведения о жизни государева двора – когда и куда отправился государь, какие церемонии проходили при дворе. О внешней политике – об отправленных из России посольствах, о приемах иностранных послов. О внутренней политике – о пожаловании в думные и московские чины, о назначениях в приказы, на различные государственные должности и в полки. Это и информация о жизни Москвы – о ценах на продукты и товары, о пожарах и других происшествиях, о событиях в жизни москвичей. Например, в одном из писем Безобразову рассказано о смерти в 1671 г. жены известнейшего деятеля той эпохи боярина Артамона Сергеевича Матвеева: «А у Артамона, государь, Сергеевича жена переставилась августа 23 день в один час; ни лежала ничто, стояла у завтрени дома, толка и молвила, что тошна, да повалилась, насилу свечельник исповедал

² Переписка стольника А.И.Безобразова 1687 года / сообщил чл.-кор. А.А.Восток // ЧОИДР. М., 1888. Т. I. С. 1–59; Помещик XVII-го века – стольник А.И.Безобразов. Челобитные ему от священника, крестьян и прикащика Нижегородской вотчины села Маликова // Русская старина. 1890. Ч. II. С. 575–580.

³ Памятники русского народного-разговорного языка XVII столетия (из фонда А.И.Безобразова). М.: Наука, 1965.

да запасными дарами пречестил, да и переставилась. И похоронили, государь, ее у Миколы столпа», то есть при церкви Николы Чудотворца в Столпах, построенной в 1669 г. Матвеевым⁴.

Понятно, что при описании всех этих событий в грамотках упоминается множество названий, относящихся к топографии Москвы XVII в., – названия храмов, улиц, переулков, частных дворов и государственных учреждений. Вот описание пожара, случившегося в сентябре 1680 г.: «А загорелось, государь, от Тверской у боярина у князь Михаила Андреевича Голицына, и от тово двора понесло к Неглинне. Ветер, государь, был сильной, и от тово, государь, горел двор боярина князь Алексея Андреевича Голицына, и боярина князь Юрья Алексеевича Долгорукова, и бояр князь Василья Васильевича Голицына и князь Ивана Борисовича Троекурова, и до Неглинны да самой Кирилов двор Хлопова и Кружешной двор. А по другую сторону от князь Михайлова двара Андреевича Голицына двор боярина князь Григорья Григорьевича Ромадановского, и двор боярина князь Ивана Андреевича Голицына, и двор боярина Родивона Матвеевича Стрешнева, и Гарасимовой жены Дохтурова захватила, только не весь, – по церковь, что на Дмитровке Воскресенья Христова, и по князь Савельев двор, только остались у него хоромы, и за церковь Пресвятые богородицы, что в Столешниках, по Неглинну ж все згорело. С Тверской все несло через Дмитровку и Петровку по самую Неглинну»⁵.

Естественно, что в переписке мы находим множество сведений о жизни московского двора Безобразова – он располагался в Китай-городе, на Ильинке, у церкви Николы Большой Крест – и о находящихся на нем строениях, и о живущей там дворне, о том, что и в каком количестве хранилось на дворе, что и сколько ели хозяева и дворовые люди, во что одевались и т.п.

Но разумеется, большая часть материалов переписки посвящена жизни вотчин. В Московском уезде Безобразову принадлежали несколько деревень к юго-западу от Москвы, в том числе Коньково, нынешний московский район. Другие владения находились в Вологодском, Дмитровском, Кашинском, Костромском, Нижегородском, Суздальском, Ржевском уездах. Наконец, с каждым годом все большее внимание Безобразов уделял своим южным владениям в Белевском, Орловском и Кромском уездах. Но больше всего информации содержится в грамотках о любимой, боровской, вотчине Безобразова, фактически его постоянной резиденции. Центром боровских владений было с.Спасское-Курилово на р.Наре, недалеко от Серпухова (теперь

⁴ Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. М.: Памятники ист. мысли, 2012. Ч. I. С. 100.

⁵ Там же. С. 134–135.

это с. Курилово в составе сельского поселения село Тарутино Жуковского района Калужской области), с тянущими к нему несколькими деревнями. Почти все они существуют и поныне.

В переписке с вотчинными приказчиками сплошь и рядом встречаются весьма живописные картины сельской жизни и часто звучит живая речь участников описываемых событий. Вот, скажем, зарисовка из жизни боровской вотчины, демонстрирующая взаимоотношения приказчиков А. И. Безобразова. В мае 1687 г. вотчинный приказчик сообщает стольнику о приезде в Спасское-Курилово московского приказчика, Ивана Ларионова, чей статус был выше, чем у вотчинного: «Буди тебе, государю, ведомо: Иван Ларивонов с украины приехал и привез, государь, вина с сабою, а сын ево напился пьян Левон и перебил Аноху конюха и Сергея Сергеева. И я холоп твой стал их розымать и Федор Клочков, и он Федора Клочкова убил же. И я холоп твой ево унимать стал, и он меня холопа твоего ушиб было поленом четвертным⁶ и я холоп твой посадил на цепь ево. И он и на цепи всякова бьет до смерти и рубаху изодрал на себе в лепесты и похваляетца сады твои государские перепортить, и Сысоа убил было до смерти, и он от нево отшол ножом, и меня холопа твоего хвалитца до смерти убить. Да он же Левон отнел у Митрофана Ивановича кресьянина на дороге и у гущинскова кресьянина два кушина вина, и топерь то и делает, что пьет без прасыпу и со всяким, государь, деретца. А Иван Лоривонов приехал в Спасское с украины третьей день, а почем принять было куры и яицы, мне холопу твоему отписак не дол и отписки распечатал сам своею рукою. А на другой день пришед на погреб на ледник з женою своею к старосте – жена держит в руке письма – и велит старосте принимать куры и яицы, и велел кликнуть Афоньку Киселя, чтоб граматки чел. И он к нему на погреб пришел, и стал (Иван Ларионов. – *О. Н.*) на нево и з женою своею кричать, чтоб чел скоро. И он Кисель стал говарить: Иван де Лоринович – дай де высмотрить. И он на нево осердился и стал ево бранить з женою своею и, накладши еиц полу, с погреба хотел итить вон. И он Кисель ему стал говарить: куды де ты яицы несешь? Домои де несу. И тех яиц ему староста не дал: приди де Иван Ларивонович не пьян, и отдам именно. И он с погреба з женою, розмахуючи руками, пошол домой»⁷.

И разумеется, в вотчинной переписке в максимальной степени раскрывается, так сказать, «вещный мир» XVII в.

Почти в каждом из владений Безобразова был боярский двор, но, конечно, разного масштаба.

⁶ Полено четвертное – очевидно, толщиной в четверть (около 18 см).

⁷ Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. М.: Памятники ист. мысли, 2013. Ч. 2. С. 134.

Спасское-Курилово, хотя в источниках часто называлось «Спасское, Курилово тож», состояло из двух частей. В Курилове жили крепостные крестьяне и часть дворовых, в Спасском же крестьянских дворов не было, это была усадьба вотчинника. Здесь были боярские хоромы в два жилья, с крестовой палатой, с чердаками (мезонинами), украшенными четырьмя крестами, а также множество хозяйственных построек – бани, амбары, солодовня, конюшня, «псаренный двор». Усадьбу опоясывала деревянная городьба «в стояк» с большими воротами, с «мостом» (помостом) и перилами, то есть, фактически, крепостная стена.

Одна из грамоток позволяет практически реконструировать боярские хоромы, правда, не в Курилове, а в центральной усадьбе южных, украинских владений Безобразова, деревни Тельчей (сейчас с. Тельчье Мценского района Орловской области). В 1680 г. хоромы сгорели из-за нерадивости дворни, и сам стольник, как профессиональный архитектор, расписывает, сколько и какого материала необходимо заготовить на новый господский дом:

«Роспись, что высечь на Тельчи кокова лесу и вывозить прикащику и крестьянам против старых хором, что сожгли вы воры, блядины дети. На потклеты высечь дубовава лесу хорошева и не тонкова и не кривоно петисаженнова 120 бревен. Да на потолочки в потклеты 100 пластин вытесать четырех сажен с полусаженью дубовых, а чтоб пластины б были не кривые и не уские б, чтобы пластины были широкие и премые. Да на подсенья дубова лесу надобна четырехсаженнова 90 бревен. Да на сени на мосты надобна 50 пластин дубовых четырех сажен, а будет старые пластины сенные целы, ина пластин на сени не рубить, разве малая что нарубить. Да на горницы сосновава лесу высечь петисаженнова 120 бревен, четырехсаженнова с лохтем 110 бревен. Да в хоромы на потолочки сосновых 100 пластин вытесать четырех сажен с полусаженью. В хоромы на десетеры двери колоды высечь сосновые, чтобы сучка не было и красны бы были и широки, таковы б были, что сажгли. Да на десеть окан красных колоды же высечь сосновые, чтобы были глаткие ж, сучка ж бы не было. Да на десетеры двери да на десетеры окан красных досок же б натесать сосновых широких длиною по полутары сажени, надобна 50 досок. Да на чердаки высечь лесу сосновава сто дватцать бревен штисаженнова с лохтем. Лавок высечь сосновых 10 лавок полупеты сажени да 10 лавок четырех сажен да 10 лавок трех сажен да 10 лавок двух сажен»⁸.

Кроме всего прочего, в Спасском-Курилове были заведены два пруда и наполнены рыбой (что в XVII в. считалось и модным, и красивым, и было практич-

⁸ Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. I. С. 161–162.

но). В 1681 г. там был устроен насос, для чего из Москвы привезли в готовом уже виде деревянные трубы со всеми принадлежностями, которые были добыты не без труда: «И по твоему, государь, указу к Симону Москвитину⁹ ходили и грамотку ему поднесли и ему били челом, шоб пожаловал промыслил трубы три или четыре деревянных, сажен пяти или четырех. И Симон, государь, Москвитин сказал: у меня де, права, нет, – и посылал по мастеру по Данилу Селиверстова, и ево, государь, дома не нашли. И он приказал сыскать: я де у нево спрашаю. А мы, государь, у нево Данила без нево были и труб смотрели, есть у нево три трубы пяти сажен. И товарищ ево Данилов просит по сороку алтын за трубу, мы, государь, давали по палтине; последняя слова сказал: меньше рубля за трубу не будет. А за Месницкими, государь, ворота у другога мастера у насосника у Клима Онофреева дву труп пяти сажен, третей четырех сажен торгавали, и он просит четырех рублей; давали, государь, и по дватцети алтын; и он, государь, сказал: хошь де торгуйте, хошь не торгуйте, меньше асми гривен за трубу не возьму да ведро вина за все. Больши тово и говорить не стал»¹⁰. Кстати, стоит сказать, что пруды существуют в Курилове и сейчас, как, впрочем, и в Тельчей.

Хозяйство было натуральное, и в боровской вотчине работали десятки крепостных ремесленников, в частности, кирпичники и плотники. Например, в феврале 1681 г. Безобразов распорядился изготовить мебель по составленной им росписи: «что сколько столов сделать и сколько скамей и сколько стулов. 20 стулов сделать з застенками¹¹, а затылки¹² велеть делать у стулов разными абрасцы. 20 скамей сделать з застенками, а затылки делать у скамей велеть розными абрасцы, а ноги сделать у стулов с праушками¹³.

Да велеть сделать 10 столов липовых, вышиною б были столы и з доскою в оршин з двумя вершки и с ногами, а шириною в оршин с четвертью. А ноги вели сделать у столов розными абрасцы». Далее столы указывают длину каждого из столов, которая составляла от полутора до трех аршин¹⁴. Обращая внимание читателя на то, что вся эта мебель делалась не на продажу.

⁹ Симон Кириллович Москвитин был московским дворянином; в 1681 г. он руководил Мещанской слободой и, естественно, был чрезвычайно влиятельным в ней человеком, а потому мог посодействовать в приобретении товаров, которые делали слободские ремесленники.

¹⁰ Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. 1. С. 211.

¹¹ У стульев и скамей – спинка.

¹² Задняя часть спинки стула или скамьи, украшаемая вырезанным узором.

¹³ Проух, проушина, проушек – отверстие, в которое что-либо продвигается.

¹⁴ Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. 1. С. 181.

Разумеется, в грамотках упоминается множество других предметов быта – одежда, посуда, различные светильники, сани, кареты, конская упряжь, сельскохозяйственный инвентарь, книги, инструменты, оружие, иконы и т.д. Ярче всего и компактнее в изложении этот «вещный мир» отражен в росписях, например, росписи вещей при передаче господского хозяйства от одного приказчика или старосты другому. Роспись представляет собой длинный перечень разного рода предметов, и любому другому читателю она могла бы показаться скучной. Но я полагаю, что для археолога этот список тут же визуализируется и наполняется знакомыми образами. Итак, 18 августа 1673 г. новый староста принимал у прежнего в с. Спасском-Курилове «боярские ключи житнишные и в житницах всякого боярского хлеба и судов деревянных и склянишных и всякой рухледи» (перечисляются запасы зерна и мяса), затем:

«Судов деревянных: 4 блюда скатертных¹⁵, одно цело, а два края расколоты, у четвертова край вышибен, 3 блюда глубокие красные¹⁶, 21 тарелка ясных, 3 торелки липовых, 12 ставчиков¹⁷ красных липовых, ступка, что чеснок толкут, ясеневая, 3 солонки деревянных, братина красная с венцом¹⁸, 2 ковши красные большие, солонка медная.

В шкатуле: 10 ножей, вилки, 3 пилы, 12 ложек длинных стеблей яблонных, у одной край вышибен; 9 ложек красных корельчех¹⁹ с костями, перешина, 3 достакана больших деревянных с венцами, 12 достаканчиков маленьких деревянных красных с венцами, 2 достакана склянишных высоких, 2 достакана широких склянишных, 3 братины склянишные, 3 братинки маленьких склянишных, 4 кувшина склянишных, узенькие горла, 2 сулеи склянишные, 4 скляницы четвертные, рюмка склянишная, 5 достаканов склянишных маленьких, судок аловяной, шандан медной, воронка, фонарь слюдяной; погребец²⁰, а в нем 9 четвертин оловянных²¹, рогов мед-

¹⁵ Блюдо скатертное – то, в котором еда подавалась на стол.

¹⁶ Красный – в отношении посуды – крашенный, цветной, пестрый.

¹⁷ Ставец – чашка, миска с крышкой для горячего.

¹⁸ Венец – здесь может быть в двух значениях: посуда с ободом или украшенная росписью, резьбой или чеканкой в виде венка.

¹⁹ Корельчатый – выделанный из корня дерева, возможно, особым способом, применявшимся северными (в том числе вологодскими) мастерами.

²⁰ Погребец – дорожный сундучок с посудой для напитков и еды.

²¹ Четвертина оловянная – в XVII–XVIII вв. олово для посуды очень ценилось, из олова делали всё то, что не нагревалось до высокой температуры, но что ставили на стол; в России олово было привозным материалом, изделия из отечественного олова появились только в 1720-е гг.; четвертина использовалась как дорожная посуда для напитков, были четвертины русской работы, очень

ных²² статья²³, пятой рог отдан псарям, толунбас²⁴, коробыя осиновая белая с мылом, а мыла в ней 26 косяков²⁵ двудежных, 6 досок столовых и с ногами, 6 брусков краватных, 11 ног краватных, 11 стулов, 3 стола дубовые, кравать роздвижная дубовая, 4 доски пирожные дубовые, 7 бочек больших пивных, 9 бочечак маленьких, 3 ушата дубовые маленькие, 2 напала²⁶ сосновые, 3 кадочки сосновые маленькие, напал дубовой, 2 дчана²⁷ пивные, 6 осмин²⁸, корыто пивное, квашня²⁹, 16 кос, 12 серпов, 7 топоров, 2 просека³⁰, пешня, что лет окалывают, 4 крюка, что лет волочат, кирка, тесник³¹, пазник, долото, 3 скобели, пила большая, бурав колесной, 9 отрезов³², 8 сох сошников с полицами³³, железа ножные, железа рушны, скаварада, сито, 18 прутков укладу³⁴, 5 гривенок железа, 4 сани с облукми³⁵, 6 сани дровни³⁶, 2 теле-

высокого качества; недорогое, удобное и гигиеничное в применении, олово заменяло парадную серебряную посуду в повседневной жизни обеспеченных кругов, стало привычным предметом и в быту небогатых служилых по отечеству и представителей податных городских сословий; пик бытования в России оловянной утвари приходится на середину и третью четверть XVIII столетия; оловянные изделия служили как для сервировки стола (тарелки, миски, ложки, стопки и стаканы), так и в путешествии: дорожные укладки непременно включали небьющийся оловянный прибор, а также компактные емкости для питья – фляги и четвертины; четвертина представляла собой четырехгранный сосуд с навинчивающейся крышкой размером примерно 20×10×8 см; в домашних приборах оловянной четвертиной также называли сосуд с выпуклыми боками, несколько похожий на суповую чашку с крышкой.

²² Рог медный – духовой инструмент в виде конической трубки с раструбом на конце; использовался как сигнальный или церемониальный инструмент; медный рог употреблялся обычно на охоте.

²³ Статья – здесь – определенное количество вещей, группа однородных предметов.

²⁴ Тулунбас – большой турецкий барабан, в который бьют одной колотушкой.

²⁵ Косяк – кусок, пласт неправильной формы, мера штучного товара в кусках или пластах.

²⁶ Напол – кадка, долбленная из пня, с крышкой, для муки, зерна и т.п.

²⁷ Дчан – досчан, чан – кадка огромного размера, преимущественно из еловых досок, скрепленных обручами.

²⁸ Осмина, полосмины, четверик – здесь: кадь, окованная бадья для мерки зерна соответствующего объема.

²⁹ Квашня – здесь – деревянная посуда (дежа, кадка, дуплянка), в которой заквашивали кислое тесто.

³⁰ Просек – топор с узким лезвием для прорубания пазов.

³¹ Тесник – плотницкий топор с лезвием не вдоль топорща, а поперек, как у кирки.

³² Отрез – резак, плужный нож.

³³ Полица – отвал у сошника.

³⁴ Уклад – оковка санного полоза, длинный железный прут.

³⁵ Облук саней – изогнутая жердь (прут), охватывающая сани спереди и с боков.

³⁶ Дровни – грузовые крестьянские сани наиболее простого устройства, без кузова.

ги служивые³⁷ решетчатые³⁸, 4 колеса рыдванные³⁹ окованные, 2 телеги служивые, адна с полубою⁴⁰, а другая бес полубы и бес передов, 5 припрежи⁴¹, 21 хомут, 17 клещи⁴², 27 гривенок шерсти, 2 кожи яловешные⁴³, 2 кожи конинные, 3 кожи козлиных, 2 авчины, 14 авец старых, 11 ярка⁴⁴ молодых, 3 барана старых, 3 барана молодых, 2 быка, козел старой, 2 козы старые, 6 козлят молодых, 5 свиней старых, 4 свиньи молодых, 8 куров индейских молодых, 6 куров индейских старых, 7 куров немецких⁴⁵, 20 куров немецких молодых, 6 сулей и кувшинов з двойным вином⁴⁶, 2 бочечки вина простова.

Андрей Ильич с собою имал на Украину⁴⁷ 7 блюд, 7 торелок, 5 ставцов, 8 ложек, 2 ножа, и то все привезено и отдано старосте Левке, адной миски не привезли⁴⁸.

И наконец, нельзя не упомянуть о памятнике, который, кроме грамоток и тех вещей, что, возможно, лежат в земле в Курилове, остался свидетелем жизни стольника Безобразова. Это церковь Успения Богородицы, «прозванием Рышковские», как писали в грамотках, построенная Безобразовым по обещанию. Церковь находится в с. Рыжково, в пяти километрах от Курилова. Это двусветный, красивых пропорций четверик из большемерного кирпича, изготовленного крепостными кирпичниками в боровской вотчине. Четверик покоится на белокаменном фундаменте, по углам четверика пучки полуколонок. В XVII в. кровля была покрыта белой жстью⁴⁹. Видимо, это был восьмерик на четверике. Сейчас церковь стоит в руинированном состоянии, стены сохранились до верха окон второго света.

³⁷ Телеги служивые – рабочие.

³⁸ Телеги решетчатые – вероятно, с плетеным кузовом.

³⁹ Рыдван – большая дорожная карета для дальних поездок, в которую впрягалось несколько лошадей.

⁴⁰ Полуба – луб, кора старой липы, непригодная для изготовления лыка и используемая в качестве кровельного материала (для крыши дома, для кузовов телег и саней и т.п.).

⁴¹ Припряжь – сбруя для припряжной или пристяжной лошади.

⁴² Клещи – деревянная основа хомута, состоящая из двух половинок, связанных в оголовки.

⁴³ Яловешные – яловичные, из кожи молодого скота.

⁴⁴ Ярка – молодая овца.

⁴⁵ Куры немецкие – возможно, это куры рейнской или рамельсхерской пород, которые являются одними из старейших в Европе.

⁴⁶ Вино двойное, простое – для усиления крепости водка нагревалась и перегонялась дважды, трижды и более; отсюда термины – простое вино (23 градуса), двойное вино (37–45 градусов), тройное вино (70 градусов) и четверное вино, или спирт (80 градусов).

⁴⁷ Речь идет о южных вотчинах А.И. Безобразова.

⁴⁸ Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. 2. С. 39–41.

⁴⁹ Там же. Ч. 1. С. 289.

С запада имеются остатки фундамента крыльца и, очевидно, колокольни, с востока – фундамента алтарной части. По документам известно, что церковь строили каменщики из Москвы, из приказа Каменных дел. Из грамоток же известно, что расписывали церковь братья Ефим и Алексей Маюровы и Никита Петров, ученик Симона Ушакова⁵⁰.

Относительно недавно я была на раскопках в Кремле рядом с Константино-Еленинской башней и в с. Тайнинском на раскопках путевого дворца и видела практически те же предметы, о которых читала в документах из архива Безобразова. И кажется, что вроде бы лучше один раз увидеть, чем сто раз услы-

⁵⁰ Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. 1. С. 327.

шать – или, в данном случае, прочитать. Но с другой стороны, ничуть не менее важно и интересно через документы посмотреть, как жили эти молчаливые, лежащие в земле или уже на брезенте предметы.

Мне представляется, что грамотки из архива Безобразова, как и берестяные грамоты из Новгорода, оживляют человеческими отношениями известные нам материальные памятники, в данном случае, XVII в., они связывают письменные и вещественные источники в единое целое, гораздо более богатое, чем каждая из составляющих его частей в отдельности. В предисловии к первому тому издания говорится, что такой источник нужен историкам и филологам. Но очевидно, что он может стать путеводителем по XVII в. и для археологов.

O. V. Novokhatko

Archive of A. I. Bezobrazov, the Stolnik: Document and Monument

Key words: private archives, everyday culture, inherited estate, paleography, archaeology.

Abstract: The article presents a unique written source – stolnik A. I. Bezobrazov's archive, which represents a collection of private correspondence of personal and business character. The fact that this is the archive of an inherited estate of a service man according to his homeland of a "middle class", the typical in-

herited estate, adds special value to the collection. Most documents were not written by professional writers. So there will hardly ever be another collection which includes such a variety of samples of the 17th century ordinary Russian language as in the holding of A. I. Bezobrazov. Here the "artifacts' world" of the 17th century is open to the fullest extent. Thus Bezobrazov's archive is of interest not only for historians and philologists, but also for archaeologists.

Посольские дары-«поминки» в контексте взаимоотношений России с постордынскими государствами: проблемы изучения

Дипломатический диалог, как известно, является полем активного столкновения и взаимодействия культур. Очевидно, что именно в его рамках можно отчетливо различить сложную систему ритуалов, направленных на «ограничивание» чужого и, в конечном итоге, включение его в приемлемую систему координат. Естественным образом эта знаковая система не всегда поддается дешифровке. Многие коды посольского ритуала были не ясны уже современникам и ныне вызывают недоумение. Однако преувеличивать «мотив чужого» в дипломатии всё-таки не стоит. Существовало (и существует) достаточно большое количество ритуалов и знаков, вполне одинаково читаемых в разных культурах. К таким идентичным прочтениям можно отнести ритуалы встречи посла, а именно: очередность спешивания с лошади или вставания, а также коленопреклоненное или нет обращение к правителю принимающей державы¹. Ряд этикетных норм имел пограничное, скользкое значение. В этом смысле весьма любопытна роль посольских даров, которые в делопроизводительной практике Посольского приказа определялись как «поминки». Суть «скольжения» в этом вопросе заключалась в том, что «поминки» в рамках взаимоотношений с постордынскими государствами имели ситуативное прочтение. В зависимости от ситуации их представляли то дарами, то данью. Наиболее отчетливо это заметно в рамках дипломатии большого восточноевропейского геополитического треугольника: Великое княжество Литовское – Крымское ханство – Московское государство. Так, в Литве русские «поминки» восточным правителям представлялись как дань, в Русском государстве возмущались такой интерпретацией,

но в свою очередь считали литовские «упоминки» данью². Естественно, степные правители охотно пользовались такими разночтениями в продвижении своего понимания отношений, их статуса. Более того, им такое положение было чрезвычайно выгодно, так как сохранялась возможность поддерживать свое влияние на отношения в ситуации изменившегося геополитического баланса в восточноевропейском регионе. Естественно столь туманное определение «поминков» современниками оказывает свое влияние и на историков. До сих пор среди специалистов идет вялая дискуссия о значении «поминков», их происхождении. Время от времени эти споры обостряются, а затем вновь затухают. Рассмотрим в общих чертах эту полемику.

В историографии XIX в. утвердилось мнение, что крымские ханы и ногайские бии выпрашивали «поминки» и собственно этим (особенно в отношении Ногайской Орды) ограничивали их отношения с Россией³. Впоследствии «поминки», направляемые степным владыкам, стали рассматривать как своеобразную форму торговли⁴. Против такой трактовки выступили А. М. Некрасов и С. Ф. Фаизов, высказавшие мнение, что «поминки» являлись своего рода

² Хорошкевич А. Л. Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибутарных отношений // Отечественная история. 1999. № 2. С. 71–78.

³ Соловьев С. М. Сочинения. М.: Мысль, 1989. Кн. 3, т. 6. С. 466; Перетяткович Г. И. Поволжье в XV и XVI веках: (черки из истории края и его колонизации). М.: тип. Грачева и Ко, 1877. С. 180; Савва В. И. О Посольском приказе в XVI веке. Харьков: тип. т-ва потребительского о-ва юга России, 1917. Вып. 1. С. 379.

⁴ Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке // Труды ГИМ. М.: Госкультпросветиздат, 1956. Вып. 31. С. 54–55; Назаров В. Д. Российско-ногайская торговля (первая половина XVI в.) // Восток: афро-азиат. общества: история и современность. 1998. № 1. С. 55–56.

¹ Ножникова З. «Московия» и ее автор // Герберштейн С. Московия / пер. А. И. Маленина и А. В. Назаренко; коммент. З. Ножниковой. М.: АСТ: Астрель, 2007. С. 35–36.

даны-откупом⁵. С острой критикой такой позиции выступила А.Л.Хорошкевич. По ее мнению, «в русско-крымских отношениях с самого начала ни о каких формах данничества не было и речи»⁶. Исследовательница внимательно проанализировала «поминки» в русско-крымских отношениях рубежа XV–XVI вв. и установила разновидности «поминков», их социальную стратификацию, политическую и идеологическую борьбу вокруг «даров». Автор указала, что русские власти стремились «провести принцип службы великому князю как условие получения поминков из Москвы». Крымские ханы отстаивали наследственный принцип распределения «поминков», близкий к «зауморщине»⁷. Среди зарубежных исследователей также нет единодушия по вопросу о «поминках». Р.М.Кроски не придавал им политического значения, а М.Ходорковский отметил, что для российской стороны это была плата за лояльность и службу, а для кочевников – дань⁸. В.В.Трепавлов, рецензируя монографию М.Ходорковского, отметил стремление степных правителей контролировать раздачу поминков и возникавшие по этому поводу конфликты с московскими дипломатами⁹.

Таким образом, к началу XXI в. обозначилось желание историков выработать компромиссную позицию по этому вопросу. Суть компромисса, по М.Ходорковскому, «для степняков дань, а для русских жалование», нельзя полностью признать удовлетворительной. В XVI в. Русское государство усиливает давление на степняков, превращая «поминки» в гибкий инструмент влияния, увеличивая «поминки» лояльным представителям степной элиты и снижая своим противникам. Поэтому говорить о реальности представления о тождестве «поминок» дани затруднительно¹⁰. А.В.Виноградов в монографии

2007 г. приводит убедительное обоснование того, что «поминки» – это посольские дары¹¹. В результате исследования отношений Русского государства с Крымским ханством и Ногайской Ордой были накоплены данные, противоречащие интерпретации «поминок» как дани. Однако этот вопрос был вновь поднят на круглом столе «Московское государство и постзолотоордынские тюрко-татарские государства: история взаимоотношений», который проводился 16 марта 2012 г. в Казани. И.М.Миргалеев и Б.Р.Рахимзянов в ходе заседания указали на факт отмены «поминок» крымским ханам в 1700 г. Сами «поминки» И.М.Миргалеев охарактеризовал термином «харадж» и отождествил с «выходом»¹². На это замечание А.В.Виноградов дал развернутый ответ. Во-первых, исследователь развил компонент ситуативности в понимании «поминок»/«упоминков», приведя примеры из практики Речи Посполитой. Во-вторых, указал на понимание термина «выход» русскими дипломатами XVI столетия как запросов слишком больших денежных сумм¹³. Отдельному анализу был подвергнут вопрос об отмене «поминков» договором 1700 г. И.В.Зайцев указал, что Петр I перестраивал посольский церемониал по европейскому образцу, в котором не было места обычаям татарского посольского ритуала. Именно поэтому приходилось отменять старые нормы договоров¹⁴. Весьма ценными для дискуссии о «поминках» стали суждения А.В.Малова. Автор указал на тот факт, что определение «поминок» данью не соответствует реальности международных отношений постордынских государств со своими соседями. И это явление не связано с ранее сложившимися отношениями. Например, Польское королевство не было захвачено монголами и дань не платило, однако, как позднее и Речь Посполитая, присылало в Крым свои «упоминки»¹⁵. Таким образом, в ходе дискуссии были обозначены позиции сторонников трактовки «поминок» как дани и ее противников. Оба «лагеря» предложили ряд веских аргументов, хотя более весомой оказалась аргументация противников трибунарной трактовки «поминок». Откликом на этот спор в Казани стала статья Р.Ю.Почекаева. Автор, бегло и не полностью ознакомившись с историографией вопроса, предположил, что ход дискуссии

сольских даров-«поминок» в русско-ногайских отношениях XVI века // Вестник МГГУ им. М.А.Шолохова. Серия «История и политология». М., 2011. №4. С.17–31.

¹¹ Виноградов А.В. Русско-крымские отношения, 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. М., 2007. [Ч.] 1. С. 60.

¹² Материалы круглого стола «Московское государство и постзолотоордынские государства: история взаимоотношений». Ч.1 // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2012. Вып. 4. С. 188.

¹³ Там же. С. 193–194.

¹⁴ Там же. С. 194.

¹⁵ Там же. С. 195–196.

⁵ Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа, последняя четверть XV – первая половина XVI в. М.: Наука, 1990. С. 180; Фаизов С.Ф. Поминки – «тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом: (к вопросу о типологии связей) // Отечественные архивы. 1994. №3. С. 49–55.

⁶ Хорошкевич А.Л. Русь и Крым после падения ордынского ига ... С. 70–71.

⁷ Ее же. Русь и Крым. От союза к противостоянию, конец XV–XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 241–258.

⁸ Crosky R. M. Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III. N.Y.; London, 1987. P. 180. О книге М.Ходорковского см.: Трепавлов В.В. [Рец.]: Три столетия территориального расширения России: (Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington; Indianapolis, 2002) // Отечественная история. 2003. №2. С. 182.

⁹ Трепавлов В.В. Три столетия территориального расширения России ... С. 182.

¹⁰ Моисеев М.В. Взаимоотношения России и Ногайской Орды (1489–1563 годы): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2007. С. 303–322; Moisiejew M. Między haraczem a podarkiem: Rola upominków w stosunkach rosyjsko-nogajskich w XVI wieku // Mówią wieki: Magazyn historyczny. 2010. Serp. Nr8. S.14–17; Моисеев М.В. Эволюция и содержание по-

определяет национальность авторов и «несколько превратное понимание патриотической позиции»¹⁶. Далее Р. Ю. Почекаев привел общие рассуждения, иллюстрируемые примерами разных эпох, разных политических систем, однако ни разу не коснувшись конкретно исторического материала¹⁷. Автор забывает о принципе историзма, согласно которому любое явление развивается во времени.

В русско-ногайских отношениях, например, «поминки» сначала не играли серьезной роли, нося, скорее, этикетный, символический характер¹⁸. В 1504 г. русские власти в лице великого князя Ивана III и его сына Василия решили использовать «поминки» как средство экономического стимулирования ногайской знати. «Поминки» отсылались главе Ногайской Орды Ямгурчи-бию и его жене Девлет-султане¹⁹. Всего Ямгурчи от Ивана и его сына получил девять предметов. Таким образом в Москве, используя крымскую «табель о рангах», ногайского правителя приравнивали к мангытскому беку в Крымском ханстве²⁰.

Очевидно, в Москве приняли решение встроить «поминочные» отношения с ногаями в крымскую систему, по которой «поминки» шли в первую очередь Чингизидам, затем карачи-биям и сейиду. Однако такая схема не могла вполне удовлетворить ногайскую знать, так как она почти полностью исключалась из этих отношений. Это недовольство проявилось рано, уже на заре «поминочных» отношений Русского государства с Ногайской Ордой. В 1505 г. Казанское ханство вышло из-под подчинения Москвы. Великокняжеские дипломаты спешно приняли меры, направленные на изоляцию непокорного ханства от его степных союзников. В Ногайскую Орду отправили гонца с «поминками» для бия, но их перехватил один из мирз²¹. Но более очевидно недовольство «поминочной» политикой Москвы проявилось в 1530-е гг., во времена правления Саид-Ахмед-бия.

Правление Саид-Ахмеда совпало с наивысшим расцветом Ногайской Орды и пришлось на кризисный момент в истории России. Бий Саид-Ахмед претендовал на изменение статуса русско-ногайских

отношений, одновременно с этим он добивался и изменения статуса Ногайской Орды в постзолотоордынском политическом пространстве²². Эти претензии проявились в изменении формуляра верительных грамот. В августе 1534 г. Саид-Ахмед требовал выплат крымских «поминков», настаивая на той же системе их распределения. При этом бий занимал место хана, появлялся и ногайский аналог калги. Тон грамот резко изменился. В одной из них Саид-Ахмед жестко увязал вопрос о выдаче «поминков» с сохранением «роты». В это же время Саид-Ахмед стремился сконцентрировать в своих руках выдачу «поминков» мирзам, что вызвало конфликты внутри Орды и с русскими дипломатами. В конце 1534 г. в Москву приехало ногайское посольство, возглавляемое главой ногайского правительства – кара-дуваном. Бий требовал денежных выплат от 60 до 100 тыс. алтын, в случае же спора или «затейки» угрожал войной. Свои претензии на денежные выплаты Саид-Ахмед обосновывал тем, что бывшая Большая Орда теперь принадлежит ногаям. В таких условиях возрастала роль дипломатов, отправлявшихся в Ногайскую Орду. Даниил Губин, русский посол в Орде в 1534–1535 гг., выяснил наличие глубоких противоречий между Саид-Ахмедом и мирзами²³.

Вероятно, следствием этих противоречий и стало посольство мирз западного крыла Ногайской Орды в декабре 1534 г., предлагавших служить России за «поминки». Российские дипломаты оперативно отреагировали на это посольство: в Орду был отправлен посол Петр Левский. В вопросе о «поминках» он должен был подчеркивать, что «ныне государь наш для вашей дружбы поминки свои к вам мною послал»; в случае верности и борьбы с врагами великого князя (крымским ханом), государь «любовь свою и свыше хочет держати и поминки свои станет к вам посылати по-пригожу, что у него лучит». Вместе с тем настоятельно подчеркивалось: «А не наймует вас государь наш»²⁴. Такое пояснение было связано, вероятно, с неудачным опытом распространения принципа службы великому князю как условия получения «поминков» на крымских царевичах в 1516–1518 гг.²⁵.

В конце 1535 г. стали известны претензии Саид-Ахмеда на «девятные поминки», традиционно связанные с русско-крымскими отношениями. Впрочем, в России уже знали, что в самой Орде не все поддерживают его притязания. Так, глава «финан-

¹⁶ Почекаев Р. Ю. Дары или дань? К вопросу о «золотоордынском наследии» в отношениях Московского государства с тюрко-татарскими ханствами // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2012. Вып. 4. С. 200.

¹⁷ Там же. С. 201.

¹⁸ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 82; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой, 1489–1508 гг. М., 1984. С. 28, 34, 39 и др. (Далее – ПК); Хорошкевич А. Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию ... С. 245.

¹⁹ ПК. С. 54–55.

²⁰ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию ... С. 251.

²¹ ПК. С. 57.

²² Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М.: Вост. лит., 2000. С. 186–197, 201–210.

²³ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой, 1489–1549 гг. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995. С. 93, 95, 124–125, 126–127, 131, 146–147, 150–151. (Далее – ПКСРНО, 1489–1549).

²⁴ Там же. С. 135–138, 144.

²⁵ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию ... С. 249.

сового ведомства» Ногайской Орды – Теку дуван – советовал Д. Губину написать в Москву, чтобы Саид-Ахмеду не потакали, а писали в грамотах и слали «поминки», как было ранее. В течение 1536–1537 гг. продолжалась борьба «за поминки». В ответ на требование «крымских поминков» Ф. И. Карпов подчеркивал, что бий «правду не учинил», а великий князь «дружбу не выкупает». Русская сторона крепко держалась выбранной линии: слать «поминки» только после шертования. Всё это, а также жалобы мирз на качество «поминков» свидетельствует о том, что правительство Елены Глинской существенно ограничивало количество «поминков». К примеру, мирза Хаджи-Мухаммед писал в 1537 г., что великий князь их обманывает и шлет «малые некоторые поминки». Возможно, это было продолжением практики Казны первого десятилетия XVI в.²⁶

Осенью 1537 г. в Москве узнали об административных изменениях в Ногайской Орде (появление нурадинов и кековатов) и связанных с этим экономических претензиях (нурадинова пошлина). Требования «поминков» для Саид-Ахмеда вообще непомерно возросли. Реакция Москвы была резкой и однозначной: Ф. И. Карпов и дьяки М. Путятин и Ф. Мишуринов ответили на требования ногайской стороной «крымских поминков»: «ни князю и мирзам пригоже чужих поминков просити», – и далее подчеркивали связь «поминков» со службой («наших недругов воюют, тогда им от нас и поминки ходят»). В ответной грамоте Саид-Ахмеду подчеркивалась беспрецедентность таких требований²⁷. Таким образом, дипломатия правительства Елены Глинской продолжала политику Казны времен Василия III и стремилась превратить «поминки» в жалованье.

После правления Саид-Ахмеда «поминочные» отношения стабилизировались. В 1548–1549 гг. не видно конфликтов по этому вопросу, наоборот, проявляется тенденция к утверждению «жалованного» принципа получения «поминков». Так, мирза Али б. Юсуф просил «поминок» за военные действия против врагов Ивана IV. Вместе с тем, среди правящей элиты Орды (бия, нурадина и кековата) оставались живы старые традиции. Нурадин Исмаил писал: «А чего яз прошу, то мне дай; будешь добр, и яз тебе друг». Распространились и «запросы», особенно активен в них был всё тот же Исмаил. Новый бий Орды Юсуф запрашивал «платье доброе», которое должны были пошить в России. Оставались и прежние претензии к качеству «поминков». Необходимо отметить, что умиротворенность в вопросах о «поминках» в то время во многом диктовалась общим климатом русско-ногайских отношений 1548–1549 гг. В это время наблюдалось сближение России

и Ногайской Орды по «казанскому вопросу» и обострение ногайско-крымских отношений²⁸.

1550-е гг. также прошли без заметного обострения «поминочного вопроса». Среди ряда мирз усиливалась «жалованная» тенденция. В частности, Исхак мирза писал, прося «поминков»: «Другу своему князю бью челом»²⁹. Семантическое значение челобитной формы обращения в XVI столетии было широким. С одной стороны, оно означало просто обращение к государю, с другой – указывало на некоторую приниженность контрагента³⁰. В посланиях ногайских мирз применялось также выражение «тау салам»³¹. Обыкновенно исследователи переводят его как приветствие³². Однако данные источников свидетельствуют, что в переводческой практике русского дипломатического ведомства того времени «тау салам» означало челобитие³³.

Вместе с тем большинство мирз не разделяли такого подхода. После 1554 г. пришедший к власти Исмаил попытался, как ранее Саид-Ахмед, изменить статус русско-ногайских отношений. Это выразилось в именовании им Ивана Грозного сыном. В 1556 г. Исмаил получил в ответ гневную отповедь и с тех пор прекратил столь явно претендовать на верховенство в русско-ногайских отношениях³⁴. Впрочем, положение Исмаил-бия в то время не способствовало настойчивости в проведении подобной политики. Ногайская Орда погрузилась в омут гражданской войны и экономического краха³⁵. Именно в таких условиях развивались «поминочные» отношения. Постепенно нарастала жалованная тенденция в понимании «поминок», и ревизии этого со стороны ногаев в исследуемый период не происходило.

Исмаил-бий отмечал необходимость «поминок» для собирания и удержания людей вокруг него³⁶. Разорение ногаев вынуждало бия активно выпраши-

²⁸ Там же. С. 237, 239, 246, 248–249, 250, 287, 294–296, 298–299, 304–305, 308, 311.

²⁹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой, 1551–1561 гг. Публикация текста / сост. Д. А. Мустафина, В. В. Трепавлов. Казань: Тат. кн. изд-во, 2006. С. 47. (Далее – ПКСРНО, 1551–1561).

³⁰ Crosky R. M. The Diplomatic Forms of Ivan III Relationship with the Crimean Khan // Slavic Review. 1984. Vol. 42, N 2. P. 260, 269; Филюшкин А. И. Титулы русских государей. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. С. 96–99.

³¹ ПКСРНО, 1551–1561. С. 133–134; РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Кн. 6. Л. 16 об., 17.

³² Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о касимовских царях и царевичах. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1863. Т. 1. С. 306–307; Зайцев И. В. Из истории русского средневекового дипломатического лексикона: этимологические заметки // Восточная Европа в древности и Средневековье: проблемы источниковедения. М., 2005. Ч. 2. С. 198–199.

³³ РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 6. Л. 20.

³⁴ ПКСРНО, 1551–1561. С. 181, 203, 208, 211.

³⁵ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. С. 270–289.

³⁶ ПКСРНО, 1551–1561. С. 216.

²⁶ Там же. С. 258; ПКСРНО, 1489–1549. С. 129, 156, 186, 190, 197.

²⁷ ПКСРНО, 1489–1549. С. 200, 213, 214–215.

вать у русских властей повышение «кун», шедших к ним из Москвы. Исмаил отмечал, что пришедшую к нему «рухлядь» он раздавал своим детям, племянникам и слугам. Обеспокоенный целостностью приходящих «поминков», он требовал присылать их список с описанием отправляемого «татарским письмом». Исмаил расширял список получателей «поминков», включая в него своих беков, влиятельного ногайского сейида Кара-ходжу и других представителей неэдигейской знати³⁷.

В середине XVI в. «поминки» приобрели характер « годового » с точно определенной номенклатурой и количеством отсылаемого. Среди дач начали фигурировать деньги. В 1559 г. Исмаил-бий писал: «То ты мне даешь денег годовое и по то послал есми Бекчуру, годовое денги однолично бы еси приказал з Бекчурию». В годовое входили шубы, сукна и однорядки. В послании Исмаил-бия в 1560 г. сообщалось, что ежегодно шло 4 шубы (горлатная с поволокою, горностаевая с поволокою, две белых с поволоками), по четыре постова сукна и «однорядки шитые»³⁸.

Показательно изменение отношения к «поминкам» в среде самих ногаев. Всё чаще проявлялось понимание «поминков» как жалования. Когда в 1562 г. в ставке Урус-мирзы в жесткой форме с русского гонца К. Тоишева взяли пошлины, аталык Уруса Тюбек этим возмутился. Он корил своего воспитанника, что тот делает это «не гораздо», государевых посланников бесчестит и грабит. По словам К. Тоишева, аталык говорил Урусу: «О государе деи царе и великом князе свет видите, его государевым жалованьем живете, а его ж посланников грабиш». Урус оказался вынужден оправдываться: на грабеж его толкнуло то, что к нему приехало из иных элей много людей, а дать им нечего. Мирза обещал, что когда будет отпускать гонца, то возместит его убытки. Еще более откровенно это новое понимание выразил Исмаил-бий в своем предсмертном послании. Выпрашивая у Ивана Грозного повышение денежных и других дач, он четко проводил параллель между служилыми татарами и Ногайской Ордой³⁹.

Ногайская Орда стремительно теряла влияние на внешнеполитическую ситуацию в западном Деште, русско-ногайские отношения «провинциализировались». Как следствие, «поминки» постепенно сближались с жалованием. Русские дипломаты стремились влиять на процесс принятия ногайской элитой внешнеполитических решений с помощью регулирования объемов направляемых в Орду «поминков», снижая их своим противникам и увеличивая сторонникам. Во время русско-ногайского противостояния в 1580-е гг. русское дипломатическое ведомство сократило содержание бию Урусу и его сторонникам и

увеличило тем мирзам, которые выступали за мирные отношения с Русским государством⁴⁰.

Постепенно угасание интереса к Ногайской Орде как субъекту внешней политики привело к снижению стоимости отправляемых ногайской элите «поминков». В 1584 г. «поминки» для бия равнялись по стоимости 300 руб., в 1585 г. их стоимость в связи с антирусской позицией Уруса сократилась до 200 руб., а в начале XVII в. – до 71 руб. При этом общая стоимость «поминков» в Ногайскую Орду составляла в 1584 г. – 772 руб., в 1585 г. – 817 руб. Рост стоимости «поминков» был связан с увеличением жалования мирзам, придерживающимся промосковской позиции, а также с включением в роспись дополнительных представителей ногайской элиты. Однако в действительности в Орду в 1585 г. отослали «поминков» на заметно меньшую сумму, так как Урус и его сторонники тогда «посылок» не получили и итоговая сумма составила лишь 400 руб. В начале XVII в. общая стоимость «поминков» составила 563 руб.⁴¹. Приведем для сравнения стоимость польских «упоминков» в Крымское ханство. В конце XV в. она равнялась 15 000 червонных золотых, при Сигизмунде II Августе и Стефане Батории – 5000 золотых, в 1591 г. – 3600 талеров и 300 червонных золотых, а в 1596 г. – 3800 золотых⁴². Общая тенденция на снижение стоимости «поминков» заметна, хотя она и имела довольно медленный темп.

На протяжении изучаемого времени «поминочные» отношения эволюционировали. Если в 1530-е гг. заметно усиление трибунтарной тенденции, умело преодоленной русскими дипломатами, то к середине столетия стало очевидным укрепление жалованной тенденции. К 1560-м гг. «поминки» превратились в жалование, а к началу XVII в. стоимость «поминков», отправляемых ногайским бию и мирзам, была сокращена в связи с общим угасанием интереса к Ногайской Орде как самостоятельному игроку на внешнеполитической арене. Очевидно, что в рамках дипломатических отношений «поминки» в течение столетия претерпели существенные изменения, и к широким историческим сравнениям в этом случае стоит прибегать крайне осторожно.

Более того, восприятие «поминков» внутри России или Речи Посполитой тоже менялось. Красноречив пример, приведенный А. В. Виноградовым, когда один шляхтич в 1578 г. так характеризует королевские «упоминки»: «Во Львове король отдал огромное ко-

⁴⁰ Там же. Ед. хр. 1 (1584 г.). Л. 1.

⁴¹ Там же. Л. 1–3; Записка об отправлении к нагайскому князю Иштереку Ивана Бутурлина и Дмитрия Жедринского с подарками ему и его детям и родственникам // Гневушев А. М. Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / собрал и ред. М. М. Гневушев. М.: Имп. о-во истории и древностей российских, 1914. С. 234.

⁴² Skorupa D. Stosunki polsko-tatarskie, 1595–1623. Warszawa: Neriton, 2004. S. 67, 80.

³⁷ Там же. С. 252–253, 259, 280.

³⁸ Там же. С. 297, 325.

³⁹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 47–47 об., 211 об.

личество дани послам крымского царя и османам»⁴³. Заметно, что уже к концу XVI столетия увеличивается негативная сторона в восприятии этого компонента отношений с татарами, а в XVII в. недовольство «поминками» в русско-крымских отношениях становится настолько существенным, что в Посольском приказе разрабатывают легитимирующую легенду, согласно которой «поминки» были освящены авторитетной традицией⁴⁴. Изменения в отношении к «поминкам», происходившие в течение XVII в., прекрасно иллюстрирует и появление в 1666 г. в Посольском приказе перевода «Росписи дивным вещам Саббатая Цви», содержащего пародийно-сатирический реестр диковинок. С.Алпатов сомневается, что пародийный характер этого реестра осознавался переводчиками Приказа, однако он полагает, что данный текст мог быть связан с кругом пародийных документов Всешутейшего собора Петра I⁴⁵.

В любом случае очевидно, что ко второй половине XVII столетия «поминки» тюрко-татарским государствам в общественном мнении всё чаще воспринимаются как анахронизм. Сообщение же Патрика Гордона об обязательном, ежегодном характере русских платежей в Крым, приводимое Р.Ю.Почекаевым⁴⁶, само по себе ничего не доказывает. Во-первых, оно находится в тренде общественного мнения (которому было мало дела до политической реальности), а во-вторых, относится к традиции «петровской легенды», ярко охарактеризованной А.В.Маловым⁴⁷. В рассуждениях о «поминках» присутствует убеждение в их высокой ценности и стоимости. Однако, как показывают конкретные данные, чаще всего своей высокой стоимости «поминки» достигали за счет больших объемов отсылаемых вполне ординарных вещей. Кроме «поминок», существовала практика запросов, когда степная элита просила для личных нужд различные вещи. В этом случае фантазия их, конечно, приобретала большой полет, но русские власти к этим запросам относились весьма скептически и довольно часто оставляли их без внимания⁴⁸.

Для примера приведем собранные нами данные по русско-ногайским отношениям. Наиболее

частыми были просьбы прислать одежду. Среди предметов одежды выделялись шубы (собольи, горностаевые, лисьи, «хрептовые бельи» и куньи). Затем по популярности шли шапки (лиисьи, «черногорланные») и однорядки. Большой популярностью пользовались доспехи: нередко были просьбы прислать парадные панцири и шлемы. Реже запрашивалось оружие. Довольно популярны были ткани и конская сбруя. Ткани в основном были ипские, лунские. Нередко просили сукна, чтоб «телега покрывати». Цвета, как правило, запрашивались зеленый и синий. Были и курьезы. Так, Исмаил в 1551 г. просил два постава сукна «один бы постав добре был, а другой бы постав плохой». Часто запрашивались предметы парадного выезда («з золотом седло и узду», седло золочено с уздою). Среди «поминок» и «запросов» фигурировали ловчие птицы (кречеты, соколы, ястребы) и моржовый клык. Запрашивались музыкальные инструменты (трубы, накры) и шатры⁴⁹.

Ряд «запросов» диктовался, по-видимому, потребностями бийской канцелярии и ногайским духовенством. Именно бии запрашивали бумагу, краски и шафран⁵⁰. С одной стороны, подобные запросы могут служить косвенным свидетельством о возможности изготовления книг в Ногайской Орде⁵¹. С другой – находок памятников ногайской письменной культуры до сих пор нет, поэтому к подобному предположению стоит относиться весьма осторожно. Вполне вероятно, что запросы бумаги диктовались ее дефицитом и необходимостью восполнить его для ведения активной дипломатической переписки с сопредельными странами. Также стоит заметить, что книжная культура является неотъемлемой частью городской культуры⁵², поэтому наличие книгописания в кочевой Ногайской Орде сомнительно. С другой стороны, у нас имеются данные о книжной торговле между Крымским и Казанским ханствами⁵³, однако нельзя определенно сказать, были ли эти книги собственного производства или привозные. Запрашивались также чернила и печати⁵⁴.

⁴³ Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2012. Вып. 4. С. 193–194.

⁴⁴ Кривцов Д. Ю. Легенда о происхождении крымских «поминок» // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV – первой трети XVIII века. М., 2006. С. 68–70.

⁴⁵ Алпатов С. «Роспись дивным вещам Саббатая Цви» в русской рукописной традиции и фольклоре XVII–XIX вв. // Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2013. Вып. 44. С. 55–65.

⁴⁶ Почекаев Р. Ю. Указ. соч. С. 201.

⁴⁷ Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. С. 196.

⁴⁸ Моисеев М. В. Эволюция и содержание посольских даров ... С. 27–28.

⁴⁹ ПКСРНО, 1489–1549. С. 93, 95–97, 135–137, 156, 158, 165, 166, 185, 193–194, 202, 205, 209–210, 236–237, 239, 246, 248–250, 291, 296, 299, 308, 311–312, 327; ПКСРНО, 1551–1561. С. 45, 47, 49–50, 63, 67, 69, 81, 91, 97, 105, 129, 156, 182, 184, 216; ПК. С. 54–55.

⁵⁰ Трепавлов В. В. Ислам и духовенство в Ногайской Орде XV–XVI вв. // Этнографическое обозрение. 2002. № 4. С. 100–111; ПКСРНО, 1489–1549. С. 95, 156, 308; ПКСРНО, 1551–1561. С. 45, 49, 105, 160, 182, 208, 216.

⁵¹ Зайцев И. В. К истории книжной культуры в Джучидских государствах // Восточный архив. М., 2000. № 4. С. 80.

⁵² ПКСРНО, 1489–1549. С. 93–94; Акимускин О. Ф. Записки о персидской книге и ее создателях // Акимускин О. Ф. Средневековый Иран: культура, история, филология. СПб.: Наука, 2004. С. 92.

⁵³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 128.

⁵⁴ ПКСРНО, 1551–1561. С. 274.

Среди запросов фигурировали поталь, нашатырь, олово и ртуть. В Ногайской Орде велось строительство культовых сооружений. Так, в 1551 г. Исмаил просил железа немецкого для постройки кладбища (вероятно, мазара, кешене); в 1553 г. Белек-Пулад-мирза просил, наряду с традиционными шубами, еще и 1000 листов потали, уверяя, что строит мечеть. В конце 1555 г. Мухаммед-мирза б. Исмаил-бий сообщал, что строит кешене над умершим младшим братом и просил «много потали и олова»⁵⁵. Нашатырь мог использоваться для очистки металлических изделий. Олово, благодаря малой температуре плавления, могло использоваться и в кочевом быту для лужения и починки посуды. Ртуть служила основой для «горячего ртутного золочения» – покрытия металлических предметов позолотой; применялась она и в лекарственных целях. Поталь – оловянная или медная фольга, применялась для украшения изделий. Поталь и ртуть могли также перепродаваться в Бухару (с которой ногаи имели традиционные отношения и где существовало развитое ювелирное искусство)⁵⁶. Косвенным подтверждением последнего может служить сообщение Исмаила, что он послал на продажу в Казань «бархат золотной», который попадал в Орду в «поминках». Запрашивали ногайские аристократы и гвозди (Сайд-Ахмад в 1535 г. просил 300 000 гвоздей, Исмаил в 1555 г. – 500 000), киноварь, сусальное золото⁵⁷.

С середины XVI в. в запросах регулярно фигурируют деньги. Первоначально запрашиваемая сумма равнялась 100 золотым, затем с 1558 г. – 200, с 1560 г. сумма стала равняться 300 руб., в 1562 г. бий требовал присылать 400 руб. Перед смертью Исмаил, сравнивая себя со слугами Ивана Грозного, потребовал присылать к нему 500 руб.⁵⁸. Впрочем, степень удовлетворения денежных запросов нам не известна, но учитывая тенденцию на сокращение «поминок», можно предположить, что денежные дачи имели чрезвычайный характер.

Приведенные данные демонстрируют общую тенденцию на сокращение «поминок» и «запросов». Эта политика проводилась и московской и польско-литовской дипломатией. Стоимость «поминок» никогда не была фиксированной (и это еще один косвенный довод против трибутарной трактовки). Следовательно, по данным одного года или нескольких лет нельзя делать строгих выводов,

и, конечно, эти ограниченные данные нельзя экстраполировать на всю историю «поминочных» отношений. Очевидно, что с конца XV по XVI в. стоимость «поминок» снижалась. Однако после событий Смуты и разрушения оборонительной системы на южных рубежах русскому правительству пришлось вернуться к повышению стоимости «поминок»⁵⁹. Впрочем, к этому времени русская дипломатия уже сумела дифференцировать этот вид отношений, определив большую их часть как «жалование» и, по сути, исключив из «поминочных» отношений. Этот процесс имел несколько существенных следствий. Во-первых, жалование отсылалось только за службу и, соответственно, гарантированным быть не могло. Это позволило в итоге создать группу лояльной к России элиты не только в Крыму, но и вообще в постордынском мире и на Северном Кавказе. Во-вторых, сам по себе облик русского посольского обычая освобождался от ордынских наслоений, что подготавливало почву для его кардинального изменения в конце XVII – начале XVIII в.

Утверждение трибутарного характера «поминок», таким образом, совсем не очевидно. Конкретный материал посольских документов показывает, скорее, обратную ситуацию. Для объяснения феномена «поминок» в русско-татарских отношениях можно предложить следующую модель. В конце XV в., когда память об Орде еще «не остыла», а геополитические связи в регионе только начали устанавливаться и были не стабильны, «поминки» приобрели ряд этикетных черт, свойственных ордынскому культурному миру. В 1520-е гг. на фоне роста влияния Крымского ханства происходит ревизия понимания «поминок»: теперь для степняков они означают дань. В 1530-е гг. в эту систему включается и Ногайская Орда. Однако для реального утверждения такого понимания и возвращения даннических отношений ни у Крымского ханства, ни у Ногайской Орды сил не было. Поэтому русским дипломатам удалось «купировать» проблему, и трибутарное понимание так в реальность и не превратилось. В течение второй половины XVI в. сохранялась тенденция снижения стоимости «поминок» и внедрения жалованного принципа. Со стороны же элит Крымского ханства и Ногайской Орды отчетливо заметно стремление к сохранению двоякого трактования термина «поминки» и поддержанию своеобразного аукциона, наиболее известного в крымском варианте. В первой трети XVII в. Русское государство после Смуты не могло продолжить жесткой линии государей XVI столетия: заметно возвращение к практике отсылки богатых «поминок» в Крым. Однако в это время в обществе нарастают антикрымские настроения, в рамках которых

⁵⁵ Там же. С. 106, 128, 160, 162, 182–183, 208, 216; ПКСРНО, 1489–1549. С. 200; Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. С. 569.

⁵⁶ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. С. 203–204, 267, 530, 565; Юлдашев М. Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XV–XVII вв. Ташкент: Наука, 1964. С. 12–13, 15.

⁵⁷ ПКСРНО, 1489–1549. С. 156, 200; ПКСРНО, 1551–1561. С. 105, 216.

⁵⁸ ПКСРНО, 1551–1561. С. 274, 282, 325; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 5 об., 9 об., 10, 211 об.

⁵⁹ Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. С. 194.

«поминки» в Крым, обремененные ордынским этикетом, представляются ненужными, архаичными и, наконец, унижительными. Всё это приводит в конце концов к упразднению «поминок» в 1700 г.

Надо сказать, что сама по себе практика отправки посольских даров-«поминок» является и древней, и широко распространенной. Известно, что «поминочные отношения» не ограничивались контактами с восточными странами. Сохранились сообщения о «поминках» в отношениях Москвы со Псковом. Такие же данные имеются о контактах Великого княжества Литовского с Псковской республикой и Тверским княжеством⁶⁰. В отношениях с европейскими соседями «поминки» также фигурировали с достаточной регулярностью, служа, с одной стороны, делу репрезентации власти, с другой – исполняя роль своего рода рекламы продукции и самой страны⁶¹. Эта практика для западноевропейцев не была чем-то уж очень забытым: во время поездки герцога Бекингема и принца Чарльза в Испанию в 1623 г., испанцы и англичане активно обменивались подарками⁶². «Поминки» играли заметную роль и в отношениях Польши с Крымским ханством⁶³. Нам известны весьма экзотические поминки в отношениях России с Сефевидским Ираном. Такое широкое функционирование института «поминок» размывает представления об исключительности его в русско-татарских отношениях. Сама эта практика имела свой этикет, ритуал, нарушения которого могли вызвать международный скандал. Поэтому странным выглядит недоумение Р.Ю. Почекаева, написавшего: «думаем, что если бы речь шла о посольских дарах, ритуальном обмене подарками... вряд ли вообще этот спор принял бы такой острый характер»⁶⁴. Как раз наоборот, существовала практика цензурирования подарков, дабы пресечь возможные акты диффамации. Дары могли использоваться в символических действиях (иконических перформансах⁶⁵), именно поэтому посольские дары

всегда составляли отдельную часть в дипломатическом протоколе. В рамках же золотоордынской традиции они получали дополнительное развитие. Впервые посольские дары в золотоордынской дипломатии появляются в рамках отношений с Египтом. Подарки, отсылаемые в Сарай египетскими султанами, были богатыми. Так, например, уже послы Бейбарса везли Берке Коран, написанный по преданию Османом ибн Аффаном («в обложке из красного, шитого золотом, атласа», в кожаном футляре), налож из слоновой кости и черного дерева, венецианские материи, молитвенные подушки и ковры, подставки для подсвечников, разнообразное оружие, серебряные фонари и множество других роскошных парадных предметов. Ко всему прочему в состав даров входили котлы из змеевика, слуги, прислужницы-поварихи, «попугаи удивительные», дикие ослы, несколько скакунов, дрессированные обезьяны с «хатайскими накидками», нубийские верблюды (ибн абд-аз-Захыр специально подчеркивает, что это редкий вид животных), а также жираф. Животных сопровождали специально обученные люди. В 1281 г. к Ногаю и сыновьям Берке послы везли дорогие ткани, роскошные одежды, предметы вооружения и всяческие ценные редкости. Показательно, что автор «Прославления дней и веков по жизнеописанию Эмелика-Эльмансура» специально подчеркивал, что дары состояли «из всяких вещей, какие дарятся в подобных случаях» и в должном количестве. В 1286/87 г. новое мамлюкское посольство везло в составе посольских даров кроме вещей также клейменных лошадей «с седлами и уборами к ним». Сам состав даров должен был поражать воображение принимающей стороны роскошью и редкостью. Впрочем, это было традиционное требование к посольским подаркам в международных отношениях. Вместе с тем, уже в рамках египетско-ордынских отношений заметна еще одна характерная особенность ордынского церемониала, которая сохранялась и позднее. Если первоначально султан Бейбарс отсылал дары непосредственно только к хану Берке, то позднее дары адресовались членам правящей фамилии, Ногаю, влиятельным эмирам (Маву и Тайре), а также женам хана⁶⁶. Эта практика в других отношениях не имела ярко выраженного характера, тогда как для Золотой Орды и ее наследников она была обязательной.

Итак, когда мы говорим о «поминках» в контексте взаимоотношений России и постордынских стран, мы говорим о сложносоставном явлении. Однако в основе своей это именно посольские дары: анализ конкретных данных не подтверждает даннического характера этой практики. В предложен-

⁶⁰ Никонов С.А. «Дар» и «поминки» в политических взаимоотношениях Пскова и Москвы второй половины XV – начала XVI вв. // Вестник Удмуртского университета. Серия «История». 2006. № 7. С. 63–77; Lietuvos Metrika. Vilnius, 2004. Kn. 4: 1479–1491. S. 108–109, 165–166.

⁶¹ Загородняя И.А. История царской казны в зеркале внешней политики России XVII столетия // «Во утверждение дружбы...»: посольские дары русским царям: каталог выставки. М., 2005. С. 10, 46–48; Моисеев М.В. Слон Ивана Грозного // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Минск: РИВШ, 2010. Вып. 3. С. 209–220.

⁶² Дюшен М. Герцог Бекингем. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 133–135.

⁶³ Skorupa D. Op. cit. S. 60, 66–67, 73, 77, 78, 80, 81, 87, 88.

⁶⁴ Почекаев Р.Ю. Указ. соч. С. 202.

⁶⁵ Иконический перформанс – термин, определенный О.В. Чумичевой как «репрезентативный жест, предполагающий наличие аудитории, публичность». Подробнее см.: Чумичева О.В. Иконические перформансы Ивана Гроз-

ного: трансформация идеи царской власти // Пространственная икона. М., 2011. С. 508–509.

⁶⁶ Золотая Орда в источниках / сост., введ. ст. и коммент. Р.П. Храчевского. М., 2003. Т. I. С. 43, 47–48, 53, 56.

ной нами модели данническое содержание играет второстепенную роль и, скорее, связано с политическими претензиями, чем с реальностью. Горячие споры, которые ведутся вокруг «поминок», стимулируют дальнейшее углубленное изучение этого явления. Перспективным кажется изучение семантики вещей, которыми монархи одаривали друг друга. Для понимания «поминок» в русско-татарских отношениях важно изучить эволюцию отношения к ним среди властной элиты и интеллектуалов. Весьма интересной представляется задача понять, реально ли «поминки» считались, например, в Крымском ханстве «хараджем» и если да, то каким образом это коррелировало с посольским обычаем не только

Московского государства, но и других европейских стран. Есть у этой проблематики и музееведческое значение: выявить те предметы, которые попадали в нашу страну в составе посольских даров, что, собственно, давно и успешно реализуется в рамках работы Музеев Кремля.

Очевидно, что проблематика «поминок» значительно шире, чем это может показаться на первый взгляд. Изучение этого «странного» дипломатического института позволяет решить ряд вопросов на стыке истории и культурологии и реконструировать систему представлений друг о друге, репрезентации власти эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

M. V. Moiseev

Ambassadorial Gifts (Pominki) in the context of Russia's Relations with the Post Horde-Era States: Problems of Research

Key words: ambassadorial gifts, pominki, ambassadorial ceremonial, eastern policy, ambassador etiquette, protocol, Russia, Nogai Horde, Lithuania, the Crimean Khanate, "horde legacy", render; weapon, fur coats, hats.

Abstract: The article analyzes the current state of researching the issue of pominki (gifts of foreign governments) in the relations between the Russian state and

the Turkic-Tatar yourts. The evolution of ambassadorial gifts in the relations between Russia and the Nogai Horde in the 16th century is shown based on the analysis of the data from the ambassadorial books and the lists of the gifts – pominki. The thesis of gradual transformation of pominki into a kind of a salary for the service is proved. The prospective directions of studying of the given issue are defined.

Русский изразец XVII в. как исторический источник

В системе источников, на основе которых формируется историческое знание, за последние два столетия произошли существенные перемены. В их числе – включение в этот состав «нетекстовых» свидетельств, прежде всего объектов материальной культуры, приемы критики которых, с точки зрения исследовательской процедуры, существенно отличны от приемов, используемых в области письменной истории. Конечно, такие группы источников, как монеты, печати, наградные знаки, инсигнии, бытовые предметы, надгробия и другие артефакты, историки использовали и раньше, но в основном как иллюстрации и как носители надписей и символов, к которым далее применялись приемы текстологического анализа.

С развитием таких дисциплин, как археология, история материальной культуры, музееведение и близких им, в значительной мере опирающихся на немые свидетельства, широко привлекающих приемы точных и естественных наук, историческое исследование материального прошлого стало более системным и самостоятельным. Это произошло не спонтанно, а благодаря приложению целенаправленных усилий, потребовавшихся для того, чтобы выявить информационный потенциал, накопленный в конкретных областях культуры человечества и пригодный для исторических заключений. В каждом конкретном случае было необходимо разработать и показать в действии механизм формирования нового исторического знания на основе анализа избранной группы объектов. Причем в области сравнительно недавней истории, для которой существует достаточно широкий круг традиционных источников, требуется применение метода *параллельного* анализа неписанных и письменных материалов с последующим сравнением результатов. Такой комплексный (мультидисциплинарный) подход разрабо-

тан и применен в интересующей нас области Н. Н. Ворониным¹, В. Л. Яниным², позже Л. А. Беляевым³, С. З. Черновым⁴, Н. А. Кренке и многими другими⁵.

Он дал значительные результаты. Уже к середине XX в. объекты архитектуры были осознаны как богатые, многогранные исторические источники. Была заново написана на археологических материалах история строительства домонгольской Руси⁶. Крити-

¹ Воронин Н. Н. Архитектурный памятник как исторический источник: заметки к постановке вопроса // СА. 1954. Т. 19. С. 41–76.

² Янин В. Л. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского Средневековья // ИСССР. 1973. № 3. С. 67–78; Его же. Очерки комплексного источниковедения. М.: Высш. шк., 1977. 240 с.

³ Беляев Л. А. Развитие археологической мысли и археологические памятники Москвы // Москва. Наука и культура в зеркале веков. М.: АСТ, 2013. С. 29–71; Его же. Древние монастыри Москвы (конец XIII – XV вв.) по данным археологии. М.: Ин-т археологии РАН, 1994. – То же. 2-е стереотип. изд.: 1995. 458 с. – То же. 3-е изд., электронное, расширенное: М.: Ин-т археологии РАН, 2010; Его же. Археология и большой нарратив русской истории: от основания Москвы к Петровским преобразованиям // Историко-культурное наследие и духовные ценности России: программа фундаментальных исследований Президиума РАН. М., 2012. С. 179–191.

⁴ Чернов С. З. Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта по материалам древнего Радонежского княжества. М., 1987. 161 с.

⁵ См. предисловие к трехтомнику: Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты / под ред. Л. А. Беляева, Н. А. Макарова, С. З. Чернова, Н. А. Кренке. М.: Наука, 2004. Т. 1. С. 9–14.

⁶ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961–1962. Т. 1. 584 с.; Т. 2. 559 с.; Раппопорт П. А. Архитектура Древней Руси и археология // КСИА. М., 1982. Вып. 172. С. 3–9; Его же. Русская архитектура X–XIII вв.: каталог памятников. Л.: Наука, 1982. 136 с.; История русского искусства: в 22 т. М.: Сев. паломник, 2007. Т. 1: Искусство Киевской Руси, IX – первая

*Рис. 1. Изразцы рельефные полихромные. Вторая половина XVII века.
Собрание МГОМЗ*

ческая комплексная переоценка оказалась полезной для таких сложных, многоуровневых объектов, как городские некрополи, и для отдельных групп артефактов, например безымянных надгробий Московской Руси⁷. Наконец, настала и очередь изразца.

четверть XII в. 664 с.

⁷ Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие: белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996. 568 с.; Русское средневековое надгробие: XIII–XVII вв.: материалы к своду / под ред. Л. А. Беляева. М., 2006. Вып. 1. 359 с.; Шокарев С. Ю. Московский некрополь XV – начала XX в. как социокультурное явление: (историко-культурный аспект): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Рос. гос. гуманитарный ун-т. М., 2000. 25 с.

Изразец издавна, с XIX в., пытались привлечь к рассмотрению истории России⁸. Особый интерес к нему понятен – это один из самых ярких и многочисленных объектов материальной культуры, оставленных нам русским XVI и особенно XVII в. Он широко распространился в географическом пространстве, а к концу XVII в. вырос из явления московского в общероссийское, став своеобразным маркером русской культуры от Пскова до Амура. К тому же, он заметен на зданиях издали и постоянно

⁸ Сахаров И. П. Ценинные произведения // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского археологического общества. СПб., 1851. Т. 1. С. 66–79.

но попадает в культурном слое. Но внешняя привлекательность и кажущаяся доступность материала привели к недооценке информации, латентно заключенной в нем для изучения городской (но не только городской) культуры и быта России.

Сформированные ранее подходы сложились в практике изучения и потому оправданы. Но авторы невольно выделяли одно из качеств многогранного источника, а остальные не учитывали. Еще в середине XIX в. определились два подхода: архивный и архитектурно-реставрационный⁹. Их синтез в конце столетия позволил попытаться осветить собственную историю изразца, включая элементы нового искусствоведческого подхода, который вскоре стал самостоятельным, а затем и преобладающим¹⁰.

XX в. дал возможность перейти на иной уровень. Его обеспечили три новых явления: формирование коллекций изразцов в музейных фондах (с конца XIX в.)¹¹; изучение технологий производства керамики¹²; привлечение к процессу исследований полевой археологии¹³. Музейный подход обеспечил

⁹ Забелин И. Е. Историческое обозрение финифтяного и ценнинного дела в России // Записки Императорского археологического общества. СПб., 1853. Т. 6. С. 238–338; Рихтер Ф. Ф. Памятники древнего русского зодчества, снятые с натуры и представленные в планах, фасадах, разрезах, с замечательнейшими деталями украшений каменной высеки и живописи ... / сост. и изд. ... под руководством Ф. Рихтера. М., 1850. Изд. выходило отд. тетрадями с датами ценз. разрешения: 1851–1856 [Вып. 1–6]. По одному вып. в год.

¹⁰ Султанов Н. В. Изразцы в древнерусском искусстве // Материалы по истории русских одежд. СПб.: Изд. А. В. Прохорова, 1885. С. 1–64. В дальнейшем это направление пополнилось широко известными работами. См.: Воронов Н. В., Сахарова И. Г. О датировке и распространении некоторых видов московских изразцов // МИА. М., 1955. № 44. С. 77–115; Ильин М. А. Декоративное убранство XVII века: Изразцы // История русского искусства. М., 1959. Т. 4. С. 279–288 (гл. 7); Воронов Н. В. Изразцы // Русское декоративное искусство. М., 1962. Т. 1. С. 265–289; Его же. Русские изразцы XVIII в. // Памятники культуры: исследование и реставрация. М., 1960. Вып. 2. С. 191–207; Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М., 1976. 31, [15] с.: ил., 81 л. ил. – То же. 2-е изд.: М., 1983. 28, [20] с.: ил., 110 л. ил.

¹¹ Наиболее значительные коллекции московских изразцов хранятся в ГИМ, МГОМЗ и Музее истории Москвы.

¹² Важнейшее событие в развитии направления – сложение школы технологического изучения керамики, самой известной структурой которой была Лаборатория керамики Академии архитектуры во главе с крупнейшим исследователем керамической технологии в строительстве Алексеем Васильевичем Филипповым. См.: Филиппов А. В. Древнерусские изразцы XV–XVII вв. Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1938. Вып. 1: XV–XVII века. Папка, 92 с. текста: ил., 28 л. ил.; и др.; полный список: Исаев П. Н. Керамисты Строгановской школы: художники-керамисты Императорского Строгановского центрального художественно-промышленного училища, 1825–1918: биогр. словарь. М.: МГХПУ им. Строганова С. Г., 2009. С. 55–57.

¹³ Количество исследуемых предметов резко возросло, расширились хронологические рамки, удалось точнее

изучение отдельно взятого изразца и сформировал критерии подлинности; технологический – связал изразец с исследованиями керамического производства; археологический – позволил рассмотреть изразец в контексте общего развития производства и быта, хронологии и топографии города.

С 1970-х гг. начался очередной этап изучения. Для него характерно упрочение представлений о значимости изразца как объекта истории, нарастание усилий по освоению и публикации этой части наследия¹⁴. Стала заметна потребность в новом подходе, в синтезе быстро растущих материалов. Наше обращение к проблеме, связанное с изучением коллекции московских изразцов в собрании Московского государственного объединенного музея-заповедника, показало необходимость монографического изучения изразца именно как явления городской культуры Москвы и всей России, включая ряд вспомогательных исторических дисциплин (геральдика, эмблематика, просопография), археологических контекстов и музейных коллекций, архивных документов и памятников строительного дела. Этот многогранный источник способен, при комплексном междисциплинарном подходе, обеспечить углубление наших представлений о процессах как на уровне региональной, местной, «короткой» истории, так и в более широком пространстве и хронологическом интервале, близком понятию «длительного времени». Этот подход принципиально аналогичен направлениям западной исторической антропологии с ее «историей повседневного» и ми-

определить этапы и датировки, включить во временные контексты. Археологи активно изучали изразец как изделие и вводили в научный оборот. См.: Рабинович М. Г. Гончарная слобода в Москве XVI–XVIII вв.: (по археологическим данным) // МИА. М.; Л., 1947. № 7. С. 55–76; Его же. Московская керамика // Там же. М.; Л., 1949. № 12. С. 57–105; Его же. Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // Там же. С. 5–43; Монгайт А. Л. Московские изразцы // Сообщения Института теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР. М., 1948. Вып. 9. С. 67–79; Беляев Л. А. Московские печные изразцы до начала XVIII века: (опыт археологической систематизации) // Коломенское: материалы и исследования. М., 1993. Вып. 5, ч. 1. С. 8–22.

¹⁴ Археологическое направление успешно развивалось с 1960–1980-х гг. Оно продолжает лидировать благодаря быстро растущему объему вводимой в научный оборот достоверной информации, устойчивой традиции ее обработки и публикации в специальных сборниках и сводах, стремлению прояснять технологические вопросы, хронологию. На материале археологии построен обзор керамического производства в Москве до начала XVIII в., охвативший и производство строительных материалов, в том числе ранних изразцов. См.: Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М., Наука, 1968. 124 с.; Его же. Красные московские изразцы // Памятники культуры: исследование и реставрация. М., 1961. Сб. 3. С. 228–241; Его же. Изразцовый фриз церкви Троицы в Костроме // СА. 1962. № 3. С. 252–259; Рабинович М. Г. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля. М., 1971. Т. 4. С. 9–116.

Рис. 2. Изразцовый декор Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря. 1658–1660-е гг. Фото М. П. Фединой. 2016 г.

кроисторией (Ж. ЛеГофф¹⁵ и др.), в последние десятилетия занявших прочное место в отечественной истории (А. Я. Гуревич¹⁶, М. М. Кром¹⁷ и др.).

Для раскрытия проблемы понадобилось решить ряд задач: полностью охватить комплексы изразцов на древних зданиях и в музейных собраниях (включая предметы и документированные серии, полученные при разборке зданий и раскопках); исследовать каждый из объектов на уровне музейной атрибуции и экспертизы (технологической, эпиграфической, сюжетной и др.); рассмотреть вещи в контексте строений, к которым они принадлежали; изучить комплексы вместе с их окружением, с теми частями социального организма, который обеспе-

чил их возникновение (вплоть до самой дальней и, пожалуй, самой интересной историкой области – реальных исторических персонажей, которые вступали в отношения по поводу заказа, производства, покупки, сборки, установки изготовленных артефактов). Можно попытаться выявить социальную психологию и психологию потребления, увидеть причины вкусовых предпочтений и ту общественную нишу на «рынке материальной культуры», которую заполнил на протяжении XVII в. изразец. Это отчасти поможет разобраться и с природой западных инноваций (отнюдь не только технологических), и с их судьбой на русской почве.

Новый подход дал свои результаты. Он стал определяющим в изучении русского изразца Москвы¹⁸ и

¹⁵ Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: время, труд и культура Запада / пер. с фр. С. В. Чистякова и Н. В. Шевченко; под ред. В. А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 328 с.; Его же. Средневековый мир воображаемого. М.: Прогресс, 2001. 440 с.

¹⁶ Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981. 359 с.; Его же. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 395 с.

¹⁷ Кром М. М. Историческая антропология. СПб.: Квадрига, 2010. 216 с.

¹⁸ Баранова С. И. Изразцовый декор памятников архитектуры Москвы XVII в.: автореф. дис. ... канд. искусствовед.: 17.00.04 / МГХПУ им С. Г. Строганова, 2006. 34 с.; Ее же. Москва изразцовая. М.: Моск. учебники, 2007. 400 с.; Ее же. Русский изразец: записки музейного хранителя. М., 2011. 432 с.: ил.; Ее же. Изразцовая летопись Москвы. М.: Рус. импульс, 2012. 231 с.: ил., цв. ил., портр.; Ее же. Московский архитектурный изразец XVII в.: каталог. М.: МГОМЗ, 2013. 136 с.

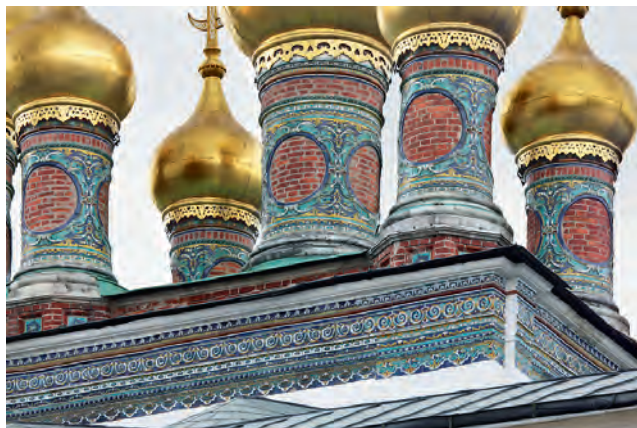

Рис. 3. Изразцовый декор церквей Теремного дворца в Москве. 1679 – начало 1680-х гг.
Фото М. П. Феединой. 2011 г.

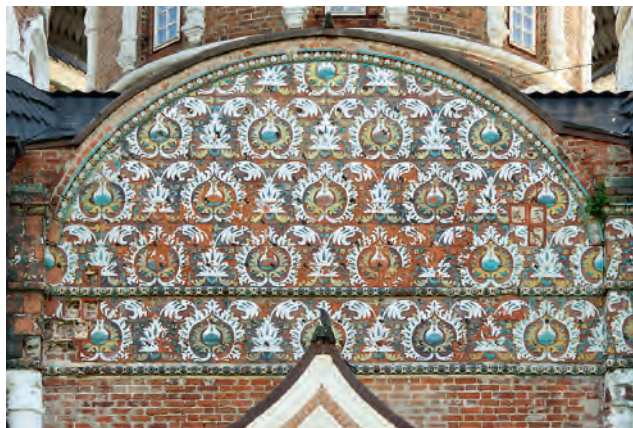

Рис. 4. Изразцовый декор Покровского собора в Измайлове в Москве. 1674–1675 гг.
Фото М. П. Феединой. 2011 г.

Нового Иерусалима¹⁹ – двух главных звеньев, через которые изразец нашел дорогу «в города», куда он поставлялся (или куда перемещались мастера) и где путем копирования и переработки складывались локальные варианты общемосковского направления. Причина этого – в организационных и финансовых возможностях столицы страны, в доступе к европейским технологиям и вкусам, в формировании «моды» через хорошо известный механизм подражания престижным элементам в оформлении государственного и церковного быта. Оказалось, что география распространения изразца совпадает с картой Русского государства XVII в. Изразцы были широко востребованы провинцией, но продолжали оставаться явлением культуры Москвы.

Результаты критического анализа изразца как исторического источника могут быть показаны и на всей общности изразцов, и на ее функциональных группах. Все русские изразцы позднего Средневековья условно делятся на две функциональные группы: первая традиционно именуется архитектурной (фасадной), вторая – печной. Печные изразцы достаточно часто встречаются в фасадном убранстве, обратное же крайне редко (но есть промежуточная группа универсальных изделий, одинаково популярных и в печном, и в фасадном варианте). Сравнительно дешевые, менее престижные и, соответственно, более распространенные керамические элементы, чаще всего использовавшиеся в интерьере для облицовки печей, не уникальные и даже не редки. Но и определение «массовые» к ним не совсем подходит. Правильнее назвать их серийными или тиражными. Несомненно, это рыночная про-

дукция: набор для печи обычно просто покупали у мастера-изразечника.

В XVII в. конкретные формы бытования обеих групп связаны с яркими историческими событиями, такими, как полонизация московской культуры и деятельность патриарха Никона, которые сложились для московского изразца чрезвычайно удачно: облицовка печей широко распространилась, и арсенал изразцового декора существенно обновился.

Изучение изразцовых декоров, в том числе и несохранившихся зданий, важно с точки зрения источниковедения: часто это датированные объекты, которые становятся эталонными комплексами для атрибуции «безымянных» изразцов. Архитектурные изразцы неразрывно связаны с фасадами зданий и по информативной нагрузке сравнимы с каноническими священными изображениями (иконами), церковно-учительными текстами, храмовыми надписями и орнаментальными схемами. Это сложные, часто уникальные или мало тиражируемые объекты, отвечающие высокому статусу здания. Их можно смело отнести к элитным, престижным изделиям, производившимся по княжескому или царскому (государственному) заказу, в редких случаях – по заказу высшего круга московского общества и верхишки посада.

Изучение изразцовых декоров XVII в. позволило решить ряд источниковедческих задач, например: определить степень подлинности облицовки зданий; уточнить даты; выделить хронологические группы; восстановить общую картину производства и социальную структуру заказа; выявить роль заказчика и исполнителя работ, определить степень влияния заказчика и его предпочтений; отнести ряд объектов к определенной группе мастеров и связанных с ними заказчиков.

¹⁹ См. в настоящем сборнике статьи Л.А.Беляева, О.Н.Глазуновой и других сотрудников Ново-Иерусалимской экспедиции Института археологии РАН.

Рис. 5. Изразцовая печь из Михайловской церкви в Немецкой слободе в Москве. 1680-е гг. Собрание МГОМЗ

Рис. 6. Изразец печной рельефный полихромный. Конец 1660-х – 1680-е гг. Найден в 1999 г. во время археологических раскопок ЦАИ ГУОП г. Москвы на Кормовом дворе в Коломенском. Собрание МГОМЗ

Так, были выработаны методы проверки аутентичности и, в случаях с копиями, их точности. Обращаясь к изучению памятников, на которых изразцы сохранились, их традиционно соотносят с датой постройки. Но само понятие «сохранность» применительно к изразцам условно: зачастую на зданиях давно стоят не первоначальные изразцы, а их реставрационные копии, выполненные более или менее тщательно. И круг этих памятников гораздо шире, чем принято считать²⁰.

Сомнение в подлинности тех или иных изразцов индуцировало вопрос о возможности оперировать некоторыми (довольно скудными) документами XIX и XX вв. Пришлось специально исследовать и эту проблему, то есть определить круг памятников, на которых мы видим копии, а не изначально поставленные, оригинальные изделия. Оказалось, что в большинстве случаев изменения, вносимые при ремонтах XVIII–XIX вв., не меняли места изразца в структуре декора и не вносили кардинальных изменений в убранство здания, хотя по качеству изразцы-копии могут существенно отличаться от оригиналов.

Таким образом, часть копий можно всё же оставить в кругу источников, поскольку они важны для изучения своих прототипов, а также для истории реставрации, архитектуры, искусства. Это налагает известные ограничения при анализе, но не умаляет его возможностей: копии можно использовать как источник по иконографии и композиции, месту изразца в структуре декора, отчасти – в общем цветовом решении.

²⁰ Баранова С. И. К вопросу о подлинности изразцового декора памятников архитектуры Москвы XVII в. // Архитектурное наследие. М., 2007. Вып. 48. С. 106–117; Её же. К истории реставрации изразцового декора Москвы XVII в. // Кадашевские чтения. М., 2008. Вып. 3. С. 162–167; Её же. К вопросу о копиях в изразцовом декоре памятников архитектуры Москвы XVII в. // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПУ. М., 2010. № 1. С. 48–56.

Рис. 7. Изразцовое панно «Птица с плодами» из колокольни церкви Космы и Дамиана в Садовниках в Москве. 1680-е гг. Собрание МГОМЗ

Очевидно значение подлинных изразцов из музейных собраний, в том числе – археологических коллекций. Присущие им характеристики (цвет и оттенки поливы, характер рельефа, конструкция румпы, рисунок отверстия в ней, следы строительных составов и сажи) позволяют выработать критерии подлинности изразцов XVII в. Комплексное изучение изразцов, найденных при раскопках Коломенского дворца (1667–1768 гг.), позволило реконструировать одиннадцать печей и проанализировать это своеобразное зеркало художественного вкуса своего времени²¹.

²¹ Раскопки в Коломенском велись с 1920-х гг. Изразцы составили самую многочисленную (около 1200 предметов) из существующих в России коллекций изразцов с единого дворцового комплекса (дворцы царя Алексея Михайловича на Лосином острове, палаты царицы Натальи Кирилловны в Кремле, царского путевого дворца в Слотине и др.). См.: Беляев Л. А., Кренке Н. А. Археологические исследования дворца царя Алексея Михайловича в Коломенском // Коломенское: материалы и исследования. М., 1993. Вып. 4. С. 72–113; Баранова С. И. К вопросу о реконструкции печей Коломенского дворца // Там же. М., 2007. Вып. 10. С. 118–134; Её же. Изразцы из Коломенского дворца: география трансформации художественных импульсов // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: материалы Междунар. XXIII науч. конф. М., 2011. С. 158–161; Её же. «А пожаловал их государь для подносу образцовых кафель»: изразцы из Коломенского дворца царя Алексея Михайловича // Родина. 2011.

Рис. 8. Изразцовое панно «Двуглавый орел». Найдено в церкви Воскресения Христова в Пленицах (Андреевский монастырь, Москва). 1690-е гг. Собрание МГОМЗ

Рис. 9. Изразец из керамической надписи колокольни церкви во имя св. Адриана и Наталии на 1-й Мещанской ул. в Москве. 1688 г. Собрание МГОМЗ

Развитие изразца отразило метод трансформации европейских художественных импульсов путем отбора предметов потребления и частичной переработки мотивов русскими мастерами. Это позволило сформировать устойчивые виды орнамента, воспринимающиеся как специфически русские. При этом от многих популярных в Европе вариантов отказались: среди московских печных изразцов не встречаются распространенные в Европе изразцы с иконами, ренессансные портретные и гербовые изразцы – в принципе, на Руси известные²². Любимые на Западе изразцы с воинскими сценами, фантастическими животными (грифонами, единорогами и т. д.), встречающиеся на русских изразцах до середины XVII в., затем теряют популярность – видимо, они казались устаревшими. В пластике русских изразцов, за редким исключением, не прижился и высокий европейский рельеф, вероятно, в

силу непривычности к воспроизведению сложного скульптурного объема.

Заказчики и мастера остановились на орнаментальных мотивах, усиливавших живописное, декоративное начало. Главной задачей было создание красочного, «богатого» изразца, в поле которого свободно сочетали вновь освоенные западные и почерпнутые из местной традиции элементы. Это одно из многих подтверждений того, что русские горожане были ориентированы именно на культуру Западной Европы Нового времени.

По изразцам Коломенского дворца можно судить о ситуации на рынке производства изразцов в годы строительства. Наборы изразцов для печей принадлежат к широко распространенной разновидности, имеющей много аналогов и в столице, и за ее пределами. Печь, подобную дворцовой, если хватало средств, мог заказать всякий горожанин – судя по археологическим находкам и документам, в Москве это делали многие. Таким образом, не отрицая статусного характера изразцов, можно считать, что право на их использование не было сословной привилегией. Доступ к заказу парадной печи (и даже изразцовой облицовки для храма) не ограничивался царским и митрополичьим двором. Им открыто и свободно пользовались горожане, жившие на посаде – ремесленники, торговцы, военные.

№ 3. С. 105–108; Ее же. Изразцы из Коломенского дворца: трансформации художественных импульсов // Коломенское: материалы и исследования. М., 2011. Вып. 13. С. 197–216; Ее же. Дворец в Коломенском // Белорусы Москвы. XVII век. Минск, 2013. С. 292–307.

²² Беляев Л. А. Керамические иконы Христа в Ново-Иерусалимском монастыре: предварительная публикация находок 2014 года // В созвездии Льва: сб. ст. по древнерус. искусству в честь Льва Исааковича Лифшица. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2014. С. 48–61.

Рис. 10. Изразцовое панно «Евангелист Лука» из декора церкви собора Святого Духа Семи Вселенских Соборов в Даниловом монастыре в Москве. Конец XVII в. Собрание МГОМЗ

Рис. 11. Изразцовый декор церкви Иоанна Предтечи в Солотчинском монастыре под Рязанью. 1695–1698 гг.

Пространство Москвы XVII в. с ее изразцовыми декорациями демонстрирует многочисленные примеры прямого воздействия носителей западноевропейской технологической и культурной традиции, оказавшихся в Московии в результате военных кампаний против Речи Посполитой в середине XVII в. Уже во второй половине столетия наблюдается усвоение и дальнейшее применение на местной основе передовых, дорогостоящих и сложных технологий (цветной эмали, крупных форм, высокого рельефа), а также визуально читаемых особенностей сюжета, классических в основе европейских орнаментов, сложных композиций²³. По сути, это изменило образ города.

Интерес заказчика к новым декоративным возможностям, которые принесли с собой ценные изразцы, проявился в их широком использовании в постройках Москвы, несших ясное политическое и градостроительное послание²⁴. В первую очередь это заказы Романовых. Здания с изразцовым убранством вошли в обширную московскую строительную программу царя Алексея Михайловича.

²³ Баранова С. И. Изразцовый декор Москвы XVII века: проблемы иконографического анализа // Искусство христианского мира. М., 2007. Вып. 10. С. 490–504.

²⁴ Баранова С. И. Типология заказа в древнерусском производстве фасадных изразцов в Москве // Там же. М., 2009. Вып. 11. С. 504–519; Её же. К вопросу о заказчиках и зодчих изразцового декора московских построек в конце XVII века // Вестник РГГУ. Сер. «Культурология». Искусствоведение. Музеология. М., 2010. № 15 (58)/10. С. 261–269.

Рис. 12. Изразцовый декор Успенского собора Иосифо-Волоцкого монастыря. 1680-е гг.

ча (Покровский собор в Измайлове), царя Федора Алексеевича (церкви Теремного дворца) и Петра I (Сухарева башня, Монетный двор, Главная аптека). Первые же памятники с изразцовым декором вызвали волну подражаний в ближайшем окружении царей: новый стиль подхватывают боярин Артамон Матвеев, князь Василий Голицын, князь Черкасский и др.

Новшества, появившись в эталонной дворцовой архитектуре, усваивали зодчие посада – причем по всей стране. Церкви московского Заяузья (Архидиакона Стефана в Заяузье, Успения в Гончарах), где находилась Гончарная слобода, украсили мощные, торжественные майоликовые панно с изображением евангелистов, крупные изразцы с крылатыми херувимами и вифлеемскими звездами. Прихожанами и вкладчиками были, видимо, сами мастера-целнинники, для которых пожертвование изразцов на церковь было формой обозначения своего статуса, особым видом ктитинства и проявления цехового патриотизма²⁵.

Расширяя далее границы исследования, проследим «путь изразца» и отметим сходство изделий из разных мест как в границах города, так и в весьма отдаленных районах. Обычно единственные сви-

²⁵ Баранова С. И. Изразцовый декор церкви архидиакона Стефана в Заяузье // Архитектурное наследство. М., 2011. Вып. 54. С. 102–121; Ее же. О заказчиках изразцового декора церквей в Заяузье XVII в. // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки». Региональная история. Краеведение. М., 2012. Вып. 6 (86). С. 145–166.

детели миграции московских мастеров – сами изразцы, именно они отражают их движение, крайне редко подтвержденное документально²⁶. При отсутствии документальных свидетельств происхождения вещей один из важных способов выявления генезиса технологий, орнаментов и архитектурного использования местных изразцовых групп – сравнительный анализ и поиск аналогов в Москве²⁷. На сопоставлении с московскими прототипами основана гипотеза московского происхождения изразцов Иосифо-Волоцкого, Солотчинского и Вяжищского монастырей, городов Углича, Устюга, Сольвычегодска, Соликамска и особенно Ярославля²⁸.

Наиболее часто за наблюдаемым воздействием стоит поставка готовой продукции – такие изразцы выдают узнаваемые столичные особенности. Другой способ распространения изразцов – перенос

²⁶ Например, о закупке в Москве изразцов с изображением херувимов в Солотчинский монастырь под Рязанью: «...И такие херувимы и серафимы насилу нашел в Ганчарной слободе только у одного человека – дворцовых ценных дел у мастера у Степана Иванова сына Полубеса» (РГАДА. Ф. 1202. Оп. 1. Ед. хр. 243).

²⁷ Баранова С. И. Миграция московских изразцов // Коломенское: материалы и исследования. М., 2007. Вып. 9. С. 64–78; Ее же. Московский изразец XVII века в пространстве России // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. 1 (57). С. 100–106.

²⁸ Баранова С. И. К вопросу о московских аналогиях в изразцовом декоре ярославских церквей // Материалы научных чтений памяти И. П. Болотцевой в Ярославском художественном музее. Ярославль, 2001. С. 99–109.

деревянных форм (матриц) для «ценного дела» в местные мастерские (деревянную матрицу легче довести до места производства, чем воз готовых изразцов). Наконец, распространение типов изразца происходило при выездах казенных мастеров из Москвы для организации изразцового производства на месте строительства, для обучения местных мастеров, а чаще всего – для изготовления большой партии изделий. Московские мастера явно брали с собой изразцовые формы.

Полюбившиеся мотивы и варианты рисунка, разработанные в Москве, воспринимались охотно и встречаются повсеместно. Но рассмотрение самих изразцов показывает почти в каждом городе собственные, отличные (иногда незначительно) от московских версии композиций. Региональные версии изразцового декора получали порой значительное развитие (например, в Балахне), что ставит вопрос о механизмах создания этих версий. Как они формировались, как рождались региональные школы с оригинальными, присущими только местному производству особенностями? Главный источник в изучении и этого вопроса – сам изразец²⁹.

²⁹ В связи с этим отмечу растущий интерес к публикации местных изразцов. См., напр., диссертации: Около-вич М.Г. Искусство полихромного рельефного изразца Великого Новгорода и его окрестностей XVII–XVIII вв.: дис. ... канд. искусствовед.: 17.00.04 / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И.Герцена. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И.Герцена, 2011. 176 с.; Лисенкова Ю.Ю. Изразцовое убранство храмов Великого Устюга XVII – первой половины XVIII веков: этапы развития и художественные особенности: дис. ... канд. искусствовед.: 17.00.04 / МГХПУ им.С.Г.Строганова. М., 2012. 214 с.; Зубарева М.М. Изразцы Казани конца XVI – XIX веков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Казанский

Итак, выбранный подход к изразцу как историческому источнику стал рабочим инструментом, позволившим увидеть в изразце подлинный документ своего времени, дающий возможность проникать в суть явлений городской жизни. Выявив полный круг московских памятников с изразцовым декором, мы пришли к анализу приемов использования изразца в структуре объектов и определению элементов его своеобразия, к систематизации и анализу основных сюжетных мотивов с раскрытием содержательной тематики отдельных изразцов и их комбинаций, к изучению организации и истории изразцового производства в Москве, к определению периодов становления и развития московского круга мастеров и мастерских/школ, к выявлению круга заказчиков – государей, боярства, горожан.

Изразец – самостоятельное явление городской жизни в ряду историко-культурных контекстов, традиционных в историографии (производственный, стилевой) или новых (изразец как элемент массовой коммуникации, носитель визуальной и текстовой информации; как статусный и престижный объект; как источник изучения социальной жизни Москвы; как стимулятор инноваций – и это далеко не всё). В итоге изразец оказался вполне самостоятельным историческим источником, подлинным документом своего времени, окном в суть явлений городской жизни, занявшим, наконец, свое место внутри большой общности других источников, принадлежащих к области материальной культуры.

(Приволжский) федеральный ун-т. Казань, 2013. 410 с.; альбом: Пронин Г.Н., Соболев В.Е. Смоленские изразцы XVI–XIX веков. Смоленск: Свиток, 2013. 240 с.

S. I. Baranova

The 17th Century Russian Ceramic Tiles as a Historical Source

Key words: a ceramic tile; Muscovy; complex source studies; original; fake; restoration; customer and master; material culture; innovation.

Abstract: The article considers special methods of using material culture objects as sources for the Muscovy urban culture history. Glazed ceramic tiles, a type of technologically complicated and expensive artifacts, are used as samples for analysis. In less than a century they

widely spread in the Russian urban realm and became one of the important means of comfort assimilation, European artistic style, a means of spreading information and mental communication. At the same time, an architectural and stove tile proves to be a specific bridge from medieval Muscovite culture into Europeanized realm of the Russian Empire. For historians of culture and artists the Muscovite tile turns out to be one of the important markers of its "folklore character".

Политическое пространство царских резиденций второй половины XVII в.: материальное измерение*

Пространственный поворот в современных гуманитарных науках открыл новые возможности для изучения физического, социального и культурного пространства¹. Политическое пространство – частный случай социального пространства, образуемого социальными отношениями и характеризующегося использованием политического капитала, преобладанием вертикальных связей над горизонтальными и, соответственно, иерархической структурой общества². Как городские, так и загородные резиденции XVII в. – удобный объект для изучения политического пространства, так как в них представлены все социальные слои, существовавшие в России того времени, – от царского семейства до крестьянских холопов.

Первая попытка структурировать политическое пространство царских загородных резиденций была осуществлена при изучении доступа в разные зоны резиденций³: в окрестностях резиденций могли находиться все, включая мусульман; на территорию дворцового или государева села⁴

имели доступ только христиане, в том числе католики и протестанты; на государев двор пешими и без оружия входили члены государева двора, посольств христианских государств, придворные слуги, тяглецы дворцовых слобод, дворцовые крестьяне и челобитчики; в «публичное» пространство дворца (сени, передняя и первая комната, столовая палата) допускались те же самые лица, что и на государев двор, но при определенных условиях⁵; внутренние помещения дворца, как и государев шатер, были доступны только для чрезвычайно ограниченного круга «ближних людей», руководителей дворцовых ведомств и придворных слуг.

Система доступа на территорию царских загородных резиденций, с одной стороны, служила обеспечению безопасности царского семейства, а с другой – отражала представления об идеальной социальной и политической организации общества, в котором каждая социальная группа занимала определенное место и выполняла определенные функции. В структурировании этого пространства важное значение играли дихотомии: христианское/нехристианское; «публичное»/«непубличное».

Для определения материального измерения политического пространства царских загородных резиденций необходимо сопоставить выявленную систему доступа с размещением хозяйственных, жилых и религиозных объектов и характером их использования.

Хозяйственные объекты размещались в окрестностях резиденций, селе и на периферии государева двора, где находились помещения Приказа Боль-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-Л03-50107.

¹ Thinking Space / ed. M. Crang, N. Thrift. London: Routledge, 2000. 300 p.; Soziale Räume und kulturelle Praktiken: Über den strategischen Gebrauch von Medien / hrsg. von G. Mein, M. Rieger-Ladich. Bielefeld: Transcript, 2004. 322 S.; Spatial Turn: Das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften / hrsg. von J. Döring, T. Thielmann. Bielefeld: Transcript, 2008. 460 S.

² Бурдые П. Социология политики: пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.; Political Space in Pre-industrial Europe / ed. B. Kümin. Aldershot: Ashgate, 2009. 296 p.

³ Топычканов А. В. «Государев двор» дворцовой усадьбы во второй половине XVII в. и его посетители // Коломенское: материалы и исследования. М.: МГОМЗ, 2008. Вып. 11. С. 16–21.

⁴ Дворцовое село находилось в ведении Приказа Большого двора, государево село – в ведении Приказа тайных дел.

⁵ О посещении дворца крестьянами см.: Топычканов А. В. Царская семья и дворцовые крестьяне: опыт личного общения во второй половине XVII в.: (тезисы доклада) [Электронный ресурс]: URL: <http://www.mkonf.iriran.ru/papers.php?id=53> (дата обращения: 04.03.2016).

Размещение хозяйственных, жилых и религиозных объектов на территории резиденции

Зоны резиденций	Хозяйственные объекты	Жилые объекты	Религиозные объекты
Окрестности	Царские «заводы» (заводы, амбары, сады, огороды, мельницы, рыбные ловли, пасеки, государева пашня и покосы), крестьянская пашня и покосы	—	—
Дворцовое/государево село	Крестьянское хозяйство (дворы)	Изба	Сельский храм
Государев двор	Дворцовое хозяйство	—	Домовый храм
Дворец	—	Дворец	Крестовая палата

шого дворца, Сытного, Кормового и Хлебного дворцов⁶. Причем хозяйственные постройки государева двора нередко отделялись от жилой части. Так, в Измайлове хозяйственная половина двора была отделена от дворцовой территории стеной⁷. В Коломенском Сытный двор находился в юго-восточном углу государева двора, а Кормовой и Хлебной дворы – в юго-западном углу, и каждый из них имел отдельный въезд. Таким образом, активная хозяйственная деятельность, задействовавшая обширный круг предметов материальной культуры, велась за пределами основной территории государева двора. Перечень возможных «хозяйственных» работ во дворце незначителен: ремонтные работы, печное отопление, работа царицыных мастерских⁸, приготовление пищи для кушанья в «комнате»⁹.

В резиденциях следует выделять две жилые зоны – сельское крестьянское поселение и царский дворец, которые отличались друг от друга тем, что крестьяне вели оседлый образ жизни, а царская семья лишь на время приезжала в свою резиденцию. Сходство царского загородного времяпрепровождения с кочевым образом жизни особенно заметно в

XVII столетии, на протяжении которого царская семья часто останавливалась в шатрах, причем даже в тех резиденциях, где были дворцы. Для таких выездов Казенный приказ хранил значительное количество шатров¹⁰. Их изготовлением и ремонтом занимались шатерные мастера, которые, по словам составителя «Расходной книги дворцового хозяйства 1698–1700 гг.», «днюют и начуют в Столовой полате (Кремлевского дворца. – А. Т.) для верховых дел и для всяких нужных починок по 2 человека, они ж кресла и места церковные бархаты золотными и сукнами обивают и шатры, и полатки, и наметы, и полавочки, травные и гладкие суконные, и надественники, и отводы, кумачные и крашенинные и полотняные, делают вновь, а старые починивают»¹¹. Перевозку и установку шатров осуществляли тяглыцы Барашской слободы под руководством шатерничих. «Шатерная служба» считалась одной из самых тяжелых среди дворцовых служб XVII в.¹².

Устройство палаточных лагерей имело длительную традицию в России. Они создавались во время охоты, «объездов», паломничеств, военных походов и дипломатических переговоров. В России была известна подобная практика других стран¹³. Описания царских полотняных городков второй половины XVII в. оставили царский врач С. Коллинс и секретарь имперского посольства А. Лизек. По словам Коллинса, царь Алексей Михайлович в конце мая в Преображенском ставил три палатки, соответ-

⁶ Наиболее детально картографированы хозяйственные объекты Измайлова: Памятники архитектуры Москвы. Окрестности старой Москвы (юго-восточная и южная части территории Камер-Коллежского вала до нынешних границ города). М.: Искусство-XXI век, 2007. С. 27–29, 48 (схемы В. П. Кругликова, С. Н. Палентреер и И. Б. Циприс, Н. С. Датиевой); Чернов С. З. Исторические ландшафты Измайлова: первые опыты натурных исследований // Коломенское: материалы и исследования. М.: МГОМЗ, 2008. Вып. 11 / отв. ред. Е. А. Верховская. С. 53–80. Схемы В. П. Кругликова и Н. С. Датиевой также опубликованы: Усадьба «Измайлово» // Большой атлас Москвы. М.: Феория, 2013. С. 298–299.

⁷ Датиева Н. С. Государев двор на Измайловском острове // Царские и императорские дворцы. Старая Москва. М.: Изд-во объединения Мосгорархив, 1997. С. 88.

⁸ Только в царской резиденции в с. Алексеевском Царицына Мастерская палата имела отдельную избушку (Русская историческая библиотека. СПб.: тип. Гл. управления уделов, 1907. Т. 21: Дела Тайного приказа. Стб. 235).

⁹ О приготовлении еды во дворце см.: Московская деловая и бытовая письменность XVII века / изд. подгот. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М.: Наука, 1968. С. 286–287.

¹⁰ Перечни шатров см. в составе описей Казенного приказа (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2), некоторые из них опубликованы в кн.: Савваитов П. И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора ... СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1865. С. 65–67.

¹¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 16. Д. 665. Л. 571–571 об.

¹² Богоявленский С. К. Территория и население [Москвы XVII в.] // История Москвы. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. Т. 1: Период феодализма XII–XVII вв. С. 470–471; Шеламанова Н. Б. Материалы по истории Москвы XVII в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. ст. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 50–127.

¹³ См., например, иллюстрированное описание устройства римского палаточного лагеря в «Лицевом летописном своде» (Учебник жизни царских детей. М.: ОЛДП, 2012. Кн. 7: Иудейская война. Л. 124–127 об.).

ставшие трем «сеням», которые апостолы хотели поставить на горе Фавор по время Преображения Христа [Мф. 17: 4; Мк. 9: 5]. Далее он продолжает: «Собственно его (царя. – А. Т.) палатка сделана из золотой материи и украшена соболями; царицына из серебряной материи и украшена горностаями; палатки князей соответствуют их степеням. Палатки царя, царицы, одиннадцати детей и пяти сестер их составляют круг, середину которого занимает церковная палатка. Вид на них так величественен, что я не видывал ничего подобного в этом роде. Впереди поставлены рогатки и стражи на ружейный выстрел от палаток, и никто не может пройти эту ограду без повеления...»¹⁴.

Причины использования шатров в загородных резиденциях не вполне ясны. Возможно, они считались более комфортными для проживания в летнее время. Шатры выглядели более торжественно и парадно, и поэтому царь Алексей Михайлович устраивал свои пиры в Алексеевском и Преображенском в столовых шатрах, а не во дворце¹⁵. Особенно богато был украшен полотняный городок в с. Алексеевском во время шествия Алексея Михайловича в Троице-Сергиев монастырь в сентябре 1675 г., которое наблюдало имперское посольство и описал А. Лизек¹⁶.

Начавшееся в середине XVII в. масштабное строительство дворцов и «избушек для государева пришествия» не привело к существенному развитию материальной культуры загородных резиденций. Согласно сохранившимся описям, в отсутствие членов царской семьи дворцы стояли почти пустыми. Так, Измайловская опись 1687 г. фиксирует во дворце только скамьи и лавки с полавочниками, столы, поставцы, завесы на окнах и иконы¹⁷. Все необходимое для проживания царская семья при-

возила с собой в постельном, крестовом, запасном, оружейном и прочих возках (возок мог включать до 30 телег). Лучшее всего сохранились описи постельной походной казны, которые составляли Царская или Царицына Мастерские палаты. Большинство описей 1640–1650-х гг. фиксирует следующий перечень предметов, которые брал с собой царь: ферязи теплые и холодные, кафтаны ездовые теплые и холодные, зипуны, епанчи, шапки, рукавицы, рукавицы «перштые» (перчатки), ящик с туалетными принадлежностями, гребнями и зеркалами, посохи, «трубки присмотренные» (подзорные трубы), «солношник» (балдахин), ножи (в том числе клепики), серебряник с лоханью и стоянцом, стул с подножием, штаны, ичетоги, башмаки, подвязки, часы¹⁸. В зимнее время к этому набору добавлялись теплые вещи: шубы и треухи. Перечень значительно расширялся во время длительных поездок и при участии царя в официальных церемониях: богослужениях, торжественных шествиях, выездных заседаниях Боярской думы, смотрах и дипломатических встречах. Причем одежда, которую царь надевал во время выходов, описывалась в «Выходных книгах», которые также именовались «Книгами государеву платью, каково подавано на государя по праздникам» или «Книгами записными в государевы выходы что на государе бывает платья»¹⁹. Во время пребывания царского семейства за городом предметы обихода постоянно обновлялись: пришедшие в негодность ремонтировались на местах или возвращались в Москву взамен новых. Этим занималась Царская и Царицына Мастерские палаты, о чем свидетельствует опубликованная И. Е. Забелиным переписка 1680-х гг. укладничего Царской мастерской палаты Ивана Чаплыгина и думного дворянина Царицыной Мастерской палаты Никиты Акинфова с дьяками Царицыной Мастерской палаты Федором Петровичем Казанцевым и Корнилом Петровичем Петровым²⁰. Несмотря на интенсивные перемещения вещей между кремлевской и загородными резиденциями, все вещи обычно возвращались в Москву. Росписи платья фиксируются единичные случаи, когда вещи не возвращались: царь мог, во-первых, пожаловать одежду или шапку приближенному, а во-вторых, потерять во время охоты²¹. Исключительный случай произошел во время Троицкого похода 1675 г., когда «в изроне» оказалось несколько золотых «запон», украшавших конские

¹⁴ Коллинс С. Нынешнее состояние России // Утверждение династии / А. Роде, А. Мейерберг, С. Коллинс, Я. Рейтенфельс. М.: Фонд С. Дубова. Рита-Принт, 1997. С. 222.

¹⁵ Выходы государей, царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича и Феодора Алексеевича, всея Руси самодержцев (С 1632 по 1682 г.). М.: тип. А. Семена, 1844. С. 666, 678; ДАИ. СПб.: Тип. Э. Праца, 1853. Т. 5. С. 108.

¹⁶ Седов П. В. Закат Московского царства: Царской двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 184–189. Описание полотняного городка иностранными дипломатами см.: Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу в 1675 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. № 11. С. 362–366, 372–375; Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1858. Т. 5. Стб. 225–236.

¹⁷ Топычканов А. В. Повседневная жизнь дворцового села Измайлова в документах приказной избы последней четверти XVII века / отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Моск. учебники и картолитография, 2004. С. 184–186, 196–208. Ср.: Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. М.: Языки рус. культуры, 2003. Т. 3: Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII столетиях: материалы. С. 477–503, 508–513.

¹⁸ См., например, росписи «в объезд» царя Алексея Михайловича в с. Остров 15 сентября 1668 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 12013. Л. 1–3) и царской семьи в с. Преображенское 7 июля 1669 г. (Там же. Д. 12341. Л. 1–15). О росписях в Коломенские объезды см.: Опарина Т. А. Реконструкция царских церемониальных одеяний на примере выездов Алексея Михайловича в Коломенское. (В печати).

¹⁹ Опубликованы П. М. Строевым: Выходы государей царей и великих князей ...

²⁰ Забелин И. Е. Указ. соч. Т. 3. С. 746–766.

²¹ Опарина Т. А. Указ. соч.

седла, чепраки и мундштуки. П. В. Седов справедливо предположил, что они были украдены²².

Подобный кочевой образ жизни вели и сопровождавшие царя лица. «Ближние люди» чаще всего ночевали в палатках. По крайней мере, среди боярских вещей XVII в. обычно хранилось несколько палаток. Так, две палатки было у боярина Ю. Я. Сулешова. После его смерти одна из них была приобретена патриархом Иосифом для себя, другая – для боярина Б. И. Морозова: «палатка Кизыльбашская с полами, которая делана изнутри травами, да намет Кизыльбашской же объяринной цвет, цена обема 60 руб.»²³. Патриарх послал палатку боярину в дворцовое село Покровское 25 мая 1650 г., таким образом, боярин сразу смог оценить подарок патриарха. Очевидно, такие палатки устанавливались рядом с государевым двором. В редких случаях приближенные получали землю для установки своих палаток и палаток своих людей. Для этих целей царь Алексей Михайлович 26 октября 1645 г. пожаловал боярину Б. И. Морозову в вотчину луг близ села Коломенского, «где стоят его боярина Бориса Ивановича сокольники»²⁴. К правлению Федора Алексеевича относятся первые случаи проживания «ближних людей» на государевом дворе или даже во дворце. Такой милости удостоились царские фавориты – постельничий А. Т. Лихачев и боярин И. М. Языков²⁵.

Стольники, стряпчие, подрывнды и жильцы, сопровождавшие царский поезд, размещались в шатрах, на сельском гумне, а возможно, и на крестьянских дворах. Проживанием на гумне не брезговали не только царицыны дети боярские²⁶, но даже боярин князь И. А. Хованский, который по дороге в Воздвиженское остановился на ночлег на гумне около села Пушкина²⁷.

Стрельцы размещались на постах охраны по периметру государева двора. Челобитчики, собиравшиеся в дворцовых селах в ожидании приезда царской семьи, ночевали на улице или в стрелецких избушках²⁸. В челобитной стрельцов стремянного полка красноречиво описаны условия такого размещения: «будучи в тех дальних походах и объездах зимою в жестокие морозы и летом и в осень в не-

настные дни, стоя на твоих государевых караулах в тех походах, обергая твое царское величество, и около огней по улицам и по гумнам, в тех частых походах и в службах и в объездах платышком обжигаемся и обдираемся и конскою сбруей мы, холопы твои, что у кого в тех походах и объездах портится, починиваем собою»²⁹. Ночевка на улице была сопряжена с угрозами для здоровья. В письме А. И. Матюшкину от 25 мая 1650 г. царь Алексей Михайлович сообщил о несчастном случае, произошедшем с сокольником Мишкой Семеновым, который во время сна упал в огонь, «немного не згорел»³⁰.

Кочевой образ жизни дворцовой территории противоречил нормам Уложения 1649 г.: первая глава Уложения ввела юридическое понятие «честь государева двора» и отнесла его к территории городских и загородных царских резиденций, однако последние не получили права хранить личные вещи государя. Причина этого противоречия заключалась в том, что при сохранении вещей в загородных дворцах, где не было постоянной охраны, возникали угрозы для жизни и здоровья царя и его близких. Больше всего члены царской семьи опасались, что их вещи могут быть использованы для колдовства и отравления. Эти опасения были вполне обоснованы, потому что знахари и колдуны жили в дворцовых селах, а на территории резиденций достаточно часто осуществлялись попытки колдовства. Семен Стрешнев обращался к коломенскому знахарю Симанке (Симону) и жене его Оринке с просьбой приворотить царевича Вальдемара, который находился в Москве в 1644–1645 гг.³¹. В 1689 г. в Хорошове нижегородский волхв коновал Дорофей Прокофьев «заговорными словами по ветру напущал» против Петра I³². Подобные случаи, как реальные, так и предполагаемые, происходили и в Московском Кремле³³. Согласно представлениям людей XVII в., наличие у колдунов царских вещей принесло бы «успех» магическим действиям.

²⁹ Цит. по: Богоявленский С. К. Войско в Москве в XVI и XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. М.: Образованье, 1910. Вып. 4. С. 75.

³⁰ Алексей Михайлович, царь. Собрание писем царя Алексея Михайловича / изд. П. Бартенев. М.: тип. В. Готье, 1856. С. 23.

³¹ Бахрушин С. В. Политические толки в царствование Михаила Федоровича // Бахрушин С. В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма: (научное наследие) / отв. ред. Б. В. Левшин. М.: Наука, 1987. С. 110.

³² РГАДА. Ф. 210 (Прик. ст.). Стб. 1219. Л. 1–20.

³³ Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. М.: Языки рус. культуры, 2001. Т. 2: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. С. 413 и далее; Московская деловая и бытовая письменность XVII века. С. 235–250, 254–277, 286–287; Новомбергский Н. Я. Слово и Дело Государевы. Т. 2: Материалы; Приложение. Колдовство в Московской Руси XVII-го столетия. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 112–134. (Разд. пар.).

²² Седов П. В. Указ. соч. С. 188–189.

²³ Зерцалов А. К. О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском 1648, 1662 и 1771 гг. Сообщение действ. чл. А. Зерцалова. М.: Университет. тип., 1890. С. 98.

²⁴ Там же. С. 5.

²⁵ Седов П. В. Указ. соч. С. 368, 370.

²⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 44285. Л. 1.

²⁷ Буганов В. И. Московские восстания конца XVII в. М.: Наука, 1969. С. 275.

²⁸ Топычканов А. В. Коломенские челобитчики в 1662 г.: к вопросу о практике подачи и рассмотрения челобитных грамот // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): к 80-летию чл.-кор. РАН В. И. Буганова: сб. ст. / отв. ред. Н. М. Рогожин. М.: РОССПЭН, 2012. С. 233.

Различия в образе жизни сельского поселения и дворца привели к тому, что материальная культура основной части загородных резиденций оказалась чрезвычайно бедной³⁴. По словам О. В. Таценко, «общий состав коллекции (собранной во время раскопок на территории Коломенского дворца. – А. Т.) характерен для городского и слободского набора предметов из слоев позднего Средневековья – Нового времени и не отражает “дворцовый” характер исследуемой территории, специфику построек, фундаменты которых открывались в процессе археологических раскопок»³⁵. В статье 1993 г. Л. А. Беляев и Н. А. Кренке объяснили это скромностью царского быта «вне репрезентативной стороны жизни» и строгим учетом царских вещей и справедливо предположили, что периферия государева двора может дать гораздо больше материалов для изучения дворцовой жизни³⁶. Изучение практики пребывания царского двора в загородных резиденциях позволяет иначе взглянуть на эту «аномалию».

³⁴ См., например: Беляев Л. А., Кренке Н. А. Археологические исследования дворца царя Алексея Михайловича // Коломенское: материалы и исследования. М.: МГОМЗ, 1993. Вып. 4 / под общ. ред. В. Е. Суздалева. С. 72–114 (особенно: с. 84, 86–87); Беляев Л. А. Деревянный дворец конца XVII в. в Коломенском: опыт археологической локализации // РА. 2005. № 4. С. 176–188; Таценко О. В. Материалы археологических раскопок на месте дворца царя Алексея Михайловича в Коломенском (в собрании фонда «Археология» МГОМЗ) // Коломенское: материалы и исследования. М.: МГОМЗ, 2011. Вып. 13 / под общ. ред. Л. П. Колесниковой. С. 227–231. Это пока подтверждается и археологическими наблюдениями на территории Измайловского острова, данные о которых отложились в архиве «Спецпроектреставрация».

³⁵ Таценко О. В. Указ. соч. С. 231.

³⁶ Беляев Л. А., Кренке Н. А. Указ. соч. С. 87.

Двухчастная модель царских загородных резиденций XVII в., противопоставлявшая друг другу дворец и сельское поселение, отличалась от трехчастной модели политического пространства, принятой в столице: государев двор – Кремль – Москва. Как выше отмечалось, статус городской и загородных резиденций был тождественен, но на практике царская семья вела «оседлый образ жизни» в Кремле и «кочевой» – в загородных резиденциях. Во-первых, это было вызвано требованиями безопасности. Во-вторых, противопоставление дворца и сельского поселения как зон «кочевого» и «оседлого» образа жизни способствовало дистанцированию верховной власти от подданных, особенно необходимому в условиях незавершенной дифференциации резиденции и сельского поселения³⁷. Этот прием можно рассматривать в контексте законодательных опытов второй половины XVII в. по регламентации одежды и норм поведения придворного общества. Наконец, отказ от оседлости обеспечивал динамику использования политического капитала, который был сконцентрирован в Московском Кремле и умело воспроизводился там, где появлялся государь³⁸. Навыки подобной организации политического пространства и привычка к кочевому образу жизни оказали неоценимую услугу Петру I, который не только легко путешествовал по России и Европе, но и был готов к более существенным переменам в окружавшей его культуре.

³⁷ На протяжении XVII в. царские резиденции именовались по селам, в которых они находились.

³⁸ О динамизме политической системы XVII в. см.: Карпец В. И. Верховная власть в России XVI–XVII вв. // Советское государство и право. 1985. № 9. С. 113.

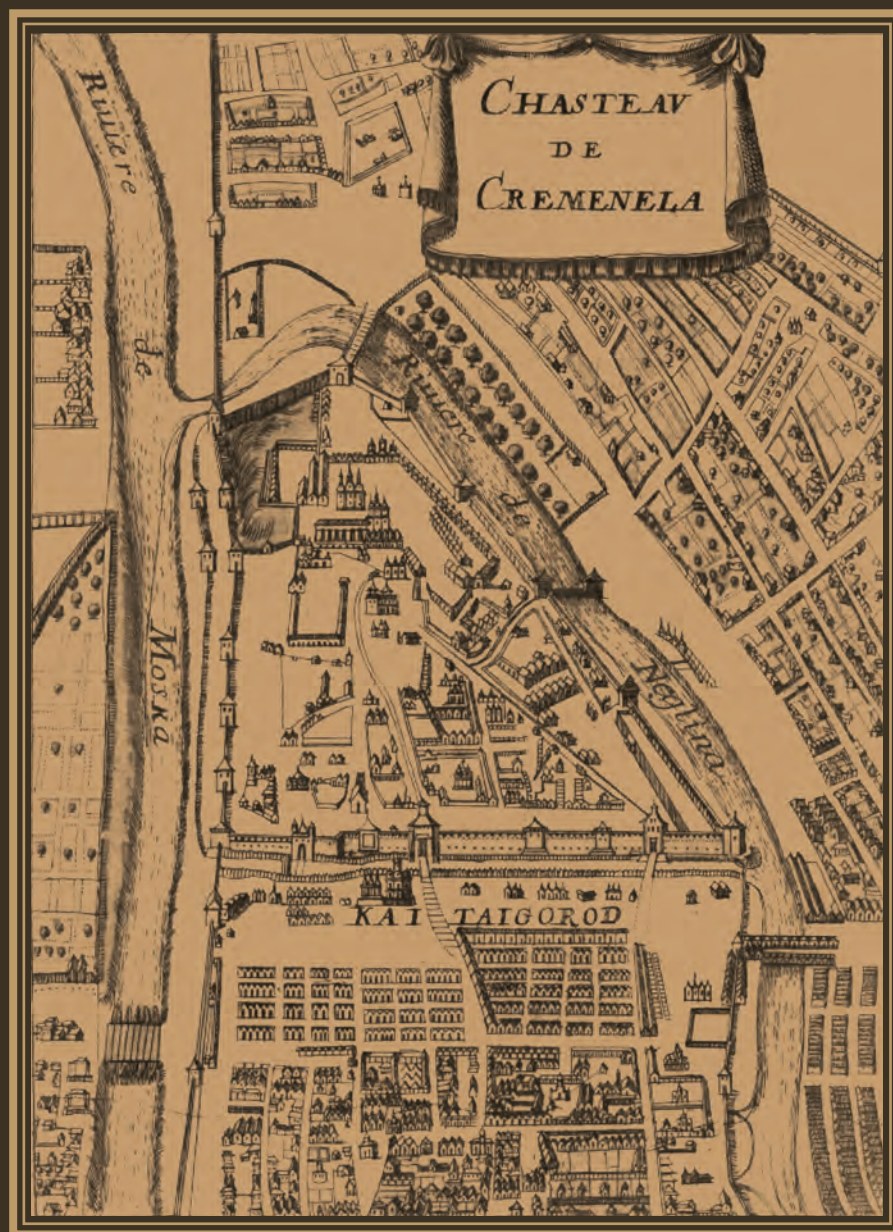
A. V. Topychkanov

Political Space of Tsar's Residences in the 2nd Half of the 17th Century: Material Aspects

Key words: political space, tsar's residences of the 17th century, Kolomenskoye, Izmailovo, nomadism.

Abstract: The structure of political space of tsar's residences in the 2nd half of the 17th century complied with the system of access of persons belonged to different social groups. The 1649 Council Code (Sobornoye

Ulozheniye) evened up the status of the tsar's town and country seats. The results of studying the material culture of the residents prove that in practice the tsar family had “sedentary life” in Kremlin and “nomadic” in the country seats. It was due to the norms of security (tsar things could be used for witchcraft and poisoning) and the necessity of distancing the supreme power from its subjects.

Часть IV

РУССКИЙ ГОРОД: ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Городище Искер – г. Сибир: памятник археологии и истории второй половины XIV–XVI в.

Городище Искер является остатками цитадели г. Сибир. Впервые этот татарский город под названием «Себур» фигурирует на итальянской карте братьев Пицигани (1367 г.)¹. Позднее, уже обозначенный как «Сибир», он помещен на картах XVI в.: Антона Вида 1542 г. и Энтони Дженкинсона 1562 г.². Остатки этого города представляют собой ценный источник по средневековой истории обширного региона на востоке России.

Ядро населения Сибирского юрта – северо-восточной провинции Золотой Орды, а затем Тюменского и Сибирского ханств XV–XVI вв. – составляли предки современных сибирских татар. Эти государства объединили тюркские и угорские племена юга Западной Сибири. Одно из названий их города «Сибир» дало имя ханству, его народу, а затем и всей стране к востоку от Уральских гор.

Сибирская окраина Золотой Орды обособилась в первой половине XV в. В эпоху единства Золотой Орды ее сибирские провинции управлялись Шибанидами – потомками Шибана, внука Чингис-хана. Резиденция шибанидского наместника располагалась в Тюмени. Во время распада Орды, в начале XV в., этот род сохранил наследственные права и обзавелся ханским рангом. В последней четверти XV в. ханом стал Шибанид Ибак (Саид-Ибрагим). Свою ставку он учредил в той же Тюмени. Образовалось Тюменское ханство, включавшее кочевья по Иртышу, Ишиму, Тоболу, Туре. О его пред истории сохранилось очень мало данных. Русские летописи и местные предания содержат легендарные сведения, пестрят ошибками и противоречиями. Относительно достоверная информация появляется лишь к концу XV в.

Около 1495 г. местная знать из рода Тайбугидов тюркского племени буркут свергла Ибака. Победитель, бек Мамед, перенес столицу в городок Сибир на Иртыше. С тех пор и до начала 1560-х гг. Сибирский юрт находился под управлением «княжеской» династии Тайбугидов. Большинство Шибанидов бежали в Среднюю Азию.

В историографии пока не сложилось единого мнения относительно взаимного соотношения Тюменского и Сибирского ханств, которые сформировались в пределах Сибирского юрта. Одни историки считают их двумя разными политическими образованиями, другие видят в их существовании простое переименование государства в связи с переносом его столицы из Тюмени в Сибир.

В конце XV в. началось постепенное продвижение России за Урал. Воеводы вели отряды «за Камень», обложили данью некоторые угорские владения и заставили их признать вассальную зависимость от московского царя. У занятых распрями татарских правителей не оказалось ни сил, ни возможностей противостоять этому. Русское государство вплотную приблизилось к сибирским границам, и Тайбугиды не осмеливались конфликтовать с новым соседом. Впрочем, им самим вскоре понадобилась помощь Москвы.

Шибанидская эмиграция в Бухарском ханстве вынашивала планы реванша, свержения тайбугидских беков. Сын хана Ибака Муртаза, вероятно, закончил свои дни в среднеазиатском уделе, но дети Муртазы Ахмед-Гирей и Кучум в середине XVI в. начали борьбу за восстановление власти своей династии в Сибири, опираясь на поддержку Ногайской Орды и бухарского хана Абдуллы II – главы огромного клана Шибанидов. Начались их набеги на прииртышские городки и кочевья. Это побудило тогдашних тайбугидских беков – соправителей

¹ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. С. 128, 131.

² Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. М.: Наука, 1974. С. 22, 68, рис. 2, 3, 5, 6, 17; Очерки истории Югры. Екатеринбург: Волот, 2000. С. 98.

Ядгара и Бек-Пулада – вступить в вассальные, даннические отношения с Москвой. В 1557 г., в соответствии с положением старшего государя, как это было некогда принято в Золотой Орде, русский царь выдал Ядгару и Бек-Пуладу ярлык на «княжение» (бекство) и назначил в их юрт своего наместника – даругу. Иван IV повелел считать сибирцев своими данниками и обещал им подмогу против враждебных царевичей.

Но до практической помощи дело не дошло: Россия вступила в долгую и разорительную Ливонскую войну, и царю стало не до защиты далеких Тайбугидов. В этой обстановке в 1563 г. шибанидские царевичи, очевидно, при помощи узбекских и ногайских войск захватили стольный город Сибир и подавили сопротивление татарской, остяцкой и вогульской знати. Беки-соправители были убиты. Кучум завоевал угорские племена по Иртышу и Конде, кочевников-тюрков в Барабинской степи и объявил себя ханом сибирским и тюменским.

Сначала он был занят внутригосударственными делами, поэтому подтвердил обязательства по выплате дани Ивану IV «по старине». Московский царь направил в Сибирь своего даругу с новым ярлыком («с своею жалованною грамотою»). Очевидно, было заключено соглашение (шерть) о сохранении прежней зависимости ханства от Москвы. Однако позднее, обеспокоенный продвижением России на восток, Кучум разорвал отношения. Сибирцы стали нападать на русские владения в Приуралье и Башкирии.

В октябре 1582 г. Кучум был разбит казачьим отрядом Ермака. Город Сибир был занят казаками, а хан бежал. Этот разгром имел фатальные последствия для сибирско-татарского государства, и без того непрочного. Начался его стремительный распад. Большинство угорских княжеств почти сразу подчинились Ермаку и затем, соответственно, московскому царю. Исключения были единичны, в частности, подавить сопротивление пелымского вогульского князя Аблегирима русским воеводам удалось только в 1593 г. Бухарский хан Абдулла, занятый завоеванием Хорезма, не смог помочь своему вассалу в борьбе с пришельцами. Кучуму иногда удавалось объединять под своим началом население некоторых восточных и южных улусов бывшего ханства. Он нападал на русских, пытался завязать сражения с атаманами и воеводами, но каждый раз терпел неудачу и укрывался в степях. У него оставалось всё меньше сторонников. От Кучума отложилось большинство его подданных, в том числе его главный советник и военачальник карачи-бек Кадыр-Али Джалаир, который начал самостоятельную, отдельную от «кучумлян» анти-русскую войну.

Узнав о разгроме ненавистного Шибанида, в борьбу за власть в Сибири вступил прибывший из бухарских владений тайбугидский бек Саид-Ахмед,

сын Бек-Пулата, уцелевший при перевороте 1563 г. Начался короткий, но бурный период политического хаоса.

Кучум сумел заманить Ермака в засаду и убить. Русские удерживали цитадель г. Сибир более двух с половиной лет, до конца весны – начала лета 1585 г. (пока вода не вскрылась, то есть не закончился ледоход). Они выдержали долгую осаду войск Кадыр-Алибека в 1584 г. и голодную зиму 1584–1585 г., во время которой от голода и болезней погибла большая часть ермаковых казаков и стрельцов князя-воеводы Семёна Болховского. После этого поредевшие, обессиленные русские отряды покинули Сибир.

Город был ненадолго занят отрядом «кучумлян» во главе со старшим сыном хана царевичем Али. Но вскоре к городу подошли войска объединённой антикучумовской оппозиции: Саид-Ахмеда, Кадыр-Али и присоединившегося к ним казахского царевича Ураз-Мухаммеда. Отряды этого триумvirата взяли штурмом и сожгли цитадель города. Возможно, победители пытались наладить мирные союзнические отношения с русскими. Во всяком случае, они никак не препятствовали строительству Тюмени в 1586 г. и Тобольска в 1587 г. Во время переговоров в Тобольске летом 1588 г. все трое сановников были пленены стрельцами, их военный отряд рассеян в коротком бою под тобольскими стенами. А Сибир около 1588 г. был сожжен и окончательно запустел.

Таково краткое изложение истории г. Сибир в том виде, как ее можно реконструировать по комплексу письменных источников. Но имеется еще один вид источников – археологические.

Столица Сибирского ханства Сибир была построена на высоком обрывистом берегу Иртыша. Сейчас развалины Сибири находятся в 16 км от Тобольска (рис. 1: 1). За четыре столетия, минувших со времени оставления Сибири жителями, от него осталась только небольшая часть. Это городище Искер – остатки городской цитадели.

Предполагается, что до прихода Ермака в ней постоянно жили только ханский двор, гарнизон, немногочисленные торговцы и ремесленники. Обстоятельства возникновения Сибири совершенно неизвестны. Один из вариантов расшифровки его названия – «иски ер» (старое, прежнее место), что может свидетельствовать о давнем заселении татарями этого участка иртышского берега.

Интерес к Искеру как археологическому памятнику впервые стал предметным с 1703 г., когда С.У. Ремезов снял первый его топографический план³. С тех пор за более чем 300 лет только извест-

³ Белич И.В. Чертеж «Кучумово городище и Старая Сибирь» из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова: к 300-летию составления первого русского географического атласа Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С. 141–155, рис. 1–3.

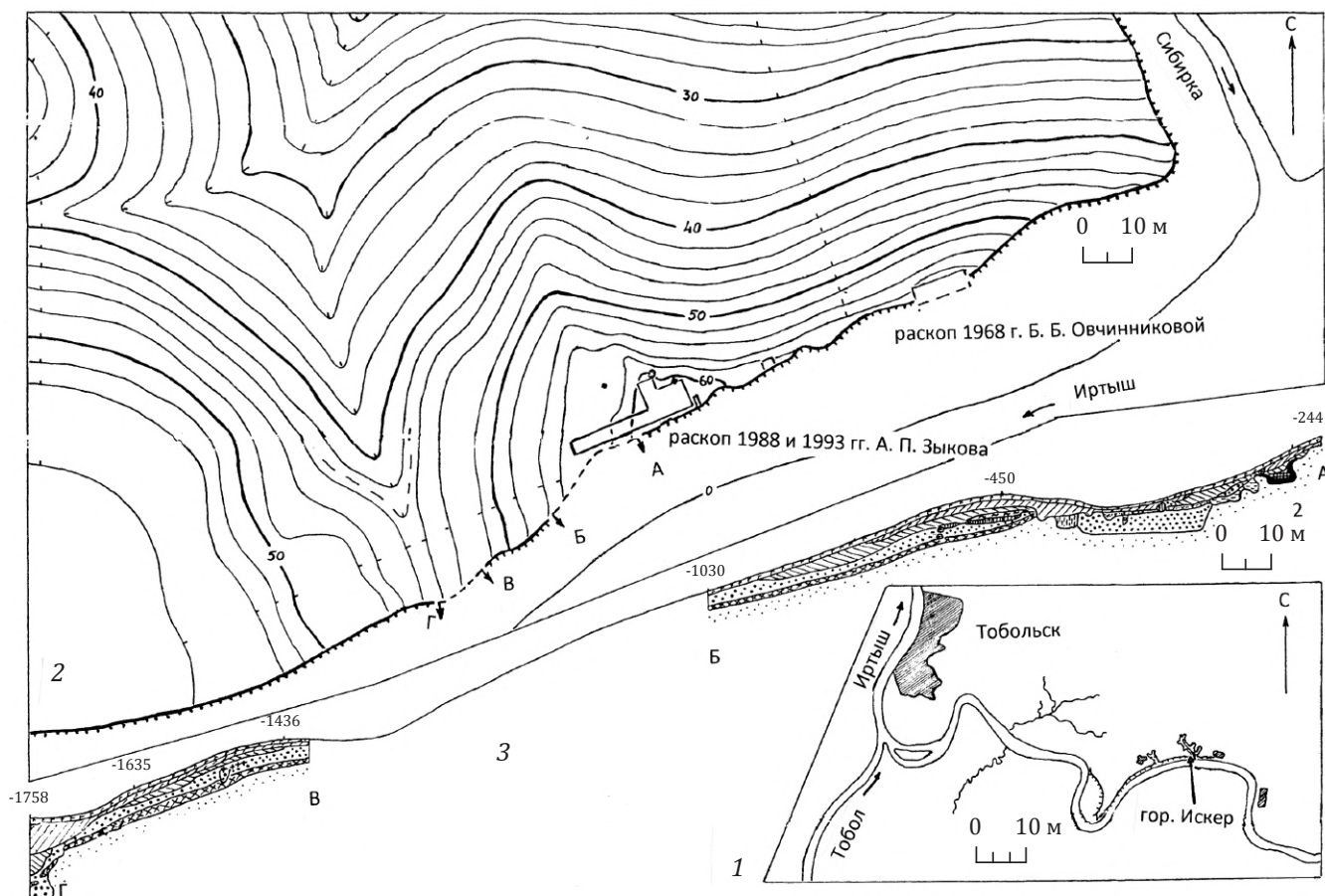

Рис. 1. Городище Искер по состоянию на 1988–1993 гг.: 1 – ситуационная схема расположения городища Искер; 2 – топографический план городища Искер 1988 и 1993 гг.; 3 – профиль зачистки обрыва берега р. Иртыш

ных нам топографических планов было снято еще не менее шести (рис. 1: 2), сделано более десятка подробных описаний городища. Но все они лишь позволяли отследить неумолимое сокращение площади памятника вследствие разрушения берега водами Иртыша: его разливы ежегодно подмывают обрыв, и остатки города осыпаются в реку. Для получения хоть какой-то информации об этом памятнике были необходимы его раскопки.

Первые раскопки городища Искер предпринял в 80-х гг. XIX в. Михаил Степанович Знаменский по разрешению генерал-губернатора Западной Сибири генерал-адъютанта Н. Г. Казнакова. Эти раскопки нельзя назвать научными, они были любительскими и преследовали только одну цель – сбор находок из раскопов на городище и около него, сбор их на иртышском пляже под обрывом и скупка у местного населения. В результате у Знаменского образовалась огромная ценная коллекция искерских археологических находок. Из-за абсурдных действий администрации только что созданного Тобольского губернского музея и покрови-

тельствовавшего ему тобольского гражданского губернатора В. А. Тройницкого вплоть до смерти М. С. Знаменского в 1892 г. ничего из его коллекции в музей так и не попало. А в 1897 г. наследники и родственники Знаменского продали эту коллекцию в Финляндский национальный музей г. Гельсингфорса. Здесь коллекция М. С. Знаменского пролежала почти 20 лет, никому не известная. Потеряв всякую надежду заполучить искерскую коллекцию Знаменского, администрация Тобольского музея стала наполнять фонды за счет сборов местных краеведов. Эти сборы 90-х гг. XIX в. – первого десятилетия XX в. тоже не отнесешь к научным.

Следующий этап изучения Искера целиком связан с приходом в Тобольский музей Василия Николаевича Пигнатти. Он быстро понял значение для истории Сибири такого уникального археологического памятника, как городище Искер. Он ничего не знал о судьбе коллекции Знаменского, но В. Н. Пигнатти, юрист по роду основной деятельности, понял необходимость легализовать искерскую коллекцию, полученную в результате больших незаконных музейных сборов,

через проведение официальных раскопок по Открытому листу Императорской археологической комиссии. Такие раскопки он провел в 1915 г., опубликовав затем большую статью в «Ежегоднике Тобольского губернского музея»⁴. Она до сих пор остается самой заметной публикацией на русском языке по городищу Искер. И всё же признать раскопки В. Н. Пигнатти действительно научными, а его статью полностью безупречной – невозможно. Василий Николаевич не был археологом-полевиком, планов и профилей раскопок он не вычерчивал, подробных описаний не составлял. Единственной задачей, которую он с блеском выполнил, был сбор находок.

Очевидно, статья В. Н. Пигнатти заставила тогдашних финских ученых срочно закончить составление каталога коллекции М. С. Знаменского. Этим и занялся молодой археолог, ученик А. Гейкеля, Аарне Михаэль Тальгрэн. Вместе со вступительной статьей этот каталог был подготовлен к публикации на французском языке в виде отдельной большой статьи, но только в 1917 г., когда события ни в России, ни в Финляндии не способствовали научно-издательской деятельности. Издана статья А. М. Тальгрэна «Catalogue de la collection de M. Znamenski» была только в 1922 г. в выпуске XXIX журнала «Suomen Muinais muistoyhdistyksen Aikakauskirja»⁵. Несколько экземпляров журнала дошло до России – и даже до Тобольска, где он стал библиографической редкостью. Нам удалось получить его экземпляр лишь в конце ноября 2013 г. Но еще ранее мы смогли прочитать рукописный перевод статьи А. М. Тальгрэна, сделанный в 1922 г. во внутренней тюрьме Тобольской ЧК и доныне хранящийся в архиве Тобольского музея. Очевидно, мы были первыми историками, которых заинтересовала эта рукопись. Сейчас она подготовлена к печати.

Городище Искер неумолимо разрушалось водами Иртыша, и, казалось, о памятнике забыли на долгие 50 лет. Только в 1968 г. Б. Б. Овчинникова провела по Открытому листу Института археологии АН СССР небольшие раскопки и составила первый научный отчет, сдав его в Отдел полевых исследований Института археологии.

По-настоящему результативные научные археологические раскопки городища Искер вел А. П. Зыков в 1988 и 1993 гг., изучив 117 кв. м площади западной части памятника и зачистив 36 м профиля – все доступные участки обрывов берега Иртыша (рис. 1: 2, 3). Выявлены были культурные слои и объекты шести последовательных строительных

горизонтов (рис. 2: 3), которые позволяют объективно проследить всю археологическую историю памятника от его основания в XIV–XV вв. (оборонительный ров 1 с.г.) до окончательной гибели в самом конце XVI в. (объекты и слои последнего 6 с.г., около 1585–1588 гг.). В раскопах и сборах 1988 и 1993 гг. не было выявлено ни одного слоя, объекта или находки, которые можно уверенно отнести к раннесредневековой («дотатарской») эпохе.

Позднее тобольский археолог А. А. Адамов изучил культурный слой на склонах и в основании отростка лога речки Сибирки⁶. При этом выяснилось, что строительство оборонительных рвов городища Искер по дну отростка лога шло в два этапа. На первом вдоль северо-восточного склона был выкопан широкий и глубокий ров, который позднее засыпали материковым суглинком. На втором по дну лога было выкопано два рва шириной 6,5 и более 2,5 м, глубиной соответственно 3,8 и 2,3 м. Между рвами второго этапа прослеживалась ровная площадка шириной до 5 м. На возвышенных ровных террасах обоих склонов лога и на площадке между рвами фиксировались остатки оснований деревянных заграждений – рогаток, относящихся также ко второму этапу⁷.

К сожалению, информация о результатах раскопок А. А. Адамова содержится лишь в небольшой статье, и до появления более полной публикации невозможно уверенно соотнести этапы сооружения рвов со строительными горизонтами раскопов и зачистками А. П. Зыкова. Всё же рискнем предположить, что ров 1 этапа может соотноситься со 2–4 с.г., а комплекс из двух рвов и основной рогаток 2 этапа А. А. Адамова – с 5 с.г. А. П. Зыкова.

За последние годы начиная с 2011 г. мы смогли обработать весь доступный нам комплекс археологических находок городища Искер. Прежде всего, это коллекция раскопов и сборов 80-х гг. XIX в. М. С. Знаменского. В фондах Тобольского музея сохранился его незаконченный и неизданный художественный альбом «Путешествие по историческим окрестностям города Тобольска». Электронная копия этого альбома стала одной из наиболее ценных частей нашего исследования. А полное описание каталога коллекции М. С. Знаменского нам известно по статье А. М. Тальгрэна и ее переводу.

В фондах Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника нами были зарисованы, сфотографированы и описаны все доступные вещи из сборов тобольских краеведов 90-х гг. XIX – первого десятилетия XX в., раскопок 1915 г. В. Н. Пигнатти,

⁴ Пигнатти В. Н. Искер (Кучумово городище) // Ежегодник губернского Тобольского музея. Тобольск, 1915. Вып. XXV. С. 1–36, табл. I–VI.

⁵ Tallgren A. M. Catalogue de la collection de M. Znamenski: Antiquites de la Sibirie Occidentale conservées au Musée National de Finlande // Suomen Muinais Muistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsingfors, 1922. XXIX. P. 2–29, pl. I–VI.

⁶ Раскоп № 1 2007 г. (площадь 24 кв. м); раскопы № 3 и № 4 2008 г. (площадь 24 и 60 кв. м соответственно).

⁷ Адамов А. А. Археологические исследования 2007–2008 гг. на городище Искер // Историческая судьба Искера: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Историческая судьба Искера» (7–8 июня 2013 г., Тобольск). Тобольск: Принт-экспресс, 2013. С. 40–42, рис. 1, 3.

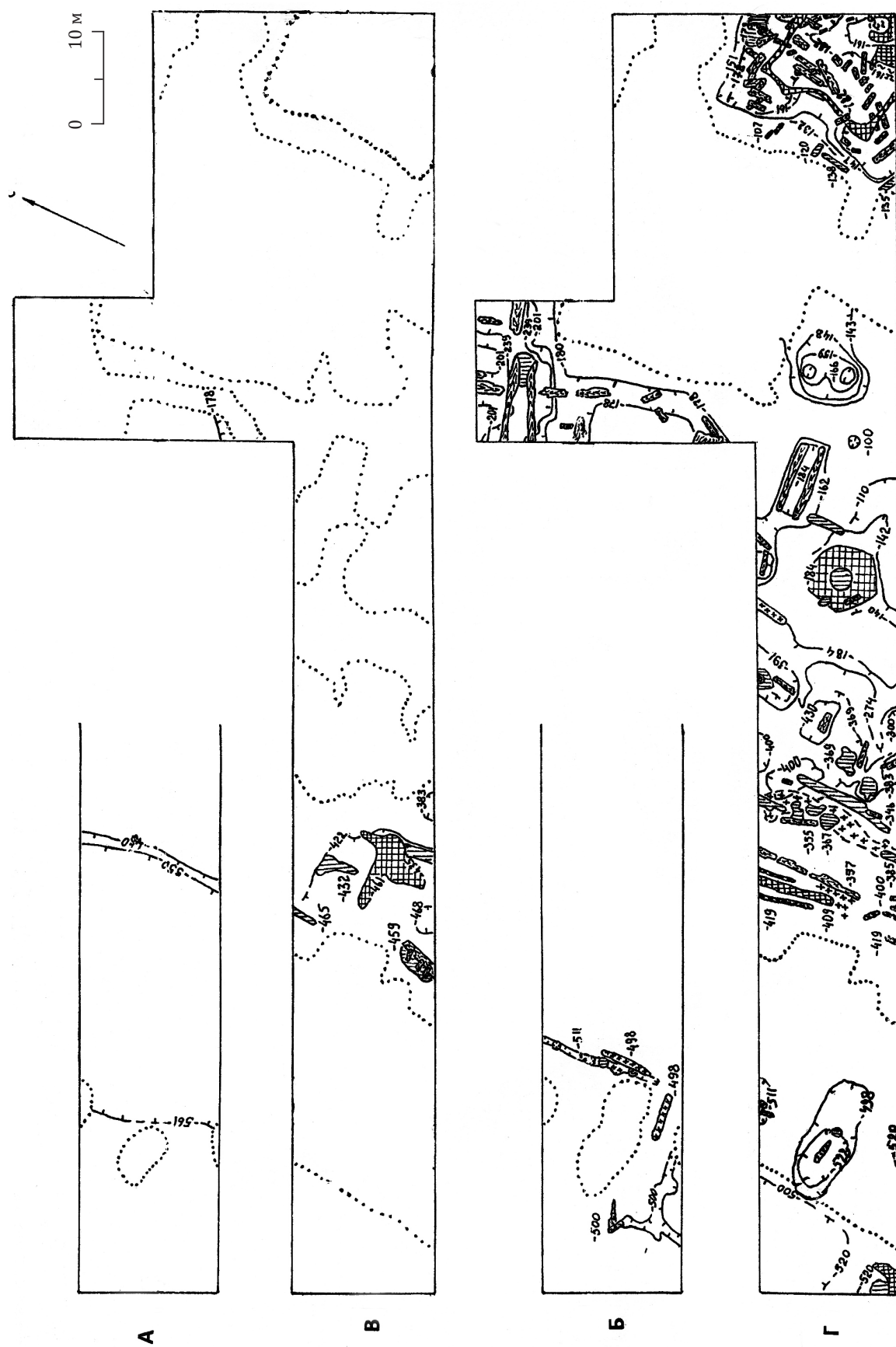

Рис. 2. План раскопа городища Искер 1988 и 1993 гг.:
А – фиксация остатков 1 с. г.; Б – фиксация остатков 2 с. г.; В – фиксация остатков 3 и 4 с. г.; Г – фиксация остатков 5 с. г.

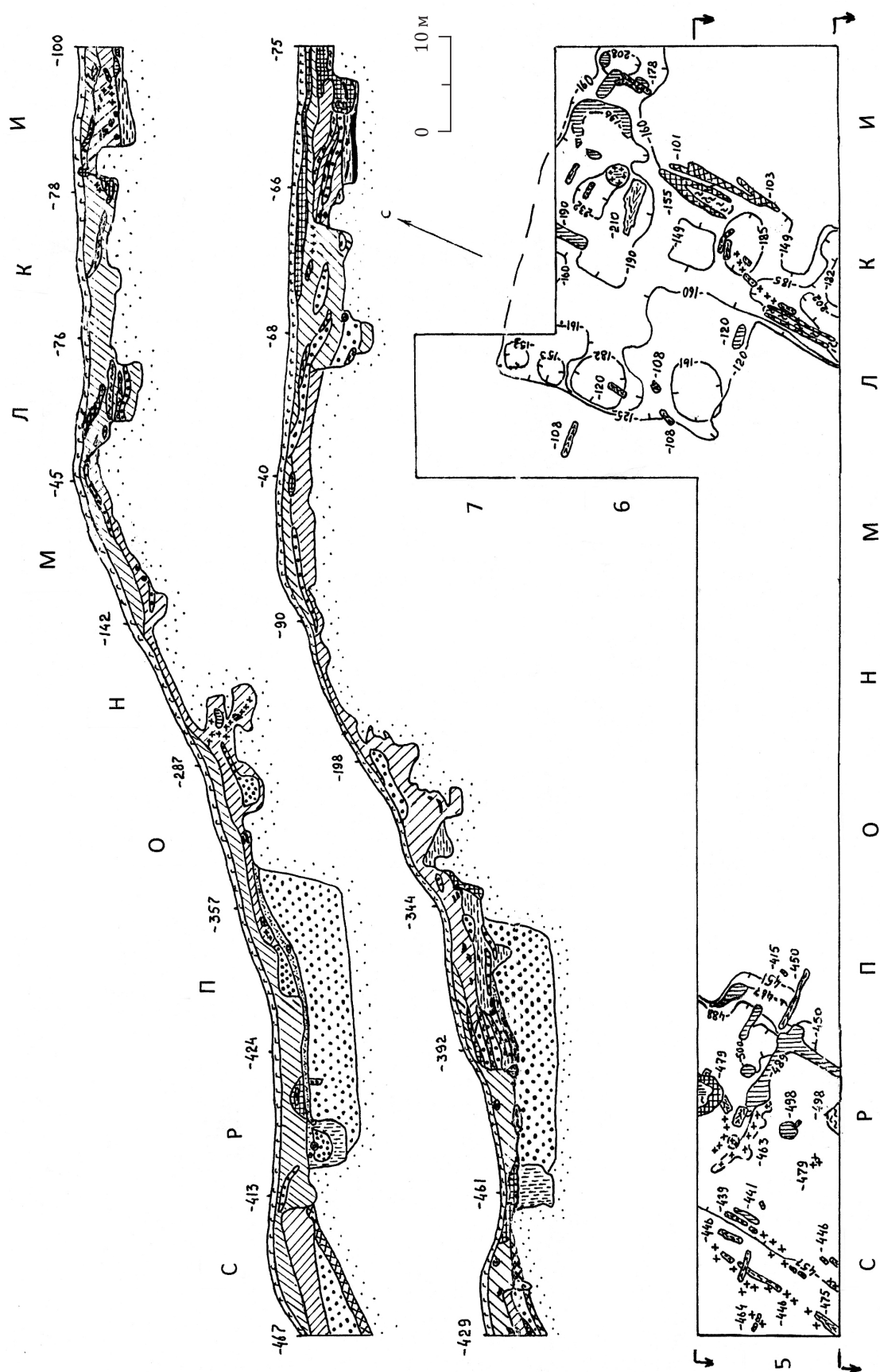

Рис. 3. План раскопа городища Искер 1988 и 1993 гг. с фиксацией остатков 6 с. г. и профили раскопа

1988 и 1993 гг. А. П. Зыкова, сборов 1983 или 1984 гг. В. И. Быкова, 1998 г. А. Е. Цеменкова и 2006 г. П. Г. Данилова. Безусловно, нам была известна и небольшая коллекция раскопок 1968 г. Б. Б. Овчинниковой из археологических фондов УрГУ (ныне УрФУ).

Важнейшее значение, кроме этих весьма результативных археологических находок, имеют результаты раскопок городища Искер 1988 и 1993 гг. А. П. Зыкова и 2007–2008 гг. А. А. Адамова. Они позволили воссоздать археологическую картину истории памятника, уточнив и дополнив то, что о г. Сибир было известно по письменным источникам.

Из сборов М. С. Знаменского 80-х гг. XIX в., С. В. Герцига 1894 г. и А. К. Шапошникова 1896 г. известно несколько бронзовых деталей раннесредневековой поясной гарнитуры (наконечник ремня, две поясные прорезные накладки). Этим находкам соответствует один фрагмент керамики ранней группы VIII в. кучиминского этапа нижнеобской культуры⁸ и два керамических рюмковидных тигля из раскопок В. Н. Пигнатти 1915 г. Это определенно может свидетельствовать о существовании на месте Искера раннесредневекового археологического памятника.

Само татарское позднесредневековое городище Искер возникло не позднее второй половины XIV – начала XV в. На это указывают находки железных ключей типа В: не менее двух экземпляров в коллекции М. С. Знаменского, по одному в сборах С. В. Герцига и в раскопе В. Н. Пигнатти. В более поздний период замки и ключи этого типа уже не встречаются. В то же время в материалах Искера нет ключей типа Б, доживающих до первой половины XIV в.⁹ Такая датировка соответствует первому упоминанию г. Себур на итальянской карте братьев Пицигани 1367 г. Следовательно, памятник возник как северная иртышская крепость золотордынской эпохи.

Городище Искер жило недолго, чуть более двух столетий, но это была бурная жизнь. Лишь сооружения 1 с. г. (засыпанный оборонительный ров) исчезли в ходе обычной перестройки фортификаций. Все более поздние постройки (2–6 с. г.) погибали в пламени сильных пожаров. С конца XV в. Искер стал местом жительства правителей Сибирского юрта: в 1495–1563 и в 1585–1588 гг. беков Тайбугина рода, в 1563–1582 и 1585 гг. ханов Шибанидов. Ожесточенная непримиримая тайбугидско-шибанидская борьба за контроль над г. Сибир проходит через все

последнее столетие его истории и отразилась в археологии городища Искер.

На этом фоне два с половиной года, когда г. Сибир владел русский отряд (казаки атамана Ермака Тимофеевича и стрельцы воеводы князя Семена Болховского), – лишь краткий эпизод. Но этот эпизод оставил яркий след и в письменных источниках, и в археологических коллекциях Искера. Здесь найдены серебряные монеты чеканки царя Ивана IV, медный знак («мишень») с кольчуги князя П. И. Шуйского, обломки и принадлежности ручного огнестрельного оружия, другие бесспорно русские вещи конца XVI в. Интересна в этом контексте и находка костей свиньи на мусульманском поселении.

Было ли городище Искер остатками позднесредневекового татарского города Сибир? Вне всяких сомнений – да. В период расцвета при Кучум-хане это мощная крепость, защищенная с наиболее уязвимой западной стороны двойной линией деревянных срубных стен с башнями и широким оборонительным рвом. С остальных сторон она была неуязвима благодаря крутым обрывистым склонам берегов рек Иртыша и Сибири (высота более 50 м), но и здесь ее защищала срубная стена, хотя и не столь толстая. Площадь крепости в конце XVI в. составляла около 2,2 га и была почти равна площади «Царева городища» – ханской цитадели другой более ранней татарской столицы Тюмени (Чимги-Туры). Крепость вполне отвечала статусу правителей Сибирского юрта. Вся совокупность археологического материала убедительно доказывает, что это был город с очень развитым ремеслом (кузнечное и бронзолитейное производство, ювелирное дело, прядение и ткачество, кожевенное дело, обработка кости и дерева).

Город был важнейшим звеном в торговле мехами на пути, связывавшем север Западной Сибири с остальным миром, прежде всего с городами Средней и Центральной Азии. Пищевой базой для многочисленного населения служила рационально сбалансированная экономика – высокоразвитое скотоводство с включением не только заметной доли рыболовства и охоты (что вполне объяснимо географически), но и (это уже совершенно удивительно) пашенного зернового земледелия. Последнее появилось независимо от русских, до прихода их отрядов в г. Сибир. Татары Сибирского юрта были первооткрывателями в становлении земледелия в Западной Сибири¹⁰.

Наконец, нельзя забывать, что г. Сибир всегда включал не только цитадель, но и посад, располагавшийся на месте обширных полей к западу и востоку от городища Искер, между реками Иртыш и Сибирка. Раз цитадель неоднократно уничтожалась в XV–XVI вв., то столь же часто сгорали и постройки

⁸ Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и Новое время. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2012. С. 81–82, рис. 49.

⁹ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. № 65. С. 80–82, 86, рис. 70; Егоров. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 160–161, рис. 3; Хорошев А. С. Замки, ключи и замочные принадлежности // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 14–16, табл. 5, 6.

¹⁰ Зыков А. П. Земледелие сибирских татар в эпоху позднего Средневековья (конец XIV – XVI вв.) // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 137–144.

посада – при любом вражеском нападении он всегда был первой жертвой. Но до сих пор поляны, оставшиеся на его месте, археологически почти не изучались. В XIX – начале XX в. здесь, в 200 м к западу от городища Искер, находилась д. Алемасово с окружающими ее посевными угодьями. Во время археологических работ 1915 г. В. Н. Пигнатти исследовал «часть площади полей деревни Алемасово (сопка №6)». В березовом колке у обрыва Иртыша восточнее деревни был исследован курганный могильник, состоявший из невысоких округлых насыпей диаметром от 11 до 18,5 м. Каждая из них содержала от одного до пяти-шести безынвентарных захоронений «с вытянутыми ногами, с лицом, обращенным на восток». Ни в погребениях, ни в курганных насыпях «никаких вещей или костей животных обнаружено не было. Все погребения оказались ограбленными, ибо кости скелета всегда были перемешаны и часто разбросаны. Пробные прокопы – ямами на межах полей дали черепки глиняной посуды без узоров, остатки животных, точильные камни и каменные бусы. Раскопки на полях пришлось оставить в виду ... протеста крестьян»¹¹.

Во второй половине XX в. д. Алемасово уже не было, все пространство здесь занимали огромные распаханые колхозные поля. В 1983 или 1984 гг. в 100 м западнее отростка сибирского лога (между городищем Искер и местом расположения бывшей д. Алемасово) местный житель В. И. Быков случайно нашел на пашне массивный железный наконечник копья с длинной полосой для более прочного крепления к древку и защиты его от ударов рубящего оружия. В 2011 г. находка попала в фонды Тобольского музея. Это типичное оружие пехоты XV–XVII вв., несущее следы боевых повреждений. Очевидно, они были получены, когда пехотинец-пикер, упиривший тыльную часть древка в землю, принял на острие копья мощный удар корпуса атакующего коня. Перо наконечника слегка деформировалось и согнулось, а деревянное древко вместе с

железной полосой переломилось под прямым углом в самом уязвимом месте (отверстие для заклепки крепления). Эта находка указывает, что на участке, отделяющем цитадель от западного посада г. Сибир, происходили боевые столкновения его защитников с атаковавшей вражеской конницей.

Закончим обзор результатами поисков остатков посада г. Сибир на левом берегу речки Сибирки близ ее устья, на узком мысу, образованном обрывом Иртыша и логом речки (2007 г., А. А. Адамов). Здесь был заложен раскоп площадью 39 кв. м. Правда, исследователь видел в современном рельефе остатки искерской астаны, а они оказались контуром ровика скотомогильника конца XIX – первой половины XX в. с. Преображенского. Но под этим поздним слоем открылся культурный слой поселения с такими же находками, как на городище Искер¹². Эти исследования показали перспективность поиска восточной части посада г. Сибир.

Тогда же А. А. Адамов заложил раскоп №2 (площадь 24 кв. м) в 25 м западнее отростка лога речки Сибирки и на 25 м севернее иртышского обрыва. Задачей были поиски могильника, исследованного В. Н. Пигнатти в 1915 г. Но ни следов могильника, ни культурного слоя или находок селища в раскопе не оказалось. Лишь в почвенных верхних слоях были «немногочисленные фрагменты керамики, сделанной на гончарном круге и относящейся к XX в.»¹³. А. А. Адамов мог бы этого ожидать, прочитав статью В. Н. Пигнатти более внимательно: в ней сказано, что ни в погребениях, ни в насыпях курганов находок и костей животных не обнаружено. Поиск же остатков распаханного курганного могильника раскопом такой малой площади не мог быть удачным. Культурные слои с находками посадской части г. Сибир следует искать гораздо дальше на запад и северо-запад. Очевидно, это будет задачей будущих поколений российских археологов.

¹² Адамов А. А. Указ. соч. С. 39–40, рис. 2.

¹³ Там же. С. 41.

A. P. Zykov, V. V. Trepavlov
Site of Ancient Settlement of Isker Town in Siberia:
Archaeological and Historical Site of the 2nd Half of the 14th – 16th Centuries.

Key words: Siberian Khanate, capital city, Kuchum, Ermak, site of ancient settlement of Isker, excavation, collections.

Abstract: Town Sibir and its citadel, the remains of which is the site of ancient settlement of Isker, are valua-

ble sites of history and archaeology of the late Middle Ages in Western Siberia. The collection of all currently available data has been finished, and it is being thoroughly processed. The authors hope that they will be able to finish in a short time the preparation of the collective monograph under the conditional name “Town Sibir – Isker”.

Борисов городок: археологические материалы

Борисов городок – яркий, но отчасти забытый историографией памятник русской архитектуры, ландшафтного искусства и «престижной фортификации» конца XVI – первой половины XVII в. Впервые городок («замок») упомянут в дневнике посольства Л. Сапеги в Москву в 1600 г. и назван «Бароновым городищем» (испорченное «Бараново»)¹, а затем в описании путешествия С. Какаша и Г. Тектандера в 1602 г.² В 1778 г. крепость и церковь осмотрел академик Г. Ф. Миллер³. Только через полтора столетия, в 1947 г., П. А. Раппопорт⁴ изучил городище и фундаменты церкви, а также собрал письменные и изобразительные документы, касающиеся городка. Археологические раскопки на памятнике впервые проведены под руководством автора в 2009 г.

Городище Борисовское (так называется памятник в паспорте объекта культурного наследия) расположено на восточной окраине с. Борисово Можайского района Московской области, в 10 км южнее г. Можайска, на левом берегу р. Протвы (левого притока р. Оки). Сейчас памятник представляет собой округлый холм, размерами 35×43 м, отделенный рвом от коренного берега. Поверхность холма имеет уклон к востоку – к реке – и покрыта травой.

Борисов городок – многослойное поселение. Комплекс эпохи царя Бориса был построен на месте

городища I–IV и VI–VII вв. н. э. (материалы этого времени сохранились только в переотложенном состоянии), а также крепости XII–XIV вв. (слой этого времени, в том числе и остатки укреплений, сохранились в нижней части культурных наслоений)⁵.

Комплекс документов, включающий подробные описания и несколько планов Борисова городка, довольно велик (большая их часть приведена в статьях П. А. Раппопорта⁶). Это связано с тем, что после Смутного времени Можайск и Борисов городок оказались практически на границе государства, где проводилась инвентаризация пограничных крепостей и их ремонт. Все описания относятся ко времени после 1620 г., а планы – ко времени после 1650 г., так что в сравнении с большинством памятников рубежа XVI–XVII вв. городище можно считать хорошо обеспеченным традиционными источниками.

Строить резиденцию начали в конце 1590-х гг. в с. Борисове, центре большой вотчины, куда входили окрестные деревни и села с «говорящими» названиями Бараново, Коровино, Цыплино, Судаково и др., а также село Годуново. Мы не знаем всех деталей проекта, но можем предполагать, что, кроме построенной на городище стены и церкви, в крепости должны были построить дворец и мост через овраг к церкви (ворота располагались как раз напротив храма). Мост из дерева, действительно, появится, но только после 1630 г. (в описи этого года его еще нет⁷).

Кроме архитектурных сооружений, были построены дамбы на р. Протве – одна из них, длиной около 800 м, отделяющая часть поймы реки, сохранилась до сих пор. Эта дамба образовала восточный

¹ Пельгржимовский-Пелеш И. Дневник посольства гетмана Льва Сапеги в Москву в 1600 г. // Иностранцы о древней Москве. М.: Столица, 1991. С. 183.

² Тектандер Г., фон дер Ябель. Краткое, но обстоятельное и правдивое описание путешествия в Персию... // ЧОИДР. 1896. Кн. 2. III. С. 13.

³ Миллер Г. Ф. Описание городов Московской провинции. [Поездка в Можайск] // Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России: избранное. М.: Наука, 1996. С. 273.

⁴ Раппопорт П. А. Годуновская церковь в Борисове городке // КСИИМК. М., 1947. № 18. С. 66; Его же. Русское шатровое зодчество конца XVI века // Материалы и исследования по археологии Москвы. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. Т. 2. С. 272. (МИА; № 12); Его же. Борисов городок // Там же. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 3. С. 59–76. (МИА; № 44).

⁵ Янишевский Б. Е. Раскопки на Борисовом городке в 2009 году // Археология Подмоскovie: материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2012. Вып. 8. С. 229–245.

⁶ См. выше, примеч. 4.

⁷ РГАДА. Ф. (Разрядный приказ, Московский стол). Стб. № 40. Л. 375.

Рис. 1. Современный вид Борисова городка с севера (от места Борисоглебской церкви). До раскопок 2009 г.

берег пруда, а западный берег подходил к самому подножью городка. Вероятно, предполагалось как-то укрепить восточный склон холма, но этого так и не сделали. Пруд был наполнен, по-видимому, к 1604 г. – в этом году Борис Годунов посетил Борисов городок⁸. Из-за того, что склон холма городка к

пруду не был укреплен, восточная стена городка в 1680-х гг. обвалилась⁹.

Городок отделялся от коренного берега рвом (возможно, ров был лишь углублен, а вырыт еще при строительстве крепости в XII–XIV вв.¹⁰). Интересно, что как при строительстве древнерусской крепости, так и при строительстве Борисова городка в конце XVI в. культурный слой предыдущего времени переместили на склоны городища, увеличив, таким образом, размер площадки. Получилось, что стена конца XVI – начала XVII в. стоит на искусственной подсыпке, спускающейся на дно оврага (прием, очень похожий

⁸ «Ниже городка сажень со 150 на реке на Поротве – плотина по мере в длину 443 саж., поперек плотины по верху местами по 5, по 6 и по 7, и по 8 саж., от меры 17 саж. в высоту плотина местами ж по сажени и пол 2, и по 2 с четью, и по пол 3, и по 3 саж. А по скаске старожильцов та плотина строена при царе Борисе Федоровиче и устроена была мельница, о четырех жерновах, а по плотине построены были дворы мастеровых людей сапожников, кузнецов и портных мастеров, дворов со 100, и почины и погребы на той плотине и ныне знать... За рекою ж против города в пруде остров в длину 44 саж., а поперек 30 саж., в высоту 4 аршина, от реки 23 сажени, от плотины 97 саж. А по скаске борисовских казаков на том месте при царе Борисе Федоровиче бывали потешные чердаки и ездили к ним в лотках...» (Там же. Ф. (Разрядный приказ, Белгородский стол). Стб. № 770, III. Л. 219–228).

⁹ Там же. Ф. (Разрядный приказ, Приказный стол). Стб. № 898. Л. 2.

¹⁰ В желто-белом песке, покрывающем культурный слой XII–XIV вв. черного цвета, попадаются отдельные фрагменты керамики VI–VII вв. н.э., в том числе с ребром и лощением. Предположительно, песок был взят из углубленного рва и его склонов, где, по-видимому, располагалось селище второй – третьей четверти I тысячелетия н.э.

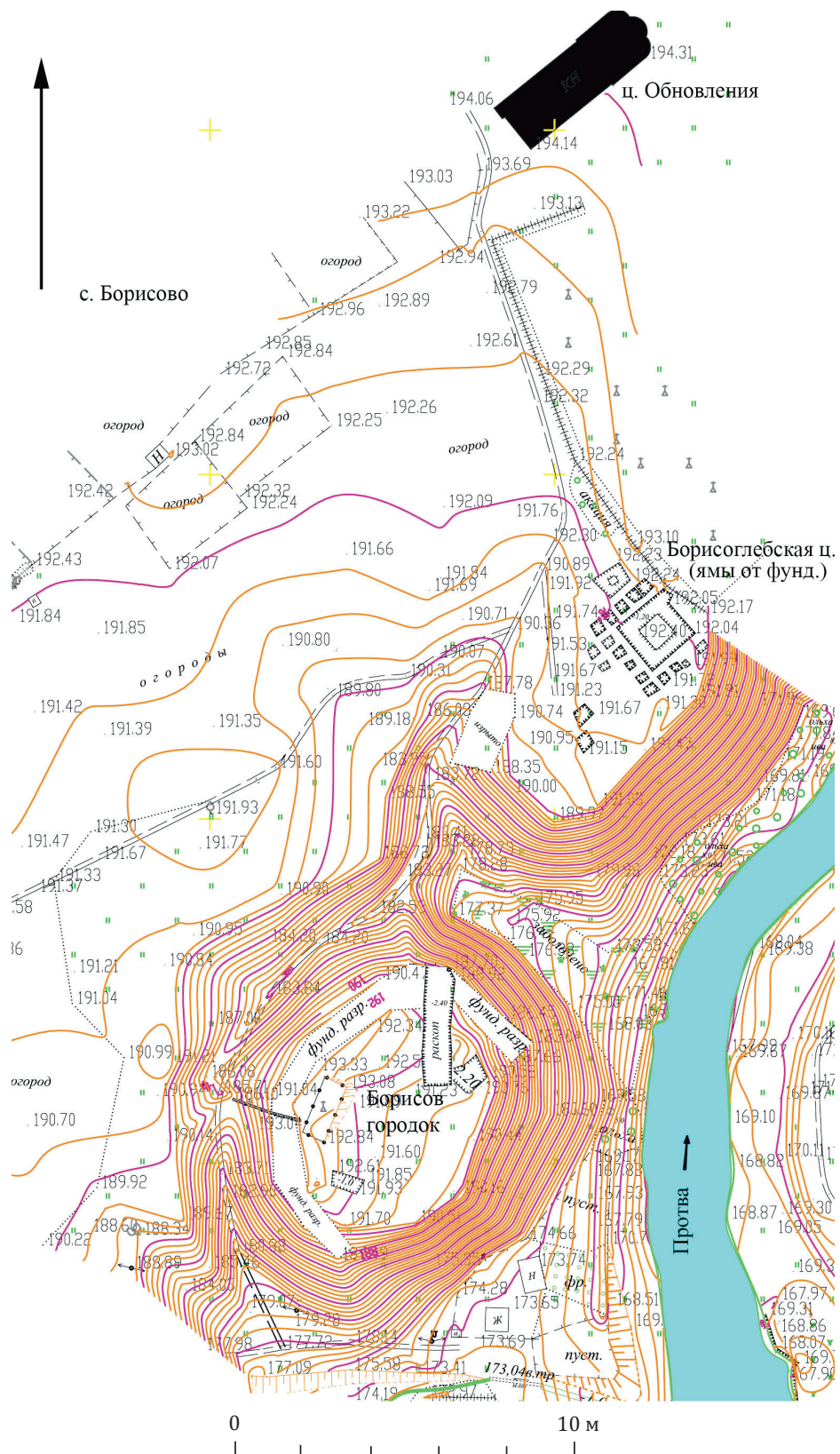

Рис. 2. План окрестностей Борисова городка с обозначением мест церквей и раскопа на городке

Рис. 3. Общий план Борисова городка, стены, Борисоглебской церкви, дамбы и пруда (реконструкция).
Съемка В. И. Куковенко

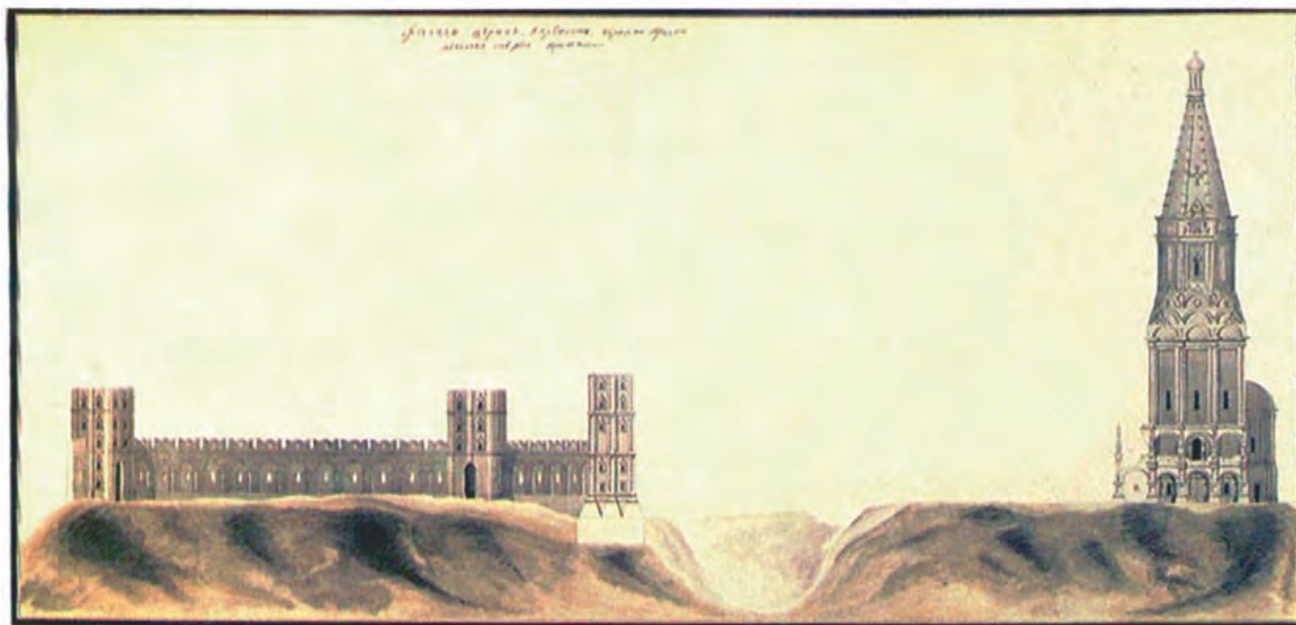

Рис. 4. Акварельный рисунок Борисова городка 1800 г.
ГИМ. Отдел изобразительных источников

на примененный через столетие при строительстве Ново-Иерусалимского монастыря¹¹). Более того, на культурный слой XII–XIV вв. при Борисе Годунове насыпали слой чистого песка толщиной от 2 до 4 м – вероятно, в целях выравнивания площадки городища, причем этот песок насыпался уже после строительства стены (что напоминает о знаменитом слое песка, покрывавшем Опричный двор в Москве).

На этот песок, закрытый сверху слоем суглинка, отложился слой XVII в. После того, как обвалилось восточное прясло стены, песок, покрывавший площадку и перекрытый чехлом из суглинка, постепенно высыпался наружу, поскольку его уже не удерживала стена, и площадка получила современный уклон к востоку, к реке.

Строительство стен предваряла постройка кирпичеобжигательных печей. Две точки их расположения известны – одно на берегу Протвы (300 м выше городка), второе на территории нынешнего села, у пруда. Вероятнее всего, глину использовали местную. Печи, как это было принято в XVI–XVII вв., представляли собой сводчатый тоннель из кирпича. Производимый кирпич – параллелепипед с размерами граней 30×15–17×8–9 см. При раскопках найден также фигурный кирпич для выкладки архитектурных элементов (колонок, полуколонок); он изготовлен в формах, позволявших придавать ему разнообразные, достаточно сложные, профили.

¹¹ См. статью М. А. Капитоновой в настоящем сборнике.

Раскоп (траншея 26×4 м) проходил от северного края городища строго на юг и заканчивался напротив ямы от осадного колодца. На краю городища заметен земляной вал высотой около 1 м. Этот вал был насыпан у подножия стены, разобранный в начале XIX в., и показан на одном из изображений Борисова городка с внешней стороны. Насыпан вал в один прием, из однородного грунта. Датировку вала определяют находки свинцовых круглых пуль и монет с надписью «государь всея Руси» XVI–XVII вв. Таким образом, вал того же времени, что и стена Борисова городка.

Фундамент стены – два ряда блоков белого камня, между которыми засыпан белокаменный бут, пролитый известью. Ширина основания фундамента 200–224 см. Сама стена была кирпичной, но ни одного ряда поверх фундамента не сохранилось, весь кирпич выбран около 1811 г.

Раскоп проходил с западной стороны от воротной башни, поэтому в раскоп попали фрагменты стены ворот из «слипшихся» кирпичных блоков, упавших после разрушения сооружения. Ряд фрагментов представлял собой необычную конструкцию, напоминающую о европейской декоративной готике: четыре кирпича образовывали коробку, внутрь которой было вложено два других кирпича. Такая коробка могла повторяться многократно. Подобная система кладки вряд ли была прочной, но качеством декоративности она, несомненно, обладала.

Раскоп попал на древнюю ложину, прорезавшую холм в меридиональном направлении. Эта

Рис. 5. Вид раскопанного участка фундамента стены Борисова городка. Вид с юга

Рис. 6. Разрез культурного слоя Борисова городка: нижний черный слой и деревянные конструкции – слой XII–XIV вв.; над ним – желтый песок – слой засыпки поверхности городка после строительства стены 1599–1604 гг.; в центральной части снимка – серый сектор в желтом песке – засыпка ложины-всхода на городище слоем, образовавшимся при пожаре погребов; в дальней части раскопа – упавшие кирпичи от башни ворот

Рис. 7. Слой сгоревших погребов. В профиле раскопа виден вал, к которому примыкали погреба изнутри крепости

лощина, вероятно, использовалась для всхода на площадку из ворот, вход в которые находился ниже уровня площадки¹², а выход – несколько выше, но тоже ниже поверхности внутри крепости. Существование этого всхода доказывает наблюдение за стратиграфией: небольшой песчаный вал высотой около 0,5 м, расположенный параллельно стене и примыкавший к ней, заканчивается в восточном направлении, не доходя 4–5 м до ворот. К этому валу изнутри крепости примыкают обугленные бревна. Между этими бревнами найдены хозяйственные предметы из железа (топор, два сошника, обруч от бочки) и краснолощенный кувшин. Скорее всего, это разрушенные в Смутное время погреба, позже, видимо, восстановленные: «От башни до ворот 11 сажен и к стене были приделаны 2 погреба, один 2-х, а другой 3-х сажен»¹³.

¹² На рисунке 1800 г. цоколь ворот показан значительно ниже подножия стены.

¹³ Опись 1664 г.: РГАДА. Ф. (Разрядный приказ, Белгородский стол). Стб. № 770, III. Л. 219–228.

Обугленные бревна попадают по уровню значительно ниже этого вала, но только в сторону ворот, там, где вал заканчивается, то есть бревна от погребов упали (или были сброшены) в некое понижение между погребами и воротной башней. Здесь же найдены замочки XVI–XVII вв. – шарообразный и два треугольных – типы, распространенные на широкой территории Восточной Европы и Сибири, от Латвии до города Мангазеи. Поверх слоя разрушения погребов отложились кирпичи от разрушенной воротной башни. На основании найденной в слое медной монеты, отчеканенной в период 1658–1663 гг., отложение слоя с кирпичами датируется второй половиной XVII в. Следовательно, заполнение лощины кирпичом от разрушенных ворот происходило во второй половине XVII в., что соответствует данным описей 1680-х гг. о начале разрушения стен и башен городка.

В слое разрушения башни ворот найдены части железных решеток, хотя в описи 1664 г. сказано, что окна в башнях не имеют решеток: «в башнях же

Рис. 8. Фрагмент башни, упавший в лощину-всход.
Хорошо видна коробка из четырех кирпичей, заполненная двумя половинками кирпичей

вместо боев сделаны полатные окна без решеток в жите по два окна на стороне и в тех во всех житях стены левкашены»¹⁴. Найденные решетки были покрыты серебристым металлом. По-видимому, в башнях (больше негде) были установлены и печи, украшенные красными неполивными изразцами. Интересно, что среди девяти найденных фрагментов изразцов только перемишки и городки, но ни одного лицевого изразца – видимо, их выбрали после разрушения печей для вторичного использования.

В целом, найденные при раскопках предметы (более 700) составляют комплекс, который относится к трем периодам существования городища. Периоды XII–XIV и XVI–XVII вв. хорошо отделяются друг от друга стратиграфически и по цвету культурного слоя, в некоторых местах достигающего толщины пяти метров и более. Особенно интересны находки бытовых и хозяйственных предметов конца XVI – первой половины XVII в., оружия (железные нако-

лечники стрел, пули, оружейные кремни, разного рода части ружей и инструментов для их обслуживания) и архитектурных элементов.

Как известно, Годунов построил много крупных крепостей на границах государства, призванных обозначить и защитить его границы: Царев Борисов южный, Царицын на Волге, монументальнейшая крепость Смоленска, две огромные крепости Белого и Земляного городов Москвы. Но Борисов городок нельзя ставить в один ряд с крепостями на «фронтире», какими мы привыкли их видеть. Перед нами недостроенный дворец – один из самых амбициозных, необычных, дерзких проектов царя Бориса, стоящий в одном ряду с колокольней Ивана Великого и «Святая святых» Кремля, известной нам только по описаниям.

Стены ограды были тонкими (всего в полсажени) и не очень высокими (от 1 до 3 сажен), зато богато декорированными – особенно их окна (именно окна – бойниц стены не имели!). Башни «замка» (четыре, не считая северной воротной) были в два раза выше стен.

¹⁴ Там же.

Борисов городок не задумывался как крепость. Это доказывается уже тем, что церковь Бориса и Глеба была построена вне стен, на соседнем, отделенном от городка оврагом участке коренного берега Протвы. Храм имел вид столпа высотой 74 м (при размерах основания 10×10 м), был окружен красивым гульбищем, а к западу спускалась лестница. Такая высотная доминанта, стоящая не более чем в 100 м, господствуя над городком, могла бы доставить обороняющимся много проблем. Видимо, не даром после событий 1606–1610 гг., перед «Королевичевым приходом» 1618 г., деревянный острог с пятью башнями был построен именно вокруг церкви¹⁵.

¹⁵ В остроге успешно оборонялись борисовские казаки под предводительством воеводы Константина Ивашкина, а после его ухода – Богдан Лупандин со стрельцами. См.: Новый летописец // ПСРЛ. СПб.: Издание Имп. археогр. комис., 1910. Т. XIV, половина I. С. 142–144.

Видимо, функция Борисова городка во многом репрезентативная. Здесь явственно читается замысел статусной царской резиденции, возможно, сознательно выдвинутой далеко к западу от Москвы (в городке, еще недостроенном, уже в 1600 г. принимали иностранных послов). По характеру это загородный двор, близкий к таким известным резиденциям, как Коломенское (церковь городка копирует шатровую «капеллу» загородного «замка» предыдущей династии, превосходя ее по высоте на 10 м¹⁶) и, возможно, Опричный двор Ивана Грозного в Москве. Но не только к ним – известное сходство обнаруживается и с пригородными резиденциями европейских правителей XVI–XVII вв.

¹⁶ Баталов А. Л., Беляев Л. А. Церковь Вознесения в Коломенском: архитектура, археология, история. М.: МГОМЗ, 2013. 204 с.

B. E. Yanishevsky

Borisov Town (Gorodok): New Archaeological Materials

Key words: the Early Iron Age, the pre-Mongolian period, the Time of Troubles, Boris Godunov, the czar's residence, a hip-roofed church, construction machinery, household items of the 16th – 17th cc., the Polish-Lithuanian intervention, archaeology and written sources.

Abstract: Borisov town is a country residence of the czar Boris Godunov built in his patrimony not far

from Mozhaishk in 1599–1604. There are a lot of written and artistic sources about its appearance and history. However, archaeological excavations have been made here for the first time. They gave a huge material about the history of the site before the palace was built there in the early Iron Age and Old Russian period, and significantly enriched the knowledge of the character of the palace complex.

Свияжск в XVII в.: страницы археологии

История Свияжска известна довольно хорошо. Что могла бы тут добавить археология, к тому же охраняемая, то есть в случайно выбранном месте? Данная работа базируется на материалах небольшого раскопа (под жилую застройку) на Рождественской площади города (рис. 1). В первую очередь, археологические раскопки опровергли бытовавшее мнение, что это место было занято старым монастырским кладбищем. Никаких следов погребений нами обнаружено не было. Напротив, при зачистке на уровне материка обнаружился следы довольно плотной застройки (рис. 2). На сравнительно небольшом участке (площадью 285 кв. м) были выявлены контуры подземных частей десяти разновременных (XVI – конца XIX в.) построек жилого и хозяйственного назначения, 19 хозяйственных ям, а также небольшие столбовые ямы и канавки.

Начало истории Свияжска относится к 1551 г. Период его расцвета приходится на середину XVI – XVII в. Именно в это время начинается освоение исследуемого участка.

К самым ранним сооружениям относятся две деревянные постройки (8 и 10), а также некоторые хозяйственные ямы. Постройки ориентированы строго по сторонам света.

Постройка 10 является самым ранним выявленным сооружением. Контуры постройки плохо читались в материке. Постройка была слабо заглублена в материк. Котлован подпрямоугольной формы был заполнен светло-серой сильно опесчаненной супесью. Его габариты составляли 3,2×2,9 м. По периметру дна котлована зафиксированы восемь круглых столбовых ямок диаметром 10–12 см (рис. 3).

В это же время или чуть позднее появилась постройка 8 с глубокой подвальной частью и несколько хозяйственных ям. Заполнение котлованов этих объектов аналогично заполнению котлована постройки 10.

В заполнении постройки 8 встречено довольно много крупных кусков оконной слюды разнообраз-

ной конфигурации: треугольные, ромбические, различные трапециевидные, что позволяет представить фигурные слюдяные окна здания.

Сооружения, вероятно, отапливались печами. Об этом свидетельствуют найденные здесь и в переложенном слое фрагменты красных широкорамочных московских изразцов «большой руки» с коробчатой румпой. Встречены лицевые изразцы с военными сюжетами со сценами осады и взятия крепости, фрагменты изразца с изображением всадника с соколом, изразцы с растительным орнаментом, фрагмент с изображением единорога и несколько простых витых перемычек. Большинство из них имеет твердые аналоги среди московских серий.

Мы очень мало знаем об устройстве печей с широкорамочными изразцами и, пожалуй, почти совсем ничего о принципах построения композиции изразцов на них. Поэтому практически невозможно сказать, нашли ли мы остатки одной или нескольких печей. Ясно только, что «осадная» серия принадлежала, скорее всего, к одной и составляла некий развернутый «рассказ» (рис. 3: 4).

Материал из самих сооружений немногочислен и относится к XVI–XVII вв.: медные монеты ручной чеканки – пуло тверское и копейка Алексея Михайловича, два креста-псевдоэнколпия, две пуговицы-гирьки, калачевидное кресало. Найденная обоймица ножен и ледоходный шип позволяют предположить военную профессию хозяина постройки (рис. 3: 1, 2, 3).

Среди массового материала имеется небольшое количество фрагментов от красноглиняных гладких горшков московского типа, обломки белоглиняных гладких горшков и несколько фрагментов чернолощенной посуды. Керамика в целом может быть датирована второй половиной XVI – первой половиной XVII в.

Все найденные вещи этого хронологического периода абсолютно московского облика.

Вероятно, постройки 8 и 10 были аккуратно разобраны за ветхостью в середине XVII в.

This figure presents an archaeological site plan and associated artifacts. The central plan shows a large, irregularly shaped structure, possibly a kiln or furnace, with a long, narrow opening on the left side. A scale bar is placed horizontally across the middle of the plan. Surrounding the main structure are several smaller, circular features. Four numbered insets provide details of specific artifacts:
 1. A decorative cross-shaped object, likely a metal fitting or ornament, shown in two views.
 2. Two small, dark, elongated objects, possibly metal pieces or tools.
 3. A long, curved, dark object, possibly a metal handle or part of a tool.
 4. A collection of small, rectangular objects, possibly pottery or metal fragments, shown in two views.

209

Вслед за разбором ветхих сооружений и планировкой участка наступает следующий этап застройки – сооружается усадьба совершенно иного облика. При этом общая ориентировка сохраняется. В наш раскоп попали два жилых сооружения из этого комплекса (постройки 2 и 6). Постройки были деревянными и имели довольно широкую глиняную забутовку подземной части. Строительство подземной части таких построек велось следующим способом: первоначально был вырыт глубокий котлован с наклонными стенками и почти ровным дном. Затем в котлован была впущена бревенчатая конструкция. Пространство между стенками котлована и деревянной конструкцией в дальнейшем было забутовано чистой глиной.

Обе эти постройки сгорели в мощном пожаре.

Котлован постройки 2 представляет собой прямоугольную в плане форму со скругленными углами размерами 4,2×4,0 м. Он заглублен на 1,4 м от уровня материка. В котлован впущена деревянная конструкция прямоугольного подвала размерами 2,9×2,3 м. Пространство между стенками котлована и деревянной конструкцией забутовано глиной. Ширина глиняной забутовки восточной и западной стен достигает 85 см, а северной и южной значительно уже (рис. 2).

В подземной части постройки 2 были выявлены обгоревшие части конструкции бревенчатых стенок погреба, а также зафиксированы фрагменты наземных частей сооружения. Среди обгоревших элементов деревянных строительных конструкций встретились железные: кованые гвозди, скобы, костыли. Помимо ярко выраженного горелого слоя, сохранившийся в материке подпол был забит горелыми досками пола, чудовищно ошлакованной, раздутой керамикой и обломками горелых изразцов, печными кирпичами.

В дальнейшем к изразцам, найденным в постройке, были добавлены фрагменты, обнаруженные в других частях раскопа в переотложенном состоянии. Изразцы явно относились к набору одной печи, но попали в слой в результате расчистки территории после большого пожара.

Собранный комплект изразцов содержит полный печной набор, который позволяет реконструировать саму печь. В печной набор входят шесть вариантов лицевых изразцов, валики и карнизы. Карнизы двучастные и выполнены таким образом, что могут служить в зависимости от расположения как переходным карнизом, так и короной печи. Не обнаружено ни единого фрагмента ножек или арок, что позволяет сделать предположение о том, что печь стояла на «глухом» основании.

Все изразцы сильно обгорели, потеряв первоначальный цвет. Нынешняя поверхность их «рябая», то есть покрыта сетью мельчайших углублений, скорее всего вследствие воздействия сильного пла-

мени. Румпа коробчатая, так же, как и на широко-рамочных изразцах. Однако рамки на этих изразцах уже нет никакой. При этом сохранилась законченность, замкнутость сюжета на каждом отдельно взятом изразце, в отличие от коврового принципа, возобладавшего во второй половине XVII в. в центральной части страны¹. Пластины квадратные (19,5×19,5 см), в отличие от прямоугольных (вытянутых) в длину московских изразцов этого времени. Рельеф невысокий, плавный, с тщательной проработкой мелких деталей и характерным «зубчатым» заполнением фигур. Фоновое пространство между фигурами чистое, ничем не заполнено. Ни на одном из изразцов не сохранилось следов ни поливы, ни ангоба. Впрочем, абсолютно исключить ангобирование нельзя в силу слишком сильной обгорелости найденных фрагментов. Поливы же, скорее всего, не было. Помимо того, что не найдено ее остатков, невысокий рельеф с большим количеством мелких деталей технологически не предполагал поливы, слой которой уничтожил бы большинство подробностей тонкого рисунка. Все эти особенности позволяют отнести изразцы к середине XVII в. А совокупность технологических характеристик, не присущих ни одной из известных изразцовых мастерских, дает возможность предположить существование местной мастерской.

Абсолютно оригинальны и сюжеты композиции.

Начнем описание с обрамляющих деталей, повторяющихся частей.

Валики. Найдено 19 фрагментов и 1 целый изразец. Размеры 21,0×9,0 см. В отверстии румпы одного из них сохранилась глиняная пробка. Валик имеет две гладкие полочки. Исходя из особенностей рисунка, он может располагаться только горизонтально. Рисунок представляет собой сетку из трех ромбов, в центре каждого из которых находится круглая маска или личина с изображением человеческого лица с открытым ртом, миндалевидными глазами и четко обозначенным носом (рис. 4: 1). Валики с похожей схемой рисунка известны и в других местах, но нет ни одного, украшенного подобными личинами. Во всех известных вариантах центр ромбов занимают изображения цветков.

Карнизы. Найдено 25 фрагментов и 1 целый изразец. Карнизы двучастные. Размеры 21,0×10,0 см. Карниз имеет узкую прямую часть и широкую выпуклую. Прямая часть украшена восемью треугольниками, завершающимися через раз перевернутым треугольничком и кружочком. Прямая часть отделена от выпуклой небольшим валиком, имитирующим витую перемычку. На выпуклой части волнообразно в шахматном порядке расположены сердечкообраз-

¹ Беляев Л. А. Московские печные изразцы до начала XVIII в.: (опыт археологической систематизации) // Коломенское: материалы и исследования. М., 1993. Вып. 5, ч. 1. С. 19.

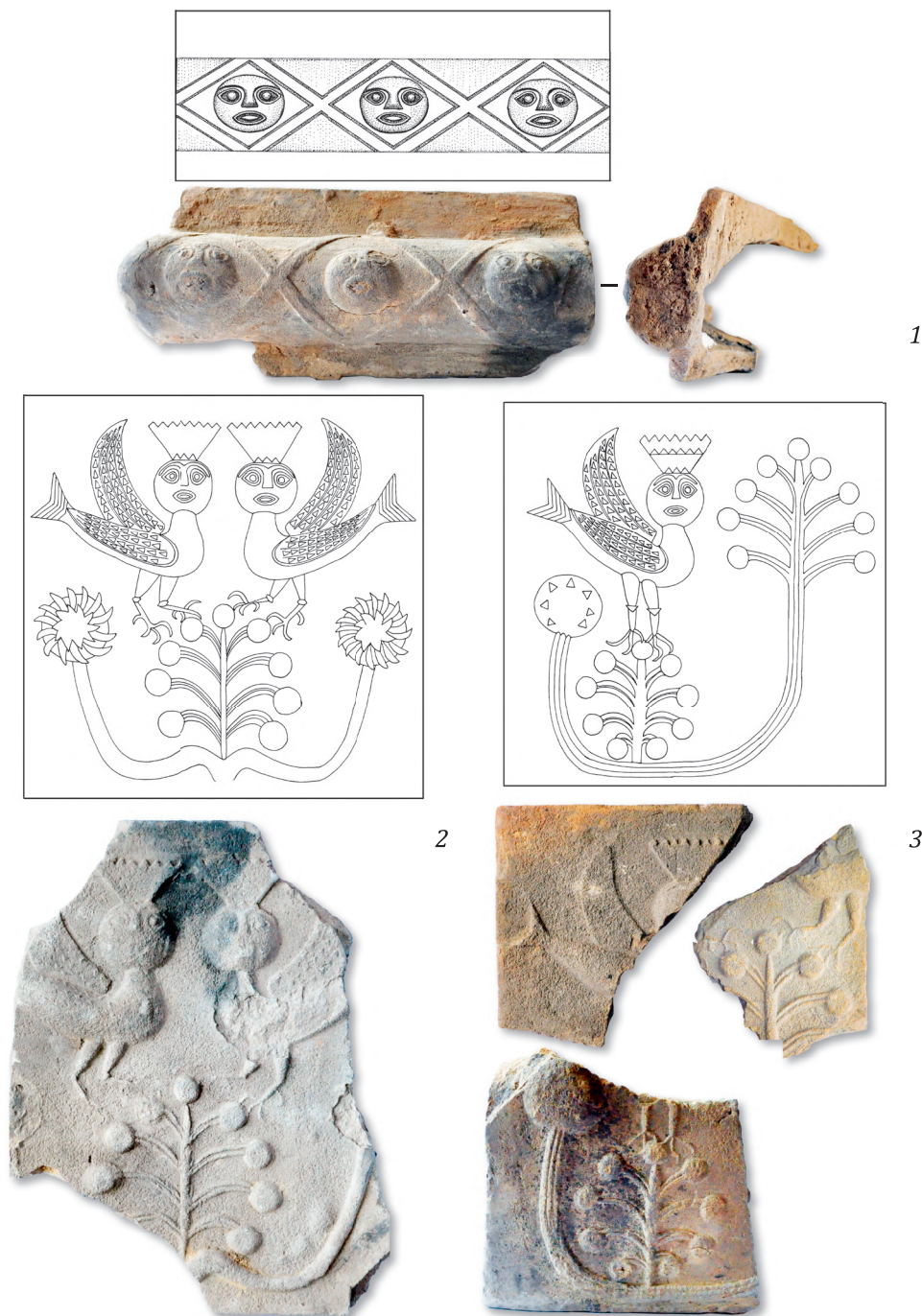

Рис. 4. Изразцы от печи из сгоревшей постройки XVII в.:
1 – валики; 2–3 – лицевые изразцы с изображением волшебных птиц

ные элементы с отгибами-«рожками»: три целых и по половинке по углам. Внутренняя часть этих элементов заполнена орнаментальными линиями, состоящими из мелких треугольничков. Центральная фигура заполнена двумя рядами треугольников, остальные фигуры содержат по одному ряду. Завершается карниз узкой рамкой. Как правило, карнизы готических и ренессансных печей имеют более

сложную, так называемую каблучковую, форму выпуклой части, и в печном комплекте представлены, как минимум, в двух вариантах – в виде переходного карниза каблучковой формы и в виде такого же карниза, дополненного невысокой прямой частью, украшенной рядом простых треугольников. Схема второго варианта совпадает со схемой карниза из Свияжска. Такие карнизы ставят, если можно так

выразиться, вверх ногами, чтобы они не сужали, а расширяли общую площадку печи. Карнизы выполняют роль переходного элемента к короне или же самой короны. Печь из постройки 2 имела именно такое завершение.

Переходим к лицевым изразцам. Все они квадратные, размерами 19,5×19,5 см. Из найденных фрагментов собрано шесть различных парных сюжетов.

Первая пара сюжетов – изображения волшебных птиц, сидящих на верхушке дерева. Всего найдено 22 фрагмента изразцов с этим сюжетом. Размеры обломков не всегда дают возможность четко определить вариант сюжета, так как отдельные элементы изображения повторяются вплоть до деталей. В первом сюжете волшебные птицы Сирин и Алконост изображены абсолютно одинаково, только повернуты зеркально, сидя по разные стороны от верхушки дерева, навстречу друг другу. Туловище их напоминает рыбе и заканчивается двузубчатым рыбьим хвостом. Одно крыло поднято вверх, второе уложено вдоль туловища. Лица птиц человеческие, аналогичные маскам на валиках, повернуты к зрителю. Венчают головы волшебных птиц многозубчатые (7–8 зубчиков) короны. Короны и крылья украшены рядами мелких треугольничков, хвост – параллельными линиями, изображающими чешую. Птицы сидят на вершине небольшого деревца, все девять веточек которого заканчиваются круглыми плодами (райскими яблоками). От корней дерева отходят побеги, заканчивающиеся крупными многолепестковыми звездчатыми цветами (рис. 4: 3).

Во втором сюжете (парном) птица одна. Изображение птицы-девы полностью повторяет изображение левой птицы первого изразца, кроме одной детали короны – в короне этой птицы присутствует дополнительная линия треугольников. Скорее всего, на парном изразце сидит не Сирин, а какая-то другая волшебная птица. Дерево тут выглядит по-другому. Оно несимметрично. Птица сидит непосредственно на вершинке небольшого деревца с девятью ветками, заканчивающимися круглыми яблоками, идентичного деревцу на первом изразце. Такое же деревце находится на завершении правого побега, однако гораздо выше, напротив изображения самой птицы. Левая часть побега, за спиной птицы, заканчивается круглым плодом, покрытым чешуйками. Возможно, в этом сюжете птица стережет некий волшебный плод райского сада (рис. 4: 2).

Изображения волшебных птиц-дев широко распространены в русском искусстве, в том числе и на изразцах. Изразцы из Свияжска не исключение, хотя и обладают самобытной выразительной манерой исполнения сюжета. Следует сказать, что девы-птицы из Свияжска более всего похожи на изображения Сирина и Алконоста на лубках. Именно там

они обычно нарисованы с распахнутыми крыльями, сидящими на вершине райской яблони, покрытой цветами и плодами².

Вторая пара лицевых изразцов содержит сюжеты охоты. Всего найдено 13 фрагментов таких изразцов. Их объединяет изображение охотника. На обоих изразцах охотник изображен стреляющим из кремневого ружья. На охотнике короткая подпоясанная одежда с узорчатым (вышитым или из тканой ленты) подолом и узкими длинными рукавами (отсутствие бортов позволяет предположить, что охотник одет в рубаху, застегнутую у ворота на пуговицу), узкие штаны, заправленные в мягкие сапоги без каблука (характерные для верховой езды) с опушкой по краю голенища, и высокая, расширяющаяся кверху узорная шапка (или корона?) на голове. Орнаментально украшен и приклад ружья.

На первом изразце из пары охотник расположен в верхнем левом углу лицевой пластины и прицелился в находящегося прямо на уровне его глаз орла. Орел увенчан короной и сидит на верхушке такого же деревца с круглыми плодами на ветках, как и девы-птицы из предыдущей пары, накрыв собой верхушку деревца. Крылья его распахнуты, голова с яростно раскрытым клювом повернута в сторону стреляющего человека. Орел слегка отшатнулся от охотника, его поза очень напряженная, он как будто пытается взлететь. На левом побеге дерева сидит еще одна крупная птица, клюющая плоды деревца. Явно противостояние царственного охотника и царственной птицы. По-видимому, камнем преткновения служит райская яблоня (рис. 5: 1).

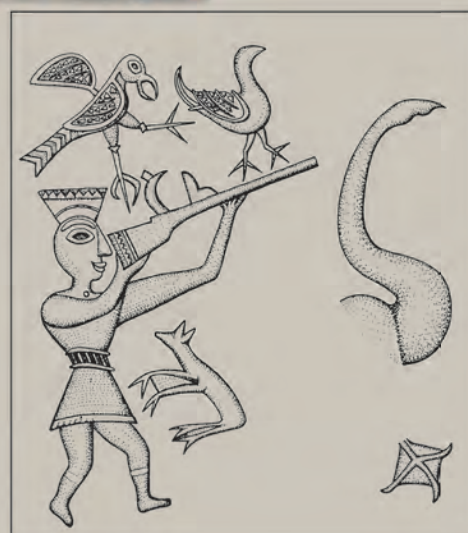
Рисунок второго изразца восстановлен не полностью. Здесь охотник находится в нижнем левом углу изразца. Его корона украшена только одним рядом узоров (в отличие от двух рядов на первом изразце). Дуло ружья поднято вверх. По прикладу и дулу ружья бегут две птицы (мешают? направляются?). Объектом нападения служит некий зверь из бестиария. От него сохранился длинный гибкий хвост и перепончатая лапа. Так изображались водные драконы. Видно также изображение небольшого остроухого зверька, расположенного мордой к охотнику и практически упирающегося в него когтистыми лапами. Скорее всего, это собака. Лает ли она на птиц или сама оказалась жертвой дракона, не вполне понятно. Для точной реконструкции не хватает нескольких фрагментов рисунка. Пожар и время не пощадили лицевые пластины, часть изображения на них сколота (рис. 5: 2).

В обоих случаях царственный стрелок сражается с некими волшебными существами. Обращает на себя внимание и оружие. В то время для охоты все же чаще применялись луки, стрелы и копьё. В израз-

² Ровинский Д.А. Русские народные картинки: в 2 т. СПб.: Р. Голике, 1900. Т. 1. Стб. 125, 127 (№ 207).

1

2

3

Рис. 5. Изразцы от печи из сгоревшей постройки XVII века: 1, 2 – лицевые изразцы с изображением сцены охоты;
3 – аналог сюжета, изображенный на стенке сундучка с Северной Двины (район Борка)

цовом реестре такие сцены будут известны позже, в результате привнесения в Россию моды на символику и эмблематику. Но это уже будут гладкие расписные заводские изразцы.

Рельефные варианты подобных композиций, связанные со становлением этой части культуры, известны только по мастерским Ново-Иерусалимского монастыря.

Историкам русского народного искусства подобный сюжет охоты на птицу, клюющую райские яблоки, известен по росписям на деревянных изделиях, в частности на сундучке для приданого из коллекции ГИМа, датирующемся первой четвертью XVIII в. Сундучок привезен с Северной Двины (район Борки). На одной из его стенок изображена сияющая необыкновенной кроной райская яблоня, на вершине которой клюет плоды волшебная птица. Охотник стреляет в нее из ружья. С другой стороны дерева нарисована остроухая охотничья собака, собака, чье внимание также поглощено птицей (рис.5: 3). На более поздних сундучках этой коллекции в сценах охоты на птиц все волшебные фантастические элементы, явственно видные на сундучке первой четверти XVIII в., пропадают. Рисунок сохраняется уже просто как бытовая сцена³. Скорее всего, это свидетельствует о том, что исчез из бытования сам сюжет. Возможно, на печке из Свияжска сохранился отраженный в материальной культуре небольшой кусочек духовной культуры того времени.

И наконец, третья и последняя пара лицевых изразцов, на которых изображены персонажи бестиария. Эти изразцы наиболее фрагментарны. От первого сохранились только части развевающейся гривы и надпись «левъ», сделанная в зеркальном отображении. Это частая ошибка при изготовлении изразцов. Найдено три фрагмента с этим сюжетом.

Изображения львов известны еще на широкорамочных изразцах. Иногда, как в данном случае, они сопровождаются уточняющими надписями. Повидимому, львы не всегда были узнаваемы зрителями. Причем один из известных муравленых изразцов (из Муром) дает нам аналогичный фрагмент гривы и надпись «левъ» над ней⁴.

Существо, изображенное на втором изразце пары, сохранилось лучше. Найдено 11 фрагментов с этим сюжетом. Это хищный зверь с крупными когтистыми лапами, мощным поджарым телом, высокой шеей и длинным хвостом с кисточкой. К сожалению не найдено ни одного фрагмента морды существа. Это единственный сюжет данной печи, где рисунок направлен справа налево. В изразцовых каталогах есть несколько экземпляров изразцов с похожими изображениями волшебных зверей⁵.

³ Жегалова С.К. Русская народная живопись. М.: Провсвещение, 1984. С. 67.

⁴ Маслих С.А. Русское изразцовое искусство в XVI–XIX вв. М.: Изобраз. искусство, 1983. Рис. 73.

⁵ Там же. Рис.8; Филиппов А.В. Древнерусские израз-

цы. Как располагались эти изразцы в печном наборе, можно только предполагать. Корона печи была, видимо, исполнена из карнизов. Большое количество обломков валиков с личинами позволяет предположить, что они были использованы в составе печи, как минимум, дважды, что обычно для печей того времени⁶. Из лицевых изразцов больше всего найдено фрагментов с изображениями волшебных дев-птиц. Возможно, они обрамляли мифологические сюжеты, перемежаясь с изображениями мифических зверей. Отсутствие ножек и арок дает основание считать, что печь стояла на «глухом» основании. Вся печь была узорчатой, поскольку гладких изразцов при раскопках найдено не было. В остальном при реконструкции приходится полагаться только на воображение (рис. 6).

Подводя итоги, можно сказать, что при раскопках был найден совершенно уникальный набор изразцов. Удивительные карнизы, необычные валики, развернутый пересказ мифологических историй, выполненный в абсолютно оригинальной манере и не имеющий аналогий в русском изразцовом производстве. Даже в наиболее близко расположенной Казани подобных изразцов до сих пор не найдено.

Изразцы выполнены очень аккуратно из плотной хорошей глины, тщательно оттиснуты в формах. Невысокий плавный рельеф, тонко проработанные детали, мастерски выполненные изображения говорят нам о ярком даровании выполнявшего их художника, создавшего свой неповторимый стиль. Поиски истоков сюжета уведут нас в народное искусство – лубочные картинки и росписи по дереву. Высокое качество самих изделий демонстрирует высокую квалификацию мастеров-изразечников. До сих пор изделия этой мастерской не были известны. Изразцовый набор имеет несомненную художественную и историческую ценность.

К элементам интерьера также относятся выявленные в заполнении котлована постройки красноглиняные квадратные плитки пола.

Найденные в подземной части фрагменты слюдяных оконцев различной формы (прямоугольные, трапециевидные и другие) позволяют говорить о существовании в прошлом у постройки узорного окна.

Среди находок сооружения имеются целые формы керамических сосудов. Многие предметы сильно деформированы и ошлакованы, что еще раз подтверждает мощь бушевавшего пожара.

Комплекс керамики очень любопытен и чрезвычайно разнообразен. Тут нет московских типов.

цы XVII в. М., 1938. Вып. 2. Рис. 40, 43, 78; Розенфельд Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М., 1968. Табл. 20–22. (Археология СССР. Свод археологических источников; [вып.] Е1–39); Баранова С.И. Русский изразец. М.: МГОМЗ, 2011. С. 45, 72.

⁶ Немцова Н.И. Исследование и реставрация русских изразцовых печей XVII–XVIII вв. // Коломенское: материалы и исследования. М., 1993. Вып. 5, ч. 1. С. 32.

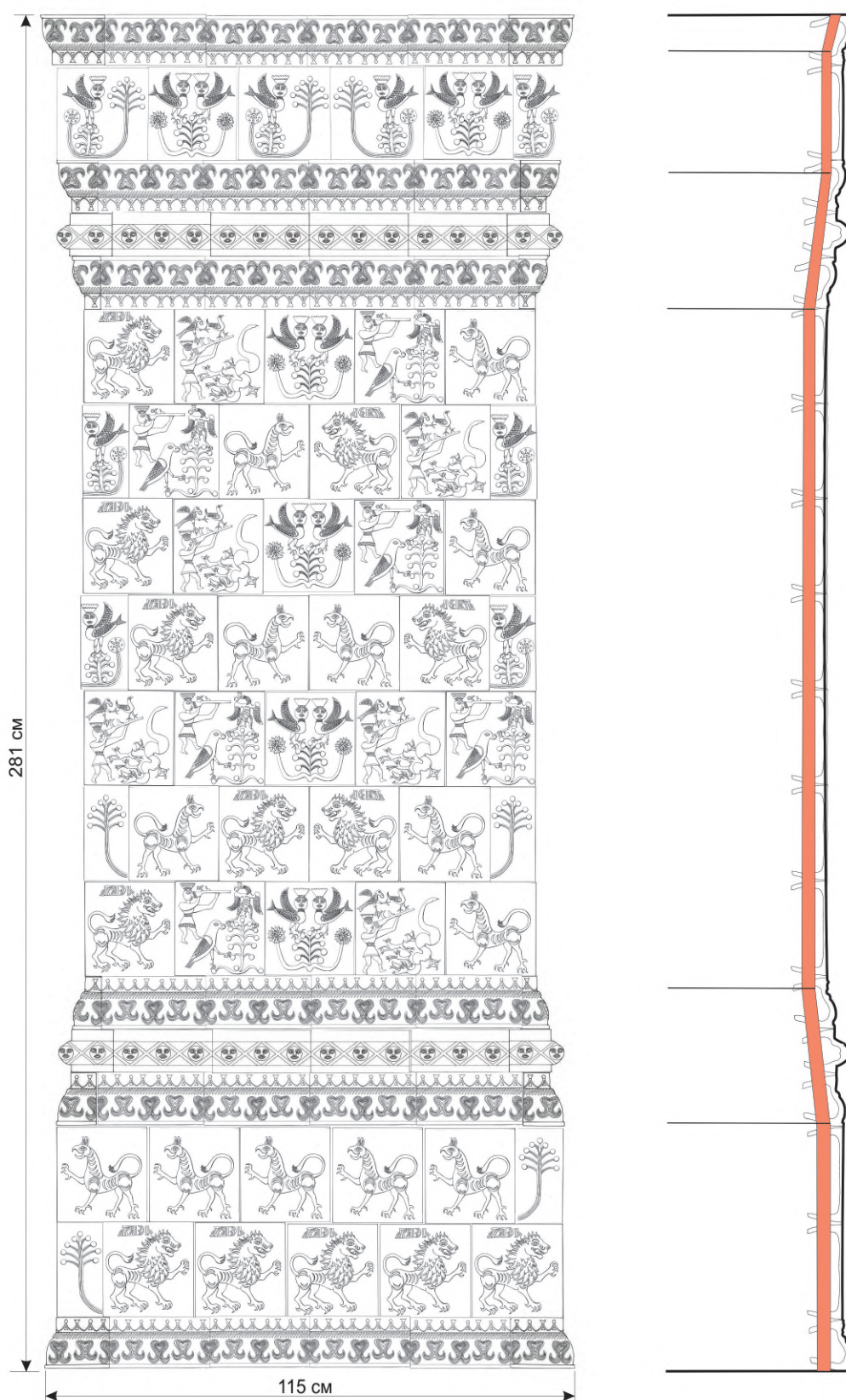

Рис. 6. Реконструкция печи из сгоревшей постройки XVII века

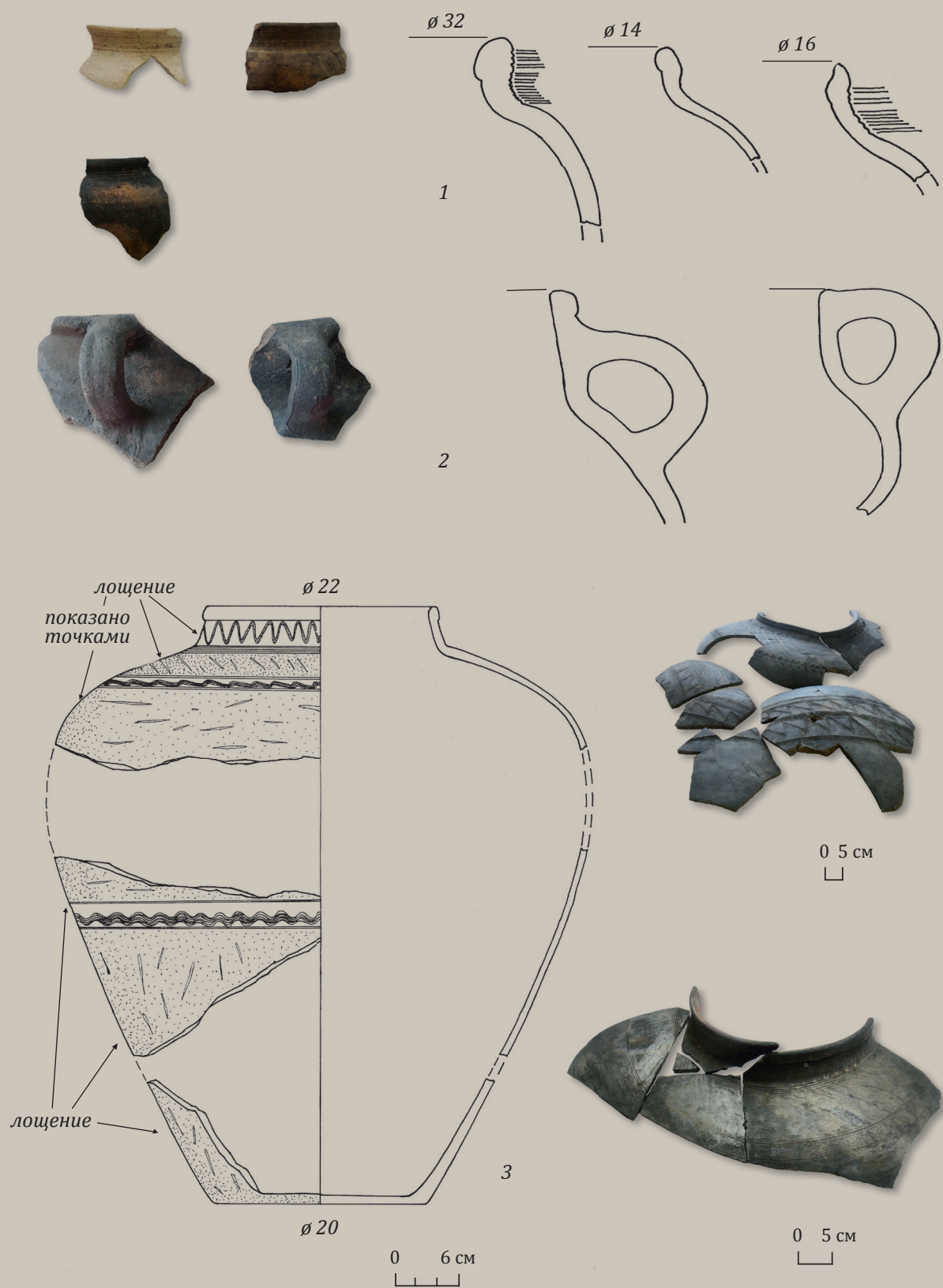

Рис.7. Керамика усадьбы XVII века:
1 – горшки коломенского облика; 2 – сосуды постболгарского типа; 3 – чернолощенные корчаги

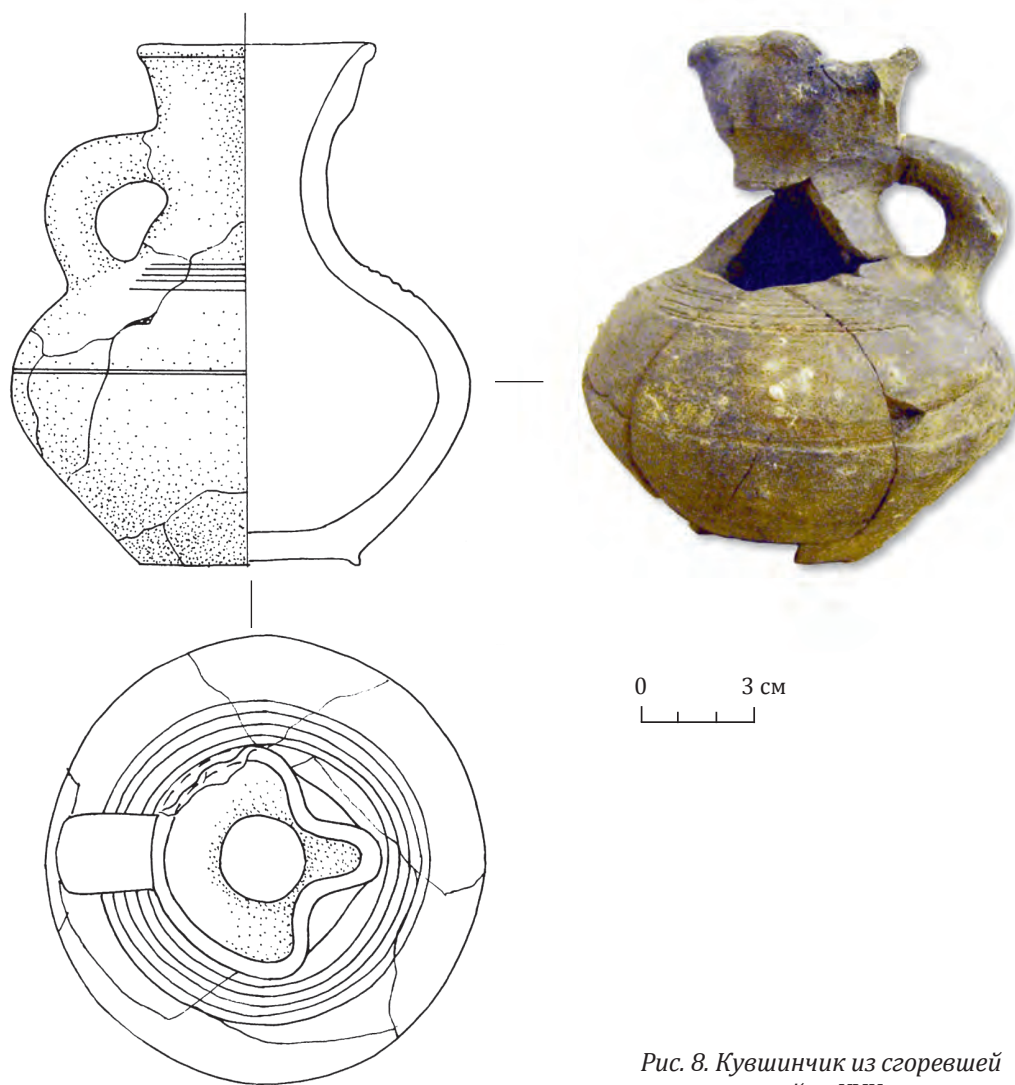

Рис. 8. Кувшинчик из сгоревшей постройки XVII века

Но зато встречаются горшки коломенско-рязанского облика, изготовленные из местных красножгущихся глин. Скорее всего, таким образом гончары, переселенные из Торжка Пересвитского, приспособились к местным условиям и продолжали лепить привычные типы посуды из не вполне подходящей для этого местной глины. В комплексе преобладает посуда, покрытая белым ангобом, причем как повторяющая формы белоглиняных гладких горшков коломенского типа, так и совершенно отличная от них.

Отдельная тема – горшки постболгарского облика с высокими прямыми шейками и двумя ручками. К болгарской керамике восходят крупные корчаги, уже чернолощенные, но формой и богатой орнаментикой воспроизводящие болгарские типы краснолощеной тарной посуды (рис. 7). Мелкие поливные кувшинчики и кумганчики сохраняют восточный

облик, как и посуда со штампами (рис. 8). Поражает обилие разнообразных мисок и мисочек. Таким образом, комплекс керамики данной усадьбы демонстрирует нам смешение различных традиций и стилей, сосуществование их в рамках одного объекта.

Помимо керамических сосудов, найдены осколки столовой посуды зеленого стекла (ручка, венчик кувшина, горлышко штофа со сливом).

Из нумизматического материала в постройке найдена лишь одна монета – медная копейка, отчеканенная в правление царя Алексея Михайловича.

Размеры постройки 6 не установлены, так как ее большая часть «ушла» в северный борт раскопа. Однако размеры котлована не менее 7,5×6,5 м позволяют говорить о том, что постройка была грандиозной. Сооружение имело довольно объемный погреб, глубина которого составляет не менее 3 м от уровня

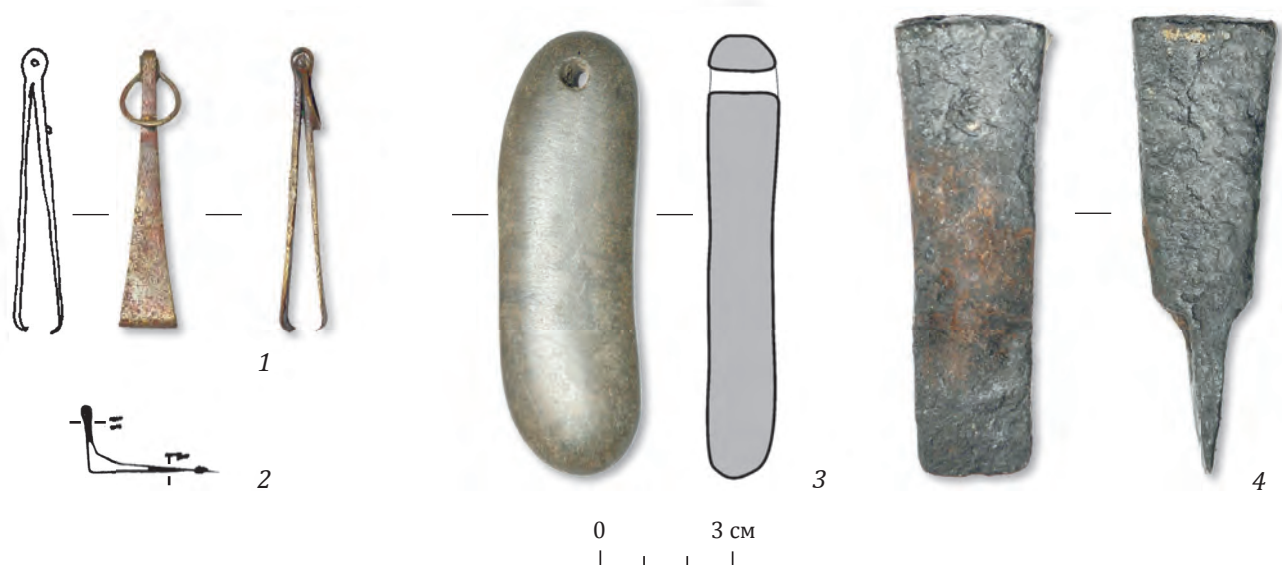

Рис. 9. Предметы ювелирного производства: 1–2 – пинцет; 3 – пробирный камень; 4 – наковаленка

материка. Широкое пространство между стенками котлована и подземной конструкцией погреба забутовано глиной. Глиняная забутовка в западной части постройки достигает ширины двух метров. Там же зафиксирован вход, покрытый (?) циновками (рис. 2).

От постройки сохранились части подземных деревянных конструкций погреба, а также фрагменты наземных конструкций (доски пола и балки), провалившиеся в погреб во время пожара. К элементам металлических креплений относятся найденные в подземной части как отдельно лежащие, так и непосредственно находящиеся в досках железные скобы, петли, костыли, гвозди и т.д.

В заполнении котлована были найдены фрагменты красноглиняных плиток пола, аналогичные обнаруженным в постройке 2.

В постройке 6 найдено большое количество разнообразных и по времени, и по назначению предметов. Вероятно, котлован был засыпан постепенно. Это подтверждается тем, что находки более раннего времени (времени бытования и гибели постройки) происходят из нижней части котлована.

Керамический комплекс указывает на использование в быту чернолощеной, мореной и поливной посуды (мисок и горшков). Интересной находкой является фрагмент чернолощеного зооморфного рукомя.

Находки, относящиеся непосредственно ко времени бытования усадьбы, многочисленны и разнообразны. Среди них имеются предметы, характеризующие быт и занятия насельников усадьбы. Это монеты ручной чеканки, бытовые предметы (ключ, светец для лучины, ножи, кресала), орудия рыбной ловли. Само расположение города предполагает занятие рыболовством. Археология подтверждает это.

Найдены рыболовные грузила для разного типа сетей, крючки, иглы для плетения сетей, обилие костей рыб.

Ювелирный пинцет и пробирный камень указывают то, что здесь могло существовать ювелирное производство. Находка миниатюрной наковальни в слое того же времени рядом с постройкой косвенно подтверждает это предположение (рис. 9).

Материал из построек частично дополняется находками из хозяйственных ям и соответствующими времени предметами из переотложенного слоя.

Хозяйственные ямы находятся на дворе усадьбы, немного западнее построек и относятся к тому же времени существования. Они представляют собой остатки ремесленных мастерских, забитые обрезками кожи и обувными подковками. Среди находок обнаружены сапожные инструменты (сапожные (?) ножи, иглы и шило) и даже готовая обувь. Наличие этих находок указывает на существование в этом месте сапожной мастерской (рис. 10).

В слое также зафиксированы находки рабочих ножей, пряслица в форме небольших свинцовых кружочков, ножницы, шерстяные тканые фрагменты и остатки изделий в технике вязания по спирали при помощи кочедыка. Эти предметы косвенно указывают на изготовление одежды в домашних условиях (рис. 11).

Мы не можем указать точное время строительства усадьбы. Предполагаем, что возведение рассматриваемых построек относится ко второй половине XVII в. (по датировке изразцовой печи) и состоялось уже после разбора построек 8 и 10. Дата гибели построек в пожаре маркируется монетами, обнаруженными в постройке 6. Самой поздней из них является денга 1746 г.

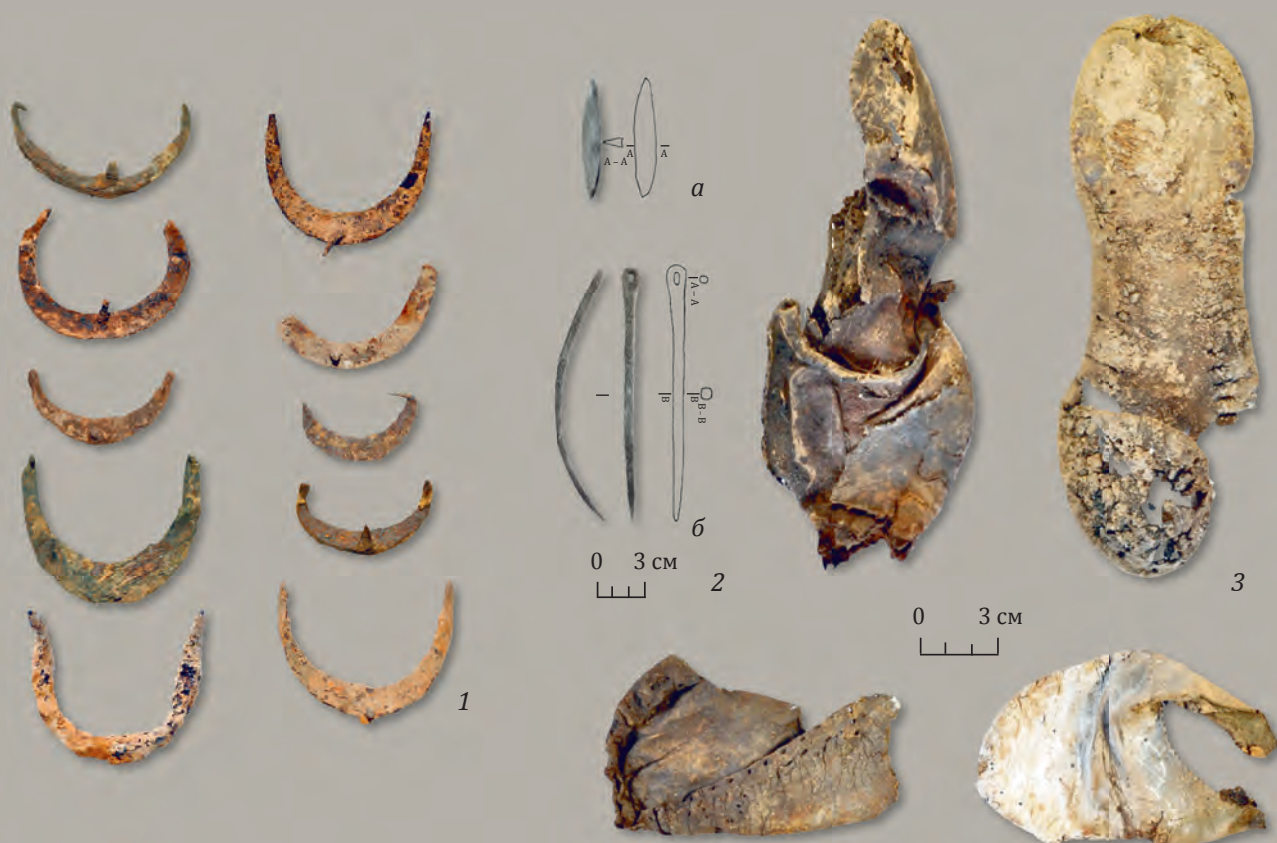

Рис. 10. Предметы сапожного производства:
1 – обувные подковки; 2 – орудия сапожного производства: а – нож, б – шило; 3 – фрагменты кожаной обуви

Рис. 11. Изготовление одежды: 1 – шило (?); 2 – свинцовые пряслица; 3 – остатки шерстяной ткани;
4 – ножницы; 5 – фрагмент вязаного изделия при помощи кочедыка

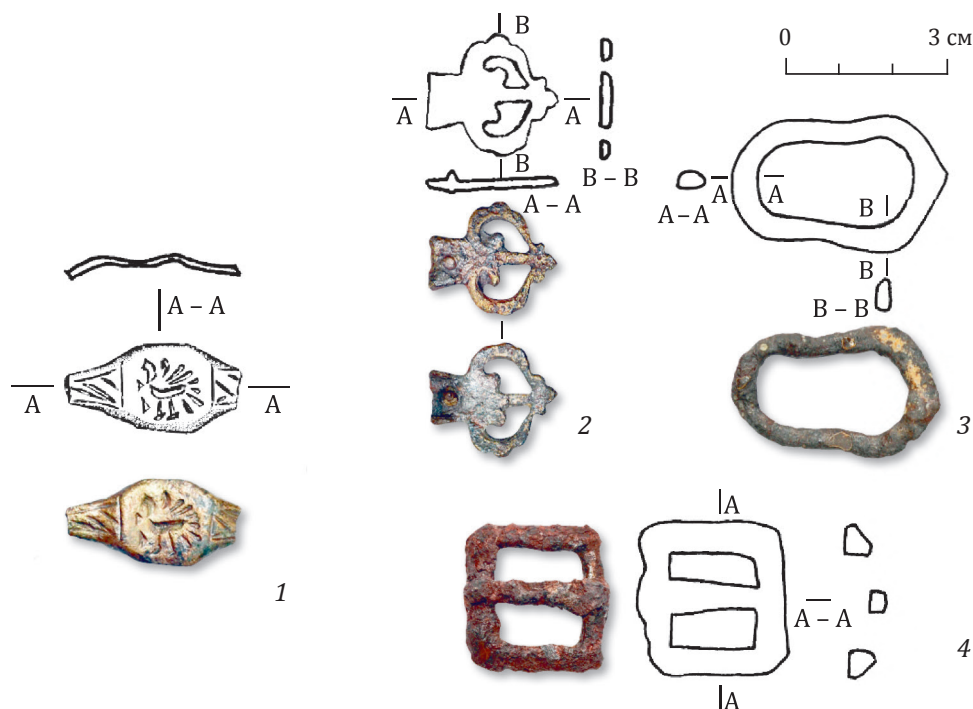

Рис. 12. Металлические элементы мужского костюма: 1 – перстень-печатка; 2, 3, 4 – пряжки

Металлические элементы мужского костюма и обуви из построек представлены несколькими бронзовыми пряжками и перстнем-печаткой (рис. 12).

Удивительно, что среди находок нет ни женских украшений (серег, колец, браслетов, гребешков для волос), ни детских игрушек, притом, что на других городских раскопах этот материал имеется в изобилии. Возможно, в раскоп попала усадьба служилых людей. Косвенно это подтверждается обилием тарной и столовой посуды (в том числе и стеклянной) и необычно малым количеством кухонной керамики.

Служилые люди не относились к налогооблагаемым группам населения. Возможно, само отсутствие данных в городских описях на этот участок может послужить свидетельством проживания на этой земле служилых людей.

Небольшой археологически исследованный участок территории рисует нам яркую картину активной городской жизни местного населения в период второй половины XVI-XVII в., демонстрирует уникальные особенности быта и самобытность ремесленного производства г. Свиязьска.

O. N. Glazunova, I. I. Elkina

The 17th-century Sviyazhsk: Pages of Archaeology

Key words: Sviyazhsk; manor; a glazed ceramic tile; service-men; the 16th – 19th cc. everyday life; Bulgarian ceramics.

Abstract: The article shows on the materials of a small excavation in the central part of Sviyazhsk the

stages of the construction history of the town in the second half of the 16th – 17th cc., the peculiarities of the material culture of the residents of manors and the indigenous artisan industry. A glazed tile complex of the original stove, which does not have any straight analogues in the Russian glazed tile work, is described.

А. В. Энговатова, М. Б. Медникова, М. В. Добровольская,
Т. Ю. Шведчикова, И. К. Решетова

Антропологический источник в изучении качества жизни населения Ярославля XVII в.

Введение

Костная система человека обладает свойствами пластичности и консервативности, запечатлевая в своей структуре последствия наиболее характерных прижизненных воздействий. Именно этот факт лежит в основе методологии палеоэкологических и биоархеологических реконструкций разных аспектов жизнедеятельности палеопопуляций¹. Возможность не только оперировать абстрактными цифрами и понятиями, но интерес к конкретному историческому контексту скелетных находок и даже к конкретным людям привлекают в эту область всё большее число исследователей.

Антропологические материалы из археологических раскопок кладбищ начиная с XV в. обладают особой ценностью для исследований в этом направлении не только благодаря хорошей сохранности скелетных останков, но и потому что они лучше документированы. Сопутствующие письменные источники, данные палеоклиматологии и др. позволяют осуществлять контекстуальное рассмотрение с высокой степенью достоверности.

Материал

В 2007, 2009 и 2010 гг. экспедиция Института археологии РАН под руководством А. В. Энговатовой в г. Ярославле исследовала кладбище при церкви Иоанна Златоуста на территории центральной части города (рис. 1). Храм известен в письменных документах с 1646 г., когда в Переписной книге упомянут «поп Исак вдовой – живет в своем дворе»².

¹ Историческая экология человека: методика биологических исследований. М.: ИА РАН, 1998. 260 с.

² Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII века // ТЯГУАК. Ярославль, 1913. Кн. 6, вып. 3–4. Стб. 91.

Благодаря характерной кожаной погребальной обуви определен начальный период захоронений. В более поздних погребениях инвентарь представлен типологически датирующими нательными крестами. Судя по стратиграфии, конструкции деревянных гробов, керамики из засыпки могил кладбище функционировало с XVI до XVIII в., погребения которого относительно немногочисленны и хорошо выделяются по археологическим критериям.

Исследования экспедиции позволили сформировать представительную палеоантропологическую коллекцию XVI–XVII вв. Эти материалы послужили основанием для казуальных палеопатологических и эпидемиологических публикаций³. Настоящее сообщение фокусирует особое внимание на результатах изучения палеопатологических проявлений, встреченных при рассмотрении останков погребенных.

Методы исследования

Для определения демографических показателей использовалась программа Д. В. Богатенкова. В дифференциальной диагностике патологических состояний применялась микрофокусная радиография, выполненная на базе кафедры электронных приборов и устройств Санкт-Петербургского электротехнического университета (ЛЭТИ) под руководством доктора технических наук Н. Н. Потрахова.

³ Медникова М. Б., Энговатова А. В., Шведчикова Т. Ю., Решетова И. К., Васильева Е. Е. «Дети Смутного времени»: новые данные о качестве жизни в г. Ярославле XVI–XVII в. по антропологическим материалам из раскопок детских погребений // Краткие сообщения Института археологии. М., 2013. № 228. С. 115–126; Медникова М. Б., Энговатова А. В., Решетова И. К., Шведчикова Т. Ю., Васильева Е. Е. Эпидемиология войны и Смуты: антропологический и письменный источники в изучении качества жизни населения русского города XVI–XVII вв. (на примере г. Ярославля) // КСИА. М., 2013. № 231. С. 154–171.

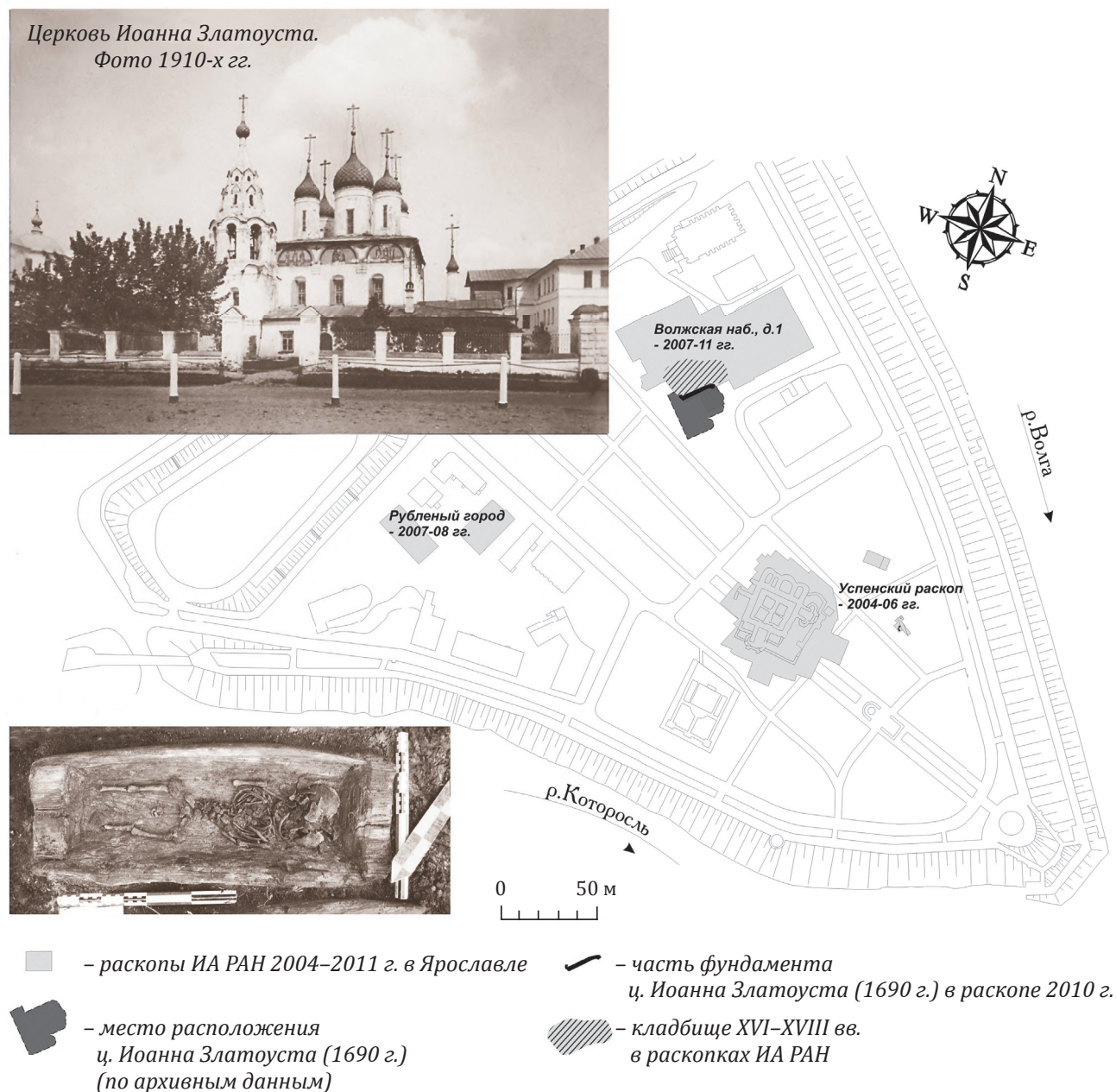

Рис. 1. Участок раскопа 2007, 2009, 2010 гг. в г. Ярославле

Демографические особенности

Суммарная численность выборки XVI–XVII вв. составила 198 индивидуумов разного пола и возраста. По материалам раскопок 2009 и 2010 гг. была проведена более дробная дифференциация материалов на XVI и XVII вв. (соответственно 78 и 51 человек). В качестве контрольной выборки использованы хорошо датированные погребения XVIII в. (29 человек). Поздние и датированные широким диапазоном погребения в диахронный анализ не включались. В объединенной выборке из

погребений XVI–XVII вв. (N=198) средний возраст смерти взрослого населения составил 33,4 года (у мужчин и женщин соответственно 35,4 и 31,2). Ожидаемая продолжительность жизни взрослого населения составила всего 18,4 года (20,4 у мужчин и 16,2 у женщин). Основной пик смертности падает на возрастную группу 0–4 года, среди взрослых – 30–34 года (причем это характерно и для мужчин, и для женщин).

Суммарное число детских останков, вскрытых в процессе раскопок 2007, 2009, 2010 гг., – 90. Из них 20 не имеют точной датировки. Для того, чтобы

а

б

Рис. 2. Периостальные изменения у ребенка 4-х месяцев:
а) в области метафиза лучевой кости,
б) диафизарной части плечевой кости (срез на уровне середины диафиза)

проследить диахронную динамику частоты встречаемости патологических проявлений, в дальнейшем мы опирались на материалы из погребений, датированных более узким интервалом (20 индивидуумов XVI в., 19 индивидуумов XVII в., 9 – XVIII в.).

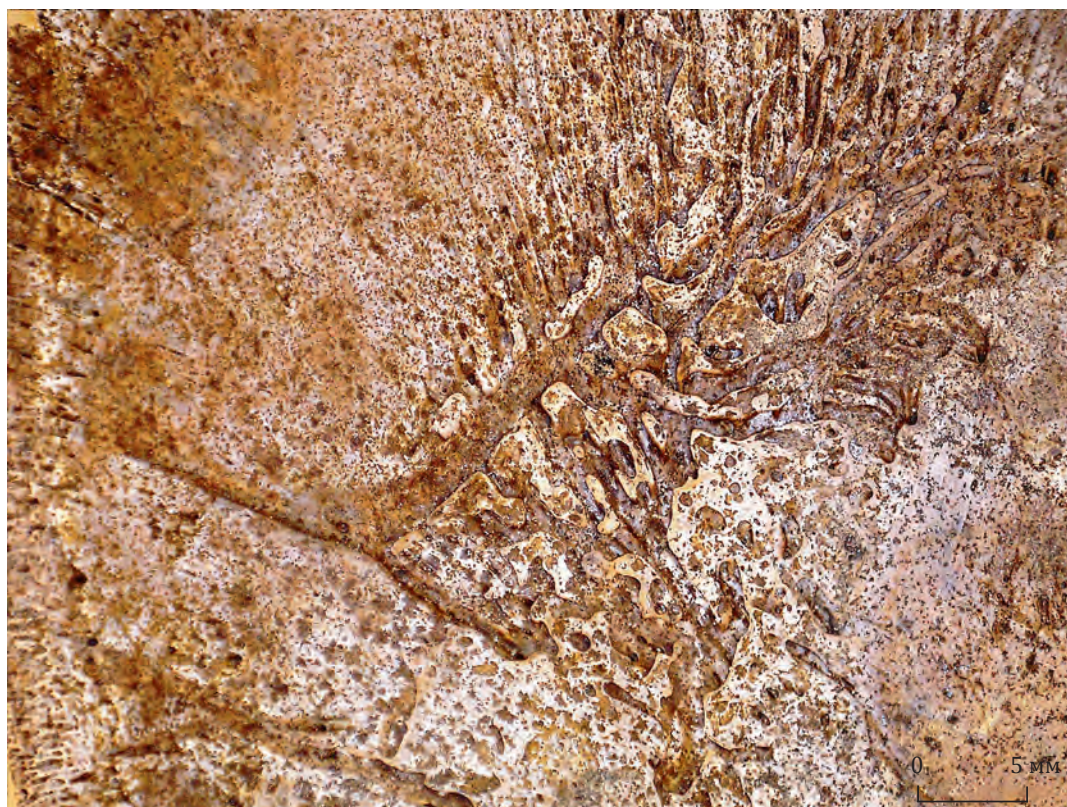
Патологические проявления

Уже первое знакомство с коллекцией позволило выявить пять детских скелетов с очевидными патологическими изменениями на костях черепа и скелета в виде субпериостальных реакций, пороза

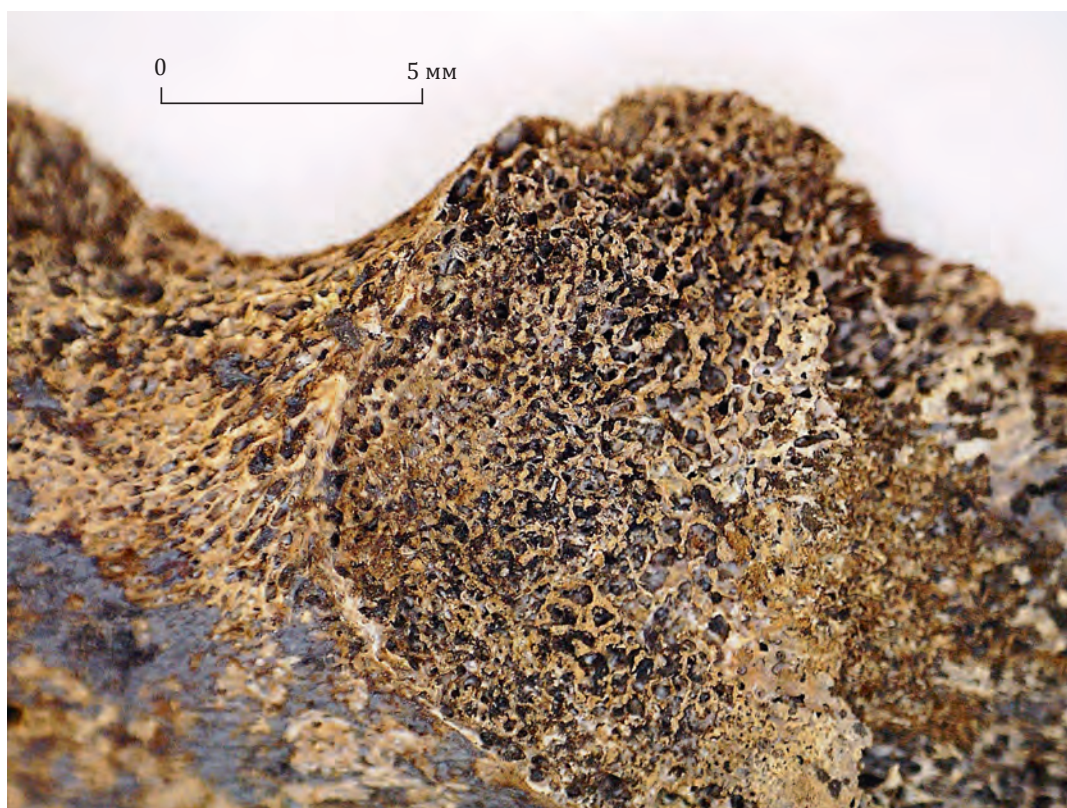
и локальных геморрагий⁴. В рамках дифференциальной диагностики эти признаки были соотнесены нами с недостаточностью витамина С, точнее, с младенческим проявлением цинги, известным в научной литературе под названием болезни Моллера-Барлоу. Цинга – заболевание, вызванное продолжительной нехваткой в рационе питания витамина С (аскорбиновой кислоты). Она способна поражать многие органы и в своем максимальном проявлении может быть причиной высокой смертности населения. Аскорбиновая кислота важна для формирования коллагена. Так как органическая матрица кости состоит в основном из него, недостаток витамина С оказывает особо тяжелое воздействие на растущий организм ребенка. В период внутриутробного развития витамин С поступает плоду через плаценту, поэтому видимые признаки его нехватки появляются не раньше пятого месяца от рождения, достигая пика в 8–10 месяцев первого года жизни.

Скелетные изменения цинги у детей чаще всего развиваются в местах быстрого роста: костно-хрящевых сочленений ребер, в дистальном метафизе бедренной, лучевой и локтевой костей, в проксимальном метафизе лучевой (рис. 2). Часто наблюдаются последствия локальных множественных кро-

⁴ Медникова М.Б., Энговатова А.В., Шведчикова Т.Ю., Решетова И.К., Васильева Е.Е. «Дети Смутного времени»... С. 115–126.

а

б

Рис. 3. Последствия субпериостальных геморрагий у ребенка 4-х месяцев:
а) на лобной кости, б) на подвздошной кости

воизлияний (геморрагий), в том числе со стороны эндокрана (рис. 3). Геморрагии и пороз на детских костях, наличие которых является достаточным для постановки диагноза «цинга», локализируются на внутренней и внешней поверхностях черепа, в глазницах, на альвеолярном крае верхней челюсти, на нижней челюсти, на диафизах длинных костей, на крыле и в супраспинальной ямке лопатки, на поверхности грудинной части ребер, на крыле *os sphenoidalis*, на задней поверхности скуловой кости, в альвеолах⁵. Использованный нами для диагностики бланк учитывал рекомендации разных авторов.

Обследовав всю коллекцию, мы имеем возможность констатировать постоянное присутствие манифестаций этого заболевания в ярославской детской выборке⁶. В XVI в. болезнь Моллера-Барлоу демонстрируют 68,75 %, а с учетом отдельных более слабых проявлений частота встречаемости авитаминоза С доходит до 87,5 %. В XVII в. ярко выраженные признаки цинги демонстрируют останки 59,1 % детей и 72,7 %, если включать не столь достоверные случаи. В XVIII в. число цинготных проявлений достигает 66,7 %.

Кроме того, при обследовании выборки XVII в. были зафиксированы отчетливые патологические проявления, по всей видимости, сопряженные с врожденной бактериальной инфекцией.

Мы оценили процентную встречаемость опасных хронических заболеваний в скелетных выборках ярославских детей XVI–XVIII вв.⁷ Цинга проявляется на протяжении всего этого периода, ее встречаемость максимальна уже в XVI в. В выборке XVII в. процент цинги несколько снижается, но, возможно, ее проявления маскируются благодаря присутствию нового заболевания – врожденного сифилиса. В XVIII в. ситуация также весьма неблагоприятна, так как вновь высок процент цинги и сохраняет свое распространение специфическая бактериальная инфекция.

Диахронное рассмотрение смертности детей от цинги в каждом возрастном интервале свидетельствует о серьезных отличиях. Самая высокая младенческая смертность от болезни Моллера-Барлоу как до полугода, так и до полутора лет характерна для выборки XVI в. Самая «благоприятная» картина – в серии из погребений XVIII в., где после пика смертности младенцев до полугода встречены отдельные проявления цинги у четырехлетних детей и у подростков. Наконец, наиболее сложна картина в выборке XVII в., где цинга встречается не только у маленьких детей до 2,5 лет, но и в возрастной категории 5–10 лет.

⁵ Козак О. Д. Кияни княжой доби. Київ: Академперіодика, 2010. С. 154.

⁶ Медникова М. Б., Энговатова А. В., Решетова И. К., Шведчикова Т. Ю., Васильева Е. Е. Эпидемиология войны и Смуты ... С. 154–171.

⁷ Там же.

Изотопный анализ костной ткани погребенных: к вопросу о пищевых традициях населения г. Ярославля в XVI–XVII вв.

Нами были проведены определения соотношения изотопов углерода $^{13}/^{12}\text{C}$, азота $^{15}/^{14}\text{N}$ с целью влияния авитаминоза на изотопный состав основных структурных белков кости. Для этой цели были отобраны образцы костной ткани индивидуумов из погребений XVI–XVII вв., в том числе младенцев с внешними признаками болезни Моллера-Барлоу (недостаток витамина С). В целом полученные показатели указывают на сбалансированное соотношение углеводов и белков в рационе взрослых, что соответствует картине, ранее выявленной при изучении населения Ярославля XIII в.⁸

Как известно, дети до одного года вскармливаются молоком, то есть получают высокобелковую пищу. В соответствии с закономерностями изотопного фракционирования, индивидуумы с высокобелковой диетой характеризуются повышенными показателями дельта азота. Однако изученные нами образцы костной ткани младенцев с симптомами витаминной недостаточности показали пониженные значения, сопоставимые с параметрами у взрослых. Наиболее низкое значение азота определено для ребенка 3 лет с проявлениями авитаминоза С. Итак, нами впервые выявлены изотопные маркеры нарушения полноценного усвоения белковой пищи.

Эпидемиологическая ситуация XVI–XVII вв. по данным историков медицины. Роль социальных факторов и климатических изменений

Население XV–XVII вв. испытывало постоянную угрозу смертельных болезней. В истории медицины остались сведения о «море» в Смоленске 1402 г., во Пскове 1403, 1406 и 1408 гг. (легочная и бубонная форма чумы)⁹. Эпидемии «мора» 1409 и «костолома» 1414 гг. современные авторы соотносят с гриппом¹⁰. В 1417 г. чума приходит в Псков, Новгород, Ладогу, Тверь, Владимир, Дмитров, Торжок, о чем есть упоминания в Никоновской и Воскресенской летописях¹¹. В 1419–1420 гг. эпидемия предположительно сыпного тифа охватывает Ярославль, Суздаль, Киев, Переяславль, Галич, Ростов, Кострому¹². В 1424 г. эпидемия

⁸ Энговатова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е., Зайцева Г. И. Коллективные захоронения в Ярославле: реконструкция системы питания на основе результатов изотопного анализа // КСИА. М., 2013. № 228. С. 109.

⁹ Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России: (материалы и очерки). М: Медгиз, 1960. С. 36.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 37.

чумы «в Немцах, и в Литве, и во Пскове, и в Новгороде, и во Твери, и на Москве, и по всей Русской земле...». В 1425 г. мор (чума) «пришел от Немца в Псков, а оттоле в Новгород и до Тверь и на Москву доиде...». В 1427 г. на Руси был мор «прыщем», то есть черная оспа. В 1442–1443 гг. в Пскове вновь свирепствовала бубонная чума. Она повторилась в Пскове и Новгороде в 1465–1467, 1478, 1486–1487 гг.¹³. В Европе XV–XVI вв. свирепствовала загадочная «английская потница», давшая пять эпидемических волн – «настолько остра и ужасна, что со времени существования рода человеческого никто не запомнил ничего подобного». По мнению отечественных историков эпидемиологии, если эта болезнь и была на Руси, то уже в XVI в., когда она отмечена в Германии, Дании, Норвегии, Польше, Литве¹⁴. В 1506–1508 гг. чума в Пскове и Новгороде, в Новгороде умерло 15 396 человек¹⁵. В 1521 г. сильнейшая эпидемия неизвестного заболевания разразилась в Пскове и Москве (по времени совпадает с «английской потницей»). 1527, 1530 гг. – по-видимому, этой же болезнью охвачены Великий Новгород и Колывань. Одновременно в Лифляндии от «английской потницы» погибло две трети населения страны¹⁶. В 1533 г. в Новгороде оспа. Но, в отличие от пограничных Смоленска, Новгорода и Пскова, внутренние регионы страны, включая Ярославль, долгое время избегали эпидемий, вплоть до страшного 1654 г. «Что касается до Московской области и пограничных с нею, здесь вообще воздух свежий и здоровый, здесь мало слышали об эпидемических заболеваниях и моровых поветриях... Следует поэтому весьма удивляться, что в нынешнем 1654 году во время Смоленской войны в Москве появилось поветрие и сильная чума»¹⁷.

Наконец, в 1499 г. на Руси впервые официально описан сифилис в наказе русскому послу в Литве Мамонову: «Спокойно ли между польскою и помянутыми державами? Так же спросить в Вязьме, не проезжал ли кто из Смоленска с тою болезнью, что боляски мечутся? А слово французская, а будто в Вильне ее привезли»¹⁸. Если быть точными, то еще раньше под 1493 г. в Густинской летописи, служащей прибавлением к Ипатьевской, сообщалось: «Явился у Польши новая немощь, глаголемая Франца, ю же некая жена, ходящее на отпусты, принесе в Риму до Кракова». Представления о польских корнях этого заболевания, по-видимому, были очень распространены, если в 1667 г. придворный врач царя Алексея Михайловича Сэмюел Коллинз упо-

минал, что сифилис занесен в Россию из Польши во время войны с поляками (1444–1500 гг.)¹⁹. Очевидно, что в XVI–XVII вв. сифилис становится очень распространенным заболеванием, часто оставаясь нераспознанным. В первую очередь, это касается внутриутробно инфицированных зараженными матерями детей, которых могли называть «золотушными» и т. п. Данные палеопатологии подтверждают раннее sporadическое присутствие сифилиса на территории Евразии²⁰. Типичный сифилис присутствует на сельском погосте Можайска в XV в.²¹.

XVII в. выделяется особо неблагоприятным стечением обстоятельств. Как подчеркивал Р.Г.Скрынников²², начало века совпало с крупнейшим похолоданием в Европе за истекшее тысячелетие. В различных концах континента резко сократилась продолжительность теплых летних сезонов, наблюдались сильные морозы и обильные снегопады. Районы с наиболее суровым климатом пережили аграрную катастрофу. Два подряд неурожайных года начиная с 1601 привели к полному истощению запасов продовольствия. Люди ели древесную кору, траву, вылавливали кошек и собак. Сложная политическая ситуация Смутного времени также сказывалась на здоровье населения самым неблагоприятным образом.

Еще в начале XX в. географ и климатолог профессор М.А.Боголепов (1907 г.), опираясь на исследования русских летописей и исторических записок, касающихся центральных областей Русской равнины, обсуждал данные по палеоклимату и физической географии. М.А.Боголеповым была выявлена взаимосвязь неблагоприятных социально-экономических явлений с эпохальными изменениями климата. Прямую взаимосвязь колебаний годовых температур (засушливое лето – морозная зима²³) подтверждает исследование влияния толщины снежного покрова на температуру весны. По имеющимся статистикам «из 19 случаев летнего мороза, причинявшего тот или иной вред растительности, 12 случаев прослежено после много-снежных зим»²⁴.

«Но вот наступает 60-й год (XVI в. – Авт.), <...> это последний год, под которым в летописи запи-

¹⁹ Там же.

²⁰ Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. М.; Л.: Наука, 1965. 304 с.

²¹ Энговатова А.В., Бужилова А.П., Медникова М.Б., Филберт В.Н. Предварительные результаты исследования погоста XV в. в г.Можайске // Практика и теория археологических исследований / отв. ред. А.С.Смирнов. М.: ИА РАН. 2001. С. 243–259.

²² Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. М.: Молодая гвардия, 1981. С. 26–27. (Жизнь замечат. людей: сер. биогр.; вып. 9 (615)).

²³ Боголепов М.А. О колебаниях климата Европейской России в историческую эпоху. М.: типо-лит. т-ва И.Н.Кушнерев и Ко, 1907. С. 23–25.

²⁴ Там же. С. 26.

¹³ Васильев К.Г., Сегал А.Е. Указ. соч. С. 38.

¹⁴ Там же. С. 39.

¹⁵ Там же. С. 41.

¹⁶ Там же. С. 42.

¹⁷ Олеарий А. Описания путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: А.С.Суворин, 1906. С. 158.

¹⁸ Там же. С. 40.

сана засуха: хотя летописи и продолжают в семнадцатом столетии, но, с одной стороны, мы видим в них всё реже и реже записи о климатических явлениях, а с другой стороны, и эти немногие записи говорят нам только о дождях и морозах»²⁵.

В XVI–XVII вв. в г.Ярославле складывается ситуация, до этого момента существовавшая на территории Русского Севера. Так, мы видим наиболее близкую по масштабам аналогию в трагедии группы Воезеро из Вологодской области, относимой к домонгольскому периоду. А.П.Бужилова²⁶ объясняла возникновение цинги на северных территориях обы-

²⁵ Там же. С. 22.

²⁶ Бужилова А.П. Homo sapiens. История болезни / Ин-т археологии РАН. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 224.

чаем употреблять в пищу перемороженное зерно. Похолодание климата, достигшее пика в XVII в., как можно судить по результатам нашей работы, вызвало эпидемию цинги у детей и взрослых намного южнее.

Выводы

Цинга уносила жизни большинства ярославских детей еще до года. Витаминная недостаточность у населения XVI–XVII вв. соотносится с похолоданием климата, спровоцировавшим социальные потрясения той эпохи. Изучение антропологического источника является важным направлением междисциплинарных исследований в археологии, помогая получить независимые данные о качестве жизни и состоянии здоровья людей.

A. V. Engovatova, M. B. Mednikova, M. V. Dobrovolskaya, T. Yu. Shvedchikova, I. K. Reshetova The Anthropology Source in the Study of the 17th-century Living Standards of the Yaroslavl Population

Key words: Yaroslavl, 15th – 17th cc., diseases of the urban population, paleopathology, isotopic analysis, infantile scurvy.

Abstract: In 2007, 2009 and 2010 the expedition of RAS Institute of Archaeology led by A. V. Engovatova examined the churchyard of John Chrysostom Church in the central part of Yaroslavl city. The works of the expedition allowed to comprise an extensive paleoanthropological collection of the 16th – 17th cc., which had been researched with the methods of paleodemography, morphology, paleopathology and isotopic analysis of osseous tissue. The percentage of the occurrence of dangerous chronic diseases among the Yaroslavl population over a period from the end of the 15th till the 18th cc. was estimated. It was found that most Yaroslavl babies under one year old died from scurvy, the occurrence of which had already reached its maximum in the 16th century. In the selection of the 17th century the percentage of scurvy cases is a bit lower. However, it is probably, that its

manifestation was disguised owing to the occurrence of another disease - inborn syphilis. In the 18th century the situation was also rather unfavourable as the percentage of scurvy cases was again high, and a specific bacterial infection was spreading. Isotopes of carbon 13/12C to nitrogen 15/14N ratio was estimated to define the effect of vitamin deficiency on the isotopic composition of the basic structure proteins of bones. The samples of osseous tissue of infants with the symptoms of vitamin deficiency showed lower values comparable to the adults' parameters. The lowest value of nitrogen was defined for a toddler of three years old with the manifestation of vitamin C deficiency. Thus, isotopic markers of the defect of full protein digestion were revealed for the first time. These data were considered against the historians of medicine's information on spreading of crowd diseases in the 15th – 17th cc. Studying of the anthropological source is an important direction in interdisciplinary surveys in archaeology. It helps obtain independent data on people's living standards and state of health.

Исследования строительной площадки Успенского собора 1660–1663 гг. в Ярославле

Рис. 1. Вид Ярославля с левого берега Волги. В левой части панорамы – Успенский собор 1643–1646 гг. Изображение на лубочном листе второй половины XVIII в. с рисунка середины XVII в.

Архитектурно-археологическое исследование включает в себя не только изучение руин или скрытых в земле остатков зданий и сооружений, но и выявление следов строительной деятельности, связанных с их возведением, перестройкой или разборкой.

Строительная площадка становится объектом изучения не часто. Это, в основном, отдельные объекты строительного производства, прежде всего печи для обжига кирпича, извести, изразцов, которые находились далеко за пределами места, где возводилось здание. Воссоздание цельной картины конкретной строительной площадки или не интересовало, или мало занимало исследователей. Нередко при раскопках архитектурных объектов не обращают внимания даже на особенности стратиграфии, сосредотачиваясь исключительно на изучаемом сооружении: строительных материалах, конструкциях, особенностях плана и т.п. Прочими наблюдениями иногда пренебрегают настолько, что даже отметки строительных горизонтов оказываются не выявленными или просто игнорируются.

Причина отсутствия информации о подобных объектах еще и в том, что при архитектурно-археологических раскопках площадь вскрытия обычно сопоставима с габаритами раскапываемого сооружения. Не везде и не всегда есть возможность расширить раскоп настолько, чтобы получить информацию о прилегающей к изучаемому сооружению территории.

В 2004–2006 гг. при спасательных раскопках Успенского собора 1660–1663 гг. Ярославской экспедицией такая возможность представилась.

Напомним предысторию вопроса. С XIII по XVII в. в Рубленном городе (кремле г. Ярославля) последовательно сменяли друг друга четыре каменных здания Успенского собора. Два из них в ходе археологических исследований 2004–2008 гг. удалось локализовать, местоположение еще двух остается под вопросом. Но можно утверждать, что по крайней мере три из четырех храмов располагались на разных местах¹.

¹ Яганов А. В., Рузаева Е. И. Успенский собор в Ярославле: история и археология: результаты архитектурно-

*Рис. 2. Успенский собор в Ярославле 1660–1663 гг.
Вид с северо-востока. Фото начала XX в.*

Причины перемещения зданий, в основном, чисто утилитарны, они не имеют отношения к вопросам сакрализации пространства (таким, как традиционное расположение престола, ориентация здания по странам света и т.п.) и не всегда связаны с обветшанием. Если собор 1215 г. развалился (от ветхости или в результате пожара), то построенный в начале XVI в. вместо него храм, предназначенный к разборке в 1642 г., по предложению воеводы В.Б.Бутурлина даже не был полностью разрушен, а переданной сверху деревянной колокольней. Собор 1643–1646 гг. сильно обгорел в большой ярославский пожар 1658 г. и, видимо, не подлежал восстановлению. К тому же

археологического изучения в 2004–2006 годах // Археология: история и перспективы: 3-я межрегион. конф.: сб. ст. Ярославль: Ремдер, 2007. С.226–246; Энговатова А.В., Яганов А.В. Новые данные об Успенском соборе в Ярославле по результатам исследований 2008 г. // Археология: история и перспективы: 4-я межрегион. конф.: сб. ст. Ярославль: Рыбинский дом печати, 2010. С.42–57. Их же. Новые данные об Успенском соборе XIII–XVI вв. в Рубленом городе Ярославля // РА. 2011. № 3. С.144–153.

здание находилось близ волжского берега, постоянно подмываемого и срезаемого ледоходами (рис.1)². В 1660 г. царским указом было предписано построить в Ярославле каменную крепость, которую по размаху можно было бы сопоставить только со смоленской. Масштабам проекта должен был соответствовать и собор, поэтому для него выбрали новую площадку в центре Рубленого города, на месте, ранее занимаемом сгоревшей в пожар городской застройкой. Этот собор был разрушен в 1937 г., а в 2004 г. возник проект его воссоздания, чему предшествовали трехлетние спасательные раскопки (рис. 2).

Площадка раскопа была распространена далеко за пределы габаритов исследуемого здания, что, несмотря на сильную нарушенность здесь культурных отложений, обеспечило научные результаты.

В северо-западной и юго-восточной частях Успенского-1 раскопа выявлены остатки

² Ровинский Д.А. Русские народные картинки: атлас. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1881. Кн. 2: Листы исторические, календари и буквари. № 633; Суслов А.И., Чураков С.С. Ярославль. М.: Стройиздат, 1960. С.261, примеч. 16.

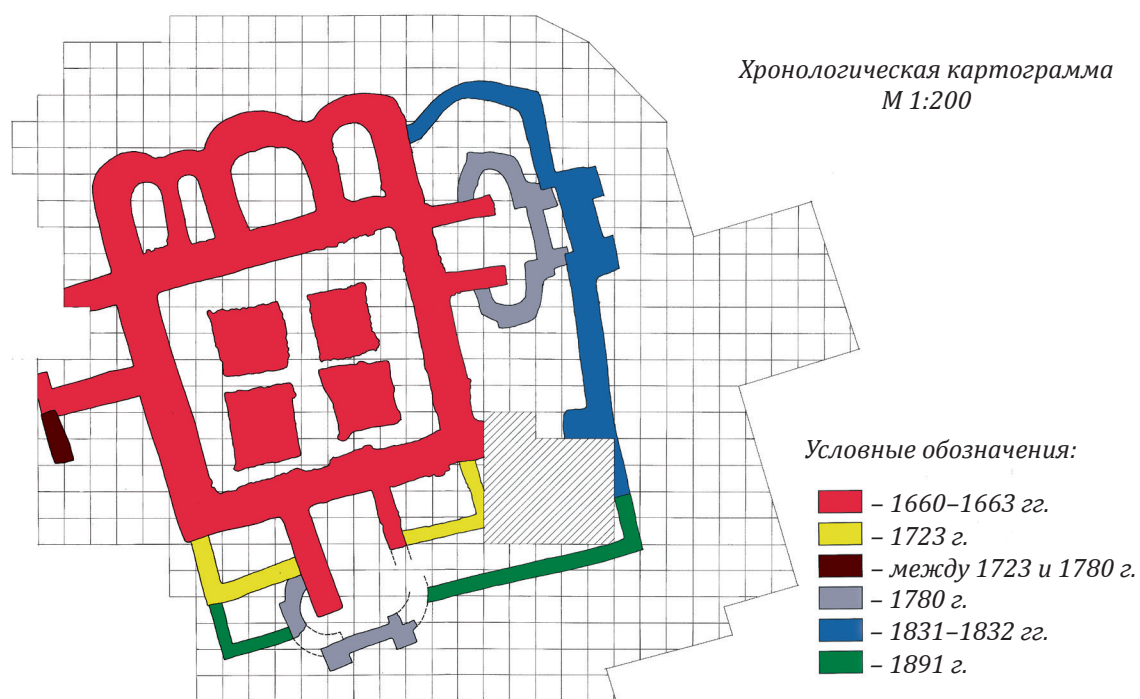

Рис. 3. Хронологическая картограмма Успенского собора 1660–1663 гг.

Рис. 4. Общий вид раскопок Успенского собора 1660–1663 гг. с севера. Фото 2005 г.

строительной деятельности, которые, несомненно, относятся ко времени возведения Успенского собора 1660–1663 гг. (рис. 3–4). Их сохранению способствовало то, что верхние части фундаментов выполнены открытым способом с последующей обратной засыпкой конструкций, возвышающихся до 2 м над горизонтом. В результате вокруг здания образовалась насыпь-«подиум», снаружи обложенная небольшими валунами, которая впоследствии снивелировалась. Она была выполнена из строительного мусора, остатков привозного песка и перемешанного грунта из фундаментных рвов. Насыпь перекрыла прилегающий к стенам собора участок стройки. При разборке собора в 1937 г. подиум был серьезно порушен при выборке фундаментов, но, к счастью, значительные участки строительной площадки не пострадали.

Близ трассы южной стены собора 1660–1663 гг. выявлены отпечатки в известковом растворе настила из деревянных пластин или досок, являвшегося частью емкости для перемешивания компонентов кладочного раствора (рис. 5–8). Сами доски не сохранились; они были уложены по направлению запад–восток, то есть параллельно южной стене собора, поэтому мы склонны полагать, что корыто относится ко времени возведения этого здания. Полностью проследить размеры не удалось: запад-

Рис. 5–6. Раскопки Успенского собора в Ярославле.
Следы емкости для перемешивания компонентов кладочного раствора. Фото 2006 г.

ное и северное окончания конструкции уничтожены; обнаруженный же раскопками участок имеет длину более 11,0 м и ширину около 3 м. Доски длиной около 5 м и шириной 25–30 см были уложены торцами встык с небольшой разбежкой на тонкую (10 см), еще не схватившуюся известковую стяжку, залитую в неглубокий (20–30 см) котлован, отрытый в габаритах конструкции. Появление стяжки можно было бы связывать с раствором, вытекшим из щелей между досками, но его равномерное распределение по всему дну котлована подтверждает предположение о намеренной проливке. Выявлен растворный отпечаток нижней доски борта корыта, который, видимо, несколько возвышался над отметкой строительного горизонта.

После окончания строительства доски были частично разобраны, а котлован засыпан. В верхних слоях засыпки присутствовал счищенный с кирпичей кладочный раствор, а ниже его – массив битой плинфы начала XIII в. со следами кладочного раствора. Вероятно, плинфа, попавшая в засыпку корыта 1660-х гг., происходит непосредственно из стены

Рис. 7–8. Раскопки Успенского собора в Ярославле.
Следы емкости для перемешивания компонентов кладочного раствора. Фото 2006 г.

собора начала XIII в., выявленной и разобранной при планировке территории городища, вблизи строившегося здания. Не исключено, что целая плинфа и большее количество половинок кирпича выбраны и использованы в кладке собора 1660-х гг., а кирпичи, составлявшие ее забутовку, пущены в засыпку. Эта версия объясняет то, что среди плинф, найденных в засыпке, не было ни одной с тычком или ложком, имеющими на поверхности следы лицевой отделки или выветривания.

Перед строительством здания 1660–1663 гг. были разобраны как Успенский собор 1640-х гг., так и предшествующий ему храм начала XVI в., перестроенный в казенную палатку с деревянной колокольней. При этом материал, полученный от разборки, также использовали для нового храма.

Среди элементов строительной площадки следует назвать остатки штабелей кирпича (рис. 9–11). Этот кирпич получен от разборки более ранних зданий, так как на нем имеется кладочный раствор со следами счисток инструментом (скарпелю, скребком). Один-два нижних ряда кирпича регулярно уложены непосредственно на землю, без подкладных досок или поддонов. Габариты штабелей точно не фиксируются; возможно, два фрагмента, выявленных в юго-восточной части раскопа, принадлежали к единому штабелю. Размеры выкладки в северо-западной части раскопа около 2×3 м. Здесь выкладка имеет заметный наклон от фундаментного рва, что может говорить об укладке штабеля после или в процессе его разработки непосредственно на отвал выброшенного грунта. Кирпичи нижнего ряда не были использованы, так как он оказался засыпанным, захоженным или специально оставлен как часть временной вымостки на период строительства. Отметка нижнего ряда штабеля убедительно фиксирует горизонт строительства собора.

Отсутствие в штабелях нового кирпича можно объяснить тем, что вторичный кирпич разбивался и использовался как щебень для заделки швов между валунами в подземной и надземной зонах фундамента. После возведения надземной части до верхнего обреза фундамента был насыпан подиум, скрывший собой участок начального этапа строительства. Поэтому новый кирпич, предназначенный для кладки стен собора, штабелировали уже на верху площадки.

На строительной площадке вблизи стен собора 1660–1663 гг. выявлены ямы и заглубленные постройки, содержащие отходы строительной деятельности. Засыпка состояла из битого рядового и профилированного кирпича (полкирпича, 1/3, 1/4 и более мелкий щебень) как бракованного (без кладочного раствора), так и полученного от разборки предшествующих зданий, отесков белого камня, счищенного кладочного раствора.

Рис. 9–11. Остатки штабелей кирпича на строительной площадке собора 1660–1663 гг. Фото 2004–2006 гг.

Рис. 12–15. Планировка площадки вокруг Успенского собора начала XVI в. фрагментами большемерного кирпича и остатками бутового камня. Фото 2006 г.

Эталонными можно назвать яму и конструкцию в южной части раскопа. Наличие здесь кирпичей XVI в. с кладочным раствором; XVII в. с кладочным раствором; бракованного кирпича XVII в. без раствора, с брызгами извести или раствора показывает нам, что эти материалы оказались здесь в процессе возведения здания 1660–1663 гг. или при последующей планировке территории. Присутствие в едином комплексе кирпичей и архитектурных деталей XVI и XVII вв. со следами отделки связано с разборками соборов 1510-х и 1640-х гг., кирпич XVII в. без раствора был отбракован при строительстве здания 1660–1663 гг.

В восточной и юго-восточной части раскопа удачно совместились следы двух разновременных строительных площадок: начала XVI в. и 1660–1663

гг. Остатков временных сооружений здесь не обнаружено, но выявлено несколько крупных развалов фрагментов большемерного кирпича и бутового камня. Фрагментами кирпича и мелкого (10×10–20×20 см) бута засыпаны ямы и неровности рельефа, что, возможно, связано с планировкой территории после окончания строительства (рис. 12–15).

Характеристики кирпичей, составляющих засыпку, соответствуют материалам начала XVI в. Кирпичи без кладочного раствора от целых (выявлено два) до фрагментов от 1/2 до 1/4 и менее. Кроме того, найдено несколько обломков плинфообразного кирпича (наиболее крупный фрагмент шириной 17,5 и толщиной 6,5 см) и плинфы начала XIII в. (толщина 4,5 см). Профилированных большемерных кирпичей не встречено.

Верхние отметки кирпичных и бутовых засыпок находятся ниже отметки строительного горизонта 1660–1663 гг. и перекрыты темным культурным слоем, следовательно, они относятся к предшествующему строительному периоду. Формат и особенности обжига кирпича не позволяют отнести его ко второй половине XVII в.: хотя этот кирпич встречен нами в кладке фундаментов и блоках кладок стен 1660–1662 гг., но во вторичном использовании, уже имея на поверхностях первоначальный кладочный раствор. Кирпич и бутовый камень из засыпок не имеют раствора, поэтому их надлежит характеризовать как брак и неиспользованные остатки, примененные для планировки территории после завершения строительства.

Наблюдения сезонов 2004 и 2005 гг., подкрепленные новыми данными, позволяют уверенно отнести эти строительные материалы к началу XVI в., а планировки, выполненные с использованием этих материалов, – ко времени после постройки Успенского собора 1510-х гг. К сожалению, значительная часть строительной площадки в той или иной мере перебита фундаментными рвами поздних пристроек и ямами. Поэтому полностью проследить расположение и характер вспомогательных сооружений невозможно. Но сделанные наблюдения дают надежную информацию как для датировки исследуемого здания, так и для изучения организации средневекового строительного производства.

A. V. Yaganov
Survey of the Construction Site
for the Cathedral of the Dormition of the Virgin (1660–1663) in Yaroslavl

Key words: construction machinery, architectural archaeology, construction arrangements, architecture of Muscovy, brick.

Abstract: The archaeological study of the surfaces surrounding the ancient building structures, where the preliminary works were done, can rarely be carried out. The area of an excavation is usually close to a construction spot, so the constructional site is out of its coverage. The rare opportunity to examine the neighboring zone of the Dormition (Uspensky) Cathedral of 1660–1663 in Yaroslavl

is remarkable as the Cathedral was built on the area where there had not been a monumental building earlier and its constructional horizons are clearly correlate with its history. During the excavation works jetting bowls and batches of bricks were examined, many construction techniques were revealed (for example, two meters heap-up of the foundations with the construction waste that had formed a podium, faced with boulders). The ways of using recycled materials during the construction, which were received owing to the demolition of the ancient temples of the 13th and the 15th cc., have also been examined.

Эволюция приказной системы управления в XVII в.

XVII в. занимает особое место в истории России. Это время небывалых противоречий и контрастов в политической, экономической, дипломатической и духовной жизни общества. Век по праву окрестили «бунташным», в современной историографии он известен как переходный – от Средневековья к Новому времени. С философско-антропологической точки зрения при переходе от Средневековья к Новому времени период «души» уступает место эпохе «разума». В это время человеческая личность пытается обрести свою индивидуальность. На протяжении всего столетия многочисленные народные движения создавали почти постоянное социальное напряжение. В начале века оно было вызвано польско-литовско-шведской интервенцией – это время получило меткое определение Смуты. Это был период острейшего политического и социального кризиса, в котором переплетались сословные, национальные, внутриклассовые и межклассовые противоречия. Менялись цари, разные части страны и даже соседние города одновременно признавали власть разных правителей, целый ряд регионов отказывался подчиняться центральному правительству – всё это требовало от государства максимального напряжения ресурсов для стабилизации обстановки.

Ситуация усугублялась тем, что практически с самого начала Смутного времени во внутренние дела России открыто вмешивались зарубежные державы. Под вопрос была поставлена политическая и национальная независимость русского народа. Между 1600 и 1620 г. Россия потеряла около половины населения (в Москве оно уменьшилось на 33%). И тем не менее, эта болезнь государственного организма закончилась выздоровлением¹.

В 1613 г. Земский собор избрал на престол Михаила Романова, тем самым утвердив новую дина-

стию российских государей. После подписания Деулинского перемирия с Речью Посполитой (1618 г.) и размена пленных Московское государство вышло из многолетнего внешнеполитического кризиса и начало борьбу за обретение утраченных в Смуту территорий.

Следующим шагом стало восстановление экономики и государственного аппарата. В 1615–1616 гг. усиливалось налоговое давление. Боярская дума и Земский собор приняли закон о введении чрезвычайного налога (20 % доходов и налог на земельную собственность). Знаменитые купцы и солепромышленники Строгановы, например, должны были уплатить огромную по тем временам сумму – 56 тыс. руб. Следующий Земский собор (1619 г.) принял ряд важных решений: сделать опись земель, облагаемых налогом, и способствовать добровольному возвращению крестьян на прежние места проживания; утвердить новый бюджет страны. Решено было также создать особую палату для обжалования действий чиновников, злоупотребляющих своей властью, и выработать проект реформы местной администрации, отдавая предпочтение собраниям выборных представителей.

После Смуты структура восстановленной государственной власти осталась прежней. Важно подчеркнуть, что образцы государственного управления именно предшествующего периода послужили основой возрождавшейся России, что свидетельствует о глубоких и самобытных корнях российской государственности².

По подсчетам крупного знатока российской приказной системы XVII столетия С.К. Богоявленского, по состоянию на 1611 г. на государственной службе числилось 72 дьяка, примерно такое же количе-

¹ Ключевский В.О. Русская история. М.: Мысль, 1995. Кн. 2. С. 204.

² Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2003. 485 с.; Его же. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.: Тула: Гриф и К, 2009. 792 с.

ство представителей приказной бюрократии было и в царствование Михаила Романова. В правление Алексея Михайловича число дьяков постепенно возрастает (до 124 человек), а при царе Федоре Алексеевиче и в период регентства царевны Софьи их количество достигает наивысшего уровня (178 человек). При этом количество центральных ведомств – приказов – оставалось практически неизменным, составляя в разные десятилетия от 39 до 45³.

В 1626–1633 гг. были проведены военные реформы: наняты 5 тыс. иноземных пехотинцев, офицеров-инструкторов и литейщиков пушек; закуплено вооружение в Голландии и Германии. Все эти меры, конечно, сопровождалось большими расходами, которые вели к увеличению налогов. Следствием было расширение полномочий и компетенции выборных земских властей и судов за счет ограничения власти наместников. В 1641 г. право владельцев преследовать своих беглых крестьян распространили на все области страны, но ограничили десятью годами. Разрешались продажа и передача крестьян. В июне 1648 г. население Москвы взбунтовалось. Причиной волнений стало увеличение налогов и издевательство окружавших царя бояр.

В этой обстановке происходило в 1649 г. принятие Соборного уложения – главного законодательного акта России на два последующих века. Почти тысяча его статей воспроизвела кодекс Ивана IV, дополненный включениями из литовского и византийского законодательства. Согласно Уложению, крестьян окончательно прикрепили к земле, привилегии иностранцев были отменены, церковь сильнее была подчинена государству. Новый свод законов также отразил возросшую власть самодержавного монарха. Специальные главы были посвящены охране жизни и чести, а также здоровья царя. Вводилось понятие «государственного преступления», причем не делалось никакого различия между преступлением против государства и действиями, направленными против личности государя. Помимо прочего, Соборное уложение регламентировало все основные стороны жизни и деятельности государственных учреждений⁴.

Отдельного акта или группы актов, устанавливающих количество и номенклатуру приказов или даже официально подтверждающих существующую структуру, в русском законодательстве XVII в. нет. Однако, поскольку система приказов была гибкой и подвижной и быстро реагировала на изменения политической жизни страны и государственных

приоритетов, время от времени появлялись указы, объявлявшие о создании, упразднении или реорганизации отдельных приказов.

Так, несомненным свидетельством возросшей власти царя явилось создание в середине XVII в. приказа Тайных дел – личной канцелярии государя, позволявшей ему в разрешении важнейших государственных вопросов обходиться без Боярской думы. Исполняя поначалу функции тайной полиции и сословного суда, приказ стал позднее органом контроля за администрацией. Основной функцией приказа Тайных дел, просуществовавшего до самой смерти царя Алексея Михайловича (1676 г.), был контроль за деятельностью приказов. Царь мог сделать запрос различных дел, сведений, отчетности, назначить проверку приказного делопроизводства со своим личным участием. Он посылал подьячих приказа Тайных дел для секретного наблюдения за деятельностью некоторых должностных лиц (послов, воевод и др.). Приказ рассматривал челобитные, поданные лично царю, и мог принимать по ним решения, минуя Боярскую думу. Это ведомство рассматривало также дела важнейшего государственного значения (дело патриарха Никона, материалы следствия по делу Степана Разина), а также руководило другими делами самого разнообразного характера. Размещался приказ Тайных дел во дворце, и его дьяки пользовались большим влиянием в государственных делах.

Дальнейшее укрепление единодержавия было связано с созданием (1655 г.) центрального органа государственного финансового контроля – Счетного приказа. Он занимался проверкой правильности и законности финансовых операций различных приказов. Но недовольство приказной бюрократии было столь велико, что после смерти Алексея Михайловича Счетный приказ был упразднен. Та же участь постигла и созданный в 1649 г. Монастырский приказ, появление которого было враждебно встречено духовенством. Суду этого приказа были подчинены все монастыри и духовные лица, а также их крепостные (кроме патриарха и патриарших приказных людей). Монастырский приказ имел и административную власть: определял и отрешал от места настоятелей монастырей, выбирал священников и дьяконов, пересматривал решения епископов.

Все приказы XVII столетия можно разделить на три большие группы: общегосударственной компетенции, дворцовые, патриаршие. Первая группа приказов сосредоточивала в себе основные функции по управлению Российским государством. Она являлась самой многочисленной и включала в себя как постоянные, так и временные приказы. Из них в аспекте нашей темы особо отметим некоторые.

Панский приказ, упоминающийся в 1614–1623 гг., ведал служилыми людьми из Польши и Великого княжества Литовского, попавшими в плен

³ Богоявленский С.К. Приказные дьяки XVII века // Исторические записки. М.: Изд-во Акад. наук, 1937. Т.1. С.228–229.

⁴ Леонтьев А.К. Государственный строй // Очерки русской культуры XVII века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. Ч.1. С.304–305; Мартысевич И.Д., Шульгин В.С. Право и суд // Там же. С. 331–332.

и поверстанными в военную службу или поступившими добровольно в ходе событий в период и после Смутного времени. Первоначально, возможно, имел отношение и к обмену пленными. Впоследствии ведал также распределением шляхтичей по полкам, выдачей им жалованья, судом и другими вопросами, связанными с их службой и проживанием (за исключением найма в Россию и отпуска на родину, что было функцией Посольского приказа). Приблизительно в 1624 г. преобразован в Иноземский приказ.

С начала присоединения Сибири этот регион ведался четвертями разных дьяков, а в 1599–1636 гг. – Казанским приказом. Из последнего вырос Сибирский приказ, учрежденный (1637 г.) в связи с выделением в отдельное управление территории за Уралом. Сибирский приказ ведал значительным числом вопросов, в том числе назначением и сменой местной администрации; финансовыми, фискальными и таможенными делами; организацией экспедиций землепроходцев; строительством острогов, слобод; обеспечением населения провиантом и устройством казенной пашни. Приказ финансировал другие государственные учреждения, поставлял ко двору мех, шелк и пр.; осуществлял поиск полезных ископаемых и организацию первых рудников и заводов в Сибири. Управление Сибирью приказ осуществлял через воевод сибирских разрядов, возникших в XVII в.: Тобольского и Томского (1629 г.), Ленского (1639 г.), Енисейского (1677 г.).

Приказ Сыскных и управных литовских дел (приказ Сыскных и управных дел Устюжской чети, приказ Литовских управных дел) упоминается в 1647–1651 гг. как комиссия, ведавшая тяжбами (финансового и уголовного характера) между подданными России и Речи Посполитой. Находился под общим управлением с Посольским приказом и Устюжской четью; на базе последней, возможно, и функционировал (судя по фрагментам сохранившейся документации).

Приказ Великого княжества Литовского (Литовский приказ) упоминается с марта 1656 г. по декабрь 1666 г. и возник из временного стола царской ставки под руководством боярина С.Л.Стрешнева для управления территориями, занятыми в ходе войны с Польшей. В его функции входили руководство воеводами занятых городов; служба, верстание помещным и денежным окладом, землевладение шляхты, ее дворянские права, отношения с крестьянством, в том числе и для шляхтичей, переселившихся в другие регионы России. Приказ контролировал также сбор налогов и повинности городского населения. Юрисдикция этого приказа не распространялась на дворцовые земли (приказ Большого дворца) и на назначение воевод (Разрядный приказ). По мере сокращения территории Великого княжества Литовского, занятой русскими войсками, сокращалась и

деятельность приказа Великого княжества Литовского. После смерти главы приказа, С.Л.Стрешнева, указом от 10 декабря 1666 г. все подведомственные ему территории были переданы Посольскому приказу, где возникает Смоленский стол (около 1667 г.), а в дальнейшем – Смоленский приказ.

К июлю 1658–1662 г. относятся упоминания приказа Лифляндских дел (приказа Лифляндской земли). Он существовал в период Русско-шведской войны (1656–1658 гг.) для управления территориями, оставленными за Россией по Валиесарскому перемирию (декабрь 1658 г.): Южная Эстония – Дерпт, Кокенгаузен, Маринбург, Нейгаузен; Латгалия – Влех, Динабург, Лютин, Режица. Прекратил существование, видимо, по возвращении этих территорий Швеции по Кардисскому договору (21 июня 1661 г.).

Приказ Калмыцких дел упоминается лишь в 1661 г. Это центральное учреждение возникло после официального перехода калмыцких тайшей в русское подданство (1656, 1657, 1661 гг.). Приказ ведал формированием калмыцких вооруженных сил для посылки их против Крымского ханства и на другие театры военных действий. Возглавлялся боярином князем В.Г.Ромодановским и дьяком И.С.Гороховым, которые и ранее ведали сношениями России с калмыцкими тайшами. В дальнейшем эти функции перешли к астраханским воеводам.

Для управления занятыми в ходе боевых действий территориями Левобережной Украины (Глухов, Киев, Нежин, Немиров, Новгород-Северский, Переяслав, Погар, Почеп, Ромны, Стародуб, Чернигов, Чигирин) действовал в 1662–1722 гг. Малороссийский приказ (приказ Малой России). Он был подчинен Посольскому приказу, но имел собственное делопроизводство и штат. В 1662–1670 гг. он возглавлялся боярином П.М.Салтыковым, думным дворянином А.С.Матвеевым; с 22 февраля 1671 г. – главой Посольского приказа. Малороссийский приказ ведал официальными сношениями русского правительства с украинскими гетманами (на уровне посольств) и контролировал их внутри- и внешнеполитическую деятельность через приказно-воеводскую систему управления (сосуществовавшую на Левобережной Украине с местными формами власти – полковой администрацией и ратушным самоуправлением). Кроме того, приказ ведал внешними сношениями Украины, разведкой и контрразведкой, материальным обеспечением стоявших там русских войск, фортификационными работами в городах и на оборонительных линиях, финансовой поддержкой запорожского войска и православного духовенства, передвижением иностранцев, пленными, а также украинцами на территории России.

Приказ княжества Смоленского (Смоленский приказ) являлся центральным государственным

учреждением по управлению Смоленским регионом. Возник (1667 г.) после ликвидации приказа Великого княжества Литовского (декабрь 1666 г.) в качестве «Смоленского стола» Посольского приказа. До мая 1670 г. находился в ведении Посольского приказа; затем в составе Новгородской чети (1670–1671 гг.), Устюжской чети (1671 – сентябрь 1672 г.) – весь этот период под верховным управлением Посольского приказа. В октябре–декабре 1672 г. входил в состав Стрелецкого приказа. С января 1673 г. приказ княжества Смоленского находился под единым управлением со Стрелецким приказом. С 1680 г. Смоленский приказ был подчинен Посольскому и управляется его руководством. В ведении приказа княжества Смоленского находились назначение и смена городской воеводской администрации, шляхта, рейтары, стрельцы и посадские люди Смоленщины. Еще Смоленский стол провел в конце 1660-х гг. разбор и верстание смоленской шляхты, а также питейную реформу (сохранил привычные для региона формы «шинков» без государственной монополии).

Центральным учреждением в подчинении Посольского приказа стал приказ Великой России, или Великороссийский приказ (1687–1700 гг.), управлявший территорией и населением Слободской Украины (Ахтырский, Изюмский, Острогжский, Сумской, Харьковской слободские полки), верстанием городовых казаков (русских и переселявшихся с Украины), их службой, жалованьем, строительством городов и засечных черт, таможенными, кружечными и прочими казенными сборами.

Подчеркнем: в XVII столетии, как и в предыдущем, важнейшими были Поместный, Посольский, Разрядный приказы⁵. Поместный приказ функционировал на основе указов, а также глав XI, XVI–XVIII Соборного уложения. Юрисдикция Поместного приказа распространялась на центральные и южные регионы, за исключением территорий, подведомственных приказам Большого дворца, Казанского дворца и Сибирскому. По Новгородскому и Псковскому регионам часть функций лежала на местных учреждениях. Приказ делился на территориальные и тематические столы и повытья: Владимирский, Московский, Псковский, Рязанский, Ярославский столы; с 1682/1683 г. – столы Вотчинной записки (общее делопроизводство, личный состав, дела по челобитьям о выморочных, утаенных и «приписных» землях); с 1705 г. – столы Набора рекрут, Наряда работных людей, Соляной продажи.

Посольский приказ осуществлял внешнеполитические функции государства. Он также ведал южным, осваивавшимся в конце XVI в. регионом (Орел, Воронеж и др.); организацией почты; донскими казаками; поселениями из служилых татар; Мещанской

и Немецкой слободами в Москве. Глава Посольского приказа одновременно управлял также «Четью думного дьяка В.Я.Щелкалова» (1584–1595 гг.), Малороссийским приказом (с 1671 г.), Галицкой четью (1667–1689 гг.), Владимирской четью (1667–1677, 1680–1681 гг.), Полоняничным приказом (с 1670 г.), Смоленским приказом (с 1680 г.), Новгородской четью (с 1682 г.), Устюжской четью (с 1686 г.), приказом Великой России (с 1687 г.). Традиционно глава Посольского приказа являлся хранителем государственной печати. К первой половине XVII столетия Посольский приказ делился на повытья согласно сферам деятельности. В конце XVII в. они распределялись так:

- 1) Ватикан, Священная Римская империя, Англия, Франция, Испания;
- 2) греческие и восточные православные иерархи, Голландия, ганзейские города, Крым, Молдавия, Речь Посполитая, Швеция;
- 3) Дания, Курляндия, Пруссия;
- 4) Армения, донские казаки, калмыки, Персия;
- 5) Грузия, Средняя Азия, Китай.

В штат Посольского приказа входили дьяки и подьячие – профессиональные дипломаты, писцы; переводчики (для письменных переводов), толмачи (для устного перевода); картографы; золотописцы и миниатюристы, украшавшие грамоты, расписывавшие их золотом и краской. При Посольском приказе имелся архив, где хранились важнейшие государственные акты, библиотека с русскими и иностранными печатными и рукописными книгами и гравюрами XV–XVII вв. В 1670–1690-е гг. функционировала книгописная мастерская, изготавливавшая уникальные рукописные книги исторического содержания с миниатюрами для нужд царского двора и подарков. В Посольском приказе составлялись «Вести-Куранты» – сборники переводов иностранной прессы для информации царя и центрального аппарата. В начале XVII столетия из Посольского приказа выделился Печатный приказ.

Разрядный приказ состоял из столов⁶: Приказного (суд подведомственных Разрядному приказу лиц и сношения с другими приказами); Денежного (финансы); Московского (думные и московские чины); Владимирского, Белгородского, Новгородского, Севского – территориальных, управлявших разрядами. Имелись также повытья – Киевский и Казанский столы. В конце XVII в. на базе Разрядного приказа функционировали Ответная палата и Палата родословных дел. До 1616 и после 1665 г. Разрядный приказ ведал сбором таможенных и кабацких пошлин в городах Белгородского и Севского разрядов (в 1616–1665 гг. сбор вели четвертные при-

⁵ Лисейцев Д. В. Приказная система ...

⁶ См.: Новохатко О. В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII века. М.: Памятники ист. мысли, 2001. 445 с.; Ее же. Разряд в 185 году. М.: Памятники ист. мысли, 2007. 640 с.

казы). Разрядный приказ находился под общим руководством с Печатным (1638–1665 гг.), Рейтарским (1680–1681 гг.), Большого дворца, Каменным, Конюшенным, Сыскным приказами. С падением роли дворянского ополчения и постепенным переходом к регулярной армии в конце XVII в. Разрядный приказ теряет значение. Как военное ведомство Разрядный приказ перестает функционировать в период реформ Петра I, с переходом комплектования и управления армией к новым учреждениям (в том числе Генеральный двор). Как ведомство по служебному учету дворянства приказ действовал до указа об учреждении Правительствующего Сената (22 февраля 1711 г.), которым Разрядный приказ преобразован в Разрядный стол Сената.

К рубежу XVI–XVII столетий, после передачи Сибири в ведение Казанского дворца (1599 г.), оформляются территориально-экономические группы городов с пригородами и уездами, подчиненные приказам-четвертям – Владимирской, Галицкой, Костромской, Новгородской и Устюжской. Названные четверти ведали сбором прямых и косвенных налогов, контролем за выполнением денежных и натуральных повинностей. Сборы поступали через государственную (воеводы, наместники и пр.) и сословно-выборную (губные и земские старосты, целовальники) администрацию, ответственную за получение определенных сумм «государева дохода» и обязанную обеспечивать его путем сдачи на откуп, расклада на посад и пр. Судебно-административная юрисдикция четей распространялась только на категории черного тяглого населения посадов и уездов. Четями финансировались дворцовые и общегосударственные приказы, осуществлялась выплата окладного жалованья думным и московским чинам и верхушке служилого города (четвертчикам).

Как учреждения, обеспечивающие один из основных источников финансовых поступлений, чети обычно контролировались руководителями правительств. Поэтому Владимирская, Галицкая, Новгородская чети не раз объединялись под общим руководством с Посольским приказом; Костромская – с приказом Большого дворца и Стрелецким. Географическое распределение территорий сложилось исторически, не было постоянным и зависело от различных факторов (традиционные торговые пути; исторические, политико-хозяйственные связи; финансовый баланс и проч.). В 1676–1680 гг. сбор основных налогов был сконцентрирован в приказе Большой казны. Последний объединил под своим главенством приказ Большого прихода, Владимирскую, Галицкую и Новгородскую четверти. В 1679–1680 гг. указанные чети лишаются большей части своих функций, также перешедших к приказу Большой казны. В 1683–1684 гг. в чети было возвращено поступление данных и оброчных денег и натуральных сборов. Чети прекратили существование

на рубеже XVII–XVIII столетий в связи с реформами налоговой системы.

Новая четверть (Кабацкий приказ) была учреждена в 1616 г. для сбора питейных (кабацких) доходов на всей территории страны и борьбы с корчемством. В 1651 г. кружечный сбор передан приказу Большого прихода и приказам, в чьем территориальном подчинении находился конкретный город. В 1665 г. кружечный сбор по Белгородскому и Севскому разрядам был передан Разрядному приказу. В ведении Кабацкого приказа остались Отдаточный двор (оптовый кружечный двор в Москве) и кружечные дворы в Подмоскovie. В 1676–1680 гг. Новая четверть работала под общим руководством с приказами Большой казны, Большого прихода, Владимирской, Галицкой и Новгородской четями.

Позволим себе несколько общих замечаний.

Централизация и систематизация приказного управления в XVI–XVII вв. оказывалась невозможной потому, что в основе образования и функционирования приказной системы лежали принципы, не позволявшие ей сложиться в строгую систему отраслевого управления. Сосредоточение в отдельных приказах разнообразных дел сочеталось с распылением однородных, идентичных дел между несколькими приказами, что создавало своеобразную ведомственную чересполосицу. Например, Посольский приказ занимался не только внешней политикой, но и массой других дел (учет живших в России иностранцев, надзор за касимовскими татарами, выкуп пленных и т.д.). С 1560-х гг. Посольский приказ заведовал почтой, делами донских казаков, судом и сбором таможенных и кабацких доходов, назначением воевод, приказных людей и т.д. Поместно-вотчинные дела судились в Поместном приказе, но они же входили в компетенцию некоторых других приказов: Разрядного, Сибирского, Казанского. Полнота прав, присущая деятельности территориальных приказов (Казанский, Астраханский, Сибирский, Смоленский), противоречила функционированию «отраслевых» приказов (Посольский, Разрядный, Поместный). До конца существования приказной системы большая часть страны управлялась через территориальные (областные) приказы. Они обладали всей полнотой власти центральных учреждений, но только на определенной территории. Тогда это было наиболее приемлемо для целостности государства и самодержавной власти.

Специфической чертой института приказов являлась своеобразная система их объединения, состоявшая из главного приказа и присудов. Присуды не имели собственных судей. Такой приказ, не меняя внутренней структуры, подчинялся другому и имел общего с ним судью (он же судья начальствующего приказа). Присуды легко превращались в столы главного приказа и могли «странствовать» из одного приказа в другой. Ликвидация приказа как само-

стоятельной единицы еще не означала, что у него не было перспективы возродиться в виде самостоятельного учреждения – полноценного приказа.

Посредством приказов государство осуществляло не только отраслевое или территориальное управление, дипломатические функции, но и управление социальными группами, формировавшимися и существовавшими в виде специфических общественно-служилых категорий – чинов. Таким образом, приказы являлись и судебными, и административными органами. В судебной сфере процесс централизации также не был ни последовательным, ни прямолинейным. Например, Поместный приказ содержал два полка и вел самостоятельно суд и расправу. Наряду с реставрацией старых приказов создавались новые (Казачий, Иноземный, Рейтарский). Менялось число приказов территориального управления и финансовых. В конце XVII в. создается ряд приказов, связанных с новыми веяниями: Военно-Морской, Адмиралтейский, Артиллерийский. Их возглавляют новые люди, на высокие посты выдвигаются иностранцы. Так, сын голландского купца Андрей Андреевич Виниус (1641–1716) служил в Посольском, Аптекарском, Артиллерийском, Провиантском и Сибирском приказах.

Финансирование приказов отражало суть приказной системы. Создаваемые приказы были поручениями, и под них изыскивался источник финансирования, будь то специальный налог или извлеченная из кассы другого приказа сумма. Кроме того, к приказу была прикреплена конкретная территория, с населения которой он взимал налоги. С годами складывались определенные связки приказов дохода и приказов расхода. Для выполнения финансовых функций была образована целая группа приказов – Большого прихода, Большой казны, Денежного сбора, Сбора пятинных и запросных денег, Счетный и др.

Известно, что с середины XVII в. в Москве при некоторых приказах функционировали школы, в которых, выражаясь современным языком, учащиеся получали среднее специальное образование. С 1654 г. при Аптекарском приказе работала школа по подготовке медицинского персонала для дальнейшей службы в этом ведомстве. Тогда же действовали школа литейщиков при Пушкарском приказе и типографская школа при Печатном приказе. Но эти заведения готовили не служащих административного аппарата, а, по сути, востребованных правительством ремесленников. Не могли подготовить к приказной службе и многочисленные частные учителя.

Подготовка кадров для дальнейшей государственной службы практиковалась при самих приказах. Известный исследователь бюрократизации государственного аппарата феодального периода Н.Ф.Демидова осторожно предположила, что обучение подьячих в Посольском приказе имело место

уже в 1621/22 г.⁷. Совершенно уверенно о функционировании школ для подготовки чиновного аппарата для центральных ведомств – приказов – можно говорить с середины XVII в. Связано это было, по всей видимости, с тем, что стремительно увеличивался штат московских приказов и пополнять его прежним, спорадическим способом становилось затруднительно. С 1664 г. в Москве действовала государственная школа, предназначенная специально для обучения подьячих приказа Тайных дел – одного из важнейших в царствование Алексея Михайловича. Основал ее в Заиконоспасском монастыре Симеон Полоцкий, обучавший латыни и грамматике. Уже в 1668 г. первые ученики школы в составе дипломатической миссии А.Л.Ордина-Нащокина выехали в Курляндию. В 1669 г. Симеона Полоцкого сменил Сильвестр Медведев, добавивший к курсу обучения риторику. В середине 1680-х гг. в школе учились 23 человека⁸.

Определенные сведения о подготовке служащих в стенах Посольского приказа относятся к 1669/70 г., когда в нем числилось четыре человека, которые «вновь по челобитью для ученья сидят». 13 октября 1689 г. Боярская дума определила новые штаты для Посольского приказа и законодательно утвердила существование школы при нем: разрешено было иметь при приказе пять учеников без жалования – «для ученья приказного и признания дел». В 1701 г. в школе при Посольском приказе училось уже шесть человек. По предположению Н.Ф.Демидовой, срок обучения при дипломатическом ведомстве составлял один год для лиц, уже владеющих грамотой, и 2–3 года для начинающих учебу неграмотными. Значительная часть учеников приказных школ по своему происхождению относилась к приказным семьям. Многие из учащихся продолжали по окончании образовательного курса службу в Посольском приказе, иногда их направляли на службу в другие ведомства. Кое-кто из «робятишек» сумел после дослужиться до дьяческого чина⁹.

Несколько иной была специфика подготовки кадров при Поместном приказе. Здесь наиболее важным считалось знание арифметики, геометрии и картографии, что вполне объяснимо – приказ ведал наделением служилых людей земельными владениями. Источники фиксируют работу школы при Поместном приказе во временной промежуток с 1671 по 1675 г., но, по всей видимости, она функционировала и позднее. Количество учеников в этом учебном заведении было большим, чем в Посольском приказе. В 1671 г. в ней числилось 35 уче-

⁷ Демидова Н. Ф. Приказные школы начального образования в Москве XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М.: Археогр. центр, 1994. С. 153.

⁸ Рогов А. И. Школа и просвещение // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2. С. 150.

⁹ Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 156, 158–159, 162.

ников, в 1673 г. – 33, в 1674 г. – 94, в 1675 г. – 54. Значительное количество учащихся объясняется тем, что в Поместном приказе – самом крупном центральном учреждении государства XVII в. – служило гораздо больше подьячих, чем в Посольском (в Посольском приказе подьячих было около 25 человек, а в Поместном их численность только за 1671–1675 гг. возросла с 240 до 317 человек). В школе при Поместном приказе, как и при Посольском, многие ученики были выходцами из семей подьячих; в дальнейшем около 2/3 учеников продолжили службу в системе московских приказов, некоторые выслуживались до дьяков¹⁰. Для работы в Поместном приказе требовались специальные знания арифметики, приемов сошного письма, основ рисуночной картографии и навыки быстрого счета. Основная задача обучения – подготовка грамотных людей с набором специальных знаний – преследовала практические цели и продолжалась 2–3 года. Дальнейшая служебная деятельность молодых людей протекала в зависимости от их способностей и обстоятельств. Из основной массы учеников, оставшихся в Поместном приказе и не продвинувшихся далее «подьяческого чина», 54 человека работали до 1690-х гг. Из них 13 человек дослужились до «старых подьячих», 24 – до «подьячих средней статьи», 17 остались на положении «молодых».

По инициативе патриарха Иоакима в 1681 г. на Печатном дворе была основана Типографская школа «греческого чтения, языка и письма». Сначала в ней было 30 учеников, в 1684 г. – 191, в 1685 г. – 200, в 1686 г. – 233. Школа предназначалась исключительно для подготовки переводчиков для Печатного двора, но очень скоро переросла эти первоначальные функции. Об этом говорит не только огромное по тем временам количество учеников, но и факт изучения в ней риторики (что не имело отношения к деятельности Печатного двора). Вероятно, в школе планировалось воспитывать представителей будущей церковно-государственной элиты страны. Есть основания предполагать существование подобных школ и при других приказах – Разрядном и Сибирском. К концу века практика обучения подьячих встречается и на местах – в сибирских приказных избах. Центром этого обучения сделалась столица края – Тобольск, где обучение было санкционировано специальным распоряжением Сибирского приказа.

Одним из этапов создания первого высшего учебного заведения в России – Славяно-греко-латинской академии (1687 г.) – стала разработка «Привилегии на Академию». Привилегия открывала доступ в Академию «всякаго чина, сана и возраста людем... приходящим ради научения». И лишь «по совершении свободных учений» можно было занимать ответ-

ственные государственные посты. Обучение предполагалось бесплатное¹¹. Ученики и учителя изымались из-под юрисдикции всех судебных инстанций, суд она должна была иметь свой. Для престарелых учителей предполагалась даже выплата пенсий. В Академии должны преподаваться как церковные, так и гражданские науки (языки – русский, польский, греческий, латинский; грамматика, пиитика, риторика, диалектика, философия, богословие)¹². В дальнейшем в Славяно-греко-латинской академии обучались некоторые подьячие. В частности, в 1697 г. туда отрядили подьячего Василия Степанова для изучения итальянского языка¹³.

Ко второй половине XVII в. сложилась градация отдельных приказных групп и определено их место в управлении страной:

- думные дьяки и верхушка дьяков приказных, слившихся по своему имущественно-правовому положению с феодальной знатью. Они находились в непосредственной близости к правительственным кругам и принимали участие в подготовке законодательных актов и выработке направлений внутренней и внешней политики;

- среднее и низшее звено приказного дьячества и московские подьячие, не имевшие собственных интересов в проводимых правительством мероприятиях, послушно исполнявшие распоряжения верховной власти, от которой полностью зависели;

- местные подьячие, близкие по сословным и имущественным интересам к служилым и посадским мирам своих городов и уездов и стоявшие на страже их интересов.

Рабочие и нерабочие дни государственных служащих к середине XVII в. были установлены достаточно четко¹⁴. Тогда в России рабочее время считывалось не по часам, а было связано с темным и светлым временем суток, естественно, менявшимся в течение года. Соответственно график работы тоже был гибким, соответствующим временам года. Об этом свидетельствуют указы, объявляющие, говоря современным языком, о переходе на зимнее и летнее время. Так, именной указ от 15 декабря 1669 г. предписал: «На Москве в приказах судьям и дьяком сидеть за дела с 1 часа ночи во все дни, да

¹¹ Древняя российская вивлиофика, или собрание древностей российских, до российской истории, географии и генеалогии касающихся, издаваемая помесечно Николаем Новиковым. СПб.: [тип. Акад. наук], 1788. Ч. VI. С. 408, 418 («Строение же того училища достойным образом Академии нашею царскою казною да строится; и того хранение и о целости его промышление наше Царского величества ныне и впредь текущая времена да будет»).

¹² Рогов А. И. Указ. соч. С. 150–152.

¹³ Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 155.

¹⁴ Данные о правилах функционирования и режиме работы центральных государственных органов XVII в. заимствованы из монографии: Новохатко О. В. Разряд в 185 году. С. 40–65.

¹⁰ Там же. С. 160–164.

им же с делами всходить в верх перед бояр и сидеть в приказах до 8 часа с 1 часа ночи»¹⁵.

Этим указом регламентировалось время работы приказов во второй половине дня в зимний период. Можно с большой долей вероятности предположить, что и подчиненные судей и дьяков сидели в приказе никак не меньше начальства, то есть (для зимних месяцев) с 16 до 23 часов. Таким образом, вторая половина рабочего дня в 1669 г. составляла семь часов, а, следовательно, весь рабочий день длился приблизительно четырнадцать часов.

В Уложении 1649 г. названы нерабочие дни для всех приказов – это все воскресенья, двенадцатые праздники, некоторые периоды больших постов и дни именин членов царской семьи (царя, царицы и их детей). Всего, таким образом, предшественники современных чиновников не работали примерно сто дней в году, то есть чуть меньше одной трети года. Исключения составляли срочные дела государственной важности, что было специально оговорено в Уложении¹⁶. Кроме того, по субботам работа прекращалась за три часа до вечера, то есть в зимние месяцы примерно в 13–15 часов, весной – в 17–18 часов, летом – в 18.30–19 часов, осенью – в 14–16 часов.

В том же 1649 г. (23 декабря) в это расписание были внесены некоторые уточнения и отчасти изменения. Служащим приказов, от начальных людей до подьячих, объявлялось: «по субботам после обеда, а в Воскресенье до обеда в приказах не сидеть, и дел никаких не делать»¹⁷. Таким образом, не весь воскресный день оказывался, вопреки Уложению, нерабочим. Исключение из этого правила составляли сотрудники приказов, имевших наибольшее значение в сфере государственного управления – Разрядного, Посольского и Большого дворца. В целом рабочий день чиновников XVII в. был весьма продолжителен – от десяти до четырнадцати часов. В некоторых указах это объявляется прямо. 20 октября 1658 г.: «Приказным людям, дьяком и подьячим в приказах сидеть во дни и в ночи 12 часов»¹⁸. 26 октября 1680 г.: «В приказах начальным людям и дьяком и подьячим сидеть в день пять часов, в вечеру пять же часов»¹⁹. Указ 26 ноября 1679 г. предписывал «бояром и окольничим и думным людям и дьяком, которые ведают приказы», являться в присутствие «с утра за час до дня, а из приказу выезжать в шестом часу дня, а в вечеру в приказы приезжать в первом часу ночи, а из приказу выезжать в седьмом часу»²⁰. Переведа это расписание на современный счет вре-

мени, мы увидим, что первая семичасовая половина рабочего дня длилась с 7.30 до 14.30, затем следовали полуторачасовой перерыв и вторая семичасовая половина рабочего дня – с 16 до 23 часов.

Положение несколько изменилось в следующем, 1680 г., с установлением 10-часового рабочего дня всем служащим приказов. 26 октября «начальным и нижним людям» было указано «приходить в приказ в день и в ночь в первом часу»²¹ (соответственно в 8.30 и в 18 часов). А продолжительность каждой половины рабочего дня, как уже говорилось выше, составила 5 часов, с весьма длительным перерывом в четыре с половиной часа.

Применительно к приказам и их служащим в XVII столетии следует определить два переломных момента:

1. 1640–1650-е гг. В рамках сословно-представительного государства создавалось общее законодательство, определившее основные стороны функционирования штатов государственных учреждений и утвердившее приказное начало. Была ограничена социальная среда комплектования, введено «указное число» служащих для каждого учреждения и размеры отпускаемого им содержания, а также установлен внутренний распорядок работы центральных учреждений.

2. 1670-е гг. Под воздействием новых явлений в жизни страны перед государственными учреждениями и их штатами встали новые сложные задачи, что привело к резкому возрастанию числа приказных служащих.

Одна из характерных черт национальной идеологии (помимо патриархальности) – осознание государства как высшей ценности, по сравнению с которой отдельно взятая человеческая жизнь, судьба, свобода не имели большого значения. В течение XVII столетия постепенно происходит также отождествление государственных преступлений с преступлениями, направленными против государя. В Соборном уложении 1649 г. вопросу защиты жизни и достоинства государя, а также производству по делам о государственных преступлениях отведена особая глава (вторая), именованная следующим образом: «О государьской чести, и как его государское здоровье оберегать»²². Все дела о государственной измене считались «государевыми»: производство по таким делам начиналось после того, как доноситель произносил знаменитую фразу: «Слово и дело государево».

При том, что XVII столетие в России стало временем значительного укрепления самодержавной власти, этот век впервые в русской истории породил идею государственного интереса, который именно

¹⁵ ПСЗ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. I. С. 828 (№ 462).

¹⁶ Там же. С. 21 (№ 1).

¹⁷ Там же. С. 222 (№ 21).

¹⁸ Там же. С. 467 (№ 237).

¹⁹ Там же. СПб., 1830. Т. II. С. 281 (№ 839).

²⁰ Там же. С. 219 (№ 777).

²¹ Там же. С. 281 (№ 839).

²² Леонтьев А. К. Указ. соч. С. 304–305; Мартысевич И. Д., Шульгин В. С. Указ. соч. С. 331–332.

тогда перестает отождествляться исключительно с государевым. В XVI столетии все государственные распоряжения, даваемые различным лицам, определялись как *государевы дела*²³. В эпоху Смуты, когда реальная власть московских царей значительно ослабла, государственный аппарат был вынужден искать поддержки и одобрения своих начинаний в широких слоях российского общества – земствах. Подобное изменение нашло свое выражение, в частности, в дипломатической терминологии уже в первые годы Смутного времени. В некоторых официальных документах от времени царствования Бориса Годунова встречается формула «земское дело»: «чтоб за тем государеву делу и земскому порухи не было»; «для ваших государских и земских всяких дел». Наряду с оборотом «государевы и земские дела» в делопроизводстве дипломатического ведомства стало

²³ «для твоего, государева... великого тайново дела»; «чтоб государеву делу порухи не было»; «а как у него... учнет государево дело делаться...» и т. д. (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Ед. хр. 1 (1604 г.). Л. 5; Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 2 (1607 г.). Л. 37; Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 1 (1610 г.). Л. 29).

употребляться понятие «государственные дела»²⁴. Очевидна эволюция формулировок. В XVI столетии все государственные дела именовались «государевыми»; начало XVII в. вводит в обиход «государевы и земские дела», а в середине столетия царь Алексей свои, государевы, дела ставит рядом с делами Божьими.

Такова специфика общей эволюции приказной системы России в XVII столетии. Возникнув в конце XV – начале XVI в., приказы на протяжении двух столетий формировали свои штаты, функции и делопроизводство. Достигнув вершины своего развития, приказная система управления исполнила свою историческую миссию. Следующий этап развития государственности России был возможен только при создании централизованной системы организации источников финансирования императорской власти путем коренного реформирования всей системы государственных учреждений.

²⁴ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 2 (1607 г.). Л. 2; Ф. 79. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 1; Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 1 (1613 г.). Л. 163–164.

N. M. Rogozhin

Evolution of the Prikaz Administration System in the 17th Century

Key words: Moscow state, prikazes, bureaucratization, evolution of the state system.

Abstract: The article presents the evolution of the prikaz administration system of Muscovy in the 16th –

17th cc. The functions and the circle of the competences of different prikaz institutes are specified. The issue of the prikaz service people's work schedule of the 17th century is analyzed.

Часть V

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ВОЙНЫ

Русско-польско-литовское дипломатическое противостояние в контексте вооруженных конфликтов в Восточной Европе и Прибалтике (конец 80-х – начало 90-х гг. XVI в.)

Состояние войны между Речью Посполитой и Русским государством было прекращено Ям-Запольским перемирием в январе 1582 г. и возобновлено вторжением войск Сигизмунда III в смоленские земли в сентябре 1609 г. На протяжении более четверти столетия в силе сохранялись основные положения Ям-Запольского договора, продленного в Москве в июле 1584 г., в Варшаве в феврале 1585 г., в Гродно в августе 1586 г., в Москве в апреле 1587 г., в Варшаве в августе 1587 г., в Москве в январе 1591 г., в марте 1601 г. и в июле 1608 г. Напомним, что в дальнейшем состояние войны между двумя государствами прерывалось на значительно более краткие временные периоды: с 1618 по 1632 г. и с 1634 по 1654 г.

После 1582 г. между двумя государствами продолжалось военно-дипломатическое противостояние, время от времени ставившие их на грань возобновления кровопролития. Так, период с весны 1584 г. по конец 1586 г. ознаменовался жестким военно-дипломатическим давлением Речи Посполитой на Россию. Отношения между государствами, по определению Б. Н. Флори, постоянно балансировали тогда «между войной и миром».

Проблема с продлением Ям-Запольского договора возникла уже в период нахождения в Москве польско-литовского посла Л. Сапеги, прибывшего сюда 22 марта 1584 г.¹ Посольство Сапеги направлялось в Россию для решения спорных вопросов о территориальном разграничении и обмене пленными. Однако став свидетелем событий, последо-

вавших за кончиной Ивана Грозного, которые польско-литовский посол не без основания расценил как серьезный внутривосточный кризис, Сапега, воспользовавшись перерывом в исполнении своего посольства, испросил новых инструкций с целью оказать давление на русскую сторону в плане пересмотра Ям-Запольского перемирия. Озвученная Сапегой 22 июня 1584 г. в посольских «речах» позиция польско-литовской стороны заключалась в следующем: Речь Посполитая считает, что ограничение сроков Ям-Запольского перемирия десятью годами прекращается в связи со смертью Ивана IV. Это, по справедливому мнению Флори, означало, что сам Ям-Запольский мирный договор прекращает свое действие². Условием заключения нового мирного договора стало признание Москвой прав Речи Посполитой на Северскую и Смоленские земли.

14 июля 1584 г. был заключен договор о продлении Ям-Запольского перемирия. Н. Н. Бантыш-Каменский определил его главную составляющую: «границы содержать во всех местах по старым рубежам»³. Срок перемирия устанавливался до 30 мая 1585 г. Это стало компромиссом. Предстояли новые переговоры.

Второй договор Русского государства с Речью Посполитой о продлении Ям-Запольского пере-

² Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М.: Наука, 1978. С. 122.

³ Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россией и Польшей по 1700 г., составленная по дипломатическим бумагам ... М.: Университет. тип., 1862. Ч. 2. С. 4.

¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 32 об.

мирия заключили в Варшаве 20 февраля 1585 г.⁴. Ему предшествовали длительные и тяжелые переговоры с русским посольством во главе с князем Ф.М.Троекуровым.

Первоначально польско-литовская сторона обусловила продление перемирия уступкой Новгорода Великого, Пскова, Смоленска, Вязьмы, Дорогобужа. Русская сторона категорически отказалась от признания территориальных претензий Речи Посполитой к Русскому государству вне пределов Ям-Запольского договора. В ответ польско-литовская сторона категорически отвергла предложение продлить договор о перемирии сроком на десять лет. В итоге перемирие продлили только на два года (с 3 мая 1585 г. по 3 мая 1587 г.). Границу признали по старым рубежам, но при условии проведения в ближайшем будущем «межевого съезда»⁵.

Обстоятельства вынудили обе стороны уже в следующем году пойти на переговоры о продлении срока перемирия, формально в связи с предполагаемой демаркацией границ. В действительности речь шла о новом взаимном политическом зондаже, определившемся во время известной миссии в Москву великого писаря литовского М.Гарабурды в марте 1586 г. Поводом для отправления Гарабурды стали слухи о русско-габсбургских переговорах с целью наследования одним из эрцгерцогов московского престола после смерти Федора Ивановича.

Как известно, польско-литовская сторона предложила «вечный мир» в связи с перспективами русско-польско-литовской «унии» под державой царя Федора Ивановича в случае кончины короля Стефана Батория. Ход миссии Гарабурды рассмотрен Флорей⁶. Отметим только одно обстоятельство – предложения «унии», озвученные Гарабурдой при всех изощренных дипломатических уловках, призванных поставить русскую сторону в ущемленное положение, впервые не сопровождались выдвиганием территориальных притязаний. В значительной степени «миролюбие» Гарабурды определялось «крымским фактором» – на аудиенции у государя ему демонстративно предъявили одного из претендентов на крымский престол, находившихся на территории Русского государства, – Мурад-Гирея. Напомним, что с 1583 по 1584 г. в Крыму шла борьба за власть между претендентами на престол и положение поставленного Портой хана Ислам-Гирея II (1584–1588 гг.) выглядело крайне неустойчивым⁷.

⁴ В русской посольской документации имеются списки русского «противня» договора: РГАДА. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.15. Л.649–654; польско-литовского «противня»: Там же. Л. 654–659.

⁵ Там же. Л. 788 об.–789.

⁶ Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы ... С. 131–135.

⁷ Виноградов А.В. Русско-крымские отношения в 1570–1590-х гг. в контексте династического кризиса Ги-

Итогом миссии Гарабурды, помимо опровержения факта русско-габсбургских переговоров, стало согласие на «досрочную» отправку послов с целью переговоров по продлению перемирия. На деле было очевидно, что переговоры о продлении перемирия будут плотно увязаны с вопросом об «унии». Для ведения переговоров правительство Федора Ивановича выслало опытейших дипломатов – князя Ф.М.Троекурова, Ф.А.Писемского и дьяка Д.Петелина.

Посольство отправилось в Речь Посполитую 28 июня 1586 г.⁸. Переговоры шли в Гродно с 19 по 27 августа не совсем в традиционном русле. С первых же дней переговоров, как отметил Флоря, «сенаторы, основываясь на сообщениях М. Гарабурды, снова выступили с предложением о заключении «унии» между Россией и Речью Посполитой после смерти царя Федора»⁹. Послы это предложение отвергли. Тогда в ход пошли угрозы. Сенаторы стали настаивать на уступке спорных территорий, однако шантаж не прошел. В этих условиях единственным выходом стало продление перемирия на время, необходимое для новых переговоров. 27 августа его продлили на два месяца. В отечественной историографии гродненские переговоры оцениваются как откровенное давление на Русское государство со стороны Речи Посполитой. А.А.Зимин прямо пишет, что после возвращения посольства «война казалась неизбежной»¹⁰.

Таким образом, к 1586 г. оба государства оказались буквально в шаге от крупномасштабной войны. При этом Россия могла столкнуться с коалицией Речи Посполитой и Швеции. Такая угроза обозначилась уже на последнем этапе Ливонской войны, однако противоречия между потенциальными союзниками оказались слишком сильны. Швеция пошла на заключение в мае 1583 г. Плюсского договора. И Ям-Запольское перемирие, и Плюсский договор оставляли открытым вопрос о «спорных территориях» бывшего Ливонского ордена, оставшихся под властью Швеции, на которые претендовала Речь Посполитая. При ратификации Ям-Запольского договора польско-литовская сторона добилась составления «записи», по которой Русское государство отказывалось от борьбы за эти владения Шведской короны. Проблема «спорных территорий» присутствовала на всех дипломатических переговорах между Речью Посполитой и Русским государством с момента заключения Ям-Запольского перемирия.

реев // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: ИХЛАС, 2010. Вып.2. С.274–299.

⁸ РГАДА. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.16. Л.124 об.

⁹ Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы ... С. 135.

¹⁰ Зимин А.А. В канун грозных потрясений: предпосылки первой крестьянской войны в России. М.: Мысль, 1986. С.143.

Так, на переговорах в Варшаве в феврале 1585 г. польско-литовская сторона потребовала включить в текст договора особое положение «про Ругов и прочие города, которые за свийским»¹¹. Предполагалось, что в текст договора будет включено «твердое обязательство» Москвы признать «спорные территории» за Речью Посполитой. Послы отказались, предложив вновь заключить особую «запись», на что не пошла уже польско-литовская сторона.

Продление перемирия с Речью Посполитой в феврале 1585 г. позволило правительству Федора Ивановича вести более уверенную линию на переговорах со Швецией. «Приговор» о снаряжении посольства состоялся вскоре после возвращения из Варшавы посольства князя Троекурова 18 августа 1585 г.¹² Русскую делегацию формально возглавлял боярин князь Ф.Д. Шастунов, наместник Ярославский, однако реально главной фигурой на переговорах был думный дворянин И.П. Татищев. Ход переговоров детально отображен в статейном списке русских послов¹³. Переговоры начались 26 октября на «стану» в устье р. Плюсы и продолжались вплоть до декабря. Встреча дипломатов сопровождалась жестким противостоянием и по вопросам протокольного характера, и по существу дела. Шведская сторона добивалась окончательного признания территориальных изменений, а русская, наоборот, требовала «государю нашему города отдати Ивангород, Яму, Копорью, Корелу». Неоднократно переговоры находились на грани срыва. На одном из этапов переговоров шведская сторона угрожала союзом с Крымом. У послов было чем на это ответить: полным ходом шли переговоры о переходе в московское подданство изгнанных из Крыма сыновей Мухаммед-Гирея II и об оказании им помощи в «отвоении своей отчины». На шведов эта информация произвела удручающее впечатление. Не содействовали благоприятному ходу переговоров и взаимные угрозы обеих сторон в случае открытого конфликта заручиться поддержкой Речи Посполитой. Однако обоюдное желание сторон сохранить на данный момент «статус кво» в конечном итоге возобладало. Договор заключили 28 декабря¹⁴. Второй Плюсский договор опубликован¹⁵. По нему мир между Русским

государством и Швецией устанавливался на 4 года с 6 января 1586 г. по 6 января 1590 г. Тем не менее, оговорка, что к 20 июля 1586 г. предполагалось собрать новый посольский съезд, показывала зыбкость очередного перемирия.

Русско-шведский конфликт, начавшийся в 1589 г., привел к новому военному столкновению. Инициатива здесь исходила со стороны Шведской короны. Причина кризиса, обозначившегося к 1589 г. в русско-шведских отношениях, заключалась в резком изменении ситуации в Речи Посполитой, где в конце 1588 г. утвердился на престоле шведский наследный принц Сигизмунд Ваза. Это обстоятельство серьезно осложнило внешнеполитическое положение Русского государства и неизбежно вело к возобновлению, по определению А.И. Филюшкина, «серии балтийских войн»¹⁶. Последовала русско-шведская война 1590–1593 гг. – одно из основных событий русской истории периода царствования Федора Ивановича и «испытание на прочность» фактического правителя государства Годунова.

Главная задача русской дипломатии в этот период заключалась в недопущении создания коалиции Речи Посполитой и Шведской короны, что осуществлялось ею в тесной связи с развитием «элекционной ситуации» в Речи Посполитой. К моменту начала «третьего бескорольевья», следовавшего после кончины Стефана Батория 12 декабря 1586 г., отношения между Россией и Речью Посполитой определял договор о продлении Ям-Запольского перемирия, заключенный в Гродно 27 августа (6 сентября) 1586 г.¹⁷. По нему срок действия перемирия продлевался только на два месяца (по 3 августа 1587 г.).

В феврале 1587 г. в Москву выехало польско-литовское посольство П.Черниковского – Б.Огинского. Посольство было отправлено с Варшавского конвакационного съезда, констатировавшего начало очередного «бескорольевья». Послы везли послание государю Федору Ивановичу от сенаторов Речи Посполитой¹⁸. Отправителями выступали все ведущие политики Речи Посполитой: 31 сенатор, 22 – от Короны, 9 – от Великого княжества Литовского. Послание информировало русскую сторону о кончине Стефана Батория и содержало предложение

¹¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 764 об.

¹² РИО. СПб.: т-во Печатня С.П. Яковлева, 1910. Т. 129: Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством. Ч. 1: Годы с 1556 по 1586. С. 393.

¹³ Там же. С. 488–544. Плюсские переговоры в дореволюционной отечественной историографии затрагивались в общих трудах: Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. М.: Мысль, 1998. Кн. 4: История России с древнейших времен. Т. 7–8. С. 222–223. Специально они не исследовались.

¹⁴ РИО. Т. 129. С. 544.

¹⁵ Русский «противень»: Там же. С. 484–486; шведский «противень»: Там же. С. 486–488.

¹⁶ Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы: балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 9. Отметим, что данный конфликт Русского государства и Швеции А.И. Филюшкин определяет как «третью русско-шведскую войну 1589–1595 гг.».

¹⁷ Польско-литовский «противень» опубликован в составе посольских книг, см.: Lietuvos Metrika. Vilnius, 2009. Kn. Nr. 593: (1585–1604). Diplomatinę reikalų knyga / parengė A. Baliulis. P. 48–50 (№ 26). (Далее – LM 2009); Lietuvos Metrika. Vilnius, 2006. Kn. Nr. 594: (1585–1600) / parengė A. Baliulis; Lietuvos istorijos institutas. P. 40–42 (№ 17). Далее: LM 2006. Русский «противень»: LM 2009. P. 50–52 (№ 27); LM 2006. P. 42–44 (№ 18).

¹⁸ LM 2009. P. 53–55 (№ 28); LM 2006. P. 45–47 (№ 19).

ние продлить срок действия перемирия. С выдвижением московской кандидатуры на польско-литовский престол продление перемирия формально не связывалось.

Во время переговоров, которые шли в Москве с 8 по 26 апреля 1587 г., русская сторона, как известно, фактически связала вопрос о заключении перемирия на длительный срок с возможностью избрания Федора Ивановича на польско-литовский престол. Это особенность переговоров традиционно подчеркивалась в отечественной историографии¹⁹. Позиция русской стороны была изложена в «речах» ведущих переговоры князя Ф. М. Троекурова и посольского дьяка А. Я. Щелкалова²⁰. Продление перемирия увязывалось, как минимум, с отказом от выдвижения на польско-литовский престол кандидатуры Сигизмунда Вазы, заведомо враждебного Русскому государству. Было заявлено о готовности русской стороны рассмотреть план «унии»²¹. Для давления на польско-литовских послов руководители русской дипломатии имели серьезный «козырь». В Речи Посполитой хорошо знали, что в Астрахани находился претендент на крымский престол Муррад-Гирей, который при активном участии русского правительства готовился к походу на Крым. Однако формирующуюся под его началом орду можно было развернуть и в другом «геополитическом направлении». Троекуров и Щелкалов прямо заявили послам, что в случае избрания Сигизмунда Вазы, «котором было из Астрохани и из-за Волги ногайским людям и казанским идти на Крым... и тех в тот же час поворотят на Литовскую землю»²².

В конечном итоге в Москве 27 апреля (7 мая) 1587 г. был заключен четвертый договор Русского государства с Речью Посполитой о продлении Ям-Запольского перемирия²³. Срок действия соглашения определили в 15 месяцев (3 августа 1587 г. – 1 ноября 1588 г.). Предусматривалось дальнейшее продление перемирия в зависимости от развития «элекционной ситуации». К «Петрову дню» на «елекцию» предусматривалось прислать «больших послов». Заключение договора явилось, по мнению Зимина, «залогом стремления России жить в добрососедстве с Речью Посполитой»²⁴. На деле это был вынужденный шаг польско-литовской стороны, совершенно не свидетельствующий,

что готовность к «добрососедству» разделяла вся политическая элита Речи Посполитой.

Ход событий привел к быстрому возобновлению русско-польско-литовских контактов. Элекционная ситуация в Речи Посполитой обострялась. Налицо был раскол «политического народа» Речи Посполитой. В августе 1587 г. в Варшаву прибыло посольство в составе С. В. Годунова, князя Ф. М. Троекурова, В. Я. Щелкалова и Д. Петелина. Пребывание этого посольства занимает исключительное место в истории русско-польско-литовских отношений второй половины XVI в. Первый раз оно проходило в период работы элекционного сейма. Переговоры послов шли одновременно об элекции на польско-литовский престол московского государя и ратификации перемирия. Естественно, что и в отечественной и польской историографии августовские переговоры 1587 г. занимают особое место²⁵. Их ход досконально исследован Флоря, поэтому ограничимся следующими замечаниями. В период пребывания посольства для русских дипломатов стало ясно, что ожидается одновременная элекция Максимилиана эрцгерцога австрийского и шведского королевича Сигизмунда (Жигимонта) Вазы. Провал габсбургской кандидатуры делал весьма реальным элекцию «Шведа». Для Москвы это было «чревато войной с польско-шведской коалицией»²⁶. Вместе с тем часть политической элиты Великого княжества Литовского вне зависимости от их «элекционных предпочтений» не желала возобновления войны с Русским государством и предпочло «связать руки» шведскому кандидату наличием заключенного перемирия. Коронные сенаторы и шляхта – сторонники избрания Сигизмунда Вазы, предводствуемые Яном Замоиским, – естественно, были против, но в условиях продолжающейся «элекционной борьбы» противодействовать «литовцам» не стали. 9 (19) августа сторонники Замоиского провозгласили королем Сигизмунда Вазу. В тот же день литовские паны радные предложили коронным сенаторам заключить совместный договор с Русским государством, но их предложение было отвергнуто. 13 (23) августа предложение повторили, а после отказа коронных сенаторов начали «сепаратные» переговоры. При этом ведущие литовские политики во главе с Сапегой до последнего стремились «сохранить» лицо – 11 (21) августа они отправились в лагерь Замоиского, «где дали понять сторонником шведского кандидата, что они готовы согласиться на избрание Сигизмунда,

¹⁹ Щербатов М. М. История российская от древнейших времен. СПб., 1904. Т. 6. Стб. 158–163.

²⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 281 об.–297 об.

²¹ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы ... С. 145.

²² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 337 об.–339.

²³ Договор опубликован. Русский «противень»: ЛМ 2009. Р. 76–78 (№ 42); ЛМ 2006. Р. 70–72 (№ 33); польско-литовский «противень»: ЛМ 2009. Р. 78–80 (№ 43); ЛМ 2006. Р. 72–74 (№ 34).

²⁴ Зимин А. А. Указ. соч. С. 143.

²⁵ Бантыш-Каменский Н. Н. Указ. соч. Ч. 2. Стб. 167–193; Lulewicz H. Gniewów o unię ciąg dalszy: stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. Warszawa: Wydawn. Neriton: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 2002. S. 378–380.

²⁶ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII вв. М.: Наука, 1973. С. 28.

если предварительно будет заключен мир с Россией, но не добились успеха»²⁷.

В конечном итоге 15 (25) августа 1587 г. в Варшаве литовской стороной был заключен «сепаратный» пятый договор Русского государства с Речью Посполитой о продлении Ям-Запольского мира²⁸. В.В.Похлебкин классифицирует его как: 1) Русско-польское Варшавское соглашение о продлении перемирия 1587 г.; 2) Русско-польское перемирие 1587 г.: продление Кивергородского мира²⁹, А.А.Зимин – как «сепаратное перемирие с Литвой»³⁰.

В.В.Похлебкин полагает, что договор вступил в силу с момента подписания, то есть его санкционировали сеймом, без ратификации королем³¹. Это умозаключение не соответствует действительности. Вопрос о вводе в действие договора до сих пор является в историографии предметом дискуссий. Все исследователи определенно квалифицируют этот акт как «сепаратный»³². Без согласия коронных сенаторов и ратификации главой государства, в период «бескоролевья» архиепископа Гнезинского, Корона могла не считаться с договором. Сложность положения усугублялась «сепаратным избранием» эрцгерцога Максимилиана. Важно, что литовские политики прекрасно сознавали шаткость своего положения. 15 (25) августа послам было вручено обязательство литовцев добиваться от любого вновь избранного «короля» соблюдения условий договора. 17 (27) августа литовские пань радные провели последний раунд переговоров с русскими послами. Им заявили, что пань радные будут добиваться новой элекции и предложили прислать новое посольство с новыми «элекционными» предложениями. По существу это означало, что судьба договора зависит от шаткой и неопределенной «элекционной ситуации».

В отечественной историографии августовский договор традиционно рассматривается как крупный успех русской дипломатии. Б.Н.Флоря выделяет три главных составляющих договора: 1) предотвращение войны между Русским государством и Речью Посполитой на длительный срок, 2) нейтралитет Речи Посполитой в случае возможного конфликта Москвы с Швецией, 3) отмена ограни-

чения действий против шведских владений в Прибалтике. Флоря в данном случае имеет в виду, что с «договором не была подтверждена “запись” 1582 г., накладывающая на Россию обязательство в течение срока перемирия “не добывать” городов шведской Эстонии»³³. Вместе с тем, Флоря четко указывает, что «с точки зрения права соглашение было незаконным»³⁴.

Как известно, успех русской стороны зависел от дальнейшего развития «элекционной ситуации» в Речи Посполитой. В Москве прекрасно понимали, что соблюдение положений августовского договора зависит от результатов элекции. Ситуация в Речи Посполитой была исключительно сложной. В отличие от событий весны – лета 1576 г. на территории государства находились оба «избранных короля». Возможно было разное развитие событий. Поэтому русская сторона, как и было предусмотрено переговорами с литовскими панями радными под Варшавой, отправила в Великое княжество в октябре 1587 г. посольство во главе с Елизарием Леонтьевичем Ржевским³⁵. Переговоры с политической элитой Великого княжества Литовского в Бресте-Литовском в декабре 1587 г. во многом определили судьбу августовского договора. В историографии посольство прочно связывается с дальнейшим развитием «элекционной ситуации» в Речи Посполитой³⁶.

«Наказная память» посольству предусматривала три варианта развития событий: согласие политической элиты Великого княжества Литовского на продолжение борьбы за элекцию государя Федора Ивановича на польско-литовский престол или на «сепаратную элекцию» в Великом княжестве, победу Максимилиана Габсбурга, победу Сигизмунда Вазы³⁷. Вариант распада Речи Посполитой казался в Москве наиболее предпочтительным. Н.Н.Бантыш-Каменский, рассматривающий документацию посольства, отметил, что в случае если «Литва не склонится к избранию в короли шведского королевича», послам надлежало «уверить», что Государь соглашается быть и на одном Литовском государстве с принадлежащими к оному киевским, подольским, волынским, подляшским и мазовецкими уездами»³⁸. Таким образом, Москва предполагала возвращение отторгнутых по Люблинской унии земель Великого княжества. Од-

²⁷ Его же. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы ... С. 207–208.

²⁸ Русский «противень» опубликован в приложении к «Истории Российской» М.М.Щербатова: Щербатов М.М. Указ. соч. Т.6. Стб.621–625; ЛМ 2009. Р.91–94 (№50); ЛМ 2006. Р.86–88 (№41); польско-литовский «противень»: ЛМ 2009. Р.89–91 (№49); ЛМ 2006. Р.83–86 (№40).

²⁹ Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет: справочник. М.: Междунар. отношения, 1995. Вып.2, кн.1. С.405.

³⁰ Зимин А.А. Указ соч. С.144.

³¹ Похлебкин В.В. Указ. соч. Вып.2, кн.1. С.406.

³² Зимин А.А. Указ соч. С.144; Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос ... С.29.

³³ Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос ... С.29.

³⁴ Его же. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы ... С.209.

³⁵ РГАДА. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.18. Л.350.

³⁶ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. Ч.2. Стб.21–23; Соловьев С.М. Указ. соч. Кн.4. С.218–219; Щербатов М.М. Указ. соч. Т.6. Стб.203–206, 209.

³⁷ РГАДА. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.18. Л.427 об.–455.

³⁸ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. Ч.2. Стб.22.

нако это были пока только планы. Как правильно отметил Флоря, «было признано необходимым еще раз выяснить польско-литовские условия, прежде чем переходить к более решительным акциям»³⁹. В любом случае при водворении любого из претендентов на польско-литовском престоле следовало добиваться его согласия на соблюдение заключенного «сепаратного» перемирия. Поставленные перед посольством цели обстоятельно рассмотрены Флорей. Обращает на себя внимание две из них: добиться согласие на элекцию московского царя; добиться, чтобы в любом случае Варшавский договор оставался в силе.

На переговорах в Бресте-Литовском окончательно выяснилась нереальность планов выдвижения «московской кандидатуры» на польско-литовский престол. Позиция литовской стороны была изложена в письменном «ответе»⁴⁰. Помимо него, посольство доставило датированное 20 декабря 1587 г. послание от панов радных государю Федору Ивановичу⁴¹.

Основным содержанием всех доставленных посольством документов было то, что при невозможности элекции Федора Ивановича паны радные четко заявили, что «они будут выполнять условия русско-литовского договора о перемирии и добьются их признания новым государем»⁴². Мотивация данного решения ведущих политиков Великого княжества определялась твердым намерением не выпускать из своих рук инициативу дипломатических контактов с Москвой вне зависимости от исхода борьбы за престол Речи Посполитой между Сигизмундом Вазой и Максимилианом Габсбургом. Таким образом, посольство смогло выполнить поставленные перед ним задачи лишь частично. Страница политической истории Речи Посполитой уже была перевернута. Начиналась «эпоха Ваз».

Период 1588–1591 гг. ознаменовался русско-польским военно-дипломатическим противостоянием, в ходе которого Русское государство и Речь Посполитая в очередной раз буквально балансировали на грани войны и мира. При этом обе стороны находились в состоянии вооруженного конфликта с третьими сторонами: Речь Посполитая в 1588–1589 г. стояла в шаге от крупноформатного конфликта с австрийскими Габсбургами, а Русское государство вело войну со Шведской короной.

Как известно, русское правительство переоценило шансы «проавстрийской партии» навязать шведскому претенденту затяжную войну. Уже в январе 1588 г. Максимилиан был разбит под Бычи-

ной. Победа Сигизмунда Вазы автоматически означала доминирование группировки Я. Замойского, то есть «была победой тех группировок польских феодалов, которые толкали Речь Посполитую на путь военной экспансии на Востоке»⁴³. При этом победа Сигизмунда Вазы имела существенные геополитические последствия. Русскому правительству пришлось столкнуться с реалиями установления польско-шведской «унии». Правда, данная «уния» изначально таила в себе неразрешимое противоречие – обещание Сигизмунда Вазы передать Речи Посполитой шведские владения в Эстонии противоречило всей балтийской политике Швеции. Реализация этого условия, как отметил Флоря, «означала отказ Шведского королевства от завоеванных им позиций на Балтике и очень затрудняла осуществление шведской “восточной политики”»⁴⁴. Однако в декабре 1588 г. на «коронационном» сейме был достигнут компромисс, по которому решение вопроса было отложено до вступления Сигизмунда на шведский трон. На деле это грозило Москве разрывом перемирия с Речью Посполитой в случае конфликта со Швецией. Как известно, в Стокгольме предполагали до истечения срока русско-шведского перемирия к лету 1589 г. навязать Москве переговоры под силовым давлением, для чего предполагалось провести «военную демонстрацию» сил Швеции и Речи Посполитой. Действительно, летом 1589 г. шведская сторона потребовала немедленного направления на р. Сестру русских великих послов для переговоров о «вечном мире». Русское правительство оказалось перед простым выбором. В конечном итоге дальнейший ход событий привел к русско-шведской войне.

Для Шведской короны огромное значение имела позиция Речи Посполитой. На «пацификационном» сейме 5 марта – 23 апреля 1589 г. сторонники Замойского заявили, что не считают себя связанными «сепаратным» договором с Москвой, заключенным в августе 1587 г. «литовцами». Дело шло к открытому разрыву. Между прочим, «новоизбранный» король, вопреки всем обычаям русско-польско-литовских «ссылок», даже не уведомил Федора Ивановича о вступлении на престол. Характерно, что на сейме Замойский и его сторонники выступали в русле «восточной политики» Батория, аргументировав возобновление войны с Русским государством «союзом» Москвы с Крымом, благодаря которому она попала в «зону влияния Порты». Замойский использовал слухи о «замирении» Москвы и Бахчисарая, отразившие действительно имевшее место в это время временное улучшение русско-крымских отношений. Живой иллюстрацией этого

³⁹ Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы ... С. 214.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 573 об.–576 об.

⁴¹ LM 2009. P. 98–100 (№ 54); LM 2006. P. 93–95 (№ 45).

⁴² Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы ... С. 215.

⁴³ Там же. С. 216.

⁴⁴ Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос ... С. 32.

явился летний набег крымцев на Речь Посполитую 1589 г. На самом деле крымское нападение было совершено главным образом по приказу Порты и отражало серьезное ухудшение польско-литовско-турецких отношений, причем Замойский прекрасно это понимал⁴⁵.

В сентябре – октябре 1589 г. в Ревеле состоялось свидание Сигизмунда Вазы с отцом – королем Юханом III. Оно сопровождалось переговорами шведских и польских дипломатов⁴⁶. Король Сигизмунд III планировал сосредоточить в прибалтийских владениях Речи Посполитой армию и сразу после свидания с отцом настоять на предъявлении Русскому государству совместного ультиматума. Идея Юхана III заключалась в организации Швецией и Речью Посполитой «мирного конгресса» с участием государя Федора Ивановича.

Планировалось потребовать присоединение к Швеции Новгорода и Пскова, Речь Посполитая должна была получить Смоленск. Сигизмунд III полагал, что ему удастся убедить сейм, что возможно решить все проблемы территориальных претензий Речи Посполитой к восточному соседу. Однако королевские планы были сорваны. Канцлер Замойский, в принципе выступивший в поддержку королевских планов, считал, что главным условием немедленного вступления Речи Посполитой в войну должна была явиться немедленная передача ей «шведской Эстонии». Политическая элита Великого княжества Литовского во главе с Сапегой со своей стороны выступила против войны. В конечном итоге свидание короля с отцом не принесло результатов. Как отметил Г.В.Форстен, «Иоанн сознавал, что с Польшей у его подданных нет общих интересов кроме войны с Россией»⁴⁷. Вопрос о возможности войны с Русским государством был отложен до созыва нового сейма. В этих условиях русское правительство сочло, что может пойти на открытый военный конфликт со Швецией.

Начавшийся в январе 1590 г. русско-шведский конфликт уже к февралю был завершен. 25 февраля в лагере близ Нарвы у Ивангорода было заключено так называемое «Русско-шведское полевое перемирие 1590 г.» (определение Похлебкина)⁴⁸.

Переговоры 1590 г. шли в период открытых военных действий под стенами осажденного русски-

ми Ивангорода. Как известно, неудачный штурм 19 февраля подал надежду шведам добиться мира ценой только уступки Ивангорода. 20 февраля гарнизон Нарвы запросил переговоры. Первоначально русская сторона соглашалась на заключение перемирия только при условии уступки Ивангорода, Нарвы, Копорья и Карел. 22 февраля шведы согласились уступить кроме Ивангорода Копорье, но категорически отказались от уступки Нарвы. Б.Ф.Годунов в непростой обстановке санкционировал заключение перемирия на год. Ям, Копорье и Ивангород возвращались русскому государству, но Нарва и Карела остались у шведов. В отечественной историографии традиционно ставился вопрос о целесообразности «безуспешных переговоров» со шведами, например М.М.Щербатов оценивал их крайне негативно⁴⁹. Следует, однако, учитывать, что решение принималось под влиянием внешнеполитических обстоятельств. Как указывал Б.Н.Флоря, «внешняя политика Речи Посполитой к началу 1590 г. снова приобрела угрожающий характер по отношению к России»⁵⁰.

Варшавский сейм (8 марта – 21 апреля 1590 г.) ознаменовался серьезным конфликтом между различными магнатскими группировками по вопросу войны с Русским государством. Ход этого конфликта обстоятельно рассмотрен Флорей⁵¹. Программа войны с Москвой, отстаиваемая Замойским, была провалена. 24 марта король объявил в рассылаемых по поветам Речи Посполитой универсалах об отправлении посольства к «Московскому». Но только 25 апреля 1590 г. был подписан «наказ» послам – подляшскому воеводе С.Радзимирскому, подканцлеру литовскому Г.Войне и писарю литовскому М.Войне. Верительный лист послам король подписал в Варшаве только 20 мая 1590 г. Отправление посольства вовсе не означало «миролюбие» Сигизмунда III. Инструкции посольства предусматривали весьма жесткие требования увязывания продления перемирия с Речью Посполитой и интересов Шведской короны⁵².

Переговоры польско-литовского посольства в Москве в октябре 1590 – январе 1591 г. являются одной из самых важных и драматичных страниц в истории русской дипломатии XVI столетия. По продолжительности – более трех месяцев – они не имели себе равных в истории двусторонних переговоров⁵³. Между тем, кроме описания их в дорево-

⁴⁵ Поздней осенью 1589 г. Замойский как один из вариантов развязывания войны с Москвой предлагал королю организовать вторжение в южные области Русского государства под предлогом похода против крымцев.

⁴⁶ В отечественной историографии встречаются определения этого события как «Ревельское свидание», см.: Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). СПб.: тип. В.С.Балашова и Ко, 1893. Т.1: Борьба из-за Ливонии. С.11–12; «Таллиннский съезд», см.: Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос ... С.37.

⁴⁷ Форстен Г.В. Указ. соч. Т.1. С. 11.

⁴⁸ Похлебкин В.В. Указ. соч. Вып. 2, кн. 1. С. 177.

⁴⁹ Щербатов М.М. Указ. соч. Т.6. Стб. 314.

⁵⁰ Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос ... С.38.

⁵¹ Его же. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы ... С. 224–238.

⁵² LM 2006. P.107–111 (№54); LM 2009. P.111–115 (№63).

⁵³ Первая аудиенция у государя состоялась 13 октября 1590 г.: РГАДА. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.20. Л.265; отпускная ауди-

люционной историографии и раздела в труде Флоры, в современной отечественной историографии они практически не рассматривались⁵⁴.

Переговоры вела с 15 октября «ответная комиссия» в составе С. В. Годунова, Б. Ю. Сабурова, А. Я. Щелкалова, В. Я. Щелкалова и дьяка Е. Выгузина⁵⁵. Ход переговоров полностью контролировался Б. Ф. Годуновым, получавшим регулярные доклады от А. Я. Щелкалова. В отечественной историографии существуют различные оценки политической линии Годунова на переговорах, что связано с разразившимся вскоре «углическим делом». М. М. Щербатов оценивает его действия негативно, указывая на «честолюбие» и не совсем понятные «темные замыслы»⁵⁶. В этой связи Щербатов не очень внятно указывает на состоявшееся 1 января 1591 г. расширенное заседание Думы во главе с государем по обсуждению хода переговоров. К сожалению, источники не позволяют доподлинно выяснить ход обсуждения, но ясно, что переговоры с польско-литовским посольством были важнейшей задачей русского правительства.

В начале переговоров русская сторона предложила проект «вечного мира» и союза против «бесермен» при условии отказа Речи Посполитой от поддержки Швеции. Декларировалось главное условие заключения мира – признание прав России на Нарву⁵⁷.

Эти предложения польско-литовская сторона отвергла в письменном «ответе» 19 (29) октября, потребовав территориальных гарантий шведских владений в Прибалтике⁵⁸. В противном случае польско-литовская сторона отказывалась продлить перемирие.

Стало ясно, что правовое закрепление существующих границ Речи Посполитой с Русским государством возможно только при условии признания шведских интересов в Прибалтике. В конечном итоге русская сторона отстояла позиции по титулатуре (отказ внести в русский «противень» титулы Сигизмунда как наследника шведского престола) и добилась компромисса – вернуться к вопросу о Нарве на переговорах при ратификации договора русским посольством.

Решено было пока разработать особые протоколы «записи», декларирующие отказ русской стороны – 23 января 1591 г.: Там же. Л. 585.

⁵⁴ Бантыш-Каменский Н. Н. Указ. соч. Ч. 2. Стб. 26–28. Щербатов М. М. Указ. соч. Т. 6. Стб. 326–327; Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос ... С. 41–44.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 281.

⁵⁶ Щербатов М. М. Указ. соч. Т. 6. Стб. 333–334.

⁵⁷ «Ответ» на «посольские речи», который был дан 15 октября С. В. Годуновым, Б. Ю. Сабуровым и А. Щелкаловым: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 281 об.–310 об.; Ф. 389. Ед. хр. 594. Л. 89 об.–99. Опубликован в составе посольских книг: ЛМ 2006. Р. 111–120 (№ 55).

⁵⁸ РГАДА. Ф. 389. Ед. хр. 594. Л. 99–103. Опубликован в составе посольских книг: ЛМ 2006. Р. 120–124 (№ 56).

роны от возобновления войны против Швеции, по крайней мере, до ратификации договора. В конечном итоге шестой договор Русского государства с Речью Посполитой о продлении Ям-Запольского мира был заключен в Москва 9 (19) января 1591 г. и утвержден крестоцелованием Федора Ивановича 10 (20) января 1591 г.⁵⁹.

Срок перемирия был установлен в 12 лет (от «успения» 1590 г. до «успения» 1602 г.). В основном договор воспроизводил текст 1587 г., но к нему имелись «специальные акты». В тот же день, 9 (19) января 1591 г., обе стороны утвердили две «записи» к договору. В русской посольской документации они датируются 10 января⁶⁰.

Первая из них касалась вопроса о «ненападении» ни с польской, ни с русской сторон на спорные лифляндские, новгородские и псковские города, за исключением Нарвы с уездом, Иван-города, Яма (Ямбурга), Копорья», которые относились к шведской, а не к польской «сфере интересов»⁶¹. Таким образом, этот специальный акт распространял действие договора на города шведской Эстонии. Флоря справедливо отметил, что «при этом польско-литовская сторона не давала никаких гарантий, что эти города не будут использоваться шведским правительством для нападения на русские земли»⁶². Второй протокол («запись») определял взаимный отказ от военных действий между Россией и Швецией сроком на год.

Вопрос о том, в какой степени составление протоколов было оправданным, до сих пор остается дискуссионным. Щербатов, вообще негативно оценивавший действия русской дипломатии во время

⁵⁹ Русский «противень»: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 516 об.–531. Документ был опубликован в приложении к «Истории Российской» М. М. Щербатова: Щербатов М. М. Указ. соч. Т. 6. Стб. 673–681. В посольских книгах Литовской Метрики имеется русский «противень»: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 114–115 об.; Ед. хр. 594. Л. 117–123; опубликован: ЛМ 2009. Р. 116–121 (№ 64); ЛМ 2006. Р. 135–141 (№ 59). Польско-литовский «противень»: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 593. Л. 116–122; Ед. хр. 594. Л. 123–131 об.; опубликован: ЛМ 2009. Р. 121–126 (№ 65); ЛМ 2006. Р. 141–147 (№ 60).

⁶⁰ Первая запись – русский «противень»: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 543–548; опубликован в приложении к «Истории Российской» М. М. Щербатова: Щербатов М. М. Указ. соч. Т. 6. Стб. 648–651; Стб. 681–684 (№ 22) (с датировкой 1 (10) января); в составе посольских книг Литовской Метрики: ЛМ 2009. Р. 128–130 (№ 67); ЛМ 2006. Р. 149–151 (№ 62); польско-литовский «противень» опубликован в составе посольских книг: ЛМ 2009. Р. 133–135 (№ 69); ЛМ 2006. Р. 151–154 (№ 63). Вторая запись – русский «противень»: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 554–559; опубликован в приложении к «Истории Российской» М. М. Щербатова: Щербатов М. М. Указ. соч. Т. 6. Стб. 652–655 (№ 18); в составе посольских книг: ЛМ 2009. Р. 126–168 (№ 66); ЛМ 2006. Р. 147–149 (№ 61); польско-литовский «противень» также опубликован в составе посольских книг: ЛМ 2009. Р. 130–133 (№ 68); ЛМ 2006. Р. 154–156 (№ 63).

⁶¹ Похлебкин В. В. Указ. соч. Вып. 2, кн. 1. С. 406.

⁶² Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос ... С. 43.

переговоров, указывал, что «польские послы испросили у царя Федора Ивановича удержания на год оружия противу Шведского короля, не имея никакой на то доверенности от сего государя и только угождая своему королю», фактически «обманули» московских дипломатов⁶³.

«Записи» вводились в действие так называемым «известительным письмом» польских послов шведским наместникам⁶⁴. Русская сторона во исполнение обязательств 17 января направила в Новгород указную грамоту об отмене намеченного похода против шведов⁶⁵. Через десять дней стало известно о нападении шведов «на Ямские и Копорские места». Вслед польским послам с требованием объяснений спешно направили гонца А. Иванова, который нагнал их в Вязьме. Послы ответили, что донесут информацию до короля. Данный эпизод дал Щербатову основание лишний раз усомниться в целесообразности составления «записей» по вопросу о шведских интересах в Прибалтике⁶⁶.

«Записи» к январскому договору имели решающее значение – они ставили сохранение мира между Русским государством и Речью Посполитой в зависимость от русско-шведских отношений. Однако именно здесь и лежало главное противоречие во внешнеполитической линии Речи Посполитой в балтийском вопросе. В первой «записи» речь шла о защите так называемой «Шведской Эстонии», то есть шведских владений в Прибалтике, которые по обязательствам Сигизмунда Вазы при своей элекции польским королем должны быть переданы им Речи Посполитой после наследования шведского престола. Ивангород, Ям и Копорье были фактически признаны русскими владениями. Вторая «запись» носила «декларационный характер» и обозначала намерение Речи Посполитой «учитывать интересы» отца царствующего в ней короля. Флоря точно охарактеризовал эти действия послов на переговорах как «отношение влиятельных фракций господствующего класса Речи Посполитой к прошведской политике Сигизмунда III»⁶⁷. В целом в отечественной историографии январский договор рассматривается как вынужденный шаг. Флоря в своей работе считает его «неудачей», так как «дополнительные протоколы» «закрывали для русских войск дорогу на территорию швед-

ской Эстонии в течение всего срока перемирия»⁶⁸. Однако в данном случае у русского правительства не было альтернативы. Следует учитывать, что к осени 1590 г. после срыва посольского размена под Ливнами стало ясно, что речь идет о неизбежном обострении отношений с Крымом.

В течение всего 1589 г. между Москвой и Бахчисараем шел интенсивный дипломатический зондаж условий мирного «докончания». В конечном итоге достигнуть соглашения не удалось. Предложенное крымской стороной соглашение, главным условием которого было незамедлительное возвращение Мурад-Гирея в Крым с последующей организации совместного похода на Речь Посполитую летом – осенью 1589 г., не могло устроить русское правительство, поскольку это означало одновременную войну с Речью Посполитой и Швецией, а терять такую фигуру, как претендент на крымский престол, не представлялось разумным. Кроме того, скоро обнаружилась тенденция к «двойной игре» со стороны Бахчисарая – стало известно о возобновившихся крымско-шведских контактах. Через личного эмиссара хана Годунов получил «предупреждения» о просьбе «короля Ягана» к Гази-Гирею II произвести нападение на московские «украины». Стало ясно, что русско-крымская конфронтация неизбежна. По инициативе Годунова весной 1591 г. предпринимались меры по организации обороны от крымцев на южных рубежах. Сложность ситуации заключалась в возможном заключении соглашения между Крымом и Швецией⁶⁹. Неясно было, как сложатся отношения Речи Посполитой с Крымом и Швецией. Под вопросом оставалась ратификация московского договора польско-литовской стороной.

Как и следовало ожидать, ратификация московского договора Речью Посполитой вылилась в тяжелые и изнурительные переговоры, в ходе которых польско-литовская сторона приложила максимум усилий для того, чтобы изменить его условия. Переговорам о ратификации московского договора посвящена отдельная работа Флоры⁷⁰.

Для ратификации договора в Речь Посполитую было отправлено посольство М. Г. Салтыкова – И. П. Тащицева. Приговор об отправлении состоялся 25 февраля 1591 г., но отправлено оно было в апреле⁷¹.

Переговоры с послами шли в Янковицах (Казимирове) с 29 ноября по 6 декабря 1591 г. Задачи посольства были проанализированы Б. Н. Флорей, который обратил внимание на то, что послы должны были действовать, исходя из изменений

⁶³ Щербатов М. М. Указ. соч. Т. 6. Стб. 338.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 567 об. – 570. Опубликовано в приложении к «Истории Российской» М. М. Щербатова: Щербатов М. М. Указ. соч. Т. 6. Стб. 655–656 (№ 19); Стб. 684–686 (№ 23).

⁶⁵ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос ... С. 45.

⁶⁶ Щербатов М. М. Указ. соч. Стб. 338.

⁶⁷ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос ... С. 44.

⁶⁸ Там же. С. 44–45.

⁶⁹ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. С. 41.

⁷⁰ Флоря Б. Н. О текстах русско-польского перемирия 1591 года // Славяне и Россия. М.: Наука, 1972. С. 71–81.

⁷¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 1, 19 об.

во внешнеполитическом положении Речи Посполитой. В случае, если возникнет конфликт между Речью Посполитой и Турцией, следовало ужесточить позицию о Нарве. В случае, если будут достигнуты новые союзные соглашения между Речью Посполитой и Швецией, направленные против Москвы, следовало идти на принципиальные уступки – декларировать готовность к заключению «вечного мира» со Швецией.

Для хода переговоров решающее значение имел разгром крымской орды Гази-Гирея II под Москвой в июле 1591 г. В принципе этой информацией двор Сигизмунда III уже располагал, однако данный фактор польско-литовская сторона могла формально не принимать во внимание, так как в момент крымского нападения посольство уже находилось «на рубеже». Тем не менее Годунов, прекрасно понимая, какое впечатление произведет получение информации из первых рук, направил в июле в Речь Посполитую «сеунча» – посланника Д. М. Ислентьева.

Хотя доставленный Ислентьевым в Москву лист короля Сигизмунда III Вазы царю Федору Ивановичу⁷² и содержал формальные поздравления, было ясно, что такой исход «крымского дела» не вызвал энтузиазма в Речи Посполитой. Переговоры посольства в очередной раз ознаменовались крайне жестким давлением польско-литовской стороны.

Текст королевской ратификационной грамоты разработали после упорных переговоров 4 (14) декабря 1591 г. и на следующий день утвердили крестоцелованием Сигизмунда Вазы. Однако польско-литовская сторона пошла на хитрость. Ратифицированный польско-литовский «противень» имеется в двух различных списках. Первый – на котором целовали крест польско-литовские послы в Москве. Второй – на котором целовал крест король Сигизмунд III. Этот список, который был доставлен в Москву в составе русской посольской документации, сохранился фрагментарно⁷³. Его отличия от текста, который был привезен из Москвы русскими послами и, вероятнее всего, увезен обратно, Флоря определяет «по трем группам: а) изменения титулатуры, б) изменения по территориальным вопросам, в) изменения в тексте статей, определяющих общий характер взаимоотношений между государствами»⁷⁴.

Вопрос об изменении титулатуры детально рассмотрен Флорей. В плане изменения по территориальным вопросам, прежде всего, имеет значение пресловутый вопрос о Велижском уезде, который в посольских книгах Литовский метрики обозначается однозначно принадлежавшими Речи Посполитой

«волостями Велижскими». Наконец, в тексте документа в перечне ливонских владений Речи Посполитой упоминается Нарва. Флоря высказал вполне обоснованное предположение о том, что данный документ представляет собой польско-литовский вариант ратификационной грамоты, отвергнутый московскими послами в ходе переговоров. Вероятно, он был внесен в посольские книги Литовской метрики уже после окончания переговоров.

В Яновце 15 декабря был заключен так называемый третий протокол к соглашению о продлении перемирия. Текст документа не сохранился. Изложение содержания имеется в «отписках» послов из Минска и в итоговом «статейном списке»⁷⁵. Этот документ явился результатом особо ожесточенных дебатов. Не добившись успеха в Москве, польско-литовская сторона настойчиво добивалась внесения Нарвы в ратифицированную перемирную грамоту как владения Речи Посполитой. В конечном итоге обе стороны приняли обязательство в течение всего срока перемирия, то есть 10 лет, «к Ругодиеву рати и войны не посылати и его не добывати». Итак, по Нарве было найдено компромиссное решение. В отечественной историографии русско-польско-литовские договорные акты в целом оцениваются весьма позитивно. Флоря отмечал, что «немалое значение имел и тот факт, что надежды на ослабление Русского государства после смерти Ивана IV не оправдались. Россия, преодолев внутриполитический кризис, заметно усилила свою международную активность, и это не могло подействовать сдерживающим образом на господствующий класс Речи Посполитой». Флоря также подчеркивает, что договор был ратифицирован «именно в том виде, как он был выработан в Москве, без каких-либо новых уступок Швеции»⁷⁶.

Сохранение мира с Речью Посполитой зависело от того, каким образом будет урегулирован русско-шведский конфликт. Уже в 1592 г. в ситуации произошли серьезные изменения. После кончины короля Юхана III в Швецию для коронации должен был прибыть Сигизмунд Ваза. Его прибытие задерживалось напряженной внутриполитической ситуацией в Речи Посполитой. Варшавский сейм (4 октября – 25 ноября 1592 г.) в очередной раз вылился в конфликт короля с различными магнатскими кругами и шляхетскими группировками, недовольными тайными переговорами короля с Габсбургами о вступлении в антиосманский союз, что было чревато конфликтом Речи Посполитой с Портой, и недостаточными гарантиями уступки «шведской Эстонии». Поездка короля откладывалась. Сигизмунд хотел бы совместить ее с предоставлением войск Шве-

⁷² Там же. Л. 268–269 об.

⁷³ Там же. Ед. хр. 20. Л. 47.

⁷⁴ Флоря Б. Н. О текстах русско-польского перемирия ... С. 73.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 325, 470 об.–471.

⁷⁶ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос ... С. 46–47.

ции, но это было отвергнуто сеймом. В этих условиях регент герцог Карл Зюгерманландский пошел на переговоры с Москвой. Между прочим, сам герцог оставался противником заключения любого договора, не гарантировавшего возвращение Ивангорода, но вынужден был считаться с обстоятельствами⁷⁷. В конечном итоге в январе 1593 г. в Ивангороде было заключено «Второе русско-шведское полевое перемирие» (по определению Похлебкина) в войне 1590–1593 гг.⁷⁸. Перемирие заключалось на два года. Предусматривалось, что за это время обе стороны проведут переговоры для заключения окончательного мира. «Временная передышка» (по определению Флоря) в борьбе за Прибалтику позволило русскому правительству сосредоточиться на решении других внешнеполитических задач.

Русско-шведские переговоры начались в ноябре 1594 г. в с. Тявзине близ Нарвы и продолжались с перерывами до мая 1595 г. В истории русско-шведских отношений XVI столетия это были самые длительные и тяжелые переговоры⁷⁹.

Первая редакция договора, внесенная 17 января, в течение длительного времени оспаривалась русской стороной. Как известно, угроза разрыва перемирия с Речью Посполитой в случае срыва мирных переговоров в Тявзине, выявившаяся в ходе миссии к королю Сигизмунду П. Пивова, вынудила русскую сторону пойти на компромисс. 20 февраля русская сторона представила проект мирного договора. Самое главное значение имела статья о взаимном нейтралитете двух сторон в случае конфликта с третьей стороной, под которой понималась Речь Посполитая. Как констатировал Флоря, «суть русского предложения заключалась в том, что в обмен за шведский нейтралитет оно было готово подписать мир на выгодных для шведской стороны условиях»⁸⁰. Форстен отмечал, что заключение мира прежде всего было выгодно Швеции, так как «внутри ее готовилось революционное движение против короля-паписта»⁸¹. Действительно, внутриполитическая обстановка диктовала «антисигизмундовским силам», группировавшимся вокруг герцога Карла, необходимость скорейшего мира. Вопрос о том, могло ли русское правительство предписывать более жесткую позицию своим дипломатам во время переговоров, остается открытым.

Е. И. Кобзарева считала, что Россия «переоценила прочность унии Швеции и Речи Посполитой», что привело к недостаточно выгодному условию мира, так как «практически сохранился

балтийский барьер, возведенный Швецией против России»⁸². Однако польско-шведский конфликт начался только в 1600 г. К 1595 г. обстановка не исключала польско-шведского сотрудничества⁸³. Вместе с тем Тявзитский мир имел долговременные геополитические последствия, которые оставались еще не совсем ясны в момент его заключения. Он не только дал надежную гарантию отказа Польши от планов вовлечения России в конфликт со Швецией как условия сохранения мира с Речью Посполитой, разрабатывавшихся королем Сигизмундом в период распада польско-шведской унии, но и создал предпосылки для русско-шведского сближения в конце 90-х гг. С обострением конфликта между Сигизмундом Вазой и герцогом Карлом Зюгерманландским обе стороны стремились заручиться поддержкой Москвы. Герцог Карл в июле 1598 г. в своем послании Борису Годунову формально с поздравлениями по поводу его вступления на престол дал твердую гарантию соблюдения шведской стороной Тявзитского мира.

Необходимо подчеркнуть, что русское правительство не исключало возможности как пересмотра, так и разрыва Тявзитского мира. Вариант пересмотра рассматривался в плане установления союзных отношений со Швецией, направленных против Речи Посполитой. В плане «посольского обычая» основанием для пересмотра являлась детронизация короля Сигизмунда Вазы. В 1597–1598 гг. ход конфликта между Речью Посполитой и Швецией давал надежду на союз России со Швецией. В силу непримиримости интересов двух сторон в балтийском вопросе эти надежды не оправдались. К 1599 г. выявилась бесперспективность пересмотра Тявзитского мира. Тогда «русские политики снова обратились к идее антишведского политического союза с Речью Посполитой»⁸⁴.

В конце 80-х – начале 90-х гг., как никогда ранее с Ям-Запольского мира, была велика вероятность возобновления войны между Речью Посполитой и Русским государством. Однако русской дипломатии удалось избежать разрыва с Речью Посполитой в условиях военного конфликта со Швецией и очередного кризиса в русско-крымских отношениях. В итоге к середине 90-х гг. Москва имела долгосрочные договоры о продлении перемирия с двумя основными противниками. Как известно, договор 1591 г. о перемирии с Речью Посполитой был успешно продлен сроком на 20 лет в марте 1601 г.

⁷⁷ Форстен Г. В. Указ. соч. Т. 1. С. 52.

⁷⁸ Похлебкин В. В. Указ. соч. Вып. 2, кн. 1. С. 178.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос ... С. 61.

⁸¹ Форстен Г. В. Указ. соч. Т. 1. С. 53.

⁸² Кобзарева Е. И. Смута. Иностранные интервенции и их последствия (конец XVI – первая половина XVII в.) // История внешней политики России. Конец XV – XVII век (от свержения ордынского ига до Северной войны). М.: Междунар. отношения, 1999. С. 197.

⁸³ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос ... С. 61.

⁸⁴ Там же. С. 208.

Для обеспечения геополитических интересов России дипломатическим путем правительство Федора Ивановича во главе с Годуновым сделало за десятилетие 1586–1595 гг. максимум возможного, заложив основы длительного «мирного сосу-

ществования» с опасными соседями. Крах системы межгосударственных договоров, созданной русской дипломатией, произошел в значительной степени под влиянием факторов внутривосточного характера, приведших к Смутному времени.

A. V. Vinogradov

**Russian-Polish-Lithuanian Diplomatic Opposition
in the Context of Military Conflicts in Eastern Europe and Baltic Region
(End of the 1580s – Beginning of the 1590s)**

Key words: Polish-Lithuanian Commonwealth, Russian state, Yam-Zapolsky Treaty.

Abstract: The article analyzes the relations between the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Russian State at the end of the 1580s – the beginning of the 1590s. The author managed to show that ob-

serving the Yam-Zapolsky Treaty depended not only on the outcome of diplomatic negotiations but also on external factors, such as the course of the Russian-Swedish war, the results of the conflict between the Polish-Lithuanian Commonwealth and Austrian Habsburgs, as well as military activities of the Crimean Khanate.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ

<i>Л. А. Беляев.</i> Позднее Средневековье и начало Нового времени в России: рождение историко-археологической версии	6
--	---

ЧАСТЬ I. ОСВОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА: ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

<i>М. П. Черная.</i> Сибирский опыт освоения пространств в историко-археологическом контексте	14
<i>А. С. Зуев, П. С. Игнаткин.</i> Параметры социально-политической идентификации коренных народов Сибири в Московском государстве XVII в.: к вопросу о семантике соционима «иноземцы»	24
<i>О. В. Семенов.</i> О роли ямщиков в освоении Сибири (конец XVI – XVII в.)	31
<i>В. Н. Глазьев.</i> Особенности структуры населения и организации управления в Центральном Черноземье России в XVII в.	38

ЧАСТЬ II. ЭКОНОМИКА РОССИИ И АРХЕОЛОГИЯ ХОЗЯЙСТВА

<i>В. А. Аракчеев.</i> Иммунитетная политика в первые годы правления Бориса Годунова	48
<i>Е. В. Салмина, С. А. Салмин, Р. Г. Подгорная.</i> Археологическое исследование Нового Торга Пскова	51
<i>И. И. Елкина.</i> Текстиль в Московском государстве XVI–XVII вв. по археологическим данным	63
<i>Д. О. Осипов.</i> Процесс европеизации русского кожевенно-сапожного ремесла	79
<i>О. Н. Глазунова.</i> История в ремесленной традиции: керамическое производство Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря во второй половине XVII в.	85
<i>А. Ю. Кабанов.</i> Слободы и их судьбы в XVII в. (на примере Суздальского уезда)	91
<i>И. Н. Юркин, А. Н. Наумов.</i> Использование картографического материала XVIII–XX вв. при полевых исследованиях гидротехнических сооружений Петровской эпохи (на материале Ивановского канала)	95
<i>И. Н. Кузина, А. В. Окулов.</i> Аметисты XVI в. с Романова двора (Москва)	106
<i>Д. Г. Давиденко.</i> Отливка и установка большого Успенского колокола в Московском кремле в 1650-е – 1670-е гг.	123

ЧАСТЬ III. МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

<i>С. В. Алпатов, С. М. Шамин.</i> Феномен игры в культуре допетровской Руси: от языческого обряда к театральному представлению	138
<i>Л. А. Трахтенберг.</i> Русская юмористика XVII–XVIII вв. и жанры деловой письменности	149
<i>С. В. Алпатов.</i> Бытовой юмор в русско-немецком разговорнике Тённиса Фенне 1607 г.	153
<i>О. В. Новохатко.</i> Архив стольника А. И. Безобразова: документ и памятник	157
<i>М. В. Моисеев.</i> Посольские дары-«поминки» в контексте взаимоотношений России с постордынскими государствами: проблемы изучения	163
<i>С. И. Баранова.</i> Русский изразец XVII в. как исторический источник	172
<i>А. В. Топычканов.</i> Политическое пространство царских резиденций второй половины XVII в.: материальное измерение	183

ЧАСТЬ IV. РУССКИЙ ГОРОД: ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>А. П. Зыков, В. В. Трепавлов.</i> Городище Искер – г. Сибир: памятник археологии и истории второй половины XIV – XVI в.	190
<i>Б. Е. Янишевский.</i> Борисов городок: археологические материалы	198
<i>О. Н. Глазунова, И. И. Елкина.</i> Свияжск в XVII в.: страницы археологии	207
<i>А. В. Энговатова, М. Б. Медникова, М. В. Добровольская, Т. Ю. Шведчикова, И. К. Решетова.</i> Антропологический источник в изучении качества жизни населения Ярославля XVII в.	221
<i>А. В. Яганов.</i> Исследования строительной площадки Успенского собора 1660–1663 гг. в Ярославле	228
<i>Н. М. Рогожин.</i> Эволюция приказной системы управления в XVII в.	237

ЧАСТЬ V. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ВОЙНЫ

<i>А. В. Виноградов.</i> Русско-польско-литовское дипломатическое противостояние в контексте вооруженных конфликтов в Восточной Европе и Прибалтике (конец 80-х – начало 90-х гг. XVI в.)	248
<i>А. Н. Лобин.</i> Состояние русской артиллерии накануне Смуты (1584–1603 гг.)	260
<i>А. В. Беляков.</i> Личные вещи Чингисидов в России XVI–XVII вв.	266
<i>Д. В. Лисейцев.</i> Вещи Смуты: предметы личного обихода деятелей Смутного времени в казне царя Михаила Федоровича	271
<i>С. З. Чернов, И. В. Волков.</i> Археологические маркеры Смутного времени: комплекс керамики с кладом из Лешково-6 и датировка запустения малодворных деревень Радонежского края	279
<i>Ю. М. Эскин.</i> Три печати Пожарского: сфрагистический этюд	324
<i>И. О. Тюменцев.</i> Казаки на избирательном Земском соборе 1613 г.	332
<i>О. В. Скобелкин.</i> Натуральная составляющая «выходного» жалования служилых «немцев» в Московском государстве в 10-х гг. XVII в.	339
<i>А. А. Селин, Ю. Б. Фомина.</i> После Столбова: трассирование границы в Ижорской земле в 1617–1618 гг.	348
<i>Н. А. Тропин, А. А. Иншаков.</i> Городские укрепления Ельца конца XVI – XVII в. (северный участок города по результатам работ 2013 г.)	357
<i>О. В. Кардаш.</i> «100-летняя война» Пустозерска и Большой Карачеи XVII–XVIII вв. (по результатам комплексных исследований Пустозерского и Надымского городищ)	366
<i>П. А. Аваков, И. Р. Гусач, А. В. Дедюлькин.</i> На границе империй: османские и российские укрепления Северо-Восточного Приазовья по данным археологии	379

ЧАСТЬ VI. РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ В ОСВЕЩЕНИИ ПИСЬМЕННЫХ И МАТЕРИАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

<i>Л. А. Беляев.</i> Археология Нового Иерусалима и францисканская идея в Центральной Европе XVII в.	400
<i>М. А. Капитонова.</i> «Эскиз» Нового Иерусалима: археология о первоначальной планировке Воскресенского монастыря (1656–1666 гг.)	418
<i>И. Н. Ершов.</i> «Кедронский поток» и «остров» Богоявленской пустыни в Новом Иерусалиме: легенды и археологическая реальность	428
<i>Е. В. Белякова.</i> Известие о начале патриаршества в России – неиспользованный источник по истории эпохи патриарха Филарета	444
<i>А. В. Сиренов.</i> Описание древнекняжеского некрополя и канонизационная политика в России XVII в.	454
<i>Н. В. Башнин.</i> Вологодские степенные и нестепенные монастыри в XVI–XVII вв.	460
<i>В. А. Буров.</i> Историко-археологическое исследование Соловецкого монастыря	477
<i>И. Н. Шамина.</i> Что хранилось в монастырской кладовой: предметный мир русского монастыря рубежа XVII–XVIII вв.	487
<i>А. Н. Старицын.</i> Механизм взаимодействия духовных и светских властей в деле внедрения церковной реформы в 80-х – начале 90-х гг. XVII в.	494
<i>А. И. Раздорский.</i> Черное и белое духовенство в таможенных и кабацких книгах городов юга и запада Европейской России XVII в.	501
<i>А. Г. Авдеев.</i> Случаи «исправления» надписей в монастырской эпиграфике XVII в.	504

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	512
----------------------------------	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	514
--------------------------------	-----

Contents

FOREWORD

<i>L. A. Belyaev. History of the Late Medieval and Early Modern Times in Russia: the Emergence of Archaeological Version</i>	<i>6</i>
--	----------

PART I. MASTERING OF THE SPACE: TERRITORY AND POPULATION

<i>M. P. Chernaya. Development of Territories: Siberian Experience in the Context of History and Archaeology</i>	<i>14</i>
<i>A. S. Zuev, P. S. Ignatkin. Social and Political Identification of the Siberian Native Tribes in the 17th-century Muscovy: Semantics of the Socionym “Outlanders”</i>	<i>24</i>
<i>O. V. Semyonov. On the Role of Yamschiks in the Development of Siberia (Late 16th – 17th cc.)</i>	<i>31</i>
<i>V. N. Glazjev. Peculiarities of the Population Structure and Governance in the Russian Central Black Earth Belt in the 17th Century</i>	<i>38</i>

PART II. ARCHAEOLOGY OF THE RUSSIAN ECONOMY

<i>V. A. Arakcheev. Immunity Policy in the First Years of Boris Godunov’s Reign</i>	<i>48</i>
<i>E. V. Salmina, S. A. Salmin, R. G. Podgornaya. Archaeological Survey of Novy Torg (New Market) at Pskov</i>	<i>51</i>
<i>I. I. Elkina. Textile in Muscovy of the 16th – 17th cc. According to the Archaeological Data</i>	<i>63</i>
<i>D. O. Osipov. Europeanization of the Russian Leather and Shoemaking Crafts</i>	<i>79</i>
<i>O. N. Glazunova. History of Craft Tradition: Ceramic Production of the Voskresensky (Resurrection) New Jerusalem Monastery of the Second Half of the 17th Century</i>	<i>85</i>
<i>A. Yu. Kabanov. Slobodas (Trading Quarters) and Their Fate and Fortunes in the 17th Century (Through the Example of Suzdal Uyezd (District))</i>	<i>91</i>
<i>I. N. Yurkin, A. N. Naumov. Cartographical Material of the 18th – 20th Centuries in the Field Researches of the Petrinian Hydrotechnical Constructions as Revealed by the Study of the Ivanovsky Canal</i>	<i>95</i>
<i>I. N. Kuzina, A. V. Okulov. The Amethysts of the 16th Century from Romanov’s Courtyard (Moscow)</i>	<i>106</i>
<i>D. G. Davidenko. Casting and Installation of the Big Uspensky Bell in Moscow Kremlin in the 1650s – 1670s</i>	<i>123</i>

PART III. MATERIAL AND SPIRITUAL CULTURES

<i>S. V. Alpatov, S. M. Shamin. The Game Phenomenon in the Pre-Peter Russian Culture: from Pagan Rituals to a Theatrical Performance</i>	<i>138</i>
<i>L. A. Trakhtenberg. Russian Humoristics of the 17th – 18th Centuries and Genres of Business Writing</i>	<i>149</i>
<i>S. V. Alpatov. Domestic Humor in the Russian-German Phrase Book by Tönnis Fenne, 1607</i>	<i>153</i>
<i>O. V. Novokhatko. Archive of A. I. Bezobrazov, the Stolnik: Document and Monument</i>	<i>157</i>
<i>M. V. Moiseev. Ambassadorial Gifts (Pominki) in the context of Russia’s Relations with the Post Horde-Era States: Problems of Research</i>	<i>163</i>
<i>S. I. Baranova. The 17th Century Russian Ceramic Tiles as a Historical Source</i>	<i>172</i>
<i>A. V. Topychkanov. Political Space of Tsar’s Residences in the 2nd Half of the 17th Century: Material Aspects</i>	<i>183</i>

PART IV. RUSSIAN TOWN: HISTORY AND ARCHAEOLOGY

<i>A. P. Zykov, V. V. Trepavlov. Site of the Ancient Settlement of Isker Town in Siberia: Archaeological and Historical Site of the 2nd Half of the 14th – 16th Centuries</i>	<i>190</i>
<i>B. E. Yanishevsky. Borisov Town (Gorodok): New Archaeological Materials</i>	<i>198</i>
<i>O. N. Glazunova, I. I. Elkina. The 17th-century Sviyazhsk: Pages of Archaeology</i>	<i>207</i>
<i>A. V. Engovatova, M. B. Mednikova, M. V. Dobrovolskaya, T. Yu. Shvedchikova, I. K. Reshetova. The Anthropology Source in the Study of the 17th-century Living Standards of the Yaroslavl Population</i>	<i>221</i>

<i>A. V. Yaganov. Survey of the Construction Site for the Cathedral of the Dormition of the Virgin (1660–1663) in Yaroslavl</i>	228
<i>N. M. Rogozhin. Evolution of the Prikaz Administration System in the 17th Century</i>	237

PART V. THE HISTORY AND ARCHAEOLOGY OF WAR

<i>A. V. Vinogradov. Russian-Polish-Lithuanian Diplomatic Opposition in the Context of Military Conflicts in Eastern Europe and the Baltic Region (End of the 1580s – Beginning of the 1590s)</i>	248
<i>A. N. Lobin. State of the Russian Artillery on the Eve of the Time of Troubles (1584–1603)</i>	260
<i>A. V. Belyakov. Personal Belongings of the Chingisids in Russia in the 16th – 17th Centuries</i>	266
<i>D. V. Liseitsev. Items of the Time of Troubles:</i> <i>Statesmen's Personal Belongings in the Treasury of Tsar Mikhail Fyodorovich</i>	271
<i>S. Z. Chernov, I. V. Volkov. Archeological Markers of the Time of Troubles: the Pottery Complex with Hoard from Leshkovo-6 and Dating of Desolation of Small-Size Villages in Radonezh Region</i>	279
<i>Yu. M. Eskin. Three Seals of Pozharsky: Essay on Sphragistics</i>	324
<i>I. O. Tyumentsev. The Cossacks at the Electoral Zemsky Sobor of 1613</i>	332
<i>O. V. Skobelkin. Non-monetary Component of the “Coming” Payment for Foreign Mercenaries (“Nemtsy”) in the 1610-s Muscovite state</i>	339
<i>A. A. Selin, Yu. B. Fomina. After Stolbovo: Routing the Borders in Izhora Land (Izhorskaya Zemlya) in 1617–1618</i> ...	348
<i>N. A. Tropin, A. A. Inshakov. Fortifications of Yelets of Late 16th – 17th Centuries. The Results of the Excavations (2013) in the Northern Part of the Town</i>	357
<i>O. V. Kardash. “The Hundred Years’ War” of Pustozersk and Bolshaya Karacheya of the 17th – 18th cc. (on the results of Complex Excavations of Pustozersk and Nadym Fortified Settlements)</i>	366
<i>P. A. Avakov, I. R. Gusach, A. V. Dedyulkin. At the Border of two Empires: Ottoman and Russian Fortifications of the North-Eastern Azov Sea Area as Revealed by Archaeology</i>	379

PART VI. RUSSIAN CHURCH IN THE LIGHT OF WRITTEN AND MATERIAL SOURCES

<i>L. A. Belyaev. Archaeology of New Jerusalem and the Franciscan Idea in the 17th-century Central Europe</i>	400
<i>M. A. Kapitonova. The «Draft» of New Jerusalem: Archaeology on the Earliest Planning of the Resurrection Monastery (1656–1666)</i>	418
<i>I. N. Ershov. The “Kidron Stream” and the “Island” of the Theophany Hermitage in New Jerusalem: Legends and Archaeological Realities</i>	428
<i>E. V. Belyakova. Notification on the Establishment of the Patriarchate in Russia: the Unused Source on the History of the Patriarch Philaret’s Epoch</i>	444
<i>A. V. Sirenov. The Ancient Princely Necropolis and the Politics of Canonization in the 17th-century Russia</i>	454
<i>N. V. Bashnin. Vologda High-Rank (“Stepennye”) Monasteries in the 16th – 17th Centuries</i>	460
<i>V. A. Burov. Historical and Archaeological Studies of the Solovetsky Monastery</i>	477
<i>I. N. Shamina. What Was Kept in a Monastic Storeroom: the Material World of the Russian Monastery at the Turn of the 17th – 18th Centuries</i>	487
<i>A. N. Staritsyn. Collaborative Mechanism Between Spiritual and Temporal Authorities Across Implementation of the Church Reform of 1680s – early 1690s</i>	494
<i>A. I. Razdorsky. Black and White Clergy in Both Customs and Pothouse (“Kabak”) Books of the Southern and Western Towns of the 17th-century European Russia</i>	501
<i>A. G. Avdeev. Cases of the “Corrected” Inscriptions in the 17th-century Monastic Epigraphics</i>	504

ABOUT THE AUTHORS	512
--------------------------------	-----

LIST OF ABBREVIATIONS	514
------------------------------------	-----

Научное издание

ОТ СМУТЫ К ИМПЕРИИ

**НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ
В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ
И ИСТОРИИ РОССИИ
XVI–XVIII вв.**

Материалы научной конференции
(Москва, 20–22 ноября 2013 г.)

Подписано в печать. 30.08.2016. Формат 60×90/8
Усл. печ. л. 65. Тираж 500 экз. Заказ № 63149

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ООО НИЦ «Древности Севера»
160004, г. Вологда, ул. Октябрьская, 58, оф. 48
Тел. / факс (8172) 72-79-60. E-mail: drevnostisevera@mail.ru URL: <http://drevnostisevera.ru>

Отпечатано в ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»
г. Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 60, лит. У